

ТРУДЫ
ЧЕТЫРНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА
ВЪ ЧЕРНИГОВѢ
1908.

Томъ II.

Подъ редакціей графини Уваровой.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1911.

ТРУДЫ

1965 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

1908.

Томъ II.

Подъ редакціей графини Уваровой.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1911.

Печатается на основании постановлений Императорского Московского Археолог. Общества.

Председатель Гр. финя Уварова.

19502.

87
БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

В-310

Посвящается

памяти

Князя Николая Дмитриевича

Долгорукова.

Князь Николай Дмитриевич Долгоруковъ.

Фот. П. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
ГМ ИИ-та Краматорской
и музейной работы

Предисловіе.

Второй томъ Трудовъ XIV Археологическаго Съѣзда, созваннаго въ 1908 году въ Черниговѣ, посвящается памяти одного изъ видныхъ дѣятелей послѣднихъ годовъ, Князю Николаю Дмитріевичу Долгорукову, по указанію и ходатайству котораго главнымъ образомъ Съѣздъ и былъ созванъ въ Черниговѣ, отложившемъ празднованіе своего тысячелѣтняго существованія до созыва Съѣзда.

Князь Николай Дмитріевичъ, къ горю своихъ сослуживцевъ и почитателей, не дожиль до Съѣзда, но благодарная память о немъ сохранится въ Черниговской губ. на много, много лѣтъ. Князь по происхожденію и воспитанію принадлежалъ Великороссіи, но, сочетавшись въ 1883 г. бракомъ съ Княжной Марьей Павловной Голицыной, владѣтельницей значительныхъ имѣній въ Малороссіи, онъ перенесъ свою дѣятельность въ Черниговскую губ., поселился въ с. Великой-Топаль, Новозыбковскаго уѣзда, и, избранный сперва мировымъ судьей, а впослѣдствіи постепенно Уѣзднымъ и Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, сдѣлался центромъ всей общественной жизни Черниговской губерніи.

Человѣкъ молодой, полный жизни и любви къ родному краю, отзывчивый ко всему доброму и благородному, Князь очаровывалъ всѣхъ своею простотой и привѣтливостью, вносилъ во всякое дѣло серьезность и сердечность, вызывалъ жизнь и дѣятельность во всемъ, что его окружало, не замыкался въ узкой сферѣ сословныхъ интересовъ, но являлся благороднымъ представителемъ всѣхъ сословій, всѣхъ тѣхъ лицъ и учрежденій, во главѣ которыхъ стоялъ и часть которыхъ, какъ напримѣръ, Женскія Гимназіи въ Новозыбковѣ и Черниговѣ и Дворянскій Пансіонъ-Пріютъ въ Черниговѣ, обязаны ему своимъ основаніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ.

Въ роли Губернскаго Предводителя Дворянства Князь усердно поработалъ и на пользу Земства; онъ твердо вѣрилъ въ его будущность, въ его заслуги на пользу всего Государства, говоря, что для него «не вѣрить въ будущность Земства равносильно отсутствію вѣры въ будущность Россіи»¹⁾.

¹⁾ М. И. Козинцева. Кн. Н. Д. Долгоруковъ. Матеріалы для біографіи.

Много поработалъ Князь и по народному образованію, много удѣлилъ любви и времени народной школѣ, ея учителямъ, курсамъ и създамъ по этому дѣлу...

Скончался Князь 42 лѣтъ отъ роду, отъ сыпного тифа, проболѣвъ всего десять дней и въ бреду, по свидѣтельству очевидцевъ, продолжалъ какъ будто жить общественною дѣятельностью и интересами, повторяя «дворянская богадѣльня... хороши ли классы... капиталъ взаимопомощи... довольно ли помѣстительны комнаты для ученицъ...»

Вдова покойнаго, Княгиня Марья Павловна, узнавъ, что Императорское Московское Археологическое Общество предполагаетъ, издавая Труды Черниговскаго Създа, посвятить томъ описанія древностей Черниговщины памяти Князя, любезно выразила желаніе принять расходы по изданію этого тома на себя, что и дало возможность Обществу издать томъ этотъ съ той массой иллюстрацій и таблицъ, которыя къ нему приложены. Слѣдуя примѣру Княгини Долгорукой, и Графиня Екатерина Николаевна Клейнмихель внесла свою лепту на изданіе въ этомъ же томѣ описанія принадлежащаго ей дворца въ Почепѣ (см. стр. 189—195).

Къ сожалѣнію, и не смотря на тѣ благопріятныя условія и щедрія пожертвованія, которыя были сдѣланы до (Дм. Як. Самоквасовымъ и Гр. Уваровой) и послѣ Създа (Кн—ей Долгоруковой и Гр—ей Клейнмихель) на обслѣдованіе, раскопки, изученіе, снятіе фотографій и рисунковъ съ живописныхъ памятниковъ Украйны, Обществу не удалось охватить всего драгоцѣннаго матеріала и даже издать всего того, что было собрано и сфотографировано для Черниговскаго Създа. Тому виной недостатокъ рабочихъ силъ и неисправность референтовъ, которые за три года не успѣли обработать хотя бы только для второго тома тѣхъ изслѣдованій, которыя необходимы для полной картины происхожденія и развитія нашего южно-русскаго искусства.

Общество, основываясь на послѣднихъ переговорахъ съ авторами, льститъ себя однакожь надеждой получить важнѣйшіе изъ недоставленныхъ пока рефератовъ въ продолженіе наступающей осени, что позволитъ ему заполнить главныя пробѣлы въ описаніи древностей Черниговщины и такимъ образомъ достойнѣе отблагодарить Княгиню Марью Павловну Долгорукову за ея щедрое пожертвованіе на изученіе родной старины.

Графиня Уварова.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА II.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе:	
<i>Бережковъ М. Н.</i> — Къ Исторіи Черниговскаго Спасскаго Собора.	1— 28
<i>Павлуцкій Г. Г.</i> — Кіевскіе храмы домонгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византійскому зодчеству	29— 36
" " " — О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ „Empire“ въ Полтавской губ. съ 6-ю табл.	37— 46
" " " — О происхожденіи формъ Украинскаго деревяннаго церковнаго зодчества съ 4-мя табл.	47— 88
<i>Новицкій А. П.</i> — Черты самобытности въ Украинскомъ зодествѣ.	48— 72
<i>Свящ. А. Ефимовъ.</i> — Елецкія пещеры при монастырѣ того же имени.	73— 80
<i>Миллеръ А. А.</i> — Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ съ цвѣтной табл.	81— 88
<i>Петровъ Н. И.</i> — Румынскіе художественные памятники въ Россіи и возможность вліянія ихъ на русское искусство.	89— 95
<i>Графиня Уварова.</i> — Церковный Отдѣлъ Выставки Черниговскаго Съѣзда съ 22-мя табл.	96—166
<i>Горностаевъ Ѳ. Ѳ.</i> — Строительство Графовъ Разумовскихъ въ Черниговщинѣ:	
" " " — I. Козелецкій Соборъ съ 4-мя табл.	167—179
" " " — II. Трехсвятительская церковь въ Лемешахъ съ 2-мя табл.	180—183
" " " — III. Гетманскій Дворецъ въ Батуринѣ съ 5-ю табл.	183—189
" " " — IV. Дворецъ въ Почепѣ съ 4-мя табл.	189—195
" " " — Ляличи, Дворецъ Графа П. В. Заводовскаго съ 21-й фототип. табл. и 4-мя цвѣтными.	196—212
" " " — Иконостасъ кисти В. Л. Боровиковскаго съ 10-ю табл.	213—218

Къ исторіи черниговскаго Спасскаго собора.

М. Н. Бережковъ.

Соборъ св. Спаса Преображенія въ Черниговѣ, прекрасный въ самой ветхости его, характерный и послѣ всѣхъ утратъ, передѣлокъ и придатковъ къ нему, сдѣланныхъ особенно въ послѣдніе два вѣка, есть важнѣйшій памятникъ мѣстной старины, и древнѣйшій изъ всѣхъ вообще кафедральныхъ храмовъ, сохранившихся отъ временъ кievской Руси: онъ основанъ раньше св. Софіи кievской и св. Софіи новгородской; слишкомъ на вѣкъ онъ старше Успенскаго собора во Владимирѣ. (Разумѣемъ каменные храмы, не деревянные.) Строго научное описаніе первоначальнаго архитектурнаго плана его и послѣдующихъ измѣненій въ устройствѣ его, приведшихъ его въ современный видъ, весьма желательно (1). Не менѣе желателенъ историческій очеркъ собора, въ связи съ общей исторіей Черниговскаго края, церковной и гражданской. Конечно, о немъ написано не мало статей и замѣтокъ; но далеко не всѣ онѣ имѣютъ научную цѣнность; тѣ почтенные описатели собора въ XVIII вѣкѣ и XIX, которые интересовались судьбами его, и по мѣрѣ силъ желали освѣтить его многовѣковую древность, оказываются не свободны отъ разныхъ недоразумѣній и неправильныхъ представленій о немъ: пора бы теперь порѣшить эти недоразумѣнія и устранить невѣрные представленія; было бы желательно при этомъ сколько-нибудь восполнить пробѣлы въ исторіи собора, особенно за то время, когда Черниговъ находился въ составѣ Литовскаго государства, въ XIV и XV вѣкахъ, потомъ въ составѣ Московскаго государства, въ XVI вѣкѣ, и снова подъ чуждой властью, т.-е. Польскою, въ первой половинѣ XVII вѣка.

Въ настоящемъ рефератѣ представляются нѣсколько замѣтокъ и справокъ къ исторіи древняго черниговскаго храма, въ той надеждѣ, что онѣ будутъ не безполезны, какъ матеріалъ, для тѣхъ изслѣдователей, которые бы рѣшились составить систематическій научный очеркъ исторіи Спасскаго собора, съ надлежащей критической осторожностью въ отношеніи первыхъ источниковъ и новыхъ статей, ему посвященныхъ.

I.

О времени основанія Спасскаго собора.

Ни годъ основанія, ни годъ окончанія или освященія Спасской соборной церкви въ Черниговѣ не отмѣчены въ лѣтописяхъ; зато начальная кievская лѣтопись содержитъ значительную отмѣтку о ней, по случаю кончины основателя ея, князя Труды XIV Сѣзда. Т. III.

Мстислава, сына св. Владимира: „въ лѣто 6544 (1036) Мстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре, и положиша ѿ в церкви у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи“, т.-е. стѣны церкви были выведены вверхъ, на сколько можно достать рукой, стоя на конѣ. (Лѣтоп. по Лаврент. сп., стран. 146.) Чтобы вывести стѣны на такую высоту, значить приблизительно сажени на двѣ, на соотвѣтственномъ фундаментѣ въ землѣ, нужно было, вѣроятно, больше, чѣмъ годъ времени, можетъ быть года два; итакъ, закладку церкви можно отнести, опять-таки приблизительно опредѣляя, къ 1034 году. Передъ тѣмъ случилась смерть сына Мстиславова Евстаѣя, отмѣченная въ лѣтописи подъ 1033 годомъ; еще раньше, именно подъ 1031 годомъ, въ лѣтописи говорится о счастливомъ походѣ на ляховъ Ярослава и Мстислава, тогда въ мирѣ между собою жившихъ, о возвращеніи ими отъ ляховъ червенскихъ городовъ или Галиціи (2). Можетъ быть, основаніе каменнаго собора св. Спаса въ Черниговѣ было отчасти вслѣдствіе этихъ событій, знаменательныхъ въ жизни черниговскаго князя; внутри стѣнъ не оконченнаго храма положили и тѣло основателя его. (Онъ же создатель церкви св. Богородицы въ Тмутарокани: Лавр., 143, подъ 1022 годомъ.)

Такъ какъ Ярославъ Владимировичъ кіевскій наслѣдовалъ, или, по выраженію лѣтописи, „переехалъ“ всю волость покойнаго брата, своего храбраго соперника, а потомъ мирнаго себѣ союзника, и сталъ „самовластецъ“, или единовластитель Руси, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, то на него естественно падала обязанность достроить черниговскую церковь надъ гробомъ брата; если же взять во вниманіе, что покойный князь оставилъ извѣстную долю запасовъ, мастеровъ и работниковъ, вообще наладилъ все дѣло постройки, только случайно его смертью прерванное, то можно полагать, что Ярославъ и не особенно затруднялся окончаніемъ постройки, даже при наличности того обстоятельства, что съ 1037 года онъ предпринималъ у себя, въ Кіевѣ, постройку своего Софійскаго собора: вѣдь, въ такомъ большомъ, богатомъ хозяйствѣ, какъ великаго князя, единовластителя Руси, одно дѣло не мѣшало другому, скорѣе даже содѣйствовало одно другому: для хозяина хлопоты были за одно; для мастеровъ опытъ строительства одного храма тотчасъ же служилъ на пользу другому; могли также обмѣниваться матеріалы изъ одного мѣста въ другое и т. п. Далѣе, представляется вѣроятнымъ, что самъ Ярославъ мудрый, а не сынъ его, Святославъ, докончилъ постройку стѣнъ черниговскаго собора: такъ слѣдуетъ думать на томъ основаніи, что Святославъ Ярославичъ, въ первое время строенія собора, былъ еще слишкомъ юнымъ княжичемъ, для того чтобы съ пользой смотрѣть за дѣломъ постройки: въ моментъ кончины дяди Мстислава онъ не имѣлъ еще десяти лѣтъ (3); очевидно, не онъ, а самъ отецъ его долженъ былъ распоряжаться черниговской постройкой; по всей вѣроятности, — повторяемъ — онъ, Ярославъ, и кончилъ ее, притомъ гораздо раньше 1054 года, т.-е. года своей кончины; нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, чтобы окончаніе собственно стѣнъ и всего зданія соборнаго затянулось на продолжительное время: при нормальномъ ходѣ дѣла, для строики стѣнъ и куполовъ начатаго храма достаточно было лѣтъ пяти-

семи (4). Однако и на долю Святослава Ярославича, получившаго себя во владѣніе Черниговъ, ставшаго родоначальникомъ князей Ольговичей, навѣрное достались свои труды по окончательному устройству Спасскаго собора: есть предположеніе, что соборъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ папертями, что внутри онъ былъ расписанъ фресками (5); не даромъ Святославъ почитался храмоздателемъ и ктитормъ собора: окончательная отдѣлка и внутреннее украшеніе собора св. Спаса требовали съ его стороны попеченій и денежныхъ тратъ; это было достойно новаго хозяина Черниговскаго княжества, стольнаго и епархіальнаго города.

Такимъ образомъ три князя должны почитаться строителями Спасскаго храма въ Черниговѣ: Мстиславъ Владимировичъ заложилъ фундаментъ и стѣны его; Ярославъ Владимировичъ докончилъ строенія стѣнъ и всего корпуса собора; Святославъ Ярославичъ завершилъ отдѣлку и украшеніе его.

Было мнѣніе, будто каменный соборъ св. Спаса основанъ еще при св. Владимирѣ. Это мнѣніе, сколько извѣстно, впервые было выражено въ запискѣ черниговскаго духовенства отъ 1783 года, составленной для князя Г. А. Потемкина Таврическаго; въ маѣ названнаго года князь Потемкинъ посѣтилъ Черниговъ, заинтересовался его древнимъ соборомъ, и пожелалъ имѣть планъ и историческую записку о немъ, которыя и были вскорѣ доставлены ему, при письмѣ черниговскаго губернатора, Андрея Степановича Милорадовича (6). Записка гласитъ, что „церковь Всемилюстиваго Спаса, состоящая въ Черниговской крѣпости, заложена въ лѣто отъ мірозданія 6510, отъ Рождества же Христова 1003, св. равноапостольнаго Владимира сыномъ, благовѣрнымъ княземъ тмутараканскимъ и черниговскимъ, Мстиславомъ Володимировичемъ, и при немъ, въ лѣто 1036 умершемъ, сдѣлана выше, неже на кони стоячи рукою досячи (7), племянникомъ же его, наслѣдовавшимъ черниговское княженіе, вскорѣ же и вел. княземъ всероссійскимъ, Святославомъ Ярославичемъ, совершена“ и т. д. Въ примѣчаніи подъ строкой добавляется: „въ соборной черниговской Спасской церкви, на столпѣ, съ правой стороны, греческимъ числомъ высѣчено „ϥι“, которое число, сличивъ преподобнаго Нестора съ лѣтописью, значить лѣто отъ Р. Х. 1003-е“.

Итакъ, на столбѣ, точнѣе на одной изъ мраморныхъ колоннъ правой стороны, передней къ алтарю, усматривали двѣ греческія буквы „ϥι“ и думали читать ихъ, какъ цифровую данную о времени основанія каменнаго храма св. Спаса. Но тогда же возникли сомнѣнія: точно ли это цифровые знаки? точно ли ими хотѣли обозначить дату основанія собора? Шафонскій и послѣдующіе описатели собора—Марковъ, архіепископъ Филаретъ, Н. Маркевичъ и другіе—не согласны съ такимъ толкованіемъ; и они, конечно, правы: нельзя доказать, чтобы двѣ буквы на колоннѣ имѣли значеніе хронологической отмѣтки; онѣ могли имѣть иной, не важный, чисто случайный смыслъ въ отношеніи колонны, а не храма. (Буквы были видны до пожара собора въ 1750 году, послѣ чего онѣ закрылись подъ штукатуркой колонны.) Во всякомъ случаѣ нельзя основывать на непонятныхъ знакахъ выводъ о болѣе ранней древности храма, и вообще какой-либо историческій выводъ. А главное: выводъ былъ бы въ противорѣчій съ прямыми лѣтописными показаніями: Мсти-

славъ Владимировичъ пришелъ изъ Тмуторокани въ Черниговъ только въ 1024 году, и церковь Спаса заложилъ лишь не задолго до своей кончины; это зналъ и авторъ записки, но не обратилъ вниманія на все это, сразу увлекшись своей мыслью, что въ двухъ буквахъ на колоннѣ собора заключенъ важный смыслъ, т.-е. хронологическая дата построения собора, древность котораго такимъ образомъ еще больше увеличивалась... Излишне тонкое соображеніе! На мѣстѣ автора записки, пожалуй, было бы послѣдовательнѣе предположить, что въ греческихъ буквахъ колонны заключается дата объ основаніи деревянной церкви Спаса Преображенія тѣмъ же Мстиславомъ Владимировичемъ, который могъ быть посаженъ своимъ отцомъ въ Черниговѣ, вмѣстѣ съ первымъ епископомъ Неофитомъ, въ первые годы распространения христіанства въ Черниговскомъ краѣ, и что именно эту дату хотѣли отмѣтить въ новомъ каменномъ соборѣ, на память прежняго, деревяннаго храма. Однако и это предположеніе было бы все-таки не доказаннымъ: двѣ греческія буквы, или цифры, остаются загадочными, сомнительными знаками. Впрочемъ теперь никто не будетъ давать имъ значенія; и безъ нихъ можно приблизительно опредѣлить время основанія въ Черниговѣ деревяннаго храма св. Спаса, потомъ каменнаго на его мѣсто; а время послѣдняго опредѣляется, по лѣтописи, почти даже съ точностью (въ 1034—1036 годахъ).

II.

О князьяхъ и другихъ лицахъ, въ соборѣ похороненныхъ.

Княжеское строеніе, Спасскій соборъ, былъ усыпальницей для нѣсколькихъ черниговскихъ князей; по поводу кончины того да другого князя, лѣтописи обычно и говорятъ про Спасскій соборъ. Приведемъ относящіеся сюда мѣста изъ лѣтописей съ нѣкоторыми отъ себя замѣчаніями.

Подъ 1076 годомъ въ начальной кievской лѣтописи значится: „Сего лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ, у святаго Спаса“. (Лѣтоп. по Лаврент. списку, 193; Ипатск. сп. 139). Итакъ, покойнаго великаго князя изъ Кіева перевезли хоронить въ Черниговъ, его отчину, въ Спасскій соборъ, имъ отстроенный и украшенный.

Спустя два года, привезли другого покойника, на сей разъ изъ страны гораздо болѣе отдаленной, изъ Новгородскаго Заволочья: „Въ лѣто 6586 (1078) убиенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии; бѣ же Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ, его же тѣло положено бысть Черниговѣ, за Спасомъ, мѣсяца пуля 23 день“. (Лѣтоп. по Лаврент. сп. 193; Ипат. 140). Такимъ образомъ князя похоронили не въ самой церкви, а поблизости, за Спасомъ; можетъ быть, дорожная гробница была слишкомъ велика и громоздка, и потому нашли удобнѣе предать ее землѣ внѣ храма. А предположеніе о томъ, будто князь Глѣбъ Святославичъ похороненъ въ теремѣ, особой пристройкѣ у собора, ничѣмъ не обосновано и противорѣчитъ прямому показанію начальной лѣтописи (8).

Другой сынъ Святославовъ, знаменитый Олегъ „Гориславичъ“, какъ называется его Слово о полку Игоревѣ, послѣ тревожной своей жизни, упокоился также въ Черниговскомъ соборѣ: „Въ лѣто 6623 (1115) преставися Олегъ Святославичъ, мѣсяца августа въ 1 день, а во второй погребенъ бысть у святаго Спаса, у гроба отца своего Святослава“. (Лѣтоп. по Ипат. сп. 203). Обычное лѣтописное выраженіе „у святаго Спаса“ надо понимать „въ самой церкви Спаса“, или „въ святомъ Спасѣ“, если употребить выраженіе сѣверныхъ лѣтописей, въ подобныхъ случаяхъ.

Новая княжеская гробница въ соборѣ была поставлена въ 1150 году, на сей разъ при особыхъ условіяхъ, на особомъ такъ сказать положеніи; подъ названнымъ годомъ въ южнорусской лѣтописи читается: „Въ то же верема Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря отъ святаго Семена, ис Копырева конца, в Черниговъ, и положиша у святаго Спаса, въ теремѣ“. (Ипат. 283). Рѣчь идетъ объ Игорѣ Ольговичѣ, князь-инокѣ, убитомъ мятежной кievской толпой, въ 1147 году, тѣло котораго сначала было положено въ монастырѣ св. Симеона, въ Копыревѣ концѣ Кіева, а черезъ три года перевезено въ Черниговскій соборъ его братомъ и другомъ, Святославомъ (9). Здѣсь оно было положено въ теремѣ, т.е. подъ особымъ навѣсомъ или сѣнью, или же подъ какой-либо надгробницей, какъ подобало останкамъ князя-мученика: лѣтописецъ хочетъ сказать, что это было не обычное погребеніе, а именно перенесеніе мощей, съ установкой ихъ на видномъ мѣстѣ въ соборѣ Св. Спаса, для общаго чествованія (10). Ниже мы должны будемъ еще разъ возвратиться къ этому важному лѣтописному тексту о теремѣ надъ мощами блаженнаго князя Игоря, до послѣдняго времени приводившему въ недоумѣніе описателей Черниговскаго собора; а теперь продолжимъ обзоръ похороненныхъ въ соборѣ князей.

Въ 1151 году, въ сраженіи на берегахъ рѣчки Рута, въ кievскомъ княжествѣ, былъ убитъ князь Владимиръ Давидовичъ; тѣло его было перевезено оттуда въ Черниговъ, братомъ его Изяславомъ Давидовичемъ, и похоронено у св. Спаса. (Трогательны эти далекія перевозки черниговскихъ князей въ родной городъ, въ свою отчину). Можно было бы ожидать, что его положить въ отцовскомъ храмѣ св. мучениковъ Бориса и Глѣба, гдѣ похороненъ князь Давидъ Святославичъ, въ качествѣ храмоздателя, гдѣ будетъ погребенъ также Изяславъ Давидовичъ; но лѣтописи говорятъ о погребеніи Владимира Давидовича въ Спасскомъ же соборѣ (11).

Въ 1159 году, рядомъ съ гробомъ Игоря Ольговича въ теремѣ, или иначе въ „теремцѣ“, по выраженію другой лѣтописи, положили тѣло Константина, митрополита кievскаго который, будучи лишенъ митрополичьей каѳедры, доживалъ послѣдніе дни въ Черниговѣ; единственный въ тотъ вѣкъ, лѣтописями засвидѣтельствованный случай не княжескаго погребенія въ Спасскомъ соборѣ; какъ видно, это былъ исключительный случай, въ отношеніи лица высокаго сана и праведной жизни, на взглядъ мѣстныхъ жителей, особенно князя Святослава Ольговича, къ нему расположеннаго. Это былъ тотъ митрополитъ, который много удивилъ черниговцевъ своимъ предсмертнымъ необычайнымъ завѣщаніемъ не хоронить себя, а выбросить въ поле, что, къ неменьшему удивленію, буквально исполнилъ черни-

говскій епископъ Антоній (родомъ грекъ, какъ и митрополитъ Константинъ); но князь Святославъ Ольговичъ не вынесъ зрѣлища поверженнаго митрополита, приказалъ поднять съ поля его тѣло, и честно похоронить въ Спасскомъ соборѣ, рядомъ съ блаженнымъ своимъ братомъ (12).

Съ полной вѣроятностью можно полагать, что самъ Святославъ Ольговичъ, умершій въ 1164 году похороненъ также у св. Спаса: онъ навѣрное желалъ похорониться рядомъ съ отцомъ и любимымъ братомъ, Игоремъ Ольговичемъ, за котораго много старался, много потерпѣлъ въ жизни (13).

Послѣднее опредѣленное извѣстіе о похоронахъ у св. Спаса относится къ князю Ярославу Всеволодовичу: „въ лѣто 6706 (1198) преставися черниговскій князь Ярославъ Всеволодичъ; епископъ же, игумени и сыновци его, спрятавшѣ тѣло его честно, и положиша въ церкви святаго Спаса, въ епископѣи“. (Лѣтопись по Ипат. списку 474. „Въ епископѣи того града“, варьируется въ сходныхъ спискахъ.)

Гдѣ былъ погребенъ Игорь Святославичъ, герой Слова о Половецкомъ походѣ, преемникъ, по Ипатскому лѣтописному своду, Ярослава Всеволодича на черниговскомъ столѣ, неизвѣстно (14). А братъ его, Буй-туръ Всеволодъ, погребенъ въ церкви св. Богородицы, въ Черниговѣ (15).

О нѣкоторыхъ князьяхъ, бывшихъ старшими на черниговскомъ столѣ, потомъ перешедшихъ въ Кіевъ на великое княженіе, знаемъ, что они и погребены были въ Кіевѣ: такъ Всеволодъ Ольговичъ, старшій братъ св. Игоря и Святослава, былъ погребенъ въ церкви св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ; сынъ его, Святославъ Всеволодовичъ, похороненъ въ монастырѣ св. Кирилла въ Кіевѣ (16). Такимъ образомъ не всѣ Ольговичи перевозились на погребеніе въ Черниговъ: у нихъ и въ Кіевѣ были свои вотчинныя церкви и монастыри для молитвъ и похоронъ.

Впрочемъ настоящій очеркъ не имѣетъ цѣлью изслѣдовать, какіе князья черниговскіе, въ какихъ церквахъ Чернигова, Кіева и иныхъ мѣстъ, были похоронены; изслѣдовать это на основаніи лѣтописей, да въ связи съ разсмотрѣніемъ черниговскихъ синодиковъ, сохранившихся въ значительномъ количествѣ, было бы особой задачей для любознательнаго изыскателя мѣстной черниговской исторіи (17). Съ своей стороны мы хотѣли только справиться о князьяхъ, похороненныхъ въ Спасскомъ соборѣ: ихъ оказывается, по лѣтописямъ, за XI и XII вѣка, немного, а именно: Мстиславъ Владимировичъ, Святославъ Ярославичъ, Глѣбъ Святославичъ (у собора), Олегъ Святославичъ, Игорь Ольговичъ, Святославъ Ольговичъ (предположительно), Владимиръ Давидовичъ и Ярославъ Всеволодичъ; да еще митрополитъ Константинъ: всего девять лицъ, даже восемь только лицъ,—если выключить князя Глѣба Святославича, похороненнаго не въ самой церкви,—за два почти вѣка. Можетъ быть, въ соборѣ похоронены и другіе князья, въ лѣтописяхъ не отмѣченные; но во всякомъ случаѣ княжеская усыпальница подъ поломъ Спасскаго собора, кажется, не была велика. Это и понятно: едва ли прекрасный Спасскій соборъ, съ его колоннами и хорами, съ его пятью куполами, предназначался собственно для усыпальницы; и тѣ немногіе князья, кои выше перечислены, были положены въ храмъ св. Спаса въ знакъ особаго почтенія и благодарности къ нимъ отъ современниковъ,

какъ храмоздателямъ, благотворителямъ и князьямъ особыхъ, выдающихся качествъ душевныхъ. Гдѣ хоронились княгини и младшіе члены княжескихъ семействъ, не знаемъ; однако не думаемъ, чтобы въ соборѣ (18): частыя погребенія естественно потребовали бы расширенія и углубленія усыпальницы; подпольныя работы могли оказаться не безопасными для соборнаго зданія. Не знаемъ и того, какія другія лица въ позднѣйшее время были положены въ усыпальницѣ, кромѣ, напримѣръ, Евѣиміи Васильевны Полуботковой, могила которой отмѣчена особой записью на столбѣ собора (19).

Можетъ быть на послѣдній вопросъ найдется отвѣтъ въ какихъ-нибудь соборныхъ записяхъ или въ мѣстныхъ архивахъ; надежду на это даетъ недавно найденный въ архивѣ Духовной консисторіи документъ 1785 года о закрытіи погребальнаго склепа въ Спасскомъ соборѣ, бросающій нѣсколько свѣта на его прошлое (20). Въ августѣ названнаго года, соборный протоіерей Іоаннъ Левицкій, объ историческихъ занятіяхъ котораго было упомянуто въ одномъ изъ примѣчаній къ настоящему очерку, вошелъ съ рапортомъ на имя преосвященнаго Оеофила Игнатовича въ томъ смыслѣ, что находящійся для кладбища мертвыхъ тѣлесъ соборный склепъ крайне обветшалъ, и теперь, въ силу указаго запрещенія хоронить въ склепахъ церковныхъ, больше не нуженъ; а такъ какъ онъ издаетъ вредные и опасные пары, то не будетъ ли повелѣно засыпать его землей. Епископъ передалъ рапортъ въ консисторію для разсмотрѣнія и доклада; съ своей стороны консисторія сдѣлала возраженія и оговорки на рапортъ соборнаго протоіерея: показанный склепъ въ древней Преображенской церкви, въ коемъ уповательно издревле были погребаемы знатные люди, и нынѣ для непредвидимыхъ случаевъ можетъ быть не безнуженъ; чтобы изъ него происходили вредные пары, того нельзя ожидать, поелику многіе годы мертвыя тѣла въ немъ уже не погребаются. Но въ заключеніе консисторія не только согласилась съ рапортомъ протоіерея Левицкаго, а пошла еще дальше: мнѣніемъ своимъ она положила засыпать склепъ, а если онъ окажется слишкомъ ветхъ, и будетъ издавать запахъ, то сдѣлать въ устьѣ его кирпичный сводъ и сверху выровнять кирпичомъ (21). Преосвященный Оеофилъ положилъ резолюцію, согласную съ рапортомъ и докладомъ: „прежде землю засыпать, потомъ заклепить“. Итакъ, склепъ былъ закрытъ. Дѣло о немъ интересно по выраженнымъ воззрѣніямъ черниговскаго духовенства: склепъ древній, но въ немъ давно уже перестали хоронить. Опять выходитъ, что нѣтъ основаній представлять подпольный соборный склепъ значительнымъ по количеству лицъ, въ немъ похороненныхъ.

Склепъ былъ задѣланъ, но толки и мнѣнія о немъ долго еще продолжаются въ Черниговѣ, особенно когда, по какимъ-нибудь случаямъ, обнаруживается подполье соборнаго храма. Такъ, вскорѣ по задѣлкѣ склепа, когда въ соборѣ, въ концѣ XVIII вѣка, разбирались древніе хоры, случилось, что одна деревянная балка унала сверху внизъ и пробила отверстіе въ полу и сводѣ склепа: въ отверстіе стали видны гробницы, можетъ быть княжескія: на одной видѣлась парча, на другой—большой мечъ. Объ этомъ сообщалъ письмомъ предсѣдателю Московскаго

Общества исторіи и древностей, Писареву, мѣстный черниговскій любитель старины, поручикъ П. Должиковъ. Онъ же, поручикъ Должиковъ, въ 1825 году представилъ Московскому Обществу „Записку о нѣкоторыхъ достопамятностяхъ черниговскаго Спасопреображенскаго кафедральнаго собора“, и въ ней приводилъ, между прочимъ, такой фактъ, или слухъ (не легко бываетъ разобрать въ провинціальныхъ корреспонденціяхъ случайныхъ археологовъ что точные факты, что слухи и домыслы): „въ 1820 году, при послѣднемъ обновленіи храма, когда хотѣли изъ внутренности онаго пробить въ стѣнѣ, съ лѣвой стороны, ходъ на хоры, то при всѣхъ усиліяхъ удалось какъ-то вынуть камень, за коимъ въ стѣнѣ усмотрѣна пустота, и въ оной множество костей; не смѣя нарушать ихъ спокойствія, снова задѣлали отверстіе: но чьи жъ это кости?“ спрашиваетъ корреспондентъ (22). Вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ. Обратимъ вниманіе на то, что описанная находка костей сдѣлана въ лѣвомъ углу собора, къ которому приставлена древняя башня, называемая теремъ; но опредѣлить ближе пунктъ находки въ стѣнѣ теперь едва ли будетъ можно; дѣло представляется какой-то случайностью. Съ своей стороны Должиковъ въ письмѣ и запискѣ клонитъ всё къ тому, что Спасскій соборъ „былъ преимущественно главнѣйшимъ мѣстомъ, въ коемъ погребались князья“.

Другой случай въ этомъ родѣ изъ недавняго времени сообщается въ статьѣ о. А. Н. Еоимова. „При перекрытіи пола въ 1901 году обнаружилось большое отверстіе съ правой стороны, между двумя мраморными колоннами, спускаясь въ которое очевидцы описывали видѣнную ими, подъ серединой храма, большую камеру, на половину засыпанную мусоромъ, изъ-подъ котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступали деревянные гробы; въ одномъ изъ нихъ уцѣлѣла бархатная скуея и священническая епитрахиль“ (23).

Едва ли когда-нибудь рѣшатся изслѣдовать древнюю усыпальницу Спасскаго собора, со стороны содержамаго въ ней. И въ самомъ дѣлѣ: теперь надобно всячески побережь многовѣковый храмъ св. Спаса. И какая была бы польза? Потревожили бы прахъ и кости давно почившихъ людей, но едва ли бы узнали что-нибудь существенно важное для науки.

III.

Церковное и общественное значеніе собора св. Спаса въ древности.

Для Чернигова и всей страны черниговской соборъ св. Спаса былъ главною святыней и патрональнымъ храмомъ въ сущности такого же значенія, какъ св. Софія для Кіева, св. Софія для Новгорода, св. Троица для Пскова, св. Богородица для Владимира на Клязьмѣ и т. д. Въ этомъ можно убѣдиться, вчитываясь въ южно-русскую лѣтопись XII вѣка по Ипатскому списку, этотъ превосходный источникъ для исторіи кіевского времени, въ частности для исторіи Чернигова и собора св. Спаса; позволимъ себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ этой лѣтописи; послушаемъ старыхъ русскихъ рѣчей.

Въ 1148 году, великій князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ „посла к Володимеру Давыдовичу и къ брату его Изяславу, и къ Святославу Ольговичю и къ Святославу Всеволодичю, бѣлогородскаго епископа Феодора и печерьскаго игумена Федоса, и мужи свои с ними Чернигову, река имъ тако: „вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловала на томъ, оже вы брата Игоря не искати ¹⁾, и того еста съступила, и досыти ми пересердя учинила еста ²⁾; нынѣ же всего того не поминаю, Руския дѣля земля и хрестыанъ дѣля; аже есте ко мнѣ прислалися мира дѣля, и о томъ ся каете, што есте хотѣли учинити, нынѣ же цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти, ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити“. Тако на томъ цѣловаша хрестъ у святомъ Спасѣ, ворожду про Игоря отложити, а Руской земли блюсти, и быти всимъ за одинъ братъ“. (Ипат., 257.)

Въ 1196 году черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ послать своего „мужа“ къ Всеволоду Юрьевичу и Давыду Ростиславичю сказать: „брате и свату! отчину нашу и хлѣбъ нашъ взять еси; ажъ любинъ с нами рядъ правый, и в любви с нами быти, то мы любви не бѣгаемъ, и на всей волѣ твоей станемъ; паки ли что еси умыслилъ, а того не бѣгаемъ же, да како ны Богъ разсудитъ съ вами и святой Спасъ“. (Ипат., 468—469.)

Итакъ, въ черниговскомъ соборѣ скрѣплялись княжескіе договоры цѣлованіемъ креста, и святой Спасъ призывался, какъ Высшій судія и посредникъ между князьями.

Подъ 1164 годомъ содержится разсказъ о событіяхъ послѣ смерти Святослава Ольговича черниговскаго. „Олегъ же въ борзѣ ѣха Чернигову, и не заста отца живого: тайша бо смерть его за 3 дня до Ольгова приѣзда; се же створи княгини, сгадавши с пискуномъ и с мужи князя своего с передними, и цѣловаша святаго Спаса на томъ, яко не послатися къ Всеволодичю Новугороду ³⁾, первое цѣлова пискупъ Антонъ святаго Спаса, и потомъ дружина цѣловаша. И рече Гюрги тысячкый: „намъ было не лѣпо дати пискупу цѣловати святаго Спаса, занеже святи-тель есть, а намъ ся о нь не блазнити, занеже князи свои любилъ“ ⁴⁾. И рече пискупъ: „того дѣля извѣщаюся предъ вами, да Богъ ми будетъ и того Рождшая, яко не послати ми къ Всеволодичю ни кимже образомъ, ни извѣта положить; паче же, сынове, вамъ молвлю, да не погинете душою и будете предатели, яко Пюда“. Се же молвяше имъ, льсть тая въ собѣ, баше бо родомъ Грѣчинъ; се же первое цѣлова святаго Спаса, се же створи и злое преступленіе, исписавъ грамоту, и посла къ Всеволодичю“ и проч. (24). Въ приведенномъ отрывкѣ изъ лѣтописи обращаетъ на себя наше вниманіе повторенное нѣсколько разъ выраженіе

¹⁾ Т.-е. не поднимать войны изъ-за убіеннаго Игоря Ольговича.

²⁾ Вы уже достаточно печали мнѣ причинили, отступивши отъ договора.

³⁾ Т.-е. къ Святославу Всеволодичю, князю Новгородѣверскому, который имѣлъ притязанія на старшій столъ черниговскій.

⁴⁾ Георгій, тысяцкій черниговскій, находилъ не правильнымъ привести къ присягѣ епископа Антонія, привязанность котораго къ покойному Святославу Ольговичю и его семьѣ достаточно — де извѣстна. На дѣлѣ оказалось иное: епископъ Антоній измѣнилъ присягѣ.

„цѣловати св. Спаса“, которое можно понять двояко: дѣло идетъ или о цѣлованіи креста Спасителя, чѣмъ обычно закрѣпляется христіанская присяга, или же о цѣлованіи храмовой иконы Спаса Преображенія; мы склоняемся въ сторону второго предположенія, на основаніи самаго словоупотребленія: иначе было бы сказано обычное выраженіе „цѣловати хрестъ“.

Въ значеніи каѳедрального собора, церковь св. Спаса Преображенія называется „епископія“. (Ипат., 474.) То было обычное названіе для каѳедральныхъ церквей въ древней Руси. Вотъ указанія, сюда относящіеся, изъ той же кievской лѣтописи.

„Томъ же лѣтѣ (1172) преставися князь Святославъ Ростиславичъ на Волоцѣ, бѣ бо тогда воюя Новгородцкую волость, и спрятавшѣ тѣло его везоша Смоленську, и положиша тѣло его с честию у Святѣй Богородици въ епискупѣ“. (Ипат., 376).

„Преставися князь Мѣстиславъ Изяславичъ мѣсяца августа въ 19, (1172 года), и спрятавшѣ тѣло его с честию великою и съ пѣньи гласохвальными, и положиша тѣло его въ святѣй Богородици въ епископи, юже бѣ самъ созда въ Володимери“ (Волынскомъ). Ипат., 382.

„Того же лѣта (1174) преставися благовѣрный князь Святославъ Дюрдевичъ, мѣсяца генваря въ 11 день.. Не да ему Богъ княжити на земли, и да ему царство небесное; по успеньи его положи братъ Андрей тѣло его въ церкви Святѣй Богородици, въ Суждали, въ епискупѣ“. (Ипат., 394.)

„Того же лѣта (1197), мѣсяца декабря въ 6 день, созда церковь камену святыхъ апостолъ в Бѣлѣгородѣ благовѣрный князь Рюрикъ; приехавъ ис Кіева и святы церковь каменую святыхъ Апостолъ, епископѣ Бѣлогородьская, великимъ священіемъ, блаженнымъ митрополитомъ Никифоромъ, епископомъ Адрѣяномъ, тоя церкви столъ добрѣ правяща епископомъ Юрьевскимъ“. (Ипат. 473).

Церковь кievская св. Софiи называется „митрополья“. (Тамъ же, 106).

Мы привели эти указанія ради того, чтобы теперь же оговорить неправильное толкованіе слова „епископія“ у преосвященнаго Филарета, въ отношеніи Черниговскаго собора св. Спаса: онъ напрасно смотрѣлъ на эту „епископію“, какъ на особую епископскую палату при Спасскомъ соборѣ, гдѣ происходили соборныя совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ епархіи и княжества: Историч. ст. опис. Черниговск. епарх. V, стран. 32—34. Нѣтъ! „Епископія“ не означаетъ палату, а епископскую или каѳедральную церковь, больше ничего.

У Спасскаго собора было свое земельное владѣніе, которое такъ и называлось „сельцо святаго Спаса“, (или „сѣлце“: Ипат. 347, подъ 1160 году, по случаю нападенія на него и сожженія его половцами). Преосвященный Филаретъ полагалъ, что это есть нынѣшняя Жолвинка, доселѣ удержавшая прозвище перваго хозяина и жертвователя, князя Святослава Ярославича, страдавшаго „желвою“; что о немъ же идетъ рѣчь въ грамотѣ литовскаго в. князя Александра Казимировича отъ 1499 года, данной нареченному епископу черниговскому и брянскому, Іонѣ, и въ царскихъ грамотахъ, жалованныхъ Спасскому собору въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, на владѣніе деревнями и разными угодіями (озеромъ Спасскимъ, мельницею желвин-

скою на рѣкѣ Бѣлоусѣ). Такимъ образомъ выходило бы, что Спасскій соборъ непрерывно, нѣсколько вѣковъ къ ряду, владѣлъ своимъ земельнымъ имуществомъ (25). Но эти соображенія преосвященнаго Филарета нельзя считать доказанными. Не убѣдительно, чтобы лѣтописное „сельцо св. Спаса“ называлось тогда и послѣ Жолвинка; чтобы церковное сельцо св. Спаса, Очкасово, грамоты конца XV вѣка, было черниговское, а не брянское; и не понятно, почему въ царской жалованной грамотѣ 1675 года не сказано, что Жолвинка есть древнее владѣние Спасскаго собора: въ грамотѣ было вполне уместно и нужно было бы сказать про это обстоятельство, если бы Жолвинка дѣйствительно принадлежала собору издревле. Такъ, по крайнему разумѣнью, намъ представляется дѣло. Впрочемъ мы вполне согласны съ общей мыслью преосвященнаго автора, что Спасскій соборъ былъ вполне достаточно обезпеченъ въ своемъ содержаніи отъ щедротъ князей Черниговскихъ древняго времени: княжеское строеніе, соборъ, по всей вѣроятности, и содержался главнѣйше на княжескія средства.

IV.

Возобновленія и передѣлки Спасскаго собора.

Въ 1239 году Черниговъ подвергся разоренію отъ Батыевыхъ татаръ. Потерпѣлъ и Спасскій соборъ: онъ былъ разграбленъ, погорѣлъ. Но онъ не былъ собственно разрушенъ: его колонны и хоры уцѣлѣли; колонны стоятъ до сихъ поръ; хоры были сломаны только въ концѣ XVIII вѣка; стѣны собора, по согласному отзыву наблюдателей, отличаются удивительной прочностью кладки; итакъ пострадали, надо думать, купола и крыша храма, но въ какой степени, конечно, теперь неизвѣстно (26).

Дальнѣйшая судьба собора и другихъ черниговскихъ церквей и всего города, за время татарской и литовской зависимости, покрыта густымъ мракомъ неизвѣстности. Одно ясно: Черниговъ запустѣлъ и уступилъ свое старшинство Брянску; туда перенесена была и архіерейская кathedра, такъ что Спасскій соборъ пересталъ быть на дѣлѣ кathedральнымъ. Есть одно позднее извѣстіе, что митрополитъ Максимъ позаботился о возстановленіи Борисоглѣбскаго храма въ Черниговѣ; но ничего подобнаго источники не говорятъ на счетъ Спасскаго собора (27). Надо полагать, однако, что его укрыли какою-нибудь крышей, хотя бы деревянной: это было необходимо и не такъ дорого стоило; нельзя же, вѣдь, понимать въ буквальномъ смыслѣ сужденія черниговскихъ археологовъ XVIII вѣка, будто соборъ въ продолженіе трехъ или четырехъ сотъ лѣтъ былъ въ состояніи полного запустѣнія (записка черниговскаго духовенства 1783 года; Шафонскій; позже Марковъ); гораздо вѣрнѣе смотритъ преосвященный Филаретъ: „вовсе не вѣроятно, чтобы московское управленіе 1500—1608 года оставило въ совершенномъ запустѣніи, безъ служенія, знаменитый соборъ черниговскихъ князей, тѣмъ болѣе, что въ немъ покоились мощи св. князя Михаила Черниговскаго, благоговѣнно перенесенныя царемъ Іоанномъ въ Москву, въ 1572 году“ (28). Исходя изъ этой вѣрной мысли, архіепископъ

Филаретъ отмѣчаетъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи Спасскаго собора: вмѣсто свинцовой прежней крыши, у него была деревянная; когда поляки въ 1611 году обманомъ захватили Черниговъ, и спалили его и соборъ, то лѣтъ черезъ 15 его опять укрыли деревянной же крышей (29); а возможно приличное возобновленіе собора было совершено уже въ 1675 году, усердіемъ черниговскаго полковника, Василя Андреевича Дунина-Борковскаго. Вотъ всё, что могъ сказать преосвященный Филаретъ о черниговскомъ соборѣ за нѣсколько вѣковъ его существованія! Къ покрышкѣ собора собственно и сводился, какъ видно, весь ремонтъ собора.

Нѣсколько яснѣе становится положеніе его во второй половинѣ XVII вѣка. То была пора возстановленія Черниговской епархіи и усиленной просвѣтительной дѣятельности, такихъ почтенныхъ духовныхъ лицъ избранныхъ дарованій, просвѣщенныхъ и благочестивыхъ, каковы Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій, Ѳеодосій Углицкій, Димитрій Савичъ Туптало, Іоаннъ Максимовичъ и другіе; ихъ стараніями возстановляются черниговскія церкви и монастыри, описываются ихъ святыни, усиливается православное христіанское просвѣщеніе въ краѣ (типографія, духовная семинарія). Рядомъ съ ними являются церковные благотворители изъ мірянъ, кромѣ пресвѣтлаго Царскаго Величества и вельможныхъ гетмановъ, ещё изъ среды мѣстной полковой старшины: особенно памятенъ полковникъ черниговскій, послѣ генеральный обозный, В. А. Дунинъ-Борковскій, благодѣтель Елецкаго монастыря, Пятницкой церкви, Спасскаго собора, о чемъ говорится въ надгробномъ стихотвореніи въ память его такъ:

„Церкви и обители усердно любяше!
Благолѣпіе оныхъ вездѣ расширяше:
Церковь соборна чрезъ брань бяше опустѣла,
Его тѣченіемъ вскорѣ сотворися цѣла;
Своимъ ю имѣніемъ претвори на нову,
Въ честь преобразившуся Христу, Богу Слову“.

Въ чемъ именно состояло возобновленіе имъ Спасскаго собора, въ источникахъ не говорится; записка черниговскаго духовенства 1783 года выражается лишь вообще „о святомъ усердіи и щедрости“ Дунина-Борковскаго; М. Е. Марковъ неопредѣленно и скромно говоритъ, что въ 1675 году „нѣкоторымъ образомъ“ возстановилъ соборную церковь полковникъ Дунинъ-Борковскій; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что имъ была принесена крупная жертва на соборъ; человѣкъ богатый, притомъ очень бережливый, даже до скупости расчетливый, по преданію, сохраненному о немъ историками Малороссіи, Василій Андреевичъ былъ щедрымъ благотворителемъ для церквей и монастырей: на нихъ онъ не жалѣлъ денегъ. Было бы желательно имѣть обстоятельное жизнеописаніе этого почтеннаго человѣка; а пока позволимъ себѣ привести здѣсь малоизвѣстный рассказъ о немъ изъ книги св. Димитрія „Руно орошенное“, изъ коего видно, что Дунинъ-Борковскій усердствовалъ и для украшенія чудотворной Троицко-Ильинской иконы Божіей Матери. Рассказъ относится къ 1687 году, когда генеральный обозный, возвратясь изъ Батурина

въ Черниговѣ, сильно заболѣлъ; одинъ молодой іеродіаконъ далъ совѣтъ пану обозному молиться съ теплою вѣрой предъ Ильинской иконой Богоматери, „а его милость панъ обозный, отъ сердца воздохнувши, рече: я всегда ей офѣрюся, и маю еи себѣ за патронку, и вѣру и надежду на еи имѣю, албо вѣмъ я самъ видѣлемъ слези, точащіяся отъ образа еи чудотворного, егда плакаше пресвятая Бца, на що и всѣ Черниговци чрезъ девять днй приходячи смотрѣли“¹⁾; а еродіаконъ на тые слова совѣтоваше мовачи: „понови, вашъ мосць, мосципанъ, свою вѣру и имѣй надежду“, и отыишолъ въ монастырь. А его милость панъ обозный, аще и оскорбился, яко діаконъ, младъ сый, совѣтоваше ему о вѣри, самъ бо его милость панъ обозный тверду имѣяше къ сему чудотворному образу вѣру, а и корону дорогоцѣнную златую, съ дорогоцѣннымъ каменіемъ, своимъ учинивъ коштомъ, и инныи дорогоцѣнныи златни нададе ланцухи и украшения; однако послушался совѣта, молился у чудотворнаго образа, и получилъ исцѣленіе отъ болѣзни (30).

Возвращаемся къ Спасскому собору. Еще раньше возобновленія собора Дунинымъ-Борковскимъ, причтъ соборный получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича въ 1668 году грамоту на земельныя владѣнія, подтвержденную и въ 1675 году; такимъ образомъ положеніе собора съ причтомъ стало нѣсколько обезпеченнымъ. Но затѣмъ его постигли несчастія—два пожара 1718 года и 1750 года; послѣдній былъ особенно бѣдственнымъ: купола собора обрушились; башня, называемая теремъ, иначе Красный теремъ, (лѣвая, у сѣверо-западнаго угла, древней постройки башня) также обвалилась до половины; мраморныя колонны внутри храма дали трещины. Потребовалось опять возобновленіе собора (31). Къ 1770 году, или въ этомъ году, оно было выполнено, при епископѣ Теофилѣ Игнатовичѣ, небогатое возобновленіе: виденъ былъ обгорѣлый видъ церкви; столбы и колонны оставались въ трещинахъ; церковь была укрыта деревянными досками; старый иконостасъ, купленный въ одной черниговской пустыни, установленъ въ храмѣ соборномъ; теремъ былъ обращенъ въ колокольную. (Марковъ. О достопамятностяхъ Чернигова, 15; Шафонскій, Топографическое описаніе Черниговъ намѣстничества, 274). Въ такомъ скромномъ видѣ нашли соборъ князь Потемкинъ въ 1783 году, Императрица Екатерина II въ январѣ 1787 года; древность и бѣдность собора были замѣчены; повелѣно было отпустить казенныя средства на болѣе основательное поправленіе и украшеніе древняго княжескаго храма. Возобновленіе началось съ 1792 года, и подвинулось къ 1798 году настолько, что соборъ могъ быть освященъ въ этомъ послѣднемъ году; дальнѣйшее украшеніе храма живописью и производство всѣхъ другихъ работъ въ немъ закончилось только къ концу 1824 года (32). Работы производились отчасти на государственныя средства, отчасти на мѣстныя добротныя пожертвованія, при владыкахъ черниговскихъ Героевѣ Малицкомъ, Викторѣ Садковскомъ, Михаилѣ Десницкомъ, Симеонѣ Крыловѣ, Лаврентіѣ Бакшевскомъ; ихъ достойнымъ сотрудникомъ былъ кафедральный протоіерей, отецъ Іоаннъ

¹⁾ О семъ первое чудо въ „Рунѣ орошенномъ“, относящееся къ апрѣлю 1662 года.

Еленевъ, составившій обширный, продуманный планъ стѣнной живописи въ соборѣ (33).

По словамъ черниговскаго директора, Маркова, современника работъ, вотъ что было сдѣлано до 1798 года, по части капитальныхъ передѣлокъ въ Спасскомъ соборѣ: „придѣлы всѣ разобраны и уничтожены; въ симметрію башни, теремомъ называвшейся, сдѣлана съ правой стороны, юго-западной, другая башня, обѣ круглыя, съ конусными верхами; мраморные столбы обложены кирпичемъ и оштукатурены (послѣ ихъ отдѣляли еще подъ мраморъ); хоры остались только надъ входомъ въ церковь, т.-е. у западной стороны, коими соединялись боковые хоры, а эти послѣдніе разобраны, и чрезъ то всѣ куполы сдѣлались книзу открыты, имѣя же много оконъ дѣлають церковь весьма свѣтлою“. (О достопамятностяхъ Чернигова, стран. 16).

Это были весьма значительныя, капитальныя передѣлки собора, какихъ ни прежде, ни послѣ уже не бывало; меньше чѣмъ за десять лѣтъ Спасскій соборъ и внутри, и снаружи испыталъ, можно сказать, радикальныя перемѣны. Двѣ остро-конечныя башни у западной стѣны собора, въ какомъ стилѣ исполненныя, трудно сказать, придаютъ ему теперь совсѣмъ необычный для древнерусскихъ храмовъ видъ; и простые богомольцы русскіе, посѣщающіе городъ Черниговъ, и люди свѣдующіе въ древней русской архитектурѣ, въ недоумѣніи спрашиваютъ себя: для чего собственно эти двѣ башни, если онѣ не колокольны? (Древняя, т.-е. лѣвая башня, съ конца XVIII вѣка, перестала быть колокольною).

Но прежде остановимся вниманіемъ на бывшихъ кирпичныхъ придѣлахъ, а потомъ уже обратимся къ вопросу о древней лѣвой башнѣ, позже называвшейся Красный теремъ, или просто теремъ и теремъ-башня.

V.

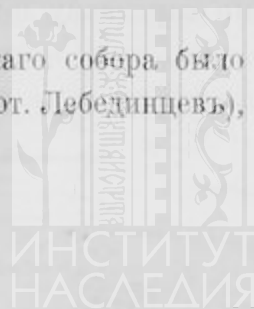
О бывшихъ придѣлахъ у собора.

А. Ф. Шафонскій пишетъ: „въ сей церкви три престола; главный Преображенія Господня, на правой сторонѣ Николая Чудотворца, на лѣвой Архангела Михаила; еще были съ наружья придѣланы два придѣлы: съ правой Трехъ святителей, а съ лѣвой Покрова Богородицы. Нынѣ они отломаны. На хорахъ былъ то же престолъ“. (Топографич. опис. Черниг. намѣстничества, стран. 274—275). Сочиненіе Шафонскаго было составлено 1786 года; итакъ наружные придѣлы были уже отломаны до этого года.

М. Е. Марковъ, писавшій свое сочиненіе „о достопамятностяхъ Чернигова“ въ 1814—15 годахъ, пишетъ сначала то же, только немного въ иныхъ выраженіяхъ. „Престоловъ она имѣла шесть: главный Преображенія Господня на правой сторонѣ св. Николая, на лѣвой Архангела Михаила; 4-й и 5-й престолы были въ кирпичныхъ придѣлахъ съ боковъ: по правую сторону Трехъ святителей, по лѣвую Покрова Богородицы, а 6-й на хорахъ (стран. 15—16). Затѣмъ, сказавши

о повелѣніи произвести перестройку собора въ 1790 году, объ окончаніи этой перестройки и освященіи храма въ 1798 году, Марковъ отмѣчаетъ, какъ результатъ перестройки, то что „придѣлы всѣ были разобраны и уничтожены“. Такъ выходитъ у него по ходу и расположенію мыслей. Спрашивается: когда же именно были разобраны, отломаны боковые кирпичные придѣлы? Между Шафонскимъ и Марковымъ оказывается противорѣчіе, хотя они были современники другъ съ другомъ и современники передѣлокъ Спасскаго собора; можетъ быть Марковъ, не особенно заботясь о точности цифръ годовъ, хотѣлъ только вообще сказать, что придѣлы собора были разобраны въ послѣднія дѣсятилѣтія XVIII вѣка. Итакъ будемъ пока держаться Шафонскаго, кажется, болѣе точнаго въ данномъ случаѣ. Другой вопросъ: когда были пристроены эти придѣлы? Послѣ пожара 1750 года, или раньше его, можетъ быть съ возобновленіемъ собора св. Спаса еще при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ и Дунинѣ-Борковскомъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не можемъ, не имѣя данныхъ для отвѣта. Одно соображеніе можемъ представить: соборъ Спасскій холодный; зимой была ощутительна надобность имѣть теплый храмъ для богослуженія; поэтому пристроили къ бѣлокаменному собору два теплыхъ боковыхъ придѣла изъ кирпича. Что оба они были наружные, составляя пристройку къ корпусу собора, это не подлежитъ сомнѣнію: Шафонскій и Марковъ говорятъ объ этомъ ясно и недвусмысленно; но изложеніе дѣла въ „Истор. статист. опис. Черн. епархіи“, въ главѣ о Спасскомъ соборѣ (кн. V, стран. 4), ставитъ насъ въ неожиданное затрудненіе. Вотъ что пишется въ указанномъ мѣстѣ: „иконостасовъ въ храмѣ и въ началѣ было, по всей вѣроятности, пять, ибо столько было въ послѣднее время; только въ послѣднее—два придѣла, на правой Трехъ святителей, на лѣвой Покрова Богоматери, поставлены были внизу, такъ какъ южная и сѣверная часть хоровъ были уничтожены. Въ главномъ иконостасѣ, кромѣ средняго престола въ честь Преображенія Господня, были престолы—по правую сторону въ честь св. Николая, по лѣвую въ честь Архангела Михаила, особенно чтимыхъ въ православной Церкви, съ самаго древняго времени“. По этому изложенію выходитъ, что придѣлы Трехсвятительскій и Покровскій были-де сначала вверху, на хорахъ, а потомъ перемѣщены внизъ, когда хоры были сломаны. Но, вѣдь, на хорахъ былъ само собою придѣлъ, по счету Шафонскаго и Маркова, шестой. И какимъ образомъ въ соборѣ помѣстились бы пять престоловъ, если не предполагать двухъ наружныхъ у собора придѣловъ? Почему игнорируются ясныя показанія Шафонскаго и Маркова? Кто бы ни былъ авторомъ приведенныхъ строкъ изъ описанія Спасопреображенскаго собора, самъ ли преосвященный Филаретъ, или иное лице, напр., кто-нибудь изъ соборнаго духовенства, во всякомъ случаѣ авторъ не показываетъ отчетливаго представленія дѣла, когда такъ говоритъ о немъ; старые описатели собора, Шафонскій и Марковъ, вѣриже представляютъ его, и по всей вѣроятности также со словъ людей соборнаго клира, знавшихъ устройство соборныхъ придѣловъ болѣе ясно, по свѣжей памяти о недавнемъ прошломъ.

Если предположеніе о папертяхъ съ трехъ сторонъ Спасскаго собора было вѣрное предположеніе (его высказывали проф. Лашкаревъ и прот. Лебединцевъ),

доказываемое остатками фундамента по сторонамъ собора, то оно въ свою очередь объясняло бы наружные придѣлы собора: они были именно въ этихъ папертяхъ, если не въ полный размѣръ ихъ, то въ нѣкоторой части ихъ. Архіепископъ Филаретъ также говорилъ про остатки какого-то зданія, или фундаменты зданія на южной сторонѣ собора, стоявшаго параллельно собору; но онъ помѣщалъ тутъ предполагаемый имъ „теремъ съ епископіею“ и съ придѣльнымъ храмомъ неизвѣстнаго наименованія (Истор. статист. опис. Черн. епархіи V, 32—34). Мы не знаемъ, были ли въ свое время сняты на планъ остатки видныхъ тогда фундаментовъ, были ли къмъ они изслѣдованы и описаны, и какое заключеніе о нихъ сдѣлано; по всему этому мы должны воздержаться отъ дальнѣйшихъ предположеній. Вопросъ о боковыхъ кирпичныхъ придѣлахъ и о папертяхъ съ трехъ сторонъ собора долженъ быть рассмотрѣнъ вновь учеными людьми, больше насъ свѣдущими.

VI.

О предполагаемомъ теремѣ при Спасскомъ соборѣ.

О семъ теремѣ, будто бы существовавшемъ при соборѣ, въ видѣ особой постройки, мы рѣшительно утверждаемъ, что его не было; всѣ сужденія или гаданія о немъ описателей черниговскаго собора основаны на простомъ недоразумѣніи, на неправильномъ пониманіи текста древней кievской лѣтописи по Ипатьевскому списку, подъ 1150 годомъ, гдѣ говорится о перенесеніи изъ Кіева въ Черниговъ мощей св. Игоря Ольговича, о положеніи ихъ у святаго Спаса, въ теремѣ: разъ этотъ „теремъ“ понятъ неправильно, то и начались фантастическія постройки теремовъ въ соборѣ... Мы не желали бы долго останавливаться на этомъ предметѣ, приводить выписки изъ авторовъ, повторять ихъ недоумѣнія и ошибки; но мы должны дѣлать эти выписки: надо выслушать, чтобы судить; надобно кончить съ этимъ вопросомъ, убѣдиться и другихъ убѣдить.

Авторъ замѣчательнаго „Топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества“, Аѳанасій Филимоновичъ Шафонскій, помѣстилъ въ своемъ трудѣ особую статью о Спасскомъ соборѣ въ Черниговѣ; она составлена отчасти на основаніи записки черниговскаго духовенства отъ 1783 года, судя по буквальному иногда сходству статьи съ запиской. Вотъ что пишется въ ней про теремъ. „Съ лѣвой стороны внѣ церкви соборной отъ архіерейскаго дома стоитъ придѣланная къ сей церкви изъ дикаго камня и кирпича древняя башня; она до половины была разорена, и чрезъ многіе вѣки такъ стояла; нынѣшній епископъ Теофилъ ее починилъ, покрылъ и въ колокольню обратилъ. Сія башня называлась, и по нынѣ называется теремъ, о которомъ въ жителяхъ еще обносится преданіе, что яко бы въ немъ черниговскіе князья живали, которыхъ уповательно и домъ близъ онаго стоялъ. По народному преданію, во время нашествія Батыеваго, княгиня черниговская, Домникія, изъ онаго терема добровольно сбросилась, и въ смерть убила, дабы не впасть въ руки варваровъ“ (стр. 275). Другихъ соображеній о теремѣ Шафонскій

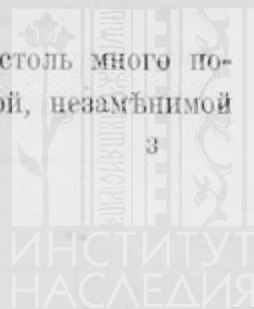
не даетъ; человекъ очень умный, осторожный, онъ не считалъ себя археологомъ; онъ и дѣйствительно не былъ таковымъ; его книга въ исторической ея части интересна больше для казацкаго времени, нежели для исторіи древностей черниговскихъ, въ частности Спасскаго собора (34).

Младшій современникъ его, Михаилъ Егоровичъ Марковъ, бывший директоръ черниговскихъ училищъ и гимназій, любитель мѣстной старины и исторіи, идетъ въ своихъ соображеніяхъ о теремѣ дальше Шафонскаго; онъ заходитъ даже слишкомъ далеко, впадаетъ въ сбивчивыя и противорѣчивыя объясненія. „Къ Спасо-преображенскому собору—пишетъ онъ въ одной статьѣ—примыкался красный теремъ, каковой обыкновенно бывалъ при дворцахъ князей, слѣдовательно и сей послѣдній тутъ находился (т.-е. княжескій черниговскій дворецъ), ибо есть и преданіе, что при нашествіи татаръ княгиня черниговская, Домникія, можетъ быть супруга князя Мстислава Глѣбовича, избѣгая попасть въ руки оныхъ, взшла на теремъ, и съ онаго бросясь убила“. По этому представленію выходитъ, что княжескій дворецъ былъ въ непосредственной близости съ соборомъ; только не видно ясно, считаетъ ли Марковъ теремъ-башню за принадлежность собора, или быть можетъ дворца. Въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „сія башня называлась во времена князей красный теремъ, да и нынѣ названіе сіе еще не погасло; въ немъ погребенъ кievскій в. князь Игорь Ольговичъ, причтенный во святые, которой убитъ взбунтовавшимся тамъ народомъ, въ 1147 году, а въ 1150 году перенесенъ въ Черниговъ братомъ его, черниг. княз. Святославомъ Ольговичемъ“. Выходитъ новое пониманіе дѣла: красный теремъ является усыпальницей Игоря Ольговича, рядомъ съ самымъ княжескимъ дворцомъ и соборомъ. Наконецъ въ иномъ еще мѣстѣ Марковъ говоритъ: „гробъ князя Игоря Ольговича положили въ церкви святаго Спаса Преображенія, въ красномъ теремѣ“. Теперь уже совсѣмъ трудно понять, гдѣ же именно похоронили князя Игоря: въ соборѣ, или въ башнѣ... Вообще почтенный черниговскій директоръ-археологъ не успѣлъ притти къ ясному представленію о семъ предметѣ, а только затемнилъ его; онъ знаетъ лѣтописное мѣсто о погребеніи Игоря Ольговича въ Спасскомъ соборѣ, въ теремѣ (замѣтьте: просто „въ теремѣ“), но онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на теремъ-башню при соборѣ, двоятся въ представленіяхъ, и въ концѣ всего не знаетъ, гдѣ похоронить князя Игоря Ольговича: въ церкви, или въ башнѣ, „красномъ теремѣ“, по излюбленному у него выраженію о ней.

Послѣдующіе за Марковымъ писатели-археологи (Должиковъ, Свиныинъ) повторяютъ фразу, что въ лѣвой соборной башнѣ, въ теремѣ, былъ похороненъ князь Игорь Ольговичъ, не давая себѣ труда объяснить, какимъ образомъ башня могла служить мѣстомъ похоронъ; да они и не смогли бы объяснить этого (35). Одинъ только Н. А. Маркевичъ отличился особымъ мнѣніемъ, объявляя вдругъ, что мощи князя были положены „подъ теремомъ“: мнѣніе неожиданное и опять недоказанное (36).

Достопамятный черниговскій іерархъ, Филаретъ Гумилевскій, столь много потрудившійся надъ описаніемъ своей епархіи, авторъ весьма важной, незамѣнимой

Труды XIV Съѣзда. Т. III.

книги, съ которой всё приходится считаться, что бы там ни говорили про ея недостатки, какіе въ ней дѣйствительно есть, не могъ удовлетвориться замѣчаніями предшествовавшихъ археологовъ о теремѣ, и подвергнулъ вопросъ новому разсмотрѣнію. Въ описаніи Спасскаго кафедральнаго собора, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ „Теремъ съ епископіею, усыпальница и синодикъ князей“, преосвящ. Филаретъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. „По лѣтописи давно знали, что при соборѣ Спасителя былъ теремъ: положиша (мощи убиеннаго князя Игоря) у святаго Спаса, въ теремѣ, такъ говоритъ лѣтопись, подъ 1150 годомъ. Но что это за теремъ? Гдѣ онъ былъ? Терялись въ догадкахъ. Нынѣ на южной сторонѣ собора открыты фундаменты зданія, стоявшаго параллельно собору; восточная часть его точно такъ же полукруглая, какъ и алтари собора; это даетъ видѣть, что здѣсь былъ и храмъ; но длина зданія раздѣлялась на три части, такъ показываютъ стѣны фундамента: потому можно полагать, что западная половина терема была отдѣльнымъ отъ храма зданіемъ, имѣвшимъ особое назначеніе“. Прерываемъ пока выписку. Итакъ, преосвященный авторъ не сомнѣвается въ существованіи терема при соборѣ: это исходный пунктъ его, для него уже не требующій доказательства, даже будто бы подтверждаемый теперь находкою фундаментовъ зданія, стоявшаго рядомъ съ соборомъ: предположеніе, говоря по справедливости, предвзятое, которое само именно нуждается въ доказательствѣ. Но пусть пока будетъ такъ; прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ мыслей автора. „Какое жъ было назначеніе его? т.-е. зданія, обозначаемого фундаментомъ, иначе терема. Несомнѣнно, что дворецъ княжескій былъ на юго-восточной сторонѣ, съ особымъ храмомъ Архистратига Михаила; слѣдовательно не было нужды объ стѣну съ соборомъ быть княжескому помѣщенію. Что жъ это за теремъ? Теремами, по-гречески *τρῆλλος*, по-латинѣ *secretarium*, назывались въ Греціи особые покои при царскомъ дворцѣ, назначавшіеся для совѣщаній по дѣламъ самымъ важнымъ, требовавшимъ тайны. (Слѣдуетъ примѣръ изъ византійской исторіи.) Это употребленіе терема близко уже къ священному значенію терема: не имѣлъ ли теремъ черниговскій подобнаго употребленія?“ Преосв. Филаретъ рѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, т.-е. что теремъ при Спаскомъ соборѣ, съ придѣльнымъ его храмомъ, былъ именно секретною палатой епископіи, гдѣ происходили соборныя совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ епархіи и княжества (37). Онъ не договариваетъ ясно, гдѣ именно были положены св. останки Игоря Ольговича; но, судя по расположенію его мыслей и доказательствъ, надо заключать, что онъ даетъ имъ мѣсто въ придѣльномъ храмѣ терема, рядомъ съ епископской палатой, тамъ же, гдѣ по его предположенію, былъ похороненъ раньше князь Глѣбъ Святославичъ, привезенный изъ Заволочья. Такое рѣшеніе вопроса о мѣстѣ погребенія св. Игоря Ольговича преосв. Филаретомъ, конечно, гораздо рациональнѣе, нежели предположеніе прежнихъ археологовъ, что его похоронили въ соборной башнѣ, или подъ башней: нашъ преосвященный авторъ не повторилъ такого страннаго мнѣнія, и это дѣлаетъ честь его здравомыслію и проницательности; онъ вѣрнѣе опредѣляетъ и положеніе княжескаго черниговскаго дворца въ дали нѣкоторой отъ собора, а не въ соседствѣ непосредственномъ. Однако доказано ли его предположеніе о теремѣ при со-

борѣ, этотъ главный пунктъ его статьи? При всемъ уваженіи къ памяти и авторитету ученаго архіепископа, мы должны сказать, что не можемъ согласиться съ его предположеніемъ: оно не кажется намъ ясно доказаннымъ. Вѣдь, такіе же фундаменты зданія, параллельнаго собору съ южной стороны, открыты и на сѣверной сторонѣ собора: что если они окажутся остатками папертей, окружавшихъ соборъ? Повторяемъ: вопросъ о папертяхъ и придѣлахъ требуетъ новаго разслѣдованія. Аналогіи византійскихъ дворцовыхъ построекъ намъ не представляются подходящими къ древнему Чернигову: соборныя совѣщанія по дѣламъ епархій и княжества могли удобно происходить въ самомъ храмѣ св. Спаса, или на дому у епископа и у князя; нѣтъ нужды предполагать для этого особую палату. Наконецъ—и это главное: преосв. Филаретъ все-таки не отгадалъ, въ какомъ „теремѣ“ были положены мощи св. Игоря. Очень жаль за это обстоятельство; а онъ, при напряженномъ вниманіи къ вопросу, который такъ настойчиво и прямо ставится имъ, былъ близокъ къ тому, чтобы угадать дѣло, порѣшить недоумѣнный для прежнихъ изслѣдователей вопросъ.

Дѣло въ томъ, что та же лѣтопись по Ипатскому списку, которую преосвященный авторъ зналъ и много разъ цитовалъ, содержитъ подъ 1115 годомъ, довольно ясное указаніе, что такое былъ теремъ надъ мощами. Въ названномъ году, мая 2-го дня, въ Вышгородѣ происходило перенесеніе мощей св. страстотерпцевъ, князей Бориса и Глѣба, изъ деревянной церкви въ новую каменную, митрополитомъ Никифоромъ, епископами и игуменами, въ томъ числѣ черниговскимъ епископомъ Оеоктистомъ, въ присутствіи великаго князя Владимира Мономаха и князей черниговскихъ, Давида и Олега Святославичей, строителей вышгородскаго каменнаго храма, въ присутствіи также многочисленнаго народа. Составилось великое торжество, свѣтлый праздникъ, какъ вдругъ возникло неожиданное разногласіе между князьями о томъ, въ какомъ мѣстѣ храма было бы лучше поставить гробницы мучениковъ: „распри же бывши межѣ Володимеромъ и Давыдомъ и Ольгомъ, Володимеру бо хотящу я поставити средѣ церкви, и теремъ серебрянъ поставити надъ нима (т.-е. надъ мучениками), а Давыдъ и Олегъ хотящета поставити я в комару, идеже отецъ мой, рече, назнаменалъ на правой сторонѣ, идеже бѣста устроены комарѣ нма; и рече митрополитъ и епископи: „верзѣте жребѣи, да кдѣ изволѣта мученика, ту же я поставимъ“, и вгодно се бысть; и положи Володимеръ свой жребѣи, а Давыдъ и Олегъ свой жребѣи, на святой тряпезѣ, и вынесѣ жребѣи Давыдовъ и Олговъ, и поставиша я в комару ту, на деснѣи странѣ, кде нынѣ лежѣта“. (Лѣтоп. по Ипат. сп. 202.) Итакъ, не исполнилась мысль Владимира Всеволодовича поставить мощи св. Бориса и Глѣба среди церкви, подъ серебрянымъ теремомъ; онъ покорился суду Божію, согласился со своими двоюродными братьями на постановку мощей мучениковъ въ комарѣ, т.-е. въ стѣнномъ углубленіи, что для него однако не было препятствіемъ оказать свое усердіе къ своимъ братьямъ-мученикамъ, украсить гробы ихъ и комару золотомъ и серебромъ. (Тамъ же весь рассказъ на стран. 201—203.) Итакъ, теремъ—сѣнь, навѣсъ, балдахинъ надъ гробницей съ мощами святыхъ. Теперь, когда въ той же лѣтописи по Ипат. списку,

говорится черезъ 35 лѣтъ ниже, о перенесеніи мощей другого св. князя и о положеніи ихъ въ „теремѣ“, то ясно уже безъ дальнихъ подробностей, о какомъ теремѣ идетъ дѣло: и св. Игоря Ольговича гробницу въ Спасскомъ черниговскомъ соборѣ также поставили подъ навѣсомъ, или сѣнью, или вообще подъ небольшимъ нѣкоторымъ сооруженіемъ, приличнымъ для княжескихъ нетлѣнныхъ останковъ, въ „теремцѣ“, по выраженію другой лѣтописи (38).

Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ церковной практики великаго Новгорода, въ лѣтописяхъ котораго не разъ упоминаются теремцы надъ мощами святыхъ, и терема въ смыслѣ небольшихъ церковныхъ построекъ. „Въ лѣто 6701 (1193) преставися архіепископъ Григорій, маіа 24 дня, и положенъ бысть в притворѣ Софійскомъ, въ теремцы, подлѣ брата, отъ стѣны“. (Григорій—братъ св. архіепископа новгородскаго, Іоанна: 2-я Новгородская лѣтопись, стран. 196.) „При архіепископѣ Феодосіи, лѣта 7056 (1548), въ церкви во святомъ Іоаннѣ Предотеча въ темницы, архіепископъ Феодосій подпоры деревенны ис церкви выметалъ, да своды каменные доспѣлъ, да надъ гробомъ чудотворцовымъ доспѣлъ теремцы каменные“. (Тамъ же, стран. 68. Ср. другія мѣста лѣтописи по указателю, подъ словами „теремъ“ и „теремецъ“).

Любопытно употребленіе слова „теремъ“ у Аванасія Никитина, знаменитаго тверскаго купца XV вѣка, ѣздившаго въ Индію, описавшаго свое путешествіе въ эту далекую страну: описывая выѣзды индійскихъ султановъ, онъ говоритъ про „теремъ оксамитень“, про „теремъ шидянь“, т.-е. шолковый, или просто про „теремецъ“, т.-е. зонтики и балдахины, которые слуги держали надъ головами султановъ. Издатель памятника, И. И. Срезневскій, замѣчаетъ, что въ древности у насъ и теремъ и теремецъ означали все похожее на навѣсъ, балдахинъ; легко можно было употребить теремецъ и въ смыслѣ зонтика (39). Тотъ же славный нашъ филологъ, академикъ Срезневскій, многими примѣрами изъ памятниковъ, вполне выяснилъ смыслъ терема и теремца въ разнообразномъ ихъ значеніи, въ частности и относительно навѣсовъ надъ мощами, или надгробій. (Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, по письменнымъ памятникамъ, томъ III, вып. 2-й, подъ соотвѣтств. словами.)

Итакъ, не подлежитъ болѣе сомнѣнію и догадкамъ, въ какомъ теремѣ былъ положенъ въ Спасскомъ соборѣ св. Игорь Ольговичъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему убѣжденію, падаютъ всякія предположенія о теремѣ, въ смыслѣ особой пристройки у собора, и о теремной башнѣ, будто бы возможномъ мѣстѣ погребенія, а на самомъ дѣлѣ невозможномъ, ненатуральномъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о башнѣ, называемой „краснымъ теремомъ“, и о значеніи вообще теремныхъ башенъ при церквяхъ. Давно ли названіе краснаго терема? Книжное оно, или отчасти изъ живого мѣстнаго языка? М. Е. Марковъ не первый и не единственный изъ черниговскихъ археологовъ, употребляющій его (40). Намъ припоминается мѣсто въ „Поученіи Мономаха“, который сказываетъ, что онъ однажды угощалъ въ Черниговѣ, „на краснѣмъ дворѣ“ своего отца Всеволода и двоюроднаго брата, Олега Святославича. (Лѣтоп. по Лаврент. сп., 239.)

Не перенесли ли старые черниговцы название „краснаго“ княжескаго дворца на башню соборную, которая пережила дворецъ, которая въ старину, надо полагать, была болѣе красивымъ сооруженіемъ, въ стилѣ подходящемъ къ общей архитектурѣ соборнаго зданія, чѣмъ теперешняя башня, возобновленная въ концѣ XVIII вѣка, съ ея слишкомъ высокимъ коническимъ верхомъ, какъ и другая правая башня, тогда же вновь выстроенная, для симметріи съ первой? А о значеніи, которое имѣли башни-терема при нашихъ древнихъ церквахъ, даетъ цѣнныя соображенія г. академикъ Голубинскій. (Исторія Русской Церкви, I, вторая полов., стран. 63—66.) Онѣ служили ходами на верхнія галлерей храмовъ (хоры, полати), а также ризницами и кладовыми; кромѣ черниговской, сохранились башни при новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и другихъ церквахъ Новгорода; была, по предположенію г. Голубинскаго, но не сохранилась башня при Владимирскомъ соборѣ. Слышно про древнюю церковь въ Овручѣ, что она также была съ двумя круглыми башнями, пристроенными къ западной стѣнѣ храма. (Знаемъ, впрочемъ, по случайно вычитанной газетной замѣткѣ о реставраціи храма въ гор. Овручѣ.) Къ сожалѣнію, о черниговской собственно башнѣ мы мало нашли замѣчаній у г. Голубинскаго; а онъ могъ бы, при его свѣдѣніяхъ, поближе сравнить ее съ другими ему извѣстными теремами-башнями, какъ онъ называетъ ихъ. Позволимъ также себѣ еще разъ выразить свою надежду, что почтенный академикъ не будетъ болѣе поддерживать мнѣніе о томъ, будто мощи св. князя Игоря Ольговича положены были въ соборной теремной башнѣ: право, слѣдуетъ рѣшительно и навсегда оставить это мнѣніе.

Послѣднее слово. Давно ужъ нѣтъ въ Спасскомъ соборѣ терема съ гробомъ св. Игоря Ольговича; перенесены въ Москву останки св. князя Михаила Всеволодовича и св. боярина Θεодора. А теперь въ соборѣ есть новый красивый „теремъ“, и въ томъ теремѣ покоятся мощи новоявленнаго угодника Божія, святителя Θεодосія, на поклоненіе которымъ стекается множество богомольцевъ изъ всѣхъ краевъ обширной святой Руси. Благодать вѣры, молитвы, явно живетъ въ храмѣ святого Спаса. И хочется вѣрить, что, по молитвамъ св. угодниковъ, древній храмъ сохранить по возможности въ неизмѣнномъ видѣ свою оригинальную красоту кievскаго времени, насколько ея еще остается. Не блестяща эта красота, но глубоко симпатична и трогательна; она сразу переноситъ насъ въ тотъ вѣкъ, когда на Руси впервые возсіялъ свѣтъ Христовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Хорошо замѣчаетъ профессоръ Д. В. Айналовъ о древнерусскомъ храмѣ кievскаго времени вообще: «эти арки, купола, алтарныя ниши, колонны всякій видѣлъ, даже осязалъ, но понимать всѣ эти строительныя формы и значеніе въ конструкціи храма, ихъ исторію въ образованіи христіанской архитектуры — не могъ: для этого не было сдѣлано отдѣльныхъ розысканій, не было также общихъ руководящихъ принциповъ» и проч. («Архитектура черниговскихъ храмовъ»: Труды черниговскаго предварительнаго комитета по устройству XIV Археологич. Съѣзда, на стран. 169). Это замѣчаніе въ частности подходит и къ Спасскому собору; только основательные знатоки древней византійско-русской архитектуры могутъ дать научное описаніе устройства его.

2. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, издан. Археографич. Комис. 1872, на стран. 146; о томъ же Лѣтопись по Ипатскому сп. изд. Археограф. Ком. 1871, на стран. 105.

Лѣтописи нѣсколько разногласятъ въ означеніи года кончины Мстислава Владимировича: см. о семъ у Карамзина, Исторія Гос. Росс., томъ II, примѣч. 31. Тамъ объ Евстаѣѣ Мстиславичѣ замѣтка изъ Татищева.

3. Лѣтоп. по Ипат. сп., стран. 5: „въ лѣто 6535 (1027) родися третій сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ“.

4. Въ превосходной главѣ о древнерусскихъ храмахъ, академикъ Голубинскій ставитъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ широкія рамки для времени строенія Спасскаго собора, когда говоритъ, что онъ началъ предъ 1036 годомъ, или въ семъ самомъ году, и окончень до 1076 года: Исторія Русской Церкви, вторая полов. I тома, стран. 10; сравн. съ первой полов. тома 549. Для постройки всего соборнаго зданія достаточно положить лѣтъ семь, много десять; для сравненія вспомнимъ, что новгородскій Софійскій соборъ строился около семи лѣтъ; владимирскій Успенскій соборъ Андрея Боголюбскаго — два года. Когда окончень Софійскій соборъ въ Кіевѣ неизвѣстно, по начальной лѣтописи: вѣроятно — одновременно съ черниговскимъ св. Спаса, или приблизительно такъ.

5. Статья прот. П. Лебединцева «По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской кафедрѣ» въ «Кіевской Старинѣ» 1892, т. XXXVIII, стран. 354 — 355, и статья профес. П. Лашкарева «Церкви Чернигова и Новгородсѣверска», въ «Трудахъ XI Археологич. Съѣзда», въ Кіевѣ, 1899, томъ II, стран. 152.

6. Записка издана графомъ Г. А. Милорадовичемъ въ «Чернигов. Епарх. Извѣстіяхъ» 1883, неофиц. часть, № 1; перепечатана въ его же брошюрѣ, «Описаніе черниговскихъ соборовъ Спасо-преображенскаго и Борисоглѣбскаго», изд. 2-е, 1890 г. съ примѣчаніями, но не всегда точными: Героемъ Малицкій въ 1783 году еще не былъ черниговскимъ епископомъ, а только архимандритомъ елецкимъ; епископомъ тогда былъ Ѳеофилъ Игнатовичъ; кто изъ двухъ былъ составителемъ или редакторомъ записки для кн. Потемкина не видать изъ сопоставленія письма губернатора А. С. Милорадовича и примѣчаній графа Г. А. Милорадовича: вотъ почему мы вынуждены употребить общее выраженіе о ней, какъ о «Запискѣ черниговскаго духовенства». Записка сообщена изъ Рѣшетилловскаго архива Попова, но напечатана, повидимому, не сполна: изъ заглавія ея видно, что она должна быть гораздо длиннѣе.

Историкъ Малороссіи и города Чернигова Н. А. Маркевичъ записалъ анекдотъ или народное преданіе на счетъ соборнаго черниговскаго колокола, звуками котораго восхищался де князь Потемкинъ, хотѣвшій будто бы увезти колоколъ въ Екатеринославль и т. п. (Черниговъ, Истор.-статистическое описаніе, 1852, стран. 158; тамъ же шутливыя строки по поводу археологическихъ увлеченій стран. 35—36).

27 генваря 1787 г. Государыня Екатерина II была въ Спасскомъ черниговскомъ соборѣ и, осматривая соборъ замѣтила А. В. Храповицкому о древности его, что онъ началъ де строиться въ 1002 г., Мстиславомъ, сыномъ Владимира I: очевидно, либо епископъ Ѳеофилъ, либо архимандритъ Героемъ успѣли передъ тѣмъ высказать государынѣ тотъ же свой взглядъ, что они раньше высказывали князю Потемкину, на древность черниговскаго собора. (А. В. Храповицкій не преминулъ занести

слова государыни въ свой дневникъ; ср. о томъ же въ «Журналѣ Высочайшія путешествія Е. В. госуд. императр. Екатерины II», изд. въ Москвѣ, 1787.)

7. Записка говоритъ здѣсь подлинными словами Кенигсбергскаго или Радзивилловскаго сп. начальной лѣтописи, издан. въ 1767 году; авторъ записки не разъ цитируетъ эту лѣтопись. Кстати: здѣсь мы имѣемъ нѣсколько новый вариантъ о размѣрахъ стѣнъ Спасскаго собора, выстроенныхъ при жизни Мстислава.

8. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книга V, стран. 36, прим. 22. Это предположеніе архіепископа Филарета находится у него въ связи съ общимъ его воззрѣніемъ на теремъ съ епископией и усыпальницей при Спасскомъ соборѣ, о чемъ съ нашей стороны рѣчь будетъ въ концѣ статьи.

Почти одновременно съ Глѣбомъ, погибъ на войнѣ и другой сынъ Святослава, Романъ: „въ лѣто 6587 (1079) убиша за Волокомъ князя Глѣба, мѣсяца мая въ 30; въ то же лѣто убиша половчи Романа». (Новгородская лѣтопись по синодальному харатейн. сп. изд. Арх. Комис. 1888, стран. 117.) А въ Лаврент. сп. лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ, на стран. 198, читается о Романѣ: и «убиша и половци, мѣсяца августа 2 день; суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярославля». Записавшій извѣстіе очевидно находитъ это достойнымъ жалости и позорнымъ, что кости доблестнаго князя, убитаго вѣроломными степняками, находятся не погребенными гдѣ-то тамъ, въ степи, а не въ Черниговѣ, въ отцовской церкви, или иной.

9. Трагическая судьба Игоря Ольговича, внука Святослава, желавшаго стать великимъ княземъ кievскимъ, по смерти брата Всеволода Ольговича, но свергнутаго Изяславомъ Мстиславичемъ, постриженнаго въ монахи, и все-таки казавшагося для кievлянъ опаснымъ и ненавистнымъ, наконецъ убитаго ими (19 сентября 1147 года) — достаточно извѣстна по современной кievской лѣтописи, по житіямъ св. Игоря, по изложеніямъ новыхъ историковъ. Желающихъ прошу смотрѣть и мою статью въ „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ“ за 1893 г., подъ заглавіемъ: Блаженный Игорь Ольговичъ, князь новгородскій и великій князь кievскій.

10. Преосвящ. Макарій (Исторія русс. церкви, томъ III, 77 и примѣч. 170) замѣтилъ, что со времени перенесенія въ Черниговъ мощей св. Игоря Ольговича, или даже со дня самой кончины, память его была чтима мѣстно.

Долго ли мощи св. кн. Игоря стояли подъ теремомъ въ Спасскомъ соборѣ, неизвѣстно; когда и гдѣ были сокрыты, или какъ утратились, также остается неизвѣстнымъ. Сравните замѣчанія о нихъ у новаго историка Церкви, Е. Голубинскаго, въ его специальной, весьма интересной книгѣ: Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви, изданіе 2-е, исправлен. и дополнен., на стран. 58 и въ соотвѣтств. примѣчаніяхъ. Жаль, что у него повторено старое ходячее мнѣніе, будто въ Черниговскомъ соборѣ мощи князя были положены не въ самой церкви, а въ башнѣ, которая пристроена къ самой церкви съ западной стороны, и которая называлась по-древнему теремомъ. Это — не точно. Подъ теремомъ здѣсь разумѣется, не какая-либо большая пристройка у собора, а небольшое сооруженіе надъ гробомъ князя-мученика. (Я надѣюсь сейчасъ доказать это; я былъ бы счастливъ, если бы успѣлъ убѣдить въ этомъ почтеннаго знатока церковной исторіи и русскихъ древностей, и иныхъ читателей моей статьи.)

11. О погребеніи Владимира Давидовича въ Спасскомъ соборѣ говорятъ не древніе лѣтописи, не своды, Лаврентьевскій и Ипатьевскій, а болѣе поздніе: Воскресенскій (Полное собр. русс. лѣтописей, VII, стран. 55), Никоновскій, Тверская лѣтопись.

Давидъ Святославичъ, внукъ Ярослава Мудраго, отецъ Изяслава, Никола-святоши, преподобнаго печерскаго инока, Владимира и иныхъ, скончался въ 1123 году. Есть особая „Повѣсть чудесна“ въ Степенной книгѣ о его кончинѣ, объ отпѣваніи въ Спасскомъ соборѣ и о погребеніи въ церкви Борисоглѣбской, созданной имъ. Ср. у Карамзина И. Г. Р., т. II, примѣч. 228.

Князь Изяславъ Давидовичъ, смертельно раненный въ 1161 году, въ сраженіи подъ Кіевомъ, послѣ нѣкотораго пребыванія въ монастырѣ св. Симеона въ Копыревѣ концѣ, былъ перевезенъ въ Черниговъ, для похоронъ въ Борисоглѣбскомъ храмѣ; въ Ипат. лѣтописи на стран. 354—355, о немъ пишется: «убьенъ же бысть Изяславъ мѣсяца марта въ 6 день, и оттолѣ послаша и Чернигову; Святославъ же (Ольговичъ) спрятавъ тѣло его съ слезами, и положиша тѣло его въ отни ему церкви, у святого мученику Бориса и Глѣба, мѣсяца марта 13, день же бѣ тогда понедѣльникъ». Ср. Карамзина, II, 178—179, и примѣч. 401.

Обращаютъ на себя вниманіе эти тщательныя отмѣтки о днѣ кончины и погребенія князей; очевидно онѣ сдѣланы въ Черниговѣ, при Спасскомъ соборѣ и иныхъ церквахъ, ради того, чтобы совершать въ свое время молитвенную память о нихъ. Эти отмѣтки позже могли послужить матеріаломъ для составленія черниговскихъ синодиковъ, а также войти въ лѣтописные общерусскіе своды.

12. О кончинѣ митр. Константина въ Черниговѣ говорится въ лѣтописи по Лаврент. списку, стран. 331. Сравни. у Карамзина И. Г. Р., т. II, 174 и примѣч. 390 (цитуюмъ пятое изданіе Эйнерлинга)

гдѣ приводится, неизвѣстно, къ сожалѣнію, изъ какой лѣтописи, — повидимому, изъ разряда Ипатьевскихъ — отмѣтка, что тѣло Константина положили, «идѣже Игорь лежить Ярославичъ въ теремѣ». Это вторая отмѣтка старыхъ лѣтописей о теремѣ надъ мощами князя Игоря; названіе «теремецъ» еще лучше подходитъ къ небольшому сооруженію надъ гробомъ его. Только въ названіи Игоря *Ярославича* ошибка: тутъ несомнѣнно разумѣется Игорь Ольговичъ; напрасно исторіографъ Карамзинъ, вопреки его извѣстному критическому такту, не оговорилъ лѣтописной ошибки ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніи къ своей исторіи. Правда, былъ князь Игорь Ярославичъ, сынъ Ярослава Всеволодовича, внукъ Всеволода Ольговича, но онъ жилъ позже Игоря Ольговича и митр. Константина, а скончался около 1200 г.; если даже допустить, что онъ былъ великимъ княземъ Черниговскимъ, по смерти своего отца, что предполагаетъ г. Зотовъ въ изслѣдованіи о черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику, то надобно еще доказать, что онъ былъ дѣйствительно погребенъ въ Спасскомъ соборѣ, и что послѣдующіе лѣтописцы не смѣшали его съ Игоремъ Ольговичемъ: самъ Зотовъ полагаетъ, что лѣтописцы и исторіки смѣшивали Игоря Ярославича съ Игоремъ Святославичемъ новгородскимъ. (Изслѣдованіе Р. В. Зотова помѣщено въ «Лѣтописяхъ занятій Археогр. Комиссіи», вып. 9-й, С.-Пб. 1893. Тамъ къ Игорю Ярославичу относятся стран. 40—41 и 43.) Все это, конечно, нуждается въ лучшемъ, яснѣйшемъ доказательствѣ; мы же пока остаемся при томъ убѣжденіи, что въ цитируемой у Карамзина лѣтописи дѣло идетъ о теремѣ надъ гробомъ Игоря Ольговича, а не другого князя и что рядомъ съ его именно гробомъ положено было тѣло митр. Константина.

Церковная память блаженныхъ Игоря и Константина положена въ одинъ и тотъ же день 5-го іюня: (см. Н. Барсукова, Источники русской агиографіи, гдѣ не мало есть цѣнныхъ указаній о нихъ). Стѣнные изображенія въ соборѣ обоихъ святыхъ помѣщались рядомъ; нынѣ иконы обоихъ находятся также рядомъ, въ правомъ юго-западномъ углу собора, по сторонамъ арки, ведущей къ гробницѣ святителя Θεодосія. Посему надо думать, что въ этой именно сторонѣ, а не въ лѣвой сѣверо-западной сторонѣ собора, были первоначально поставлены гробы князя Игоря Ольговича и митрополита Константина.

Еще одна замѣтка: на бронзовой золоченой доскѣ, сдѣланной при соборномъ старостѣ, черниговскомъ губернаторѣ, А. К. Анастасіевѣ, прибитой на столбѣ Борисоглѣбскаго собора, обозначены имена князей, похороненныхъ въ соборахъ, при чемъ объ Игорѣ Ольговичѣ, къ сожалѣнію, сдѣланы сразу двѣ ошибки: «убить де князь отъ татаръ, въ 1117 году», не говоря также о спорномъ обозначеніи, что онъ погребенъ «въ красномъ теремѣ». Всѣ эти вопіющія ошибки необходимо исправить: на красивой доскѣ, красиво награвированныя онѣ становятся особенно вопіющими.

13. Вполнѣ согласны въ данномъ случаѣ съ преосвященнымъ Филаретомъ: Истор.-стат. описаніе Черниг. епархіи, V, стран. 37, примѣч. 27. Ср. Зотова на стран. 39—40. Въ Ипат. сп. лѣтописи подъ 1164 годомъ читается: «преставися же Святославъ мѣсяца февраля въ 15 день, а въ 17 вложенъ бысть въ гробъ, въ понедѣльникъ». (Ипат. 358.)

14. Нѣкоторые изслѣдователи подвергаютъ сомнѣнію, чтобы новгородскій князь Игорь Святославичъ перешелъ подъ конецъ жизни на старшій столъ черниговскій: Зотовъ, стран. 42—43; но преосв. Филаретъ и Голубовскій за то, что онъ сидѣлъ на этомъ старшемъ столѣ: въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ прямо говорится въ Ипатск. сводѣ лѣтописномъ, тотчасъ за извѣстіемъ о кончинѣ и погребеніи Ярослава Всеволодовича: Ипатск., стран. 474; Истор.-ст. опис. Черн. епархіи V, стран. 38, примѣч. 29; П. В. Голубовскій, Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка, Кіевъ, 1881, на стран. 168. Здѣсь кстати мы должны отмѣтить другой трудъ подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, того же 1881 года, принадлежащій Д. И. Багалѣю: оба труда молодыхъ въ то время ученыхъ исполнены основательно, съ большимъ внутреннимъ интересомъ къ дѣлу; оба труда — теперь необходимое пособіе къ изученію исторіи Черниговскаго княжества.

15. Лѣтоп. по Ипат. сп. подъ 1196 годомъ, на стран. 497, дѣлаетъ торжественный и очень сочувственный отзывъ о семъ храбромъ князѣ, достойномъ сподвижникѣ своего брата. Преосв. Филаретъ полагаетъ, что подъ церковію Богородицы, въ коей похоронили князя Всеволода Святославовича, разумѣется церковъ Благовѣщенія, построенная Святославомъ Всеволодовичемъ, освященная въ 1186 году: Ипат. 439; Истор.-ст. опис. Черниг. епархіи V, 60—61. Раньше профессоръ Домбровскій (Очеркъ исторіи города Чернигова и его области, Кіевъ, 1846, стран. 44—45) также думалъ, что мѣстомъ погребенія Всеволода Святославовича былъ не Елецкій монастырь, а иная церковъ Пресв. Богородицы. А за Елецкій монастырь высказываются доселѣ протоіерей П. Лебединцевъ и священникъ А. Н. Еоимовъ: «По поводу 900-лѣтія черниговской архіер. кафедръ» («Кіев. Стар.» 1892, октябрь, стран. 2); «Черниговскій Елецкій монастырь», Черниг. 1903, стран. 222. Не знаемъ, гдѣ правда; нужны прочныя основанія и рѣшительныя доказательства, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ. А пока замѣтимъ, что преосв. Филаретъ смѣшиваетъ князя Буй-туръ Всеволода Святославовича, брата Игоря, съ сомненнымъ ему Всеволодомъ Святославичемъ, по прозванію Чернымъ: этотъ Всеволодъ былъ сынъ Святослава Всеволодовича, и отецъ св. князя Михаила, пострадавшаго въ Золотой Ордѣ отъ Батты; въ Любецкомъ синодикѣ онъ называется Всеволодъ-Даниль; скончался въ Чер-

ниговѣ, 1214 году, при осадѣ города враждебными ему князьями, и погребенъ, по увѣренію преосвященнаго Филарета, въ Спасскомъ соборѣ: кн. V, 38, примѣч. 31; но это погребеніе въ соборѣ нельзя считать точно доказаннымъ фактомъ: лѣтописи не говорятъ объ этомъ обстоятельстве. Итакъ, о князѣ Буй-турѣ Всеволодѣ Святославичѣ и соименномъ ему Всеволодѣ-Даніилѣ Святославичѣ Черномъ неизвѣстно съ точностью, въ какихъ черниговскихъ церквахъ они положены: о первомъ имѣется въ лѣтописи отмѣтка общая, что его положили «во церкви святоѣ Богородицы, в Черниговѣ» (т.-е. въ Ипат. сц., стран. 467), но не сказано ближе, въ Елецкомъ монастырѣ, или въ Благовѣщенской, недавно выстроенной церкви; а о второмъ въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ нѣтъ свѣдѣній, гдѣ онъ похороненъ, хотя, безъ сомнѣнія, похороненъ въ Черниговѣ, гдѣ онъ скончался, какъ было выше сказано, при осадѣ города. Можетъ быть, нужно принять мнѣніе М. Е. Маркова, который, на основаніи ему извѣстныхъ лѣтописцевъ, говоритъ, что Всеволодъ Святославовичъ Черный погребенъ въ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ. (О достопамятностяхъ Чернигова, стран. 11. То же сказано имъ въ росписи князей, похороненныхъ въ Черниговѣ: Сборникъ рукописныхъ статей Маркова о Черниговѣ, въ Румянцев. Музеѣ, томъ II, стран. 317.)

16. Лѣтопись по Ипат. сп., стран. 229 и стран. 457. Ср. изслѣдованія Зотова, стран. 75.

17. Задача была бы не легкою даже и послѣ того, какъ были уже сдѣланы замѣчательные опыты изученія черниговскихъ синодиковъ, особенно синодика Любецкаго, въ трудахъ преосвящ. Филарета и Р. В. Зотова. Послѣдній авторъ поправляетъ и дополняетъ перваго; его изслѣдованіе въ высшей степени тщательное, добросовѣстное; но не все и въ немъ доказано съ полной убѣдительностью и окончательно. Причина въ томъ, что въ синодикахъ множество князей и княгинь, названныхъ не въ строгомъ порядкѣ времени именами княжескими, или мірскими, крещеными, иногда иноческими: крайне трудно разбираться въ этомъ обширномъ именословѣ; поневолѣ приходится прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ; хорошо, если догадка удачна; въ противномъ случаѣ она еще больше усложняетъ и запутываетъ дѣло.

Въ 1792 году, протоіерей Спасскаго собора и префектъ Черниговской духовной семинаріи, Іоаннъ Левицкій, составилъ «Реестръ князьямъ черниговскимъ и другимъ нѣкоторымъ, погребеннымъ въ Черниговѣ съ показаніемъ времени ихъ кончины и мѣста, гдѣ погребены, съ означеніемъ лѣтописцевъ, о семъ свидѣтельствующихъ». (Цитуются «Библіотека россійская историческая», въ коей помѣщена начальная лѣтопись по Кенигсбергскому или Радзивиловскому списку; лѣтопись по Никонову списку; рукопись іеромонаха Леонтія Боболинскаго, принадлежащая Чернигов. духов. семинаріи, и Исторія россійская кн. М. Щербатова.) Реестръ послѣ напечатанъ въ приложеніи къ «Лѣтописи Григорія Грабянки», К. 1854. Раньше въ 1852 году его напечаталъ Н. А. Маркевичъ, въ приложеніи къ книгѣ «Черниговъ, Истор. и статистич. описаніе», но съ неточнымъ замѣчаніемъ, на стран. 159, примѣч. 2, будто реестръ составленъ бывшимъ архимандритомъ Елецкаго монастыря, Симеономъ: это только копія съ реестра Левицкаго, для своего времени почтеннаго труда, хотя и не свободнаго отъ ошибокъ, недомолвокъ и т. п. Директоръ Черниговской гимназіи, М. Е. Марковъ, авторъ нѣсколькихъ историческихъ статей о Черниговѣ, почтенный и трудолюбивый, также пробовалъ составить списокъ князей, погребенныхъ въ Черниговѣ, но списокъ вышелъ небольшой, короче, чѣмъ у Левицкаго, и также съ ошибками. Теперь можно исправить и дополнить ихъ на основаніи новыхъ данныхъ. Одну ошибку надобно теперь же оговорить: она касается князя Бориса Вячеславича, внука Ярославова, убитаго въ сраженіи на Нѣжатиной нивѣ, въ 1078 году, и будто бы погребеннаго въ Спасскомъ соборѣ: у Левицкаго и Маркова онъ называется Борисомъ *Святославичемъ*; въ эту ошибку оба автора введенны печатнымъ изданіемъ Кенигсбергской лѣтописи, въ рукописномъ подлинникѣ которой значится однако правильно Борисъ «Вячеславичъ». И неизвѣстно почему Левицкій даетъ ему мѣсто среди похороненныхъ въ Спасскомъ черниговскомъ соборѣ: этого нельзя доказать въ отношеніи сего князя; для Чернигова онъ былъ чужой князь, хотя, съ другой стороны, и трудно сказать, гдѣ же именно похоронили этого князя-изгоя.

18. Въ новѣйшей статьѣ о. А. Н. Еоимова, «Черниговскіе кафедральные соборы, Златоверхій Спасопреображенскій и Борисоглѣбскій», Черн. 1908, говорится на стран. 51: «въ Любецкомъ синодикѣ, почти съ каждымъ великимъ княземъ упоминается и супруга его; безъ сомнѣнія, и всѣ великія княгини, умиравшія въ Черниговѣ, хоронились въ Спасопреображенскомъ соборѣ, или на погостѣ его». Итакъ вопросъ собственно остается нерѣшеннымъ: не безразлично именно то, хоронились ли княгини на погостѣ, или въ самой соборной церкви, или, быть можетъ, въ иныхъ церквахъ, наприм. въ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ, или у церкви св. Параскевы Пятницы. (Вѣдь, преосвященный Филаретъ не безъосновательно доказывалъ, что церковь св. Пятницы съ дѣвичьимъ монастыремъ при ней, была построена уже въ XI вѣкѣ: Истор.-статистич. опис. Черн. епархіи книга IV, глава о Пятницкомъ монастырѣ.) Болѣе правильнымъ представляется замѣчаніе почтеннаго автора о томъ, что Спасопреображенскій соборъ былъ по преимуществу усыпальницею вел. князей, а Борисоглѣбскій — главнымъ образомъ архипастырей Черниговскихъ: стран. 54. Но и это общее замѣчаніе требуетъ болѣе точ-

Труды XIV Съѣзда. Т. III.

наго и обоснованного доказательства; относительно же Спасского собора намъ пришлось употребить методъ ограниченій до изыятій, и вывести то заключеніе, что соборная княжеская усыпальница была не велика.

Вообще трудно теперь гадать о кладбищахъ древняго Чернигова, о той обстановкѣ, въ какой находились церкви внутренняго или «дѣйствительнаго града» его, по выраженію начальной лѣтописи, и «окольнаго града» (Лаврент. 195; Ипат. 141, подъ 1708 г.), насколько тотъ и другой городъ тѣсно застроены были жилыми зданіями, насколько былъ силенъ обычай хоронить знатныхъ людей въ церквяхъ или при церквяхъ и т. п. Все это — говоримъ — трудно угадать черезъ рядъ вѣковъ, которые пережилъ старый Черниговъ съ его церквами, изъ коихъ однѣ безслѣдно исчезли, другія совсѣмъ измѣнили свой видъ, утрата почти все, что было въ нихъ или около нихъ. Время измѣняетъ все почти до неузнаваемости, и древнерусскій городъ, съ его бытовой складкой, совсѣмъ не похожъ на городъ современный.

19. Графъ Милорадовичъ, Описаніе чернигов. соборовъ, стран. 11.

20. Этотъ важный документъ напечатанъ въ названной выше статьѣ священн. А. Н. Еѣимова, а раньше имъ же въ «Чернигов. Епарх. Изв.» за 1908 г. и въ «Чернигов. Вѣдомост.» за 1903 годъ.

21. Понимаемъ дѣло такъ, что члены Консисторіи сначала порознились въ своихъ мнѣніяхъ о надобности задѣлывать склепъ, а потомъ всѣ, или большинствомъ, рѣшили дѣло въ смыслѣ предложенія соборнаго протоіерея. Постановленіе подписали архимандритъ Елецкій Іерофей, игуменъ Густынский Порфирій и намѣстникъ іерей Григорій.

22. Труды и Лѣтописи Общества исторіи и древностей, часть III, кн. 2, стран. 103—107; 136—149. Обѣ статьи были извѣстны преосв. Филарету: V, 34.

23. Черниговскіе кафедральные соборы, стран. 45; сп. 47. О склепахъ вообще въ Спасскомъ и Борисоглѣбскомъ соборахъ соображенія автора въ 3-й главѣ статьи.

24. Ипат., стран. 357—358. Епископъ Антоній, родомъ грекъ, все-таки вступилъ въ сношенія съ княземъ новгородѣверскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, племянникомъ покойному Святославу Ольговичу, тайно приглашалъ его поскорѣе ѣхать въ Черниговъ и занять городъ, до пріѣзда Олега Святославича, что и исполнилось. Но епископъ Антоній кончилъ свою службу тѣмъ, что былъ изгнанъ изъ Чернигова. Любопытно, что лѣтопись зоветъ его «пискупомъ», а не «епископомъ»: тутъ слышится въ легкой формѣ презрѣніе; въ старину «пискупъ» говорилось первоначально про латинскихъ епископовъ.

25. Истор.-стат. опис. Черниг. епархіи, кн. V, стран. 48—55; 82—83. Акты Западной Россіи, I, № 168, стран. 192—193: грамота 1499 года в. кн. Александра нареченному епископу черниговскому и брянскому, Іонѣ, о предоставленіи боярину его Григорію въ держанье церковнаго сельца Очкасова съ угодьями, по данной предмѣстника его, владыки Нектарія. (Въ грамотѣ говорится про сельцо св. Спаса, на имя Очкасово, а не про Жолвинку: скорѣе это сельцо церковное брянское, а не черниговское собственно.) Дополненія къ Актамъ историческимъ, VI, № 129, на стран. 378—379: жалованная грамота протоіерею Спасскаго чернигов. собора, Петру Кричевскому, на деревню Жолвинку, на озеро Спасское и мельницу Жолвинскую на рѣкѣ Бѣлоусѣ, отъ 1675 года апрѣля 30, въ подтвержденіе прежней грамоты 1668 года, на владѣніе тѣми же мѣстами и угодьями. (Въ грамотѣ и другихъ не сказано, чтобы деревня Жолвинка была соборное владѣніе издревле.)

26. Отецъ А. Н. Еѣимовъ пишетъ: «въ этотъ по воспоминанію годъ, 1239, по свидѣтельству лѣтописца, городъ былъ разграбленъ и сожженъ, а съ нимъ вмѣстѣ пострадалъ и знаменитый Спасовъ храмъ: отъ него уцѣлѣли только нижнія части стѣнъ и столбовъ, и цокольный подвальный этажъ. (Дѣлается ссылка на книгу А. Новицкаго, Исторія русскаго искусства, стран. 46.) Но благодаря заботливости черниговскихъ іерарховъ и князей былъ возобновленъ, и въ такомъ видѣ простоялъ до 1611 года» и проч., на стран. 14 статьи о соборахъ, выше указанной нами. По этому поводу нужно замѣтить слѣдующее: у Новицкаго не сказано, чтобы разрушеніе собора произошло при нашествіи татаръ 1239 года; онъ дѣлаетъ только общее замѣчаніе, что по его соображенію, осталось отъ древняго собора до настоящаго времени; по контексту же почтеннаго отца Еѣимова выходитъ, что Спасскій соборъ былъ разрушенъ чуть не весь, въ это самое нашествіе татаръ Батыею. Это не вѣрно; повторяемъ еще разъ, что уцѣлѣли не только стѣны собора, но даже колонны и хоры его.

27. Въ небольшой, скудной свѣдѣніями о черниговскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ статьѣ въ «Исторіи Россійской іерархіи» Амвросія, часть III, стран. 426, замѣчено одно это важное обстоятельство, что послѣ Батыева нашествія Борисоглѣбскій монастырь былъ возобновленъ преосв. митрополитомъ Максимомъ. Обстоятельство вѣроятное, любопытное, откуда бы ни было заимствовано извѣстіе о немъ.

28. Истор.-стат. опис. Черниг. епархіи V, 4—5. Академикъ Голубинскій замѣчаетъ о мощахъ св. князя Михаила и св. боярина Феодора, пострадавшихъ въ Ордѣ, 20 сентября 1246 года, что неизвѣстно, когда они были перенесены въ Черниговъ, и положены здѣсь въ кафедральномъ со-

борѣ: Исторія русской церкви, томъ II, первая половина, стран. 47, примѣч. 1. О нихъ же сравни въ другой книгѣ того же ученаго: Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви, изд. 2-е стран. 62. Ранѣе, М. Е. Марковъ, въ спискѣ князей, похороненныхъ въ Черниговѣ, оговаривался: «неизвѣстно, гдѣ погребенъ былъ въ Черниговѣ св. Михаилъ Всеволодовичъ». Марковъ, какъ видно, сомнѣвался, чтобы онъ былъ положенъ въ Спасскомъ соборѣ, по крайней мѣрѣ на первое время.

29. Здѣсь преосв. Филаретъ ссылается на книгу архимандрита Елецкаго мон. Іоаннікія Галатовскаго, называемую «Скарбница», т.-е. описаніе чудесъ отъ Елецкой иконы Божіей Матери: интересная книга для исторіи иконы и Елецкаго монастыря, одна изъ самыхъ характерныхъ мѣстныхъ книгъ XVII вѣка. (Напечатана въ 1676 г., въ Новгородѣ Сѣверскомъ; экземпляръ книги есть въ Троицкомъ архіерейскомъ домѣ.)

30. «Руно орошенное», листы 103—104, по 5-му изданію книги 1702 года: не менѣе «Скарбницы» интересна черниговская книга, описывающая чудеса отъ Троицко-Ильинской Иконы Божіей Матери. (Мы пользовались ею также въ библиотекѣ Троицк. архіерейскаго дома.)

Василій Андреевичъ Дунинъ-Борковский, иначе Василій Кашперовичъ Бурковский (повидимому, онъ былъ польскаго происхожденія, либо же изъ униатовъ) скончался въ 1702 году, похороненъ въ Елецкомъ монастырѣ. Надгробная о немъ надпись въ стихахъ, сочиненная Іоанномъ Максимовичемъ, передана въ книгѣ о. А. Н. Еоимова, Чернигов. Елецк. монастырь, 223—225. Замѣчанія о немъ: у Д. Н. Бантыша Каменскаго, Исторія Малой Россіи, стран. 327, стран. 399 и 561, примѣч. 2. (Цитуемъ 4-е изданіе книги, К. 1903); у Н. А. Маркевича, Исторія Малоросс. II, 310, и Черниговъ, Историч. и стат. описаніе, 46.

31. Въ статьѣ протоіер. Платонова, Черниговскіе кафедральные соборы и ихъ достопримѣчательности, мы встрѣтили интересное свѣдѣніе о хранящихся въ соборѣ въ двухъ «блѣтахъ» съ лѣтописными отмѣтками. Одна отмѣтка гласитъ: «1750 года старый городъ Черниговъ отъ пожара бывшаго весь выгорѣлъ, и того же времени сія Всемиловитого Спаса церковь вся обгорѣ, вовсе разорися». Другая говоритъ: «1754 года, Божіею помощію, послѣ пожара совсѣмъ возобновися храмъ сей, и за благословеніемъ ясне къ Богу преосвященнаго киръ Ираклія Комаровскаго освятися». (Юбилейный сборникъ въ память 900-лѣтія епископской кафедрѣ въ г. Черниговѣ, Черн. 1893, стран. 75—76.) Итакъ еще до Феофила Игнатовича былъ произведенъ ремонтъ собора.

32. Достаточныя свѣдѣнія о семъ даются въ брошюрѣ П. М. Добровольскаго, Архивъ Черниговскаго кафедральнаго собора, Черн. 1902. Тамъ же свѣдѣнія о ремонтѣ собора, при церковномъ старостѣ, губернаторѣ А. К. Анастасьевѣ, и при церковномъ старостѣ, А. А. Ханенкѣ. О новѣйшихъ ремонтахъ смотр. въ статьѣ о. А. Н. Еоимова, выше цитованной.

33. Историко-статистическое описаніе Чернигов. епархіи, кн. V, стран. 11—19, и указанная брошюра г. Добровольскаго, гдѣ еще болѣе обстоятельно излагается планъ живописныхъ работъ, составленный прот. Еленевымъ.

34. «Черниговскаго Намѣстничества Топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи» было въ рукописи поднесено авторомъ государынѣ Екатеринѣ II, при посѣщеніи ею Чернигова, въ генварѣ 1787 г. Но печатное изданіе книги было сдѣлано только въ 1851 г., въ Кіевѣ, М. Судіенкомъ.

35. Записка Должикова была названа выше и въ примѣч. 22. «Извлеченіе изъ археологическаго путешествія Павла Свинына, въ 1825 г., въ тѣхъ же «Трудахъ и лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древн.» часть III, кн. 1. Ср. въ цитованной, въ примѣч. 15, книжкѣ проф. Домбровскаго, на стран. 37, такое общее замѣчаніе: «Спасскій храмъ служилъ и мѣстомъ земнаго упокоенія для князей черниговскихъ: въ особомъ теремѣ его были предаваемы погребенію ихъ смертные останки». Но приводится только одинъ примѣръ Игоря Ольговича. Впрочемъ о теремѣ-башнѣ не говорится.

36. Черниговъ. Истор. стат. опис. стран. 40. Графъ Милорадовичъ предполагалъ нѣчто подобное: въ Спасскомъ соборѣ, въ правомъ западномъ углу отъ башни «Красный теремъ», на аркахъ изображены блажен. Константинъ, м. кіевскій, и блаж. Игорь; не было ли тогда изъ Краснаго терема подземнаго хода подъ церковь, и не надъ ихъ ли гробами ихъ лики изображены? (Опис. чернигов. соборовъ, стран. 29). А впрочемъ это замѣчаніе быть можетъ хотѣтъ сказать, что гробницы м. Константина и кн. Игоря были подъ поломъ собора, въ правомъ углу, противоположномъ отъ башни Краснаго терема. (Какъ-то неясно сказано.)

37. Понятіе «епископіи» какъ-то колеблется у преосв. Филарета. Онъ знаетъ мѣсто Ипат. лѣтописи о положеніи князя Ярослава Всеволодовича «во церкви св. Спаса, во епископіи», (Ипат. 474, подъ 1198 г., а не подъ 1200 годомъ), и дѣлаетъ правильный выводъ: «итакъ соборъ св. Спаса былъ кафедральнымъ соборомъ черниговскаго архипастыря». Но въ заглавіи статьи «Теремъ съ епископіею» дается понятіе, что тутъ какъ будто разумѣется зданіе епископской палаты въ теремѣ. Вотъ почему выше мы нашли нужнымъ рѣшительно высказаться, что «епископія» есть собственно понятіе объ архіерейской кафедральной церкви, и больше ничего, въ тѣхъ текстахъ лѣтописи, которыя приведены нами.

38. Не можемъ сказать, когда и кѣмъ была заявлена печатно мысль о теремѣ, какъ навѣсѣ, или балдахинѣ надъ мощами. Вполнѣ ясное, опредѣленное выраженіе этой мысли мы встрѣтили въ статьѣ протоіер. П. Лебединцева, — въ названной выше его статьѣ, По поводу 900-лѣтія Чернигов. архіерейской каѳедры. (Кіев. стар. 1892, сентябрь, стран. 356.)

39. Хоженіе за три моря Аванасія Никитина, въ 1466—72 годахъ. Чтенія И. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1857, на стран. 62. (Тщательное изданіе съ цѣнными примѣчаніями).

40. Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ, Моск. 1784: въ этой книгѣ есть и житіе Игоря Ольговича, которое заканчивается словами, что его положили «въ церкви Всемилоствиваго Спаса, въ епископіи, въ теремѣ красномъ». Житіе, вѣроятно, идетъ изъ Чернигова же, отъ кого-нибудь мѣстныхъ духовныхъ лицъ. (Кстати замѣтимъ, что составителемъ «Опыта», одного изъ первыхъ агіографическихъ словарей нашихъ, былъ С. Соковнинъ, какъ это объяснено въ словарѣ свѣтскихъ писателей м. Евгенія Болховитинова.)

Протоіер. Левицкій, въ его реестрѣ, также говоритъ про Игоря Ольговича, что онъ погребенъ «въ церкви Спасской въ красномъ теремѣ». (Реестръ составленъ въ 1792 г.)

Кіевскіе храмы домонгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византійскому зодчеству.

Проф. Г. Г. Павлуцкій.

Научное изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ исторіи русскаго искусства домонгольскаго періода, далеко еще нельзя назвать законченнымъ; напротивъ, во многомъ оно едва только начинается. Конструктивныя формы древнихъ Кіевскихъ храмовъ въ ихъ исторической перспективѣ совершенно не изслѣдованы. Въ литературѣ, посвященной имъ, не разработанъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ византійскому зодчеству. На основаніи свидѣтельствъ лѣтописей мы знаемъ, что всѣ произведенія монументальнаго искусства великокняжеской эпохи исполнены у насъ греками, специально приглашенными изъ Византіи. Но когда возникаетъ вопросъ по какому византійскому образцу выстроены, напримѣръ, Кіево-Софійскій соборъ, этотъ наиболѣе великолѣпный памятникъ архитектуры домонгольскаго періода, то отвѣты даются самые разнообразныя: одни изслѣдователи полагаютъ, что образцомъ для него послужилъ соборъ св. Марка въ Венеціи, другіе такимъ образцомъ считаютъ св. Софію Константинопольскую¹⁾, третьи, наконецъ,—церковь Пантократора въ Константинополѣ. Пора уже отдать себѣ отчетъ въ строительныхъ формахъ древне-русскаго храма и не блуждать въ потемкахъ. Въ настоящемъ докладѣ я и вознамѣрился сдѣлать попытку пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Для этого я считаю нужнымъ изложить въ краткихъ чертахъ процессъ развитія формъ византійскаго церковнаго зодчества; а для того, чтобы лучше выяснитъ характеръ византійской архитектуры и ея идеи, слѣдуетъ привлечь сюда и западную базилику.

Христіанскіе архитекторы создали для постройки храма два различныхъ типа: базилику и купольную ротонду или центровую постройку съ куполомъ. Первая форма особенно характерна для Запада, а вторая—для Востока. Раньше достигаетъ своего развитія базилика. Она дѣлается главнымъ зданіемъ христіанства. Существенныя черты этой формы удержались во всѣхъ позднѣйшихъ архитектурныхъ стиляхъ Западной Европы—въ романскомъ и готическомъ. Я не стану описывать устройство базилики или говорить объ ея происхожденіи. Скажу только, что я раздѣляю взглядъ западныхъ историковъ, по которому базилика, а не восточная ротонда, представляетъ прекрасное разрѣшеніе задачи христіанскаго церковнаго зодчества. Задача эта состояла въ томъ, чтобы построить такое зданіе, въ которомъ бы

¹⁾ Труды III Археол. Съѣзда. Кіевъ, 1878, т. I, стран. 64.

всѣмъ находящимся въ немъ, большому собранію вѣрующихъ, было одинаково хорошо видно и слышно. Колонны, раздѣляющія базилику на нѣсколько нефовъ, не препятствуютъ этой цѣли. Такъ какъ колонна имѣетъ цилиндрическую поверхность, то она не закрываетъ внутренности зданія. Это — не то, что четырехугольный столбъ. Колонна — это такая часть архитектуры, которая не только подпираетъ потолокъ, но также и открываетъ внутренность; она противоположна стѣнѣ, которая совершенно закрываетъ внутренность зданія. Имѣя передъ собой колонну, зритель видитъ такую поверхность, которая загибается внутрь зданія, удаляется отъ зрителя внутрь, чтобы своею гладью не закрывать отъ его глазъ внутренности зданія. Это прекрасно сознавали древне-греческіе архитекторы. Чтобы нѣсколько подорвать значеніе колонны, какъ архитектурнаго члена, назначеніе котораго исключительно состоитъ въ томъ, чтобы открывать внутренность, и чтобы зритель не упускалъ изъ виду и значеніе колонны, какъ члена, который усиленно подпираетъ — они покрываютъ колонну вертикальными бороздами или ложками, и такимъ образомъ немного уничтожаютъ ея цилиндрическую поверхность.

Итакъ, колонны, являясь необходимостью въ базиликѣ (такъ какъ онѣ подпираютъ потолокъ), въ то же время не препятствуютъ зрителю видѣть всю внутренность зданія. Со стороны идеи базилика создана съ удивительною простотой и ясностью. Прежде всего подчеркнуто протяженіе въ длину, къ алтарю. Повсюду господствуетъ круглая (дугобразная) линія. Взоръ зрителя скользитъ между колоннами, а затѣмъ черезъ огромную триумфальную арку проходитъ дальше и снова находитъ ту же изогнутую линію въ полукуполѣ алтаря или абсиды. Абсида — это главный и конечный пунктъ зданія, къ которому стремится взоръ, на который направлены всѣ главныя линіи. Архитектурному впечатлѣнію въ сильной степени способствуетъ освѣщеніе. Базилика получаетъ свой свѣтъ черезъ окна, продѣланныя высоко въ стѣнахъ средняго нефа подъ потолкомъ. Взоръ молящихся невольно устремляется вверхъ, къ источнику свѣта, слѣдовательно, въ направленіи, которое соотвѣтствуетъ ихъ мыслямъ. Изъ средняго нефа хорошо видны поперечный нефъ или трансептъ и абсида или алтарь, также сильно освѣщенные, такъ какъ окна находятся въ стѣнѣ трансепта, противоположной абсидѣ. Свѣтъ, слѣдовательно, ударяется въ абсиду. Вотъ какой обдуманной простотой отличается все зданіе базилики.

На востокъ преобладающее значеніе получила купольная ротонда. Круглое зданіе, крытое куполомъ, было извѣстно еще въ доисторическую пору, конечно, въ грубомъ видѣ (напримѣръ, сокровищница царя Атрея въ Микенахъ). Типъ круглаго храма особенно широко привился и распространился въ Римѣ. Грандіознѣйшій представитель римской ротонды — Пантеонъ. Куполъ здѣсь лежитъ прямо на стѣнномъ кольцѣ. Поэтому стѣны его необыкновенно толсты. На Востокъ мы имѣемъ храмъ, подобный Пантеону; эта церковь св. Георгія въ Оессалоникахъ IV или V вѣка. Но Пантеонъ — слишкомъ массивное громоздкое зданіе.

Усилія византійскихъ архитекторовъ были направлены къ тому, чтобы уменьшить куполъ, т.-е. приподнять его надъ землей, поставить на столбы или колонны.

И вотъ получился храмъ, въ которомъ куполь покрываетъ лишь центральную часть зданія. Эта центральная часть округлена галлереей, которая увеличиваетъ собой вмѣстительность зданія. Такова церковь **San Vitale** въ Равеннѣ, построенная при Юстиніанѣ. Куполь ея поддерживаютъ восемь столбовъ. Столбы эти подперты контрфорсами и сводами, распоръ которыхъ уравнивалъ распоръ купола и которые были замаскированы окружающей галлереей.

Такъ создавался центрально-купольный храмъ съ восьмиграннымъ основаніемъ или октогонъ.

Этотъ типъ храма, отъ котораго пошло дальнѣйшее развитіе византійской архитектуры. Между **San Vitale** и типическимъ зданіемъ византійскаго храма XII вѣка существуетъ цѣлый рядъ звеньевъ непрерывной цѣпи. При этомъ, всѣ главныя идеи будущей вершины уже намѣчены въ другихъ постройкахъ Юстиніановой эпохи.

Типъ центрально-купольнаго храма съ восьмиграннымъ основаніемъ въ противоположность базиликѣ, плохо отвѣчаетъ той цѣли, для которой онъ предназначался. Зданіе заключаетъ въ себѣ вопіющее противорѣчіе: мы видимъ здѣсь рѣзкую концентрацію, но его органическое единство разрушается абсидой (алтаремъ), пристроенной сбоку. Зданіе по идеѣ—концентрическое, всѣ части направлены къ центру и здѣсь долженъ былъ бы находиться алтарь. Но алтарь долженъ быть на востокѣ. Нужно было поэтому создать мѣсто для алтаря, и концентрація была разрушена въ пользу продольнаго направленія. Однако столбы повсюду мѣшаютъ вѣрующимъ видѣть богослужебное дѣйствіе. На западѣ очень хорошо чувствовали это несогласіе между формой и содержаніемъ и потому рѣдко употребляли центрально-купольную постройку для цѣлей культа; ею пользовались для баптистерій и мавзолеевъ. Баптистерію легко было придать круглую форму, потому что тамъ стоялъ водоемъ для крестящихся, а въ мавзольѣ посрединѣ находился саркофагъ.

Дальнѣйшія усилія византійскихъ архитекторовъ были направлены къ тому, чтобы создать компромиссъ, связать центрально-купольную форму съ формой четырехугольной, нѣсколько продолговатой, напоминающей базилику. Одновременно съ **San Vitale** строится церковь св. Сергія и Вакха въ Константинополѣ. Мы видимъ здѣсь вокругъ восьмиграннаго основанія не восьмистороннюю галерею, а просто четырехугольный футляръ, съ выступающей абсидой на восточной сторонѣ.

Этотъ типъ продолжалъ существовать еще долго. Впослѣдствіи, въ XI и XII вѣкахъ, въ разныхъ мѣстахъ Греціи были построены храмы, конструкція которыхъ была основана на принципѣ восьмиграннаго основанія.

Таковы церкви св. Луки въ Фокидѣ, св. Никодима въ Аѣинахъ, Дафни близъ Аѣинъ, св. Софіи въ Номенвасіи и т. д.

Въ этихъ зданіяхъ распоръ купола сосредоточенъ въ восьми точкахъ опоры арокъ, чѣмъ и обусловлено особое устройство замаскированныхъ контрфорсовъ.

Но изъ того корня, какимъ являются **San Vitale** и церковь св. Сергія, уже при Юстиніанѣ вырастаетъ вѣтвь, которой и суждено было стать главнымъ стволомъ дерева. Главной постройкой Юстиніана была св. Софія Константинопольская, гдѣ компромиссъ, намѣченный церковью св. Сергія, гораздо болѣе ярко подчеркнутъ:

сочетаніе базилики съ восьмиграннымъ храмомъ выступаетъ еще больше. Святая Софія—это тотъ же храмъ св. Сергія, только растянутый въ длину. Благодаря такой растянутости, куполь очутился въ серединѣ между четырьмя столбами. Для того, чтобы куполь не упалъ, чтобы обезвредить его распоръ, столбамъ даны упоры: съ сѣвера и съ юга столбы арокъ укрѣплены четырьмя громадными контрфорсами, а съ востока и съ запада полукуполами (каждый изъ полукуполовъ, въ свою очередь, подпирается парой меньшихъ полукуполовъ).

Св. Софія Константинопольская—это чисто искусственное и индивидуальное твореніе. Но оно чрезвычайно важно потому, что здѣсь впервые была предложена смѣлая задача поставить куполь на четырехъ столбахъ. Этимъ дана была новая тема византійской архитектурѣ.

Вообще куполь самъ по себѣ не былъ новостью и этимъ византійцы не прославились бы: у римлянъ куполь былъ разработанъ; но византійскій куполь лежитъ на четырехъ столбахъ, тогда какъ у римлянъ онъ лежалъ на стѣнномъ кольцѣ. Эту смѣлую задачу мы и видимъ впервые въ св. Софіи Константинопольской. Съ этихъ поръ путь византійской архитектурѣ указанъ: создать типъ центрально-купольнаго храма, въ которомъ куполь поставленъ на четыре устоя. Все зданіе имѣетъ продолговатую четырехугольную форму.

Съ этого момента вся изобрѣтательность византійскихъ зодчихъ сводилась къ тому, чтобы придумать такую комбинацію внутренняго устройства, придумать такія подпоры, которыя поддерживали бы куполь и въ то же время не загромождали бы зданія, потому что въ св. Софіи вся внутренность, дѣйствительно, искусственна и сильно загромождена.

Опять-таки при Юстиніанѣ появляется церковь св. Софіи Солунской, гдѣ система подпоръ примѣнена иная, чѣмъ въ св. Софіи Константинопольской, а именно столбы и арки подперты коробовыми сводами. Кромѣ того, столбы расчленены на части; въ нихъ устроены разгрузныя арки, вслѣдствіе чего уменьшена массивность столбовъ.

Византійскіе архитекторы дальше пошли по этому пути, т.-е. поставили себѣ задачу облегчать столбы, на которыхъ покоится куполь.

Въ царствованіе Василія I (вторая половина IX вѣка) зодчіе создали такой типъ храма, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на все дальнѣйшее церковное строительство (зодчество). Это именно такъ называемая „Новая базилика“. Она не сохранилась, но извѣстна по описаніямъ. Въ этой церкви, впервые въ Константинополѣ, четыре арки, на которыхъ водруженъ куполь, поставлены были не на столбы, а на колонны, подпертыя съ боковъ арками, перекинутыми къ наружнымъ стѣнамъ.

Это нововведеніе чрезвычайно быстро привилось въ византійской архитектурѣ. По образцу „Новой базилики“ строились безчисленныя церкви. Вотъ нѣсколько наиболѣе извѣстныхъ на Балканскомъ полуостровѣ: Ватопетъ на Аѳонѣ, такъ называемая Θεοτοκοςъ и Пантократоръ въ Константинополѣ и т. д.

Этотъ типъ опредѣлялъ тотъ путь, по которому должно было идти развитіе архитектурныхъ формъ въ Византіи. Куполь все болѣе и болѣе уменьшается

въ діаметрѣ. Въ архитектуру вводятся барабаны; главная ихъ цѣль—создать лишнее средство къ тому, чтобы противодѣйствовать горизонтальному распору купола (ту же конструктивную задачу впоследствии выполнили готическіе зодчіе въ стрѣлчатыхъ сводахъ): вся задача состояла въ томъ, чтобы направить распоръ купола или свода въ вертикальномъ направленіи.

Кромѣ того, барабаны или фонари придавали куполу болѣе стройную форму, поднимали его выше къ небу.

Даже въ формѣ барабана искали средства противодѣйствовать распору купола; барабанъ дѣлается не цилиндрическимъ, а многограннымъ; тяжесть свода распределена здѣсь въ углахъ, а не на протяженіи всего кольца стѣны. (Тотъ же принципъ мы видимъ потомъ въ хорѣ готическаго собора.) Благодаря тому, что куполь постепенно уменьшился въ діаметрѣ, значеніе его (роль его) какъ-будто нѣсколько ослабѣла. Онъ становится какъ бы простымъ фонаремъ, задача котораго сводится къ тому, чтобы освѣщать храмъ. Является уже не одинъ куполь, а цѣлыхъ пять, или даже и больше. Однимъ словомъ, параллельно съ уменьшеніемъ діаметра увеличивается число куполовъ. Однако и одинъ куполь и пять куполовъ не теряютъ своего конструктивнаго значенія, не перестаютъ обуславливать собой видъ остальныхъ частей храма.

Вся внутренняя конструкція храма именно направлена къ тому, чтобы укрѣпить одинъ или нѣсколько куполовъ (различными арками, столбами, стѣнами, сводами).

Вотъ на какой точкѣ своего развитія византійская архитектура переходитъ въ Россію къ концѣ X вѣка.

Оказывается, что послѣ эпохи Юстиніана въ византійской архитектурѣ не было никакихъ новыхъ творческихъ идей. Архитекторы стараются только выполнить то, что было предначертано раньше болѣе или менѣе остроумнымъ способомъ. Усилія ихъ направлены къ тому, чтобы создать свободное четырехугольное пространство, въ которомъ былъ бы куполь, поставленный на 4 устоя. Каждый архитекторъ выполняетъ эту задачу по-своему. Одинъ пользуется массивными столбами для того, чтобы поддержать куполь, другой столбы замѣняетъ колоннами; нѣкоторые возвращаются къ старой конструкціи, ставятъ даже 8 столбовъ, по образцу святого Сергія, сооружаютъ большіе купола; иные же прибѣгаютъ къ новымъ, болѣе упрощеннымъ способамъ.

Вотъ почему византійскіе храмы отличаются удивительнымъ разнообразіемъ своего внутренняго устройства, индивидуальнымъ выполненіемъ задачи.

Кіевскіе храмы домонгольскаго періода нужно разсматривать какъ послѣдній шагъ византійской архитектуры, какъ синтезъ или сводъ всего того, что было выработано византійскими зодчими. Византійская форма храма, перенесенная на русскую почву, не застыла на единичномъ образчикѣ; напротивъ, она имѣетъ періоды развитія. Византійскій архитектурный типъ храма претерпѣлъ на Руси нѣсколько измѣненій, въ связи съ развитіемъ архитектурныхъ формъ въ самой Византіи.

Первая каменная церковь въ Кіевѣ, выстроенная византійскими мастерами, была Десятинная (991—996). Во время разоренія Кіева Батыемъ, въ 1240 году, цер-

ковъ эта была разрушена и въ настоящее время не существуетъ. Въ 1824 году митрополитъ Евгеній, любитель и знатокъ русскихъ древностей, произвелъ раскопки и открылъ почти весь фундаментъ церкви. Хотя планъ тогда былъ составленъ диллетантски, но для изслѣдователя онъ не возбуждалъ сомнѣній, такъ какъ, отличаясь своеобразными особенностями, не встрѣчающимися въ другихъ кievскихъ церквахъ, былъ вѣренъ съ исторической точки зрѣнія, т.-е. находилъ себѣ аналогію среди нѣкоторыхъ византійскихъ памятниковъ. Придумать его было невозможно въ ту пору, когда знанія памятниковъ византійской архитектуры должны были быть весьма ограниченными.

Кромѣ того, въ пользу вѣрности плана говорило още одно соображеніе, а именно то, что Успенскій соборъ во Владимирѣ имѣетъ тѣ же особенности въ планѣ, что и Десятинная церковь. Успенскій соборъ Андреевской постройки сторѣлъ, и Всеволодъ возстановилъ его въ 1189 году. Но такъ какъ стѣны были повреждены, то при реставраціи онъ увеличилъ его, такъ что прежній соборъ оказался какъ бы заключеннымъ въ футляръ. Въ общемъ получился планъ, очень похожій на Десятинную церковь. Такъ какъ другихъ плановъ подобныхъ на Руси нѣтъ, то являлась мысль, не взялъ ли Всеволодъ при реставраціи Успенскаго собора за образецъ Кіевскую Десятинную церковь. Въ настоящемъ году возлѣ Десятинной церкви производятъ раскопки члены Археологической Комиссіи Б. В. Фармаковский и архитекторъ Милѣвъ, при чемъ вѣрность наружныхъ очертаній плана Десятинной церкви вполне подтвердилась. Десятинная церковь была почти такой же величины, какъ и Софійскій соборъ (длина 24 саж., ширина 16). Восточная часть ея имѣетъ три алтарныхъ полукружія или абсида: среднее—продолговатое, по сторонамъ—два малыхъ. Три абсиды не занимаютъ полной ширины зданія, какъ въ другихъ кievскихъ храмахъ, а сдвинуты вмѣстѣ, какъ въ св. Софіи Солунской. Вся западная часть и боковые нефы имѣютъ клѣтчатые фундаменты. Очевидно, тутъ была цѣлая система столбовъ. Если сопоставить планъ Десятинной церкви съ планами святыхъ Никодима и Дафни въ Аѳинахъ, то мы должны будемъ признать совпаденіе пропорцій. Очевидно, архитекторы, возводившіе Десятинную церковь, подражали стариннымъ образцамъ этого именно типа византійскихъ построекъ.

Софійскій соборъ начинаетъ собою новую группу Кіевскихъ храмовъ XI и XII вѣковъ, связанныхъ между собой единствомъ формъ. Однако на пути между Десятинной церковью и Софійскимъ соборомъ долженъ былъ находиться храмъ типа „Новой базилики“ Василя I, и дѣйствительно, мы находимъ его, но только не въ Кіевѣ, а въ Черниговѣ, въ лицѣ Спасо-Преображенскаго собора, который, дѣйствительно, занимаетъ положеніе среднее между Десятинной церковью и Софійскимъ соборомъ и въ хронологическомъ и въ архитектурномъ отношеніи. Планъ его значительно отличается отъ плановъ Десятинной церкви и приближается къ плану тѣхъ церквей, которыя были сооружены въ Кіевѣ въ XI и XII вѣкахъ, хотя имѣетъ особенности, не встрѣчающіяся уже въ кievскихъ церквахъ.

Въ Черниговскомъ соборѣ упорами или контрфорсами, поддерживающими куполъ, служатъ арки, перекинутыя отъ центральныхъ столбовъ къ стѣннымъ стол-

бамъ на всѣ четыре стороны. Къ образуемому такимъ образомъ квадрату, внутри котораго находится архитектурный равноконечный крестъ, прибавлены съ восточной стороны три абсиды во всю ширину храма, а съ западной стороны — нартексъ (притворъ) или продолговатая зала, также во всю ширину храма. Въ общемъ, все зданіе получаетъ видъ продолговатаго четырехугольника съ тремя алтарными полукружіями или абсидами.

Сличая планъ Черниговскаго собора съ планами древнихъ памятниковъ византійской церковной архитектуры, мы усматриваемъ сходство этого храма съ церковью Апостоловъ въ Солуни; слѣдовательно, въ Черниговскомъ соборѣ мы встрѣчаемъ типъ церкви, начало которому положено было такъ называемой „Новой базиликой“; только вмѣсто колоннъ, ради прочности, употреблены столбы; все остальное точно скопировано. Между тѣмъ конструкція Солунской церкви св. Апостоловъ рассчитана именно на употребленіе колоннъ.

Вотъ отсюда, т.-е. изъ факта замѣны колоннъ столбами, пошло дальнѣйшее развитіе византійской архитектуры на древне-русской почвѣ. Разъ вмѣсто колоннъ употреблены столбы нѣтъ никакой нужды въ аркахъ, соединяющихъ центральные столбы со стѣнами абсидъ.

Въ Черниговскомъ соборѣ, благодаря этому, получились бесполезные двойные контрфорсы съ восточной стороны храма. Въ Солунской церкви Апостоловъ они понятны, такъ какъ колонны нельзя иначе подпереть, какъ только арками. Строители Кіевскихъ храмовъ стѣнами абсидъ прямо уперли столбы, на которыхъ лежить куполь, т.-е. стѣны абсидъ примыкаютъ у нихъ непосредственно къ центральнымъ столбамъ; эти стѣны абсидъ и служатъ упорами куполу съ восточной стороны, замѣняя арки. Съ технической стороны это, конечно, болѣе упрощенный и слѣдовательно болѣе совершенный планъ, такъ какъ арки излишни при трехъ абсидахъ: стѣны абсидъ сами по себѣ уже служатъ прекрасными упорами.

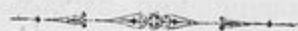
Эти новыя архитектурно-техническія идеи впервые были примѣнены въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, выстроенномъ Ярославомъ въ 1037 году. Въ своемъ первоначальномъ видѣ этотъ храмъ представлялъ почти правильный четырехугольникъ съ пятью алтарными полукружіями или абсидами. Пять абсидъ явились какъ необходимые контрфорсы при обширности храма и обиліи куполовъ. Надъ серединой зданія, на четырехъ основныхъ столбахъ, соединенныхъ арками, возвышается главный обширный куполь. Вся западная часть храма раздѣлена 12 столбами на клѣтчатые отдѣленія. Такъ какъ столбы соединены между собой арками, то они представляютъ чрезвычайно солидную систему контрфорсовъ, обезвреживающихъ распоръ купола; но зато они совершенно загромождаютъ храмъ. На этихъ же столбахъ лежатъ хоры, представляющіе, по тремъ сторонамъ храма, какъ бы второй ярусъ или этажъ. Благодаря такому обилію столбовъ, легко можно было насадить еще малые купола: они необходимы были для того, чтобы освѣтить храмъ.

Я полагаю, что здѣсь византійская архитектура достигла своей вершины; дальше уже некуда было итти. При помощи столбовъ и куполовъ можно было перекрыть пространство въ нѣсколько верстъ.

Послѣ этого, византійская архитектура повернула лишь въ область болѣе гармоническихъ созданий: появляются шестистолпные храмы съ пятью куполами, на подобіе Черниговскаго собора, но съ болѣе усовершенствованной конструкціей. Первый образецъ ихъ былъ данъ Новгородской Софіей, построенной великимъ княземъ Владимиромъ Ярославичемъ въ 1045 году. Затѣмъ послѣдовали: Великая Лаврская церковь, заложенная Святославомъ Черниговскимъ въ 1073 году, Елецкая церковь въ Черниговѣ, построенная тѣмъ же Святославомъ, Златоверхо-Михайловская, построенная великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, Кирилловская (около 1140 года), Каневская, Пятницкая въ Черниговѣ и др.

Рядомъ съ шестистолпнымъ появляется типъ четырехстолпнаго храма, еще болѣе упрощенный. Первый образецъ въ Кіевѣ, вѣроятно, представляла церковь на Золотыхъ воротахъ, времени Ярослава, нынѣ не существующая. Затѣмъ Всеволодъ Ярославичъ въ 1070 году сооружаетъ четырехстолпную церковь св. Михаила въ Видубицкомъ монастырѣ. Наконецъ церковь надъ св. вратами Кіево-Печерской Лавры, Успенская церковь на Кіево-Подолѣ. Это совсѣмъ небольшіе храмы, имѣющіе видъ почти квадратный, съ четырьмя столбами въ центрѣ, съ тремя абсидами на восточной сторонѣ. Куполъ въ четырехстолпномъ храмѣ всегда одинъ. Пяти куполовъ здѣсь нельзя помѣстить по техническимъ причинамъ, такъ какъ для нихъ нѣтъ упоровъ.

Въ византійской архитектурѣ куполъ сыгралъ большую роль. Однако, благодаря коробовымъ сводамъ и полусферической формѣ купола, которые составляютъ специфическую неизмѣнную особенность византійской и византійско-русской архитектуры, куполъ не достигъ эффектнаго развитія. Идея создать гигантскій куполъ 42 метра въ діаметрѣ, который начинается 50 метровъ надъ землей, пришла въ голову лишь готическимъ мастерамъ XIV вѣка (ее выполнилъ Бренелески въ Флорентинскомъ соборѣ), лишь та школа, которая создала соборы Пизанскій и Сіенскій, остановившись на мысли соединить усилія древнихъ римлянъ и византійцевъ съ усиліями готиковъ и соорудивъ соборъ столь же обширный, какъ Пантеонъ и святая Софія Константинопольская и поднимая его въ воздушное пространство такъ же высоко, какъ нефы соборовъ въ Буржа или Амьена. Однако византійская архитектура и со своими болѣе ограниченными, болѣе скромными задачами, создала произведенія, которыя до сихъ поръ чаруютъ насъ своимъ интимнымъ характеромъ.

О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ „Empire“ въ Полтавской губерніи.

Проф. Г. Г. Павлуцаго.

Во время археологическихъ экскурсій 1906 и 1907 года, мнѣ пришлось встрѣтить въ Полтавской губерніи каменные церкви, выстроенныя въ томъ классическомъ стилѣ, который господствовалъ у насъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ и извѣстенъ подъ названіемъ „Empire“. Въ виду того интереса, который въ настоящее время возбудила къ себѣ блестящая эпоха Екатерины II и Александра I, умѣстно ознакомить членовъ Съѣзда съ характеромъ и общимъ видомъ этихъ памятниковъ.

„Empire“ — это стиль, принесенный къ намъ съ Запада въ ту пору, когда Франція оказывала вліяніе не на одну далекую Россію, но и на всю Европу. Однако классическій стиль нашелъ у насъ до такой степени подходящую для себя почву, что сдѣлался почти національнымъ стилемъ, сталъ роднымъ и милымъ русскому дворянскому сердцу. Когда мы говоримъ: „старинный русскій барскій домъ“, то разумѣемъ не что иное, какъ „Empire“, т.-е. уютный бѣлый домъ съ трехугольнымъ греческимъ фронтономъ и колоннами на фасадѣ, съ прохладными, широкими гостинными, въ окна которыхъ смотрится сирень... на стѣнахъ — Румянцевъ, Екатерина, Александръ Благословенный, Суворовъ... изъ рамъ смотрятъ бабушки въ милыхъ прическахъ Empire... въ домѣ двигаются дворовые въ сѣрыхъ фракахъ... въ саду бесѣдки, фонтаны... „Года нашихъ бабушекъ (говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ стиля „Empire“)¹⁾ кисейныя платья, минуэты, цѣлое поколѣніе, воспитанное на французскихъ традиціяхъ, наконецъ Пушкинъ — цѣлый возрастъ русскаго общества — только и могли жить среди этой обстановки „Empire“, въ чудныхъ залахъ этихъ милыхъ особняковъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезающихъ“. Прилагаемый здѣсь снимокъ (табл. I) представляетъ фасадъ и планъ одного изъ такихъ, нынѣ болѣе не существующихъ, прелестныхъ домовъ въ Черниговской губерніи.

Во время господства въ Европѣ реализма, относились съ предубѣжденіемъ къ классическому стилю, считали его время эпохой упадка, указывали на заимствование и подражательность, на отсутствіе самостоятельности, называли его „псевдо-классицизмомъ“. Последняя Парижская всемірная выставка, на которой было со-

¹⁾ И. Е. Бондаренко. Архитектурные памятники Москвы. Вып. I, стран. 4. (Изд. К. А. Фишеръ).

брано много замѣчательныхъ памятниковъ классическаго стиля, особенно изъ области художественной промышленности, поколебала этотъ старый предразсудокъ и привела къ необходимости дать новую оцѣнку классическому стилю. На Западѣ уже обращено вниманіе на искусство классической эпохи, и дѣлаются попытки выяснить его истинное значеніе.

Въ русской литературѣ гг. Фоминъ и Бондаренко одни изъ первыхъ привѣтствовали московскій „Empire“ въ зодчествѣ, называли его обаятельнымъ и изумляясь соразмѣрности и утонченности его пропорцій. Если теперь стиль „Empire“ у многихъ на устахъ, то это явленіе пріятно свидѣтельствовать, какъ ростъ художественнаго пониманія и повышенія вкуса.

Для оцѣнки классическаго стиля нужно имѣть въ виду, что искусство каждаго періода есть зеркало своего вѣка. Искусство идетъ неразрывно съ умственнымъ движеніемъ народной жизни и выражаетъ всѣ ея стремленія. Исторія учитъ насъ, что какой бы идеалъ не преслѣдовало искусство, въ немъ всегда отражается духъ собственной эпохи. Сколько бы картинъ на античные сюжеты не писалъ Рубенсъ, все же въ нихъ будетъ жить настоящая Фландрія. Рибейра даже въ своихъ классическихъ картинахъ остается живописцемъ испанской инквизиціи. Поэтому памятники искусства могутъ быть поняты только въ связи со своею обстановкою, ихъ окружающей; они — только внѣшніе показатели тѣхъ процессовъ, какіе происходятъ въ народной жизни.

Классицизму въ европейскомъ искусствѣ предшествовалъ стиль Рококо. Всѣмъ извѣстно, какъ дивно выражалъ онъ свою эпоху, какъ прекрасно передавалъ характеръ всего этого очаровательнаго періода европейской жизни, начавшагося съ конца XVII вѣка. Искусство этого періода наполнено пастушескими идилліями, любовнымъ кокетствомъ, утонченнымъ выраженіемъ изысканной чувственности. Казалось, что эта обаятельная осень старой французской культуры будетъ нескончаемой. Но всему бываетъ конецъ, кончилась и эпоха Людовика XV. Французскія гравюры показываютъ намъ, какъ постепенно измѣняется общество, какъ оно дѣлается все болѣе и болѣе серьезнымъ, точно предчувствуя скорое наступленіе французской революціи. Отъ вѣчныхъ праздниковъ мало-по-малу переходятъ къ бесѣдамъ о философіи и политикѣ. Общество ищетъ другого идеала въ искусствѣ, болѣе соответствующаго своему настроенію. Наступаетъ реакція противъ веселаго, разгульнаго стиля Рококо. Это время совпадаетъ съ первыми открытіями въ Геркуланумѣ и въ Помпеяхъ; выходитъ въ свѣтъ описаніе дорическихъ храмовъ Пестума; Винкельманъ пишетъ свою исторію древняго искусства. Взоры обращаются къ античному міру. Стиль Рококо уступаетъ свое мѣсто стилю Людовика XVI, въ которомъ, хотя и робко, уже начинаютъ играть роль античные мотивы. Въ орнаментикѣ на мѣсто раковинъ съ завитками появляется листъ аканта, который удлиняется въ видѣ легкой листвы съ изящными изгибами или смѣшивается съ цвѣточными гирляндами, граціозными лентами или разнаго рода символами.

Увлеченіе древнимъ міромъ было особенно велико во время революціи. Тогда французскіе живописцы воспользовались античными сюжетами для пропаганды.

Живопись стала воспроизводить для возбужденной толпы примѣры римскаго геройства, мужества, отреченія, любви, приносимой въ жертву отечеству. Эти картины, лишенные реализма и написанныя въ томъ суровомъ стилѣ и тѣми красками, какихъ требовали подобнаго рода сюжеты, были причиной отрицательнаго отношенія художественной критики XIX вѣка къ классическому стилю. Но французская классическая живопись съ Давидомъ во главѣ есть только частица въ общей сокровищницѣ классицизма. Если разсматривать въ совокупности классицизмъ конца XVIII вѣка, если обратить вниманіе также и на другія произведенія, въ особенности на издѣлія художественной промышленности, на памятники архитектуры, то классическое направленіе покажется такой же романтикой эллинизма, какая царила въ флорентинской живописи вокругъ Лоренца Великолѣннаго во второй половинѣ XV вѣка; это то же требованіе отъ искусства чистой, абсолютной красоты, тотъ же идеализмъ, обращеніе къ далекому прошлому, бѣгство отъ окружающей дѣйствительности, отъ крикливыхъ изогнутыхъ формъ и густой позолоты стиля Рококо въ полусказочный міръ, созданный изъ благородныхъ своей простотой мотивовъ и формъ античной древности.

Это не археологическая экскурсія въ античный міръ, не рабскія копія классическихъ памятниковъ. Классическія традиціи оживлены здѣсь дыханіемъ новой жизни, поэзіи. Это — фантазія, сказка, мечта о классическомъ, восторженная молитва красотѣ, противорѣчащая всему пошлому, шаблонному и потому завлекающая теперь Европу.

Постройками въ стилѣ „*Empire*“, кромѣ Москвы и Петербурга, богата также Малороссія. Онѣ разсѣяны здѣсь повсюду, но нигдѣ не приходилось мнѣ встрѣчать въ такомъ изобиліи, какъ въ Полтавской губерніи.

Интересные образцы этой архитектуры находятся въ гор. Хоролѣ и въ Хорольскомъ уѣздѣ. Прежде всего здѣсь обращаютъ на себя вниманіе храмы второй половины Екатерининской эпохи. Стилъ Екатерины II — это нашъ *Louis XVI* — переходная ступень и вѣстникъ быстро наступающаго времени *Empire*'а. Въ этомъ стилѣ выстроены двѣ церкви — Николаевская въ самомъ Хоролѣ (рис. 1 и табл. II) и Троицкая въ трехъ верстахъ отъ Хоролъ въ селѣ Вишнякахъ (рис. 2 табл. III). Николаевская церковь заложена въ 1779 году, а окончена въ 1790 году. Соорудили ее настоятель церкви Антоновскій, братья Райченковы, первые вкладчики этой церкви, а послѣ смерти ихъ дѣти, а также войсковою товарищъ Петръ Васильевичъ Сахно-Устимовичъ. Троицкую церковь въ селѣ Вишнякахъ построилъ помѣщикъ бригадиръ Иродіонъ Степановичъ Пламенецъ въ 1794 году.

Обѣ церкви имѣютъ крестообразный планъ (рис. 1 и 2). Архитекторы-классики, большею частью, придаютъ храму форму равноконечнаго креста съ однимъ куполомъ посрединѣ, хотя встрѣчается еще типъ круглаго храма. Въ Екатерининскую переходную пору классицизма мы видимъ еще робкую „простоту“ наружной декораціи. Фасады украшены лишь пилястрами; колонны еще отсутствуютъ. Троицкая церковь въ селѣ Вишнякахъ по украшенію своихъ наружныхъ стѣнъ близко стоитъ къ нѣкоторымъ московскимъ памятникамъ Екатерининской эпохи; такъ, она

напоминаетъ домъ на Воздвиженкѣ бывший Разумовскаго, теперь графа Шереметева. Тамъ тоже мы видимъ пилястры рустикой, т.-е. пилястры, состоящія изъ гладко

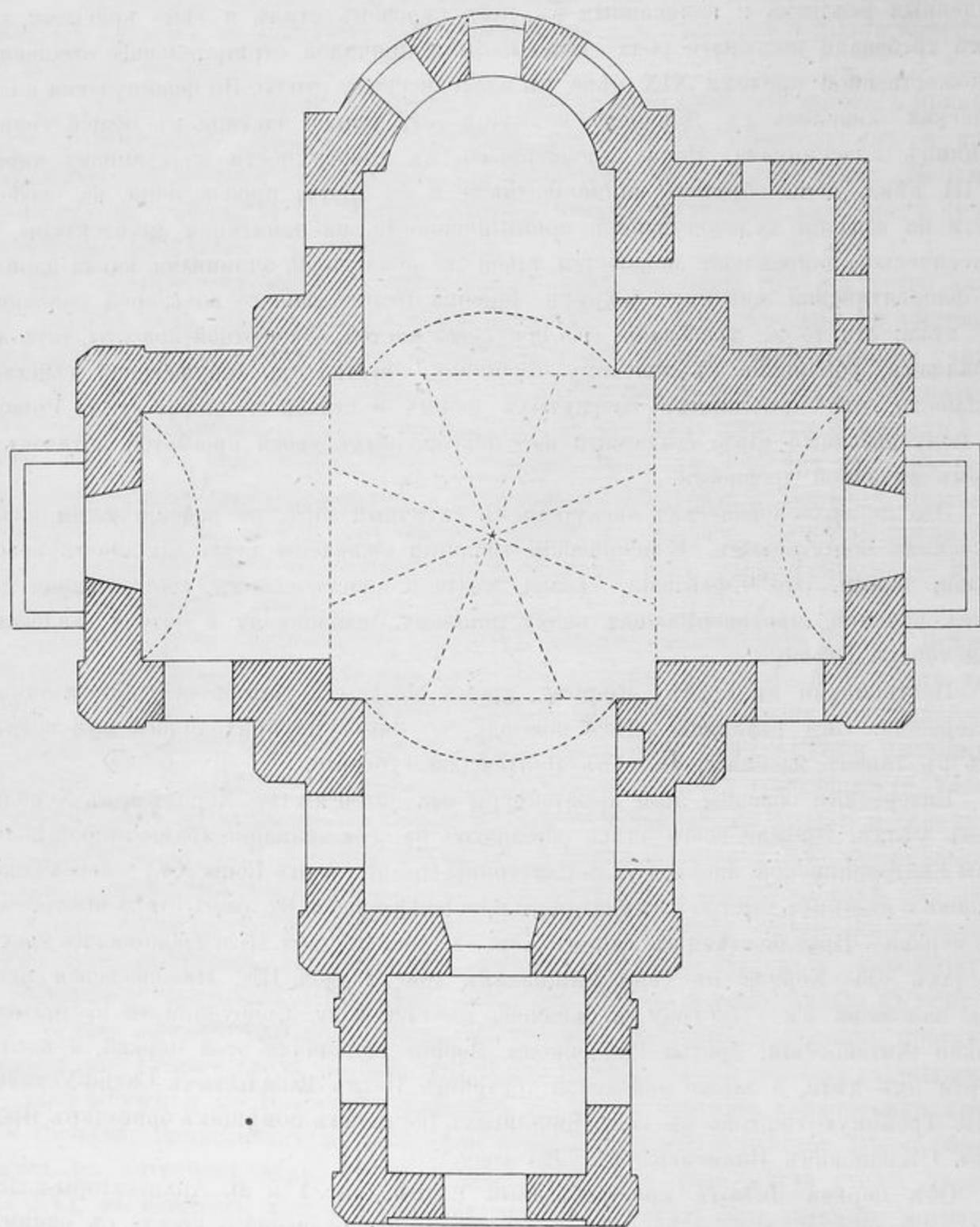

Рис. 1. Николаевская въ Хоролѣ.

стесанныхъ спереди блоковъ, видимъ оживленіе стѣнъ посредствомъ фальшивыхъ круглыхъ маленькихъ оконъ.

Эпохѣ Александра I въ Хоролѣ принадлежать двѣ церкви: Соборная Успенская церковь (рис. 3 и табл. IV) и церковь во имя Воскресенія Христова (табл. II). Обѣ церкви, по преданію, были выстроены при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1800 году въ Хоролѣ жили два богатыхъ купца-сосѣда Чеботаревъ и Мѣсняевъ, которые рѣ-

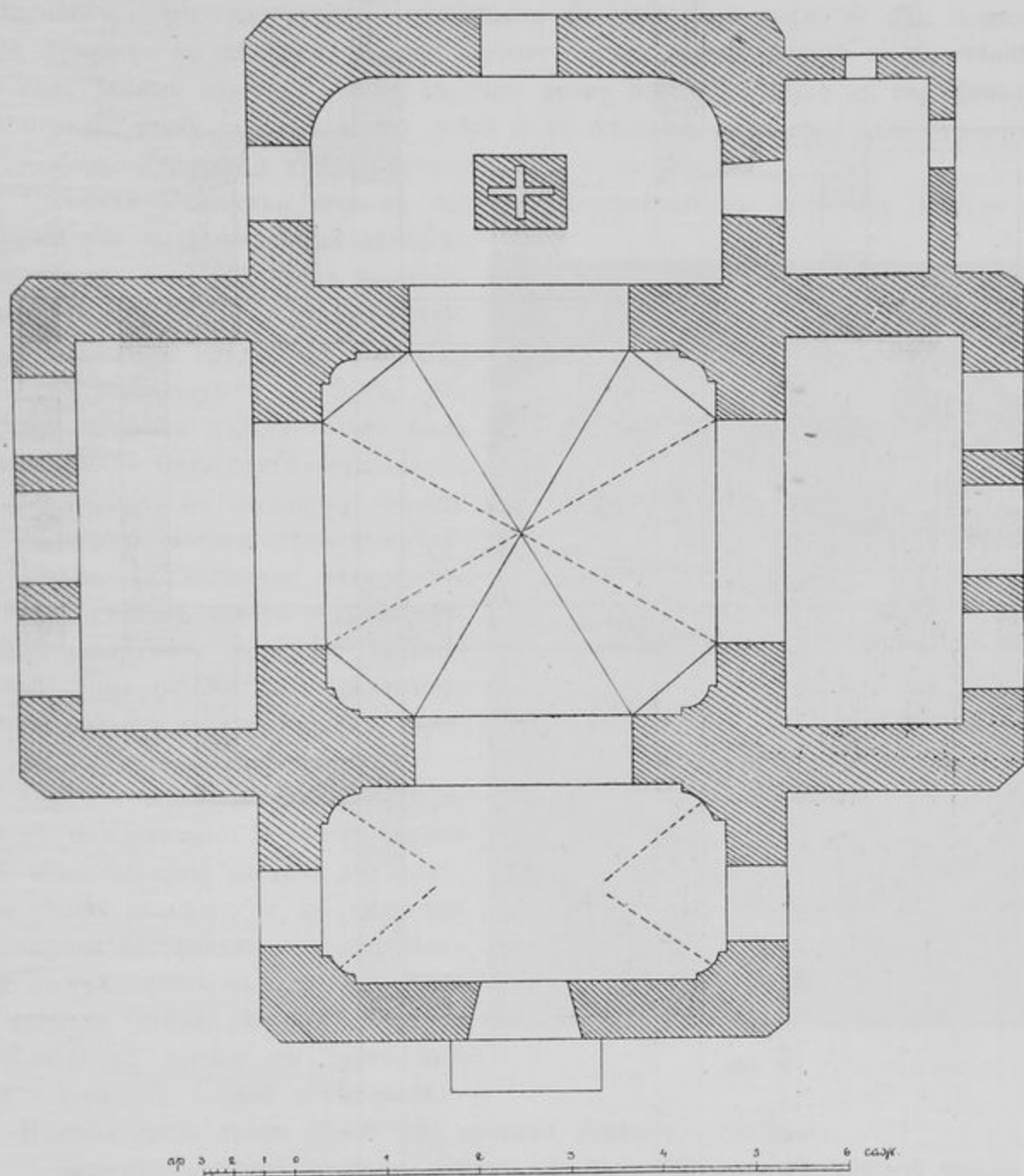

Рис. 2. Троицкая церковь въ Вишнякахъ.

шили увѣковѣчить память своего земного существованія построеніемъ въ городѣ храма Божія. Для этой цѣли былъ вызванъ изъ Полтавы архитекторъ, который принялъ на себя трудъ составить планъ для будущей церкви. Когда планъ былъ представленъ заказчикамъ и одобренъ ими, рѣшено было приступить къ постройкѣ.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

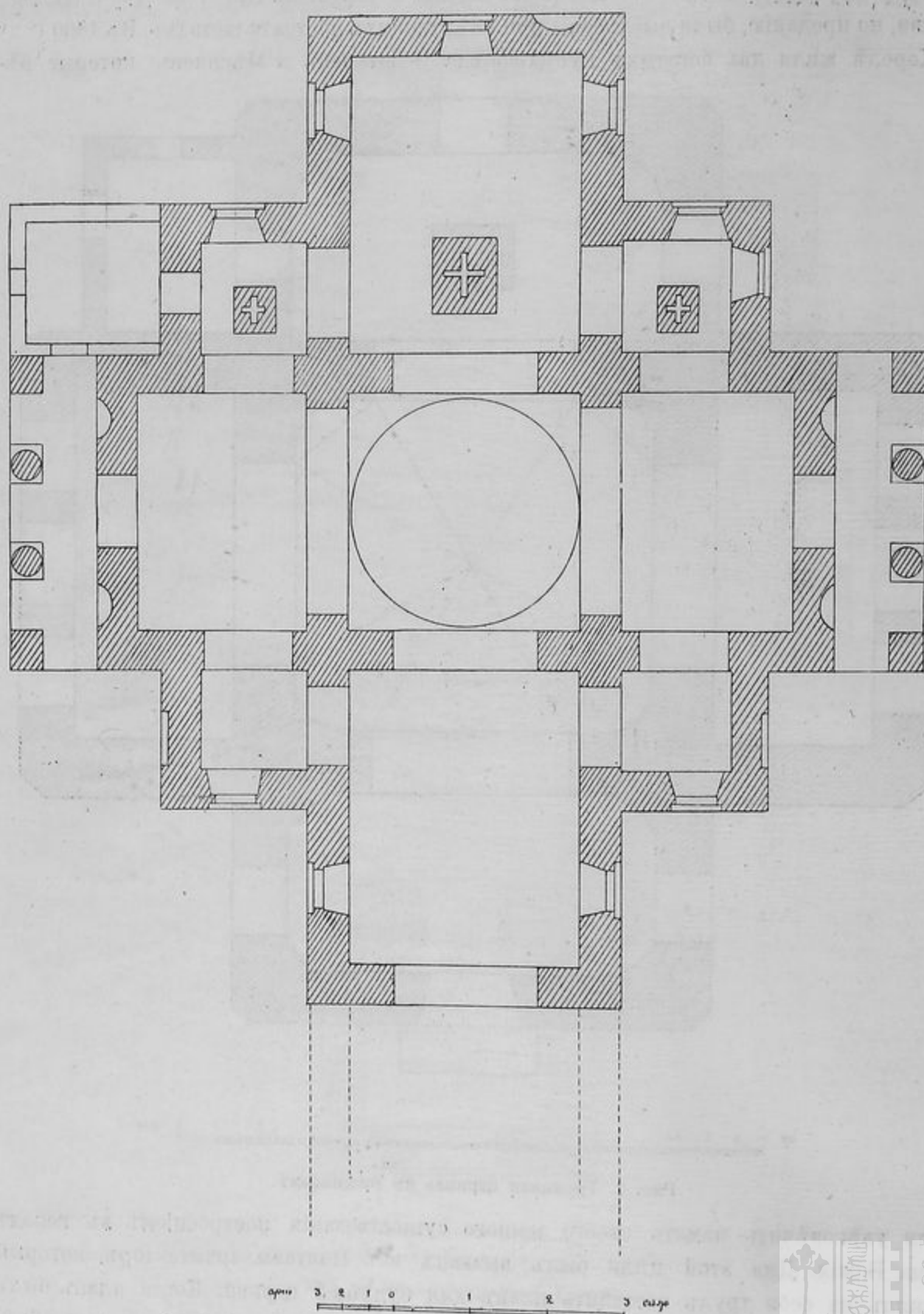

Рис. 3. Хороль. Соборная Успенская.

Но тутъ произошло разногласіе относительно мѣста постройки. Чеботаревъ желалъ построить храмъ вблизи своего дома, а Мѣсняевъ хотѣлъ построить храмъ на базарной площади. Споръ этотъ кончился тѣмъ, что Чеботаревъ безъ участія Мѣсняева приступилъ къ постройкѣ нынѣшняго Успенскаго храма на избранномъ имъ мѣстѣ, а Мѣсняевъ почти одновременно приступилъ къ постройкѣ храма во имя Воскресенія Христова на площади, которая отстоитъ отъ соборной церкви на разстояніи 150 саж. Такимъ образомъ, почти въ одно время построены были въ гор. Хоролѣ двѣ церкви, очень сходныя между собой и въ близкомъ разстояніи одна отъ другой: Соборно-Успенская и Воскресенская.

Соборная Успенская церковь окончена постройкой въ 1808 году. Внутри и снаружи она была украшена лѣпными украшеніями, какъ объ этомъ говоритъ церковная лѣтопись. Но судить теперь о нихъ довольно трудно: лишь остатки ихъ свидѣлствуютъ о томъ, что когда-то церковь дѣйствительно была ими украшена. Остатки эти составляютъ: лѣпной карнизъ по античному образцу внутри церкви (вверху стѣнъ и въ куполѣ, рис. 4), капители пилястровъ, несущихся теперь на барабанѣ купола (снаружи), круглыя большія скульптурныя розетки на стѣнахъ портиковъ, большія вазы въ нишахъ, оживляющія наружныя стѣны и т. п.

Обѣ эти церкви не избѣжали передѣлокъ и искаженій: въ 60-хъ годахъ XIX вѣка передніе портики съ колоннами были сломаны, и къ церквамъ пристроены колокольни съ шатровымъ верхомъ въ московскомъ стилѣ XVII вѣка. Въ храмахъ стиля „Empire“ портики располагаются всегда съ трехъ сторонъ — западной, южной и сѣверной.

Нижняя часть стѣнъ обработана рустами, верхняя — гладкая.

Дорическія колонны, рустика, куполъ, по большей части яйцевидной формы, на подобіе купола св. Петра въ Римѣ или Парижскаго Пантеона, скульптурные орнаменты кое-гдѣ оживляющіе стѣны, — орнаменты, часто густые и сочные, но въ то же время умѣющіе остаться холодными, каменными, — вотъ главные отличительные признаки храмовъ стиля „Empire“. Дорическія колонны часто не имѣютъ базъ. Это — еще одна особенность, присущая преимущественно русскому „Empire“; колонны безъ базъ и переходы отъ рустовъ къ гладкому полю, или отъ одного

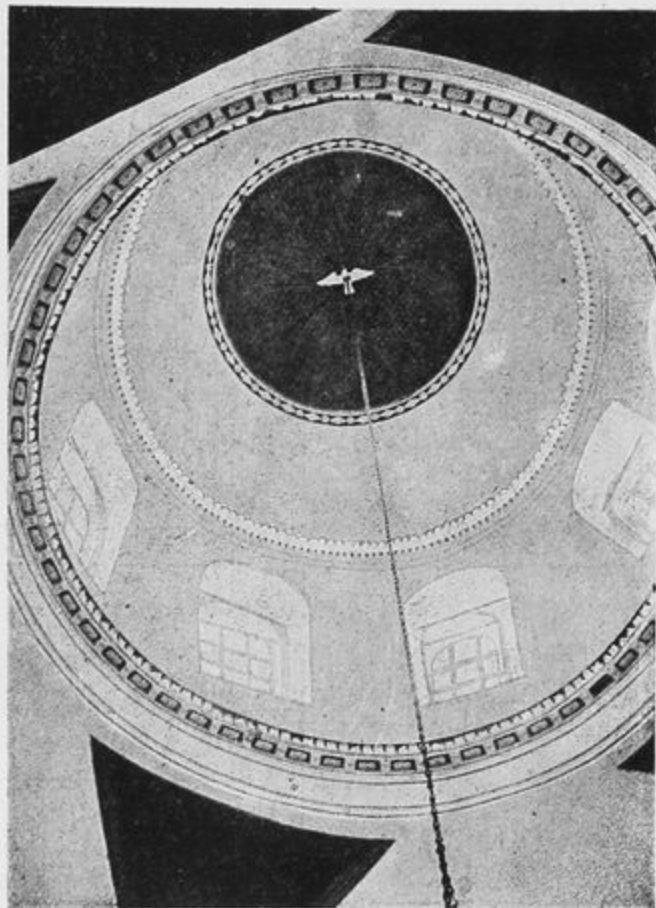
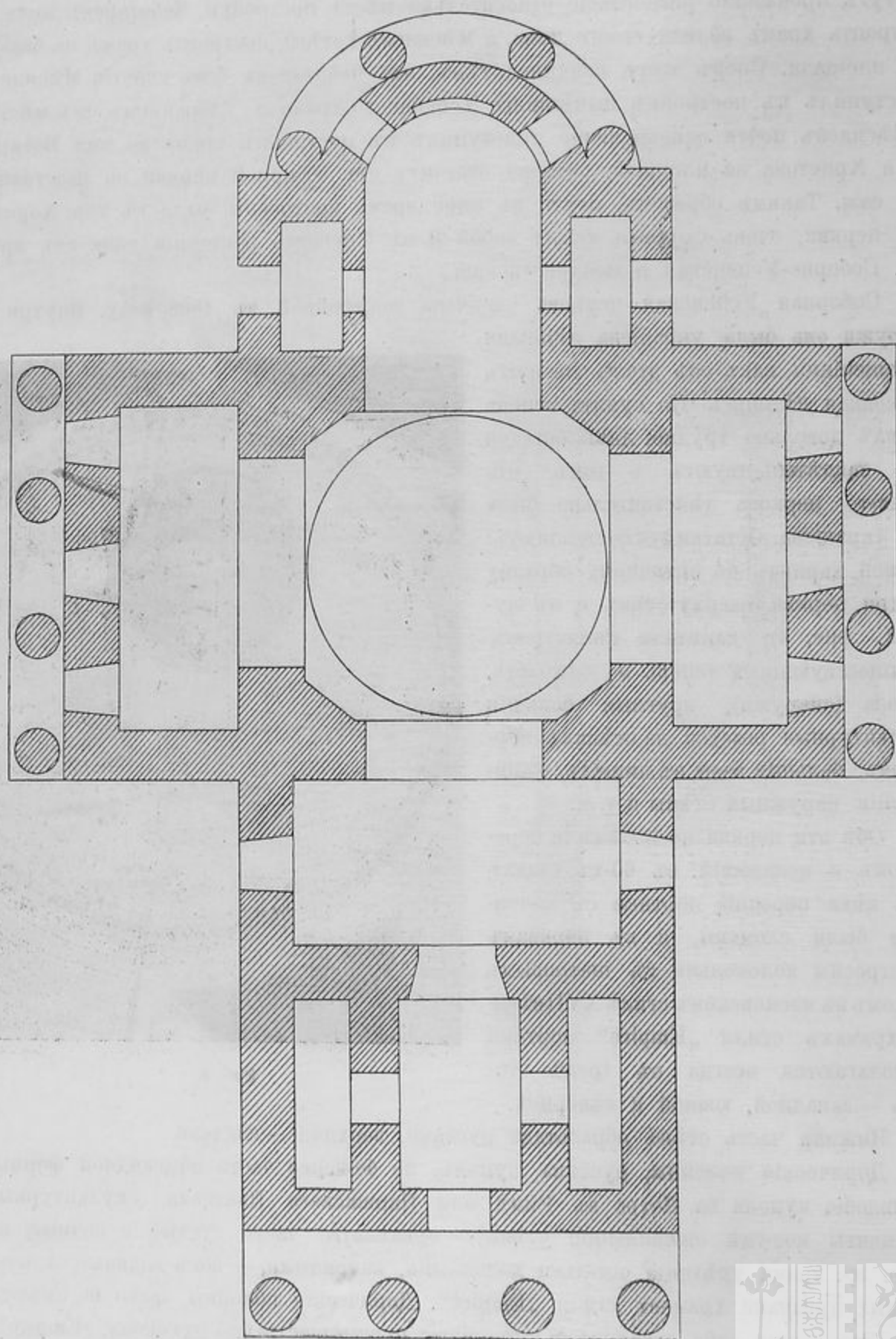

Рис. 4.

0 1 2 3 4 5 6 м

Рис. 5. Ромны. Николаевская церковь.

поля къ другому, безъ карниза, простымъ уступомъ, еще болѣе увеличиваютъ и подчеркиваютъ простоту и величіе стіля „Empire“.

Николаевскому времени принадлежитъ храмъ въ стилѣ „Empire“ въ городѣ

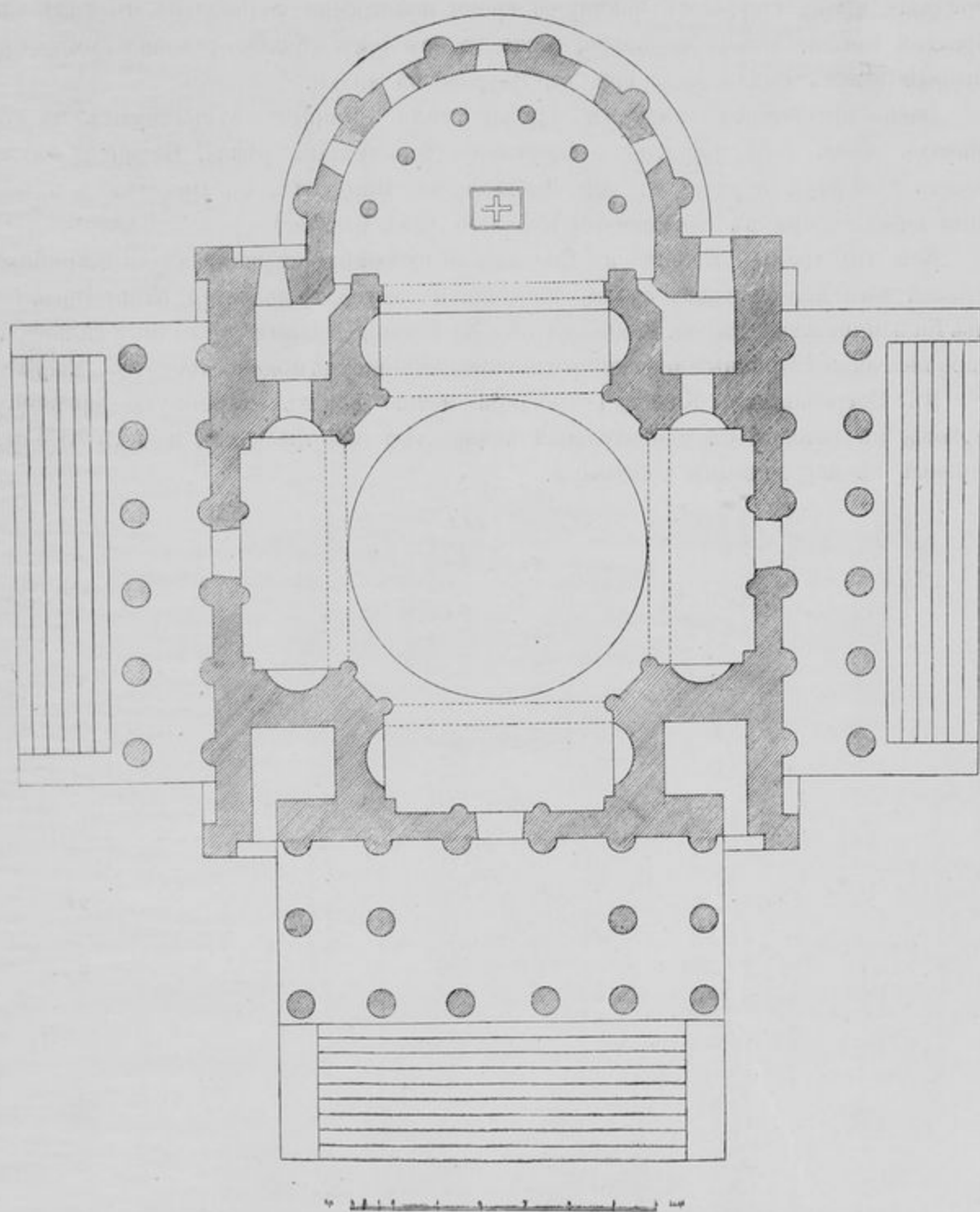

Рис. 6. Соборъ въ Кременчугѣ.

Ромнахъ. Это — Никольская церковь (рис. 5 и табл. VI), построенная въ началѣ 30-хъ годовъ на средства, оставленные для этой цѣли помѣщикомъ Степаномъ Ивановичемъ Манджосомъ. Этотъ памятникъ представляетъ образецъ спокойнаго и вы-

держаннаго въ строгомъ характерѣ „Empire“. Дорическія колонны окружають даже полукруглый алтарный выступъ; колонны не имѣютъ базъ. Наружную декорацію храма составляетъ только дорическій фризъ, идущій вокругъ всего зданія. На крышѣ передняго конца креста въ новѣйшее время надстроена колокольня въ видѣ однообразной башни, заканчивающейся шпиремъ, въ томъ нѣмецко-голландскомъ стилѣ, который ведетъ свое начало еще съ Петровской эпохи.

Очень интересныя каменные церкви стиля „Empire“ существуютъ въ селѣ Енькахъ и въ селѣ Вергунахъ (круглая) Хорольскаго уѣзда. Наконецъ, нужно назвать Соборную церковь въ гор. Лубнахъ, въ Пирятинѣ, въ Прилукахъ и величественный соборъ въ Кременчугѣ (рис. 6 и табл. VI).

Всѣ эти храмы „Empire“ въ Полтавской губерніи заступили мѣсто старинныхъ церквей того малорусскаго стиля, образчикомъ котораго является, напримѣръ, церковь Кальнишевскаго въ гор. Ромнахъ (табл. X). Вліяніе „Empire“ было такъ сильно, что старались даже старинныя деревянныя церкви какъ-нибудь приспособить къ „Empir'у“.

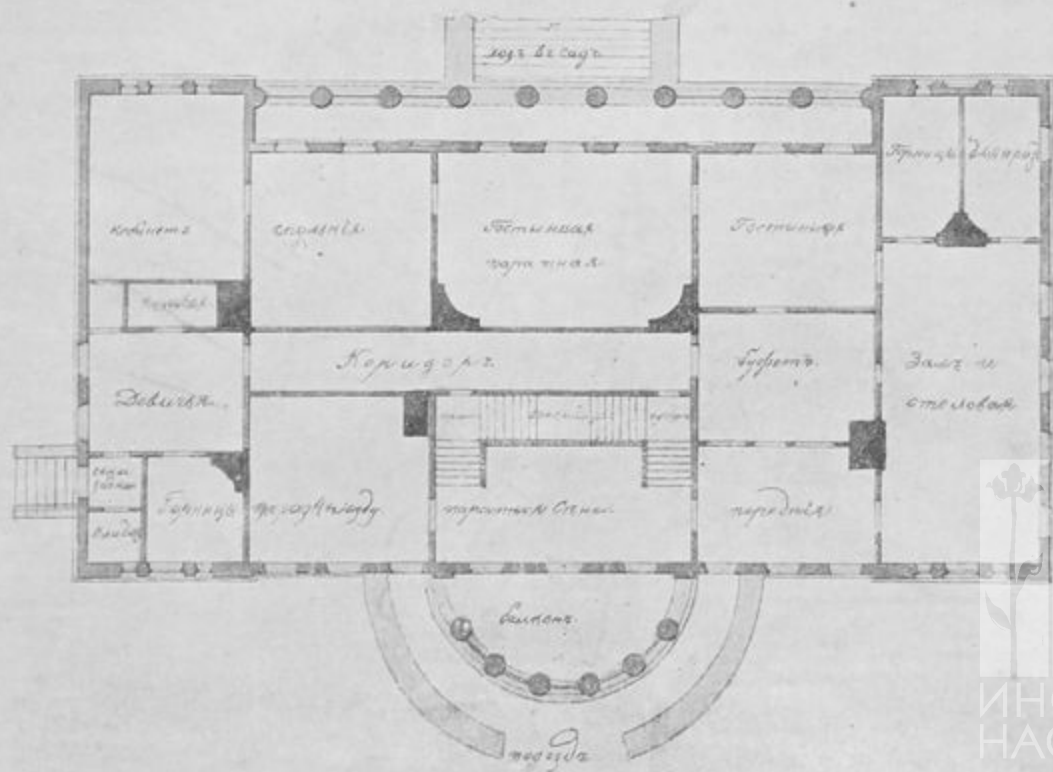
Въ Погребищахъ, Кіевской губерніи можно видѣть старинную деревянную церковь, къ которой съ удивительной наивностью пристроенъ въ началѣ XIX вѣка портикъ съ деревянными колоннами.

фасады со стороны сада

фасады со стороны двора

Библиотека
ИИИ им. Кривошеиной
и Музей Рубина

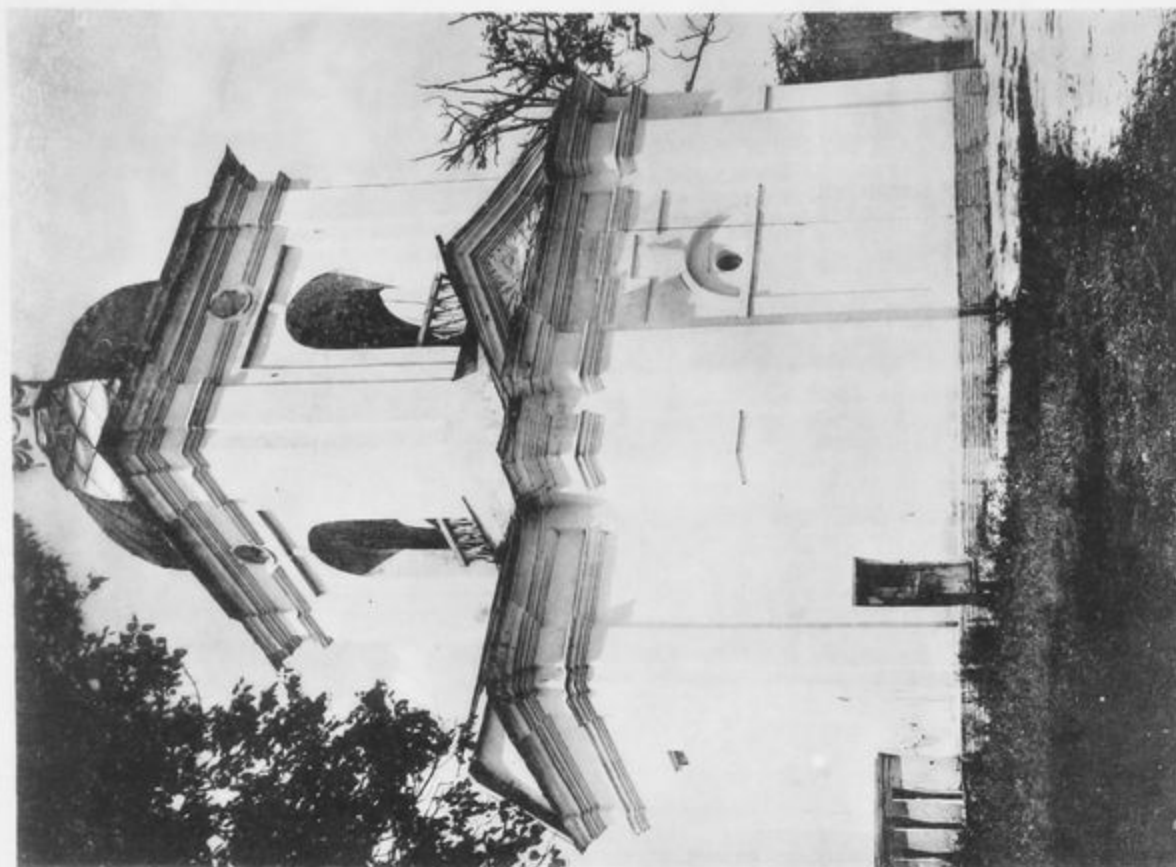
Николаевская церковь въ г. Хоролѣ.

Фот. П. Павлова.

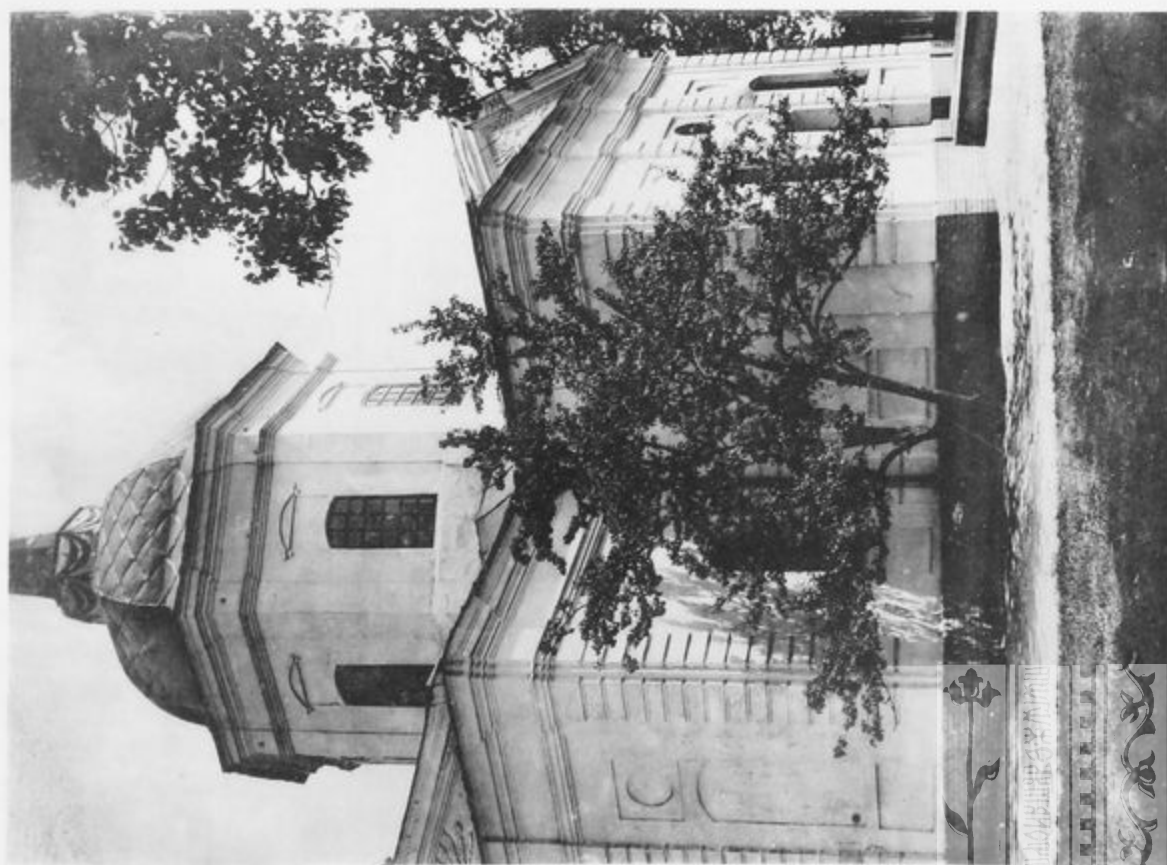
Церковь Воскресенія Христова въ г. Хоролѣ.

Фот. П. Павлова.

Колокольня той-же церкви.

Троицкая церковь въ с. Вишняки.

БИБЛИОТЕКА
НИИ И. А. Крыжовникова
в Музейной р-б. г.м

Соборная Успенская ц. въ г. Хороль (южная сторона).

Соборная Успенская ц. въ г. Хороль.

Никольская церковь въ г. Ромны.

Алтарный выступъ той-же церкви.

Фот. П. Павлова.

Фот. П. Павлова.

Соборъ въ Кременчугѣ.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист.-Крестовской
и Музейный р-б. г.

О происхождении форм украинского деревянного церковного зодчества.

Проф. Г. Г. Павлуцкого.

Многимъ, вѣроятно, приходилось въ селахъ Малороссіи невольно обращать вниманіе на старыя деревянныя церкви, очень типичныя по внѣшнему виду, почерпнувшія и покосившіяся отъ времени, выросшія въ землю, среди густой зелени старыхъ тополей и липъ, растущихъ на церковномъ погостѣ. Церкви эти разсѣяны въ огромномъ количествѣ по всей Малороссіи. Такъ какъ всѣ онѣ однородны по характеру, и всѣмъ имъ присущи извѣстныя основныя черты, на основаніи которыхъ можно установить стройную архитектурную систему, то мы въ правѣ сказать, что Украинскіе деревянныя храмы представляютъ настоящее народное искусство, а не случайное явленіе; въ нихъ молились сотни поколѣній, они являются достойными памятниками народныхъ обычаевъ и свидѣтелями прошлаго.

Откуда же явилась украинская деревянная архитектура?

Нѣкоторые ученые дѣлали попытки доказать, что она заимствована. Одни полагали, что на нее вліяли памятники сѣверно-русскаго художественнаго творчества; другіе признавали заимствованія съ Запада. Первая моя мысль, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ заниматься украинской архитектурой, была о византійскомъ вліяніи. Но эта мысль колебалась отчасти благодаря тому, что въ самой Византіи, какъ извѣстно, не существовало деревянной архитектуры. Однако съ теченіемъ времени первая моя догадка обратилась въ увѣренность, и въ настоящемъ докладѣ я намѣренъ изложить на этотъ счетъ свои соображенія.

Церкви, по которымъ можно изучить Украинскій архитектурный стиль, относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ; болѣе древнихъ деревянныхъ церквей не сохранилось.

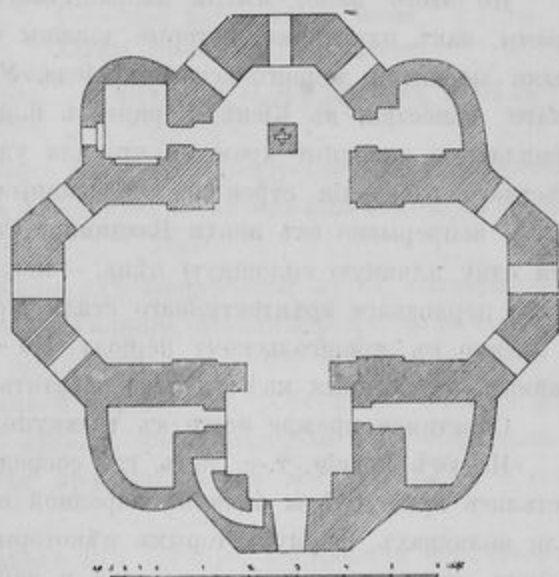

Рис. 7. Преображенская ц. въ Прилукахъ.

Въ Украинской архитектурѣ существуетъ два главныхъ типа церквей: трехкупольныя церкви, состоящія изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу (табл. VII), и пятикупольная, имѣющая крестообразный планъ (рис. 7 и табл. VII)¹⁾.

Типъ этихъ церквей выступаетъ въ началѣ XVII вѣка уже вполне выработаннымъ, сложившимся, о чемъ свидѣлствуютъ и уцѣлѣвшіе памятники, и изображение трехкупольныхъ церквей на планѣ Кіева Кальнофойскаго 1638 года, и литературныя извѣстія, какъ напримѣръ извѣстіе о постройкѣ пятиугольной церкви въ Кіево-Братскомъ монастырѣ²⁾.

Такъ какъ искусство не рождается подобно Минервѣ, то необходимо допустить, не отступая отъ логическаго мышленія, что типъ южно-русскихъ деревянныхъ церквей XVII и XVIII вѣковъ существовалъ и раньше, хотя церкви такого типа болѣе старинныя и не сохранились до нашего времени. Дѣйствительно, мы имѣемъ извѣстіе Ляссоты о кіевскихъ деревянныхъ церквяхъ XVI вѣка³⁾, точное извѣстіе 1411 года о деревянной церкви Пустынно-Никольскаго монастыря⁴⁾ и т. д.

Но этого мало. Мысль напрашивается разсматривать уцѣлѣвшіе украинскіе храмы, какъ памятники, которые должны были находиться въ родствѣ съ деревянными церквами домонгольскаго періода. Уже на основаніи того, что послѣ татарскаго нашествія въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ мѣстахъ юга Россіи надолго не появляются каменные храмы и что для удовлетворенія религіозныхъ потребностей мѣстнаго населенія строились деревянныя церкви, которыя такимъ образомъ тянутся непрерывно отъ эпохи Владимира Св. до второй половины XVIII вѣка, образуя одну длинную сплошную цѣпь, — можно полагать, что основныя черты украинскаго церковнаго архитектурнаго стиля должны восходить къ глубокой древности, а именно къ домонгольскому періоду. Но о томъ же свидѣлствуютъ нѣкоторыя данныя, на которыя мнѣ удалось обратить вниманіе. Данныя эти слѣдующія.

Обратимся прежде всего къ трехкупольнымъ храмамъ.

На югѣ Россіи, т.-е. тамъ, гдѣ сосредоточивалась исторія домонгольской Руси, остались яркіе слѣды быта въ народной поэзіи, а именно, въ обрядныхъ пѣняхъ или колядкахъ, форму которыхъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ Костомаровъ, признаютъ глубоко древней и національной. Колядки считаются остатками героическаго эпоса великокняжеской эпохи, такъ какъ въ нихъ ясно видны слѣды

¹⁾ См. Древности Украины. Вып. I. Изд. Московск. Арх. Общ. Кіевъ, 1905.

²⁾ Церковь Богоявленія въ Кіево-Братскомъ монастырѣ строилась въ теченіе 10 лѣтъ и была окончена въ 1626 году. Отъ 1625 года сохранились два письма кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и думному дьяку Ивану Грамотину съ просьбой о пособіи на окончаніе достраиваемой церкви. Въ одномъ изъ писемъ выражается надежда, что Царь не оставитъ ихъ своею милостью и поможетъ имъ „храмъ той святой, пять бань (куполовъ) имущій, бѣложелѣзіемъ покрыти и иконами честными украсити“. Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. VI, № ССХХ и ССХХI, Н. Мухомъ, Кіево-Братскій училищный монастырь. Кіевъ, 1893, стр. 34.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874, стр. 18.

⁴⁾ Закревскій. Описаніе Кіева, стр. 745. Антоновичъ. Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ, 1885, стр. 262.

дружинно-княжеского періода. Одна група колядокъ представляеть „отраженіе набѣга“.

Ці спишь, ці чуешь, панъ господарю,
Ой дай, Боже.

Ой якъ ти спишь, то Богъ з тобою
Ти придведися головонькою,
Побуди ж соби всю челядоньку,
Вияви личко на оконічко,
А з оконічка на підвіречко,
Твое підвірє орда забрала,
Орда забрала, в полон загнала,
Ой загнала а в свою землю». Ой якъ зхопився, перехрестився:
«Служеньки ж мої найвірнійшіі
Виведить мені коня пирьского,
Другі застрійте меча острого.
Де орду вгоню, тамъ ю розроню». Золота грива конька вкрыла,
Срібні підкови землицю пышуть

Кленові ушка ради слухаютъ,
Шовковий хвістикъ слідъ замітає.
«Конику сивий, будь ми счастливий.
Де орду вгоню, тамъ зі вроню,
Свое підвірє назадъ заверну.
Побудую-ж го краще, яко було.
А в три сторони та в три переі
А в четвертій церков збудую,
Церков збудую з трома верхами,
З трома верхами, з двома оконці
Еднимъ оконцемъ сонечко зходитъ,
Другимъ оконцемъ місяць заходитъ,
Райскими дверці господаръ ходитъ,
На нем кошулька як лист тоненька,
Як лист тоненька, як сніг біленька,
Господаръ ходитъ, ангела-носить,
Ангела носить, все Бога проситъ.

(Чт. въ М. О. И и Др. 1864, I, III 34¹).

Весь удѣльно-вѣчевой періодъ былъ, какъ извѣстно, героической эпохой въ жизни русскаго народа. То было время борьбы съ кочевниками: сначала шла борьба съ Печенѣгами, Половцами, а затѣмъ съ Татарами.

Пѣсни, въ которыхъ мы видимъ слѣды удѣльно-вѣчевой эпохи, сохранились въ западной Малоросіи, — въ Подлясіи и въ Галиціи. Приднѣпровье часто опустошалось, затѣмъ оно сдѣлалось центромъ позднѣйшей казацкой исторіи, развило и сохранило преимущественно пѣсни казацкой эпохи, отъ XVI вѣка. Галиція же и Волинь продолжали и въ XIII и XIV вѣкахъ, послѣ разгрома Кіево-Переяславской земли татарами, ту жизнь, которая преобладала на всей удѣльной Руси въ XII вѣкѣ.

Такъ какъ страны, лежавшія на западъ отъ Днѣпра, пострадали отъ татаръ въ весьма слабой степени, то несомнѣнно, что движеніе населенія, которое пыталось укрыться отъ татаръ, шло на юго-западъ, въ Волинскую область, въ Галицію. Въ повѣсти объ убіеніи Михаила Черниговскаго говорится: „князю же великому Михаилу Всеволодовичу, дръжащу тогда Кіевъ, и придоша къ нему послы отъ Батыя царя, онъ же увидѣвъ словеса ихъ лестивая, повелѣ избыти ихъ, а самъ повелѣ всему двору своему събратися, и побѣже въ Угорскую землю и съ всѣми домашними своими“. Въ томъ же направленіи, безъ сомнѣнія, бѣжало и населеніе. Галицко-Волинское княжество, такимъ образомъ, дѣлается сильнымъ оплотомъ для южно-русской народности; оно именно было тѣмъ мѣстомъ, гдѣ могъ пріютиться

¹) Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ, 1874, стран. 34 и сл.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

народъ, гдѣ была полная возможность для него успокоиться, сосредоточиться, бросить взглядъ на прожитое, собрать во едино пѣсни и преданія прошлаго.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что украинскій народъ могъ сохранить въ своей древней поэзіи чрезвычайно цѣнное указаніе на формы деревянной церковной архитектуры.

Для оцѣнки значенія интересующихъ насъ колядокъ весьма важно то обстоятельство, что содержаніе ихъ заставляетъ вспомнить одно мѣсто Ипатской лѣтописи. Дѣло идетъ о нападеніи Половцевъ на Кіевскую землю въ княженіе Изяслава. Подъ 1068 годомъ въ лѣтописи читаемъ: „Изяславу же со Всеволодомъ Кіеву пришедшю... и людье Кіевстни прибѣгоша Кіеву, и сотворивше вѣче на торговици, и рѣша, пославшеся ко князю: се Половци росулися по земли, да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемся съ ними“. Изяславъ же сего не послуша... и идоша (людье) съ вѣча на гору, и придоша на дворъ Коснячковъ (воеводы), и не обретоша его, у двора стаха Брачъславля и рѣша: „пойдемъ, высадимъ дружину изъ погреба“. И раздѣлишася на двое; и половина ихъ иде къ погребу, а половина иде по мосту; снѣже идоша на княжъ дворъ. Изяславу сидящу на сенѣхъ съ дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ, а князю изъ окна зрящю... и другая половина людей приде отъ погреба, отворивше погребъ, и рѣша дружина князю: „се зло есть; послѣ ко Всеславу, ать, призвавше ко оконцю, и пронзутѣ и мечемъ“. И не послуша сего князь. Людье-же кликнуша, и идоша къ порубу Всеславу; Изяславъ же, се видивъ, побѣгоста со Всеволодомъ съ двора; людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба... и поставиша и средѣ двора княжа, и дворъ княжъ разграбиша“. (Ип. 120—121).

Сходство между лѣтописнымъ рассказомъ и колядкой — несомнѣнное. Лѣтописный рассказъ — это та же колядка, только назнанку. По лѣтописи, князь отказался уступить шумному требованію кіевлянъ, и отъ этого произошло народное возмущеніе. Разумѣется, лѣтопись передаетъ свою версію со всѣми реальными подробностями, тогда какъ колядка рассказываетъ въ поэтической формѣ, въ общихъ идеальныхъ чертахъ, однако не безъ согласія съ обычаями того времени. Колядка — это гимнъ, который могъ быть пропѣтъ въ честь хотя бы мужественнаго Святослава Черниговскаго, который исполнилъ то, чего тщетно добивались кіевляне отъ Изяслава, т.-е. вышелъ противъ Половцевъ, свирѣпствовавшихъ около Чернигова, и разбилъ ихъ, или въ честь Ярослава, заложившаго въ память своей побѣды надъ печенѣгами Кіево-Софійскій соборъ. Древніе князья любили сооружать храмы въ память какихъ-нибудь особенныхъ событій, главнымъ же образомъ, въ память своихъ побѣдъ. Народная фантазія, однако, не говоритъ о постройкѣ господаремъ какого-нибудь каменнаго храма, а довольствуется простой деревянной церковью съ тремя верхами, какія умѣли строить тогда на Руси. Припомнимъ лѣтописный рассказъ о Владимірѣ Св., который въ знакъ своей побѣды выстроилъ деревянную церковь въ Корсуни среди великолѣпныхъ греческихъ каменныхъ храмовъ, блиставшихъ мозаикой, живописью и разноцвѣтными мраморами. Народное воображеніе не могло придумать ничего лучшаго для памятника о побѣдѣ Владимира,

какъ деревянную церковь, со всѣми ея своеобразными формами, въ которыхъ оно видѣло образецъ своего родного зодчества.

Замѣчательны нѣкоторыя подробности въ содержаніи колядки.

Владѣнія господаря названы „подворьемъ“. „Подворье“ такъ же, какъ и „дворъ“, — древнее названіе жилища (отсюда — дворецъ). Оба они встрѣчаются въ былинахъ, гдѣ упоминаются дворы княженицкіе, боярскіе, дворы дружины-богатырскіе, „подворьице Микитино“ на Вшивой горкѣ, „подворье вдовиное“, широкій бѣлый дворъ“, „широкое подворье“¹⁾.

Далѣе колядка упоминаетъ о тѣхъ же деталяхъ княжескаго терема и вооруженіи князя, о которыхъ говорится и въ лѣтописи. Въ колядкѣ господарь приглашается „выявить личко на оконичко, а съ оконичка на подвирочко“, въ лѣтописномъ разсказѣ Изяславъ сидѣлъ „на сенѣхъ съ дружиной своей“, когда пришли кіевляне; они „начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ, а князю изъ оконца зрящу“.

Очевидно, „оконце“ или „оконичко“ было такимъ мѣстомъ княжескаго терема откуда князь имѣлъ обыкновение бесѣдовать съ народомъ. Бояре совѣтуютъ Изяславу поскорѣе убить Всеслава, призвать его „къ оконцю“ и пронзить мечомъ. Тотъ же мечъ, а не казацкая сабля, составляетъ вооруженіе героя колядки.

Въ связи съ этимъ свидѣтельствомъ колядокъ особенное значеніе приобретаютъ тѣ рисунки, приложенные къ Изборнику великаго князя Святослава 1073 года, которые изображаютъ храмъ съ тремя куполами. Такое же изображеніе храма съ тремя куполами мы находимъ на Кіевской миниатюрѣ XI вѣка въ Псалтыри Егберта, архіепископа Трирскаго²⁾. Манера рисовать храмъ подобнымъ образомъ — чисто кіевская. Изъ Кіева она распространилась на сѣверъ Россіи; вотъ почему мы встрѣчаемъ изображеніе трехглаваго храма во многихъ иныхъ рукописяхъ. Правда, это не реальное, а схематическое, условное изображеніе храма, притомъ навѣрно хотя отчасти заимствованное изъ византійской миниатюрной живописи. Однако, въ то же время мы знаемъ, что русскія рукописи представляютъ собой богатый источникъ не только для филологівъ и палеографівъ, но также и для русскаго зодчества. Миниатюристы, кромѣ изображеній, которыя они заимствовали изъ иныхъ, главнымъ образомъ византійскихъ, источниковъ, часто сами срисовывали архитектурныя формы съ натуры или же изображали на память тѣ, которыя они видѣли своими глазами. Возможно, конечно, что три главы на храмахъ кіевскихъ миниатюръ — формы, заимствованныя изъ другихъ старѣйшихъ, т.-е. византійскихъ, источниковъ, быть можетъ даже до насъ не дошедшихъ; но возможно также и обратное заключеніе, что это — незаимствованныя и не вымышленныя, а существовавшія формы. Последнее предположеніе становится особенно вѣроятнымъ въ связи съ вышеизложеннымъ.

Обратимся ко второму типу — пятикупольному храму. Здѣсь мы имѣемъ положительное доказательство въ пользу того, что пятикупольный храмъ существовалъ

¹⁾ См. С. К. Шамбинаго. Древне-русское жилище по былинамъ, въ Юбилейномъ сборникѣ въ честь Всеволода Оedorовича Миллера. Москва, 1900, стр. 129.

²⁾ Древности Украины, вып. I, стр. 18 и дал.

въ домонгольскую эпоху. Объ этомъ прямо говорится въ „Сказаніи Іакова мниха о Борисѣ и Глѣбѣ“¹⁾. Тѣло Бориса, убіеннаго на Альтѣ, по приказу Святополка было отвезено въ Вышгородъ и погребено возлѣ деревянной церкви св. Василия. Ярославъ велѣлъ перевезти туда же и останки Глѣба. Затѣмъ начались чудеса надъ мощами мучениковъ. Объ этомъ было доложено Ярославу, при чемъ духовенство посовѣтовало ему соорудить достойный храмъ надъ этимъ святымъ мѣстомъ. Ярославъ внялъ этому совѣту и „взгради церковь велику, имѣющую върховъ пять и исписавъ всю, и украси ю всею красотою“.

Затѣмъ сказаніе повѣствуетъ, что эта церковь вскорѣ обвѣтшала и Изяславъ велѣлъ близъ старой соорудить новую церковь, также деревянную, но объ одной главѣ. Вѣроятно, при Ярославіи деревянная церковь не совсѣмъ хорошо была выстроена и потому не выдержала давленія пяти куполовъ, стала быстро приходить въ ветхость; кромѣ того, князья пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы почтить память Бориса и Глѣба, видя въ нихъ заступниковъ и покровителей всего своего рода; это давало поводъ устраивать всеобщее торжество, на которое съѣзжались всѣ князья. Этимъ объясняется, что когда наконецъ Святославичи Черниговскіе dokonчили каменную церковь, начатую ихъ отцемъ, и хотѣли поставить въ нее гробницы святыхъ, то великій князь Святополкъ не соглашался: „не дерзну“, говорилъ онъ, „переносить ихъ съ мѣста на мѣсто“. Такимъ образомъ, только при Владимірѣ Мономахѣ совершилось третье торжественное перенесеніе св. мощей въ каменную церковь, въ 1115 году.

Это свидѣтельство литературнаго памятника XI, XII вѣка²⁾ не оставляетъ уже мѣста никакому сомнѣнію въ томъ, что деревянные украинскіе храмы, хотя сравнительно и поздней постройки, несутъ въ себѣ черты отдаленной древности и служатъ образцами тѣхъ строительныхъ замысловъ, которыми руководилось въ своихъ работахъ деревянное зодчество домонгольской Руси.

Откуда же произошли формы этого зодчества? Я полагаю, что онѣ произошли изъ Византіи. Какъ уже сказано въ украинской архитектурѣ существуетъ два типа церквей: въ видѣ корабля съ тремя куполами и въ видѣ креста съ пятью куполами. Храмы въ видѣ корабля имѣютъ три сруба, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу. Фигура основанія каждаго сруба не всегда бываетъ одна и та же. Иногда она — четырехугольная. Но гораздо чаще зодчіе прибѣгаютъ къ иной формѣ: круглой или правильнѣе — многогранной, которая имѣетъ въ планѣ восьмиугольникъ. По мнѣнію И. Е. Забѣлина, многогранная форма столь же древняя въ русскомъ зодествѣ, какъ и четырехугольная, „ибо, — говоритъ онъ, — городскія башни, какъ скоро требовалось сдѣлать ихъ обширнѣе обыкновеннаго клѣтнаго сруба, выстраивались по большей части въ уголь, многоугольникомъ шестерикомъ или осьмерикомъ“. (Черты самобытности въ русскомъ зодествѣ.)

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россіи. 1870, кн. I.

²⁾ См. Н. Никольскій, Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). С.-Пб. 1906, стр. 255 и дал.

Многоугольная форма была особенно излюблена въ южной Россіи, и отсюда надо полагать, она перешла и на сѣверъ. Вотъ эта-то круглая или многогранная форма и останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Нѣкоторые архитекторы такъ же, какъ и Забѣлинъ, полагаютъ, что, такъ какъ размѣры четырехугольнаго сруба опредѣлялись размѣрами бревна, то подобные храмы не могли быть обширны и потому самая необходимость заставила прибѣгнуть къ иной формѣ, круглой или многогранной¹⁾. Вначалѣ и я думалъ, что многогранныя формы выработались отъ того, что плотники старались использовать короткіе древесные стволы и отрѣзки отъ болѣе длинныхъ бревенъ. Но въ настоящее время я убѣдился, что оба эти взгляда не могутъ быть защищаемы. Круглая или многогранная форма въ южно-русскомъ деревянномъ зодствѣ могла явиться отчасти подъ вліяніемъ формъ византійской архитектуры, отчасти благодаря условіямъ техническимъ. Эти два обстоятельства, вліяніе византійскаго искусства и строительная техника, и создали круглую или многогранную форму въ южно-русской архитектурѣ. На первый взглядъ, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, что на деревянное церковно-строительное искусство южной Россіи могла вліять Византія: вѣдь на Востокѣ не было другихъ храмовъ, кромѣ каменныхъ, между тѣмъ обиліе на Руси лѣса и недостатокъ камня побуждали строить здѣсь по преимуществу деревянныя церкви. Правда, византійскіе мастера были совершенно неопытны въ деревянномъ зодствѣ и не могли передать строительныхъ традицій древней Руси, не могли создать какого бы то ни было типа специально для деревянныхъ церквей. Кромѣ того, обычный византійскій типъ храмовой постройки X—XII вв., въ видѣ четырехугольника съ четырьмя столбами посрединѣ, поддерживающими куполъ, не могъ служить образцомъ, такъ какъ его невозможно скопировать въ деревѣ. Но въ византійской архитектурѣ были другія формы храмовъ, которыя, хотя и были предназначены для камня, подходили къ деревяннымъ формамъ и поэтому легко могли дать идею для выработки деревяннаго храма. Это именно круглая или многогранная ротонда (октогонъ). Образцомъ ея является церковь св. Виталія въ Равеннѣ VI в. Такихъ октогоновъ, какъ **San-Vitale**, было не мало въ Малой Азій и вообще на Востокѣ²⁾. Если сравнить церковь св. Виталія съ украинскими трехкупольными храмами, то не трудно видѣть аналогію. Въ украинскихъ храмахъ средній восьмиугольный срубъ преобладаетъ надъ двумя остальными шириной и вышиной: онъ составляетъ основную существенную часть храма, и къ нему уже примыкаютъ алтарь и притворъ. Тѣ же основныя черты плана представляютъ и **San-Vitale**, который также состоитъ изъ 3 частей: большого главнаго восьмиугольника, абсиды на восточной сторонѣ и паперти на западной.

Многогранная форма тѣмъ охотнѣе была принята въ деревянномъ зодствѣ, что надъ храмомъ возвышался куполъ: благодаря многограннику, тяжесть купола распредѣлялась не на всемъ протяженіи стѣны, а въ углахъ. По той же самой

¹⁾ В. Су слов ѣ, Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. С.-Пб. 1889, стран. 29.

²⁾ Strykowski, Kleinasien. Leipz., 1903. s. 70.

причинѣ барабанъ въ византійской архитектурѣ дѣлался не цилиндрическимъ, а многограннымъ. Наконецъ, тотъ же принципъ мы видимъ въ многогранномъ хорѣ готическаго собора.

Такимъ образомъ, многогранность формъ зависитъ не отъ обширности зданій, а отъ ихъ высоты, отъ той тяжести, которая сверху давить на стѣны. Многогранная форма плана болѣе, чѣмъ четырехугольна, пригодна для того, чтобы обезвредить распоръ купола. Въ этой многогранности формъ какъ бы заключены контрфорсы. Вотъ почему городскія башни дѣлались многоугольникомъ: не ради ихъ обширности, какъ думаетъ Забѣлинъ, а ради ихъ высоты и устойчивости.

Другая форма украинскихъ храмовъ—крестообразная—также византійскаго происхожденія. Въ византійской архитектурѣ крестообразный планъ храма выработался изъ кубическаго четырехстолпнаго типа. Такъ какъ усилія византійскихъ зодчихъ были постоянно направлены къ тому, чтобы обезвредить распоръ купола, то крестообразный типъ и явился вслѣдствіе попытки подпереть центральные столбы стѣнами не только съ восточной стороны, но и со всѣхъ остальныхъ сторонъ, т.-е. вдоль сѣвернаго, южнаго и западнаго концовъ архитектурнаго креста. Это было тѣмъ болѣе удобно, что такая форма храма обозначала символъ—крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ.

Церкви такой формы въ изобиліи встрѣчаются на Кавказѣ. Среди храмовъ древняго Херсонеса сохранился одинъ крестообразнаго типа. Храмъ св. Марка въ Венеціи также имѣетъ крестообразны планъ съ пятью куполами.

Крестообразный типъ церкви такъ же, какъ и октогонъ, былъ пригоденъ для передачи въ деревянномъ матеріалѣ, почему и былъ заимствованъ.

Производя южно-русское деревянное зодчество отъ формъ византійской архитектуры, мы вовсе не имѣемъ въ виду отрицать его самобытности.

Искусство имѣетъ право дѣлать заимствованія, подчиняться тому, что кажется лучшимъ въ другомъ мѣстѣ или даже въ другую эпоху. „Исторія искусства, научно поставленная,—говоритъ академикъ Кондаковъ,—показываетъ намъ, что всякое искусство начинаетъ свою дѣятельность такъ называемымъ заимствованіемъ, правильнѣе говоря, общеніемъ съ высшей культурой“. Если разнообразныя вліянія, которое всегда испытываетъ искусство, переработаны художниками, такъ сказать, переплавлены въ горнилѣ ихъ души, то изъ этого вырабатывается новый характеръ искусства, новый художественный стиль, чисто мѣстный, національный.

Украинское искусство является творчествомъ оригинальнымъ, имѣющимъ національный характеръ, такъ какъ оно самостоятельно переработало чужіе элементы, византійскіе или западные, которые къ нему приходили.

Ни на западѣ, ни въ сѣверной Россіи нельзя встрѣтить ни одной церкви, которая могла быть принята за образецъ украинскихъ церквей. Это въ своемъ родѣ единственные памятники; почему они и представляютъ самостоятельный стиль.

Обитателямъ древней Руси, хорошо знакомымъ съ плотничьимъ дѣломъ, не трудно было выработать типъ деревянныхъ церквей, пользуясь византійскими об-

разцами только для внутренняго расположенія церкви, согласно требованіямъ христіанскаго богослуженія. Еще покойный Погодинъ замѣтилъ на первомъ Археологическомъ Съѣздѣ, что „откуда-бы что ни приходило, русская печь все переваривала,

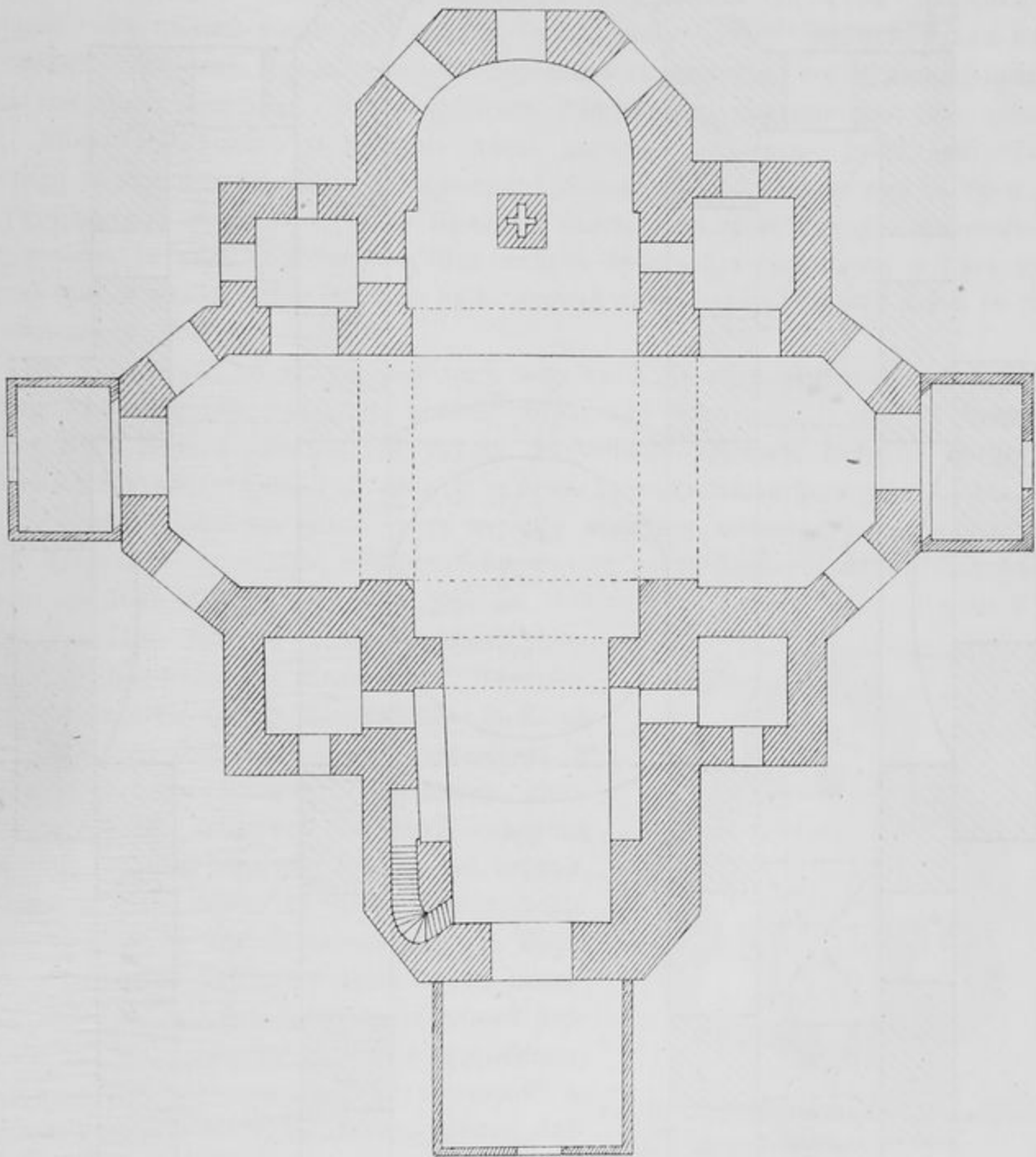
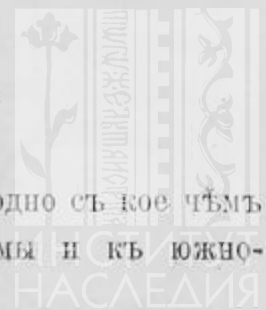

Рис. 8. Ц. Св. Троицы въ Густынскомъ мон. возлѣ Прилукъ.

и что изъ нея выходило, то было уже не иностранное, хотя и сходно съ кое чѣмъ иностраннымъ“. Эти слова покойнаго историка вполне примѣнимы и къ южно-

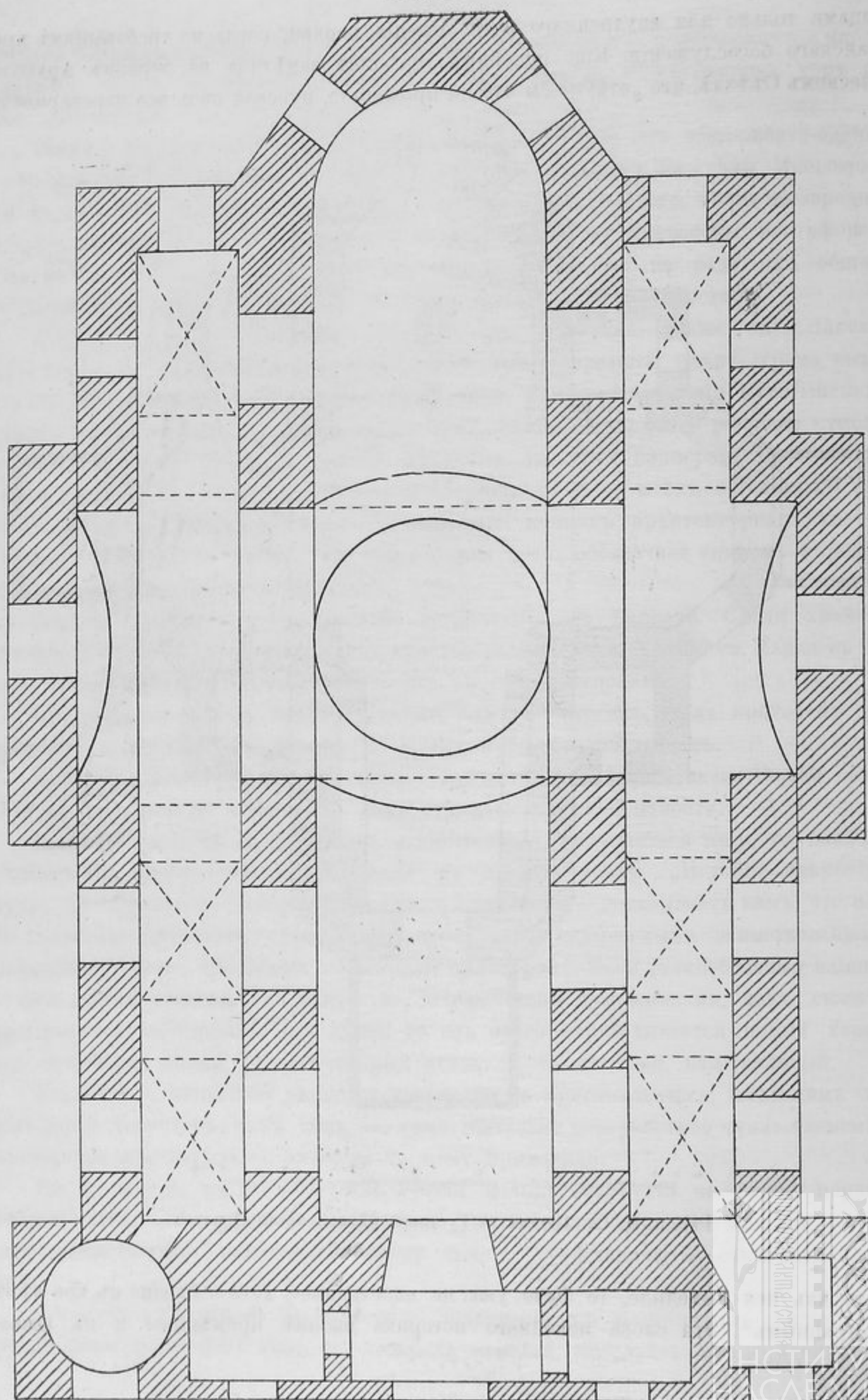

Рис. 9. Ц. Лубенского Мгарского монастыря.

русскому деревянному зодчеству, которое заключало въ себѣ такъ много національной устойчивости, что удержалось до конца XVIII вѣка и оказало вліяніе даже на каменную архитектуру. Вторая половина XVII вѣка замѣчательна расцвѣтомъ кирпичнаго зодчества не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Малороссіи. Усвоивъ себѣ приемы кирпичной кладки, малороссы тотчасъ же примѣнили ихъ къ своимъ любимымъ, старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, что породило новыя типы каменнаго зодчества. Это самобытное направленіе создало уже въ концѣ XVII вѣка своеобразное и притомъ чисто народное зодчество, представителями котораго служатъ такія зданія, какъ напримѣръ каменная церковь во имя св. Троицы въ Густынскомъ монастырѣ возлѣ Прилукъ, заложенная въ 1672 году и оконченная иждивеніемъ гетмана Самойловича. Она имѣетъ крестообразный планъ и пять куполовъ (рис. 8 и табл. VIII). Это едва ли не первый храмъ, типъ котораго взятъ съ деревянныхъ церквей.

Къ сожалѣнію, во второй половинѣ того же XVII вѣка замѣчается и другое явленіе въ искусствѣ Украины, которое отвлекало архитектуру отъ ея прямой національной дороги. Появляется группа каменныхъ храмовъ, которые представляютъ смѣсь элементовъ, гдѣ одна доля принадлежитъ Византіи, а другая Западу.

Первымъ образцомъ такого типа церквей является каменная церковь Лубенскаго Мгарскаго монастыря, которая была начата постройкой гетманомъ Самойловичемъ въ 1682 году, а достроена уже въ 1694 году гетманомъ Мазепою (рис. 9 и табл. IX). При Мазепѣ особенно процвѣтало церковное зодчество въ Малороссіи. Памятниками его остаются церкви, сооруженныя въ Кіевѣ и по другимъ городамъ самимъ гетманомъ и полковниками того времени. Повидимому, типъ храма въ видѣ латинской базилики сдѣлался любимымъ типомъ Мазепы, потому что церкви, которыя онъ соорудилъ въ Кіевѣ: Николаевскій военный соборъ и Богоявленская церковь Братскаго монастыря, — представляютъ почти повторенія Лубенскаго храма¹⁾. Существенными чертами этого типа храмовъ являются: три абсиды, трансепсъ, выступающій съ обѣихъ сторонъ и придающій зданію видъ латинскаго креста, двѣ высокія башни по сторонамъ западнаго фасада,

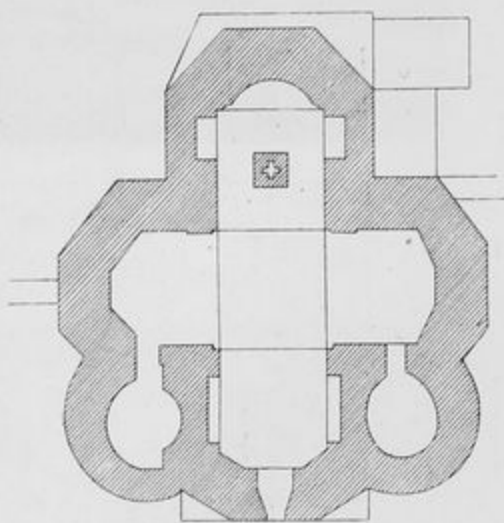

Рис. 10. Петропавловская, въ Густынскомъ монастырѣ.

и какъ существенный элементъ — куполъ на перекрестьѣ. Хотя такія постройки не могли представлять собой явленія зауряднаго, однако онѣ не убили любовь къ формамъ деревяннаго зодчества: въ XVIII вѣкѣ въ Густынскомъ монастырѣ сооружается Петропавловская церковь крестообразнаго типа (рис. 10 и табл. VIII), а въ Прилукахъ — Преображенская (1716) (табл. VII).

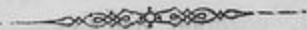
¹⁾ Фундуклей. Описаніе Кіева.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

Вообще формы, свойственныя деревянному украинскому зодчеству, становятся настолько излюбленными, что их придаютъ даже храмамъ домонгольской эпохи при реставраціяхъ.

Такимъ образомъ, въ заключеніе, въ видъ практическаго вывода, можно пожелать, чтобы церкви въ южной Россіи, какъ деревянныя, такъ и каменные, строились по старинному южно-русскому типу, который является истинно народнымъ, ведущимъ свое начало отъ первыхъ временъ христіанства на Руси.

Преображенская ц. въ Прилукахъ.

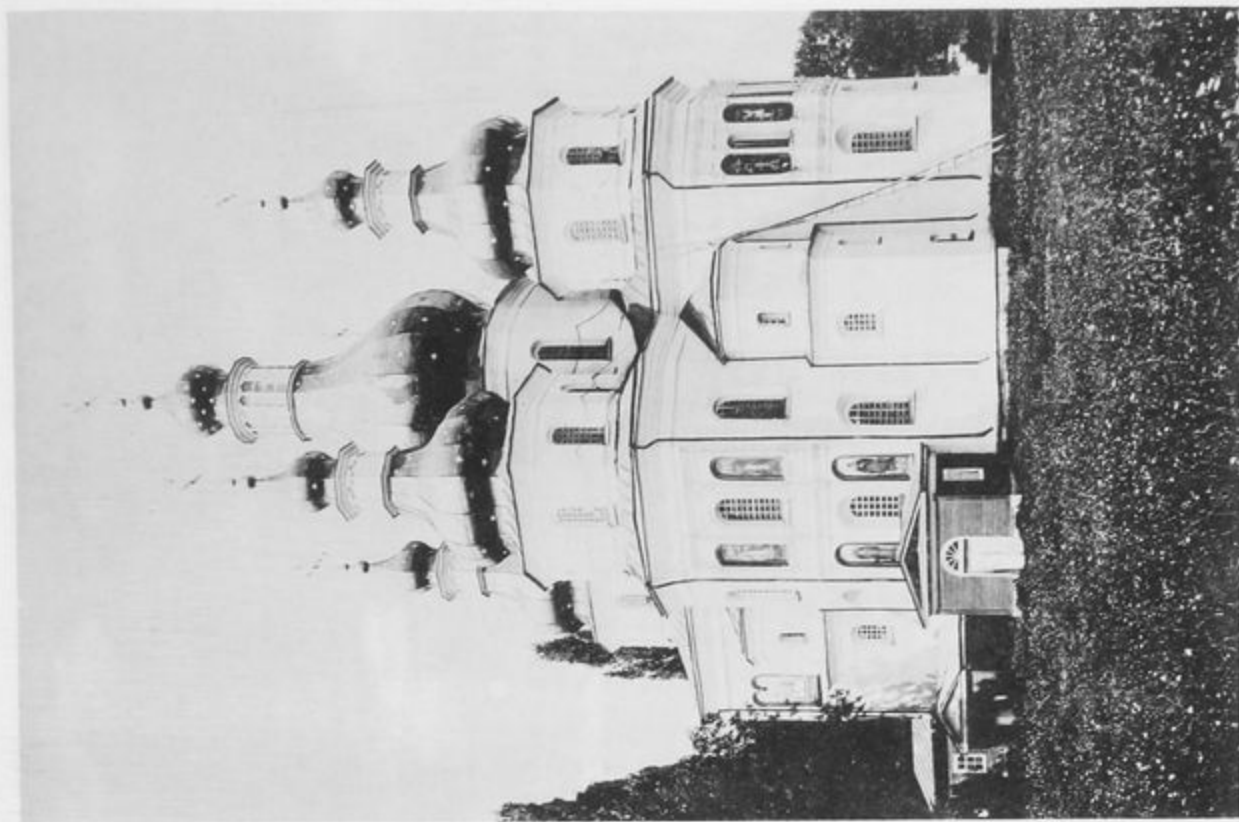

Фот. П. Павлова.

Ц. Рождества Пр. Богородицы въ м. Вороньки, Полтавской губ.

Фот. П. Павлова
Ц. Св. Троицы въ Густынскомъ мон.

Петропавловская ц. того-же мон.

Фот. П. Павлова.

Лубенский Мгарский Преображенский монастырь.

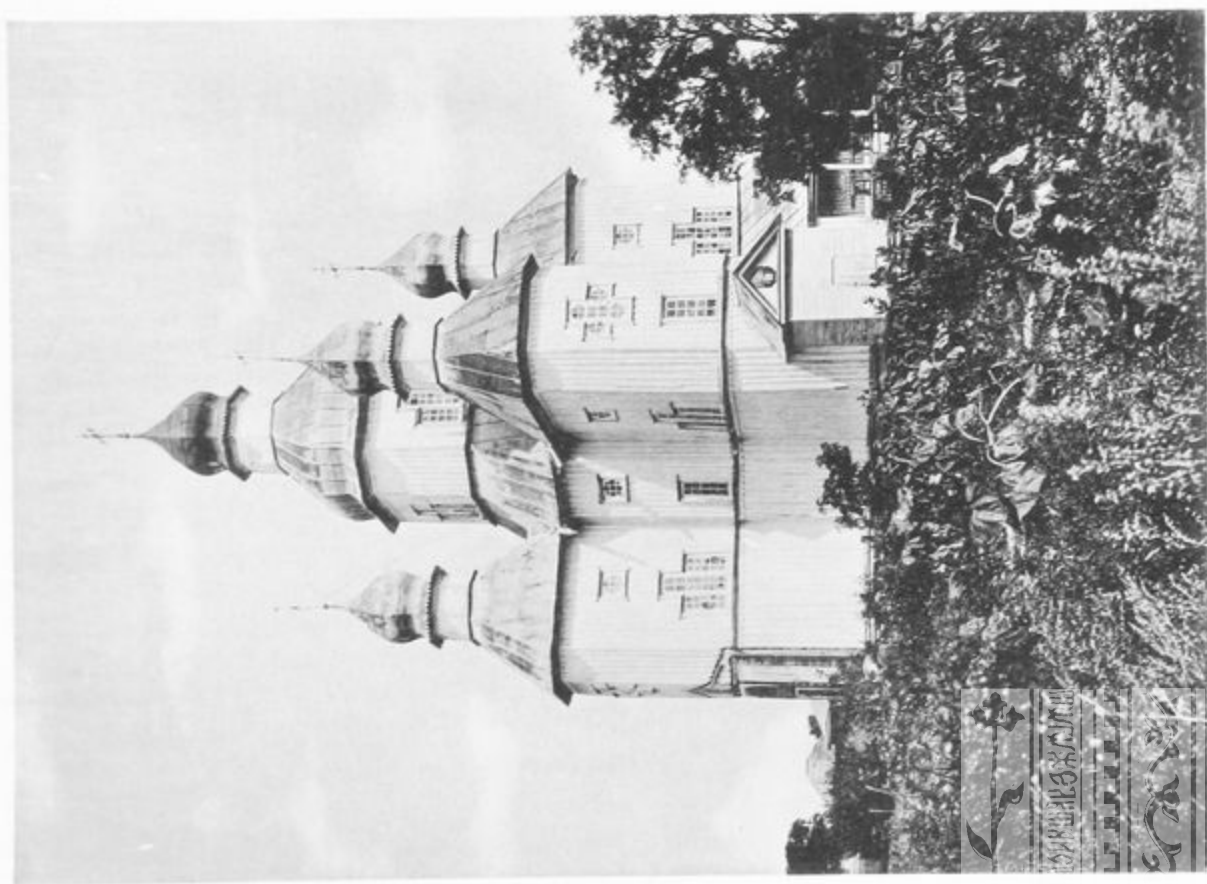

фот. П. Павлова.

Церковь Кальнишевского въ г. Ромнахъ.

Церковь въ м. Бѣлки, Кобелякского у.

БИБЛИОТЕКА
Музея Краеведческой
и Музейной работы

Черты самобытности въ Украинскомъ зодчествѣ.

А. П. Новицкаго.

Господствующимъ типомъ Украинскихъ деревянныхъ церквей является или трехглавый храмъ, состоящій изъ трехъ башенъ, соединенныхъ между собою по направленію съ востока на западъ, или пятиглавый, въ которомъ къ средней — главной и самой высокой башнѣ примыкають, кромѣ восточной и западной, еще сѣверная и южная башни. Въ первомъ случаѣ, храмъ символизируетъ Троицу, а во второмъ — образуетъ въ планѣ равноконечный византійскій крестъ.

Оба эти типа я считаю самобытными. Можетъ, на первый взглядъ, показаться, что такое мое мнѣніе находится въ противорѣчій со мнѣніемъ проф. Гр. Гр. Павлуцкаго, доказавшаго, въ одномъ изъ рефератовъ на Черниговскомъ Съѣздѣ, византійское происхожденіе не только пятиглаваго, но даже и трехглаваго храма. Но это противорѣчіе только кажущееся. И проф. Г. Г. Павлуцкій тоже не отрицаетъ самобытности этихъ формъ, — онъ разыскиваетъ только тѣ зародыши, изъ которыхъ потомъ могли выработаться наши формы. «Ни одно искусство не выходитъ подобно Минервѣ, во всеоружіи», говоритъ онъ; «каждое явленіе имѣетъ свои причины», и эти-то причины и были предметомъ доклада проф. Г. Г. Павлуцкаго. Словомъ, я начинаю съ того пункта, на которомъ онъ окончилъ.

Такого же мнѣнія держится и прот. Е. И. Сѣдинскій, говоря, что «наши южно-русскія деревянныя церкви являются переработкой византійскаго стиля; но это — не рабское заимствованіе византійскихъ формъ, а вполне самостоятельная переработка, являющаяся какъ особый украинскій стиль. Прототипомъ южно-русскихъ церквей были каменные церкви византійскаго типа. Это можно видѣть особенно на нѣкоторыхъ южно-русскихъ церквахъ той части лѣвобережной Украины, которая примыкаетъ къ Великороссіи. Съ другой стороны, церкви западной части южно-русскихъ областей отображаютъ на себѣ нѣкоторое вліяніе западныхъ образцовъ. Но такъ или иначе, заключаетъ онъ, хотя церкви южно-русскія, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ и имѣють нѣкоторые признаки вліянія типовъ сопредѣльныхъ мѣстъ и народовъ, но все-таки въ общемъ южно-русскія церкви имѣють самобытный характеръ, проявляющійся и въ наружномъ видѣ церкви, и во внутреннемъ расположеніи, и въ структурѣ зданія, и въ teknikѣ постройки¹⁾».

¹⁾ Протоіерей Е. Сѣдинскій. Южно-русское церковное зодчество. (Каменецъ-Подольскъ, 1907 г.) Стран. 77.

Но совсѣмъ другое дѣло, если бы кто сталъ смотрѣть на наши храмы съ крестообразнымъ планомъ, какъ на подражаніе византійскимъ храмамъ, имѣющимъ въ планѣ равноконечный крестъ, которыхъ не мало можно указать отъ первыхъ временъ христіанства. Между всѣми такими храмами и пятибанными деревянными Украинскими церквами является очень существенная разница: тамъ мы имѣемъ одну общую массу съ крыльями съ каждой изъ четырехъ сторонъ; здѣсь же крестъ образуется пятью отдѣльными башнями, лишь стоящими на одномъ основаніи.

Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ В. Карповича, который говоритъ, что «количество церквей, имѣющихъ въ планѣ византійскій крестъ, очень незначительно и относится *ко времени упадка* малороссійскаго церковнаго строительства²⁾).

Еще Павелъ Алепскій, путешествовавшій по Россіи въ 1645 г., т.-е. какъ разъ въ то время, когда украинцы, только что получивъ свободу, по его же выраженію³⁾, въ радости «построили церкви одна другой благолѣпнѣе, лучше, прекраснѣе, выше и больше... даже сельскія церкви одна лучше другой», описываетъ въ Переяславлѣ церковь, крестообразнаго плана: «Насъ привели», пишетъ онъ⁴⁾, «въ большую новую церковь, выстроенную *изъ дерева*, въ честь Успенія Владычицы. Она еще не окончена, но возбуждаетъ удивленіе зрителя своей замысловатой формой, возвышенностью, симметрией и своими *пятью куполами*. Она имѣетъ *видъ креста*».

Мы имѣемъ даже обратное свидѣтельство, что въ церквахъ западнаго края, съ появленіемъ уніи, какъ указалъ еще на VII Археологическомъ Сѣздѣ В. В. Грязневъ⁵⁾, типъ такихъ церквей сталъ исчезать, — «четыреугольные выступы съ сѣверной и южной сторонъ постепенно стали уменьшаться, и церкви становились въ видѣ продолговатаго четырехугольника», другими словами — принимали базиличный характеръ, какъ это и естественно ожидать.

В. Щербаковскій видитъ⁶⁾ здѣсь, напротивъ, развитіе начальнаго типа деревянныхъ украинскихъ церквей, которое онъ ведетъ отъ одноконной церкви. Единственный образецъ такой церкви онъ встрѣтилъ въ мѣстечкѣ Торговиці, Уманьскаго уѣзда; затѣмъ слѣдуютъ двухбанныя церкви, какихъ, по его собственному признанію, онъ не встрѣтилъ ни одной, но о которыхъ упоминаютъ описи XVIII вѣка. Далѣе идутъ трехбанныя церкви, отъ которыхъ, прибавкою къ нимъ башенъ съ юга и съ сѣвера, получаютъ пятибанныя, съ крестообразнымъ планомъ; а заполненіемъ образующихся такимъ образомъ угловъ четырьмя новыми башнями получается девятибанная церковь, на манеръ Новомосковской, которую авторъ считаетъ полнымъ развитіемъ украинскаго церковно-архитектурнаго стиля.

²⁾ В. Карповичъ. Малороссійское церковное зодчество. „Строитель“ за 1905 г. № 10, стран. 364.

³⁾ Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Пер. Г. Муркоса. М. 1896—1898 гг., стран. 28.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 190.

⁵⁾ Труды VII Археологическаго Сѣзда въ Ярославѣ. Т. III. М. 1892 г. Протоколы, стран. 55.

⁶⁾ Вадимъ Щербаковскій. Деревяніе церкви на Україні і їх типи. „Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. LXXIV, у Львові. 1906, кн. VI.

Разсматривая развитіе церковнаго типа только со стороны увеличенія числа главъ, нужно отдать справедливость послѣдовательности и логичности переходовъ отъ однобанной маленькой церковки до девятибанной соборной церкви. Безусловно можно присоединиться и къ представленію образованія пятибанной церкви пристройкою къ трехбанной сѣверной и южной башенъ; но, конечно, если мы будемъ говорить о художественной сторонѣ типа, то врядъ ли можемъ мы признать что-нибудь болѣе законченнымъ въ художественномъ отношеніи многихъ нашихъ трехглавыхъ церквей, и во всякомъ случаѣ, ни одна изъ пятиглавыхъ церквей не превосходитъ ихъ въ своей красотѣ. Трехглавый храмъ есть слава нашего церковнаго стиля, потому-то онъ и является господствующимъ типомъ нашей архитектуры; мало того, въ минуту украинскаго вліянія на Москву, заимствованъ онъ и Москвою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ указаніе, что типъ трехглаваго храма развится у насъ очень рано и существовалъ уже въ XI вѣкѣ. Какъ безспорно доказалъ профессоръ Гр. Гр. Павлуцкій⁷⁾, заставка въ Изборникѣ Святослава 1073 г. изображаетъ уже трехглавый храмъ.

Такимъ образомъ, этотъ типъ является не только самымъ характернымъ произведеніемъ нашего зодчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и относящимся ко времени глубокой древности. Его мы преимущественно и будемъ разсматривать.

Несмотря на общность типа и кажущееся, на первый взглядъ, однообразіе при внимательномъ изученіи этихъ храмовъ мы поражаемся, напротивъ, богатымъ разнообразіемъ ихъ композиціи. Не говоря уже о томъ, что планъ ихъ постоянно видоизмѣняется, представляя собою то сочетаніе трехъ четырехугольниковъ, то восьмиугольника съ двумя четырехугольниками, то у этихъ четырехугольниковъ срѣзываются углы, то, наконецъ, соединяются три восьмиугольника; въ иныхъ случаяхъ, снаружи сливъ или крыша ганка дѣлитъ церковь какъ бы на два этажа, въ другихъ — напротивъ вся башня церкви поднимается непрерывно. Не говоря объ этомъ, — вся композиція такъ сильно видоизмѣняется съ переходомъ къ каждой новой церкви, что вывести какія-либо опредѣленныя пропорціи, которымъ могли бы отвѣчать всѣ извѣстные намъ памятники, нѣтъ никакой возможности, хотя бы для cadaго памятника въ отдѣльности такія пропорціи устанавливаются довольно легко.

Разсматривая, для примѣра, соборную церковь въ г. Тарацѣ, Кіевской губерніи, построенную въ 1753 г., по изданію проф. Г. Г. Павлуцкаго⁸⁾, мы находимъ, что высота средней башни до плечъ равняется широтѣ ея основанія, а вся ея высота до креста равняется длинѣ плана всѣхъ трехъ срубовъ, не считая при этомъ лишь притвора. Высоты перваго и втораго откосовъ средней башни и первыхъ откосовъ боковыхъ башенъ равны между собою. Высота втораго восьмиерика средней башни съ находящимся надъ нимъ откосомъ равняется высотѣ третьяго восьмиерика съ находящимся надъ нимъ откосомъ. Ширина втораго восьмиерика алтаря и бабника равняется ширинѣ третьяго восьмиерика средней башни. Линіи,

⁷⁾ Древности Украины. Вып. I. Кіевъ. 1905 г., стр. 19.

⁸⁾ Тамъ же, рис. 38 и 39.

отдѣляющія нижній срубъ отъ слѣдующаго за ними уступа во всѣхъ башняхъ, находятся на одной высотѣ; точно такъ же, на одной же высотѣ находятся во всѣхъ срубахъ линіи, отдѣляющія нижній уступъ отъ второго восьмерика, линіи, отдѣляющія второй восьмерикъ отъ слѣдующаго за нимъ уступа, и линіи, отдѣляющія въ средней башнѣ третій восьмерикъ отъ слѣдующаго за нимъ уступа, а въ остальныхъ башняхъ — верхніе восьмерики отъ главъ. Наконецъ, линіи откосовъ, продолженныя до точки ихъ пересѣченія, равняются гипотенузѣ прямоугольныхъ треугольниковъ, одинъ изъ катетовъ которыхъ равенъ ширинѣ ихъ основанія, а другой — высотѣ предыдущаго восьмерика.

Переходя къ Михайловской церкви въ с. Чемерисахъ Волоскихъ, Могилевского уѣзда, построенной въ 1766 г., мы видимъ⁹⁾, что высота средней башни до плечъ болѣе широты основанія, и высота всей этой башни болѣе длины плана всѣхъ трехъ башенъ; но зато линіи, проведенныя отъ верхняго восточнаго угла нижняго сруба алтаря къ основанію стѣнки, отдѣляющей средній срубъ отъ бабника, и отъ верхняго западнаго угла нижняго сруба бабника къ основанію стѣнки, отдѣляющей алтарь отъ средней башни, образуютъ прямоугольные треугольники, гипотенуза которыхъ равняется высотѣ первыхъ трехъ срубовъ средней башни, вмѣстѣ съ находящимися между ними уклонами; линіи, отдѣляющія нижніе срубы отъ первыхъ уступовъ во всѣхъ башняхъ, находятся на одной высотѣ, такъ же какъ и линіи, отдѣляющія первые уступы отъ вторыхъ срубовъ и вторые срубы отъ вторыхъ уступовъ. Остальныя пропорціи, установленныя нами для первой церкви, также здѣсь не удовлетворяются.

Такъ что, повторяю, пока всѣ попытки установить какой-нибудь общій законъ для пропорцій всѣхъ такихъ памятниковъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ.

Въ устройствѣ самыхъ башенъ мы также можемъ прослѣдить постепенное ихъ развитіе.

Послѣ такихъ церквей, въ которыхъ алтарь и бабникъ вовсе не имѣютъ надъ собою главъ, какъ напримѣръ, въ церкви с. Залуча Черченскаго или с. Камня и с. Княжполя, Новоградволинскаго уѣзда, мы видимъ, въ церкви с. Чуднова, Житомирскаго уѣзда, что надъ ними непосредственно возвышаются главы, а надъ среднимъ срубомъ — еще и восьмерикъ. Въ мѣстечкѣ Полонномъ, Новоградволинскаго уѣзда, средній срубъ выдается на сѣверъ и югъ, и надъ всѣми тремя срубами поставлено по одному восьмерику; въ г. Таращѣ, алтарь и бабникъ имѣютъ по одному восьмерику, а надъ среднимъ срубомъ возвышаются уже два восьмерика. Наконецъ, въ Чемерисахъ Волоскихъ каждая изъ башенъ имѣетъ по два восьмерика.

Башни нѣкоторыхъ изъ такихъ церквей достигаютъ очень значительной высоты, — такъ напримѣръ, въ Медвѣдовскомъ монастырѣ высота башни почти 20 сажень. Но гдѣ онѣ и не такъ высоки въ дѣйствительности, то и тамъ онѣ

⁹⁾ Тамъ же, рис. 41.

производить впечатлѣніе значительной высоты, вслѣдствіе свойственной имъ пирамидальности, а нерѣдко, къ тому же, и уклона самыхъ стѣнъ ихъ. Все это придаетъ нашимъ церквамъ сильное стремленіе вверхъ, такъ соответствующее самому назначенію христіанскаго храма, самому духу христіанской религіи.

Мы всегда можемъ замѣтить, что архитектурѣ свойственно отражать на себѣ черты, характерныя для окружающей природы. Такъ, высокіе шатры сѣверныхъ великорусскихъ церквей невольно напоминаютъ собою шатроподобныя верхушки тѣхъ могучихъ елей, среди которыхъ они стоятъ. Такъ же точно и пирамидальныя башни нашихъ деревянныхъ церквей настолько же стилизуютъ окружающіе ихъ стройные пирамидальныя тополи, такъ же какъ и онѣ неудержимо возносящіяся къ небу. Потому-то онѣ и гармонируютъ такъ съ окружающей природой, потому-то онѣ такъ и распространены и дороги украинскому строителю, какъ дорога ему пышная природа его родины! Оттого-то форма эта и должна была зародиться въ самой глубокой древности.

Переходя къ самой постройкѣ нашихъ церквей, мы замѣчаемъ, что онѣ строились изъ дуба, ясеня, сосны, ели, ольхи и другихъ породъ, — изъ цѣльныхъ бревенъ, изъ брусевъ или же изъ бревенъ, разрѣзанныхъ пополамъ (пленицы). Во всѣхъ случаяхъ срубы скрѣплялись въ замокъ и обдѣлывались исключительно топоромъ (рис. 11¹⁰). Закладывались онѣ на толстыхъ дубовыхъ подвалинахъ, безъ всякаго фундамента, подъ которыя иногда, уже въ позднѣйшее время, подведены каменные фундаменты.

Когда низъ башни имѣетъ четырехугольное основаніе, то для перехода къ восьмиграннику устраиваются треугольники, обращенные острымъ угломъ внизъ, дающіе интересный мотивъ для украшенія ихъ изнутри храма. Углы верхнихъ вѣнцовъ сруба скрѣпляются горизонтальными брусками, тоже украшенными рѣзбой.

Для крыши, по крайней мѣрѣ, въ Галиціи *пропускаютъ острубины*¹¹), то-есть выпускаютъ по всѣмъ угламъ концы бревенъ постепенно до двухъ аршинъ, а затѣмъ, поднимаясь вверхъ, опять сокращаютъ размѣры этихъ выпусковъ — *закрываютъ углы*. На эти острубины и навѣшивается крыша.

Такимъ же приѣмомъ нерѣдко пользуются и для устройства *опасаній*.

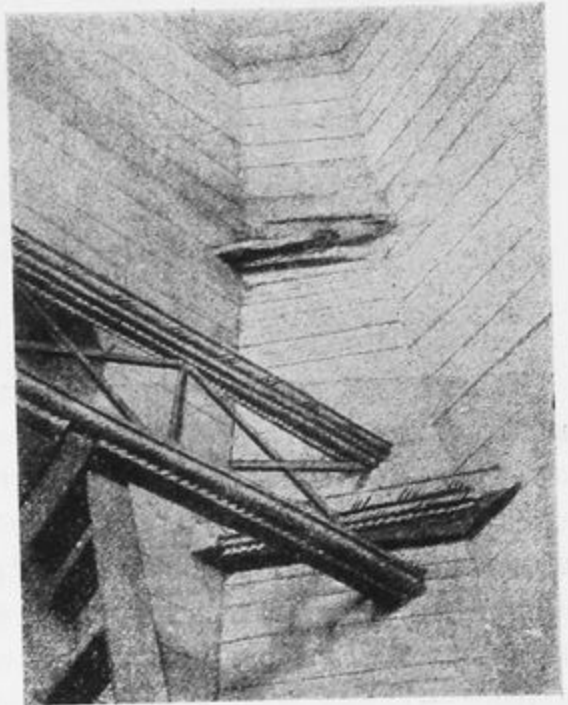

Рис. 11.

¹⁰) Тамъ же, стран. 5. — Щербакъ, В., ст. 29 и 30. — Головацкій, Я. Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ. Труды I Археологическаго Сѣзда. М. 1871. Стран. 353—355.

¹¹) Головацкій, Я. Тамъ же.

Опасаніе, басаніе или *ганокъ*, тоже характерная и живописная особенность нашихъ храмовъ, представляетъ собою галлерею, идущую вокругъ церкви, чаще всего въ видѣ открытаго навѣса на столбикахъ, при чемъ вверху эти столбики обдѣлывались иногда полукруглыми арочками, а низъ забирался деревомъ или даже камнемъ; иногда же, какъ я только что сказалъ, на высотѣ крышъ этихъ опасаній пропускались острубины, на которыхъ и навѣшивалась крыша. Примѣры такого устройства опасаній мы видимъ въ Дмитріевской церкви села Залуча, Каменецкаго уѣзда, Подольской губ., построенной въ 1738 г., въ томъ же уѣздѣ въ церкви с. Княжполя, построенной въ 1747 г.¹²⁾, въ селѣ Нешиѣ, построенной въ 1733 г.¹³⁾, въ церкви с. Должка, Ямпольскаго уѣзда¹⁴⁾ и въ церкви с. Щедровой, Летического уѣзда той же губ., построенной въ 1750 г. Особенно распространенъ такой приѣмъ въ Галиціи (рис. 12¹⁵⁾).

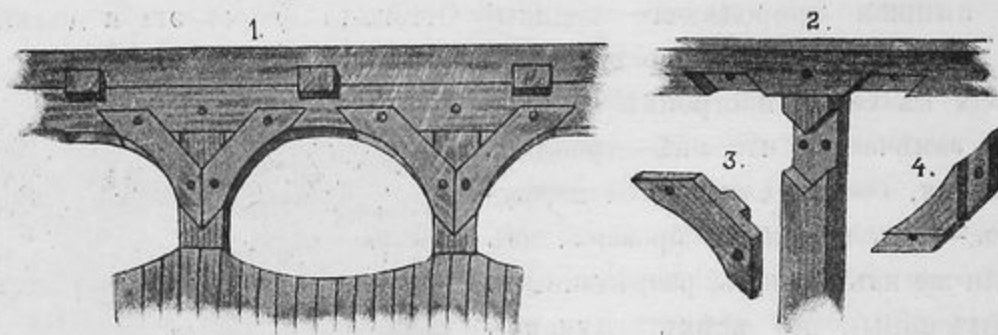

Рис. 12.

Первый способъ устройства опасаній, на поверхностный взглядъ, можетъ показаться сходнымъ съ устройствомъ такъ называемыхъ *szczegoł* въ польской архитектурѣ; но, если сравнить, на примѣръ, аркатуру ганка въ Троицкой церкви мѣстечка Полоннаго, въ Волынской губ., по рисунку, помѣщенному проф. Г. Г. Павлуцкимъ въ «Древностяхъ Украины»¹⁶⁾ съ изображеніемъ *szczegoł* у Мокловскаго (рис. 13¹⁷⁾), то мы замѣчаемъ большую разницу въ самыхъ строительныхъ приѣмахъ: у насъ дѣло обходится совсѣмъ безъ гвоздей, при помощи однихъ только шиповъ, и главное — самыя арки у насъ глухія, тамъ же онѣ ажурныя.

Относительно происхожденія опасаній, архіепископъ Черниговскій Филаретъ говоритъ¹⁸⁾, что они «строились во времена гоненій на православіе въ Южной Руси, когда приходы были велики, а церковей мало, и въ этихъ галлерейкахъ имѣли ночлегъ приходившіе изъ дальняго разстоянія богомольцы. Тутъ же, въ ненастную погоду, добавляетъ онъ, совершались крестные ходы».

¹²⁾ Древности Украины, рис. 14 и 15.

¹³⁾ Карповичъ, В., рис. 10 и 17.

¹⁴⁾ Протоіерей Е. Сѣцинскій. Исчезающій типъ деревянныхъ церквей. Труды Подольскаго Церковно-Археологическаго Общества. Вып. X. Каменецъ-Подольскъ. 1904. Таблица.

¹⁵⁾ Mokłowski K. Sztuka ludowa w Polsce. Рис. 203; 204; 205; 206; 207; 208 и 214.

¹⁶⁾ Древности Украины. Рис. 68.

¹⁷⁾ Mokłowski K., рис. 52 и 79.

¹⁸⁾ Левченко М. М. Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ Южной Россіи. Труды III Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Кіевъ. 1878. Т. I, стран. 311.

Гораздо правильнѣе, въ данномъ случаѣ, представляется объясненіе профессора Соколовскаго¹⁹⁾ конструктивнымъ приѣмомъ, — стремленіемъ отвести, по мѣрѣ возможности дождевыя воды и снѣгъ отъ главныхъ срубовъ и тѣмъ оградить ихъ отъ сырости.

Что же касается до соображеній, приведенныхъ Филаретомъ Черниговскимъ, то здѣсь мы скорѣе имѣемъ дѣло съ практическимъ примѣненіемъ данной пристройки, а не съ побудительными причинами ея возникновенія, такъ какъ иначе ганки были бы, вѣроятно, закрытыми, что гораздо болѣе удовлетворяло бы подобному назначенію, а между тѣмъ закрытіе ихъ шеловкой всѣми изслѣдователями относится какъ разъ къ позднѣйшему времени.

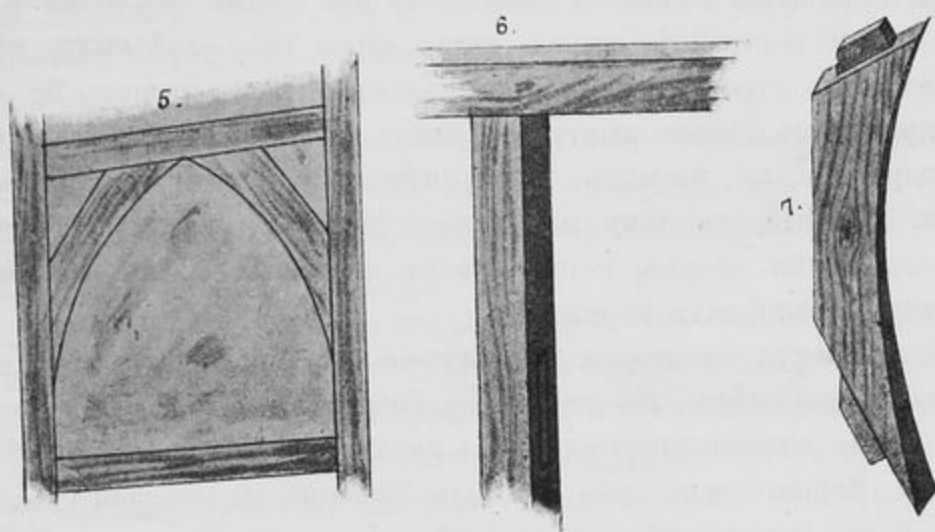

Рис. 13.

Нужно еще замѣтить, что присутствіе опасаній, при неотъемлемой характерности ихъ въ нашей церковной архитектурѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не такъ распространено, какъ можно бы заключить по впечатлѣнію ихъ типичности. По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ церквей, описаніемъ которыхъ мы можемъ пользоваться въ настоящее время, лишь 20% имѣютъ ганки.

Отчасти подобную же роль играютъ и *сливы*, проходящіе на границѣ отдѣльныхъ ярусовъ и, въ одно и то же время, дѣлящіе церковь въ вертикальномъ направленіи и соединяющіе ее въ горизонтальномъ. Они также имѣютъ назначеніемъ своимъ предохранять нижній ярусъ отъ стоковъ и не мало содѣйствуютъ общему эффекту зданія.

Въ противоположность сѣвернымъ церквамъ, представляющимъ собою голые срубы изъ круглыхъ бревенъ, наши церкви всегда *зашеловываются* тесомъ, идущимъ, большею частію, по направленію сверху внизъ, при чемъ на соединеніяхъ тесинъ нашиваются тонкія тесинки, а вверху приколачивается тесина съ вырѣзанными въ ней арочками, наподобіе карнизовъ романской эпохи.

¹⁹⁾ Mokłowski K. Sztuka ludowa w Polsce.

Профессоръ Г. Г. Павлуцкій сомнѣвается въ древности такого приѣма. Не знаю, какіе онъ имѣетъ къ тому поводы; но я, съ своей стороны, имѣю основаніе думать, что такой приѣмъ идетъ, напротивъ, искони. Дѣло въ томъ, что причиною такой разницы между сѣверными и южными церквами является разница въ строительномъ матеріалѣ: въ то время, какъ сѣверъ изобиловалъ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, въ своихъ корабельныхъ сосновыхъ рощахъ, благодаря которому онъ получалъ настолько красивые срубы, что ихъ было бы даже жалъ закрывать чѣмъ-нибудь, югъ строилъ свои церкви или изъ дуба, или изъ другихъ лѣсныхъ породъ, вовсе не отличающихся такою прямизною, не такихъ роскошныхъ, какими могъ такъ гордиться сѣверъ. Въ виду этого, естественно у украинца явилась потребность, а потомъ и привычка закрывать срубы тѣмъ или инымъ способомъ. Къ этому же привыкъ онъ и при постройкѣ своихъ хатъ, строя въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ мазанки, а тамъ, гдѣ строительнымъ матеріаломъ было дерево, — по только что указаннымъ причинамъ, тоже заштукатуривалъ стѣны своихъ хатъ снаружи и изнутри. Въ церквахъ же, взявъ такой штукатурки, онъ прибѣгъ къ способу обшеловыванія, который, къ тому же, способствовалъ и увеличенію впечатлѣнія высоты, того стремленія вверхъ, которое, какъ я уже говорилъ, составляетъ характерную черту украинскихъ церквей.

Иногда встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ описаннаго сейчасъ способа обшеловки. Такъ, напримѣръ, въ церкви св. Георгія, въ Дрогобычѣ, въ Галиціи, обшеловка идетъ не сплошными тесинами, а рядами вырѣзныхъ досочекъ. Въ церквахъ м. Березны, Черниговской губ., Ромны и Лохвицы, Полтавской губ., Трипольи, Кіевской губ. и въ Новомосковскомъ соборѣ она идетъ не въ вертикальномъ, а въ горизонтальномъ направленіи.

Нужно замѣтить, что обшеловка встрѣчается и въ нѣкоторыхъ познанскихъ католическихъ церквахъ, какъ напримѣръ, въ ц. св. Іоанна Крестителя, въ Лаговицѣ, ц. св. Михаила въ Siedlec и въ ц. св. Николая въ Wierzenica²⁰).

Окна въ нашихъ церквахъ размѣщаются въ самомъ произвольномъ порядкѣ, но всегда высоко надъ землею. Форма и величина ихъ очень разнообразны. Встрѣчаются окна круглыя, въ видѣ розетки, прямоугольныя — почти квадратныя и длинныя — со срѣзанными углами и съ аркою наверху, двойныя и тройныя и наконечъ, особенно часто, крестообразныя. То помѣщается по два окна съ сѣверной и съ южной стороны средней башни, то — по три, а въ каждомъ верхнемъ восьмерикѣ — по одному, то нѣкоторые восьмерики ставятся глухіе.

Передъ входомъ въ церковь, въ старину, никакихъ притворовъ не дѣлалось, и дверь церковная была на самомъ виду; потому на обработку ея обращалось большее вниманіе, и она выработалась въ очень своеобразную форму и украшалась рѣзьбою.

Форма эта представляетъ собою слегка наклоненные косяки, со скошенными подъ 30° верхними углами; четырехугольныя двери встрѣчаются только въ видѣ

²⁰) Verzeichniss der Kunstdenkmäler der Provinz Posen. III. B. Lief. I und II. Berlin. 1895.

исключенія, какъ напрымѣръ, въ церкви с. Красная Лука, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губ.²¹⁾. Самая дверь обыкновенно бываетъ одностворная, низкая. Описанная форма является самобытною, такъ какъ у сосѣднихъ народовъ она не встрѣчается.

Рѣзба, украшающая лутки, представляетъ собою геометрическій орнаментъ со стильною надписью, когда и кѣмъ построена церковь. Напрымѣръ, на луткахъ церкви св. Николая въ Старой Винницѣ вырѣзана надпись: «Стараніемъ ктитора Антона Постельника во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Сооружися храмъ сей Святителя Христова Николая року Божія 1746 мѣсяца апрѣля 11 дня»²²⁾.

Замѣчу по этому поводу, что и на хатахъ своихъ украинецъ любитъ обозначить, по крайней мѣрѣ, годъ ея постройки.

Грушевидныя главы нашихъ церквей всегда бываютъ восьмигранными, такъ какъ ставятся на восьмерикъ и служатъ его естественнымъ завершеніемъ: глава всегда покрываетъ собою сводъ. Въ этомъ отношеніи, онѣ сильно разнятся отъ великорусскихъ *луковичныхъ* главъ, которыя представляютъ собою исключительно декоративный мотивъ.

Перекрытіе церквей бываетъ двускатное, четырехскатное и шатровое.

В. Карповичъ замѣчаетъ²³⁾, что «крыши и купола *всегда* покрывались деревомъ; металлическія или черепичныя *совершенно* не встрѣчаются». Но Павелъ Алепскій, описывая церковь Преображенія Господня въ Триполи, построенную за восемь лѣтъ до его пріѣзда, т.-е. еще въ 1645 г., опровергаетъ его, говоря, что церковь эта «имѣетъ куполь весьма высокій, широкій, пространный, круглый на восьмигранномъ основаніи, покрытый блестящей жостью»²⁴⁾. Точно такъ же про церковь въ Умани говоритъ, что она «высокая, деревянная съ *железнымъ* куполомъ зеленого цвѣта»²⁵⁾.

Кресты надглавные отличаются необыкновенною своеобразиемъ и красотой. При этомъ все они изукрашены легкимъ ажурнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ звѣздочекъ, лилій, тюльпановъ или же изъ разнообразныхъ зигзаговъ и волнистыхъ линий, и чѣмъ старѣе крестъ, тѣмъ, обыкновенно, изящнѣе и стильнѣе его орнаментъ.

Какъ на образцы такихъ крестовъ, укажу, напрымѣръ, на крестъ надъ церковью въ г. Лохвицѣ, Полтавской губ. (рис. 14²⁶⁾). Онъ вписанъ въ кругъ, украшенный пятиконечными звѣздами, а около нижней его оконечности поднимаются орудія страстей Христовыхъ — копіе и губка, насаженная на трость, получившая здѣсь

²¹⁾ Филиянский, Н. Наслѣдіе Украины. Очеркъ южно-русского народного творчества „Искусства“. 1905 г. № 3, рис. на стран. 26.

²²⁾ Древности Украины, стран. 82.

²³⁾ Карповичъ, В. Стран. 366.

²⁴⁾ Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Пер. Г. Муркоса. М. 1896—1898 гг., стран. 38—39.

²⁵⁾ Тамъ же, стран. 22.

²⁶⁾ Филиянский, Н. Рис. на стран. 29.

подобіе жезла. Вверху возвышается стержень, заканчивающійся тоже звѣздой, но уже семиконечный, помѣщенный надъ полумѣсяцемъ, какъ и самый крестъ.

Около креста надъ церковью въ селѣ Свиридовкѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ. (рис. 15²⁷), въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ полумѣсяцемъ, по обѣ стороны выходятъ вѣтки, напоминающія извѣстную композицію — Плоды Страстей Христовыхъ.

Большинство же крестовъ представляютъ собою сочетание многихъ крестовъ, соединенныхъ въ большой крестъ и украшенныхъ извилистыми линіями.

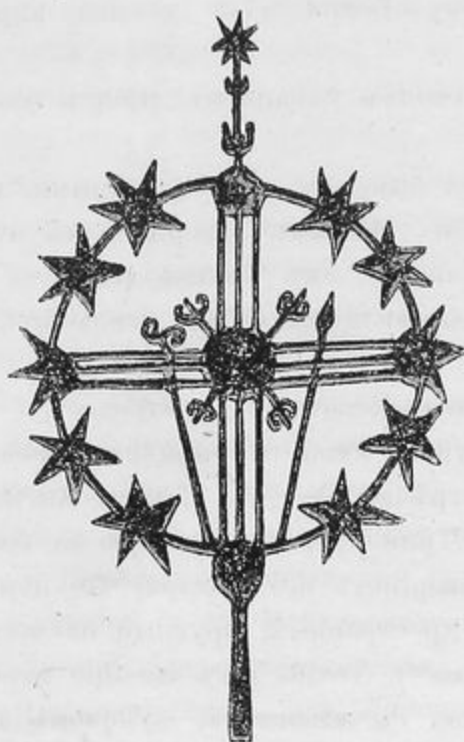

Рис. 14.

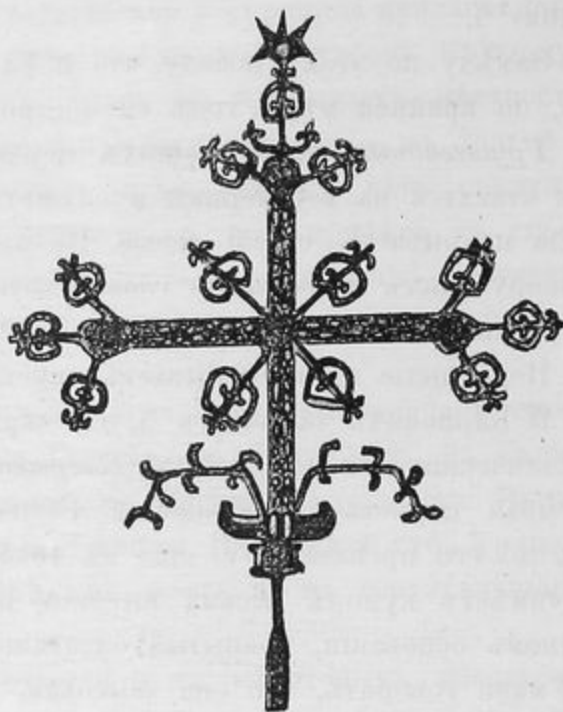

Рис. 15.

Внутри церкви орнаментацию мы встрѣчаемъ въ украшеніи упоминавшихся раньше брусковъ въ треугольникахъ, служащихъ къ переходу отъ четырехграннаго основанія къ восьмирику, да еще на хорахъ, гдѣ онѣ бывали. Но главную роскошь орнаментации представляютъ собою иконостасы и царскія двери, стиль которыхъ, если не оригиналенъ, зато обработка и композиція ихъ вполне самобытна.

Самый орнаментъ чаще всего повторяетъ виноградныя грозди, какъ бы въ отношеніи къ словамъ Христа: «Азъ есмь лоза истинная». Очень распространено размѣщеніе иконъ въ красивой формѣ медальоновъ, при чемъ нерѣдко въ такихъ же медальонахъ помѣщаются стихи тропарей, относящихся къ находящимся тутъ изображеніямъ. Здѣсь мы не видимъ никакой боязни скульптурныхъ украшеній, которая такъ свойственна Сѣверной Руси, — напротивъ, скульптурныя головки Ангеловъ украшаютъ собою колонки иконостаса у самыхъ царскихъ вратъ²⁸), а не-

²⁷) Тамъ же, рис. на стран. 28.

²⁸) Древности Украины. Табл. IV и XI.

рѣдко, вверху, по бокамъ Господа Вседержителя стоятъ цѣлыя фигуры Ангеловъ; есть даже царскія врата, у которыхъ все изображеніе скульптурныя²⁹⁾. На верху иконостасы заканчиваются обыкновенно рѣзнымъ Распятіемъ, а иногда и цѣлыми сценами, изображающими Голгофу съ Богородицею, Иваномъ Богословомъ, Маріею Магдалиною и Ангелами на облакахъ³⁰⁾.

Интересны царскія врата въ церкви с. Камня, Новоградволынского уѣзда, гдѣ представлены корзины, изъ которыхъ выходятъ стилизованныя плодовые растенія, въ завиткахъ которыхъ помѣщены иконы³¹⁾.

Еще интереснѣе царскія врата въ церкви с. Соболевки, Сквирскаго уѣзда³²⁾, сильно напоминающія сказаніе о травѣ *симтаринъ*, называвшейся въ травахъ *царь трава*, о шести листахъ: «первый синь, другой червленъ, третій желтъ, а четвертый багровъ; а братъ вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или себрюную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ реберъ». Впрочемъ, протоіерей Е. І. Сѣцинскій видитъ въ подобной трактовкѣ символическое изображеніе извѣстнаго выраженія: «жезлъ изъ корене Іесеева и цвѣтъ отъ него»³³⁾.

Обычнымъ украшеніемъ надъ царскими вратами является корона³⁴⁾. Высота иконостасовъ достигаетъ иногда сажень до 8, и верхъ ихъ теряется въ куполѣ.

Солея иногда возвышается на одну ступень, а иногда и вовсе отсутствуетъ.

Клиросы ставятся обыкновенно у западныхъ угловъ главнаго сруба.

Колокольни, въ древности, строились всегда отдѣльно отъ самыхъ церквей и служили разомъ для двухъ цѣлей, отвѣчая какъ главному своему назначенію, такъ и представляя собою удобный пунктъ для стратегическихъ наблюденій. Очень красивая форма ихъ, въ сущности, повторяетъ собою тѣ же мотивы, которые характеризуютъ и архитектуру самыхъ церквей, только срубы здѣсь имѣютъ форму четырехгранника до самаго верха. Обыкновенно онѣ бываютъ двухъярусныя, и верхній ярусъ представляетъ собою открытыя арки. Только съ XIX вѣка колокольни стали пристраиваться къ самой церкви³⁵⁾.

Заканчивая нашъ обзоръ деревянной церковной украинской архитектуры, мы не можемъ не обратить вниманія на то вліяніе, какое оказала она на каменную архитектуру, и притомъ не только мѣстную, но и на московскую.

Не разъ уже указывалось, что трехглавыя церкви, въ родѣ Рождества въ Путьинкахъ, въ Москвѣ, Троицы въ Гончарахъ, тамъ же, бывшаго Ивановскаго монастыря, въ Казани, одноименнаго ему монастыря въ Вязьмѣ и др. явились подъ вліяніемъ Украины. Но, на мой взглядъ, еще гораздо болѣе ощущается это вліяніе

²⁹⁾ Тамъ же. Табл. XII.

³⁰⁾ Щербатовскій, В. Стран. 30.

³¹⁾ Древности Украины, табл. XII.

³²⁾ Тамъ же. Табл. XI.

³³⁾ Протоіерей Е. Сѣцинскій. Исчезающій типъ деревянныхъ церквей. «Труды Подольскаго Церковнаго Историческо-Археологическаго Общества. Вып. X. Каменецъ-Подольскъ, 1904 г. Стран. 399.

³⁴⁾ Древности Украины, табл. IV и XII.

³⁵⁾ Тамъ же, стран. 11.

во всѣхъ церквахъ такъ называемаго *Нарышкинскаго* періода, какъ напримѣръ, — въ церквахъ Шереметевской, на Воздвиженкѣ, въ Москвѣ, въ Филяхъ, въ Петровско-Разумовскомъ и мн. др. Здѣсь это вліяніе сказывается, какъ въ пирамидальности башенъ, такъ особенно въ самомъ размѣщеніи главъ, въ случаѣ пятиглавыхъ храмовъ. Въ Московской архитектурѣ, четыре боковыхъ главы, какъ исключительно декоративный мотивъ, ставятся всегда на углахъ четырехграннаго храма; въ этихъ же церквахъ онѣ ставятся на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ подобно нашимъ церквамъ, трактуя собою верхи боковыхъ башенъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть типъ жилища. Типъ этотъ остается почти неизмѣннымъ съ давнихъ временъ. По крайней мѣрѣ, въ XVI вѣкѣ онъ былъ такимъ же³⁶⁾.

Самая усадьба разбивается, обыкновенно, на двѣ части³⁷⁾: на дворъ и огородъ. Противъ воротъ, на границѣ, отдѣляющей дворъ отъ огорода, ставится хата, за хатой устраивается задворокъ — нѣчто въ родѣ чернаго двора. Хата никогда не выходитъ окнами непосредственно на улицу; если она и стоитъ сбоку, то всегда отступя отъ плетня аршина на полтора, на два.

Самая хата размѣрами бываетъ отъ шести до восьми аршинъ въ ширину и отъ семи до девяти аршинъ въ длину и дѣлится на жилую комнату, сѣни и кладовую, или камеру. Сѣни потолка не имѣютъ, а покрываются только крышей, общей съ коморой и комнатой. Онѣ помѣщаются въ серединѣ хаты, и изъ нихъ открывается «гора хатняя» и «гора коморная», т.-е. чердаки надъ коморой и надъ хатой. Здѣсь же помѣщается «верхъ», т.-е. плетеная печная труба.

Комора, или хижина устанавливаются на «торчахъ», т.-е. бревенчатыхъ подставкахъ, настолько врытыхъ въ землю, что снаружи они незамѣтны; стѣны ея, въ противоположность стѣнамъ хаты, не обмазываются глиной и не бѣлятся. Она служитъ складомъ хозяйственныхъ принадлежностей, и для освѣщенія ея вырубается одно только маленькое оконце, подъ крышей, имѣющее обыкновенно форму креста, составленнаго изъ четырехъ треугольниковъ, соединенныхъ между собою вершинами.

При самомъ входѣ въ чистую комнату, стоитъ печь, обращенная хайломъ къ двери. Л. В. Даль видитъ³⁸⁾ въ этомъ признакъ того, что въ недалекомъ еще прошломъ хата была курною, и дымъ выходилъ въ дверь. Но въ дѣйствительности, такая постановка печи очень рациональна: помѣщая топку съ внѣшней стороны печи, можно получить больше тепла въ комнатѣ, такъ какъ согревательная поверхность, обращенная внутрь комнаты, при этомъ больше. Тотъ же результатъ получается и оттого, что печка стоитъ у самаго входа, такъ какъ входящій въ дверь холодный воздухъ тутъ же и нагрѣвается, и въ комнату поступаетъ уже нагрѣтый воздухъ.

³⁶⁾ Сравни.: Крипьякевичъ, І. Львівська Русь в першій половині XVI віку. «Записки Наук. Тав. ім. Шевченка», т. LXXVIII, стр. 31—33.

³⁷⁾ Шарко, А. Малороссійское жилище. «Этнографическое Обозрѣніе». Кн. XLVII. 1901 г. № 4.

³⁸⁾ Даль, Л. Матеріалы для исторіи русскаго гражданскаго зодчества. «Зодчій». 1874 г. Стран. 30.

Самое устройство печи очень своеобразно. Строится она такъ³⁹⁾: въ одномъ изъ угловъ сѣнной стѣны, на четырехъ деревянныхъ столбахъ, на высотѣ аршина отъ земли кладутся перекладины, которыя застилаются бревнами. Бревна эти покрываются слоемъ глины, густо замѣшанной съ рубленой соломой, около полуаршина толщины; сверхъ него кладется еще слой уже чистой глины, составляющей нижнюю площадь печи и называемый «черинь». Сводъ печи образуется такъ: надъ черинемъ укрѣпляютъ деревянные обручи, на разстояніи 4—6 вершковъ одинъ отъ другого, во всю длину свода печи, т.-е. аршина полтора — два. Поверхъ обручей кладутся пучки пакли, а по ней накладываются комки густой глины; глиной же набиваются какъ бока, такъ и задъ свода. Затѣмъ, съ передней стороны ставятся небольшія стойки, и выдѣлывается изъ глины «комень», возвышающійся надъ сводомъ печи болѣе чѣмъ на аршинъ. Передняя часть, между коменомъ и черинемъ называется «припечекъ»; надъ нимъ, въ комнатѣ, проводится дымоходъ, чрезъ дыру, въ трубу, находящуюся уже въ сѣняхъ.

Труба эта, или «верхъ» тоже имѣетъ оригинальное устройство. На высотѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ, въ стѣнѣ дѣлается упомянутое отверстіе, по бокамъ котораго устанавливаются два деревянныхъ квадратныхъ бруска, въ 3 вершка толщины и аршинъ восьми — девяти вышины. Такіе же два бруска ставятся на разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина отъ стѣны. На высотѣ двухъ аршинъ, всѣ четыре бруска скрѣпляются и затѣмъ заплетаются прутьями, а затѣмъ снаружи и внутри вымазываются глиной. Имѣя у основанія размѣръ въ $\frac{3}{4}$ квадратныхъ аршина, къ верху труба нѣсколько суживается. Внизу оставляется незаплетеннымъ пространство въ два аршина для того, чтобы можно было войти подъ трубу, закрывая отверстіе или же для чистки трубы.

Надъ печью, за коминомъ, находится площадка, около квадратной сажени величиною, приходящаяся на высотѣ около двухъ аршинъ отъ полу. Пространство между нею и наружною стѣною называется «зѣпичокъ». Пространство же между печью и стѣною противопожной входу застилается рядомъ толстыхъ досокъ на высотѣ $\frac{3}{4}$ аршина отъ земли и называется «пйломъ» — это семейная кровать. Въ наружной стѣнѣ хаты, къ которой примыкаетъ печь дѣлается квадратное оконце вершка въ три — четыре, выше остальныхъ оконъ хаты, — почти надъ самымъ потолкомъ.

На потолкѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе «свѣлокъ» — кленовый брусъ, отъ четырехъ до шести вершковъ ширины и отъ трехъ до пяти вершковъ толщины, поддерживающій накаты. Иногда онъ былъ украшенъ рѣзбою. Если же онъ остается безъ рѣзбы, то и его бѣлятъ такъ же, какъ стѣны, а потолокъ и печь, чѣмъ всегда занимается сама хозяйка. При бѣленіи стѣны расписываются узорами, почерпаемыми всегда изъ окружающей природы. Тутъ встрѣчаются елки, коньки, цвѣты и птицы, а всего чаще «огирки» (огуречная трава), изображающаяся просто при помощи пяти пальцевъ, въ видѣ пятиконечныхъ звѣздочекъ.

³⁹⁾ Шарко А. Малороссійское жилище. «Этнографическое Обзорѣніе». Кн. XLVII. 1901 г. № 4.

Окна въ хатахъ бываютъ двухъ родовъ: о четырехъ и о шести стеклахъ; первыя устраиваются «съ кватиркой», т.-е. нижняя половина у нихъ поднимается вверхъ; вторыя же дѣлаются наглухо — «безъ кватирки».

Снаружи хата обносится «призбою» (завалинкою), т.-е. выступомъ изъ досокъ.

По тому же типу строились въ старину и жилища богатыхъ людей. Уцѣлѣвшія описанія гетманскихъ домовъ Апостола и Скоропадскаго въ Глуховѣ⁴⁰⁾ показываютъ, что и эти дома были такого же точно типа, лишь только ббльшихъ размѣровъ и богаче по отдѣлкѣ.

Въ настоящее время памятники Украины только что обратили на себя вниманіе изслѣдователей, матеріалъ для изученія архитектуры только что начали собирать. Поэтому, еще много, вѣроятно, чертъ характерныхъ ускользнуло пока изъ вниманія въ настоящей работѣ; но, надѣюсь, и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что искусство Украины богато чертами самобытности, богато красотою архитектурныхъ формъ, и что формы эти проникнуты глубиною мысли и чувства.

---

⁴⁰⁾ А. Л (азаревскій). Гетманскіе дома въ Глуховѣ. «Кіевская Старина». Т. LX. 1898 г., Январь. Стран. 160—166.

Елецкія пещеры при монастырѣ того же имени.

Свящ. А. Ефимовъ.

Елецкія пещеры или подземные ходы расположены подъ настоятельскими комнатами и склономъ Болдиной горы, покатою къ Лѣсковицѣ. Изъ нихъ два выхода въ садъ архіерейскій, а въ ходъ изъ часовни «Знаменія Богоматери», при главномъ храмѣ въ честь Ея пречестнаго Успенія. Занимаемая ими площадь равняется пятидесяти, приблизительно, квадратнымъ саженьямъ. Въ бытность Преосвященнаго Сергія настоятелемъ Елецкой обители, эти пещеры были очищены отъ мусора, возобновлены, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицованы кирпичомъ и удлинены. По его же приказанію расчищенъ и продолженъ рытіемъ земли проходъ къ лѣтней Успенской церкви изъ-подъ настоятельскихъ покоевъ. Первоначально спускъ въ пещеры совершался между парадною дверью архіерейскихъ покоевъ и входомъ въ теплую Петро-Павловскую церковь, при чемъ надъ входною дверью въ пещеры былъ укрѣпленъ образъ Печерской Божіей Матери, за стекломъ, и прибита мѣдная доска съ вырѣзкою на ней слѣдующей надписи изъ лѣтописи преподобнаго Нестора: «Нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава и приславъ Святославъ въ ночь поя Антонья Чернигову. Антоній же пришедъ къ Чернигову, възлюбилъ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся всели, естъ ту монастырь Святое Богородицы на Болдиныхъ горахъ и до сего мѣста сихъ дней». Лѣтопись преподобнаго Нестора 1074 года. (Лаврентьевскаго списка, стран. 109.) Возобновлены эти пещеры при Епископѣ Сергіи въ 1892 году; длина доски 7 верш., ширина 5 верш.

Послѣ того какъ пещеры соединены были новымъ проходомъ съ Успенскою церковью, спускъ въ пещеры сталъ совершаться изъ часовни Богоматери.

Современное расположеніе пещеръ Елецкаго монастыря.

Спустившись по 14 кирпичнымъ ступенямъ въ сводообразный проходъ, высокою въ сажень и шириною полтора аршина, облицованный кирпичомъ, посѣтитель подземелья долженъ пройти по изогнутой линіи разстояніе въ 116 шаговъ до первыхъ двухъ камеръ, подъ настоятельскими покоями. Первая камера по пути имѣетъ четыре аршина длины и четыре съ половиною ширины; высота ея приблизительно до пяти аршинъ. Въ стѣнахъ двѣ неглубокія ниши, изъ которыхъ одна вверху. Вторая камера имѣетъ четыре аршина длины, два аршина ширины и пять высоты. Въ этой камерѣ три двери и одна ниша въ полтора аршина ширины и

одинъ высоты. Третья камера шириною 4 аршина, длиною же 4 съ половиною; въ ней три ниши въ одинъ аршинъ ширины и два высоты. Отъ средней камеры шестнадцать шаговъ до сводообразной камеры въ 7 аршинъ длины и 6 аршинъ ширины, въ которой три большія ниши, каждая по четыре аршина высоты и ширины, и двѣ малыхъ въ одинъ аршинъ длины и высоты. Изъ этой послѣдней камеры наружная дверь выходитъ въ садъ. Изъ этой же крайней камеры, пройдя 25 шаговъ новымъ ходомъ въ сажень высотой, съ десятью глубокими нишами на продолженіи обѣихъ стѣнъ, облицованныхъ кирпичомъ, посѣтитель входитъ въ камеру, смежную съ другою, меньшею по размѣру, изъ которой выходная дверь въ садъ. Наибольшая камера 7 аршинъ ширины и 5 съ половиною длины, 5 аршинъ высоты. Въ ней двѣ большихъ ниши и одна малая и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ камеру съ выходною дверью въ садъ, другая въ упомянутый проходъ. Малая камера высотой до 5 аршинъ, длиною 9 аршинъ и шириною три аршина. Здѣсь двѣ ниши, изъ которыхъ средняя въ полтора аршина высоты и одинъ аршинъ ширины. Предъ этою камерою небольшія сѣни съ лѣстницею къ выходу въ садъ. Всѣ камеры облицованы кирпичомъ. Описанное нами относится къ первому этажу подземелья, такъ какъ имѣется еще второй этажъ подъ самымъ архіерейскимъ домомъ. Входъ во второй этажъ открывается изъ средней камеры, находящейся посрединѣ подземнаго хода, изъ которой по 19 ступенямъ необходимо подняться въ камеру, шириною въ 5 аршинъ, длиною 8 аршинъ и высотой до 6 аршинъ. Здѣсь въ одной изъ стѣнъ небольшая ниша. Большою аркою эта камера отдѣляется отъ другой длиною 5 аршинъ, шириною 3 съ половиною аршина, высотой до 6 аршинъ и съ тремя нишами. Изъ этой послѣдней верхней камеры второго этажа, при Преосвященномъ Епископѣ Сергіи, былъ выходъ къ параднымъ дверямъ архіерейскихъ покоевъ, куда вели 17 ступеней и небольшой узкій проходъ. Входъ этотъ въ пещеры былъ совсѣмъ задѣланъ при Преосвященномъ Епископѣ Питиримѣ.

Таково современное расположеніе Елецкихъ пещеръ. Весьма интересныя по планировкѣ и таинственныя въ отношеніи всѣхъ тѣхъ событій, которыя совершались въ нихъ и загадочныя по типу своей конструкціи онѣ вызываютъ невольный вопросъ у каждаго о времени своей давности, о цѣляхъ ихъ первоначальнаго сооруженія и предназначенія во времена позднѣйшія. Къ какому же времени правильноѣ будетъ отнести происхожденіе ихъ? На этотъ счетъ въ современной намъ литературѣ имѣется нѣсколько мнѣній, которыя считаемъ необходимымъ привести полностью, чтобы въ заключеніе высказать наше мнѣніе о Елецкихъ пещерахъ и просить болѣе опытныхъ насъ изслѣдователей старины дать о нихъ болѣе правильную оцѣнку.

Преосвященный Епископъ Сергій убѣжденно доказывалъ, ссылаясь на выше приведенное лѣтописное сказаніе Преподобнаго Нестора, что существующія въ Елецкомъ монастырѣ пещеры по своему первоначальному происхожденію принадлежать къ тѣмъ, которыя ископаны Преподобнымъ Антоніемъ Печерскимъ. Онъ раздѣлялъ ихъ, подобно Кіевскимъ пещерамъ, на два вида: а) на Елецкія — ближнія и

б) Троицко-Ильинскія дальнія. Говоря о Елецкихъ пещерахъ, Преосвященный Сергій выражалъ увѣренность, что первоначально великій подвижникъ благочестія Преподобный Антоній жилъ въ нихъ, а потомъ уже въ ископанныхъ имъ Ильинскихъ, въ годы (1069—1073) изгнанія его изъ Кіева великимъ княземъ Изяславомъ, при чемъ въ доказательство приводилъ жизнь преподобнаго Антонія въ пещерахъ въ Любечѣ, Аѳонѣ и Кіевѣ¹⁾. Основываясь на лѣтописномъ сказаніи Преподобнаго Нестора, говорящаго: «Антоній же пришедъ къ Чернигову взлюбилъ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся всели, есть ту монастырь Святое Богородицы, на Болдиныхъ горахъ и до сего мѣста», — Преосвященный Сергій различалъ три важныя обстоятельства: 1) прибытіе Преподобнаго Антонія Печерскаго въ Черниговъ въ 1069 году; 2) избраніе имъ первоначальнаго мѣста для поселенія на Болдиныхъ горахъ и ископаніе имъ самимъ пещеры для себя; 3) существованіе на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сперва поселился и ископалъ пещеру, — монастыря Пресвятыя Богородицы.

Согласно лѣтописному сказанію, почившій архипастырь полагалъ, что великій подвижникъ поселился съ первыхъ дней своего прибытія въ Черниговъ въ Елецкомъ монастырѣ, гдѣ, вблизи церкви Пресвятыя Богородицы, ископалъ себѣ пещеру. Другого храма въ честь Богоматери на Болдиныхъ горахъ тогда не было, что подтверждаетъ въ своемъ Синодикѣ Преосвященный Зосима²⁾. Елецкій монастырь, хотя и былъ основанъ еще за девять лѣтъ до прибытія въ Черниговъ Преподобнаго Антонія, не былъ еще благоустроенъ, и иноки обители жили, какъ водилось встарину, въ землянкахъ или ископанныхъ пещерахъ. И Преосвященный Сергій, на этомъ основаніи, считалъ вполне возможнымъ вѣрить и видѣть въ словахъ лѣтописи указаніе на тотъ фактъ, что Преподобный Антоній Печерскій поселился сначала въ Елецкой обители, гдѣ выкопалъ себѣ пещеру, близъ церкви Пресвятыя Богородицы. Въ промежутокъ времени отъ 1069 до 1073 гг. вполне естественно думать, что великій подвижникъ, поживъ нѣкоторое время въ Елецкомъ монастырѣ и стремясь къ уединеннымъ подвигамъ поста и молитвы, пожелалъ избрать новое мѣсто для этой цѣли на тѣхъ же Болдиныхъ горахъ. Избравъ въ высшей степени живописное и дикое мѣсто въ горномъ ровчакѣ, покрытое дремучимъ лѣсомъ, Преподобный Антоній выкопалъ себѣ новую пещеру и здѣсь, провидя своимъ духовнымъ взоромъ въ будущемъ прославленіе этого мѣста Богоматерью, уговорилъ великаго князя Святослава построить церковь во имя Св. пророка Божія Іліи, въ 1069 году, и при ней положить основаніе монастырю. Такое мнѣніе Преосвященный Сергій обосновывалъ тождественнымъ фактомъ изъ жизнеописанія преподобнаго Антонія Печерскаго. Извѣстно, что въ бытность свою въ Кіевѣ, преподобный Антоній жилъ сначала въ пещерѣ митрополита Иларіона, когда же число отшельниковъ на этомъ мѣстѣ его духовныхъ подвиговъ стало

¹⁾ Ч. Е. Изв. за 1892 годъ, ч. неоф. №. XI, стр. 457—459. Полное Собр. Лѣт., стр. 83, Т. I, изд. Археологич. Ком. 1846 года; Лѣтоп. Преосвящ. Нестора по Лавр. сп., стр. 109, издан. 1864 года Москва; Т. II. Ипат. лѣтоп. изд. 1843 года, С.-Петербургъ, стр. 272.

²⁾ I. Голятовскаго Скарбница, стр. 3.

увеличиваться, великій отшельникъ выкопалъ себѣ новую пещеру на 100 сажень далѣе.

Съ высказаннымъ мнѣніемъ почившаго незабвеннаго архипастыря совершенно расходился покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, помѣстившій рѣзко критическую статью въ «К. Старинѣ» за 1892 годъ. Кіевская Археологическая Комиссія, вызванная по сему случаю покойнымъ Преосвященнымъ Веніаминомъ, Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ, въ іюлѣ 1892 года, и состоявшая изъ товарища предсѣдателя церк. Археологич. Общества, при Кіевской Духовной Академіи, каедр. прот. П. Г. Лебединцева и члена того же Общества, бывшего проф. Кіевского университета Св. Владиміра А. М. Прахова, по осмотрѣ пещеръ при Ильинской церкви и въ Елецкомъ монастырѣ, пришла къ тому заключенію, что тогда какъ Ильинскія относятся къ глубокой древности, послѣднія Елецкія подземелья, какъ она ихъ наименовала, позднѣйшаго происхожденія³⁾. Въ своемъ отзывѣ о Елецкихъ подземныхъ помѣщеніяхъ, Кіевская Археологическая Комиссія, однако, не указала вовсе къ какому времени можно относить ихъ происхожденіе. Она отнеслась пренебрежительно къ самому факту существованія пещеръ въ Елецкомъ монастырѣ и вообще воздержалась отъ всякаго болѣе или менѣе опредѣленнаго мнѣнія относительно ихъ происхожденія, судя по официальному донесенію, сдѣланному ею митрополиту Кіевскому Іоанникію⁴⁾.

Изъ всѣхъ печатныхъ возраженій по адресу почившаго преосвященнаго епископа Сергія относительно неправильнаго пониманія имъ лѣтописнаго сказанія преподобнаго Нестора и происхожденія Елецкихъ пещеръ, по нашему мнѣнію, нѣтъ ни одного, которое достаточно было бы обосновано научно съ исторической и археологической стороны.

Правда, какъ въ Лаврентіевскомъ, такъ и въ Ипатіевскомъ лѣтописныхъ сказаніяхъ излагается тотъ общій фактъ, что преподобный Антоній «возлюбилъ гору Болдыню, въ ней же ископа себѣ пещеру и вселися въ ню⁵⁾», и есть тамо и доселѣ монастырь пресвятой Богородицы». Не опредѣляя разстоянія, вблизи ли или вдали отъ монастыря была ископана пещера преподобнымъ Антоніемъ, лѣтописецъ тѣмъ не менѣе ясно говоритъ, что на той же Болдиной горѣ, гдѣ монастырь, тамъ и ископалъ преподобный себѣ пещеру. Троице-Ильинскія пещеры находятся за версту отъ Елецкаго монастыря и хотя на продолженіи Болдиныхъ горъ, но на особомъ отрогѣ, который какъ бы отрѣзываютъ отъ Болдиныхъ горъ два большихъ и глубокихъ оврага. Не думаемъ, чтобы великій отшельникъ земли Русской, прибывъ въ Черниговъ и вѣдая про существованіе въ немъ монастыря въ честь Богоматери, не остановился бы въ немъ. А остановившись въ обители, вблизи мѣста явленія чудотворной иконы Богоматери, вполне естественно предположить, у него могла явиться мысль пожить первоначально здѣсь, для какой цѣли и была имъ выкопана пещера. Говорятъ на это, что если бы это было фак-

³⁾ Ч. Е. И. за 1892 годъ, № 16, прибавленіе стран. 669—670.

⁴⁾ Ч. Е. И. за 1892 годъ, № 16, стран. 670.

⁵⁾ Ипат. лѣт., стран. 272.

томъ, то ученый изслѣдователь Елецкаго монастыря Іоанникій Голятовскій не обошелъ бы молчаніемъ такого важнаго историческаго обстоятельства. Но Іоанникій Голятовскій хотя и не говоритъ точно о пещерѣ, однако справедливо замѣчаетъ въ своей Скарбницѣ, что Антоній Печерскій пребываніемъ своимъ прославилъ, какъ Печерскій, такъ и Елецкій монастырь. И преосвященный Амвросій, вѣроятно, на основаніи этого сообщенія Іоанникія Голятовскаго, говоритъ такъ въ своей Исторіи Россійской іерархіи: «Въ семъ монастырѣ въ 6577 году (отъ Рожд. Христа 1069 г.) преподобный Антоній Печерскій имѣлъ уже пристанище, когда отъ гнѣва великаго князя Кіевского Изяслава Ярославича ушелъ изъ Кіева въ Черниговъ стараніемъ и помощію князя Черниговскаго Святослава»⁶⁾; и далѣе говоритъ: «для пребыванія своего разстояніемъ отъ онаго въ одной верстѣ въ горахъ, тѣмъ же именемъ Болдиныхъ называемыхъ, выкопавъ пещеру, жилъ въ ней до времени возвращенія своего паки въ Кіевъ, которое, вѣрно, и послѣдовало около 1077 года, когда вступилъ на великое княженіе Кіевское великій князь Святославъ Ярославичъ»⁷⁾.

Что же касается того возраженія, почему объ этомъ историческомъ фактѣ нѣтъ упоминаній ни у кого другого, ни въ лѣтописяхъ монастырскихъ, считаемъ нужнымъ сказать, что отсутствіе объ этомъ историческомъ обстоятельстве подробныхъ упоминаній у архимандрита Іоанникія Голятовскаго и въ лѣтописяхъ монастырскихъ, служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ того, сколько много драгоцѣнныхъ свѣдѣній утрачено за давностью времени и тѣми печальными событіями для Елецкой обители, во время которыхъ столько разъ страдала ризница и библіотека монастырская. Извѣстно, напримѣръ, въ какомъ положеніи находилась Елецкая обитель, со времени разоренія ея въ началѣ XVII столѣтія и до 1671 года. Извѣстно, какъ обращались іезуиты съ православными храмами, какъ ругались надъ русскими святынями и какъ старались искоренить все народныя преданія о священныхъ мѣстахъ и предметахъ, дорогихъ русскому сердцу, и какъ запрещали говорить и вспоминать обо всемъ, что могло имѣть хотя малѣйшее отношеніе ко святынь православной или памяти народной о тѣхъ или иныхъ мѣстахъ родины, дорогихъ по историческимъ воспоминаніямъ⁸⁾.

Надо ли говорить о томъ, сколько разъ страшный пожаръ истреблялъ св. обитель, а вмѣстѣ съ нею сколько могло погибнуть драгоцѣнныхъ документовъ и рукописей въ Елецкой библіотекѣ, изъ которыхъ многіе могли бы пролить яркій свѣтъ на историческое прошлое Елецкаго монастыря и въ частности на существующія въ немъ пещеры⁹⁾! Если даже допустить, что Елецкія пещеры въ настоящемъ ихъ видѣ и построенію явились, приблизительно, въ началѣ XVII столѣтія, когда иноки монастыря спасались въ нихъ и прятали монастырское имущество,

⁶⁾ Ч. VI. М. 1815 г., стран. 488—492.

⁷⁾ Тамъ же, стран. 492—497.

⁸⁾ Памятники Кіевской Комиссіи 1635 г., Слуцкой коллегіи, т. I., стран. 204; Хр. Чт. 1897 г., мѣсяцъ Май, стран. 680—681.

⁹⁾ Въ 1748 г., 11 мая, былъ сильный пожаръ, уничтожившій все лѣтописи, касавшіяся важнѣйшихъ свѣдѣтельствъ о монастырѣ.

во времена польскаго разоренія, то и это обстоятельство не исключаетъ возможности предположить существованія въ этомъ мѣстѣ первоначальной пещеры преподобнаго Антонія; оно служитъ прямымъ свидѣтельствомъ исторической давности пещеръ Елецкаго монастыря, которыя не менѣе должны заслуживать вниманіе ученыхъ археологовъ. Наконецъ, кто поручится, что указываемыя нами нынѣ существующія пещеры Елецкаго монастыря не имѣютъ тѣсной связи съ подземными ходами, соединявшими нѣкогда Елецкій монастырь съ Троицкимъ и Черниговскимъ кафедральнымъ соборомъ! Многія раскопки, производившіяся по разнымъ случаямъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ этимъ древнѣйшимъ черниговскимъ обителямъ, невольно заставляютъ предполагать это. Приводимъ весьма интересныя по этому случаю печатныя сообщенія. «Еще въ 1853 году, вблизи Елецкаго монастыря, городскою полиціею замѣчено было образовавшееся въ Болдиной горѣ отверстіе, которое вело въ подземныя пещеры. Разнообразные, часто носившіеся слухи о внутренности этихъ пещеръ завлекли любопытство многихъ осмотрѣть ихъ. Извѣстно, что отъ западныхъ воротъ Елецкаго монастыря, перейдя дорогу или, лучше сказать, вправо отъ него, на протяженіи двухъ или болѣе верстъ въ окружности, тянется значительно возвышенная мѣстность, состоящая, болѣею частью, изъ глинистой почвы. Вся эта мѣстность еще въ 1853 году была пуста, построекъ на ней не было никакихъ. Въ одну сторону эта возвышенность продолжается за старую Кіевскую дорогу, а по прямому отъ Елецкаго монастыря направленію тянется болѣе чѣмъ на версту къ монастырю Троицкому и, не доходя до него только черезъ дорогу, оканчивается крутымъ спускомъ у самой Ильинской церкви; сторона же возвышенности, обращенная къ Елецкому монастырю, оканчивается то крутыми спусками, то впадинами (нынѣ Холодные-яры), мѣстами же совершенно отвѣсно, почти вертикально, въ высоту отъ семи до восьми сажень, а у подошвы этого обрыва пролегаетъ дорога, ведущая въ Троицкій монастырь. Сказанное отверстіе образовалось съ этой стороны обрыва (отъ дороги) именно въ одномъ изъ отвѣсныхъ мѣстъ, въ разстояніи около версты отъ Елецкаго монастыря и болѣе $\frac{3}{4}$ версты отъ Троицкаго монастыря. По косвенному склону пролегалъ тропинка къ отверстию, которое находилось отъ вершины возвышенности въ 2 съ половиною сажени, а отъ подошвы ея болѣе 5 сажень. Самое отверстіе или дыра въ діаметрѣ имѣло не болѣе аршина. Три человѣка, при свѣтѣ фонаря спустившись въ это отверстіе, очутились въ гротѣ высотой болѣе двухъ аршинъ и имѣющемъ въ окружности отъ семи до восьми шаговъ. Отсюда велъ далѣе низкій проходъ, въ видѣ котлообразнаго жерла, такъ что спустившіеся должны были пробираться черезъ него не иначе, какъ ползкомъ. Этотъ узкій проходъ тянется дугообразно на разстояніи около 40 шаговъ, имѣя направленіе къ Елецкому монастырю, и постоянно восходитъ кверху. Пробравшись такимъ образомъ, изслѣдователи достигли другого грота, который былъ какъ-будто нѣсколько ниже перваго высотой, а также меньше его и въ окружности. Площадка пола этого втораго грота представлялась въ видѣ четырехугольника. Изъ этой пещеры проходятъ такіе же жерловые проходы въ три стороны: изъ нихъ имѣющій направленіе влѣво (т.-е. на западъ) представляется совершенно засыпавшимся

землею. Пробравшись же по жерловому проходу вправо (т.-е. на востокъ по направлению къ монастырю) шаговъ черезъ пять-шесть, изслѣдователи достигли третьяго грота, который въ окружности имѣлъ отъ восьми до девяти шаговъ и не болѣе двухъ аршинъ высоты. Въ немъ по лѣвую сторону отъ входа, въ самомъ углу, замѣтили правильно устроенное изъ земли, почти гладкое, кубичнообразное возвышеніе, на подобіе стола, не болѣе какъ на 1 аршинъ отъ пола, почти такое же шириною и длиною. Далѣе путь пресѣкался. Возвратясь опять въ средній гротъ, изслѣдователи направились отъ него ползкомъ по прямому направленію, и пролѣзши не болѣе какъ три или четыре шага, добрались до четвертаго грота, въ предѣлахъ котораго заключалась одна только могила, около которой найдены были вытиснутыя на стѣнахъ изображенія крестовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Здѣсь также не замѣтивъ никакихъ болѣе слѣдовъ отверстій, изслѣдователи воротились назадъ. Стѣны въ гротахъ вообще плотны, гладки, устроены искусною рукой и сведены куполомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытиснуты на нихъ изображенія крестовъ, есть также надписи церковными буквами, но при тускломъ свѣтѣ фонаря изслѣдователи разобрать ихъ не могли; атмосфера въ гротахъ влажна и прохладна. Старожилы вспомнили тогда, что на томъ самомъ мѣстѣ и ранѣе два раза обнаруживалось отверстіе: сперва оно обнаружилось лѣтъ 50 назадъ по отношенію къ тому времени, если не болѣе (т.-е. приблизительно въ 1800 году), а во второй разъ лѣтъ 30 назадъ (т.-е. въ 1820 году)¹⁰). Извѣстный исторіографъ Маркевичъ въ своемъ сочиненіи о Черниговѣ говоритъ: «Возлѣ города, подъ кряжемъ, между монастырями Елецкимъ и Троицкимъ, называющимся Болдиною горою, находятся пещеры, простирающіяся отъ запада къ востоку, искривлено сажень на полтора-ста. Лѣтъ за 50 можно было въ нихъ ходить свободно, потомъ они по небреженію закрылись, а въ 1810 году черезъ обрушеніе земли опять обнаружились. Я, сколько безъ опасности можно было проходить, ихъ осматривалъ, но ничего не нашелъ, кромѣ въ одной сторонѣ на стѣнѣ вырѣзаны кресты и замѣтны въ разныхъ мѣстахъ съ обѣихъ сторонъ уступы, на подобіе лежанокъ. Послѣ пещеры сіи опять засыпаны».

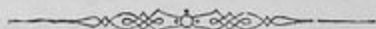
Возможно предположить, что подобными подземными ходами соединялся Елецкій монастырь и съ Соборомъ, о чемъ свидѣтельствовали появлявшіяся неоднократно отверстія съ обсыпавшеюся землею посреди соборной площади, близъ соборной колокольни, на мѣстѣ настоящаго памятника Царя Миротворца и близъ Елецкой колокольни, подъ которою, думаютъ, существуетъ подземный ходъ, судя по гулу шаговъ, во время прохожденія вратъ Обители.

Всѣ эти подземныя помѣщенія и ходы многіе изъ мѣстныхъ старожиловъ относятъ ко времени даже до татарскаго нашествія. Полагаемъ, что всѣ эти подземныя пещеры, носящія отпечатокъ исторической давности, заслуживаютъ должнаго вниманія и каждаго ученаго изслѣдователя.

Преосвященный Сергій, какъ человѣкъ многоученый и большой любитель древности, дорожившій каждымъ малымъ памятникомъ старины, не могъ не обра-

¹⁰) Ч. Губ. Вѣд. за 1853 г.

тять надлежащаго вниманія на позабытыя и заброшенныя Елецкія пещеры, которыя, по его мнѣнію, представляютъ научный интересъ и приводятъ къ заключенію, высказанному имъ, на основаніи лѣтописнаго сказанія. Вѣчная память незабвенному преосвященному Архипастырю за то, что онъ воскресилъ и оживилъ въ нашей памяти важные моменты историческаго прошлаго въ отношеніи возобновленныхъ имъ древнихъ пещеръ Елецкаго монастыря! Съ своей стороны полагая, что Елецкія пещеры въ настоящемъ ихъ видѣ явились значительно позже, а именно въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, и соглашаясь съ почившимъ архипастыремъ Епископомъ Сергіемъ въ томъ, что эти пещеры могли съ теченіемъ времени основаться на мѣстѣ первоначальныхъ духовныхъ подвиговъ великаго подвижника земли русской, близъ храма Пресвятыя Богородицы, гдѣ онъ имѣлъ первое пристанище, по прибытіи въ 1069 году въ Черниговъ, мы думаемъ, что не погрѣшимъ противъ исторической правды, такъ какъ извѣстный ученый изслѣдователь старины архимандритъ Іоанникій Голятовскій необинуясь говоритъ въ своей Скарбницѣ, что преподобный Антоній Печерскій пребываніемъ своимъ прославилъ какъ Печерскій, такъ и Елецкій монастырь.

Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ.

А. Миллеръ.

Малорусскій народный орнаментъ, какимъ мы знаемъ его по вышивкамъ, тканямъ и писанкамъ, очень сложенъ. Различные узоры, уже при поверхностномъ ихъ изученіи, указываютъ на извѣстныя напластованія, заимствованія, а часто — вырожденіе болѣе старыхъ формъ. Въ работахъ и специальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ малорусскому орнаменту, дается не мало интересныхъ указаній о самомъ назначеніи вышивокъ, о различныхъ швахъ, о географическомъ —распространеніи орнаментальныхъ мотивовъ и красочныхъ сочетаній. Считается установленнымъ отличіемъ малорусскихъ вышивокъ — преобладаніе растительныхъ и цвѣточныхъ формъ. Въ данномъ случаѣ имѣются въ виду, главнымъ образомъ, вышивки на полотенцахъ, подризникахъ и коврахъ. Нужно замѣтить, однако, что эти же цвѣточные мотивы намъ извѣстны и на вышивкахъ великорусскихъ и западно-славянскихъ. Коренная же разница сводится къ особой стилизаціи и характерному шву. На хусткахъ и сорочкахъ, особенно старыхъ, можно наблюдать вышивки нѣсколько иного характера, часто геометрическихъ очертаній. Такія же геометрическія формы орнаментальныхъ мотивовъ встрѣчаются на писанкахъ и, особенно, на плахтахъ, а въ Подольской губерніи и нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской губ. мотивы эти являются вообще преобладающими.

Растительный и цвѣточный орнаментъ особенно развитъ и типиченъ на полотенцахъ, коврахъ и церковныхъ вышивкахъ. Обыкновенно по краямъ полотенецъ вышиваются букеты цвѣтовъ, часто въ вазѣ, окруженные цвѣточнымъ же бордюромъ. Вышивка исполняется краснымъ или въ два цвѣта: краснымъ и синимъ. Изъ сопоставленія различныхъ образцовъ подобныхъ работъ видно, что мотивъ этотъ находится въ настоящее время въ упадочной и выродившейся формѣ. На рис. 16 изображенъ подобный примѣръ, шитый красною бумагою. Очертанія, вообще тонкія, не стилизованныя въ прямолинейныя формы, какъ въ аналогичныхъ изображеніяхъ на великорусскихъ

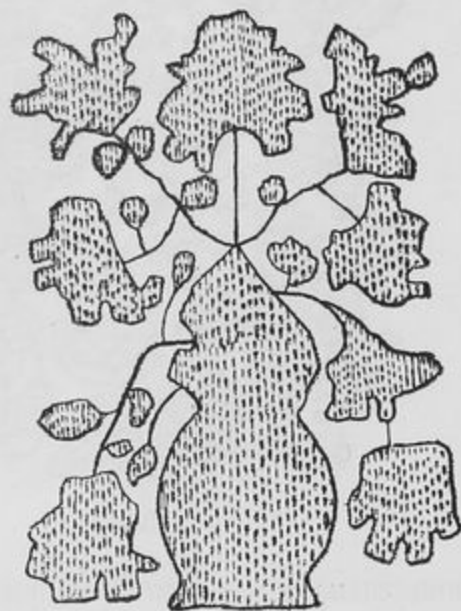

Рис. 16.

кружевахъ и вышивкахъ, постепенно утрачивающъ свою первоначальную форму и весь букетъ съ вазой изображается какъ рядъ симметрично расположенныхъ красочныхъ пятенъ, соединенныхъ линіями въ одно цѣлое.

Но какъ бы небрежно ни была исполнена подобная вышивка, всегда легко установить ея прямую генетическую связь съ основнымъ сюжетомъ изображенія букета въ вазѣ, съ цвѣтами, бутонами и листьями, расположенными симметрично. На старыхъ вышивкахъ или новыхъ, но сохранившихъ еще въ чистотѣ старыя традиціонныя формы, мы видимъ эти букеты съ общимъ характеромъ и подробностями, говорящими намъ о далекомъ историческомъ прошломъ этого сюжета. На рис. 17-мъ данъ образецъ старой малорусской вышивки на полотенцѣ. Вышивка

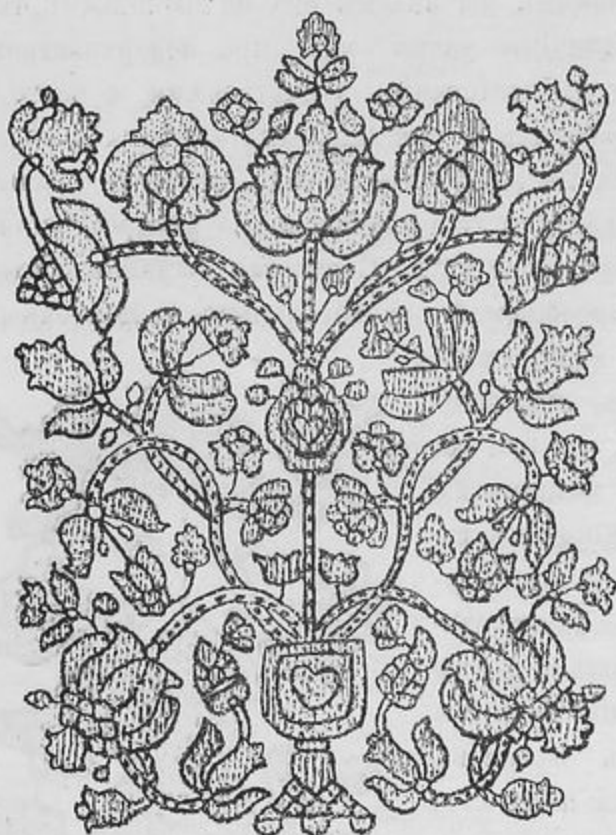

Рис. 17.

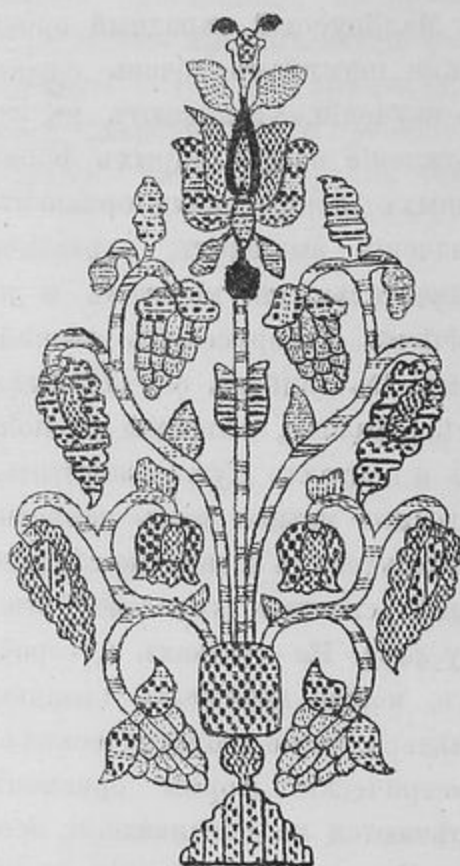

Рис. 18.

исполнена краснымъ. Рисунокъ обведенъ контуромъ и промежутки зашиты однообразной строчкой. Центральный стебель букета выходитъ изъ вазы на высокой ножкѣ, безъ ручекъ. Въ срединѣ стебель прерывается стилизованнымъ бутономъ или листикомъ. На верхушкѣ — цвѣтокъ лотоса съ мелкими бутонами. По сторонамъ отходятъ по три вѣтвящихся стебля съ бутонами по концамъ и мелкими листьями. Нѣкоторые изъ стеблей поднимаются, другіе круто загнуты внизъ.

На рис. 18-мъ — тотъ же мотивъ. Въ вазѣ на высокой ножкѣ, безъ ручекъ, — прямой стержень, въ срединѣ на немъ лепестки, на верхушкѣ — цвѣтокъ лотоса, по сторонамъ — симметрично расположенные загибающіеся внизъ стебли съ бутонами и продолговатыми зубчатыми листьями. Рис. 19-й шитый красною и синей

нитью даетъ намъ образецъ бихромной вышивки на полотенцѣ. Прямой стебель въ вазѣ съ двумя ручками. Посрединѣ стержень прерывается изображеніемъ сильно стилизованнаго цвѣтка лотоса съ двумя листьями по сторонамъ, на верхушкѣ— тотъ же лотосъ съ двумя зубчатыми листьями. По сторонамъ—симметрично расположенные стебли съ бутонами и листьями.

Условность въ изображеніи такихъ букетовъ объясняется древней традиціонной формой этого историческаго сюжета. Условность эта, однако, не идетъ такъ далеко, чтобы весь сюжетъ толковать, какъ чисто декоративную форму, внѣ связи съ настоящими видами цвѣтовъ и растений. Въ позднемъ персидскомъ искусствѣ

Рис. 19.

Рис. 20.

подобные букеты служатъ лишь традиціонной формой, древней схемой, которой дается новое содержаніе. На персидскихъ коврахъ XVIII стол. и позже мы видимъ букеты въ вазѣ, вѣтвящіяся отъ одного стержня и состоящія, въ то же время, изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, исполненныхъ реалистически. Данные здѣсь образцы изъ малорусскихъ вышивокъ, указываютъ намъ на хорошую, сравнительно, сохранность старыхъ формъ, позволяющую намъ сравнить эти образцы съ наиболѣе древними изъ извѣстныхъ изображеній даннаго сюжета.

Рис. 20-й изображаетъ рельефъ Тагибостана, относящійся къ сасанидскому времени, слѣдовательно наиболѣе древній образецъ интересующаго насъ изображенія стебля съ симметрично расположенными цвѣтами, листьями и бутонами.

На этомъ рельефѣ мы видимъ, что въ срединѣ стебель прерывается изображеніемъ листа, на верхушкѣ — махровый цвѣтокъ лотоса въ условной трактовкѣ, по сторонамъ — зубчатые листья и стебли съ бутонами. Бутонами вѣнчаются стебли, поднятые вверхъ, на стебляхъ загнутыхъ внизъ — имѣются листья и бутоны иного вида. У Dieulafoy¹⁾ мы находимъ другой, аналогичный примѣръ въ видѣ рельефа въ стѣнной нишѣ развалинъ Раббатъ-амана.

Alois Riegl²⁾ считаетъ связь этихъ изображеній съ мотивомъ на коврѣ Карабасека³⁾ — очевидной. Мотивъ же этотъ, до настоящаго времени широко распространенъ на тканяхъ и вышивкахъ Персіи, Малой Азіи, Индіи, Средней Азіи и, въ частности, его же видимъ и на малорусскихъ рушникахъ. Какъ на древнѣйшіе образцы этого сюжета, уже установившагося въ извѣстныхъ традиціонныхъ формахъ, можно указать на коптскія ткани, особенно на букетъ съ лотосомъ на верхушкѣ, приведенный у Heiden⁴⁾.

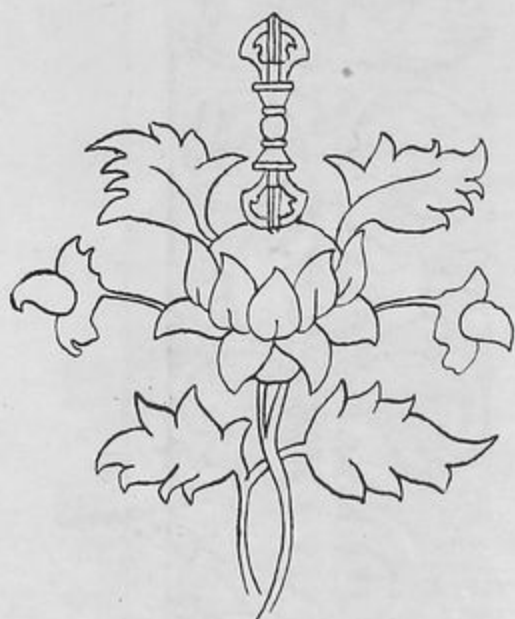

Рис. 21.

A. Riegl, въ своемъ истолкованіи Тагибостанскаго рельефа, видитъ въ немъ чисто декоративныя формы, особенно въ махровомъ цвѣткѣ, вѣнчающемъ центральный стебель. Зубчатые листья онъ считаетъ акантовыми, перешедшими въ Персію изъ античнаго искусства, а мелкіе листья ему кажутся похожими на дубовые.

Къ этимъ извѣстнымъ древнимъ прототипамъ не лишне будетъ прибавить аналогичныя же изображенія, также традиціонныя и древнія, изъ буддійской мифологіи. Изъ мифологіи этой извѣстно, что лотосъ играетъ исключительную роль священнаго цвѣтка и разнообразныя его изображенія въ буддійской иконографіи — обычны. Это *Nelumbium Speciosum*, лотосъ, цвѣты и листья котораго поднимаются надъ во-

дой на высокихъ стебляхъ въ отличіе отъ *Nimphaea*, — кувшинки, листья и цвѣты которой находятся на самой поверхности воды.

Въ китайскомъ искусствѣ намъ извѣстны многочисленныя изображенія лотоса⁵⁾, совершенно реалистическія въ отношеніи самого цвѣтка, но съ условными, иногда вычурными листьями, не отвѣчающими настоящимъ листьямъ *Nelumbium speciosum*. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что края круглаго листа на высокомъ стеблѣ, всегда бываютъ изогнуты. Это и могло подать основаніе къ изображенію листьевъ лотоса зубчатыми (рис. 21), что дѣлается традиціоннымъ специально въ изображе-

¹⁾ M. Dieulafoy. L'art antique de la Perse.

²⁾ Alois Riegl. Atlorientalische Teppiche.

³⁾ I. Karabacek. Die persische Nadelmalerei Susandschird.

⁴⁾ Max Heiden. Handwörterbuch der Textilkunde. (Abbildung 163, s. 300.)

⁵⁾ Sartel. La porcelaine de Chine.

ніяхъ лотоса, какъ атрибута буддійскихъ божествъ⁶⁾. Особенно интересными для даннаго вопроса являются условныя изображенія цвѣтка лотоса съ симметрично расположенными бутонами и листьями по сторонамъ. Рис. 22-й, заимствованный со старой тибетской иконы, даетъ образецъ подобнаго изображенія⁷⁾. На вертикальномъ стеблѣ — цвѣтокъ лотоса; отъ этого стержня отходятъ по сторонамъ по два стебля съ вычурными листьями. Два изъ нихъ поднимаются вверхъ и кончаются цвѣтами, два же опускаются круто внизъ и заканчиваются бутонами. Схема намъ уже знакомая. На другомъ примѣрѣ, который мы находимъ въ книгѣ Грюнведеля (фиг. 110), лишь центральный стержень вѣнчается цвѣткомъ лотоса, боковые же стебли кончаются бутонами, стержень прерывается въ срединѣ изображеніемъ лепестка, отъ боковыхъ стеблей отходятъ зубчатые продолговатые листья. На третьемъ примѣрѣ (Грюнведель, фиг. 53) мы имѣемъ длинный стержень, кончающійся цвѣткомъ лотоса, по сторонамъ симметрично расположены зубчатые листья и бутоны лотоса. Не безынтересно, также, изображеніе лотоса въ сложной композиціи буддійскаго рая (*sukavādi*), находящагося въ этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III. По сторонамъ трона стоятъ два древовидныхъ изображенія лотоса. На вертикальномъ стержнѣ находятся два цвѣтка лотоса: одинъ въ его срединѣ, другой на верхушкѣ. По сторонамъ — стебли съ бутонами и листьями. Стебли съ бутонами подняты вверхъ, стебли же съ отцвѣтшими лотосами, съ плодами опущены внизъ.

Рис. 22.

Изъ краткаго описанія этихъ традиціонныхъ формъ изображеній лотоса въ буддизмѣ видно, что въ основу этихъ изображеній легла та же схема, что и въ персидскомъ раннемъ искусствѣ и что на сассанидскихъ рельефахъ многое существенное имѣетъ свою аналогію въ только что описанныхъ изображеніяхъ лотоса.

Мотивъ этотъ, уже въ видѣ букета въ вазѣ, какъ извѣстно, дѣлается обычнымъ въ средневѣковомъ искусствѣ востока и оттуда проникаетъ въ Италію и Испанію. Въ настоящее время мы знаемъ его на бухарскихъ вышивкахъ, на вышивкахъ армянъ (полотенца), въ Малой Азіи и у крымскихъ татаръ и у послѣднихъ въ формѣ, очень близкой къ малорусской.

Вообще же малорусскія вышивки на полотенцахъ очень бѣдны въ сравненіи съ восточными, которыя служили образцами. Наши историческія свѣдѣнія о вышивкахъ въ Малороссіи крайне бѣдны и относятся къ позднему времени. Но и эти свѣдѣнія подтверждаютъ нашу мысль о вырожденіи и упрощеніи вышивокъ

⁶⁾ Austin Waddel. The Buddhism of Tibet.

⁷⁾ Grünwedel. Mythologie du Buddhismes.

съ того времени, какъ онѣ перешли отъ зажиточнаго класса и церковнаго употребленія — къ крестьянамъ. Въ старыхъ описяхъ имущества, сохранившихся въ рукописяхъ, мы встрѣчаемъ зачастую: «постель една чирвонымъ шовкомъ и злотомъ грифами шитая... кошуль пятнадцать злотомъ и сребломъ шитиі... чепецъ единъ по блакитнумъ аксамитѣ сребломъ и злотомъ шитиі по високомъ грунтѣ другиі по аксаметѣ чирвономъ и т. д.»⁸⁾ Съ переходомъ вышивокъ въ крестьянскій бытъ, онѣ упростились, цвѣтные шелка, золото, серебро — замѣнили всего два цвѣта, а иногда и одинъ красный. Въ разнообразной строчкѣ, которой зашиваются отдѣльныя поля рисунка, нельзя не видѣть вырожденія полихроміи.

Церковныя вышивки гораздо долѣе сохранили въ Малороссіи какъ чистоту орнаментальныхъ мотивовъ, такъ и технику выполненія. Среди нихъ встрѣчаются великолѣпные экземпляры, шитые цвѣтными шелками, серебромъ и золотомъ. Характерными здѣсь являются подризники съ постояннымъ цвѣточнымъ бордюромъ въ его многочисленныхъ вариантахъ. Основнымъ мотивомъ, однако, почти всегда является сложный цвѣтокъ съ бутонами и зубчатыми листьями, все въ условной трактовкѣ. На рис. 23, 24 и 25-мъ даны три образца вышивокъ на подризникахъ одного и того же мотива, основного и наиболѣе характернаго.

Мотивъ этотъ перешелъ изъ персидскаго искусства, именно съ вышивокъ и тканей, на которыхъ онъ вполнѣ развивается въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Первоисточникомъ послужилъ лотосъ съ традиціонными зубчатыми листьями. Уже въ китайскомъ искусствѣ мы видимъ изображеніе лотоса съ двумя симметрично расположенными зубчатыми листьями по сторонамъ, какъ это видно на рис. 23-мъ. Совершенно тождественныя изображенія рядомъ, въ видѣ бордюра мы можемъ прослѣдить

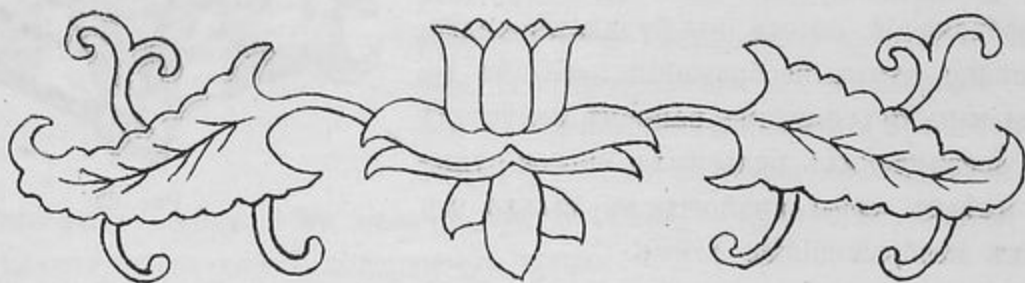

Рис. 23.

на персидскихъ цвѣточныхъ коврахъ эпохи Сефевидовъ⁹⁾. На этихъ бордюрахъ лотосъ изображается или въ строгой стилизаціи, знакомой намъ по китайскому и арабскому искусству, или въ видѣ махроваго цвѣтка, очень условно. Изъ формъ очень близкихъ или тождественныхъ извѣстнымъ по малорусскимъ вышивкамъ, привожу здѣсь нѣсколько.

⁸⁾ Труды Черниговскаго Предв. Ком. по устр. XIV Арх. Сѣзда. Рукописи П. Я. Дерошенко.

⁹⁾ Wilhelm Rode. Vorderasiatische Knüpfteppiche.

Рис. 24-мъ изображаетъ бордюръ цвѣточнаго персидскаго ковра, который можно видѣть на картинѣ Ф. в. — Мирисъ (1635—1681) въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Цвѣтокъ лотоса окруженъ зубчатыми листьями и чередуется, очевидно, съ какимъ-то другимъ цвѣткомъ, круглымъ въ очертаніи.

Рис. 24.

Рис. 25-й даетъ намъ тотъ же персидскій мотивъ въ арабскомъ искусствѣ: именно бордюръ стѣнной облицовки мечети Ибрагимъ-Ага въ Каирѣ, XVI столѣтія¹⁰⁾. Бордюръ этотъ очень близокъ къ приведеннымъ выше образцамъ малорусскихъ церковныхъ вышивокъ, особенно сходна стилизація лотоса (табл. XI, 12 и 13). На малорусской вышивкѣ цвѣтокъ лотоса изображенъ еще болѣе схематично. Цвѣточный бордюръ изъ цвѣтовъ лотоса съ зубчатыми листьями распространенъ до сихъ

Рис. 25.

поръ на тканяхъ, вышивкахъ и особенно коврахъ Персіи и Закавказья. На карабахскихъ коврахъ можно встрѣтить формы очень близкія къ старымъ персидскимъ (рис. 26), но вообще мотивъ этотъ на современныхъ коврахъ, особенно кавказскихъ, подвергся искаженію до неузнаваемости. Малорусскіе подризники даютъ намъ болѣе чистые образцы, близкіе къ персидскому первоисточнику XVI—XVII столѣтію. Малорусскія церковныя вышивки, въ частности на подризникахъ, сохранились

¹⁰⁾ Prisse d'Avennes. L'art arabe.

лучше, чѣмъ бытовья, хотя и среди нихъ встрѣчаются одноцвѣтныя, упадочныя, сохраняющія лишь старый рисунокъ. Въ этомъ случаѣ полихромія замѣняется

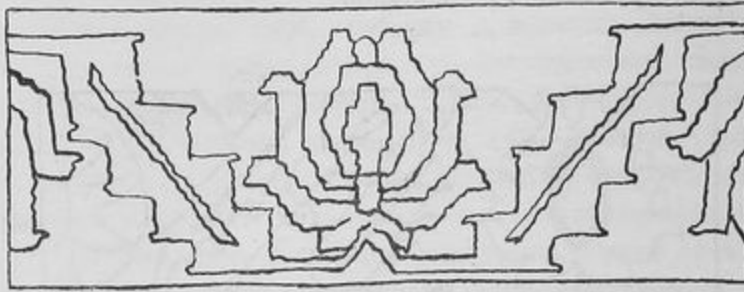
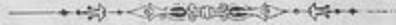

Рис. 26.

разнообразнымъ швомъ, какъ это видно на табл. XI, 14-мъ. Подобный способъ вышивки, обыченъ на всѣхъ бытовыхъ вышивкахъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя являются упадочной формой полихромной восточной вышивки.

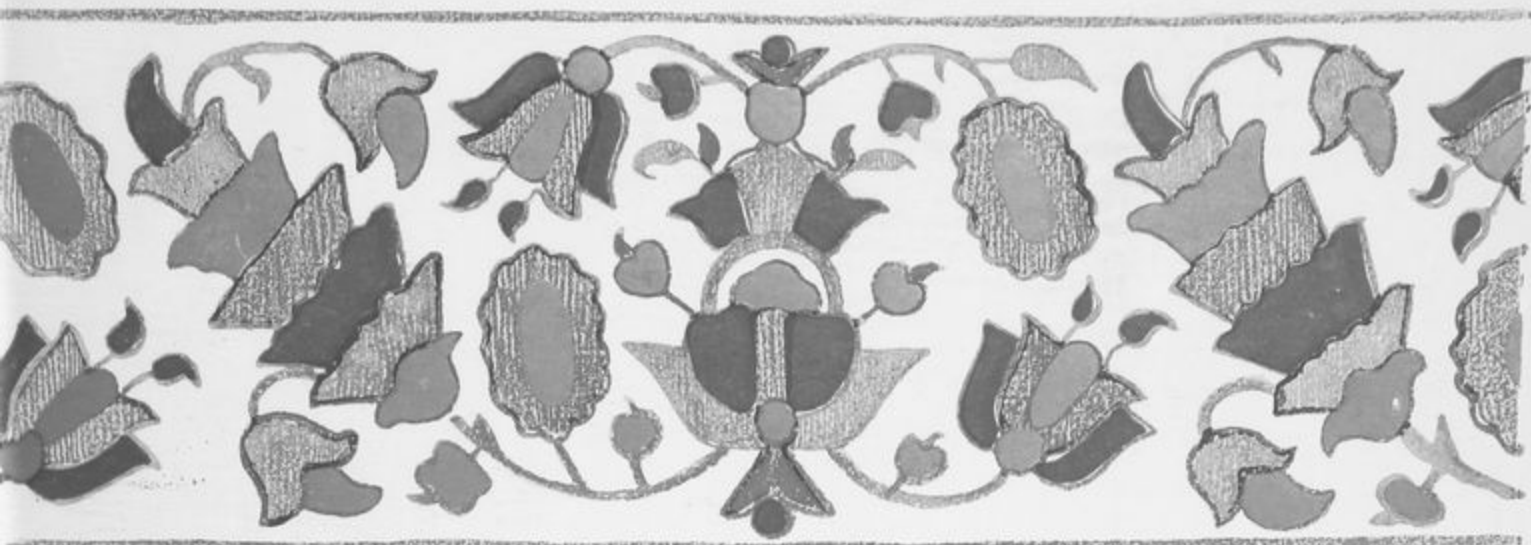

Рис. 12.

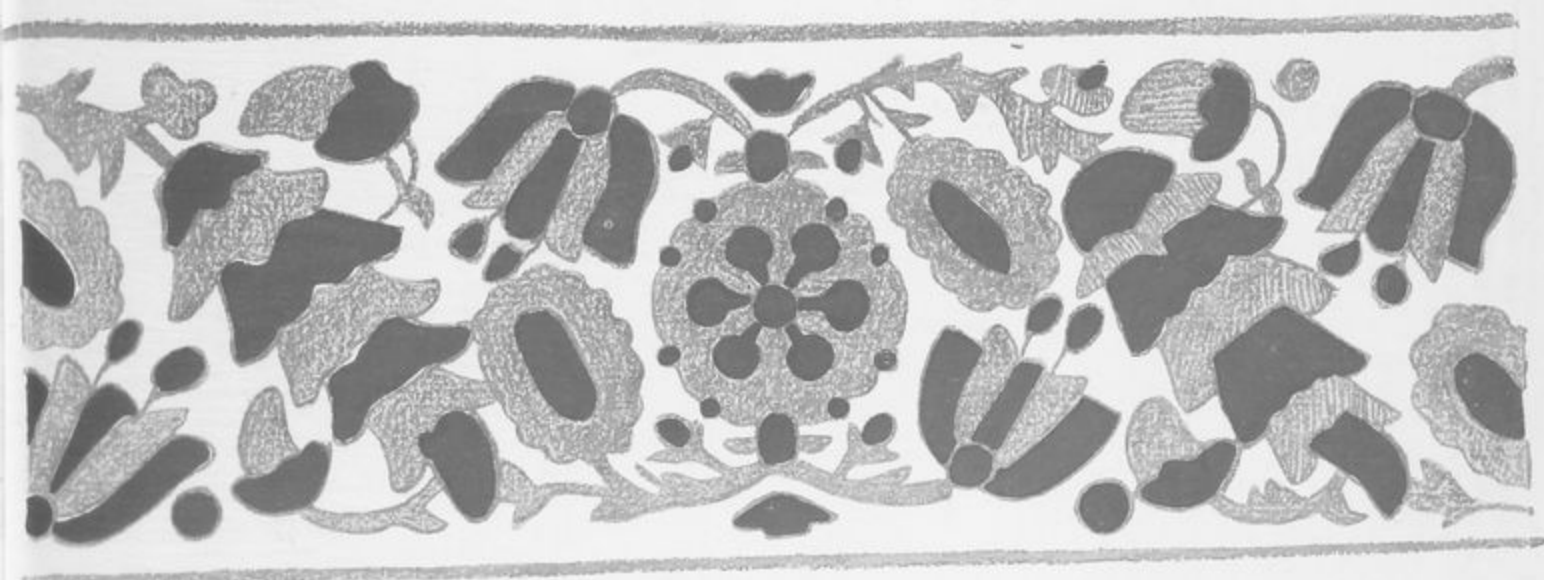

Рис. 13.

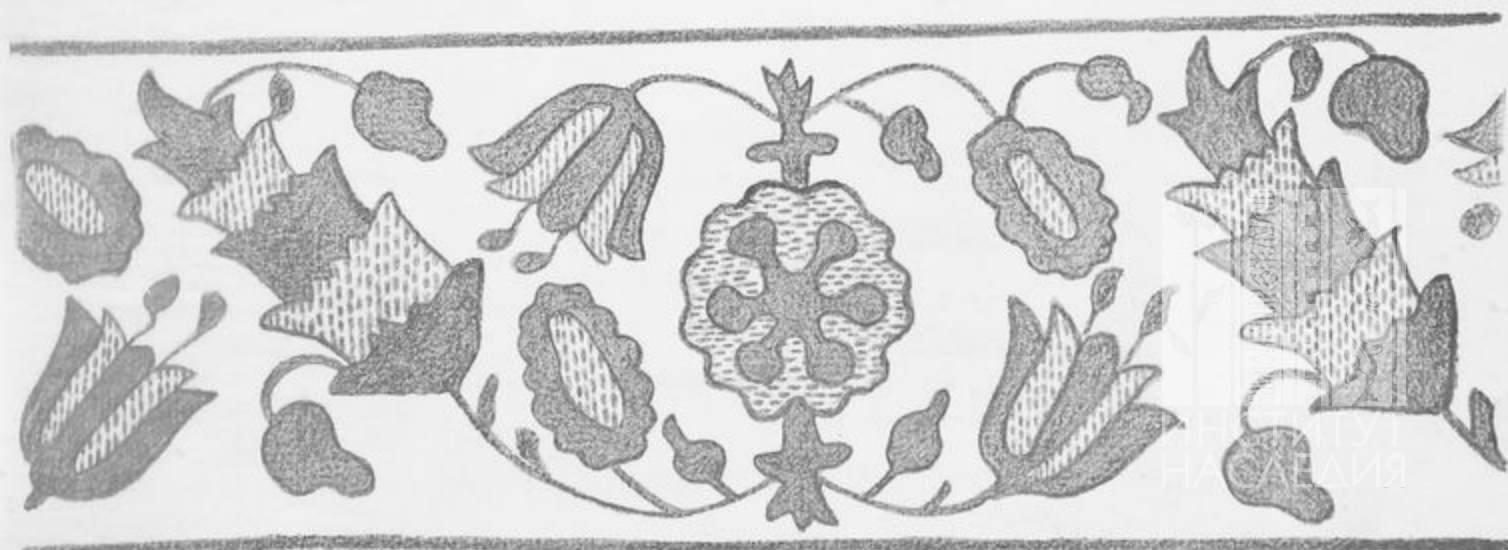

Рис. 14.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Румынскіе художественные памятники въ Россіи и возможность вліянія ихъ на русское искусство.

Н. И. Петровъ.

Политическія и военныя отношенія между Румынами и Русскими болѣе или менѣе извѣстны. Еще на зарѣ русской исторіи въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нынѣшней Румыніей жили славяно-русскія племена Тиверцы и Угличы въ низовьяхъ Днѣстра и Дуная и Дулѣбы и Хорваты въ верховьяхъ Днѣстра. Тѣ и другіе отчасти населяли и нынѣшнюю Молдавію, или же подчиняли ея населеніе своему культурному вліянію. Извѣстны древне русскіе города, стоявшіе по теченію Днѣстра и въ низовьяхъ Дуная. Въ удѣльный періодъ русской до-татарской исторіи по Дунайская область входила въ сферу дѣятельности галицко-русскихъ князей. Въ XII и XIII вѣкахъ на территоріи Молдавіи появляются сначала Берладники, а затѣмъ Бродники, — эти русскіе изгои, составлявшіе какъ бы казацкую окраину въ отношеніи къ кореннымъ русскимъ землямъ. Послѣ разоренія Южной Руси татарами, когда южно-русскія земли постепенно стали переходить подъ власть литовско-русскихъ князей, Подольскіе русско-литовскіе князья Коріатовичи оказались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Молдавіей, и одинъ изъ Коріатовичей Юрій или Югъ былъ даже нѣкоторое время Молдавскимъ господаремъ. Даже церковную іерархію, въ лицѣ епископовъ Іосифа и Мелетія, Молдавія получила изъ русскаго Галича, отъ тамошняго митрополита Антонія. Въ XVI вѣкѣ, по образованіи южно-русскаго казачества, начинается рядъ военно-политическихъ взаимоотношеній между румынскими княжествами и малорусскими казаками, изъ коихъ послѣдніе не разъ предпринимали походы въ эти княжества и даже захватывали господарскую власть въ свои руки. А съ 1686 года начинаются войны Россіи съ крымскими Татарами и Турками, ареною которыхъ нерѣдко бывали румынскія княжества, — войны, постепенно подготовлявшія освобожденіе этихъ княжествъ отъ власти Татаръ и Турокъ и возрожденіе Румынъ къ самобытной жизни.

Были и мирныя, чисто культурныя услуги, какія взаимно оказывали другъ другу румынскія княжества и Россія. Изъ просвѣщенныхъ румынъ извѣстны своею дѣятельностію на пользу Россіи литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, Молдавскій митрополитъ Досіеѣй, посылавшій свои переводы въ Россію для напечатанія, и сотрудникъ его, извѣстный въ рус-

ской литературѣ переводчикъ Николай Спааръ Милеску, князя Кантемиры (отецъ и сынъ), митрополитъ Гавріиль Банулеску-Бодони и др. Россія, съ своей стороны, доставляла православнымъ румынамъ милостыню, богослужебныя книги и учителей¹⁾.

На почвѣ этихъ политическихъ и культурныхъ связей между Румынами и Русскими происходилъ обмѣнъ и памятниками искусства. Для нашей цѣли особенно важны древніе памятники румынскаго искусства, перешедшіе въ Россію въ болѣе раннее время, которые могли оставить слѣды своего вліянія и на соотвѣтствующихъ произведеніяхъ русскаго и особенно южно-русскаго искусства. Кругъ этихъ памятниковъ не только не опредѣленъ вполне, но даже и не намѣченъ хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ настоящій разъ мы укажемъ только нѣсколько единичныхъ памятниковъ древняго румынскаго искусства, перешедшихъ на русскую почву. Такъ, напримѣръ, въ Житомирскомъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ хранится рѣзной деревянный крестъ съ именемъ митрополита Теоктиста, вѣроятно Молдовлахійскаго († 1477 г.)²⁾

Нѣсколько разъ издаваемъ былъ въ Россіи золотой талеръ великаго дворника Горней Земли Николая, сдѣланный имъ для его княгини Θεодосіи и относимый нами къ 1493 году³⁾. Въ Кіевоподольской Христо-Рождественской церкви хранится шитая плащаница 1545 года, молдавскаго происхожденія, принесенная въ XVIII вѣкѣ въ Кіевъ однимъ русскимъ солдатомъ⁴⁾. Въ церкви Кіево-Братскаго монастыря виситъ надъ святыми вратами кипарисный рѣзной крестъ, сдѣланный, по свидѣтельству надписи на его рукояткѣ, въ 1600 году, по заказу Валашской царицы Нѣги, въ Св. Гору (т.-е. Аѳонъ), для митрополита Теофана⁵⁾. Въ собраніи древностей А. С. Уварова находится артосная панagia Молдавскаго воеводы и господаря Стефана Томши, 1623 года, рѣзанная на слоновой кости⁶⁾.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ Россіи представителей произведеній румынскаго искусства трехъ вѣковъ XV, XVI и XVII. Всѣ они вмѣстѣ показываютъ, что румынское искусство въ эти вѣка стояло на значительной высотѣ, хотя въ то же время не имѣло самобытнаго характера. Всѣ эти памятники румынскаго искусства суть только подражанія иностраннымъ образцамъ, новогреческимъ или западно-европейскимъ, и, переходя на русскую почву, могли только количественно обогащать собою русское подражательное искусство.

Нѣкоторые изъ указанныхъ памятниковъ румынскаго искусства перешли въ Россію очень поздно для того, чтобы произвести здѣсь соотвѣтствующія подра-

¹⁾ «Кіевская Старина», сентябрь, 1904 г., отд. II, стран. 114—5.

²⁾ «О русской религиозной и церковной скульптурѣ», Н. И. Петрова, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1904 г., № 13, стран. 367—8.

³⁾ «Обозрѣніе русскихъ денегъ», Шодуара, С.-Пб. 1837 г., ч. 1, стран. 121 и 122, ч. III, прил. доск. 1, 3 черт. 1; «Собраніе русскихъ медалей», С.-Пб. 1840 г., № 3; «Записки Императорской Академіи Наукъ», т. 41, кн. 2, С.-Пб. 1882 г., стран. 33—4.

⁴⁾ «Историко-топографическіе очерки древняго Кіева», Н. И. Петрова, Кіевъ, 1897 г., страница 200.

⁵⁾ «Кіево-Братскій училищный монастырь», Н. О. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стран. 41 и 290—1.

⁶⁾ «Каталогъ собранія древностей» графа А. С. Уварова, отд. VIII—XI, Москва, 1903 г., стран. 5—7 и табл. II и III.

жанія; но иные изъ нихъ появились въ Россіи очень рано и могли здѣсь оставить по себѣ извѣстный слѣдъ. Мы имѣемъ въ виду два деревянныхъ рѣзныхъ креста— одинъ Θεогноста, приблизительно половины XV вѣка, другой 1600 года, и золотой талеръ 1493 года. Тогда какъ первые два являются представителями ново-греческаго вліянія на румынское искусство, послѣдній, т.-е. золотой талеръ, служить показателемъ западнаго вліянія на это искусство.

На крестѣ, относимомъ нами къ половинѣ XV вѣка, на обѣихъ сторонахъ его изображено 8 Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ и 6 святыхъ. Внизу слѣдующая рѣзная подпись: «Молба раба Божія митрополита Теоктиста». Правописание имени *Теоктиста*, вмѣсто Θεоктисть, а также болгаризмы въ славянскихъ надписяхъ надъ рѣзными изображениями креста показываютъ, что митрополитъ Теоктистъ былъ родомъ болгаринъ. А все это указываетъ на Молдо-влахійскаго митрополита Θεоктиста, титуловавшагося Сочавскимъ, который былъ родомъ болгаринъ, служилъ въ качествѣ іеродіакона у извѣстнаго защитника православія Марка Ефесскаго, потомъ принялъ посвященіе въ санъ митрополита Сочавскаго и скончался въ 1477 году. О немъ передаютъ, что онъ, послѣ Флорентинскаго собора (1438 г.), побудилъ Молдавскаго господаря не только изгнать изъ своей страны тѣхъ, которые держались чуждыхъ православной вѣрѣ мыслей, но и запретить латинскія слова въ молдавскомъ языкѣ и принять вмѣсто нихъ славянскія⁷⁾. Крестъ митрополита Теоктиста хранится теперь въ Житомирскомъ Церковно-археологическомъ Музеѣ⁸⁾.

Другой изъ намѣченныхъ нами крестовъ, именно крестъ 1600 года, шести-конечный, вышиною безъ рукоятки въ $7\frac{1}{2}$, а съ рукояткою $11\frac{1}{4}$, а шириною около четырехъ вершковъ. Онъ весь украшенъ рѣзными миниатюрными изображениями. На *лицевой сторонѣ* — Входъ въ Іерусалимъ, Распятіе, Снятіе со Креста, Вознесіе, Воскресеніе Лазаря, Успеніе, Сошествіе Св. Духа, Сошествіе Христа во адъ, Бесѣда съ самарянкою, Омовеніе ногъ, Лѣствица на небо, Взятіе Ілии на небо. На *оборотной сторонѣ* — Введеніе Богородицы во храмъ, Рождество, Срѣтеніе, Тайная Вечера, Осызаніе Ѳомы, Воздвиженіе Креста, Благовѣщеніе, Богоявленіе, Исцѣленіе слѣпорожденнаго, Предательство Іуды, Корень Іессеевъ. На *боковыхъ сторонахъ* креста—три отрока въ Вавилонской печи, Ангелъ, подающій съ неба свитокъ пророку, два Евангелиста, ветхозавѣтная Троица, жертвоприношеніе Исаака, лѣствица Іаковля, два Евангелиста и Даниилъ во рвѣ львиномъ. На *шестигранной серебряной рукояткѣ* вырѣзана славянскими буквами слѣдующая подпись: «Съ крестъ дрѣвено сътвори Богомъ въжделѣному Күру Теофану митрополиту покоилноу въ Святаа гора и украси е съ златомъ богорачительная царица Влашской Земли госпожа Нѣга въ память себѣ и родителямъ ея лѣта 7108»⁹⁾.

⁷⁾ «Руководство для сельскихъ пастырей», 1904 г., № 13, стран. 367—368. «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской», Е. Голубинскаго, Москва, 1871 г., стран. 379 и 382.

⁸⁾ См. «Каталогъ выставки XI Археологическаго Съѣзда Кіевѣ», «Отдѣлъ церковн. древностей», стран. 31.

⁹⁾ «Кіево-Братскій училищный монастырь», Н. О. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стран. 290—1.

Съ 1840 года утвердилось мнѣніе о томъ, будто бы этотъ крестъ пожалованъ былъ царицею Нѣгою тому митрополиту Теофану, который съ 1608 года былъ патріархомъ Іерусалимскимъ и въ 1620 году водрузилъ этотъ крестъ при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія, на утверженіе ставропигіи Кіево-Богоявленскаго Братства¹⁰). Но, во-первыхъ, этотъ крестъ, по своей миниатюрности, вовсе не пригоденъ для водруженія въ землю, вслѣдствіе чего покойный М. А. Максимовичъ не признавалъ его за ставропигіальный крестъ¹¹); во-вторыхъ, нельзя приурочить его и къ личности патріарха Теофана, потому что до своего патріаршества онъ былъ епископомъ Виолеевскимъ¹²) и едва ли имѣлъ какое-либо отношеніе къ Валахін и къ святой Горѣ Аѳонской. Съ другой стороны, въ самыхъ румынскихъ княжествахъ былъ около этого времени Молдовлахійскій митрополитъ Теофанъ, въ 1570 году бѣжавшій отъ угрозъ Молдавскаго господаря Іоанна Армянина¹³). Въ 1600 году онъ и могъ проживать въ Святой горѣ на покой. На послѣднее и указываетъ, по нашему мнѣнію, словомъ подписи «покойного». Это—какой-то идиотизмъ славяно-молдавской рѣчи, встрѣчающійся и въ другихъ румынскихъ памятникахъ, какъ напр., въ записи 1413 года: «Александръ воевода Молдавскаго (вмѣсто Молдавскій) ста на господство»¹⁴). Соотвѣтственно этому и надпись на нашемъ крестѣ нужно читать такъ: «Теофану митрополиту покойному (т.е. живущему на покой) въ Святая Гора». Такимъ образомъ, этотъ крестъ — чисто румынскаго происхожденія, заказанъ Валахскою царицею и для Молдовлахійскаго митрополита¹⁵).

Подобные кресты послужили образцами и для русскихъ издѣлій этого рода. Послѣднія, рабски подражая своимъ оригиналамъ, нерѣдко привносятъ и русскіе сюжеты и отличаются нѣкоторыми особенностями въ технику. Таковъ, напримѣръ, деревянный рѣзной напрестольный крестъ 1576 года, находящійся въ селѣ Иванцахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, съ 12 изображеніями евангельскихъ событій и праздниковъ и 8 изображеніями отдѣльныхъ святыхъ. Въ кругъ изображеній этого креста введенъ уже русскій праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, и на оборотной сторонѣ изображены святые, вѣроятно — покровители заказчиковъ¹⁶). Другой рѣзной крестъ начала XVII вѣка, принадлежавшій Замостьской Николаевской церкви, въ ряду 16 медальоновъ съ рѣзными изображеніями имѣетъ внизу обо-

¹⁰) «Воскресное Чтеніе», годъ IV (1840—1841), № 47, стран. 437 и сл.

¹¹) «Собраніе сочиненій М. А. Максимовича», т. II, Кіевъ, 1877 г., стран. 184—5.

¹²) «Лѣтопись церковныхъ событій», архимандрита Арсенія Иващенко, С.-Пб. 1880 г., стран. 631. См. «Описаніе рукописныхъ собраній въ Кіевѣ. Н. И. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., № 169 (46), л. 349 на обор. — 351.

¹³) «Исслѣдованія и монографіи по Исторіи Молдавской Церкви», епископа Арсенія (Стадницкаго), С.-Пб., 1904 г., стран. 49 и 50.

¹⁴) «Григорій Цамвлакъ», А. И. Яцимирскаго, С.-Пб., 1904 г., стран. 429.

¹⁵) Считаю не лишнимъ замѣтить, что ставропигіальный крестъ, водруженный въ землю, вѣроятно послужилъ основаніемъ для Богоявленской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Онъ или остался въ землѣ, на мѣстѣ нынѣшней Богоявленной церкви, или же, вмѣстѣ съ деревянною церковью, перенесенъ въ концѣ XVII вѣка на мѣсто нынѣшней Кіевской Андреевской церкви. Не онъ ли найденъ здѣсь К. Лохвицкимъ и принятъ за крестъ Св. апостола Андрея?

¹⁶) Фотографич. снимокъ въ Церковно-Археологич. Музеѣ при Кіевской Дух. Академіи, въ папкѣ по Указателю Музея № 15132.

ротной стороны медальонъ, на которомъ изображенъ Св. Николай, сидящій на престолѣ, съ храмомъ въ лѣвой рукѣ, а правую благословляющій¹⁷⁾. Это изображение даетъ понять, что крестъ заказанъ былъ именно для Замостьской Николаевской церкви, построенной въ началѣ XVII вѣка. Весьма интересенъ семиконечный южно-русскій крестъ 1651 года какъ по своей композиціи, такъ и по хронологической датѣ и обозначенію мѣста производства и имени мастера. Композиція этого креста, весьма сложная, воспроизводитъ почти всѣ тѣ изображенія, какія встрѣчались на вышеуказанныхъ крестахъ, и кромѣ того прибавляетъ и новые сюжеты. Но, при многосложности, воего содержанія, этотъ крестъ не отличается ни строгимъ порядкомъ въ расположеніи изображеній праздниковъ и святыхъ, ни отчетливостію рѣзбы. Внизу, на оборотной сторонѣ, сдѣлана слѣдующая подпись: «Стараніемъ отца ігумена Мартиніяна Полумаркова, трудомъ раба Божія іеродиакона Софронія Ходакувскува ~~х~~ахна го мѣца феврала 71 дня, сооружися до обители Гадяцкія храму С. Іоанна Милостива». Здѣсь изображены и нѣкоторые русскіе праздники, напримѣръ, Покровъ Пресв. Богородицы, и русскіе преподобные Антоній и Феодосій Печерскіе; а боковые изображение Св. Іоанна Милостиваго указываетъ на тотъ храмъ Гадяцкаго монастыря, для котораго сооруженъ былъ этотъ крестъ¹⁸⁾.

Представителемъ западнаго вліянія на румынское искусство представляется золотой талеръ 1493 года. Это — золотой медальонъ, величиною дѣйствительно въ талеръ. На лицевой сторонѣ его изображенъ Св. Николай со Спасителемъ и Богородицею по сторонамъ лика и съ соответствующими сокращенными надписями. Всю оборотную сторону занимаетъ слѣдующая 4-строчная легенда:

Никѡ кѣ дѡбѡн гоѣн
Зѣле створи єдин та-
леръ злѣ и єзлѣ лѣ за
и подарока кнегинѣ
скоа Тодосіа.

Эта легенда оборотной стороны долго не поддавалась чтенію. Первые изслѣдователи ея, прочитавъ въ концѣ ея имя княгини Феодосіи, приурочили медальонъ къ дочери великаго князя Московскаго Іоанна III княжнѣ Феодосіи, вышедшей въ 1500 году замужъ за князя Холмскаго Василя Даниловича¹⁹⁾. Въ 1810 году Археологическая Комиссія въ «Собраніи русскихъ медалей, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію», высказала предположеніе, что этотъ медальонъ принадлежитъ южнымъ славянамъ и, судя по названію его талеромъ, не старѣе XVI вѣка²⁰⁾. Наконецъ,

¹⁷⁾ «Русскія древности и памятники православія Холмско-Подляшской Руси», свящ. О. Герба-чевскаго, Варшава, 1892 г., стран. 60—63, рис. 21 и 22.

¹⁸⁾ Хранится въ Житомирскомъ Церковно-археологическомъ Музеѣ. См. «Каталогъ выставки XI Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ», «Отдѣлъ церковныхъ древностей», стран. 31. См. «Руководство для сельскихъ пастырей», 1904 г., № 13, стран. 371.

¹⁹⁾ «Обозрѣніе русскихъ денегъ», Шодуара, С.-Пб. 1837 г., ч. I, стран. 121 и 122.

²⁰⁾ «Собраніе русскихъ медалей, изданное по Высочайшему повелѣнію, Археологич. Комиссіею», С.-Пб. 1840 г., № 3.

въ 1882 года академикъ А. А. Куникъ въ «Запискахъ Академіи Наукъ» помѣстилъ статью «О Молдавскомъ происхожденіи такъ называемаго золотого талера князя Холмскаго», гдѣ онъ приписываетъ этотъ талеръ Молдавскому великому дворнику Николѣ или Никору, занимавшему государственныя должности съ 1607 по 1637 годъ. Надпись на талерѣ г. Куникъ прочелъ такимъ образомъ: «Никоръ вел(икій) дворникъ Горней Земле створи единъ талеръ златъ и съ ланцъ златъ (съ цѣпочкой золотой) и подарова кнегинѣ своа Тодосіа»²¹). Но и это чтеніе едва ли можно принять въ полномъ его видѣ. Слова *съ ланцъ златъ* читаются въ транскрипціи академика Куника со значительною перестановкою и измѣненіемъ буквъ противъ подлинника, въ которомъ соотвѣтствующія буквы читаются такъ: *лн лѣ за*. Притомъ же, по любезному сообщенію профессора Кіевской Дух. Академіи, священника Н. С. Гроссу, цѣпочка въ румынскомъ языкѣ называется не словомъ *ланцъ*, а нѣмецкимъ *ланцухъ*, употребительномъ и въ Малороссіи. Я, съ своей стороны, не зная еще о существованіи статьи г. Куника, указанной мнѣ впослѣдствіи С. И. Чижевскимъ, прочелъ надпись на оборотной сторонѣ талера такимъ образомъ: *Никол Вел дворни* (название должности) *Горн. земле* (Горней Земли или *Мунтянской* Земли, отъ латинскаго корня *topus*, какъ называлась обыкновенно Валахія) *сткори. единъ талеръ златъ. и лн лѣ за* (слилъ лѣта 7001—1493 г.) и *подарока кнегинѣ своа* (т.-е. женѣ своей) *Тодосіа*. Буквы *за* мы принимаемъ за числительныя буквы (7001) на томъ основаніи, что къ стоящей передъ ними буквѣ *ятъ* придѣланы двѣ поперечныя линіи вязью, изображающія тысячный знакъ *х*, такимъ образомъ *ѣ*.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, золотой талеръ сдѣланъ въ 1493 году великимъ дворникомъ Верхней, т.-е. Валахской Земли Николаемъ для супруги своей Θεодосіи. Въ это время господаремъ Валахіи былъ Владъ Монахъ (1481—1506 или 7 гг.), сынъ Влада Цепеша (1456—1462 и 1476 гг.), героя извѣстной русской повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, приписываемой Московскому дьяку Курицыну. Вмѣстѣ съ отцомъ, Владъ Монахъ съ 1462 года долгое время проживалъ въ Венгріи, въ гор. Будѣ, а по восшествіи на Валахскій престолъ почти все время своего управленія находился въ союзныхъ, даже въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Венгріи²²). Вѣроятно, чрезъ Венгрію Румыны и познакомились съ формою нѣмецкихъ талеровъ, появившихся въ послѣдней четверти XV столѣтія²³). Валахскій великій дворникъ Николай и примѣнилъ эту форму талера къ женскому украшенію для княгини своей Тодосіи.

Большую аналогію съ Валахскимъ золотымъ талеромъ представляютъ изъ себя такъ называемые въ Малороссіи *дукачи*, — женскія нагрудныя украшенія, въ родѣ медальоновъ. Название дукача происходитъ отъ золотой монеты дуката (*ducatus*), которая нерѣдко надѣвалась на шею въ видѣ украшенія. Въ этомъ отношеніи Ва-

²¹) «Записки Императорской Академіи Наукъ», т. 41, кн. 2, С.-Пб. 1882 г., стран. 33—4.

²²) «Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи», С. Н. Палаузова. С.-Пб. 1859 г., стран. 29 и слѣд.; «Повѣсть о Мунтянскомъ воеводѣ Дракулѣ въ изслѣдованіи румынскаго ученаго», А. И. Яцимирскаго, въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», 1897 г., т. II, кн. 4, и отдѣльными оттисками.

²³) См. наприм., *Sammlung Rogge*. Frankfurt a M. 1903. (Списки монетъ и медалей.)

лашскій золотой талеръ 1493 года является какъ бы прототипомъ нашего южно-русскаго дукача, какъ женскаго украшенія. Въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи въ дукачи обдѣлывались готовые медальоны западнаго производства, а иногда они и нарочито приготавливались, съ изображеніями на одной сторонѣ бюстовъ русскихъ Императрицъ Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II²⁴). Къ удивленію нашему, мы здѣсь въ Черниговѣ услышали, что послѣдніе дукачи, съ изображеніями русскихъ Императрицъ, на сѣверѣ Россіи нѣкоторыми учеными считаются почему-то за жетоны скопцовъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать слѣдующее. Я не разыскивалъ нарочито и не указывалъ другихъ памятниковъ румынскаго искусства, находящихся въ Россіи; да для моей цѣли это и не необходимо. Мой докладъ имѣетъ значеніе лишь запроса по данному предмету, т.-е. запроса о томъ, не имѣли ли румынскіе памятники искусства какого-либо вліянія на соотвѣтствующіе памятники русскаго и особенно южно-русскаго искусства. Если бы въ послѣдствіи времени получился утвердительный отвѣтъ на этотъ запросъ, то онъ прибавилъ бы еще одну струю къ суммѣ разнородныхъ иноземныхъ вліяній на Южную Русь. Разнообразіе этихъ вліяній содѣйствовало свободному выбору художественныхъ сюжетовъ и мотивовъ для подражанія и пролагало путь къ самостоятельному творчеству въ области южно-русскаго искусства.

²⁴) «Указатель Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Дух. Академіи, Кіевъ, 1897 г., №№ 4016—4024, 15750—52, и Леопардов. Коллекц., стран. 259—260, №№ 521—532. См. «Каталогъ собранія древностей графа А. С. Уварова», отд. VIII—XI, Москва, 1908 г., стран. 108 и 109.

Церковный Отдѣлъ Выставки Черниговскаго Археологическаго Съѣзда.

Графиня Уварова.

Отдѣлъ церковныхъ древностей на Выставкѣ составилъ главнымъ образомъ изъ памятниковъ, поступившихъ изъ церквей Черниговской епархіи. Благодаря просвѣщенному содѣйствію и благословенію Преосвященнаго Антонія Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, въ распоряженіе Предварительнаго Комитета — на Выставку, и въ собственность новоучрежденнаго въ Черниговѣ Епархіальнаго Древле-хранилища, поступило значительное количество старинныхъ и вышедшихъ изъ церковнаго употребленія памятниковъ, на основаніи которыхъ возможно составить понятіе о характерѣ церковныхъ древностей въ Черниговской епархіи и о состояніи религіознаго искусства на югѣ Россіи въ XVII—XIX вѣкахъ. Къ нимъ присоединили коллекцію Музея Архивной Комиссіи, составившейся аналогичнымъ путемъ нѣсколько ранѣе (съ 1897 г.). Церковные памятники другихъ епархій поступили лишь въ незначительномъ количествѣ.

Составился Церковный Отдѣлъ изъ 1843 номеровъ, въ число которыхъ вошелъ и отдѣлъ фотографій съ храмовъ Малороссіи. Перепечатывая нынѣ часть каталога Отдѣла, я выпускаю изъ него номера, которые (не говоря уже о фотографіяхъ), какъ антиминсы, вѣнцы, часть крестовъ и сосудовъ, представляютъ меньшій интересъ по своей древности и художественномъ воспроизведеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняя номера каталога, я позволяю себѣ для полноты изученія группировать ихъ по существу, что не могло быть сдѣлано на Выставкѣ по той простой причинѣ, что благодаря нашей неаккуратности, предметы привозились большою частью передъ самымъ открытіемъ Выставки, что заставляло устроителей, какъ видно изъ печатнаго каталога, нѣсколько разъ выпускать дополненія. Поступившіе на Выставку предметы не исчерпываютъ, разумѣется, всего того матеріала, который хранится въ церквахъ Малороссіи и не могутъ представить полной картины исторіи и развитія религіознаго искусства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ; но во всякомъ случаѣ Выставка эта должна считаться одною изъ болѣе полныхъ и удавшихся, и потому представляетъ несомнѣнный интересъ, давая возможность выяснить ходъ развитія искусства въ Малороссіи: а) подражаніе иконописнымъ образцамъ великой Россіи б) позднѣйшее вліяніе западнаго искусства, которому подпала Малороссія подъ давленіемъ долго тяготившаго надъ ней Польскаго владычества; в) самобытность формъ и типовъ, выработанныхъ Малороссіей подъ этимъ вліяніемъ; г) поэтическія воззрѣнія народа, нашедшія себѣ выраженія какъ во множествѣ символическихъ

Иконъ; такъ и въ толкованіяхъ Евангельскихъ сценъ и ученія Христова, изображенія которыхъ во множествѣ имѣются на Выставкѣ и д) роскошь формъ и орнаментировки, которая отличаетъ произведенія Малороссіи въ блестящую эпоху царствованія Екатерины II, и тѣхъ дворцовъ, которыми обстроили города и селы Малороссіи сподвижники Императрицы.

Примѣчаніе. Принятые сокращенія въ обозначеніи принадлежности предметовъ: — Е. Д. — Епархіальное Древлехранилище, А. К. — Музей Архивной Комиссіи. По условіямъ печатанія въ Черниговѣ, всѣ церковно-славянскія надписи набраны обыкновеннымъ шрифтомъ.

I. Закладныя церковныя доски.

1. Закладная мѣдная доска храма Мазепы; мѣра $9\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4}$ в.; на красномъ фонѣ бѣлыми церковно-славянскими буквами написано: «Благословеніемъ Бога Отца изволеніемъ Сына і поспѣшеніемъ Святого Духа заложися храм сей во имя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла Коштомъ самого ясневелможнаго его милости Пана Іоана Мазепи Гетмана войскъ его царского Пресвѣтлаго величества: вмаетности его жъ въ мѣсти иванполи близу рудны в преславное царствованіе Благочесиваго Государя Царя и великого князя Петра Алексѣевича всея великія и малія Россіѣ самодержца. Восвятителство же в малой Россіѣ ясне преосвящена его милости господина Варлаама Ясинскаго архіепископа митрополиты Кіевского і Галицкаго і всея росіѣ А положися основаніе вишше помененноѣ церкви въ року отъ воплощенія Сына Божія: 1698 мѣсяца мая 10 числа». Найдена въ пескѣ, на хуторѣ Руднѣ, Глуховскаго уѣзда. А. К.

2. Закладная мѣдная доска на основаніе въ 1701 году 15 августа Николаевской церкви въ м. Ични, Борзенскаго уѣзда, при гетманѣ Мазепѣ. Изъ Николаевской ц. м. Ични, Борзенскаго у.

3. Закладная доска мѣдная, квадратная, $2\frac{1}{2}$ в., на основаніе Троицкой церкви въ м. Менѣ, Сосницкаго у., при Петрѣ Алексѣевичѣ за «Іоанна Максимовича Архіепископа Чернѣговскаго і всѣго сѣвера Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорозкаго Гетмана Его милости Іоанна Мазепы также Его милости Пана Якова Кондратовича Лизогуба Полковника Чернѣговскаго застараніемъ Ігната Василенвича сотника Менскаго». Е. Д.

4. Закладная доска квадратная, $2\frac{1}{2}$ в., мѣдная, на основаніе церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы въ м. Синявкѣ, Сосницкаго у. «Святительствующу тогда Преосвященному Іоанну Максимовичу Архіепископу Чернѣговскому и всея росіѣ...» 1706 года октября 4. Е. Д.

5. Закладная доска мѣдная, на основаніе Богоявленской церкви гор. Чернигова, начатой постройкой 17 мая 1741 года по благословенію Митрополита Черниговскаго Антонія Черновскаго, перестроенной въ 1808 года (надпись на оборотной сторонѣ) и упраздненной въ 1858 году. А. К.

6. Закладная доска мѣдная, $5\frac{1}{4} \times 3\frac{3}{4}$ в., на основаніе Варваринской ц. въ гор. Черниговѣ: а) при святительствѣ «великаго Господина Амвросія Епископа Труды XIV Съѣзда. Т. II.

Черниговскаго и Новагородка Сѣверскаго въ лѣто 1748 мѣсяца іюля восьмого дня; б) при святительствѣ Великаго Господина Преосвященнаго Виктора Садковскаго Архіепископа малороссійскаго Черниговскаго. За настоятеля тоя церкви Священно-намѣстника Саввы Корсакевича 1800 года сентября 23 дня. Е. Д.

7. Закладная доска, мѣдная, квадратная, $3\frac{1}{2}$ в., на основаніе Троицкой церкви м. Мены, Сосницкаго у. при преосв. Кириллѣ Ляшевецкомъ 1765 года апрѣля 23 дня. Е. Д.

8. Закладная свинцовая доска Николаевской церкви въ с. Выбляхъ, Черниговскаго у., основанной въ октябрѣ 1772 года. На оборотѣ другая надпись объ основаніи тамъ же 23 августа 1780 года другой церкви во имя св. Архистратига Михаила. А. К.

9. Закладная доска, мѣдная, $6\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$ в., съ надписью о закладкѣ и освященіи мѣста на устроеніе церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы въ с. Макишинѣ, Городнянскаго у., при Теофілѣ, епископѣ Черниговскомъ 1773 году апрѣля 30 дня. На оборотной сторонѣ надпись объ освященіи мѣста для того же храма при Михаилѣ еписк. Черниговскомъ 1811 г. октября 16 дня. Е. Д.

10. Закладная оловянная доска Троицкой церкви въ селѣ Выбляхъ, Черниговскаго у., заложеной 8 сентября 1779 года (упразднена въ 90-хъ гг. XIX вѣка.). А. К.

1174. Мѣдная закладная доска 1754 года 24 апрѣля (внизу позднѣйшая приписка: «писана 1859 г.») объ основаніи Спасо-Преображенскаго храма въ м. Воронежѣ, Глухов. у. На обратной сторонѣ живописная икона Обрѣзаніе Господне съ надписью внизу: «Михаиломъ Корн. Иващенко». Изъ Спасо-Преображенской ц. м. Воронежа, Глухов. у. Ч. Е. Д.

1175. Мѣдная закладная доска 1691 года 17 марта объ основаніи Троицкаго храма въ м. Воронежѣ, Глух. у. «за щасливим панованемъ ясне велможнаго его млти пна гетмана Іоана Мазепи»... Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глух. у. Е. Д.

1176. Закладная доска, XVIII вѣка, принадлежащая Михайловской церкви города Алексополя, нынѣ м. Царичанки, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской епархіи. Полт. Епарх. Др.

1177. Закладная доска, XVIII вѣка, принадлежащая Преображенскому храму м. Смѣлаго, Роменскаго уѣзда. П. Е. Д.

II. И н о н ы.

11. «Деисусъ», 1 арш. 14 в., 1 арш. $5\frac{1}{2}$ в. Изъ иконостаса упраздненнаго въ 1787 года Суражскаго монастыря. А. К.

12. Спаситель благословляющій, съ разогнутымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ на текстѣ отъ Маттея: «Рече Господь: иже любитъ отца или мать паче мене и т. д. (гл. X, ст. 37, 38); внизу подпись: «Царь царствующихъ и Господь господствующихъ»; 1 арш. 7 в.; $14\frac{1}{2}$ в. Оттуда же А. К.

13. Господь Вседержитель, половины XVIII вѣка, на дубовой доскѣ, $7 \times 5\frac{1}{2}$ в. Изъ ц. м. Ущерпья, Суражскаго у. Е. Д.

14. Господь Вседержитель, XVIII вѣка, съ боковыми изображеніями, старо-обрядческаго письма, пестро-чеканной металлической оправѣ, 7×6 в. Изъ Черниговскаго Каѳедр. Собора. Е. Д.

15. Спасъ Нерукотворенный, XVIII вѣка, съ надписью на убрусѣ «*το αγιον βασιλιον*». Внизу, въ двухъ клеймахъ, славянскія вирши:

«Исусе Боже Сыне жива Бога
Милосердія пучина премнога
Вѣми яко на тя кто уповаеъ
Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ
Авгарь князь на тя надежду имяше
Симъ твоимъ..... с домоу спасенъ быше
Нынѣ зрящимъ Христе на образ твой,
И в молитвѣ приносящимъ к тебѣ гласъ свой
Имя рекъ вѣрну рабу своему
Милость свою подаждь и дому всему
Немятежное даруй благоденство
Посемъ въ небеси вѣчное блаженство»

и надпись въ срединѣ: «Христе Боже нашъ всякъ надѣяся на тя не постыдится» Въ серебряномъ позолоченномъ изящно-травленномъ окладѣ и такомъ же нимбѣ, 9¹/₄×7¹/₄ в. Изъ Иоанно-Богословской церкви гор. Нѣжина. Е. Д.

16. Икона Спасителя. На обратной сторонѣ надпись: «Иконописецъ Василій Кондратовъ писалъ 1781 г.» 7×5¹/₂ в. Изъ Троицкой ц. зашт. города Коропа, Кролев. у Е. Д.

17. Христосъ, источающій въ чашу сокъ изъ кистей виноградныхъ; икона мѣстной неискусной выписки XVIII вѣка. Изъ жертвенника церкви с. Чаусъ, Стародубскаго у. А. К.

18. «Азъ есмь лоза истина», грубой позднѣйшей работы. Изъ м. Ични, Борзенскаго у., отъ Е. І. Шута. Повтореніе того же сюжета, что и № 17, но съ приводимой надписью расположенной подъ иконой, какъ бы для объясненія не всѣмъ понятнаго изображенія (табл. XII).

1510. Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, сидя на каменномъ гробѣ, источаетъ сокъ винограда въ чашу. Изъ праваго бока у Него выходитъ виноградная лоза съ гроздьями. За гробомъ — крестъ, сбоку — колонна съ орудіями страданія; XVII вѣка, 1 арш. 3 в.×1 арш. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городн. у. Е. Д. Повтореніе того же сюжета, писанное на полотнѣ, большихъ размѣровъ, чѣмъ первые два и лучшей кисти.

19. Лѣпное изображеніе страждущаго Спасителя, XVIII вѣка, съ позднѣйшей раскраской. Изъ Успенской церкви м. Ични Борзенскаго у.

20. Исцѣленіе слѣпорожденнаго, 13×15 в., внизу подпись: «Исусъ воздвигаетъ слѣпорожденнаго, сотворяетъ прозрѣти». Изъ упраздн. въ 1787 г. Суражскаго монастыря. А. К.

21. Икона на текстъ евангельской исторіи, въ 8-й главѣ отъ Матвея, ст. 5—13; «Когда вошелъ Исусъ въ Капернаумъ, къ нему подошелъ сотникъ и просилъ Его:

Господи! слуга мой лежитъ дома въ разслабленіи и жестоко страдаетъ. Иисусъ говоритъ ему: Я прійду и исцѣлю его. Сотникъ же, отвѣчая, сказалъ: Господи! я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой; но скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой; и т. д. Мѣра иконы 59×39 см. Изъ упраздн. иконостаса XVII вѣка ц. м. Ивангорода, Борзенскаго у. А. К.

22. Бесѣда Иисуса Христа съ самарянкой; икона мѣстнаго письма, XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

23. «Вѣханіе Господне», т.-е. Вѣздъ Спасителя въ Іерусалимъ. Мѣра 30×21 см., мѣстнаго южно-русскаго письма, начала XVIII вѣка; живопись потемнѣла и мѣстами попорчена. Помимо другихъ фигуръ на иконѣ изображенъ и св. пророкъ Захарія, вышедшій во срѣтеніе проповѣданному имъ Христу. Изъ церкви с. Яновки Черниговскаго у. А. К.

24. Распятіе Спасителя: большая икона, 2 арш. 2 в.×1 арш. 8³/₄ в.; съ вырѣзанными мѣстами для предстоящихъ, украшенная старинною рѣзьбой, между коей расположены симметрично 13 вырѣзныхъ кружковъ (медальоновъ) съ изображеніемъ на нихъ страданій и орудій страданій Спасителя; изъ упраздненнаго въ 1787 г. Суражскаго монастыря. А. К.

25. Распятіе Спасителя; большая икона, 1 арш. 15¹/₂ в.×1 арш. 8¹/₂ в., съ вырѣзными мѣстами для предстоящихъ — Богоматери и Іоанна Богослова и съ семью вырѣзными кружками, въ коихъ инициалами надписаны были обозначенія важнѣйшихъ моментовъ страданій Спасителя, а въ верхнемъ кружкѣ надпись, нынѣ едва замѣтная: ΘΕΟΣ. Оттуда же А. К.

26. Распятіе съ предстоящими, XVIII вѣка. Круглый медальонъ изъ чугуна. Справа сбоку надпись «М. С. Саблинъ». Изъ ц. с. Сохачей Кролевецкаго у. Е. Д.

27. Гора Голгоѳа, реальное изображеніе извѣстнаго евангельскаго событія, издѣліе кустарей. Крестъ Господень, въ западномъ стилѣ, представленъ съ большимъ подножіемъ, въ видѣ памятника, на коемъ изображена глава Адама; другихъ крестовъ (разбойниковъ) нѣтъ; изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

28. «Воскресеніе Господа Нашего Иисуса Христа». Икона единовѣрческаго письма по левкасу, памятникъ XVII вѣка, представляетъ собою широкую композицію. Возставшій отъ гроба Христосъ, изводитъ съ собою праотца Адама и праматерь Еву, царей и пророковъ, у гроба Воскресшаго ангелъ показываетъ женамъ-муроносицамъ гробныя пелены. Здѣсь же два воина-стража, стоятъ въ оцѣпенѣніи; мѣра 34×29 см. А. К.

29. «Образъ Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа», Московской работы половины XVIII вѣка, 7×6 в. Е. Д.

30. Воскресеніе Христово. Образъ, принадлежащій къ числу т. н. «обаяющихъ зрѣніе», издѣліе кустарей. Въ немъ видна попытка представить событіе наиболѣе реальнымъ: фигуры Спаса, возносящагося отъ гроба, ангеловъ (одного не достаетъ) и воиновъ, а равно и гроба Господня представляютъ собою вырѣзки изъ лубочной картины; далѣе скалистый гротъ, сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ камешковъ и стеклышекъ, подобранныхъ и вставленныхъ въ липкую массу; вся мѣстность пред-

ставлена пейзажемъ; вдали за выходомъ изъ грота, виднѣется святой градъ Іерусалимъ (планъ отъ руки). Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

31. Явленіе ангела женамъ мироносицамъ по воскресеніи Христа; икона мѣстной работы XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

32. Вознесеніе Господне. Христосъ на радугѣ въ бѣлой глоріи, поддерживаемый двумя ангелами. На землѣ въ центр. мѣстѣ среди двухъ ангеловъ и Апостоловъ — Божія Матерь-оранта. Фонъ золотой. На горѣ — двѣ стопы. Подражаніе византійскимъ образцамъ. Конца XVII или начала XVIII вѣка, $11 \times 8\frac{1}{2}$ в. Изъ Вознесенской ц. заштатнаго города Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

33. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ, на дубовой доскѣ, мѣстнаго южно-русскаго письма, XVIII вѣка. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

34. Рождество Пресвятыя Богородицы, XVIII вѣка, $8 \times 6\frac{1}{2}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д. — Вѣрнѣй передача апокрѣфическаго сказанія изъ житія Анны и Іоакима о зачатіи Дѣвы Маріи.

35. Святое семейство, мѣстной работы XIX вѣка, внизу подпись: «LA SANCTAE VIERCE». Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

36. «Недреманное око» — на доскѣ. Спящій младенецъ Христосъ съ закрытыми глазами на крестѣ. Вокругъ — орудія страданій. Впереди на концѣ перекладины креста — чаша съ исходящимъ изъ нея пламенемъ; грубой мѣстной работы XVIII вѣка; $41 \times 9\frac{1}{2}$ в. Изъ ц. с. Сохачей Кролевецк. у. Е. Д. Изображеніе не соотвѣтствующее древнимъ извѣстнымъ византійскимъ образцамъ.

37. «Недреманное око», на доскѣ композиція, конца XVIII вѣка, изъ типографіи губернскаго правленія. А. К. При Младенцѣ Богоматерь и Богъ Отецъ.

188. «Недреманное око». Младенецъ Христосъ въ багряницѣ, лежитъ съ открытыми глазами, на крестѣ. 1 арш. 5 в. $\times$ 1 арш. Изъ Троицкой ц. с. Пакули, Черниговскаго у. Е. Д. Большое полотно. Вокругъ головы сіяніе. Внизу три строчки надписи: «Что ти Христосъ здѣ уснулъ, я сему виною. Ксему я понудилъ тебя, моею злобою. Дасадъ же о хрсте, тебѣ спящу, мнѣ бдѣти. И въ тебѣ по вся часу и с тобою жити. Кто тебѣ хрсте послалъ ложе, крестъ сей лютіи. Твой грѣхъ, да и здѣ ты мнѣ не даеши уснути. Не дремлю, да являю то крестъ мой, бремя Блго. Дажь же и мнѣ, сей крестъ твой, и храни отъ злаго. Странная дивная періна. На которой спить сій Бгъ дитіна. Что говорятъ спить, какъ на крестѣ спати. Здѣтски бо онъ за насъ учится страдати: 170 г.

1237. «Недреманное око»; начала XIX вѣка. Младенецъ спить; около него колонна, лѣстница, копьѣ и пѣтухъ съ одной стороны, черепъ, чаша, мелкіе инструменты мученія, отсѣченныя руки, кошель съ монетами, ножъ и кости для метанія жребія. Вдали Голгоѳа; въ небесахъ Богъ Отецъ и Духъ Святой. Внизу надпись: «Азъ на сие родихъ и на си... Іоанна, гл. 22: 7. 37. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

1252. «Недреманное око». На широкомъ 4-конечномъ крестѣ лежитъ на багряницѣ младенецъ Христосъ. Глаза закрыты, лѣвая рука на персяхъ, правая поднята къ плечу. Богомладенецъ въ длинной прозрачной бѣлой дѣтской срачицѣ съ крас-

ными завязками у ворота. Вокруг креста — орудія страданія, тутъ же сосудъ для омовенія и корзина съ цвѣтами. Сверху золотая чаша и благословляющій Богъ Отецъ въ облакахъ и три серафима. Въ перспективѣ направо видна Голгофа съ крестами, къ среднему приставлена лѣстница; налѣво два дома. Работа мѣстнаго живописца, XVIII вѣка. $9\frac{1}{2} \times 8\frac{1}{2}$ в. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д. Полотно.

1253. «Недреманное око», письмо XVIII вѣка. Большое полотно. Младенецъ тихо поживаетъ на крестѣ. Около него чаша, колонна бичеванія и пѣтухъ. Изъ церкви с. Шестовицы, Черниговской губ. и у. А. К.

1513. Недреманное око. По нимбу надпись: «Се есть покой мой». Богомладенецъ лежитъ на крестѣ. Надъ Нимъ склонилась Святая Дѣва. Вверху — Богъ Отецъ и Духъ Св. Возлѣ креста — орудія страданія, между прочимъ мечъ и усѣченное ухо раба Малха. Надъ Христомъ надпись: «Азъ на сие родися и на сие...» Изъ Георгіевской ц. с. Вишеньки, Остер. у. Е. Д. Полотно въ вышину; очень грубой кисти.

1514. Недреманное око. Младенецъ Христосъ съ открытыми глазами лежитъ на крестѣ, на немъ дѣтская сорочка, по чресламъ перекинута мантия. Вверху — Богъ Отецъ, Духъ Св. и Ангелы. Надъ Христомъ надпись: «Сего ради снидохъ съ небесе да сотворю волю пославшаго мя Отца». Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городн. у. Е. Д. (табл. XII).

Примѣчаніе. Иконамъ «Недреманное Око» малорусскаго перевода посвящена статья покойнаго проф. Рѣдина въ Трудахъ Харьковскаго Предварит. Комитета, т. 1, стр. 153—159.

38. Икона Новодворской Божіей Матери, — копія, изъ упраздненнаго Суражскаго мужского монастыря Черниговской епархіи; на рамѣ внизу надпись: «Изображеніе чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы называемой Новодворской обрѣтающейся нынѣ въ Благовѣщенскомъ Суражицкомъ монастырѣ. А сію икону отмѣнилъ рабъ Божій Григорій Карповъ Елановъ съ женою своею...1781 года». Отъ времени слишкомъ пострадала: краска во многихъ мѣстахъ выцвѣла и осыпалась, вся икона слишкомъ потемнѣла и живопись едва замѣтна. Рама рѣзная, съ лѣпною обкладкою и съ лѣпными же фигурами: вверху — Бога Отца и отъ Него Духа Святаго исходяща (фигура подъ черною окраскою); по сторонамъ два лѣпные ангела; внизу, по угламъ, два лѣпные херувима; а по бокамъ два новѣйшія изображенія: святителя Григорія Богослова и преподобной Маріи инокини, — откуда видно, что икона сооружена благочестивой четой Григоріемъ и Маріей Елановыми; 1 арш. $6\frac{1}{2}$ в. $\times$ 1 арш. А. К.

39. «Mater dolorosa или pieta» XVIII вѣка. Въ полной композиціи она представляется такъ: у креста сидитъ Богоматерь, держащая на своихъ колѣняхъ Спасителя — только что снятаго со креста. На лѣвой сторонѣ груди Скорбящей Матери, подлѣ самаго сердца Ея — мечъ, вонзенный остриемъ въ грудь. Эта композиція встрѣчается на югѣ Россіи довольно часто съ разными впрочемъ видоизмѣненіями и отступленіями отъ образца. Здѣсь композиція распространенная: крестъ на Голгофѣ (едва замѣтенъ), въ груди Богоматери не одинъ, а семь мечей: справа

три и слѣва четыре. Богоматерь изображена въ позѣ сидящей, въ малиновомъ хитонѣ и зеленомъ гиматіѣ, мафорій черный, нимбъ зеленый. На лицѣ Богоматери выражаются страданіе и скорбь; глаза Ея подняты горѣ, и изъ нихъ текутъ обильныя слезы; правая рука покоится на главѣ Спасителя, а лѣвою рукою она держитъ лѣвую же руку Спасителя, у кисти прободенной; у Спасителя глаза полуоткрыты, тѣло все изъязвленное, о чреслѣхъ бѣлая повязка. Изъ церкви с. Чаусъ, Стародубскаго у. А. К.

40. *Pieta*, XVIII вѣка. Изъ церкви с. Пакули, Черниговскаго у. А. К.

41. Богоматерь (*Pieta*), у креста, съ мертвеннымъ тѣломъ Сына на рукахъ. Сзади — крестъ, вверху херувимы, на жести. 1 арш. 11 в. $\times$ 1 арш. Изъ ризницы Троицкаго Архіерейскаго Дома въ Черниговѣ. Е. Д.

42. *Pieta*, измѣненная композиція: Богъ Отецъ въ папской тиарѣ и синемъ плащѣ, держитъ на рукахъ мертвенное тѣло Христа. Овальной формы, 15 $\times$ 12 в. Изъ Николаевской ц. м. Синявки Сосницкаго у. Е. Д.

43. «*Maria orans pro vobis*», надмогильная икона на жести; на обратной сторонѣ восьмиконечный крестъ съ орудіями страданій, 5 $\times$ 4 в. Изъ Рожд.-Богородичной ц. гор. Стародуба. Е. Д.

44. Успеніе Богоматери, — кипарисная рѣзная иконка въ деревянной рамѣ работы Кіево-Печерской лавры XVII—XVIII в. Изъ Троицкой ц. с. Пакули. Черниговк. у. Е. Д.

45. Успеніе Богоматери. Христосъ въ облакахъ съ душой Богоматери, внизу — Іерусалимъ. Изъ иконостаса Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниг. у. Е. Д.

46. Икона — барельефъ Богоматери Троицко-Ильинской Черниговской (рѣзба съ раскрашеннымъ левкасомъ) XVIII вѣка, 46 $\times$ 35 см. Изъ Черниговскаго пріюта мальчиковъ. А. К.

47. Икона Дубовичской Богоматери, съ 4 угловыми клеймами съ изображеніемъ чаши, пеликана, кормящаго своей кровью птенцовъ, пылающаго сердца и агнца. Внизу подпись: «Изображеніе чудотворнаго образа Пресв. Богородицы Дубовицкой пис. 17»...12 $\times$ 10 в. Изъ Черн. Дух. Семинаріи. Е. Д.

48. Богоматерь, именуемая «Вознесеніе» и «Баликинской», неискуснаго, по отношенію къ Богомладенцу даже безобразнаго письма. Внизу подпись, съ датой «п. 1824»; мѣра иконы 54 $\frac{1}{2}$ $\times$ 41 $\frac{1}{2}$ см. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. А. К.

49. «Лѣньковская» икона Богоматери, именуемая «Спасительницей утопающихъ». Точно воспроизведенная копія, въ натуральную величину; мѣра съ багетовой рамой 46 + 42 $\frac{1}{2}$ см. — Подлинная чудотворная икона (на желѣзѣ) находится въ Михайловской ц. с. Лѣнькова. Новгородсѣверскаго у. А. К.

50. Костяной рѣзной образъ Ахтырской Богоматери, XVIII вѣка. Изъ с. Гужовки, Борзенскаго у. отъ П. Ф. Богданова.

51. Двухсторонняя иконка — тѣльникъ, оправленная въ серебро съ изображеніемъ Ахтырской Богоматери съ одной стороны и Іоанна Предтечи, Св. Николая, священомученика Василия Амасійскаго и великомученицы Варвары — съ другой. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

52. Образъ «Касперовской Богоматери» и на оборотѣ — Обрѣзанія, на мѣди. Изъ упраздненнаго въ XVIII вѣкѣ. Макошинскаго монастыря, Черниговской губ. А. К.

53. Коронованіе Божіей Матери, западнаго образца. Слѣва земной шаръ, раздѣленный на двѣ половины, на верхней поддерживаемый херувимомъ свитокъ, съ надписью: «Радуйся огнезранный свѣте. Радуйся обрадованная Господь съ тобою». На нижней — грѣхопаденіе прародителей и изгнаніе изъ рая; XVIII вѣка. 13×10 в. Изъ Покровской ц. с. Мощонки, Городн. у. Е. Д. (табл. XIII).

54. Божія Матерь въ коронѣ съ Богомладенцемъ на рукахъ на фонѣ плодородныхъ деревьевъ (груши), растущихъ подъ ея подножіемъ, 2-й пол. XVII вѣка. Барельефъ изъ папье-маше въ сплошной рамѣ зеленаго цвѣта, $9 \times 6\frac{1}{2}$ изъ гор. Остеръ, Черниговской губ. Е. Д.

55. «О тебѣ радуется благодатная всякая тварь». Икона въ 7-ми клеймахъ, въ деревянной рѣзной рамѣ. Внизу подпись: «Писана 1809 г. мѣсяца ноябрія 6 дня». 16×14 в. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

56. «Не рыдай мене Мати», старообрядческаго письма, мѣра $7\frac{1}{4} \times 6\frac{1}{4}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

57. Благовѣщеніе. Икона неискуснаго письма. Пресвятая Дѣва стоитъ подъ балдахиномъ; передъ ней аналой, правильной четырехугольной формы съ лежащей на немъ раскрытой книгой; верхняя одежда Непорочной (иматисма) изображена въ видѣ фелони; справа архангелъ Гавріилъ съ райскою вѣтвью въ лѣвой рукѣ, спустившійся на облакахъ; нимбы золоченые; сверху, въ облакахъ, Духъ Святый «въ видѣ голубинѣ»; въ окно виденъ пейзажъ; $12\frac{1}{2} \times 9$ в. Изъ Успенской ц. м. Любеча, Городнянскаго у. А. К.

58. Икона Владимірской Б.-Матери съ боковыми изображеніями Ангела Хранителя, Митрополита Петра и преподобной Пелагии, въ пестро чеканномъ металлическомъ окладѣ, $7 \times 5\frac{1}{2}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

59. «Образъ Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы Тихвинскія», $9 \times 6\frac{3}{4}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

60. Покровъ Пресвятыя Богородицы; мѣра 49×45 см. Богоматерь изображена во весь ростъ, распростертыми руками раскрывая воскрылія ризы своей, окаймленной оофоромъ; подъ ризой слѣва царь съ царицей и иноки, справа архидіаконъ съ хартіей, на коей надпись: «Дѣва днесь предстоитъ въ церкви...»; за архидіакономъ народъ. Изъ ц. с. Шибириновки, Черниговскаго у. А. К.

61. Покровъ Пресвятыя Богородицы, Московской работы конца XVIII вѣка, $6\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$. Изъ ц. Ущерпья, Суражскаго у. Е. Д.

62. Покровъ Пресвятыя Богородицы, съ рельефнымъ левкасомъ, нач. XVIII вѣка; $6\frac{1}{2} \times 4\frac{3}{4}$ в. Е. Д.

63. Икона Богоматери въ богатомъ чеканномъ окладѣ, мѣра $7\frac{1}{4} \times 6\frac{1}{2}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

64. Божія Матерь съ Богомладенцемъ, сидящимъ на византійской подушкѣ и держащимъ надъ головой терновый вѣнецъ. Внизу — орудія страданій, мѣра $8\frac{1}{2} \times 6\frac{3}{4}$ в. Е. Д.

65. Божія Матерь съ Богомладенцемъ на рукахъ, мѣра $12\frac{1}{2} \times 9\frac{1}{2}$ в. Е. Д.

66. Икона Богоматери съ надписью на обратной сторонѣ: «Иконописецъ Василій Кондратовъ писалъ 1781 г.». Изъ Троицкой ц. гор. Коропа, Кролев. у. Е. Д.

67—68. Двѣ рѣзныхъ иконы барельефы — Богоматери и Іоанна Крестителя съ чашей и младенцемъ Христомъ въ ней; изображенія и фонтъ позолочены по левкасу, лица и руки живописныя; мѣра $9\frac{1}{2} \times 7\frac{1}{4}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

69. Цѣлованіе Елизаветы, $13\frac{1}{2} \times 10$ в., XVIII вѣка. Изъ прежняго иконостаса Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецк. у. Е. Д.

70—73. Четыре большія равномѣрныя иконы св. апостоловъ и евангелистовъ, изображенныхъ во весь ростъ — по три на каждой иконѣ; мѣра иконъ одинаковая: въ вышину 1 арш. $15\frac{1}{4}$ в., въ ширину 1 арш. $2\frac{1}{2}$ в. На одной изъ нихъ изображены: Петръ, Матвей и Маркъ. — На другой — Павелъ, Лука и Іоаннъ. На третьей — Іаковъ, Вареоломей и Ѳома. На четвертой: Андрей, Симонъ и Филиппъ. — Всѣ четыре иконы изъ «апостольскаго» яруса въ иконостасѣ упраздненнаго въ 1787 г. Суражскаго монастыря. А. К.

74—77. Четыре большія, равномѣрныя иконы пророковъ изъ «пророческаго» яруса въ иконостасѣ упраздненнаго въ 1787 году Суражскаго монастыря; края иконъ съ вырѣзками, наподобіе рамъ, а верхи заканчиваются особыми фигурами, наподобіе коронокъ, которыя, при пересылкѣ срѣзаны; мѣра всѣхъ иконъ одинакова: вышина 1 арш. 10 в., ширина 1 арш. $3\frac{1}{2}$ в. На одной изъ нихъ изображены пророки: Геденъ и Іезекіиль; на другой — Моисей «русь, плешивъ, брада златоустова» и Ісаія «сѣдъ аки Андрей апостоль»; на третьей — св. царь пророкъ Давидъ «брада Николина, седъ, на главе венець царской, въ порфире»; на четвертой — Захарія, «брада долга, на главѣ шапка», въ рукъ хартія съ надписью: «И ты, отроча, пророкъ Вышняго наречешися» (Луки, гл. I, ст. 76). А. К.

78—79. Апостолы Симонъ и Іоаннъ во весь ростъ; мѣра иконъ въ высоту 3 арш. $2\frac{1}{2}$ в., а въ ширину одна $14\frac{1}{2}$ в., другая $15\frac{1}{4}$ в.

80. Святитель Николай, во весь ростъ, правою рукою благословляющій, а лѣвою опирающійся на архіерейскій жезлъ, съ сулкомъ, мѣра $19\frac{1}{4} \times 9$ в.

81. Живоначальная Троица, на облацѣхъ, съ пейзажемъ внизу, изображающимъ гору, съ поросшими у подножія ея высокими пальмами; мѣра $19\frac{1}{2} \times 8$ в.

82. Богоявленіе, мѣрою $19\frac{1}{2} \times 8$ в.; у Крестящаго крестъ, съ узкимъ бѣлымъ лентіемъ; на лѣвомъ берегу рѣки Іордана высокія пальмы; съ неба спускаются два ангела, несущіе для Христа красную одежду.

Эти пять иконъ (№№ 78—82) памятникъ XVIII вѣка, взяты изъ упраздненнаго иконостаса церкви м. Душатины, одного изъ древнѣйшихъ поселеній Суражскаго уѣзда. До 1733 года тамъ былъ храмъ во имя св. Троицы, а въ томъ же году владѣлецъ бунчуковый товарищъ Василій Ивановичъ Гудовичъ построилъ грехпрестольный храмъ, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Василя Великаго — ангела своего и съ придѣльными въ честь св. Троицы и св. великомученицы Вар-

вары — ангела супруги своей. Величественный пятиарусный иконостасъ этого храма, работы заграничныхъ мастеровъ, упраздненъ въ 1896 году. А. К.

83—84. Верхняя лѣвая боковая и нижняя части старинной рамы одной изъ иконъ Душатынскаго храма, Суражскаго уѣзда. Всѣ части рѣзные, съ лѣпными раскрашенными цвѣтами, вѣтвями и фигурами. На верхней части рѣзное изображение Духа Святаго, въ вертикальной позѣ. На боковой такое же изображение, вверху — летящаго херувима, а посрединѣ живописное изображение старца Сумеона, представленнаго во весь ростъ, въ первосвященническихъ облаченіяхъ (кидартъ, ефодъ и пр.), въ лѣвой рукѣ его жезлъ, а въ правой хартія съ надписью: «Нынѣ отпускаеши раба твоего владыко..... голу...»; надъ главою надпись: «С. Симионъ Богоприемецъ». На нижней части, посрединѣ надпись крупными церковнославянскими буквами: «сооружися сія икона коштомъ истараніемъ жителемъ Душатынскимъ, Семеономъ Тимоеевымъ Богданомъ сницаремъ, вооставленіе грѣховъ... 1766 года апрѣля 17-го дня».

85. Кіотъ рѣзной деревянный, или, быть можетъ, другая какая-либо изъ церковныхъ принадлежностей инославнаго исповѣданія, всего вѣроятнѣе, католическаго, памятникъ XVI вѣка. Основу кіота представляетъ рама изъ двухъ рѣзныхъ пилястръ, вверху соединенныхъ фигурнымъ фризомъ, подъ коимъ въ первомъ тяблѣ должно было находиться три иконы, сохранилась же изъ нихъ только одна, слѣва — евангелистъ Матѣей съ колѣнопреклоненнымъ передъ нимъ крылатымъ чело-вѣкомъ, поддерживающимъ книгу. Двѣ другихъ иконы, изъ коихъ вторая должна была находиться посрединѣ между двухъ каріатидъ: бородатымъ чело-вѣкомъ, держащимъ какой-то гербъ, и женщиной, также съ гербомъ, представляющимъ лебедя, — утеряны. Нѣтъ трехъ изображеній во второмъ ярусѣ и двухъ въ третьемъ. Сохранилось двѣ иконы внизу — Распятіе Христа между двумя разбойниками, съ предстоящими у креста, Іоанномъ Богословомъ и одною изъ женъ, сопровождавшихъ Господа на вольную страсть. Изображенія другихъ лицъ утеряны, и мѣсто это задѣлано. Фигура Богочеловѣка исполнена замѣчательно хорошо, можно сказать артистически, и обличаетъ прекрасный стиль; положеніе разбойниковъ своеобразно и далеко несходно съ обычнымъ иконописнымъ у насъ представленіемъ. Другая икона — Воскресеніе Христа. Воставшій изъ гроба прямо стоитъ, съ побѣднымъ стягомъ въ десной рукѣ, внизу Его — воины въ римскихъ доспѣхахъ. Эти двѣ послѣднія иконы на шарнирахъ, открываются, и правая изъ нихъ снабжена замкомъ. Происхожденіе кіота неизвѣстно, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ вышелъ изъ рукъ мастера Западной Европы, и составлялъ какую-либо принадлежность католическаго храма. Нѣкогда иконы были окрашены бѣлою масляною краской, а рама, пилястры и перекладины между ярусами — изсиня-зеленоватою. Отъ сырости, или другихъ причинъ все это потрескалось, облупилось и отчасти изъѣдено шашлемъ, а самыя иконы во многихъ мѣстахъ повреждены. Этотъ рѣдкій памятникъ подаренъ музею Арх. Ком. В. П. Кочубеемъ, изъ Батурина, Конопск. у.

86. Святитель Николай на декѣ овальной формы, въ роскошной рѣзной рамѣ. Святитель изображенъ иконописно, но по всему вѣроятію мастеромъ южаниномъ;

мало опытною въ иконописномъ мастерствѣ. Подъ изображеніемъ находятся слѣдующія вирши:

«Гадяцкій Красногорскій Николае Сяте;
Монастирь Твой убогій снабдѣй пребогате.
Ктитормъ попрежнему яснев(ль)можнимъ паномъ;
Кириломъ Розомовскимъ нинѣшнимъ гетманомъ
Сей Обитель и храмъ Твой воздвигнетъ упалии,
Кой гетмани издревле всегда помогали.

1751 сентября 8.»

Мѣра иконы съ рамой 76×58 см.

Получена отъ Конотопской уѣздной земской управы. А. К. (Табл. XIII.)

87. Святитель Николай, начала XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглин. у. Е. Д.

88. Икона святителя Николая, вышитая разноцвѣтными нитями по серебряно-мишурному нитяному фону; ликъ и руки живописные; работа довольно искусная, XIX вѣка, мѣра 37×27 см. Даръ священника Николая Сущинскаго. А. К.

89. Икона-барельефъ св. Іоанна Крестителя, въ рамѣ 66×56 см.; фонъ иконы и все изображеніе позолочены, ликъ и руки живописные. Въ лѣвой рукѣ Предтечи сосудъ, въ видѣ чаши, съ возлежащимъ въ немъ Младенцемъ Христомъ, двуперстно благословляющимъ, висящимъ на звѣздѣ, и хартія съ текстомъ: «Се агнецъ Божій вземляи грѣхи всего мира; покайтесь приблизитесь царство небесное оуже бо и...», указательнымъ перстомъ правой руки Предтеча указываетъ на Богомладенца; нимбъ у Предтечи лѣпной золоченый, съ бордюромъ; по бокамъ у главы, лѣпные же фигурные медальоны, съ надписями: «с. Іоаннъ» «Претечь». Работа XVIII вѣка. Даръ М. П. Батурина. А. К.

90. Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Предтеча держитъ въ правой рукѣ свитокъ съ обычной надписью и блюдо съ усѣченной главой, окруженной золотымъ нимбомъ; фонъ иконы золотой, рельефный, южно-русского письма 2-й половины XVII вѣка, мѣра $8\frac{1}{2} \times 7$ в. Изъ Николаевской ц. гор. Погара, Старод. у. Е. Д.

91. Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя, исполнено красками на перламутрѣ, вдѣлано въ металлическую оправу. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

92. Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Рельефное изображеніе главы Іоанна Крестителя на фарфорѣ въ краскахъ, на золотомъ блюдѣ, 7×5 в. Изъ Іоанно-Богоеловской ц. гор. Нѣжина. Е. Д.

93. Соборъ Предтечи. Икона на дубовой дскѣ, работа XVIII вѣка; попытка реализовать отвлеченное событіе, воспоминаемое православною церковью 7 января, когда вѣрующіе собираются въ храмъ на славословіе Божіе, въ честь и похвалу св. Іоанна Предтечи и Крестителя. Въ сонмѣ іудеевъ, съ женами и дѣтьми, и съ первосвященниками во главѣ, стоитъ посрединѣ Предтеча, перстомъ правой руки указывающій на небо, а въ лѣвой держащій хартію, съ надписью: «Покайтесь, покайтесь»... Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

94. Святые первоверховные апостолы Петръ и Павелъ; икона на дубовой доскѣ, XVIII вѣка; мѣра $32\frac{1}{2} \times 24$ см. Изъ Черн. Каѳедрального Собора А. К.

95. «И дамъ ти ключи царства небснаго. Матѣ. глава 10 стих.» Христосъ въ обѣихъ рукахъ предлагаетъ ключи склонившемуся Ап. Петру; сзади фигура другого Апостола. Икона съ слабо выраженнымъ вліяніемъ академическаго письма. Внизу дата: «Ноября 27 дня 1779 г.», 10×8 в. Изъ ц. с. Сохачей, Кролевецкаго у. Е. Д.

96. Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, нач. XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. Чернигова. Е. Д.

97. Св. Іоаннъ Богословъ и плачущая Марія Магдалина, рис. на бумагѣ, наклеенной на холстъ и доску, $13 \times 10\frac{3}{4}$ в. Изъ Черниг. Дух. Семинаріи. Е. Д.

98. Священномученикъ Іоаннъ Воинъ съ изображеніемъ Нерукотвореннаго въ верхнемъ лѣвомъ углу; великорусскаго образца подъ вліяніемъ фряжской образа школы, конца XVIII вѣка, $7 \times 5\frac{3}{4}$ в. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

99. Св. великомученикъ Дмитрій Солунскій, м. $7\frac{1}{4} \times 6$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

100. Мученія св. Лаврентія. Св. муч. Лаврентій лежитъ на ложѣ, подъ которымъ разведенъ огонь. Надъ его сердцемъ (которое надъ лѣвой грудью) Іоаннъ Богословъ и Прор. Ілія въ видѣ серафимовъ, первый съ орломъ, второй на огненной колесницѣ, держатъ горящій уголь, чрезъ который нисходитъ свѣтъ изъ бѣлаго круга съ надписью ІХС., находящагося въ груди Божіей Матери. Выше два ангела несутъ душу свящ. мученика, вверху Св. Троица, $11 \times 8\frac{1}{2}$ в. Е. Д.

101.—102. Сѣверныя и южныя двери изъ иконостаса съ изображеніемъ Архидякона Лаврентія съ ладонницей и кадильницей въ пестромъ цвѣтномъ облаченіи и Архистрат. Михаила, поражающаго копіемъ діавола. Изъ Чернигов. Каѳедрального Собора. Е. Д.

103. Св. Митрофаній Воронежскій. Небольшая иконка, вышитая бисеромъ; работа XIX вѣка, м. 18×16 см. Даръ А. М. Шапочникова-Клякоцкаго. А. К.

104. Соборъ Архистратига Михаила, грубой мѣстной работы, конца XVII вѣка, 9×7 в. Изъ Николаевской ц. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

105. «Святій Архистратигъ Михаилъ Ангелъ Господень хранитъ спящаго человека». «Сей образъ сооружилъ Никита Дорошенко за здравіе свое и жени Его Меланіи и чадъ их 1822 Го: юня.» На оборотѣ черниломъ: «*Sego Sventego obraza Staratel Namestnyk Nikolay = Kriczevsky: x: Cenav: rublev:*». Изъ церкви с. Хмѣльницы, Черниговскаго у. А. К.

106. Металлическій барельфъ, изображающій Черниговскаго князя Михаила и его боярина Θεодора въ ставкѣ Батыя; длина въ $\frac{3}{4}$ арш., вышина около 6 в. Фонъ картины во всю ширину представляетъ наметъ, ханскую ставку; по сторонамъ два дерева; а на заднемъ планѣ, справа, въ перспективѣ, нѣсколько палатокъ. Внизу тисненная подпись церковно-славянскими буквами: «Казнь Михаила Князя Черниговскаго». Даръ А. В. Гудимъ—Левковича. А. К.

107. Свв. мученики Михаилъ князь Черниговскій и бояринъ его Феодоръ, работа XVIII вѣка. Св. князь въ коронѣ, въ правой рукѣ его крестъ съ пальмовою вѣтвью; св. бояринъ съ обнаженной головой; въ лѣвой рукѣ крестъ съ вѣтвью, правую опирается на мечъ; оба изображены въ одеждахъ, близкихъ эпохѣ; вверху иконы облака съ сіяніемъ, въ коемъ надпись «ОӨЕСЬ». Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

108. Св. Алексій человѣкъ Божій, колѣнопреклоненно молящійся въ храмѣ, предъ иконою Богоматери, работа XVIII вѣка; изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

109. Священномученикъ Антипа съ полной и сокращенной редакціей молитвы объ исцѣленіи отъ зубной боли; половины XVIII вѣка. Изъ Соборной ц. гор. Сосницъ. Е. Д.

110. Св. мученикъ Артемій, 7×6 в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

111. Св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ, въ металлической оправѣ съ боковыми изображеніями; изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

112. Икона въ шести медальонахъ съ изображеніемъ св. Троицы, Божіей Матери на земномъ шарѣ, попирающая главу древняго змія съ яблокомъ въ зубахъ, Іоанна Предтечи съ стоящимъ возлѣ ангеломъ, св. княгини Ольги, явленія ангела преподобной Аннѣ, Іоанна Лѣстничника. Мѣстнаго письма XVIII вѣка, $13\frac{2}{3} \times 10\frac{1}{2}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

113—120. Восемь иконъ праздничнаго пояса изъ прежняго иконостаса Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецкаго уѣзда: а) Тайная Вечера, б) Крещеніе Господне, в) Благовѣщеніе, г) Обрѣзаніе, д) Рождество Христово, е) Успеніе Божіей Матери, ж) Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ, з) Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы, второй половины XVIII вѣка. Е. Д.

121. Икона двенадцатыхъ праздниковъ Суздальской работы, второй половины XVIII вѣка. Даръ Т. О. Лиждвой, гор. Остеръ Черниговской губ. Е. Д.

122. Обрѣзаніе Господне, грубой мѣстной работы XVIII вѣка $7 \times 6\frac{1}{2}$ в. Изъ Покровской ц. с. Мощонки, Городнянскаго у. Е. Д.

123. Св. великомученица Екатерина, южно-русскаго письма, XVII вѣка, $6\frac{1}{4} \times 5\frac{1}{4}$ в. Изъ Николаевской ц. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

124. Св. великомученица Варвара, разноцвѣтными шерстями, подобранными подъ тѣнь; работа конца XVIII вѣка, изъ церкви с. Довжика, Черниговскаго у. А. К.

125. Св. великомученица Варвара. Святая изображена въ свѣтскомъ костюмѣ съ короной на головѣ. Сверху надпись: «Святая Варвара». Гипсовый раскрашенный барельѣфъ польскаго образца. Изъ Троицкой ц. с. Пакули, Черниговскаго у. Е. Д.

126. Св. великомученица Параскевія, въ малороссійскомъ кунтушѣ, въ коронѣ, съ крестомъ въ правой и свиткомъ съ написаннымъ на немъ тропаремъ въ лѣвой рукѣ; южно-русскаго письма конца XVII вѣка, 16×11 в. Изъ гор. Остра. Е. Д.

127. Икона, начала XIX вѣка, изображающая таинственное событіе по Апокалипсическому повѣствованію святаго Іоанна: «Вознесъ меня (ангелъ) въ духѣ на великую и высокую гору и показалъ мнѣ великій городъ, святыи Іерусалимъ,

который нисходилъ съ неба отъ Бога: онъ имѣетъ славу Божию; свѣтило его подобно драгоцѣннѣйшему камню, какъ бы камню яспису, кристалловидному;.... Ворота его не будутъ запираются днемъ; а ночи тамъ не будетъ. И принесутъ къ нему славу и честь народовъ, и не войдетъ въ него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только тѣ, которые написаны у Агнца въ книгѣ жизни». (Апокалипс., гл. 21, ст. 10—27). Сюжетъ иконы выраженъ довольно удачно, хотя и не во всемъ умѣло; видна, по крайней мѣрѣ, попытка реализовать таинственное видѣніе; мѣра 60×40 см.

128. Зачатіе Анны: изображено благовѣстіе праведной Анны о сніятіи съ нея «поношенія безчадства» и о зачатіи ею Богоматери; мѣра 61¹/₂×40 см. Въ ней иконописецъ довольно удачно реализировалъ событіе, насколько оно было доступно его пониманію. Обѣ иконы (127—128) принадлежали по одному и тому же ярусу въ иконостасѣ Преображенской ц. м. Ивангорода, Борзенскаго у., устроенномъ въ XVIII вѣкѣ, а теперь упраздненномъ. А. К.

129. Складень о трехъ створахъ. Посрединѣ иконка трехъ святыхъ: архидіакона Стефана, преподобнаго Антонія и преподобной Маріи; справа Спаситель; слѣва Богоматерь; всѣ три иконки писаны по левкасу; работа XVIII вѣка; складень, равно какъ и иконки, въ серебряной оправѣ; мѣра 8¹/₂×7¹/₂ см. Даръ А. В. Неручевой. А. К.

130. Трехстворчатый складень-панатія съ изображеніемъ Божіей Матери, Христа и св. Николая, въ мѣдной оправѣ. Изъ ц. с. Сохачей, Кролевецкаго у. Е. Д.

131. Подвѣска безпробнаго серебра съ изображеніемъ Балыкинской иконы Богоматери и надписью на оборотной сторонѣ: «Сию лянъпу: надалъ рабъ Божій Иванъ Θεодоровичъ цехмисътръ шевськи зо всею братіею до храму святля Аѳанасія стоячая въ Погари въ року 1727 мѣсяца іюня 5»; изъ Аѳанасіевской ц. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

132. Подвѣска безпробнаго серебра съ изображеніемъ Господа-Вседержителя съ подобной же надписью о пожертвованіи, одного года. Оттуда же. Е. Д.

133. Серебряная золоченая подвѣска въ видѣ сердца съ изображеніемъ Вѣщанія Божией Матери и съ надписью на оборотной сторонѣ о пожертвованіи XVII вѣка; изъ Николаевской ц. м. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

134—135. Двѣ подвѣски безпробнаго серебра съ изображеніемъ Божіей Матери и надписями внизу; XVII вѣка изъ ц. с. Радьковки, Черниговскаго у. Е. Д.

136. Подвѣска низкопробнаго серебра съ выбитымъ изображеніемъ женщины и мальчика (Кирика и Улиты?) въ характерныхъ малорусскихъ костюмахъ; изъ Аѳанасіевской ц. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

186. Спасъ Нерукотворенный; копія одного изъ западныхъ образцовъ, работа XVIII вѣка; мѣра 38×48 см. Даръ Ѳ. М. Лагутина. А. К.

187. Св. Іосифъ и спящій Богомладенецъ, 1 арш. 14 в.×1 арш. 6 в. Изъ ризницы Черниговскаго Архіерейскаго Дома. Е. Д.

189. Вязаніе Христа воинами, мѣра 1 арш. 11 в.×1 арш. 3¹/₃ в. Изъ Николаевской ц. гор. Погара, Стародуб. у. Е. Д.

190. Христосъ на судѣ у Первосвященника, 16 в. $\times$ 13 в. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговск. у. Е. Д.

191. «Судъ творимый кровожадными іудеями надъ Іисусомъ Христомъ Спасителемъ міра», мѣра съ рамой 86 $\times$ 67 см., иллюстрація апокрифа, писанная въ концѣ XVIII вѣка, несомнѣнно, христіаниномъ (что можно видѣть по небезпристрастнымъ голосамъ судей), подарена И. Л. Дейкуномъ, бывшимъ Нѣжинскимъ головой. А. К.

192. Страждущій Христосъ, въ багряницѣ и терновомъ вѣнцѣ, съ связанными руками. Внизу подпись: «exivit Pilatus foras et dixit eis Ecce homo 10. 19» 1 арш. $2\frac{1}{2}$ в. $\times$ 12 в. Изъ Вознесенской ц. гор. Мглина. Е. Д.

193. Распятіе Христа (окровавленное тѣло, три гвоздя) съ надписями, сдѣланными вверху на убрѣсѣ, по бокамъ — на лентахъ, поддерживаемыхъ ангелами: «Христосъ возлюбилъ церковь и Себе предаде за ню»... Внизу «Смирить себе даже до смерти, смерти же крестныя», по угламъ четыре клейма—символовъ 4-хъ Евангелистовъ, 1 арш. 7 в. $\times$ 15 в. Изъ Николаевской ц. гор. Погара, Стародуб. у. Е. Д.

194. Страждущій и литургисающій Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, багрянномъ саккосѣ, по рукамъ и низу обвитомъ желѣзною цѣпью, бѣломъ омофорѣ съ орудіями страданій и палицѣ съ Нерукотвореннымъ образомъ, распятъ на 4-конечномъ крестѣ, вверху котораго бѣлый свитокъ съ полными надписями по-еврейски, гречески и римски: «Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій». Въ пригвожденныхъ рукахъ Христа—въ правой потиръ, съ лентой надъ нимъ и надписью: «сія есть Кровь моя», въ лѣвой — дискосъ съ агнцемъ и звѣздицей надъ нимъ, на лентѣ надпись: «сіе есть тѣло мое». Сочащущая изъ ранъ кровь принимаютъ въ чаши два ангела. Скорбный взглядъ Христа устремленъ вверхъ, гдѣ надъ крестомъ изображенъ Богъ-Отецъ съ распростертыми руками и взглядомъ, устремленнымъ на Сына. Вверху по бокамъ: слѣва царскій тронъ на пьедесталѣ, справа сіяющее сквозь облака солнце. Слева внизу креста—ангелъ съ фонаремъ и мечемъ, на концѣ котораго видно усѣченное ухо Малха, справа ангелъ съ блюдомъ и сосудомъ для омовенія; $2\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 1 арш. 10 в. Изъ ризницы Черниговскаго Архіерейскаго Дома. Е. Д. (Табл. XIV.)

195. Снятіе Спасителя со креста. Икона на холстѣ масляными красками—копія, XVIII вѣка, одного изъ лучшихъ западныхъ образцовъ. Сохранилась въ семьѣ Олейниковыхъ въ Черниговѣ. А. К.

196. Положеніе Спасителя во гробъ. Икона на холстѣ, широкая композиція XVIII вѣка, живопись мѣстами попорчена. Христосъ мертвый, поддерживаемый въ ногахъ воиномъ, у плечъ Никодимомъ и посрединѣ одною изъ женъ—муроносицъ, полагается во гробъ; справа Богоматерь и Іоаннъ, слѣва плачущія муроносицы; мѣра 1 арш. $2\frac{1}{2}$ в. $\times$ 13 в. Изъ упраздн. Суражскаго монастыря. А. К.

197. Христосъ въ Эммаусѣ, 1 арш. $5\frac{1}{2}$ в. $\times$ 1 арш. Приобрѣтена въ Черниговѣ. Е. Д.

198. Мадонна, копія, XVIII вѣка, одного изъ западныхъ образцовъ (живопись значительно повреждена); мѣра съ рамкой 54 $\times$ 45 см., принадлежала старожилу черниговскому И. И. Гаврушкевичу; отъ Ѳ. М. Лагутина. А. К.

199. Мадонна, хорошаго письма, $12\frac{1}{2} \times 10$ в. Изъ Троицкой ц. с. Гучина, Черниговск. у. Е. Д.

200. Коронованная Богоматерь, хорошей работы, XVIII вѣка, въ вышину имѣетъ 1 арш. 12 в. и въ ширину 1 арш. и $\frac{1}{2}$ в. Пресвятая Дѣва изображена во весь ростъ, стоящею въ облакахъ, въ лѣвой рукѣ Она держитъ скипетръ, правою обнимаетъ младенца Иисуса, который въ лѣвой рукѣ держитъ бѣлую лилію; и, наклонивъ немного голову въ лѣвую сторону, смотритъ прямо; на головѣ Пресвятой Матери царская корона; черные волосы распущены по плечамъ Ея; на шеѣ жемчужное ожерелье, съ круглымъ, въ видѣ медальона, запястьемъ; мантия длинная, темно-зеленаго цвѣта, подбитая краснымъ; обувь красная. Изъ хут. Терébени, Глуховскаго у. Даръ П. Я. Литвиновой. А. К.

201. Святое семейство. Божія Матерь держитъ на рукахъ Младенца, который, правой рукой держа рвущагося вверхъ голубя, наклонился къ отроку Предтечѣ съ крестомъ, перевитымъ лентой съ надписью «Се Агнецъ Божій». Внизу ограда съ заключенными вратами и надписью; 1 арш. $13\frac{1}{2} \times 1$ арш. $3\frac{1}{2}$ в. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

202. Скорбящая Богоматерь (Pieta), композиція, въ сокращенномъ видѣ. Внизу подпись: «И Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе. Луки Глава 5, стихъ 35», мѣра 1 арш. $7\frac{1}{2}$ в. $\times 12$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

203. *Mater dolorosa*, съ однимъ мечомъ, пронзающимъ грудь. Изъ Троицкой ц. с. Пакули, Черниговск. у. Е. Д.

204. Вознесеніе Божіей Матери, въ дорогомъ одѣяніи, поддерживаемой многочисленными ангелами. Богоматерь поднимается за руку Христомъ, находящимся нѣсколько выше. Лѣвая рука Христа поднята къ коронѣ, которую держитъ ангелъ. Выше Христа, направо, поддерживаемый ангелами Богъ-Отецъ съ распростертыми руками. Между Нимъ и Христомъ Духъ Святый въ видѣ голубя. Въ правомъ углу, вверху, фигура старца въ библейскомъ одѣяніи и коронѣ и мужа въ римскихъ доспѣхахъ; дальше группа пастуховъ и пастушекъ съ серпами въ европейскихъ костюмахъ и шляпахъ. Ниже группа праотцевъ-патріарховъ. Подъ ней третья—съ Предтечей и Первосвященникомъ впереди, старцемъ въ библейской одеждѣ, царемъ въ коронѣ и многочисленными женщинами, удивляющимися чудному вознесенію. Еще ниже—мужчина въ зеленомъ и свѣтломъ плащѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и вѣтвью лиліи въ рукѣ, къ его правому плечу склонилась женщина, удивленно поднимавшая руки. (Пр. Іоакимъ и Анна?) Съ лѣвой стороны указаннымъ группамъ соотвѣтствуютъ двѣ обширныя группы ангельскаго хора, на всевозможныхъ инструментахъ привѣтствующаго вознесеніе Богоматери. Внизу группа апостоловъ и народа, горестно поднимающихъ вверхъ сложенные руки. Сзади виднѣется городъ. 2 арш. 5 в. $\times 1$ арш. 9 в. Изъ ризницы Черниговскаго Архіерейскаго Дома. Е. Д.

205. Св. Марія Магдалина. Большая картина, мѣра ея съ рамой 2 арш. 12 в. $\times 2$ арш.; широкая, композиція, сравнительно рѣдко встрѣчающаяся у насъ. Равноапостольная изображена сидящей въ скалистомъ гротѣ, съ распущенными

волосами, спадающими чрезъ плечи на грудь, правую руку и ниже; правою рукою облокотившись [на скалу, она поддерживает свою голову, лѣвою опирается на черепъ, лежащій на небольшомъ покрытомъ столикѣ, на которомъ видны сложенные книги; у столика водруженъ крестъ. Взоры равноапостольной обращены горѣ, съ страдальчески-молитвеннымъ выраженіемъ; сверху спускаются къ ней два ангела, направляющіе ея взоры къ небу. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. А. К.

206. Св. Игнатій Богоносецъ, южно-русс. письма, XVIII вѣка, семейная икона изъ рода Самойловичей. Сохранилась въ цер. с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

1182—1184. Три иконы Деисуса: а) Господь Вседержитель; б) Богоматерь со свиткомъ въ рукахъ и в) св. Іоаннъ Предтеча въ власяницѣ съ благословляющей правой рукою и со свиткомъ въ лѣвой. Всѣ они, строго старообрядческаго образца, писаны на полотнѣ по левкасу на массивныхъ выгнутыхъ доскахъ, XVIII вѣка 12×10 в. Изъ Троице-Покровскаго Разрытовскаго женск. монастыря. Е. Д.

1185. Образъ Нерукотворнаго Спаса. Массивный барельефъ, вытѣпленный изъ коричневой глины. Надъ убрисомъ съ грубо вытѣпленнымъ ликомъ Христа надпись: **ІС. ХС.** Икона помѣщалась въ верхнемъ ярусѣ соборной колокольни г. Чернигова. Конца XVII — начала XVIII вѣковъ. 1 арш. $\times 13\frac{1}{4}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

1186. «Утишеніе Гда нашего Іиса Христа». Прав. Іосифъ держитъ на рукахъ Богомладенца, который тянется ручками къ Матери. Пресв. Дѣва утѣшаетъ Сына, протягивая ему вѣтку съ цвѣткомъ. Икона обдѣлана золоченой рѣзбой. Половины XVIII вѣка. $11\frac{1}{2} \times 9\frac{1}{2}$ в. Изъ Николаевской ц. м. Почена, Мглинск. у. Е. Д.

1187. Снятіе со креста. Сонмъ ангеловъ съ Никодимомъ снимаютъ тѣло умершаго Господа со креста. Прав. Іосифъ, Богоматерь и мироносица стоятъ внизу, горестно поднимая руки. У подножія креста колѣнопреклоненная Марія Магдалина. Крестъ пятиконечный съ терновымъ вѣнкомъ посрединѣ и обычной криптографіей, возлѣ креста — трость и копіе. Изображеніе шито серебромъ по темно-зеленому бархату, XVII вѣка. 1 арш. 7 в. $\times 14$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго собора. Е. Д.

1188. Господь Вседержитель. Мѣстная икона изъ иконостаса съ золоченымъ рельефнымъ левкасомъ по полю, въ массивной глухой рамѣ съ рѣзбой, XVII вѣка. 1 арш. 11 в. $\times 3\frac{1}{4}$ в. Изъ Троицкой ц. с. Старгородки, Остерск. у. Е. Д.

1189. Четверочастная иконка съ изображеніемъ Воскресенія и Вознесенія Христа, Сошествія Св. Духа и Успенія Богоматери. Изображ. искусной работы штампомъ по тонкому листу серебра съ заполненіемъ углубленія — (поля) бѣлой эмалью, XVII вѣка. $2 \times 1\frac{3}{4}$ в. Отъ И. И. Суспы. Е. Д.

1190. Страждущій Христосъ. Рельефное изображеніе на золоченой доскѣ. Христосъ (полная фигура) въ терновомъ вѣницѣ, опоясанный лентіемъ и въ мантии (кусокъ бархата, придѣланный позже), сидитъ, склонивъ голову на правую руку — лѣвая рука поддерживает правую. Вокругъ главы сіяніе. Сидѣнье рѣзное золоченое въ видѣ кресла. $6\frac{1}{4} \times 4\frac{1}{4}$ в. Изъ Преображенской ц. г. Глухова. Е. Д.

1191. Деревянный образъ Вседержителя, написанный въ 1655 г. Тамбовск. муз. Труды XIV Съѣзда. Т. II.

1192. Изображеніе Воскресенія Христова и съ обратной стороны Скорбящей Богоматери. Изъ Рождество-Богородичной ц. с. Оболонья, Кролевец. у. Е. Д.

1193. IESUS. MARIA. IOSEPH, XVIII вѣка. Изъ дома Н. П. Линевича. Даръ А. С. Нерода. А. К.

1194. Слава Божіей Матери. Богоматерь со скипетромъ въ рукахъ сидитъ на тронѣ. Два ангела надъ Ея головой держатъ корону. На груди Богоматери — Младенецъ Христосъ. По бокамъ — 12 медальоновъ съ изображеніемъ царей и пророковъ. Тринадцатый внизу съ изображеніемъ прав. Анны (?). Изображенія шиты серебромъ по темно-зеленому бархату, XVII вѣка. 1 арш. 3 в. $\times$ 14 в. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

1195. Икона Божіей Матери съ серебряннымъ рельефнымъ левкасомъ по полю, въ деревянной раскрашенной рамѣ, XVII вѣка. 1 арш. $\times$ 12 $\frac{1}{2}$ в. Изъ Михайловской ц. гор. Остра, Черн. губ. Е. Д.

1196. Четверочастная икона съ изображеніемъ Божіей Матери «Умиленіе злыхъ сердець», — «Утоли полезни», — «Утѣшенія въ печали», — «Огневидная Пресвятая Богородица». Старообрядческаго письма, на полотнѣ по левкасу. XVIII вѣка. 10 $\times$ 8 $\frac{1}{4}$ в. Изъ Троице-Покровскаго Разрытовскаго женскаго монастыря. Е. Д.

1197. Рѣзное изъ дерева сглаженнымъ полурельефомъ изображеніе Владимірской иконы Божіей Матери — наложено на доску съ золоченымъ фономъ и цвѣточнымъ бордюромъ по краямъ. Внизу надпись: «Бже Дво радуйся благодатная Марія Гдѣ стобюю 1862 г.» 9 $\times$ 6 $\frac{3}{4}$ в. Изъ Троицкой ц. с. Старо-городки, Остерск. у. Е. Д.

1198. Икона Коронованіе Богоматери, въ итальянскомъ стилѣ, 1794 г. Изъ Борзенск. у. Черн. губ. Отъ П. В. Кибальчича. Муз. Кіев. Дух. Академіи.

1199. Икона Богоматери — млекопитательницы, конца XVIII вѣка, съ позднѣйшей закраской груди. Н. А. Кленуса.

1200. Образъ Тихвинской Божіей Матери. XVIII вѣка. Курск. муз.

1201. «Цѣлованіе Маріино». Небольшая икона, на которой фонъ и одежды вышиты унизаннымъ бисеромъ съ хорошо подобранными тонами. XVIII вѣка. 5 $\times$ 3 $\frac{3}{4}$ в. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д.

1202. Казанская икона Божіей Матери съ чудесами. Въ центрѣ изображеніе Казанской иконы Божіей Матери, надъ нею Св. Троица на огнезрачныхъ серафимахъ, по сторонамъ въ 30 изображеніяхъ съ соотвѣтствующими надписями — исторія чудесъ отъ иконы. На кипарисѣ, старообрядческаго письма. 13 $\times$ 10 $\frac{1}{2}$ в. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д.

1203. Успеніе Пресвятыя Богородицы. Богоматерь лежитъ на одрѣ, подушка вышита, съ прошивкой. Вокругъ — ликъ апостоловъ, выше Христосъ съ душой Богородицы. Спереди архангелъ Михаилъ въ доспѣхахъ съ мечемъ и щитомъ, на которомъ изображено человѣческое лицо. Внизу надпись: «1808 г. іюля 18». 8 $\frac{3}{4}$ $\times$ 6 $\frac{3}{4}$ в. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1204. Надгробное рыданіе. Изнемогающая отъ скорби Богоматерь, сидящая на землѣ у подножія креста и поддерживаемая мирносицей, — держитъ на колѣняхъ тѣло Христова, распростертое на плащаницѣ, у Ея ногъ. У ногъ

Христа — Ев. Іоаннъ и мироносица. За Богоматерью четвероконечный крестъ съ Распятиемъ Христомъ, по сторонамъ два другихъ креста съ распятыми разбойниками. Вдали Іерусалимъ. Раскрашенный барельефъ, мѣстной работы, XVIII—XIX вѣковъ. $5\frac{1}{4} \times 4\frac{1}{4}$ в. Изъ Преображенской ц. м. Гоголева, Ост. у. Е. Д.

1205. «Истинное подобие чудотворнаго образа Пртыя Бцы врудне идеже многия благодѣяние бывають темъ иже кто сверою прибѣгають дожестокія людей нравы умягчаетъ иже... ния сердца къ Богу обращаетъ». Иконка въ чеканномъ серебряномъ створчатомъ окладѣ, съ приведенной надписью внизу. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д.

1206. Владимірская икона Божіей Матери; на кипарисѣ и липѣ. Московскаго письма, XVII вѣка. $7\frac{1}{4} \times 6\frac{1}{2}$ в. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

1207. Икона иконописная. Въ центрѣ изображеніе Божіей Матери по типу Иверской иконы. Вверху: Богъ Отецъ и Сынъ Божій держатъ корону надъ Богоматерью. Вокругъ девять поясовъ съ изображеніемъ евангелистовъ, святителей и преподобныхъ, съ греческими надписями, XVII вѣка. $15 \times 10\frac{3}{4}$ в. Изъ Троице-Покровскаго Разрытовскаго женскаго монастыря. Е. Д.

1208. Аналогій съ усѣченными передними углами. На верхней доскѣ — изображеніе Ветхозавѣтной Троицы. По стѣнкамъ — изображенія Трехъ Святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Раскрашенъ въ зеленую и красную краски и орнаментированъ точеной рѣзбой, XVII вѣка. 1 арш. 6 в. $\times 9\frac{1}{2}$ в. Изъ Троицкой ц. с. Старогородки, Остерск. у. Е. Д.

1209. Дверь изъ иконостаса: «Св. Архангелъ Гавриилъ», въ богатомъ одѣяніи цвѣтами, съ вѣтвью лиліи въ рукахъ. Конца XVII вѣка. 2 арш. 12 в. $\times$ 1 арш. Изъ Троицкой ц. с. Старогородки, Остерск. у. Е. Д.

1210. «С вел. муч. Тетіяна». Боковая икона изъ кіота, XVII вѣка. 14×4 в. Изъ Михайловской ц. гор. Остра, Черниговск. губ. Е. Д.

1211. Икона Св.-мученика Іоанна Воина. Святой изображенъ въ ростъ въ полныхъ доспѣхахъ; справа св.-мученица Параскевія; сверху изображеніе Благословляющаго Христа. Мѣстнаго письма, конца XVIII вѣка. $7\frac{1}{4} \times 6\frac{1}{4}$ в. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д.

1212. Икона двенадцати праздниковъ. Греческаго письма, конца XVII вѣка. Безъ срединнаго изображенія. 13×11 в. Отъ Е. Г. Быковской. Е. Д.

1213. Семь Вселенскихъ соборовъ. Барельефъ деревянный, XVIII вѣка. Курскій муз.

1214. Рѣзной образъ Святителя Николая Можайскаго. Барельефъ деревянный. XVIII вѣка. Курск. муз.

1215. Св. Александръ Невскій — изображенъ въ княжескомъ одѣяніи съ воздѣтыми кверху руками. Вверху на тронѣ Богоматерь съ Младенцемъ на рукахъ. У ногъ князя держава, корона, шлемъ и мечъ. Икона съ выемкой, прелестнаго, тонкаго письма, конца XVII—XVIII вѣковъ. $7 \times 6\frac{1}{4}$ в. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д. (табл. XV).

1216. Деревянная икона свв. князей Бориса и Глѣба. Деревянный барельефъ. XVII вѣка. Курск. муз.

1217. Образъ Святителя Петра. XVIII вѣка. Курск. муз.

1218. Икона Срѣтенія Господня, Б. М. колѣнопреклоненная. Въ бѣломъ барельефномъ медальонѣ. Курск. муз.

1219—1220. Св. ап. Петръ и Павелъ (два гипсовыхъ погрудныхъ барельефа). Лица раскрашены, фонъ и одежда золоченныя. Въ черныхъ деревянныхъ рамахъ за стекломъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Остра. Е. Д.

1221—1222. Глиняныя формы для литья металлическихъ медальоновъ — апостоловъ. Съ Еремшинскаго завода. Тамб. муз.

1223. Икона св. великомученицы Варвары, въ малорусскомъ уборѣ. XVIII вѣка. Изъ м. Борисполя. Переяславск. у., Полтавской губ. Музей Кіев. Дух. Академіи.

1224. Изображеніе Св. Димитрія Ростовскаго на зеркалѣ. Внизу надпись: «Димитрій Туптало». Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Е. Д.

1225. Жестяная двухсторонняя икона съ двуглавымъ орломъ на верху, съ изображеніями на одной сторонѣ Распятія Господня, а на другой — Аѳанасія и Кирилла, южно-русскаго письма, 1757 г. Музей Кіев. Дух. Академіи.

1226. «Усѣк. чест. глав. Іоанна Пред.» Рельефное изображеніе главы Іоанна Крестителя, раскрашенной въ естественный цвѣтъ, на блюдѣ. Изображеніе вырѣзано на деревѣ. $1\frac{3}{4} \times 5\frac{3}{4}$ в. Изъ Преображенской ц. гор. Глухова. Е. Д.

1227. Икона св. Θεодосія, написанная въ память извѣстнаго чуда — исцѣленія Аннѣ Стефановской (Кленусъ). Н. А. Кленуса.

1228. Богоматерь съ Богомладенцемъ, окруженные ангелами, XVIII вѣка. Изъ ц. Сухобаровки, Хорольск. у., Полтавской губ. Е. Д.

1229. Спаситель на тронѣ съ предстоящими, съ рельефнымъ орнаментомъ XVII—XVIII вѣковъ. П. Е. Д.

1230. Рождество Христово съ нѣсколькими меньшими иконами, расположенными кругомъ, по краямъ рѣзной рамы. XVIII вѣка. Изъ Преображенской ц. гор. Кобелякъ. П. Е. Д.

1231. Св. Варвара Великомученица, въ цвѣточномъ головномъ уборѣ. П. Е. Д.

1232. Царскія врата со многими живописными изображеніями и съ рѣзной фигурой Іессея. Изъ Черевокъ, Миргородск. у. П. Е. Д.

1233. Св. Георгій Побѣдоносецъ; съ нимъ на конѣ другая фигура. П. Е. Д.

1234—1236. Три панагін: двѣ на металлѣ и одна на камнѣ.

1238. Символическая картина. Цезарь въ зеленой туникѣ и пурпурномъ плащѣ, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ, сидитъ съ лавровой вѣтвью въ рукахъ на облакахъ, вверху летящій ангелъ держитъ ленту съ надписью: «Filii Dei», внизу четыре юноши съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, привѣтствуютъ (Цезаря?). $5 \times 4\frac{1}{2}$ четверти. Изъ Рыхловск. монастыря. Ч. Е. Д.

1239. Распятіе — фигура Спасителя (безъ рукъ и креста). Конца XVII вѣка. 1 арш. 10 в. Е. Д.

1240—1241. Подобныя же фигуры предстоящих Богоматери и Иоанна Бого- слова, отъ времени краски совсѣмъ сошли. Изъ Николаевской ц. с. Сопыча, Глухов- ского уѣзда. Е. Д.

1242. Глава Страждущаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ, изъ гипса, раскрашена въ естественный цвѣтъ. Изъ Покровской ц. с. Бортничъ, Остерск. у. Е. Д.

1243—1246. Четыре рѣзныхъ фигуры ангеловъ XVIII вѣка, въ ростъ человѣка; отъ времени позолота и краска сошли. Особенно тщательно вырѣзаны крылья, всего больше пострадавшіе отъ времени, только у двухъ фигуръ сохранились. Изъ Георгіевской ц. с. Дунайской Слободки, Глух. у. Ч. Е. Д.

1247. Св. ап. Іоаннъ Богословъ, фигура въ ростъ человѣка. Изъ Запорожской церкви, построенной въ XVIII вѣкѣ атаманомъ Калнышевскимъ, недавно пере- несенной въ Полтаву. П. Е. Д.

1248. Первосвященникъ, изъ той же церкви XVIII вѣка. П. Е. Д.

1249. Богоматерь. Изъ церкви с. Хомутца, Миргородск. у. П. Е. Д.

1250. Распятіе Спасителя, въ ростъ человѣка. П. Е. Д.

1251. Страшный судъ. Большое полотно мѣстной работы съ надписью внизу: «Образъ страшнаго Суда Божія зачатъ дѣ... 17 (9) 7 года стараніемъ священ- ника Кирилла Стаховича кончился въ 1803 году суммою церковною стараніемъ же священника Іоанна Барзиловскаго и ктитора Трифона Бигдая и вспомоществова- ніемъ протчѣи христіолюбивыхъ прихожанъ». Написанное на границѣ двухъ столѣтій, изображеніе и представляетъ собой соединеніе деталей стариннаго типа изображе- нія съ ново пришедшими особенностями. Внесены и мѣстныя южно-русскія этно- графическія черты. Внизу — заключенные въ цѣпь, конецъ которой у Люцифера, сидящаго въ пасти ада, — идутъ въ адъ группами, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ «литва беззаконна, арапи, турки, жида и др.» Заключительная группа въ цѣпи: «Ткачи которые за работу дорогою цѣною получали и потканье излишнее забирали обманомъ своею присягою и клятвою»... Есть группа: «Женскій полъ за чары и за безчинное убеленіе лицъ и за прелесное украшеніе ризъ и за протчіе злобы и соблазны идутъ въ муку вѣчную». Ниже рядъ различныхъ видовъ мученій, гдѣ на- казывается тотъ органъ, которымъ человѣкъ грѣшилъ въ жизни. 5 арш. 2 в. × 4 арш. 12 в. Изъ Георгіевской ц. с. Веливаго-Устья, Сосницкаго у. Е. Д.

1254. Св. ап. Андрей. Погрудое изображеніе апостола съ скорбнымъ взя- домъ, устремленнымъ вверхъ, въ казацкомъ кунтушѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Вверху надпись: «Об. с. ап. Андрея», XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. гор. Черни- гова. Е. Д.

1255. Входъ Господень въ Іерусалимъ. Христосъ на осли, въ сопровожде- ній группы апостоловъ, подъѣзжаетъ къ воротамъ города, его встрѣчаетъ группа жителей Іерусалима: — женщины съ грудными младенцами на рукахъ; младенцы держатъ пальмовыя вѣтви; взрослые и дѣти разстилаютъ одежды. Изъ воротъ идетъ навстрѣчу другая группа съ первосвященникомъ во главѣ. На горѣ дѣти, взобравшись на пальмы, рвутъ вѣтви и бросаютъ внизъ, гдѣ другіе подбираютъ. Въ перспективѣ виденъ многокупольный храмъ Іерусалимскій, городскіе дома. Внизу

соотвѣтствующая евангельская надпись XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

1256. Воскрешеніе Лазаря. Подобнаго же типа и размѣра изображеніе. Внизу надпись изъ Евангелія о Воскрешеніи Лазаря. Оттуда же. Е. Д.

1257. Отрокъ Христосъ съ развернутой на колѣняхъ книгой полуобернулся къ Матери и показываетъ ей мѣсто въ книгѣ. Поза и лицо Богоматери выражаютъ удивленіе. Направо стоитъ праведный Іосифъ. Внизу надпись: «*Matrem docet urbi verbum*». Христа окружаютъ серафимы. Отъ о. Іоанна Осипова, священ. Васильевской ц. гор. Городни. Е. Д.

1258. Изображеніе на текстъ: «бысть потъ Его яко капля крове каплющая на землю Луки глава... стихъ». Христосъ въ бѣлой срачицѣ и голубомъ хитонѣ лежитъ ницъ на землѣ. Надъ Нимъ — ангелъ въ лѣвой рукѣ держитъ чашу, правая поднята горѣ, возлѣ два серафима. Мѣстная работа, начала XIX вѣка. Изъ Николаевской ц. с. Сопыча, Глух. у. Е. Д.

1259. Мадонна съ скорбнымъ взглядомъ, устремленнымъ горѣ и скрещенными на груди руками: въ деревянной рамѣ. 1 арш. 2 в. × 14 в. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1260. «Блаженно чрево носившее тя и сосца яже еси салъ. Луки глава 40». Богоматерь, съ распущенными, украшенными жемчугомъ, волосами, склонилась главой къ лежащему на колѣняхъ спеленатому Богомладенцу, обернувшемуся къ зрителямъ. Правая грудь Богоматери открыта. Возлѣ блюдо съ фруктами и виноградомъ. Южно-русское письмо, начала XVIII вѣка. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерск. у. Е. Д.

1261. «Аггльскій соборъ удивися зря тебѣ въ мертвыхъ вмѣнишася смертную же Спсе крепость разоривше и съ собою Адама воздвигша и отъ ада вся свободша». Христосъ полагается во гробъ соборомъ ангеловъ; у главы Христа колѣнопреклоненная Богоматерь; возлѣ гроба — спереди чаша и раскрытая книга, въ ногахъ два ангела. Сверху Богъ Отецъ, окруженный ангелами и Духъ Святый. Письмо начала XIX вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1262. Покровъ Пресв. Богородицы. Богоматерь въ коронѣ осѣняетъ краснымъ хитонемъ соборъ святителей, среди нихъ справа отъ Богородицы «Свят. Хтвѣ Николай», слѣва «Σ. преподобная Праскевія» съ 8-конечнымъ крестомъ въ рукѣ. Богоматерь съ крыльями, внизу которыхъ надпись: «Данни быша женѣ двѣ крылѣ орляля великаго». Сверху на лентѣ: «Покрюю ихъ яко познаша имя мое». Въ ногахъ Богоматери лежатъ скипетръ и архіерейскій жезлъ. Начала XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

1263. Покровъ Пресв. Богородицы. Богоматерь красной мантией, стянутой на груди аграфомъ, осѣняетъ стоящихъ внизу — соборъ святителей. XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

1264. Изображеніе Новодворской иконы Божіей Матери въ лавровомъ вѣнкѣ, перевитомъ лентами. Вверху на лентѣ надпись: «Радуйся обрадованная Гдѣ съ тобою».

Внизу: «Да ты вси роди блажатъ Здравъ Бозкихъ Дво Мріе вчудахъ новодворскихъ». Конца XVII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

1265. Успеніе Божіей Матери. Апостолы съ горестнымъ выраженіемъ лицъ окружаютъ ложе съ тѣломъ усопшей Богоматери; трое изъ нихъ сидятъ. Вверху, слѣва Богъ Отецъ простираетъ руки къ возносящейся Богоматери. Справа — группа священнослужителей у портика храма, XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1266. Успеніе Божіей Матери. Богоматерь въ неестественномъ полусогнутомъ положеніи полулежитъ на одрѣ; за одромъ Христосъ съ душой Богоматери въ рукахъ; кругомъ Апостолы, вверху Богъ Отецъ. Характеренъ покровъ Богородицы, расписанный по бѣлому полю зелеными цвѣтами. Внизу надпись: «О дивное чудо, источникъ жизни въ гробъ полагается» и дата «1810 года сентября 20 дня написана». Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1267. Богоматерь съ Богомладенцемъ, работа художника Левицкаго. Изъ церкви Чигринъ-Дубравы, Кременчугск. у. П. Е. Д.

1268. Богоматерь съ Богомладенцемъ, южно-русского неискуснаго письма. П. Е. Д.

1269. Св. Варвара, XVIII вѣка. Изъ Чигринъ-Дубравы. П. Е. Д.

1270. Св. мученикъ Севастіанъ, привязанный къ дереву и израненный стрѣлами. Изъ Полтавскаго Архіерейскаго Дома. П. Е. Д.

1271. Св. три мученицы. Южно-русского письма, конца XVIII вѣка. П. Е. Д.

1272. Шествіе Іисуса Христа на Голгоѳу; Каіафа и римскій военачальникъ ѣдутъ верхомъ на коняхъ. Письмо XVIII вѣка. Изъ церкви м. Соколки, Кобеляк-скаго уѣзда. П. Е. Д.

1273. Снятіе Іисуса Христа со креста; въ сторонѣ, на деревѣ виситъ Іуда предатель. Письмо XVIII вѣка. Оттуда же. П. Е. Д.

1274. Символическое изображеніе страданій Спасителя: птица пеликанъ и орудія вольной страсти. П. Е. Д. (табл. XVI).

1501. Изображеніе Богоматери въ сіяніи на раковинѣ. Изъ Покровской ц. с. Бортничъ, Остерск. у. Е. Д.

1503. Икона Спасителя (мѣстная) съ рельефнымъ золоченымъ левкасомъ. Изъ Покровской ц. с. Мохнатина, Черниговск. у. Е. Д.

1504. Икона Спасителя, фонъ золоченый рельефный. Надъ головой Христа полукруглая точеная арка на тонкихъ колонкахъ, XVII вѣка. 1 арш. 5 в. $\times$ 14 в. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговск. у. Е. Д.

1505. «Святое Семейство». Обычный типъ изображенія Богоматери съ Младенцемъ и праведнымъ Іосифомъ, въ рамѣ, XVIII—XIX вѣковъ. 16 $\times$ 12 в. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговск. у. Е. Д.

1506. Распятіе съ предстоящими и тремя ангелами, два изъ нихъ принимаютъ въ чаши кровь изъ ранъ на рукахъ Христа, одинъ припалъ къ подножію; фонъ рельефный золотой. Икона въ глухой деревянной рѣзной рамѣ съ колонками (одной нѣтъ), XVII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Е. Д.

1507. «Совершишася». Христосъ распятъ на крестѣ. Изъ ранъ ангелы принимаютъ кровь въ чаши. У подножія креста колѣнопреклоненная Марія Магдалина

принимаетъ кровь изъ ранъ на ногахъ Христа. У креста стоятъ: «Матерь Богу и Дѣва», — «св. Ап. Іоаннъ Богословъ» — «св. Ап. Петръ» и «свмч. Тетіана, XVIII вѣка. 1 арш. $9\frac{1}{2}$ в. $\times$ 1 арш. $4\frac{1}{2}$ в. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городнянск. у. Е. Д.

1508. Погребеніе Христа. Мертвенное тѣло Христа съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ поддерживаютъ ангелы. Внизу вирши. Изъ Георгіевской ц. с. Вишеньки, Остерск. у. Е. Д.

1510. Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, сидя на каменномъ гробѣ источаетъ сокъ винограда въ чашу. Изъ праваго бока у Него выходитъ виноградная лоза съ гроздьями. За гробомъ — крестъ, съ боку — колонна съ орудіями страданія, XVII вѣка. 1 арш. 3 в. $\times$ 1 арш. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городнянск. у. Е. Д.

1511. Надгробное рыданіе. Точное воспроизведеніе изображенія на св. антиминсахъ. Внизу надпись: «Сооружися картина сия коштомъ жителя Кукарскаго Івана Палѣенка и жени его Устини за отпущеніе греховъ 1781 года мца Априля». 1 арш. $1\frac{1}{2}$ в. $\times$ 1 арш. 4 в. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городнянск. у. Е. Д.

1512. Богоматерь съ тѣломъ Сына на колѣняхъ сидитъ у подножія креста. Въ грудь Пречистой Дѣвы устремленъ мечъ. Вверху два херувима, внизу — орудія страданія, XVIII вѣка. 1 арш. $6\frac{1}{2}$ в. $\times$ 1 арш. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городнянскаго у. Е. Д.

1515. «Изображеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа», въ царской багряницѣ, съ перекинутымъ чрезъ плечо плащомъ, изображенъ въ полуоборотѣ къ зрителю. Выраженіе лица величественно-спокойное. Въ рукахъ свитокъ съ надписью: «Миръ Мой даю вамъ. Миръ Мой оставляю вамъ. Да любите другъ друга какъ Азъ возлюбихъ вы». Внизу надпись о происхожденіи изображенія. 3 арш. 14 в. $\times$ 1 арш. $1\frac{1}{2}$ в. Изъ Рождество-Богородицкой ц. с. Орловки, Глух. у. Е. Д.

1517. Св. Апостолъ Петръ. 20×10 в.

1518. Св. Апостолъ Павелъ. 15×18 в.

1519. Архангелъ Гавріилъ. 20×10 в.

1520. Архангелъ Михаилъ. 15×8 в.

1521. Икона Божіей Матери, именуемая «Одигитрія» въ старинномъ фольговомъ окладѣ. $7\frac{1}{2} \times 6$ в.

1522. Древнія створы. Въ срединѣ Господь Вседержитель; на створахъ — Ап. Петръ и Павелъ. 8×12 в. №№ 1517—22 изъ п. Клинцовъ, Суражск. у. Е. Д.

1523. Всѣхъ скорбящихъ радость, — старообрядческаго образца. XVII вѣка. Отъ Шагановой.

1527. Феодоровская икона Божіей Матери, старообрядческаго письма, XVIII вѣка. 7×6 в.

1528. Казанская икона Божіей Матери, подобная же. 8×7 в.

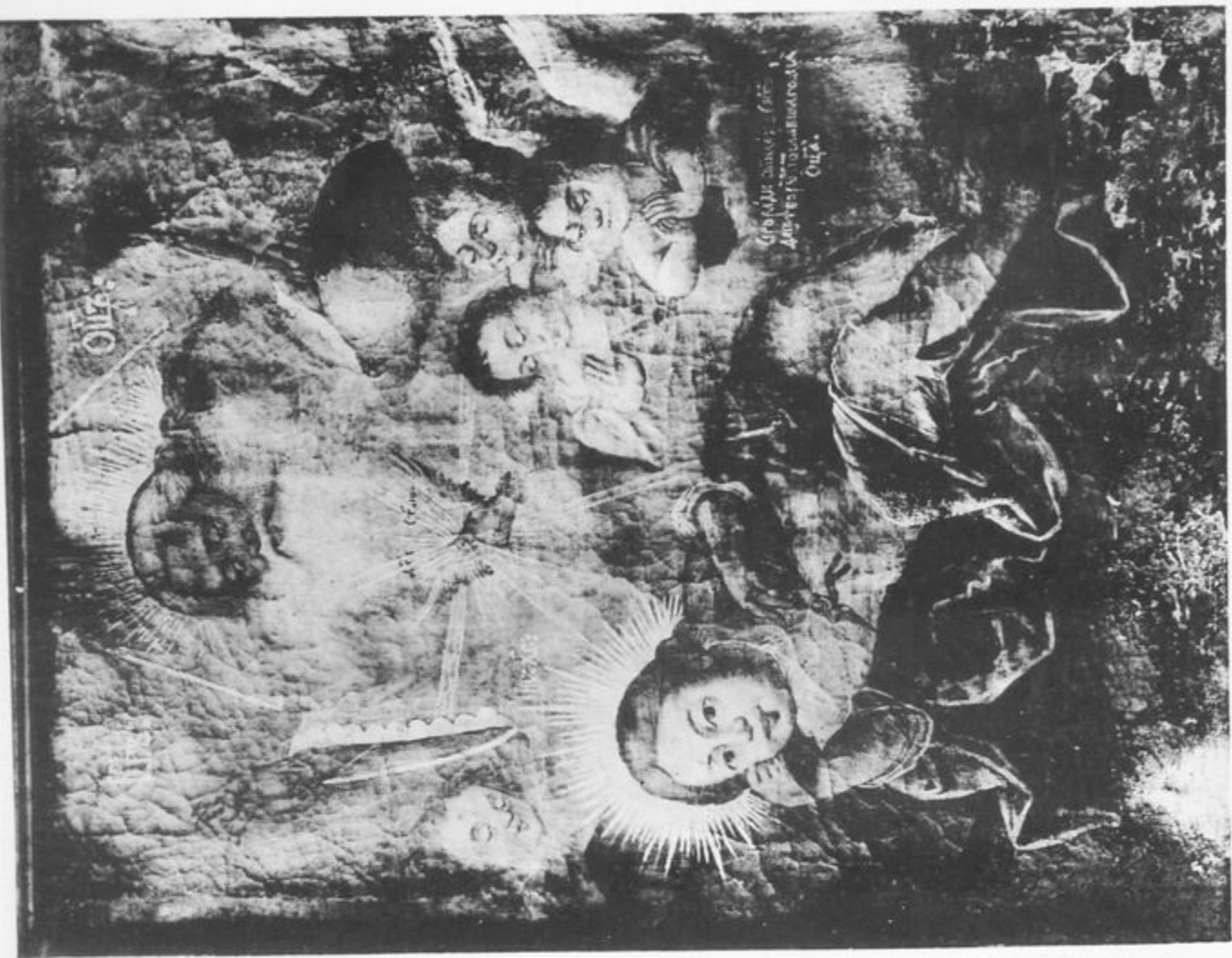
1529. «Образъ Пресвят. Богородицы всѣмъ скорбящимъ радость». 11×9 в.

1530. «Пророкъ Геденъ», XVII—XVIII вѣка. 9×7 в.

1531. «Пророкъ Соломонъ». Подобная же.

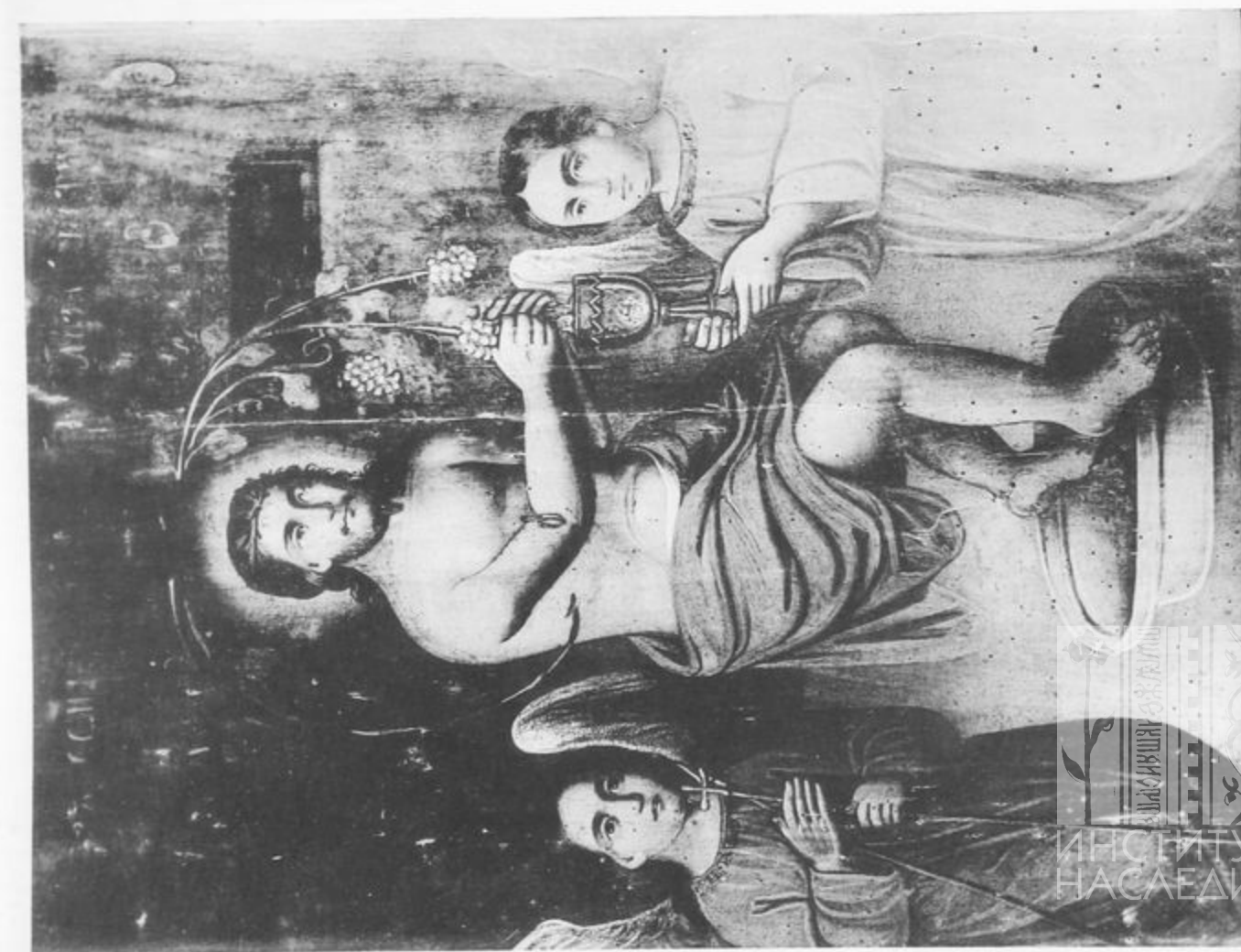
1532. Икона Божіей Матери съ боковыми изображеніями св. мученика Антипы и мученицы Даріи, XVII—XVIII вѣка. $7\frac{1}{2} \times 6\frac{1}{4}$ в. Отъ о. Василія Родіонова, Е. Д.

Фот. П. Павлова.

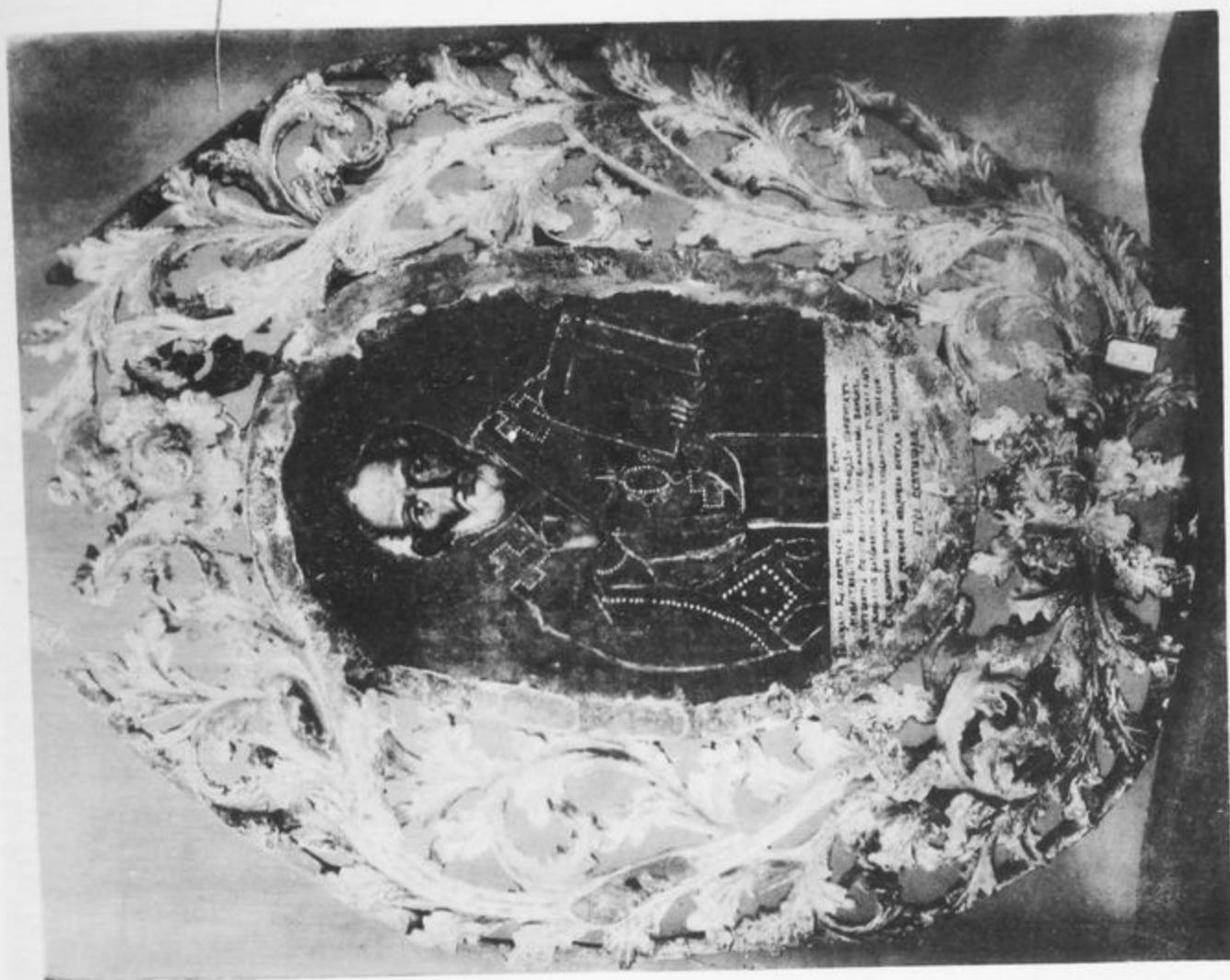
№ 1514.

№ 18.

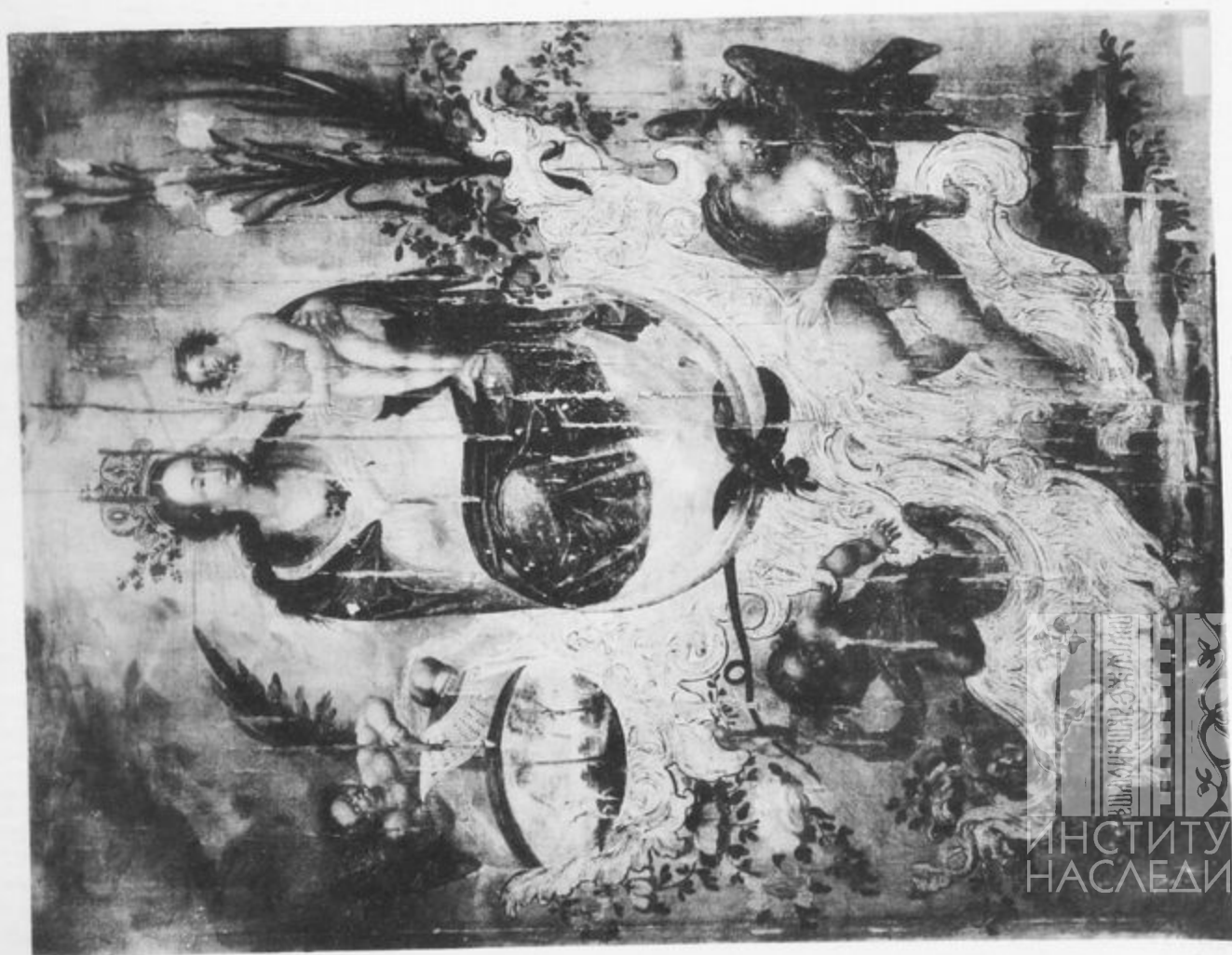

Фот. П. Павлова.

№ 86.

№ 53.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фот. П. Павлова.

БІЛНІ І ПА
КОД

Фот. П. Павлова.

№ 1274.

НИИ
БИСИЛ
1902

Фот. П. Павлова.

1533. «Страшный Судъ». Картина дѣлится на три пояса: въ верхнемъ — Христосъ въ глоріи на радугѣ, съ предстоящими по сторонамъ и сонмомъ ангеловъ; во второмъ — престолъ съ книгой 12 Апостоловъ, «Еврейяни» и «душа, ждущая приговора»; въ нижнемъ — Ап. Петръ ведетъ праведниковъ въ рай, налѣво мученія грѣшныхъ. «Богатый Асаулъ преданъ огню», — «Прелюбодѣи-чародѣи вальшебники или завить завиваемъ zde пребываемъ» («Завить», или закрутка колосевъ на поляхъ алымъ человѣкомъ, вредить урожаю), — «байстручка». Изъ Покровской ц. с. Дырчина, Городнянск. у. Е. Д.

1534. Мѣстный образъ Спасителя. Типъ, выработавшійся въ Малороссіи; изображеніе большею частью поколѣнное. Фонъ золотой и въ верхнихъ частяхъ всегда чеканный съ травянымъ орнаментомъ. Спаситель въ красной одеждѣ съ синимъ плащомъ. Волоса гладко причесанные, аккуратно раздвоены на лбу; борода незначительная и также раздвоенная; усы малые; слащавый ротъ; носъ длинный прямой, глаза смотрять прямо; цвѣтъ лица свѣтлый съ румянцемъ. Правой благословляетъ, въ лѣвой держитъ открытое евангеліе. Обыкновенно въ богато разукрашенныхъ рѣзныхъ и пестро расписанныхъ рамахъ (табл. XVI.)

1535. Образъ Божіей Матери. Того же типа, какъ и Спаситель. Богоматерь обыкновенно молодая, съ большими грустными глазами; немного сутуловатая, въ синей исподней и верхней красной одеждѣ, съ короной или безъ оной и обыкновенно въ такой же рѣзной рамѣ какъ и Спаситель (табл. XVII.)

1536. Образъ Балыкинской Божіей Матери 1774. Изъ церкви Андреевки, Городнянского у.

1537. Образъ Варвары.

1538. Образъ Благовѣщенія.

1539. Образъ Успенія.

III. Царскія Двери, жертвенники, фигуры и прочія цер. принадлежности рѣзанныя изъ дерева и металла.

137. Царскія врата деревянные, рѣзные; рисунокъ не сложный, довольно однообразный, изображаетъ виноградную лозу съ листьями и кистями винограда; на каждомъ стволѣ по три шестиугольных медальона, на которыхъ, очевидно, были изображены евангелисты и Благовѣщеніе; мѣра въ высоту 2 арш. $2\frac{1}{2}$ в. въ ширину $15\frac{1}{4}$ в. Издѣліе мѣстное, XVIII вѣка, врата эти взяты изъ Георгіевской ц. с. Рудки, Черниговскаго у., гдѣ онѣ были первыми по устройствѣ церкви. А. К.

138. Царскія врата рѣзные деревянные; срединная колонка посеребрена и перевита гирляндами изъ розъ; вверху она заканчивается позолоченой короной съ крестомъ. Прорѣзные колончатые створы украшены позолоченными медальонами, украшенными травами, перевитыми бантами изъ лентъ; среди медальоновъ евангелисты; внизу вазы съ травами и розами. Издѣліе мѣстное, но въ стилѣ Импріе; мѣра въ высоту 3 арш. 2 в., въ ширину 1 арш. $1\frac{1}{2}$ в.; изъ церкви с. Яновки, Черниговскаго у. А. К. (Табл. XIX.)

1178. Царскія врата сплошныя деревянныя, простой конструкціи, окрашены въ красную краску съ золоченымъ орнаментомъ. Въ 6-ти медальонахъ, вырѣзанныхъ вглубь доски на полвершка и обрамленныхъ характернымъ для XVIII вѣка бордюромъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія и 4-хъ Евангелистовъ съ символами. Размѣръ одной половины царскихъ вратъ 2 арш. $10\frac{1}{4} \times 10$ в. Изъ иконостаса церкви св. Григорія Декопалита XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Ч. Е. Д.

1179. Царскія врата съ изображеніемъ Благовѣщенія горельефомъ. Фигуры Богоматери и Архангела во весь ростъ; фигуры и фонъ сплошь позолочены, лики живописные, верхъ украшенъ виноградными гроздьями. 4 арш. 3 в. $\times$ 1 арш. 8 в. Изъ Успенской ц. с. Краснаго-Рога, Мглинск. у. Ч. Е. Д.

1180. Царскія врата съ мелкой густо золоченою рѣзбою; работа грубая, не художественная, но характерная для Малороссіи XVIII вѣка. Въ шести медальонахъ изображенія Благовѣщенія и четырехъ символовъ Евангелистовъ. Высота, съ коронкою, 2 арш. $13\frac{1}{4}$ в., ширина обѣихъ половинъ 1 арш. 6 в. Изъ Троицкой ц. с. Старогородки, Остерск. у. Е. Д. (Табл. XIX.)

1181. Половинка царскихъ вратъ съ крупной рѣзбой виноградными лозами и кистями винограда. Въ 3-хъ медальонахъ — Дѣва Марія и два Евангелиста XVII вѣка. 3 арш. $\times$ 10 в. Изъ Троицкой ц. с. Старогородки, Остерск. у. Е. Д.

1524. Царскія двери изъ Черниговской Екатерининской церкви съ древомъ Евсея; роскошный образецъ малорусской рѣзбы по дереву XVIII вѣка съ рельефными оракурами пророковъ и тонко рѣзаннымъ травянымъ орнаментомъ. (Табл. XX.)

1516. Царскія расписныя двери изъ с. Клинцы Суратскаго у. Черниговск. губ. Низкія, строгаго иконописнаго письма, хотя и не древнія. Верхъ двери занятъ Благовѣщеніемъ среди богатой архитектурной орнаментики; ниже — фигуры во весь ростъ Іоанна Златоуста и Василия Великаго. На аркѣ, поверхъ двери Пріобщеніе подъ обѣими видами; обѣ сцены раздѣлены между собой медальономъ съ изображеніемъ Бога Отца съ Эмануиломъ. (Табл. XXI.)

1525. Царскія врата деревянныя съ рѣзбой изъ иконостаса, устроеннаго гетманомъ Мазепою въ 1692 году.

1526. Тумбовая доска изъ того же иконостаса съ гербомъ Мазепы. Оба №-ра изъ Покровской ц. с. Мохнатина, Черниговск. губ. и у. Е. Д.

139. Жертвенникъ деревянный, XVIII вѣка, въ видѣ двухъэтажнаго шкафа съ двумя створами. Въ верхней части помѣщены изображенія: внутри — Спаситель страждущій, въ терновомъ вѣнцѣ, стоящій на особомъ пьедесталѣ, въ большомъ блюдѣ; съ главы, прободеннаго ребра, рукъ и ногъ струится обильными потоками кровь, наполняющая блюдо; у главы два ангела; слѣва — скорбящая Богоматерь (*Mater dolorosa*); на створахъ внутри: справа — св. Григорій Богословъ, слѣва — св. Іоаннъ Златоустъ; снаружи — св. Василий Великій и св. Николай Мѣрликійскій; на ящикѣ изображенъ пейзажъ; то же и на лицевой сторонѣ внизу; мѣра въ вышину 2 арш. $14\frac{1}{2}$ в., въ квадратѣ 15×16 в.; издѣліе мѣстное, конца XVIII вѣка — изъ старой Покровской ц. с. Яновки, Черниговскаго у., построенной въ XVIII вѣкѣ и упраздненной въ концѣ XIX вѣка. А. К.

1509. Жертвенникъ такого же образца со створами. На внѣшней сторонѣ — изображены: св. Іоаннъ Богословъ и Григорій Богословъ. На внутреннихъ стѣнахъ: — св. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Богоматерь съ тѣломъ Спаса на рукахъ и семью мечами въ груди, Христосъ, выжимающій грозди винограда въ точило. Жертвенникъ сдѣланъ 1740 года и поновленъ 1784 года, какъ гласитъ надпись на внутренней сторонѣ передней дверцы. Изъ Троицкой ц. м. Любеча, Городнянского у. Е. Д. (Табл. XXII.)

1392. Мѣдный сосудъ для освященія воды съ деревянной крышкой на трехъ такихъ же рѣзныхъ ножкахъ, пестро-раскрашенный съ надписью вверху на крышкѣ: «Сшоружень сосудъ сей для осщенія внем воды вцерквѣ стаго Великомчика и побѣдоносца Георгія Вышенскѣ 1778 г. марта 29 дня. Дѣланъ собственными руками Вышенскаго щенника Іоанна Некрашевича. До послѣ за поврежденіемъ деревяннаго стараніемъ тогожъ сщѣнника и блѣгочиннаго намѣстника : І : Н : коштомъ же добротныхъ дателей сдѣланъ мѣднѣ и поновленъ малеваніемъ 1802 года Генваря 23». Изъ Георгіевской ц. с. Вышенекъ, Остерскаго у. Ч. Е. Д. (Табл. XXII.)

395. Подсвѣчникъ большой деревянный, точеный, XVII вѣка; у подножія его три льва, съ вывороченными на спину головами, стоящіе на заднихъ лапахъ, а передними поддерживающіе свѣчникъ, мѣстами раскрашенный, и сплошь позолоченный; мѣра въ высоту 1 арш. 15 в.; изъ церкви с. Рудки, Черниговскаго у. А. К. Тонкой изящной работы. (Табл. XXIII.)

396. Подсвѣчникъ деревянный, точеный, раскрашенный въ зеленый съ краснымъ цвѣтъ, XVIII вѣка; изъ церкви с. Серединки, Козелецкаго у.; мѣра 1 арш. 5 1/2 в. А. К. Въ высшей степени изящнаго дѣла. (Табл. XXII.)

397. Подсвѣчникъ оловянный; XVIII вѣка, изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянскаго у. А. К.

398. Подсвѣчникъ мѣдный, съ широкимъ плоскимъ подножіемъ, XVIII вѣка, изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. Е. Д.

399. Подсвѣчникъ мѣдный, съ подножіемъ, ему не принадлежащимъ и заимствованнымъ отъ другого предмета, вѣроятно, отъ потира, украшенный штампованнымъ узоромъ въ стилѣ Рококо. По нижнему краю надпись; изъ Рождество-Богородичной ц. с. Спасскаго, Сосницкаго у. Е. Д.

400. Подсвѣчникъ мѣдный, съ травленнымъ узоромъ; изъ Васильевской ц. с. Душатины, Суражскаго у. Е. Д.

401. Подсвѣчникъ мѣдный полый, витой, съ широкимъ подножіемъ, съ штампованнымъ орнаментомъ, изъ церкви с. Печениковъ, Стародубскаго у. Е. Д. (Табл. XXII.)

402. Подсвѣчникъ малый, металлическій, съ бюстомъ женской головки; изъ Благовѣщенской ц. гор. Новгородъ-Сѣверска. Е. Д.

403. Подсвѣчникъ фарфоровый, изящной работы, съ раскрашенными изображеніями изъ охотничьей жизни, найденный при раскопкѣ усадьбы близъ р. Стрижня въ Черниговѣ. Е. Д.

404—405. Подсвѣчники (такъ наз. ставники) подвѣсные изъ Вшивскаго фаянса (Вшивка, иначе Ушивка, слободка въ Кролевецкомъ у., Черниговской губ.) А. К.

406. Трикирій деревянный, пестро-раскрашенный, начала XIX вѣка, изъ Воскресенской ц. м. Седнева, Черниговскаго у. Е. Д.

407. Трикирій деревянный (отъ одной древесной голы), раскрашенный; издѣліе мѣстное, конца XVIII вѣка (покраска позднѣйшая); изъ церкви с. Карховки, Черниговскаго у. А. К.

408. Трикирій оловянный, XVIII вѣка; изъ церкви с. Слободки, Сосницкаго у. А. А.

1378. Точеный изъ дерева и пестро раскрашенный подсвѣчникъ съ надписью: «Сия свеча села пьяного рогу сдѣлана братчиками кравцами Данилою Павломъ Корнѣемъ и Курилою. 1797 г. мца априля 10». Изъ Воздвиженской ц. с. Пьянаго Рога, Мглинскаго у. Ч. Е. Д.

1379. Точеный деревянный тонкій подсвѣчникъ, раскрашенный по темно-синему полю мелкими красными съ бѣлымъ цвѣтами. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1380. Точеный деревянный подсвѣчникъ, окрашенный голубой и красной краской, XIX вѣка. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1381. Мѣдный подсвѣчникъ 1733 года. Глуховск. земск. муз.

1382—1383. Два мѣдныхъ подсвѣчника съ датой — одинъ 1735 г. — другой 1752 г. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1384—1385. Два мѣдныхъ подсвѣчника съ витыми стволами. Глуховск. земск. муз.

1386. Старинный желѣзный подсвѣчникъ. Курск. муз.

1387—1388. Два (деревянный и желѣзный) ласкаря. Изъ Успенской ц. пос. Климова, Новозыб. у. Е. Д.

1389. Подставка для свѣчи въ чехлѣ, сплошь зашитомъ разноцвѣтнымъ бисеромъ цвѣтами. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глухов. у. Ч. Е. Д.

1390. Деревянная круглая печать для просфоръ — бѣглопоповцевъ. Изъ Покровской ц. пос. Клинцы, Суражскаго у. Ч. Е. Д.

1391. Металлическая единовѣрческая печать для просфоръ. Изъ Черниговской Духовной Семинаріи. Е. Д.

1851. Подвѣсной серебряный подсвѣчникъ съ роскошнымъ прорѣзнымъ рельефнымъ орнаментомъ. Изъ Переяславскаго монастыря. (Табл. XXII.) Подобные подсвѣчники сохранились еще во многихъ храмахъ Малороссіи, начиная со св. Софіи въ Кіевѣ.

1852—1855. Такіе же подсвѣчники.

140. Спасъ, преобразившійся на горѣ. Рѣзная деревянная фигура Христа, во весь ростъ, съ распростертыми руками; высота 2 арш.; памятникъ XVII вѣка, изъ старой, нынѣ не существующей, Преображенской ц. с. Баклановой Муравейки, Черниговскаго у. А. К.

141. Спасъ, преобразившійся на горѣ. Деревянная рѣзная и раскрашенная фигура Христа, во весь ростъ, съ распростертыми руками; высота 15¹/₂ в. Фигура находилась снаружи того же храма с. Баклановой Муравейки, надъ главными (западными) входными дверями. А. К.

142. Богоматерь. Рѣзная деревянная фигура, XVII вѣка, во весь ростъ; руки сложены у груди; высота 1 арш. 11 в. А. К.

143. Апостолъ. Такая же фигура, одинаковаго типа; правая рука апостола на груди, лѣвою же поддерживаются одежды; высота 1 арш. 13¹/₂ в. А. К.

144. Пророкъ Моисей. Фигура того же типа; въ лѣвой рукѣ Скрижали Завета (правая отломана); высота 1 арш. 12 в. А. К.

145. Первосвященникъ Ааронъ. Фигура того же типа; лѣвая рука на груди (кисть отломана; правая рука также отломана, почти до локтя); на главѣ кидарь; на груди ефодъ; высота 1 арш. 15 в. А. К.

Все четыре фигуры (142—145), представляющія собою памятникъ XVII вѣка, составляютъ принадлежность одного стариннаго иконостаса. Въ 7 верстахъ отъ Чернигова находится Трисвятская Слобода, съ плотиною (греблей) того же имени. Это — старинная маетность Черниговскаго архіерейскаго дома, нѣкогда Ильинскаго монастыря. На греблѣ стояла водяная монастырская мельница, снесенная весенней водой въ 1895 году. За греблей же стоялъ скитъ, отъ котораго теперь остались только стѣны. Въ скиту была церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, и въ той же церкви былъ иконостасъ, украшенный деревянными фигурами. Впослѣдствіи церковь, съ ея величественнымъ иконостасомъ, была перенесена на Бобровицу, подъ Черниговомъ. По ветхости, церковь упразднена и устроена новая, въ которой старый фигурный иконостасъ оставался до 1882 года, когда епархіальный преосвященный, осмотрѣвъ церковь, велѣлъ окончательно упразднить фигуры, найдя въ нихъ подобіе идоловъ. По приказанію епископа, фигуры были убраны, и частію проданы, а частію розданы прихожанамъ въ благословеніе. Въ усадьбѣ священника случайно задержались первыя три фигуры — Богоматери, Апостола и Моисея, фигура же Аарона была продана крестьянину с. Бобровицы Павлу Рудому за 50 коп. Занимаясь пчеловодствомъ, Рудой поставилъ Аарона въ своей пасѣлкѣ. Тамъ онъ и простоялъ 20 лѣтъ, подъ «амшеникомъ».

146. Ангелъ. Рѣзная изъ дерева и раскрашенная фигура, во весь ростъ, не достаеъ крыльевъ; ангелъ въ молитвенной позѣ, съ наклоненной слегка главой; правая рука приподнята кверху, лѣвая на груди; высота фигуры, съ неотдѣлимымъ отъ нея подножіемъ, 1 арш. 14 в. Въ XVII и XVIII вѣкахъ подобнаго рода фигурами украшались храмы на югѣ Россіи, гдѣ изъ нихъ устраивались иногда цѣлыя иконостасы. Точно неизвѣстно, въ какомъ именно храмѣ стояла эта фигура. Весною 1903 года плотовщики, жители села Радичева, Кролевецкаго уѣзда, занимающіеся сплавомъ лѣса по рѣкѣ Деснѣ, въ верховьяхъ, за Новгородъ-Сѣверскомъ, поймали ее въ водѣ. Прибывъ въ Черниговъ 26 апрѣля 1903 года, плотовщики передали фигуру въ канцелярію начальника судоходной дистанціи, который подарилъ ее музею. А. К.

147. Ангелъ летящій. Рѣзная деревянная, раскрашенная, фигура ангела, во весь ростъ, мѣрою въ 1 арш., съ поворотомъ лика вправо и съ распростертыми руками; въ одной изъ нихъ (лѣвой) райская вѣтвь; опоясаніе чрезъ правое плечо и чреслъхъ блѣднорозоваго цвѣта; ноги скрещены. А. К.

148. Такая же фигура ангела; ликъ обращенъ прямо, райская вѣтвь въ правой рукѣ, опоясаніе чрезъ лѣвое плечо, окрашено въ голубой цвѣтъ; ноги скрещены. А. К.

149. Такая же фигура ангела; ликъ профилемъ вправо; правая рука на груди, лѣвая приподнята; опоясаніе чрезъ лѣвое плечо, выкрашено въ блѣдно-розовый цвѣтъ. А. К.

150. Такая же фигура ангела; ликъ небольшимъ профилемъ влѣво; лѣвая рука на груди, а правая приподнята; опоясаніе чрезъ правое плечо, окрашено въ голубой цвѣтъ. А. К.

151—152. Двѣ небольшія рѣзныя деревянныя и раскрашенныя головки херувимовъ, съ посеребренными крыльями. А. К.

Всѣ фигуры (№№ 147—152) достались музею Архивн. Комм. изъ церкви с. Баклановой Муравейки, Черниговскаго у.

153. Ангелъ летящій, — рѣзная изъ дерева и раскрашенная фигура; ликъ съ поворотомъ влѣво; правая рука у груди; въ лѣвой рукѣ вѣнокъ; опоясаніе о чреслѣхъ, крылья и вѣнокъ позолочены. Изъ церкви х. Трисвятскаго, перенесенной впослѣдствіи на Бобровицу, подъ Черниговомъ. А. К.

154—155. Два ангела. Рѣзныя деревянныя, раскрашенныя фигуры XVIII вѣка, поддерживающія крестъ, отъ котораго осталась только нижняя часть; изъ Домницкаго Рождество-Богородичнаго монастыря, Черниговскаго у., гдѣ онѣ стояли надъ колодезьемъ, что у трапезы; высота фигуръ по центру 2 арш. 5 в. А. К.

156—157. Два ангела. Деревянныя, вырѣзанныя изъ доски, фигуры, XIX вѣка, во весь ростъ, обращены другъ къ другу, съ распростертыми и воздѣтыми горѣ руками (поддерживали одинъ предметъ); лики, руки, обнаженныя части ногъ и крылья живописные; одежды, съ опоясаніемъ ораями, лѣпныя бѣлыя; высота фигуръ съ подножіемъ, 2 арш. 5 в.; находились когда-то въ старомъ, упраздненномъ иконостасѣ соборнаго храма Домницкаго монастыря, вокругъ образа Богоматери. А. К.

158—159. Два ангела. Рѣзныя деревянныя фигуры $\frac{1}{2}$ XIX вѣка, въ молитвенной колѣнопреклоненной на облакахъ позѣ, обращенныя ликами другъ къ другу, съ воздѣтыми горѣ руками; высота обѣихъ фигуръ, съ облаками, 1 арш. 15 в.; находились въ Петро-Павловскомъ храмѣ Черниговскаго Елецкаго монастыря, гдѣ онѣ стояли на иконостасѣ, сверху, надъ царскими вратами, и окружали спускной образъ Успенія Богоматери; упразднены въ 1899 году; затѣмъ перенесены въ пещеру, гдѣ сырость оказала на нихъ сильное вліяніе. Переданы въ музей Архивной Комиссіи преосвященнымъ Исидоромъ, бывшимъ епископомъ Новгородѣверскимъ.

160. Спаситель страждущій, фигура XVIII вѣка, съ позднѣйшей раскраской. Изъ Алексѣевской ц. м. Мены, Сосницкаго у. А. К.

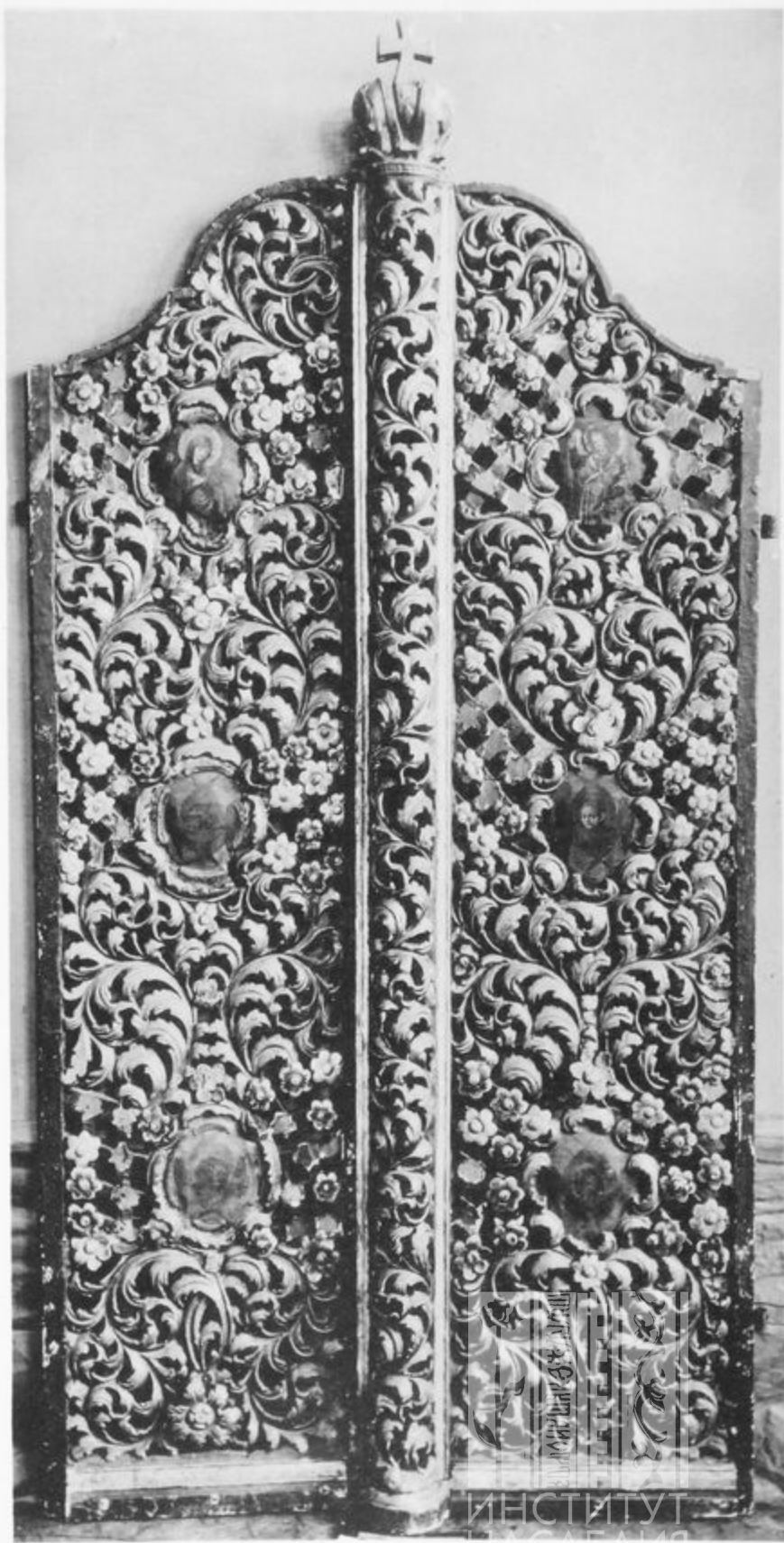
161. Спаситель Распятый (безъ креста), раскрашенная фигура, изъ «каплицы» на кладбищѣ с. Оболонья, Кролевецкаго у. Е. Д.

162. Божія Матерь, во весь ростъ, раскрашенная фигура. Оттуда же. Е. Д.

164—164. Два ангела, въ ростъ человѣка, фигуры XVIII вѣка; изъ Успенской ц. м. Ични, Борзенскаго у.

№ 138.

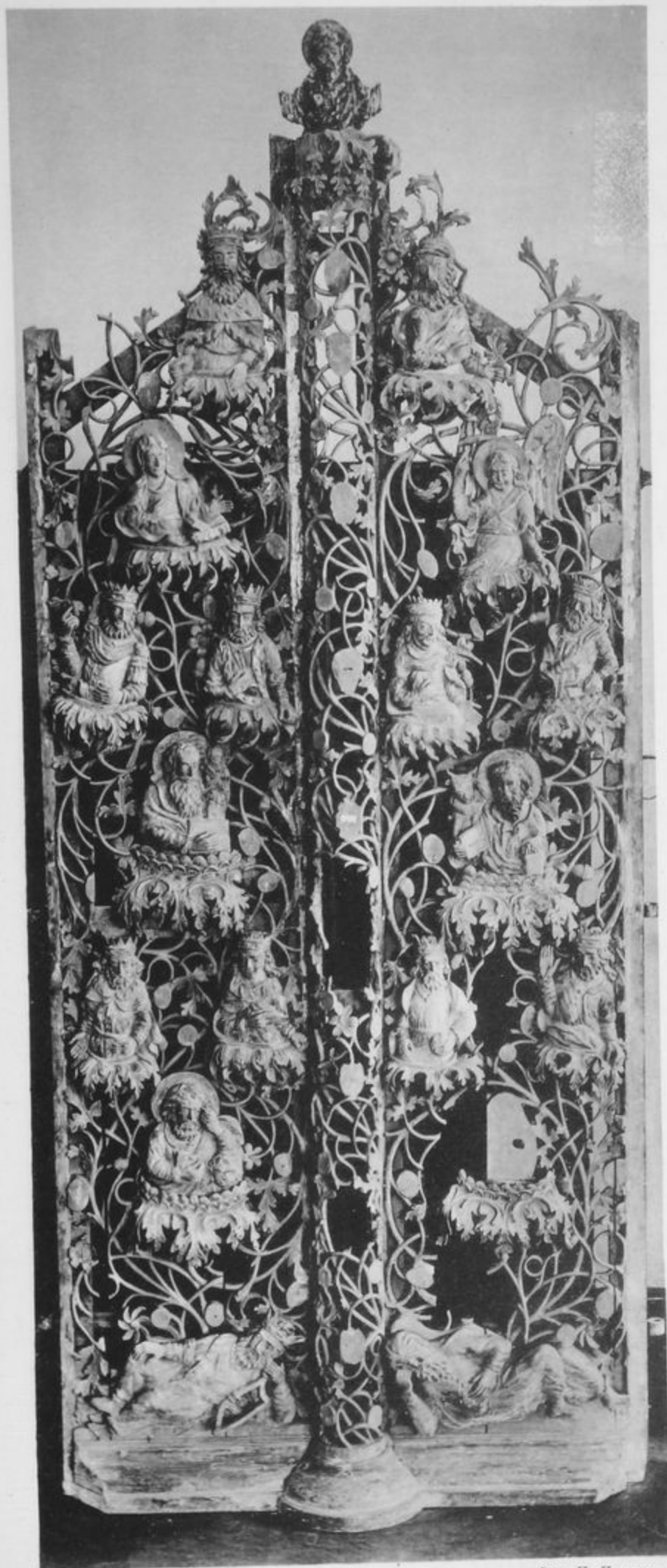

№ 1180.

Фот. Н. Павлова.

Фот. П. Павлова.

Библиотека
Историко-Культурной
Музейной Работы

167. Ангелъ съ вѣтвью въ лѣвой рукѣ и съ простертою правой, раскрашенная фигура половины XVIII вѣка. Изъ церкви с. Старо-Поченья, Мглинского у. Е. Д.

168—169. Два херувима; деревянные, раскрашенные фигуры XVIII вѣка, изъ стараго упраздненнаго иконостаса Николаевской ц. с. Жуковки, Черниговскаго у. А. К.

170—175. Шесть рѣзныхъ деревянныхъ, золоченныхъ, херувимовъ изъ церкви с. Жуковки, Черниговскаго у. А. К.

176—177. Два херувима; раскрашенные маленькіе головки изъ папье-маше; барельефы; изъ Преображенской ц. м. Ивангорода Борзенскаго, у. А. К.

178. Херувимъ изъ папье-маше, раскрашенный; барельефъ.

179. Херувимъ изъ папье-маше, въ меньшемъ видѣ и раскрашенный въ яркіе цвѣта.

Объ фигурки изъ Георгіевской церкви с. Рудки, Черниговскаго у. А. К.

180. Херувимъ глиняный, раскрашенный, (съ отбитыми крыльями); — гончарное издѣліе мѣстныхъ кустарей; барельефъ, изъ Покровской ц. с. Мохнатина, Черниговскаго у. А. К.

181—185. Пять херувимовъ, изъ папье-маше, раскрашенныхъ, изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянскаго у.

Примѣчаніе: Большая часть описанныхъ фигуръ, между которыми имѣются весьма художественнаго рѣзца, примѣромъ котораго можетъ служить фигура Пророка, принадлежащая нынѣ Полтавскому Древлехранилищу (Табл. XXVII), были разстановлены вдоль лѣстницы Реального Училища, которое любезно предоставляло свое помѣщеніе подъ Выставку.

IV. Кресты (по каталогу. Отд. VII) и Евангелія.

А) Напрестольные.

254. Крестъ XVII вѣка пятиконечный, съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими, вверху Крещеніе и одинъ ангелъ (у Христа руки скрещены на груди, Предтеча съ крестомъ); внизу Богоматерь у Креста съ тѣломъ Сына на рукахъ; на оборотѣ Богоматерь въ корнѣ съ Младенцемъ, евангелисты, Рождество Христово съ покл. 3 волхвовъ (въ коронахъ), внизу Благовѣщеніе и св. Николай. Изъ Николаевской ц. м. Синявки, Сосницкаго у. Е. Д.

255. Крестъ кипарисный, въ металлической оправѣ съ ручкой. Тонкой Аѳонской работы XVII вѣка. Изъ церкви с. Кулагъ, Суражскаго у. Е. Д.

256. Крестъ деревянный, XVII вѣка, въ оловянной оправѣ и на оловянномъ подножіи. Послѣднее имѣетъ самостоятельное значеніе: оно было подножіемъ потира, либо дискаса, или же креста, но одинаковаго съ нимъ вида, и на него навинчивавшагося; крестъ же былъ руконоснымъ и когда рукоятіе сломалось, неискусная рука придѣлала его къ подножію посредствомъ грубо сработанной деревянной вставки. Работа креста превосходная; изъ церкви с. Андреевки, Черниговскаго у. А. К.

257. Крестъ кипарисный въ металлической оправѣ съ ручкой, Аѳонской рѣзбы XVII вѣка. Изъ Троицкой ц. Кролевецк. у. зашт. гор. Коропа. Е. Д.

258. Крестъ кипарисный въ металлической оправѣ, вверху надпись. «Распятіе». По сторонамъ орудія страданія. На обратной сторонѣ Богоматерь съ мечемъ въ груди. Е. Д.

259. Крестъ въ металлической оправѣ съ ручкой и сіяніемъ. Подъ оправой съ боковъ надпись: «Сей крестъ сооружилъ рабъ Божій Іоаннъ Райковскій, староста Баровицкій року 1723 мѣсяца августъ». Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. Е. Д.

260. Крестъ въ металлической оправѣ изъ двухъ мѣдныхъ пластинокъ съ накладнымъ изображеніемъ Распятія, XVIII вѣка. Даръ о. Василя Элланскаго, свящ. с. Жукотокъ, Черн. у. Е. Д.

261. Крестъ осьмиконечный оловянный съ нарѣзнымъ изображеніемъ Распятія и съ обратной стор. Крещенія, конца XVII вѣка. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

262. Крестъ оловянный, полый, мѣрою въ вышину 38 см. а въ средокрестіи — 18 см. Утвержденъ на штампованномъ узорномъ постаментѣ, или по мѣстному выраженію «съ седесомъ» (*sedes*). По обѣимъ сторонамъ креста — изображенія. Сооруженъ въ церковь с. Жукли, Сосницкаго у. гетманомъ Даниломъ Апостоломъ, въ 1728 г. Даръ Н. Н. Комстадіуса. А. К.

263. Крестъ оловянный съ подножіемъ, XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ. Черн. у. Е. Д.

264. Крестъ оловянный, бронзированный, безъ подножія, съ штампованнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими, а на обратной сторонѣ Богоматери съ Младенцемъ и 4 евангелистовъ съ символическими животными, XVIII вѣка. Изъ ц. с. Горска Городнянскаго у. Е. Д.

265. Крестъ большой, бронзированный, изъ жести съ штампованными и раскрашенными изобр. Распятія съ предстоящими, Саваоомъ, 4-мя херувимами и Голговою. На оборотѣ такія же изображенія орудій страданія, XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецк. у. Е. Д.

266. Крестъ оловянный безъ подножія съ сохранившимися накладными изображеніями Распятія; на обратной сторонѣ Снятія со креста, Воскресенія, по бокамъ святителя и колѣнопреклоненной фигуры (мироносицы?), XVIII вѣка. Е. Д.

Б. Дароносные и руконосные.

267. Крестъ оловянный съ изображеніемъ Распятія на пятиконечномъ крестѣ, съ предстоящими и ангеломъ; сверху на оборотѣ арх. Михаилъ съ мечомъ и надпись: «Архангелъ Михаилъ»; XVII вѣка. Изъ ц. с. Слабина, Черниговск. у. Е. Д.

268. Крестъ оловянный, безъ передней стѣнки съ грубымъ изображеніемъ Богоматери съ мечемъ въ груди. Вверху «О ѿеосъ»; XVII вѣка. Изъ ц. с. Гучина, Черниговскаго у. Е. Д.

269. Крестъ оловянный, съ двумя мочками, для привѣски, въ верхней части; створъ внизу; верхняго колпачка (гайки) не достаетъ; мѣра $17\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ см.; на

одной сторонѣ изображеніе гравировкой Христа Распятаго, на другой сторонѣ такое же изображеніе Богоявленія, внизу креста припаяна низкая круглая подставка; внутри имѣется пять перегородженныхъ отдѣленій и въ двухъ изъ нихъ имѣется маленькій оловянный потиръ для приобщенія больныхъ и такой же круглый сосудъ для сохраненія сухихъ даровъ. Памятникъ XVII вѣка. Изъ церкви с. Юрьевки, Черниговскаго у. А. К.

270. Крестъ оловянный съ грубыми изображеніями Распятія и Скорбящей Бож. Матери, конц. XVII вѣка. Изъ Благовѣщенской ц. гор. Суража. Е. Д.

271. Крестъ оловянный XVII вѣка; изъ Николаевской ц. с. Петровки, Городнянскаго у. А. К.

272. Крестъ оловянный XVIII вѣка; изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянскаго у. А. К.

273. Крестъ оловянный съ приборами внутри; изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. А. К.

274. Крестъ оловянный, створчатый (безъ принадлежностей и створчатой части); изъ церкви с. Старой-Рудни, Городнянскаго у. А. К.

275. Крестъ оловянный, съ обычными изображеніями гравировкой по двумъ сторонамъ его; вмѣсто подножія сосудъ четырехугольный гладкій для вина, или мѣра; сосудъ сверху заканчивается винтомъ, на который крестъ навинчивается; Изъ Покровской ц. с. Мохнатина, Черниговскаго у. А. К.

276. Крестъ оловянный, полый, мѣрою въ вышину 20, въ средокрестіи 11 см., съ мочками для продѣванія тесьмы, при ношеніи запасныхъ св. Таинъ. По сторонамъ изображенія, гравировкой: на одной — Распятія съ предстоящими, сверху въ сѣяніи «о Θεосъ», на другой — Скорбящей Божіей Матери, съ мечомъ, пронизывающимъ сердце, а вверху надпись «о Θεο.»; сооружена гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ церковь с. Жукли, Сосницкаго у., въ 1728 году. А. К.

277. Крестъ оловянный того же типа, XVIII вѣка, на лицевой сторонѣ Распятый Христосъ барельефомъ; другая сторона гладкая. Въ серединѣ имѣются три маленькіе сосуда для вина, елея и сухихъ даровъ. Изъ церкви с. Шибириновки Черниговскаго у. А. К.

278. Крестъ оловянный, XVIII вѣка, съ позднѣйшей починкой. Изъ церкви с. Конятина, Кролевецкаго у. А. К.

279. Крестъ съ накладнымъ изобр. Распятія съ предстоящими и Отцемъ Саваоомъ, XVII вѣка. Изъ Михайловской ц. с. Чемера, Козелецк. у. Е. Д.

280. Крестъ оловянный съ литымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и на обратной сторонѣ крещенія, XVIII вѣка. Изъ ц. м. Новаго-Ропска, Новозыбков. у. Е. Д.

281. Лицевая сторона дароноснаго креста съ чеканнымъ изображеніемъ архангела Михаила. Отъ протоіерея о. А. Тупатилова, Е. Д.

282. Крестъ оловянный, съ штампованными украшеніями и съ шестью отверстіями, въ которыхъ были либо образки, либо за стеклами частицы св. мощей; на лицевой сторонѣ накладной оловянный же крестъ съ Распятіемъ. Памятникъ

XVII вѣка, сохранился въ церкви с. Краснаго, Черниговскаго у.; значительно поврежденъ, а рукоятіе совсѣмъ отломано. А. К.

283. Крестъ оловянный, съ штампованными украшеніями и изображеніями на одной сторонѣ Распятія, съ предстоящими, — вверху Бога Отца и Духа Святаго; на другой сторонѣ — Богоматерь (Pieta) и по угламъ четыре евангелиста съ символами; рукоятіе гладкое. Изъ Успенской церкви м. Мрина, Нѣжинскаго у. А. К.

284. Крестъ оловянный, мѣстной конвисарской работы, конца XVII вѣка. На одной сторонѣ его изображено Распятіе, на другой — Богоявленіе; рукоятіе сломано и отсутствуетъ; внутренность креста деревянная. Изъ церкви с. Довжика, Черниговскаго у. А. К.

285. Крестъ деревянный, рѣзной, тонкой художественной работы, памятникъ XVII вѣка; особенность состоитъ въ томъ, что въ немъ представлены важнѣйшіе моменты Евангельской исторіи въ видѣ отдѣльныхъ рѣзныхъ фигуръ, размѣщенныхъ симметрично въ отдѣльныхъ камерахъ; всѣхъ камеръ было шесть; одной недостаетъ; въ остальныхъ можно видѣть фигурныя изображенія и признаки ихъ: Благовѣщенія, Распятія, Срѣтенія, Сошествія во адъ, Богоявленія, Успенія Богоматери и др. Прорѣзная оправа креста изъ безпробнаго серебра. Изъ церкви с. Довжика, Черниговскаго у. А. К.

286. Крестъ деревянный, обложенный тонкой листовой мѣдью, съ выпуклыми изображеніями на ней Распятія съ предстоящими, Бога Отца, Адамовой головы, херувимовъ и др. украшеній; на другой сторонѣ вогнутыя изображенія всѣхъ орудій вольной страсти; мѣра 36×20 см.; памятникъ XVII вѣка. Даръ П. Н. Тиханова. А. К.

287. Крестъ католическаго образца, дубовый, четырехконечный, съ накладнымъ рельефнымъ мѣднымъ Распятіемъ, XVII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

288. Крестъ маленькій деревянный, тонкой художественной работы, въ серебрянной оправѣ, работа начала XVIII вѣка. На одной сторонѣ рѣзное изображеніе Богоявленія; на другой — Распятіе съ предстоящими и четыре евангелиста; т. н. «требный»: онъ употреблялся духовенствомъ села Хмѣльницы при исправленіи приходскихъ требъ. А. К.

289. Крестъ четырехконечный деревянный съ рисованнымъ изображ. Распятія, на оборотѣ Христосъ съ крещенными на груди руками, начала XVIII вѣка. Е. Д.

290. Крестъ деревянный съ выступающими краями и рисов. изображеніемъ Распятія; на оборотѣ Богоматерь съ мечемъ и надпись: «Мати Бога нашего», XVIII вѣка. Е. Е.

291. Крестъ деревянный, издѣліе мѣстное, конца XVIII вѣка. На одной сторонѣ его изображено Распятіе съ предстоящими; вверху — Богъ Отецъ; на другой сторонѣ — Богоявленіе Господне, употреблялся духовенствомъ с. Хмѣльницы, Черниговскаго у. при хожденіи по приходу «Христа славить» и съ Богоявленскою водою. А. К.

292. Крестъ восьмиконечный деревянный старообрядческаго письма, XIX вѣка. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

293. Крестъ восьмиконечный деревянный, XIX вѣка. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. А. К.

294. Крестъ требный деревянный XIX вѣка; на одной сторонѣ изображено Распятіе съ предстоящими, сверху нимбъ съ надписью: «Ѳеосъ»; на другой сторонѣ — Богоявленіе. Изъ с. Ковчина, Черниговскаго у. А. К.

295. Крестъ деревянный, мѣстной работы начала XIX вѣка, употреблявшійся духовенствомъ с. Довжика при требоисправленіяхъ, преимущественно же при хожденіи по приходу «Христа славить» въ праздникъ Пасхи и др. На одной сторонѣ креста изображено Воскресеніе Христово, на другой — Богоявленіе. А. К.

296. Крестъ выносной, запрестольный деревянный съ полурельефн. изображен. Божіей Матери. Изъ Успенской ц. с. Вишенекъ, Кролевецкаго у. Е. Д.

298. Продольная часть кипариснаго креста, 6 в. длины, съ изображеніемъ Распятія, вверху ветхозавѣтн. Троицы, внизу пяти святыхъ: Сергія, Іоанна мило-стиваго, епископа Леонтія, Кирилла Бѣлозер. Крестъ сѣвернаго происхожденія XVI вѣка. Изъ Благовѣщенской ц. гор. Суража. Е. Д.

299. Крестъ кипарисный, въ металлической оправѣ, съ украшеніями, и ручкой, XVIII вѣка. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

300. Крестъ кипарисный въ металлической оправѣ съ Распятіемъ на четырех-конечномъ крестѣ, архангеломъ Михаиломъ внизу; на оборотѣ: Богоматерь съ молитвенносложенными руками, въ лучахъ, внизу архангелъ Гавріилъ съ вѣтвью въ рукѣ, XVIII вѣка, западнаго образца. Изъ ц. с. Конятина, Кролевец. у. Е. Д. (Табл. XXIV).

301. Крестъ кипарисный съ изображеніемъ Распятія на главномъ фонѣ и Богоматерь на образѣ, окруженныхъ виноградною лозой и гроздьями. Въ высшей степени художественное произведеніе XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы, Черн. губ. Е. Д. (Табл. XXIV).

302. Крестъ кипарисный въ металлической оправѣ, безъ ручки, съ Богоматерью на оборотѣ XVIII вѣка. Изъ ц. с. Сохачей, Кролевецкаго у. Е. Д. (Табл. XXIV).

303. Крестъ кипарисный съ изображеніемъ пятиконечнаго креста съ обычной криптографіей. Вверху въ сіяніи нимбъ Бога Отца съ надписью: о ѲЕОСѢ и изобр. орудій страданія, на оборотѣ инициалы Бож. Мат. и предметы пророческой символики (лѣтница, скрижали, врата, небо и др.); XVIII вѣка. Изъ ц. с. Дырчина, Городнянскаго у. Е. Д.

304. Крестъ кипарисный, на передней сторонѣ Распятіе Христа съ предстоящими; на оборотной — Богоявленіе и надпись: «Син крестъ Івана Дулѣ». Изъ с. Гужовки, Борзенск. у. отъ К. И. Самбурскаго.

305. Крестъ перламутовый, осьмиконечный. На немъ особо вырѣзанныя изъ перламута же накладныя фигурныя изображенія. Изъ ц. с. Мохнатина, Черниговскаго у. А. К.

1307. Крестъ напрестольный серебрянный, золоченный, съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія и обычной криптографіей, на концахъ предстоящіе: Богоматерь съ Маріей (Магдалиной), Іоаннъ Богословъ съ сотникомъ Логгиномъ, вверху Воскресеніе Христа (низведеніе изъ ада), внизу — Іоаннъ Предтеча крылатый съ чашей

и лежащей въ ней главой, подъ нимъ колонна съ пѣтухомъ и орудія страданія, 1734 года. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глухов. у. Е. Д.

1308. Крестъ напрестольный безпробнаго серебра, съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими, вверху — Господь Саваоѣ. Внизу надпись: «1715 генваря 4 д. сеі крестъ города почепы цркви александра невскаго построенъ при каменданте Богданѣ Григоревиче Родионовѣ і при прес. тоя церкви Григоріе Шеленговскомъ тцаніемъ иждивени боголюбивыхъ пдателей коустроению сего животворящаго креста». Изъ Воскресенской ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

1309. Крестъ небольшой напрестольный, кипарисный съ ручкой, въ металлической оправѣ, съ ажурными литыми украшениями. Изъ Покровской ц. с. Мохнатина, Черниговскаго у. Е. Д.

1310. Крестъ кипарисный въ серебрянной позолоченной оправѣ съ литымъ прорѣзнымъ орнаментомъ и ручкой. На лицевой стороны изображ. Распятія съ предстоящими, Воскресенія Христова, несенія креста, бичеванія и моленія о чашѣ. На оборотной сторонѣ — Богоявленія (вверху Духъ Святый и Богъ Отецъ въ три четвер. роста). Въ концахъ креста — Рождество Христово и три святителя, конца XVII вѣка. Изъ Михайловской ц. м. Воронеж, Глухов. у. Е. Д.

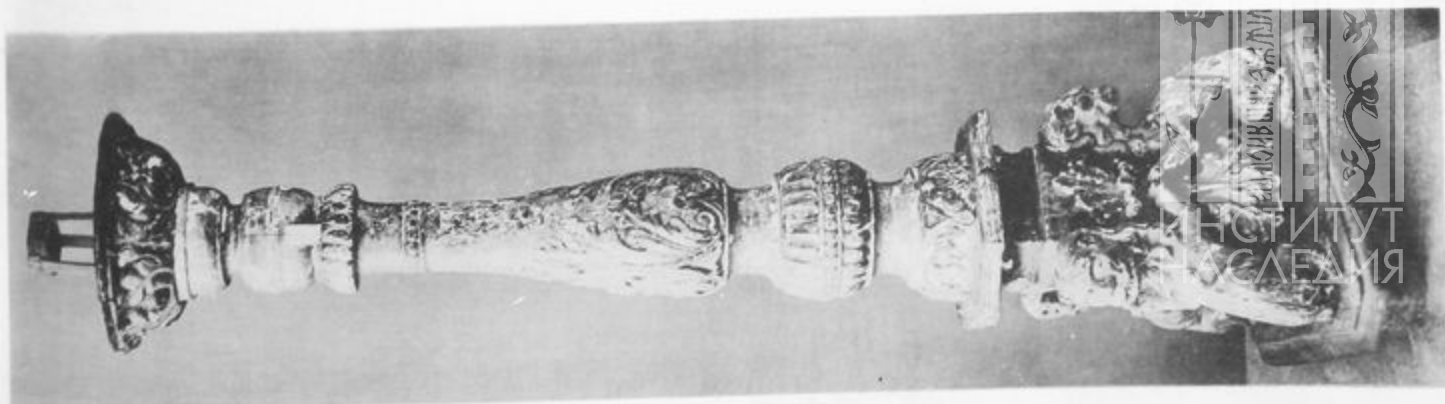
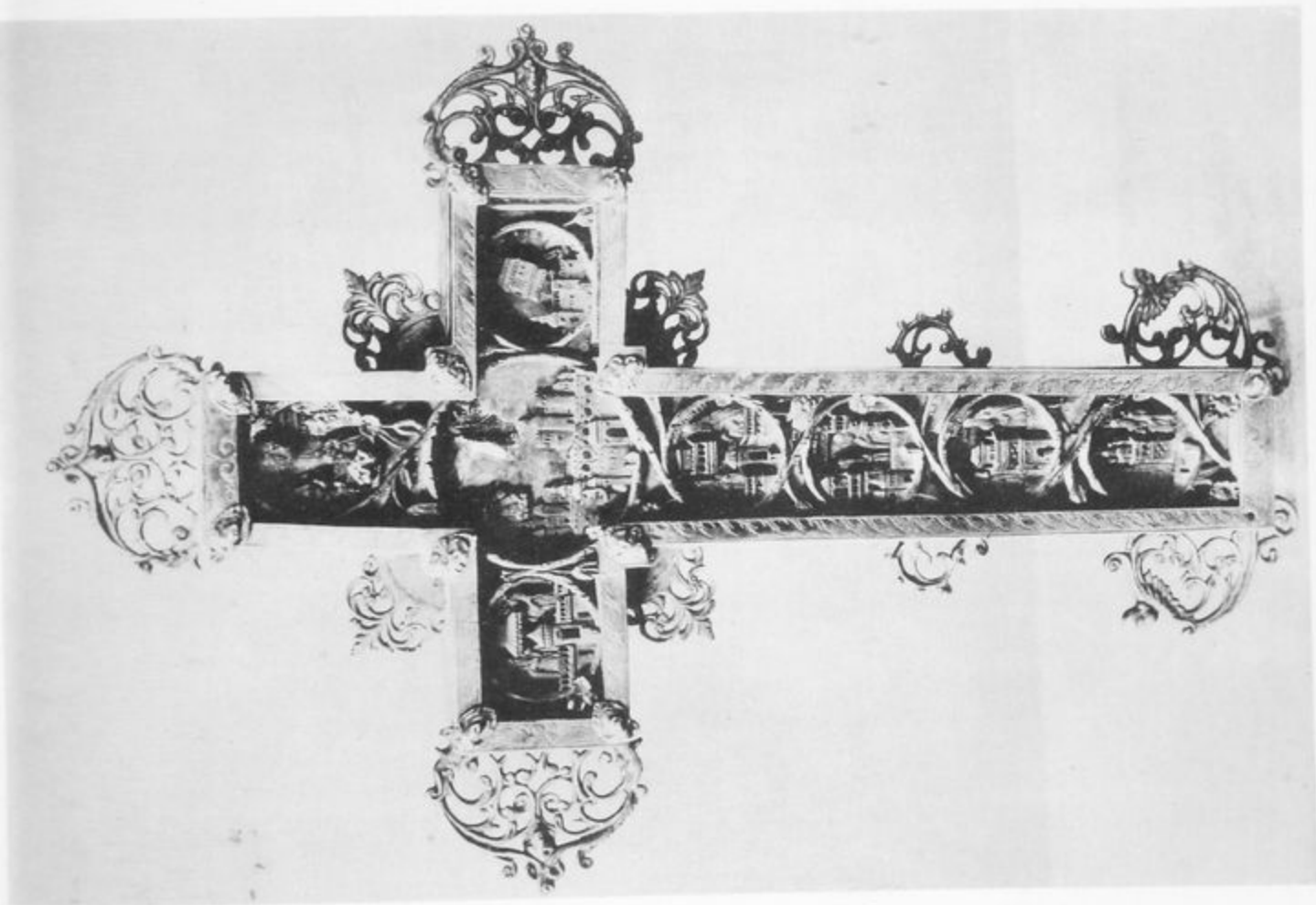
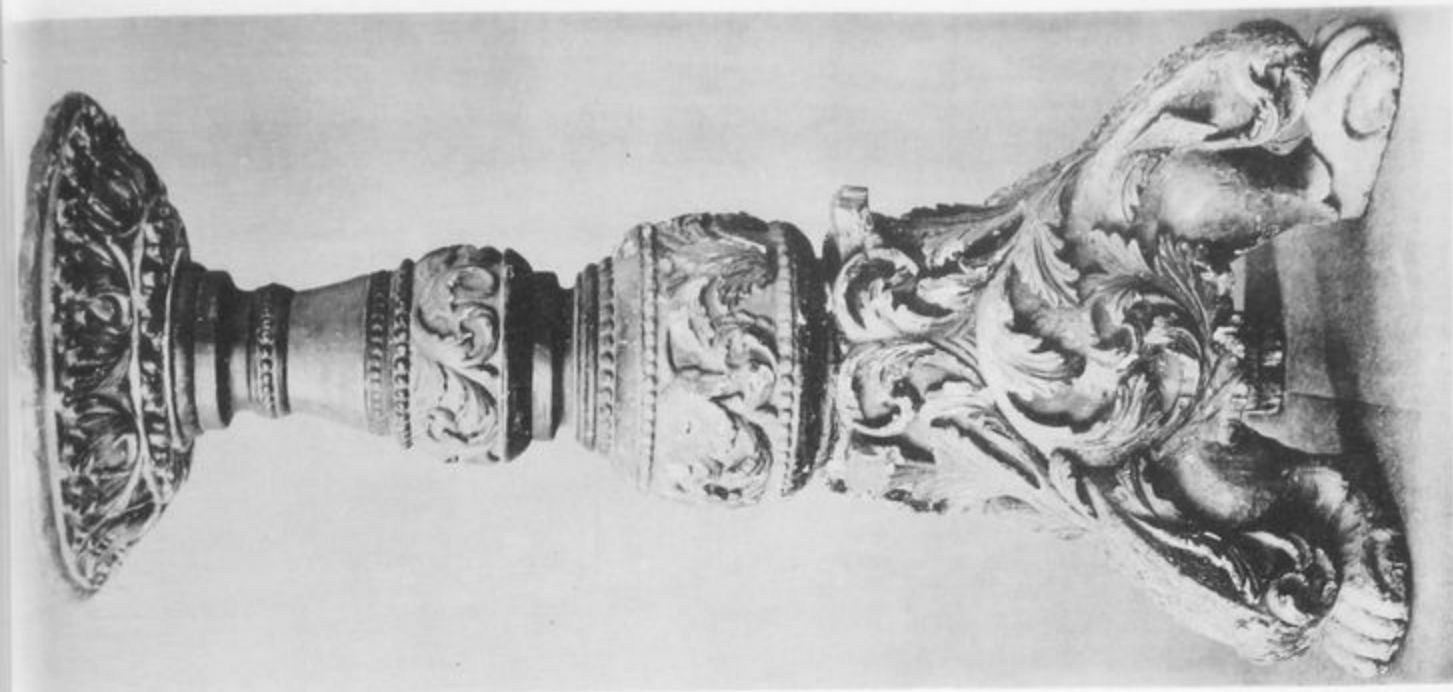
1311. Крестъ напрестольный кипарисный, тонкой монастырской работы, въ металлической оправѣ, съ литыми ажурными украшениями, XVII—XVIII вѣковъ. Въ 8 кругахъ, перевитыхъ гроздьями винограда, вырѣзаны въ центрѣ Распятіе (сохранился только городъ и ангелъ съ орудіями страданія), вверху Воскресеніе Христово и явленіе ангела мироносицамъ, въ боковыхъ — святители: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ и Николай Чудотворецъ. Въ четырехъ нижнихъ кругахъ подвижники и преподобный Антоній Великій, Феодосій, Антоній и Феодосіи Печерскіе и др. На оборотѣ по золотому левкасу киноварью стершаяся надпись «Кресту твоему». Изъ Троицкой ц. с. Семеновки, Новозыбковского у. Ч. Е. Д. (табл. XXIII).

1312. Крестъ напрестольный кипарисный, восьмиконечный, въ металлической позолоченной оправѣ, на высокому подножію, подъ слюдой, съ изображеніями Распятія и исторіи страданій, на обратной — Богородичныхъ и Господнихъ праздниковъ, въ нижнемъ концѣ надпись: «Року 1712 мця декаврия 23»; на обратной сторонѣ архіерейскій крестъ и инициалы В. Г. П. В., XVI—XVII вѣковъ. Изъ Михайловской ц. м. Воронеж, Глуховскаго у. Е. Д.

1313. Крестъ напрестольный кипарисный, въ металлической оправѣ съ подножіемъ, по сторонамъ оправы надпись: «Тимофея и Анастасіи 1795 года». Изъ Михайловской ц. м. Воронеж, Глух. у. Е. Д.

1314. Крестъ небольшой напрестольный, кипарисный, въ оловянной оправѣ, съ подножіемъ, изображенія: Распятіе, на обр. — Богоматерь съ тѣломъ Сына на рукахъ и Іоанномъ Богословомъ, лобзающимъ руку Христа. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1315. Крестъ напрестольный кипарисный (восьмиконечный) съ рѣзнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими. На оборотѣ — Богоматерь съ двумя святителями. Изъ Покровской ц. с. Бортничъ, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

БИБЛИОТЕКА
НИИ та Крайне-дической
и научной работы

1316. Крестъ оловянный, на подножии съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими. На обратной — Нерукотворенный образъ и орудія страданій, внизу надпись: «1752 г. мѣсяца іюля 21 дня». Изъ Успенской ц. с. Зазирокъ, Глух. у. Е. Д.

1317. Крестъ металлическій литой, напрестольный, изображ.: Распятіе съ предстоящими —верху — Всевидающее око, внизу — Св. Николай. На обратной — Крещеніе (Іоаннъ Креститель держитъ надъ Христомъ чашу), внизу свлмч. Варвара съ мечемъ въ рукѣ; орнаментированъ сіяніемъ, XVIII вѣка. Изъ Георгіевской ц. с. Выгуровщины, Остерск. у. Е. Д.

1318. Крестъ напрестольный оловянный съ накладнымъ рельефнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и на оборотѣ Богоявленія, XVIII вѣка. Изъ Георгіевской ц. с. Выгуровщины, Остерскаго у. Е. Д.

1319. Крестъ оловянный съ литымъ изображеніемъ Распятія, въ концахъ Саваоа съ Духомъ Святымъ и предстоящихъ. На обратной сторонѣ — Крещеніе, въ концахъ — Бога Саваоа съ Духомъ Святымъ, Іоанна Крестителя и ангела. Изъ Троицкой ц. с. Старогородки, Остерск. у. Е. Д.

1320. Крестъ напрестольный оловянный съ накладнымъ бронзированнымъ крестомъ и Распятіемъ, на обратной — Богоматерь съ Младенцемъ и скипетромъ въ рукахъ, богато орнаментированъ въ перекрестьи и по концамъ. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Ч. Е. Д.

1321. Крестъ большой напрестольный жестяной съ богатой оловянной орнаментировкой въ концахъ и по сторонамъ; накладное рельефное бронзированное Распятіе съ предстоящими, на обратной — Крещеніе. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1322. Крестъ четвероконечный (панихидный), изъ чернаго дерева на подставкѣ, съ накладнымъ литымъ серебряннымъ Распятіемъ, свиткомъ съ надписью І. Н. Ц. І., а въ перекрестьи инициалами І. С. Х. С. Изъ Вознесенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1323. Крестъ деревянный восьмиконечный, $13 \times 7\frac{3}{4}$ в., съ живописнымъ изображеніемъ Распятія и надписью «о водруженіи на Божественномъ жертвенницѣ старательствомъ Гдина Первознатнѣйшаго Бунчуковаго Товарища Его Высокоблагородія Гдина Іоанна Стефановича Миклашевскаго 1758 года мца мая 31 д.». Изъ Успенской ц. с. Зазирокъ, Глух. у. Е. Д.

1324. Крестъ дароносный съ накладнымъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и Саваоомъ сверху. Внутри маленькая оловянная чаша и такая же ложка. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерск. у. Е. Д.

1325. Крестъ дароносный оловянный съ грубо нарѣзнымъ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Распятія на семиконечномъ крестѣ и, на обратной, Богоматери съ семью мечами въ груди. Е. Д.

1326. Крестъ оловянный дароносный, XVIII вѣка, съ изображеніемъ гравировкой на лицевой сторонѣ — Архистратига Михаила, на обратной — Богоматери съ Младенцемъ, по бокамъ — цвѣточный орнаментъ. Изъ Георгіевской ц. с. Будища, Кролев. у. Е. Д.

1327. Крестъ оловянный съ рельефными изображеніями Распятія и предстоящихъ, внизу у креста плачущая Магдалина, На обратной сторонѣ «Богоявленіе»

съ Саваою вверху и двумя предстоящими ангелами. Внизу—глава Иоанна Крестителя на блюде. Начала XVIII вѣка. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерск. у. Е. Д.

1328. Крестъ кипарисный въ мѣдной оправѣ; изображено: Распятіе въ виноградныхъ гроздьяхъ съ предстоящими; въ концахъ—три святителя, внизу апостолы Петръ и Павелъ. На образѣ—Богоматерь съ Младенцемъ и предстоящими преподобнымъ Антоніемъ и Θεодосіемъ печерскимъ; въ концахъ—апостолы и архангелъ Михаилъ. Изъ Георгіевской ц. с. Бутища, Кролевецк. у. Е. Д.

1329. Крестъ кипарисный съ изображеніемъ 8-конечнаго креста, а на обратной сторонѣ инициаловъ Богоматери, въ оправѣ, конца XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. с. Кобыжчи, Козелецк. у. Е. Д.

1330. Крестъ кипарисный небольшой въ серебрянной оправѣ съ травленнымъ орнаментомъ, изображено: Распятіе, вверху Нерукотворенный образъ и на образѣ Скорбящая Богоматерь, съ орудіями страданій по концамъ. Изъ Покровской ц. с. Гирина, Глуховск. у. Е. Д.

1331. Рѣзное изъ дерева Распятіе на пятиконечномъ крестѣ. Тѣло Христа—неестественно сильно обвисло и самая поперечина креста (другая половина отломана) склонена нѣсколько внизъ. У подножія креста—Марія Магдалина. Изъ Ильинской ц. м. Почена, Мглинск. у. Е. Д.

Полтавскаго Епархіальнаго Древнехранилища.

1548. Деревянный наперстный крестъ съ фигурнымъ изображеніемъ Распятія изъ слоновой кости. Изъ Лубенскаго монастыря.

1549. Крестъ серебрянный, семиконечный, напрестольный съ чеканнымъ изображеніемъ Распятія и Богоматери, съ записью. 1670 года. Изъ церкви с. Волчерѣчья, Кобелякскаго у.

1550. Крестъ напрестольный кипарисный рѣзной, XVIII вѣка. Изъ церкви Дашковки, Кобелякскаго у.

1551. Крестъ напрестольный (небольшой) кипарисный, въ серебрянной оправѣ. Изъ Переяславскаго монастыря.

1552. Крестъ ручной кипарисный, художественной рѣзбы, въ серебрянной оправѣ. Изъ Переяславскаго монастыря, XVIII вѣка.

1553. Крестъ ручной кипарисный, тонкой рѣзбы, въ серебрянномъ окладѣ, XVIII вѣка. Изъ церкви м. Бѣликъ.

1554. Крестъ ручной, съ живописнымъ изображеніемъ Распятія въ серебрянной оправѣ.

1555. Крестъ ручной серебрянный семиконечный, съ чеканнымъ изображеніемъ Распятія XVIII вѣка. Изъ Лубенскаго Собора.

1556. Крестъ наперстный мѣдный, состоящій изъ двухъ половинокъ, съ литымъ изображеніемъ Распятія и изображеніями предстоящихъ, XI—XII вѣковъ. Найденъ въ Переяславскомъ у.

1557. Верхняя створка мѣднаго креста складня, внутри полога, съ литыми изображеніями. Изъ Миргородскаго у.

1558. Крестъ-тѣльникъ мѣдный, литой.

1559. Крестъ мѣдный, состоящій изъ двухъ половинъ, съ кольцомъ для подвѣшиванія, найденный въ руслѣ Днѣстра на глубинѣ трехъ сажень.

1560. Крестъ-тѣльникъ желѣзный съ зубчатыми украшеніями. Изъ Переяславскаго Собора.

1561. Крестъ серебряный наперсный съ каменьями. Изъ ц. Леликовки, Кобелякскаго у.

1562. Крестъ наперсный серебряный съ алмазомъ. Изъ Переяславскаго монастыря.

Дарохранительницы (по каталогу отд. V).

306. Дарохранительница деревянная, въ видѣ большого продольнаго ящика съ верхомъ, окрашенная въ зеленую краску съ глухимъ рѣзнымъ орнаментомъ, краснаго цвѣта и съ куполообразнымъ верхомъ, увѣнчаннымъ высокимъ семиконечнымъ крестомъ, покрытаго съ обѣихъ сторонъ сценами изъ жизни Спасителя и Богоматери, расположенныхъ безъ особаго порядка: на верхней перекладинѣ Рождество Спасителя съ волхвами, вводимыхъ въ пещеру мужскою фигурой; ниже Срѣтеніе; на перекрестіи Крещеніе; на рукѣ креста (правая сторона отломана) Вознесеніе и Введеніе во храмъ; ниже ветхозавѣтная Троица, Рождество Дѣвы Маріи и Преображеніе; на нижней перекладинѣ Успеніе Богоматери; еще ниже Воздвиженіе Креста. На оборотѣ; на верхней перекладинѣ Тайная Вечеря; ниже Омовеніе ногъ; на средокрестіи Распятіе съ предстоящими; на рукѣ Лобзаніе Іуды и Моленіе о чашѣ; надъ средокрестіемъ Бичеваніе, Ношеніе Креста, Снятіе со Креста; на нижней перекладинѣ Положеніе во гробъ и Воскресеніе. Крестъ обыкновенной монастырской работы; подставка весьма грубаго дѣла, XVII вѣка. Изъ Николаевской ц. с. Лоски, Кролевецк. у. Е. Д. (Табл. V.)

307. Дарохранительница деревянная, пестро-раскрашенная съ надписью внизу: «Во гробѣ Плотски»... Наверху пятиконечный крестъ въ виноградныхъ гроздьяхъ (поломанныхъ) съ изображеніемъ Распятія. Конца XVII или начала XVIII вѣка. Изъ церкви с. Слабина, Черниговск. у. Е. Д. (Табл. XXV.)

308. Дарохранительница деревянная, двухъярусная, окрашенная въ красную краску, мѣстами позолоченная съ рѣзнымъ изъ дерева орнаментомъ; сверху большое рѣзное изображеніе пятиконечнаго креста въ виноградныхъ гроздьяхъ съ хорошо вырѣзанной скульптурной фигурой Распятаго въ терновомъ вѣнцѣ съ сіяніемъ и двумя фигурами предстоящихъ въ нишахъ. Хорошій образецъ мѣстной южно-русской рѣзбы по дереву, половины XVII вѣка. Изъ церкви с. Пакули, Черниг. у. Е. Д. (Табл. XXVI.)

309. Дарохранительница деревянная, XVIII вѣка, съ двумя выдвижными ящиками; вверху отверстіе, въ которое вставлялся небольшой деревянный же крестъ (его не достаетъ). Изъ Михайловской ц. с. Адамовки, Козелецк. у. А. К.

310. Дарохранительница деревянная, 3-ярусная, раскрашенная, въ видѣ двухъ ящикоу, одинъ надъ другимъ, съ изображеніемъ въ нижнемъ ярусѣ Христа, Божіей Матери и 2-хъ серафимовъ, третій ярусъ въ видѣ сѣни на 4-хъ колонкахъ, внутри золоченая чаша съ крестомъ, половины XVIII вѣка. Е. Д.

311. Дарохранительница деревянная, въ видѣ ящика съ крышкой, съ секретнымъ створомъ; верхней части—купола съ крестомъ не достаетъ; сосудъ весь выкрашенъ, съ изображеніями орудій вольной страсти: работа XVIII вѣка съ позднѣйшей раскраской; изъ церкви с. Довжика, Черниговск. у. А. К.

312. Дарохранительница деревянная, очень ветхая и сохранившаяся не полностью; ящикъ, въ которомъ хранились св. Дары, выдвижной; на лицевой сторонѣ живописное изображеніе Спасителя, лежащаго во гробѣ, повитаго пеленами, на другой Адамова голова; по узкимъ бокамъ два серафима; сооруженіе начала XVIII вѣка, изъ церкви с. Довжика, Черниговск. у. А. К.

313. Дарохранительница деревянная, въ видѣ большого продолговатаго ящика съ крышкой, окрашеннаго въ темносинюю краску, съ изображеніями лежащаго на плащаницѣ Христа; сбоку Нерукотворенный Спасъ, сверху четырехконечный крестъ съ изображеніемъ Распятія и двѣ фигуры предстоящихъ. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецк. у. Е. Д.

314. Дарохранительница деревянная, росписная, обложенная слюдой въ видѣ ларца (Табл. XXVII), XVIII вѣка, изъ упраздненнаго Макошинскаго монастыря. А. К.

315. Дарохранительница деревянная, XVIII вѣка, изъ церкви с. Слободки, Сосницкаго у. А. К.

316. Дарохранительница оловянная съ изображеніемъ Положенія во гробъ (Табл. XXVII) изъ упраздненнаго Макошинскаго монастыря. А. К.

317. Дарохранительница оловянная, украшенная мелкою гравировкой; нижняя часть—гробница на четырехъ загнутыхъ ножкахъ; верхняя часть въ видѣ надгробія съ тремя шпилями увѣнчанныхъ крестами и Распятіемъ. Видимо излюбленная форма въ Малороссіи, такъ какъ подобныя дарохранительницы преобладаютъ на Выставкѣ. Памятникъ XVII вѣка, сохранившійся въ церкви с. Шибириновки, Черниговск. у. А. К. (Табл. XXVII).

318. Дарохранительница оловянная; изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенск. у.

319. Дарохранительница оловянная, раскрашенная въ золотистый цвѣтъ, утвержденная на четырехъ ножкахъ (лапкахъ); передняя сторона служитъ створомъ, поднимающимся кверху; на ней тисненное подобіе иконы Спасителя въ рамѣ (медальономъ); по сторонамъ, также въ медальонѣ, икона Богоматери и Предтечи (деисусъ); на оборотной сторонѣ, въ большомъ восьмиугольномъ медальонѣ, изображены два ангела, приносящія одежды, и звѣзда, отъ востока возсіявшая; внутри четыре отдѣленія; верхней, куполообразной части не достаетъ; памятникъ XVIII вѣка, Изъ церкви с. Яновки, Черниговск. у. А. К.

320. Дарохранительница оловянная, мѣстами бронзированная, въ видѣ ковчега на подставкѣ съ главкой съ вычокимъ шпиемъ, разукрашеннымъ изображеніями Ангеловъ; Бога Саваоѳа и воскресшаго Спасителя. По стѣнкамъ штампованныя, рас-

крашенныя изображенія; XVIII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Дырчина, Городн. у. Е. Д. (Табл. XXVIII.)

321. Дарохранительница оловянная, съ мелкими гравированными украшеніями; крышка съ тремя куполами, увѣнчанными крестами, изъ коихъ одинъ сломанъ; памятникъ XVII вѣка. Изъ церкви с. Юрьевки, Черниговск. у. А. К.

322. Дарохранительница оловянная (нижняя часть безъ крышки); изъ церкви с. Старой Рудни, Городнянск. у. А. К.

323. Дарохранительница оловянная о трехъ главкахъ съ крестами, на средней въ сѣяніи инициалы Богоматери, украшена прорѣзнымъ тонкимъ изящнымъ орнаментомъ, съ накладными фигурами 7 серафимовъ и двухъ ангеловъ; половины XVIII вѣка. Изъ Васильевской ц. гор. Городни, Черниговск. губ. Е. Д. (Табл. XXVIII.)

324. Нижняя часть оловянной дарохранительницы, въ видѣ ковчега съ накладными изображеніями. Изъ церкви с. Горска, Городнянск. у. Е. Д.

325. Дарохранительница оловянная, съ краснымъ травянымъ орнаментомъ. Изъ Параскевѣвской ц. с. Краснаго, Черниговск. у. А. К. (Табл. XXVIII.)

326. Дарохранительница оловянная съ штампованными изображеніями положенія во гробъ, двухъ ангеловъ, Тайной Вечери, Распятія съ предстоящими. На средней изъ 3 главокъ изображеніе воскресшаго Христа въ сѣяніи; XVIII вѣка. Изъ церкви с. Старо-Почепья, Мглинск. у. Е. Д.

327. Дарохранительница оловянная, на среднемъ куполѣ крышки крестъ сломанъ. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговск. у. А. К.

328. Дарохранительница металлическая бронзированная, съ изображеніями гравировкой: 2 архангеловъ и 3 серафимовъ. Вверху литое изображеніе Распятія съ двумя ангелами, держащими рипиды; конца XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

329. Дарохранительница мѣдная, въ формѣ продолговатаго ковчега съ одной главкой, увѣнчанной крестомъ, въ срединѣ и по угламъ четырьмя шпиками съ свѣздами на верху. Типичный экземпляръ для Малороссіи. Изъ церкви с. Хоромнаго, Новозыбков. у. Е. Д.

330. Дарохранительница безпробнаго серебра, съ штампованными изображеніями положенія во гробъ, Маріи Магдалины съ цвѣточными украшеніями. На главкѣ четырехконечный крестъ съ Распятіемъ, по бокамъ двѣ фигуры предстоящихъ; конца XVIII вѣка. Изъ ц. Фрола и Лавра м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

331. Крестильный ящикъ деревянный, простой конструкціи въ видѣ ковчега съ крышкой и крестомъ на верху, окрашенный въ зеленую краску, половины XVII вѣка. Изъ церкви с. Теремошекъ, Суражск. у. Е. Д.

332. Крестильный ящикъ оловянный о трехъ главкахъ съ Распятіемъ, по стѣнкамъ чеканный цвѣточный орнаментъ, XVII вѣка. Изъ Николаевской ц. м. Снявки, Сосницк. у. Е. Д.

333. Крестильный ящикъ оловянный о трехъ главкахъ съ крестами и изображеніемъ Распятія. Отъ вдовы свящ. с. Дырчина, Городнянск. у. Сочаво. Е. Д.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

1332. Дарохранительница серебряная, позолоченная, въ видѣ ковчежца, съ крышкой. На послѣдней литое изображеніе Распятія и выбитыя фигуры предстоящихъ, на лицевой сторонѣ ковчега штампованное изображеніе Тайной Вечери, на оборотной сторонѣ вырѣзана надпись: «1755 года апреля 23 дня здѣланъ сей кивотъ въ церковь стаго Архистратига Хѣва Михаила почепскую тѣмъ тояжде церкви преевритера Матвѣя Туровскаго злотникомъ Михаиломъ». Изъ Р.-Богородичной ц. м. Почеп, Мглинск. у. Е. Д.

1333. Дарохранительница серебряная, позолоченная. На крышкѣ въ кругѣ съ сіяніемъ—Воскресшій Христосъ, по сторонамъ предстоящіе (у креста), по бокамъ штампованныя изображенія: Положенія во гробъ Христа, Благовѣщенія и св. великомученика Димитрія Солунскаго, XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.

1334. Крестильный оловянный ящикъ о трехъ главкахъ съ цированнымъ орнаментомъ на высокихъ ножкахъ (двухъ не достаесть). Изъ Покровской ц. с. Бортничъ, Остерск. у. Е. Д.

1335. Дароносица оловянная въ видѣ продолговатаго ящика. На передней открывающейся стѣнкѣ накладное изображеніе Распятія и одна (сохранившаяся) фигура предстоящей Богоматери. Внутри небольшая оловянная чаша съ крышкой для приобщенія больныхъ и мѣдная лжица. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Е. Д.

1336. Дарохранительница оловянная двухъярусная съ литыми изображеніями на первой выдвигающейся сторонкѣ: Христа Царя Славы съ предстоящими ангелами, святыми, царями и святителями, по бокамъ апостолы Петръ и Павелъ, на обратной сторонѣ «Агглі Гдни». Въ верхнемъ ярусѣ «Всѣмъ скорбящимъ радость», съ двумя лигыми ангелами, держащими рипиды. Внутри оловянная чаша для приобщенія больныхъ. XVIII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Ч. Е. Д.

1337. Дарохранительница деревянная двухъярусная, простой конструкціи, раскрашенная по зеленому полю мелкими цвѣтами, съ двумя выдвижными ящиками. Вверху четвероконечный крестъ съ рисованнымъ Распятіемъ и двѣ фигуры предстоящихъ. На обратной сторонѣ надпись: «1803 года сентября». Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1338. Крестильный деревянный ящикъ, окрашенный въ зеленую краску съ краснымъ бордюромъ и искусно вырисованными рамками, XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1339. Дарохранительница деревянная въ видѣ ковчега, окрашена въ синюю краску съ изображеніемъ Снятія со креста и Голгофы, съ большимъ рѣзнымъ Распятіемъ на четвероконечномъ крестѣ и рисованными фигурами предстоящихъ, XVIII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Ч. Е. Д.

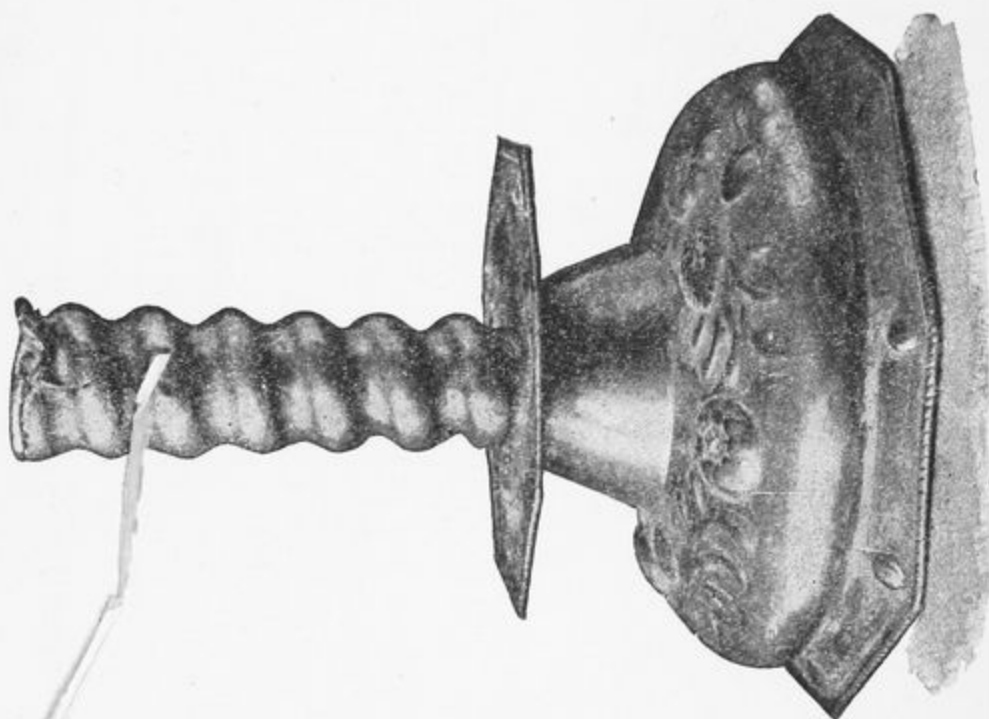
1340. Дарохранительница деревянная безъ верха, на высокомъ подножіи, окрашенная въ зеленую краску съ глухимъ рѣзнымъ орнаментомъ и застекленнымъ нижнимъ ярусомъ. Внутри видна вырѣзанная изъ дерева фигура лежащаго тѣла Христа. Изъ Михайловской ц. гор. Остра, Черниговск. губ. Е. Д.

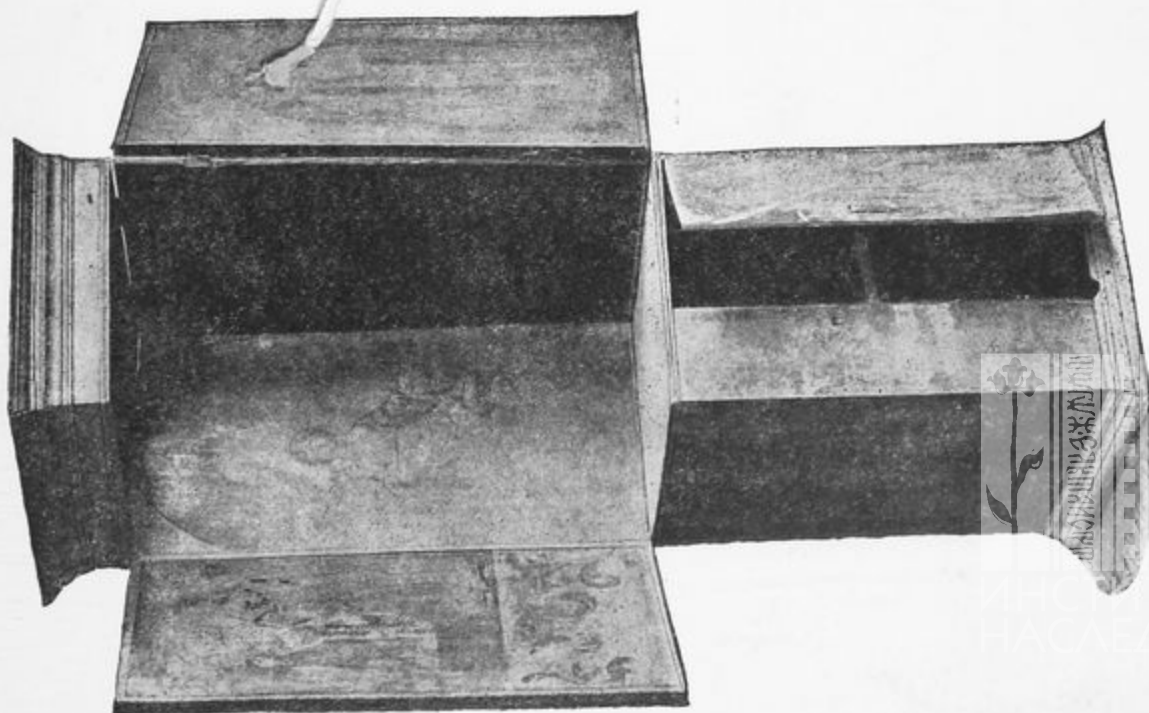
№ 1392.

№ 1851.

№ 401.

№ 1509.

БИБЛИОТЕКА
Музея истории
и культуры
г. Иркутск

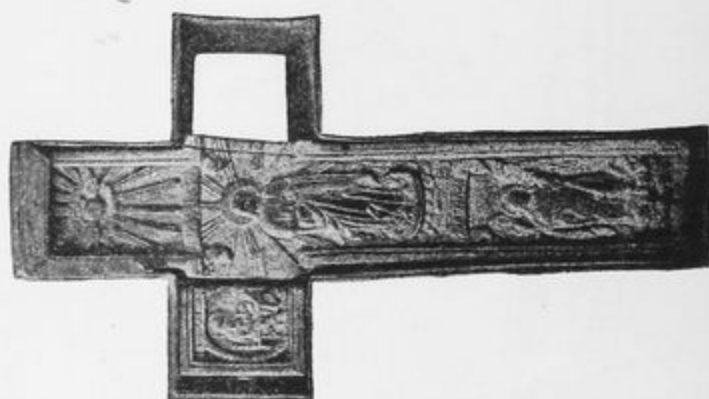

№ 301.

№ 302.

№ 300.

№ 301.

БИБЛИОТЕКА
Музейной работы

№ 307.

№ 306.

Фот. П. Павлова.

№ 383.

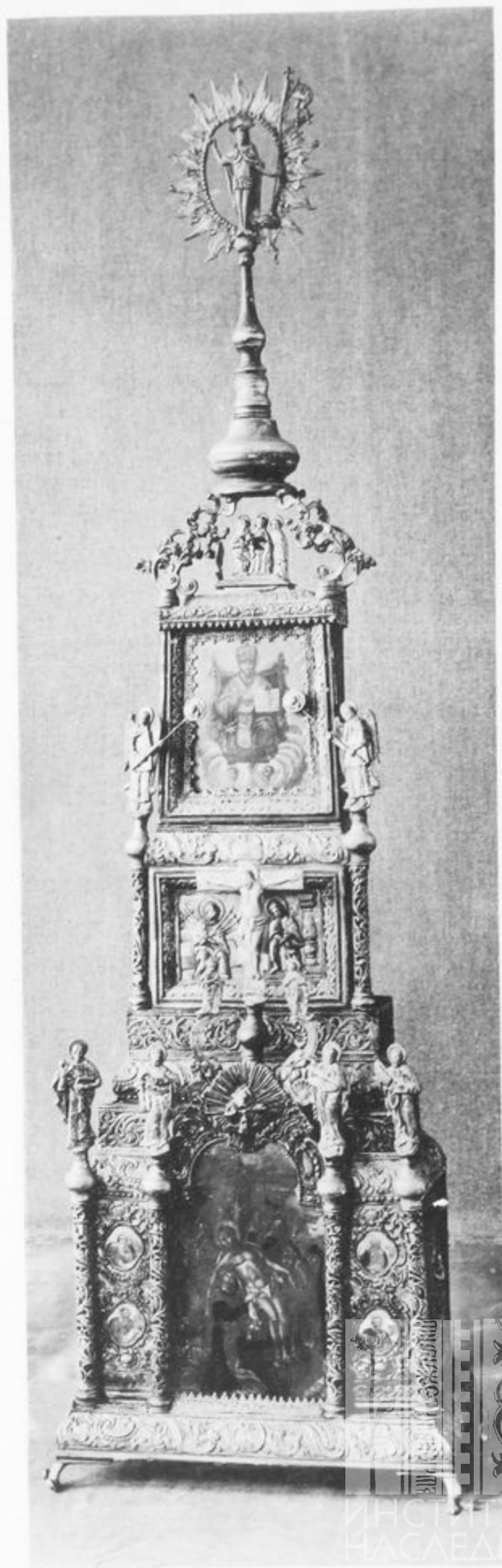

ВЛЮБИТЕЛЬ
ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ
в Музейный фонд

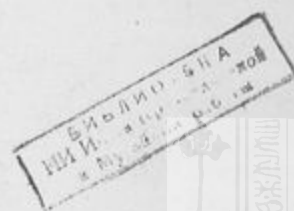

№ 308.

Безъ №.

Фот. П. Павлова.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

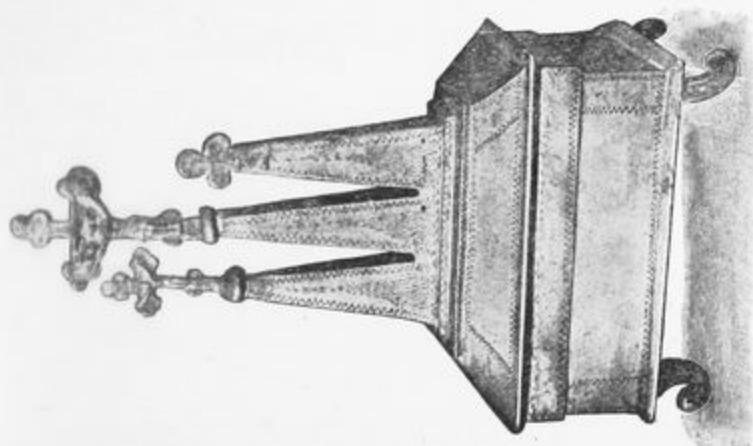

№ 380.

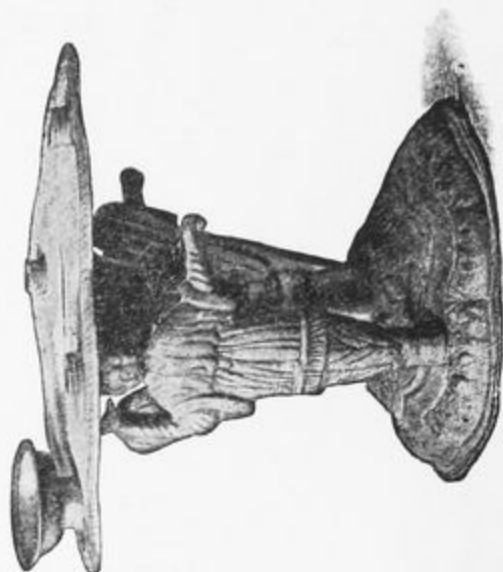
№ 316.

№ 317.

№ 186.

№ 382.

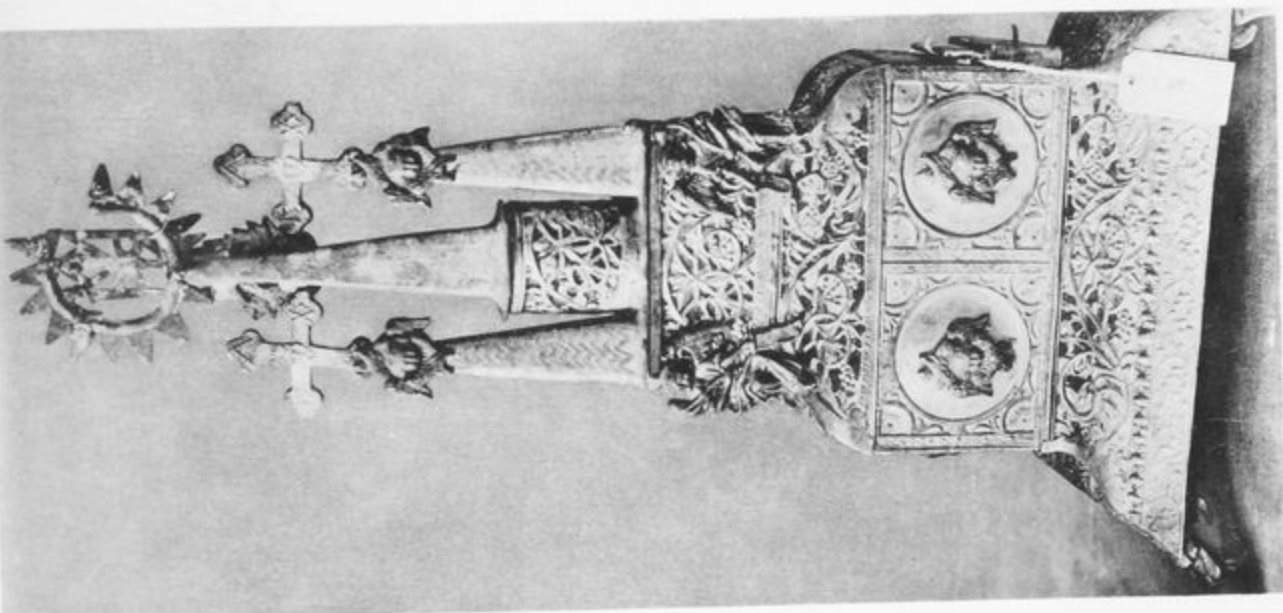
№ 314.

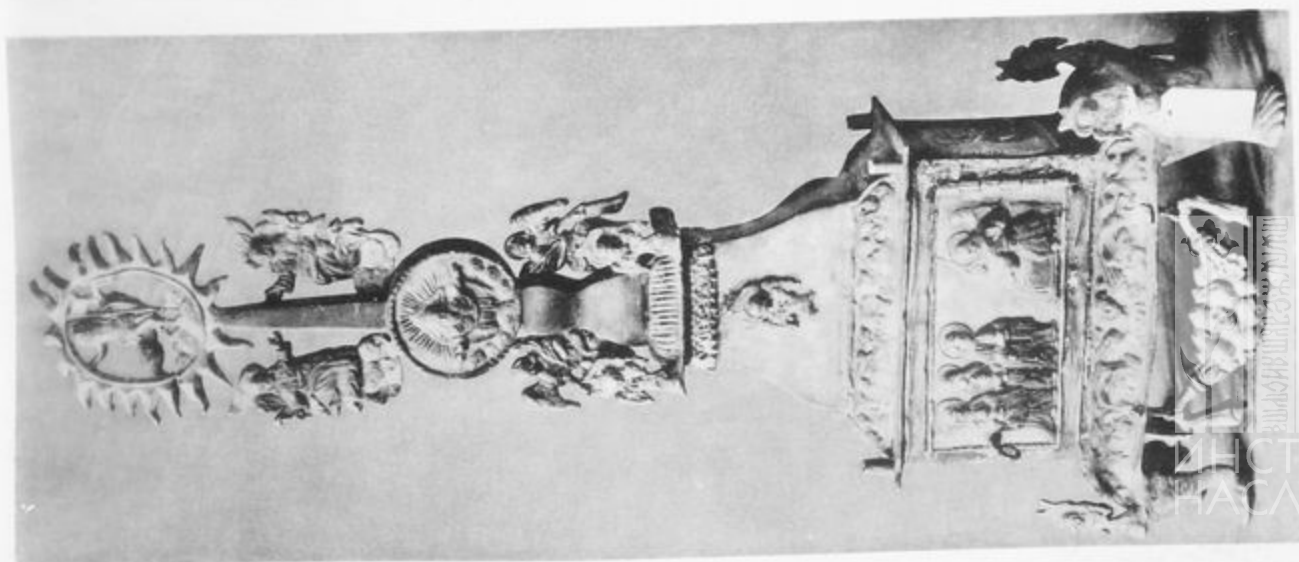

Фот. П. Павлова.

№ 325.

№ 323.

№ 320.

Библиотека
ИИ
Академии наук
и литературы
в Ленинграде

1341. Дарохранительница оловянная, плоская съ изображеніемъ Тайной Вечери, XVII вѣка. К. у. ск. муз.

Безъ №. Дарохранительница въ четыре яруса; желѣзная съ прорѣзными колонками и штаброванными орнаментами изъ олова. Нижний ярусъ самый высокій въ видѣ ковчега, о четырехъ колонкахъ съ кувшинообразными капителями съ фигурами пророковъ на нихъ; фасъ этого яруса занятъ довольно грубо рисованной на жести сцены Снятія со креста, надъ которой возвышается арка съ сіяніемъ и благословляющей фигурой Бога Отца; по сторонамъ, между колонками, по тонкоштаброванному орнаменту, медаліоны съ Евангелистами; надъ аркой Распятіе съ предстоящими. Боковыя стороны этой арки покрыты изображеніями: Моленіе о чашѣ и Несеніе креста, подъ которыми имѣются подвижные ларцы для храненія даровъ, но, вѣроятно, *только сухихъ*, такъ какъ ларцы продольные и безъ раздѣленій для чаши. Передняя ихъ часть разукрашена изображеніемъ Святой несомой ангелами, съ латинскою надписью «S. MATERTERES» и ангела со всѣми орудіями мученій и колонной съ пѣтухомъ. Наверху неясная надпись. Второй ярусъ разукрашенъ только съ фаса двумя колонками, увѣнчанныхъ ангелами съ рипидами и штаброваннымъ изображеніемъ Божіей Матери съ 7 мечами въ груди и Спасителемъ у колонки бичеванія. Третій ярусъ имѣетъ живописное изображеніе Спасителя на тронѣ въ архіерейскомъ одѣянніи; надъ нимъ гробница съ положеннымъ въ нее Христомъ; выше святая жены и ангелы; сверху подвѣшенъ голубь. Четвертый ярусъ составляетъ какъ бы сѣнь надъ гробницей и заканчивается высокимъ шпилемъ съ воскресшимъ Спасителемъ, держащимъ лабарумъ и окруженный сіяніемъ. Все свидѣлствуетъ о западномъ происхожденіи предмета. (Табл. XXVI).

VI. Всенощницы (по каталогу отд. X).

380. Всенощникъ оловянный съ трикиріемъ и изображеніемъ Бога Отца въ сіяніи, начала XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговск. у. Е. Д. (Табл. XXVII.)

381. Всенощникъ оловянный, XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. с. Слободки, Сосницкаго у. А. К.

382. Всенощникъ оловянный; верхняя тарель поддерживается фигурами ангеловъ (Табл. XXVII) XVIII вѣка, изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянск. у. А. К.

383. Всенощникъ оловянный. На осмиконечномъ блюдѣ установленъ богато разукрашенный ажурнымъ орнаментомъ столъ, по сторонамъ котораго располагались орнаментированные подсвѣчники (передній сломанъ). Само блюдо покоилось на изящныхъ ножкахъ, нынѣ частью обломанныхъ, равно какъ и нижній поясокъ блюда. (Табл. XXV.) Половины XVIII вѣка. Изъ Вознесенской ц. гор. Мглина, Черниговск. губ. Е. Д.

384. Всенощникъ жестяной съ литыми фигурами трехъ ангеловъ, поддерживающихъ блюдо для хлѣбовъ. Конца XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецк. у. Е. Д.

VII. Плащаницы.

1291. Плащаница одноличная на бѣломъ холстѣ съ грубо рисованнымъ изображеніемъ Христа, лежащаго въ полуоборотѣ. Вокругъ золотого нимба надъ головой: «Ѣ Ѣца послан они мене не познали наши на кресті рас». По полю «ІΣ ΧΣ» и шесть виноградныхъ кистей. По бордюру надпись: «Во гробѣ плотски во адѣ же сдше яко Бгъ въ раи же съ разбойникомъ и на претлѣ был еси Хе съ Ѣцмъ и Дхом вся исполняя неопысани». Начала XVII вѣка. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерск. у. Е. Д.

1292. Плащаница одноличная на бѣломъ грубомъ холстѣ, конца XVII вѣка. Изъ Вознесенской ц. с. Дудоркова, Остерск. у. Е. Д.

1293. Плащаница шелковая, съ изображеніемъ только тѣла Господня, работы Барышовскаго маляра Θεодора Рекленскаго, 1710 года. Изъ церкви с. Скопцовъ, Переясл. у., Полтавской губ. Музей Кіевск. Дух. Академіи.

1294. Плащаница одноличная на голубомъ муарѣ съ надписью внизу: «Сія плащеница здѣлана коштомъ раба Бжого Кірила 1768 года мая 14 дня». Изъ Вознесенской ц. с. Дудоркова, Остерск. у. Е. Д.

1295. Плащаница одноличная на голубомъ шелку; у ногъ Христа—семиконечный крестъ съ копіемъ и тростию, утвержденный на сребренникахъ, и колонна съ петелемъ и орудіями страданій. Внизу надпись: «сія плащеница вохрамъ Сто-Троецкій холявынскій коштомъ Анни Яковыхи Зубчихи, жителки Холявинской; списася 1783 года марта 30 дня писалъ иконаписецъ Никифоръ Покотило». Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговск. у. Е. Д.

1296. Плащаница на голубомъ шелку съ изображеніемъ Христа на бѣлой пеленѣ и двухъ предстоящихъ ангеловъ. Вверху два медальона съ изображеніемъ орудій страданія. Надъ Христомъ надпись: «ІІΣ. ΧΣ.» Редакція тропаря: «Благообразнии... Сънемъ... пречыстое... и благоуханми... покривъ положи». Внизу дата «1790 года марта». Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.

1297. Плащаница одноличная на бѣломъ холстѣ. Вокругъ золотого нимба, подъ головой, надпись: «Плотію уснувъ яко мертвъ Црь и Гдъ». По полю: «ІІΣ. ΧΣ.» По бордюру полный текстъ тропаря. Начала XVIII вѣка. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерск. у. Е. Д.

1298. Плащаница одноличная на темнозеленомъ бархатѣ. Изображеніе Христа шито шелкомъ, нимбы и препоясаніе зашиты серебромъ. Возлѣ главы Христа «ІІΣ. ΧΣ». По угламъ четыре шитыхъ серебромъ серафима (лица живописныя). По каймѣ вышитъ серебромъ тропарь, XVIII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Е. Д.

1299. Плащаница на свѣтло-кофейномъ атласѣ, съ изображеніемъ Христа на пеленѣ. За Христомъ предстоитъ «Марія Бца» съ горестно распростертыми руками, плачущій «с. Іоанъ Богословъ» съ свѣчей въ рукѣ, «Аггль Гднь Рафаїлъ» со свѣчей въ рукахъ. Надъ головой Христа «ІΣ. ΧΣ.», XVIII вѣка. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.

1300. Плащаница на голубомъ шелку по типу антиминовъ съ многочисленнымъ сонмомъ предстоящихъ. По боковымъ каймамъ четыре Евангелиста и орудія страданія, XVIII вѣка. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховск. у. Е. Д.

1301. Плащаница оиноличная на зеленомъ холстѣ. Глава Христа, положеннаго *en face*, покоится на простой подушкѣ; возлѣ главы «ИС. ХС.», XVIII вѣка. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Е. Д.

1302. Плащаница на зеленомъ шелковомъ платѣ съ парчевой обшивкой 1780 года. Изъ с. Соколки, Кобелякск. у. П. Е. Д.

1303. Плащаница на зеленомъ шелковомъ платѣ съ розовой шелковой обшивкой 1771 года. Изъ Преображенской ц. гор. Лохвицы. П. Е. Д.

1304. Плащаница на платѣ, сплошь шитомъ серебромъ съ живописнымъ изображеніемъ Спасителя и съ шитыми серебромъ и шелками Евангелистами, XVIII вѣка. Изъ Городища, Пирятинск. у. П. Е. Д.

1305. Плащаница на больномъ шелковомъ платѣ, коричневаго цвѣта съ живописными изображеніями: Снятіе Спасителя со креста, Положенія во гробъ и Воскресенія; по краю изображенія многихъ святыхъ — поясныя и во весь ростъ, XVII—XVIII вѣка. Изъ церкви Сулимовки, Переяславск. у. П. Е. Д.

1306. Плащаница на выбойкѣ, XVIII вѣка. П. Е. Д.

1868. Плащаница на бѣломъ шелковомъ платѣ съ надписью: «Сооружися сія плащаница женою Кобцивою Агафіею за отпущеніе грѣховъ ихъ. Писана 1815 года».

1869. Плащаница на платѣ, сплошь шитомъ серебромъ, съ изображеніемъ Евангелистовъ и Херувимовъ, съ зеленой бархатной обшивкой. Живописное изображеніе Спасителя очень пострадало. Изъ церкви Золотоношск. у.

1870. Плащаница съ живописными изображеніями Господа Саваоа, женъ мученицъ, Евангелистовъ, Херувимовъ и вида на городъ съ башнями и церквами шатроваго стиля. Изъ Преображенской ц. м. Смѣлаго.

1871. Плащаница на коричневомъ шелковомъ платѣ, 1766 года. Изъ церкви гор. Кобелякъ.

1872. Плащаница на зеленомъ шелковомъ платѣ, 1772 года. Изъ Успенской ц. м. Китай-Города.

1873. Плащаница на красномъ шелковомъ платѣ съ шитыми золотомъ изображеніями херувимовъ и такимъ же препоясаніемъ. Изъ церкви Роменск. у.

1874. Плащаница на свѣтло-коричневомъ шелковомъ платѣ, по которому масляными красками изображены святители, пророки и разныя сцены изъ жизни Спасителя. На самой срединѣ пятиконечный крестъ съ особо вытянутымъ перекрестіемъ; у подножья его Положеніе Христа во гробъ съ тремя женскими фигурами (изъ которыхъ одна въ темномъ верхнемъ одѣяніи, вѣроятно Богоматерь) и тремя мужскими (изъ которыхъ молодой, вѣроятно, Іоаннъ припалъ къ рукѣ усопшаго). Влѣво Снятіе со креста съ тѣми же 6 лицами: вправо Сошествіе во адъ. По краямъ плащаницы, въ ширину, три ряда святыхъ, изъ которыхъ два краевыхъ изображены въ ростъ, а третій рядъ — плечевыя. Въ одномъ изъ краевыхъ поясовъ Деисусное изображеніе (Спаситель въ архіерейскомъ одѣяніи на тронѣ, а Богоматерь въ не-

обычномъ для Нея византійскомъ) съ Ангелами и Святителями въ красныхъ ризахъ. Съ противоположной стороны между рядомъ Святителей и главными изображеніями надпись, начерченная золотомъ: «**ЛѢС. ПОДЪ КНАНИИ ОЛЕНА ВЫШИЛА СИИ ВЗДУХЪ ВЕЛНКОМУ АРХИСТРАТИГОВУ МИХАИЛОУ КНАЗЮ МИХАИЛОУ ОНДРѢВНЧЮ И ЕГО КНАНИНЕНИХЪ ДѢТЕМЪ**».

Указанная дата 6974 года или 1466. А. И. Соболевскій, которому показала эту плащаницу, вывѣшенную въ первые дни гдѣ-то въ темномъ углу, признаетъ надпись палеографически вѣрной по указанному времени. М. Н. Бережковъ предполагаетъ, что упомянутый князь Михаилъ Андреевичъ долженъ быть Верейскимъ княземъ, находящемся въ опалѣ при Іоаннѣ III. Выраженіе же «вышила», когда плащаница не «шита», а только «писана», позволяетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ рѣдкимъ и цѣннымъ экземпляромъ рисунка, изготовленного для княгини Олены, по которому она должна была изготовить воздухъ на поминъ души супругу и дѣтямъ.

Плащаница или воздухъ этотъ принадлежалъ Покровской ц. с. Сулимовки, Переяславск. у. и сохраняется нынѣ въ Полтавскомъ Древлехранилищѣ (табл. XXIX).

Примѣчаніе. Кромѣ поименованныхъ плащаницъ на выставкѣ было ихъ еще много (экз. 50), но всѣ онѣ писаны масляными красками, весьма обычнаго типа, не древни и не интересны.

VIII. Священные облаченія (по каталогу отд. XII).

А. Фелони.

537. Фелонь шелковая, съ датой 1793 года. Изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенск. у.

538. Фелонь голубого шелка на пестрой выбойчатой подкладкѣ; сверху оплечья на пришитомъ кускѣ краснаго холста надпись «1775 года марта 3 дня, коштомъ Данила Гапоненка». Е. Д.

539. Фелонь изъ крученаго шелка, пестраго цвѣта, въ восточномъ вкусѣ, по мѣстамъ протканная серебромъ. По разсказамъ старожиловъ, подарена Императрицей Екатериной II при проѣздѣ чрезъ Черниговъ Каѳедральному Собору. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

540. Фелонь свѣтло-кремоваго цвѣта Екатерининскаго времени, затканная большими цвѣтами съ оплечьемъ, густо шитымъ разноцвѣтными шелками по серебряной парчѣ; на плечахъ два попугая, которые по своимъ цвѣтамъ и формѣ очень гармонируютъ съ разноцвѣтнымъ, по своимъ формамъ, почти фантастическому травяному орнаменту оплечья. Изъ Богоявленской ц. гор. Мглина. Е. Д. (табл. XXX).

541. Фелонь ветхая съ оплечьемъ голубого атласа и на немъ нашитымъ кругомъ, затканнымъ серебромъ, съ изображеніемъ Знамени Божіей Матери. Изъ Николаевской ц. м. Почапа, Мглинск. у. Е. Д.

542. Фелонь съ оплечьемъ свѣтло-кремоваго цвѣта, зашитымъ серебромъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ крупными цвѣтами — съ нашитымъ въ крестѣ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери. Изъ Николаевской ц. с. Демьянки, Стародубск. у. Е. Д.

БИБЛИОТЕКА
И. И. Крайневской
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
Музейно-краеведческой
в Музейно-реставрационной

543. Фелонь малиноваго бархата съ оплечьемъ зеленаго бархата, съ шитыми крученымъ серебромъ фигурами Царя Славы, предстоящихъ и 12 апостоловъ. Изъ Троицкой ц. с. Косты, Мглинск. у. Е. Д.

544. Фелонь, оплечье шитое: Господь Вседержитель, Богоматерь, апостолы и проч. Изъ Успенской ц. м. Ични, Борзенск. у.

545. Фелонь, мѣстнаго издѣлія, половины XVIII вѣка; оплечье расшито крупнымъ шелкомъ великолѣпнымъ китайскимъ рисункомъ; станъ изъ гродетура, расписаннаго красками на манеръ штофа; края обшиты широкимъ позументомъ. Изъ церкви с. Лемешей, Козелецк. у. А. К.

546. Фелонь шелковая, кофейнаго цвѣта, съ оплечьемъ голубого шелка. Изъ Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

547. Фелонь свѣтло-голубой шелковой парчи, съ оплечьемъ изъ парчи свѣтло-кремоваго шелка. Изъ Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

548. Фелонь темно-оливковой парчи съ мелкими серебряными полосками, съ оплечьемъ изъ полуселка. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.

549. Фелонь изъ шелковой матеріи бирюзоваго цвѣта, съ шелковымъ оплечьемъ стальнаго цвѣта съ вышитыми шелкомъ цвѣтами. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. Е. Д.

550. Фелонь шелковая, цвѣта бордо, съ блѣдно-зелеными полосами. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. Е. Д.

551. Фелонь шелковая, персиковаго цвѣта; на пестрой выбойчатой подкладкѣ. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговскаго у. Е. Д.

552. Фелонь зеленаго шелка, полосами, съ оплечьемъ свѣтлой парчи. Изъ Воздвиженской ц. гор. Коропа. Кролевецк. у. Е. Д.

553. Фелонь голубой парчи съ оплечьемъ желтой парчи. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

554. Фелонь шелковой голубой парчи на желтой подкладкѣ. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевец. у. Е. Д.

555. Фелонь голубого цвѣта съ пестрой набойчатой подкладкой (ветхая). Изъ Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

556. Фелонь XVIII вѣка, изъ церкви с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

557. Фелонь холщевая, окрашенная въ темно-синій цвѣтъ съ выбойчатой подкладкой; изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

558. Верхняя часть фелони, шитой шелкомъ и серебромъ; изъ церкви с. Глыбова, Остерск. у. А. К.

559. Оплечье—кругъ съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери. Изъ Спасо-Преображенской ц. з. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

559^a. Оплечье съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Положенія во гробъ; 1714 года. Изъ Домницкаго монастыря. К.

1407. Риза выбойчатой матеріи по голубому полю красными цвѣтами, оплечье—по красному полю бѣлыми цвѣтами. На оплечьи крестъ; обшита простой бѣлой

тесьюмой. На грубой холщевой бѣлой подкладкѣ. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Ч. Е. Д.

1408. Риза свѣтло-кремовой полупарчи цвѣтами. На оплечьи нашить крестъ изъ серебряннаго позумента, украшенный крупнымъ (11) и мелкимъ (29) жемчугомъ и разноцвѣтнымъ стеклярусомъ въ гнѣздахъ (30), на выбойчатой подкладкѣ — по бѣлому полю крупными красными и темными полосами. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховск. у. Ч. Е. Д.

1409. Риза свѣтло-кремовой шелковой полупарчи цвѣтами съ крестомъ на оплечьи шитымъ серебромъ, обшита серебряннымъ позументомъ, на выбойчатой подкладкѣ — по клѣтчатому-черному фону мелкими красными цвѣтами. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховск. у. Ч. Е. Д.

1410. Риза кофейнаго цвѣта шелка цвѣтами, обшита серебряннымъ позументомъ. На крашенинной подкладкѣ. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Ч. Е. Д.

1411. Риза свѣтло-кремсаго шелка цвѣтами съ оплечьемъ свѣтло-желтой парчи. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Ч. Е. Д.

1412. Риза изъ простой синей матеріи, XVIII вѣка. Изъ Ильинской ц. с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

1413. Риза малиноваго бархата съ шитымъ золотомъ на оплечьи изображеніемъ Господа Вседержителя на тронѣ съ предстоящими, четырьмя ангелами, по сторонамъ — Богоматерь, Предтеча и апостолы, спереди преподобные Антоній и Θεодосій, обшита серебряннымъ позументомъ. Шовъ крутой, далеко не художественный; фигуры однообразныя, безъ движенія, безъ формъ и складокъ; лики накладные атласные съ грубо и однообразно выведенными чертами. Изъ Покровской ц. с. Велікой-Загоровки, Борзенск. у. Е. Д. (Табл. XXX.)

1414. Оплечье фелони, расшитой разноцвѣтнымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерск. у. Е. Д.

1593. Фелонъ краснаго бархата съ рельефнымъ, шитымъ серебромъ оплечьемъ, XVIII вѣка. Оттуда же.

1594. Фелонъ оранжеваго бархата съ широкой каймой, шитой сплошь серебромъ и шелками, XVIII вѣка. Изъ Крестовоздвиженскаго монастыря гор. Полтавы.

1595. Фелонъ малиноваго бархата съ шитыми серебромъ и золотомъ на оплечьи изображеніями Спасителя и 12 апостоловъ XVII вѣка. Изъ Покровской ц. гор. Переяслава.

1596. Фелонъ малиноваго бархата съ рельефнымъ серебряннымъ и золотымъ шитьемъ на оплечьи, XVII—XVIII вѣковъ. Изъ Соборной ц. гор. Лубенъ.

1597. Фелонъ сѣраго бархата съ шитымъ золотомъ и серебромъ изображеніе Тайной Вечери, XVII вѣка. Изъ церкви м. Чигринъ-Дубрава, Кременчугск. у.

1598. Фелонъ коричневаго французскаго шелка съ шитымъ золотомъ и серебромъ изображеніемъ Тайной Вечери, съ записью, изъ которой видно, что она пожертвована въ 1748 году игуменіей Кіево-дѣвичьяго Воскресенскаго монастыря.

1599. Фелонъ зеленаго французскаго шелка съ шитымъ золотомъ и серебромъ на оплечьи изображеніемъ Спасителя и 13 апостоловъ. Изъ Петро-Павловской ц. гор. Гадяча.

Б. Епитрахили.

560. Епитрахиль оливковаго цвѣта бархата съ шитыми серебромъ изображеніями 2-хъ серафимовъ, архангела Михаила, Божіей Матери, Григорія Богослова, Василия Великаго, преподобныхъ Антонія и Θεодосія; съ шитыми шелкомъ цвѣтами. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

561. Епитрахиль съ шитыми серебромъ изображеніями: Благовѣщенія, преподобныхъ Антонія и Θεодосія съ шитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ цвѣтами. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

562. Епитрахиль краснаго атласа, съ шитыми серебромъ изображеніями: 2-хъ серафимовъ, Іоакима и Анны, преподобныхъ Антонія и Θεодосія. Расшита серебромъ и шелковыми цвѣтами. Изъ Николаевской церкви м. Почепа, Мглинскаго уѣзда. Е. Д.

563. Епитрахиль оливковаго атласа съ шитыми серебромъ изображеніями: 2-хъ серафимовъ, Благовѣщенія, св. Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, св. Николая, преподобныхъ Антонія и Θεодосія. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

564. Епитрахиль оливковаго бархата съ шитымъ серебромъ изображеніемъ родословнаго древа Іессеева. Изъ Успенской ц. зашт. гор. Погара, Стародуб. у. Е. Д. Тотъ же крутой, грубый шовъ съ фигурами, не имѣющими ничего общаго съ человѣческимъ обликомъ.

565. Епитрахиль (кусокъ) синяго атласа, съ изображеніемъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія и серафимовъ, съ шитыми серебромъ и шелкомъ цвѣтами. Изъ Успенской ц. зашт. гор. Погара, Стародуб. у. Е. Д.

566. Епитрахиль розоваго шелка съ рѣдко вышитыми цвѣтами серебромъ; обшита позументомъ. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговск. у. Е. Д.

567—568. Двѣ епитрахили пестрой, крученаго шелка матеріи, протканной по мѣстамъ серебромъ. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

569. Епитрахиль свѣтло-кремоваго шелка съ цвѣтами; на выбойчатой пестрой подкладкѣ кофейнаго цвѣта, обшита тесьмой. Изъ Покровской ц. с. Лизогубовки, Мглинск. у. Е. Д.

570. Епитрахиль голубого шелка на бѣлой холщевой подкладкѣ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

571. Епитрахиль коричневаго шелка, цвѣтами; на выбойчатой подкладкѣ. Изъ Троицкой ц. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

572. Епитрахиль свѣтло-шелковой матеріи, цвѣтами (пестрыми). Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевец. у. Е. Д.

573. Епитрахиль бѣлаго шелка, съ вышитыми, разноцвѣтнымъ шелкомъ, цвѣтами. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

574. Епитрахиль шелковая, шоколаднаго цвѣта. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

575. Епитрахиль изъ розовой шелковой парчи, цвѣтами, на красной крашенинѣ, внизу обшита позументомъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

576. Епитрахиль серебрянной парчи, съ протканными по мѣстамъ бархатными цвѣтами. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа. Кролевецк. у. Е. Д.

577. Епитрахиль изъ нѣсколькихъ кусковъ атласной парчи на зеленой крашенинной подкладкѣ. Изъ Троицкой ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

578. Епитрахиль голубого атласа. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

579. Епитрахиль изъ свѣтлаго полущелка съ богатой расшивкой шелковыми цвѣтами и серебромъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. А. К.

580. Епитрахиль простого темно-синяго сукна, на выбойчатой подкладкѣ. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

581. Епитрахиль съ выбойчатой подкладкой. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

582. Епитрахиль съ выбойчатой подкладкой. Изъ церкви с. Кладьковки. Борзенск. у. Е. Д.

582^a. Епитрахиль съ шитыми серебромъ изображеніями святителей и пр.; надпись съ датой 1714 года. Изъ Домницкаго монастыря. К.

1415. Епитрахиль кофейнаго шелка на красной выбойчатой подкладкѣ. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

1416. Епитрахиль пестрой шерстяной матеріи на холщевой подкладкѣ. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

1417. Епитрахиль красная бархатная шитая золотомъ и серебромъ съ изображеніями 2-хъ херувимовъ, Іоакима и Анны, Іоанна и Еліодора, Василия и Николая, Антонія и Θεодосія; внизу: «року 1640 мца Іюліа въ первый днь сей патрахиль содѣланъ бысть худѣйшимъ гдномъ отцемъ Антоніемъ Дусінскимъ во дни Петра Могила архіеппа К. Г. архімандрита Пе. за отпущеніе грѣховъ родителей с». Шовъ, хотя и крутой, но болѣе тонкій и художественный, фигуры съ большимъ движеніемъ и знаніемъ анатоміи. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Музей Кіевск. Дух. Акад.

1418. Епитрахиль зеленого бархата съ шитымъ серебромъ изображеніемъ родословнаго древа Христа. Внизу въ полулежащемъ состояніи Давидъ и Іессей, надъ ними въ кистяхъ винограднаго дерева рядъ праотцевъ и пророковъ, вверху, въ сіяніи, Богоматерь съ младенцемъ, по бокамъ два херувима. Вверху епитрахили шитое разноцвѣтными шелками изображеніе Эммануила; на синей крашенинѣ, XVII вѣка. Изъ Воскресенской ц. гор. Остра, Черниговск. губ. Е. Д.

1419. Епитрахиль свѣтло-кремовой полупарчи съ зелеными бархатными, и коричневыми цвѣтами. На красной крашенинѣ, обшита позументомъ. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

1420. Епитрахиль темно-оливковой парчи, обшита серебряннымъ позументомъ. Изъ Покровской ц. м. Синявки. Сосницк. у. Е. Д.

1421. Епитрахиль бѣлаго атласа, шитая шелковыми цвѣтами, обшита позументомъ. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

1600. Епитрахиль зеленого бархата съ шитыми изображеніями Антонія, Феодосія, Іоанна Златоуста, Іоанна Милостиваго и Благовѣщенія. Внизу шитая надпись: «Сей епитрахиль созданъ року 1653». Изъ Соборной ц. гор. Лубень.

1601. Епитрахиль зеленого бархата съ шитымъ изображеніемъ «Древа Іессеева», XVII вѣка. Изъ церкви с. Заоченскаго.

1602. Епитрахиль малиноваго бархата съ шитымъ изображеніемъ: Давида, Соломона, Іеремію, Захарію, Моисея, Аарона и Благовѣщеніе, XVII вѣка. Изъ Покровской ц. гор. Переяслава.

1603. Епитрахиль зеленого бархата съ шитыми изображеніями, XVII—XVIII вѣковъ. Изъ Михайловской ц. гор. Переяслава.

1604. Епитрахиль краснаго бархата, съ шитыми изображеніями, внизу вышитая же надпись съ датой 1700 года. Изъ Переяславскаго монастыря.

В. П о р у ч и.

583. Поручь, шитая серебромъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ, съ изображеніемъ посрединѣ креста, съ митрой надъ нимъ, принадлежитъ, повидимому, къ архіерейскому, б. м. патріаршему облаченію; двѣ подкладки — старинная желтая, шелковая, и новѣйшая, зеленая, изъ простой матеріи. На старой имѣется надпись строчными церковно-грузинскими литерами (хуцури, почеркомъ XVII—XVIII вѣка), которая въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: «.....му (?) грѣшный недостойный Герасимъ поручи (мн. ч). эти сребротканые (или золототканые); кто ихъ унесетъ (въ смыслѣ отчужденія — да будетъ на немъ гнѣвъ благодати этой (святыни); здѣсь только половина надписи, первая часть которой должна была находиться на другой поручи. Даръ Л. Н. Гладкова. А. К.

584. Поручь, шитая серебромъ, по бархату съ травянымъ орнаментомъ между разводами котораго едва замѣтно выдѣляется нынѣ полустертная человѣческая фигура, работа XVII вѣка. Изъ церкви с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

585. Поручь, шитая серебромъ, XVII вѣка. Изъ церкви с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

586—587. Поручи, шитые серебромъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія, XVII вѣка. Изъ церкви с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

588—589. Поручи, шитые серебромъ, работа XVII вѣка. Изъ церкви с. Слободки, Сосницк. у. А. К.

590—591. Поручи, шитые разноцвѣтными шерстями. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

592—693. Поручи, шитые серебромъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

594—595. Поручи тканые. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

596. Поручь, шитая шелкомъ. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. А. К.

597—598. Поручи, шитые серебромъ и шелкомъ. Изъ церкви с. Старой-Рудни, Городнянск. у. А. К.

599—600. Поручи, шитые краснымъ и зеленымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ Николаевской ц. м. Горска, Городнянск. у. Е. Д.

601—602. Поручи бѣлаго шелка, вышитые цвѣтами. Изъ церкви Каменскаго Успенскаго монастыря. Е. Д.

603. Поручъ бѣлаго шелка, вышитая цвѣтами. Е. Д.

604—605. Поручи свѣтлаго шелка, расшитые цвѣтами. Изъ церкви Каменскаго монастыря. Е. Д.

606. Поручи изъ крученнаго шелка, мѣстами протканые серебромъ. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

607. Поручъ бархатная, шитая серебромъ. Изъ Успенской ц. м. Седнева, Черниговск. у. Е. Д.

608—609. Поручи изъ чернаго бархата съ вставкой полосы, зашитой бисеромъ. Изъ Рождества-Богородичной ц. с. Макишина, Городнянск. у. Е. Д.

610—611. Поручи темно-коричневаго манчестера, вышитые серебромъ. Изъ Троицкой ц. гор. Городни. Е. Д.

612—613. Поручи изъ малиноваго бархата, съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Благовѣщенія. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

614. Поручъ изъ свѣтлаго атласа, вышитая голубымъ и свѣтло-коричневымъ шелкомъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

615. Поручъ изъ малиноваго бархата, шитая серебромъ. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.

617. Поручъ изъ чернаго бархата съ вышитыми шерстью цвѣтами. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.

617. Поручъ, шитая по канвѣ свѣтло-кремовою шерстью. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у.

618—619. Поручи изъ краснаго бархата, шитые шелкомъ и серебромъ. Изъ Рождество-Богородичной ц. с. Спасскаго, Сосницк. у. Е. Д.

620—621. Поручи изъ зеленаго бархата съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Благовѣщенія. Шовъ грубый, крутой, рисунокъ безформенный. Изъ Троицкой ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д. (Табл. XXXI.)

622—623. Поручи изъ зеленаго бархата, съ шитыми серебромъ изображеніями преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія. Такого же дѣла, какъ и предыдущій. Изъ Троицкой ц. гор. Коропа Кролевецк. у. Е. Д. (Табл. XXXI.)

624. Поручъ малиноваго бархата на красной выбойчатой подкладкѣ. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропова, Кролевецк. у. Е. Д.

625—626. Поручи: одна синей и другая красной матеріи, на выбойчатой подкладкѣ. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

627—628. Поручи, шитые зеленой и свѣтло-желтой шерстью, цвѣтами. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

629—630. Поручи голубого шелка, съ вышитыми шелкомъ цвѣтами, на пестрой выбойчатой подкладкѣ. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

631—632. Поручи изъ красной шерстяной матеріи съ пришитой каймой свѣтло-кремового цвѣта, вышиты серебромъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

633. Поручъ желтого цвѣта, на свѣтлой холщевой подкладкѣ. Изъ Воздвиженской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

634—635. Поручи синяго бархата, съ нашитымъ серебромъ изображеніемъ Благовѣщенія лица шиты шелкомъ. Изъ Воздвиженской ц. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

636—637. Поручи зеленого манчестера, шитые серебромъ. Изъ церкви с. Сохачей, Кролевецк. у. Е. Д.

638—639. Поручи малинового бархата, шитые серебромъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія. Изъ Іоанно-Богословской ц. гор. Стародуба. Е. Д.

640—641. Поручи красного шелка, шитые синимъ и голубымъ шелкомъ, цвѣтами. Изъ Успенской ц. с. Краснаго-Рога, Мглинск. у. Е. Д.

642. Поручъ, зашитая бисеромъ. Изъ Покровской ц. с. Лизогубовки, Мглинского у. Е. Д.

643. Поручи бѣлаго шелка, расшитые цвѣтами. Изъ Михайловской ц. с. Теремошекъ, Суражск. у. Е. Д.

1605—1606. Поручи малинового бархата съ золотымъ шитьемъ мѣстнаго орнамента. Изъ Соборной церкви гор. Лубень.

1607—1608. Поручи черного шелка съ шитьемъ золотомъ и серебромъ. Изображено Благовѣщеніе.

1609—1610. Поручи малинового бархата, съ шитымъ золотымъ изображеніемъ апостоловъ Петра и Павла.

1611—1612. Поручи зеленого бархата съ серебряннымъ шитьемъ.

Г. Подризники.

644. Подризникъ красной шерстяной матеріи съ ковровой вышивкой вазоновъ, съ цвѣтами по каймѣ. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

645. Подризникъ красной шерстяной матеріи, съ шитыми серебромъ по каймѣ букетами цвѣтовъ. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

646. Подризникъ полотняный, подолъ его вышитъ шелковыми зелеными и золотистыми нитями. Изъ церкви с. Андреевки, Черниговск. у. А. К.

647. Подризникъ холщевый съ 12-вершковой «мережкой» церковнаго рисунка. Изъ Николаевской ц. с. Жукотокъ, Черниговск. у. Е. Д.

648. Подризникъ полотняный, подолъ съ широкой мережкой. Изъ церкви с. Жукотокъ, Черниговск. у. А. К.

649. Подризникъ изъ тонкаго холста, съ вышивкой по каймѣ свѣтло-кремовымъ и голубымъ шелкомъ. Изъ Покровской ц. с. Козла, Черниговск. у. Е. Д.

650. Подризникъ съ вышитымъ подоломъ. Изъ церкви с. Новаго-Бѣлоуса, Черниговск. у. А. К.

651. Подризникъ съ широкой «мережкой». Изъ церкви с. Новаго-Бѣлоуса, Черниговск. у. А. К.

652. Подризникъ полотняный, вышитъ «въ крестикъ» красной бумагой. Изъ церкви с. Новаго-Бѣлоуса, Черниговск. у. А. К.

653. Подризникъ полотняный; подолъ вышитъ шелковыми зелеными и золотистыми нитями. Изъ церкви с. Новаго-Бѣлоуса, Черниговск. у. А. К.

654. Подризникъ холщевый, вышитый шелкомъ. Изъ церкви с. Новаго-Бѣлоуса, Черниговск. у. А. К.

655. Подризникъ съ вышитымъ подоломъ. Изъ церкви с. Роища, Черниговск. у. А. К.

656. Подризникъ съ вышитымъ подоломъ. Изъ церкви с. Роища, Черниговск. у. А. К.

657. Подризникъ холщевый, вышитый красной бумагой. Изъ церкви с. Боромыкъ, Черниговск. у. А. К.

658. Подризникъ изъ церкви с. Боромыкъ, Черниговск. у. А. К.

659. Подризникъ изъ церкви с. Яновки, Черниговск. у. А. К.

660. Подризникъ изъ церкви с. Яновки, Черниговск. у. А. К.

661. Подризникъ шелковый, голубого цвѣта; рукава изъ желтой шелковой матеріи, а оплечье изъ цвѣтной; подкладка изъ простого крестьянскаго холста, вышита, отъ руки, различными по формѣ крестиками. Изъ церкви с. Мохнатина, Черниговск. у. А. К.

662. Подризникъ полотняный, вышитъ въ строчку. Изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенск. у.

663. Подризникъ вышитый тамбуромъ. Изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенск. у.

664. Подризникъ репсовый на полотняной подкладкѣ съ вышивкой. Изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенск. у.

665. Подризникъ изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. По бѣлому холсту расшить разноцвѣтнымъ шелкомъ и синелью, у А. К.

666. Подризникъ, съ вышивкой по каймѣ краснаго шелка. Изъ Воскресенской ц. м. Любеча, Городнянск. у. Е. Д.

667. Подризникъ свѣтло-кремоваго цвѣта шелка съ тонкой вышивкой разноцвѣтнымъ шелкомъ, на холщевой подкладкѣ. Изъ Николаевской ц. с. Великаго-Листвена, Городнянск. у. Е. Д.

668. Подризникъ изъ церкви с. Старой-Рудни, Городнянск. у. К.

669. Подризникъ съ широкой «мережкой». Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

670. Подризникъ, вышитый въ строчку красной бумагой. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

671. Подризникъ, вышитый разноцвѣтнымъ шелкомъ. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

672. Подризникъ, вышитый шелковыми и золотистыми нитями. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

673. Подризникъ, вышитый красной бумагой. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

674. Подризникъ, вышитый шелкомъ. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопск. у. А. К.

675. Подризникъ съ вышивкой. Изъ Николаевской ц. гор. Кролевца. К.

676. Подризникъ, изъ церкви с. Сохачей, Кролевецк. у. К.

677. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ свѣтло-кремовымъ и коричневымъ шелкомъ. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецк. у. Е. Д.

678. Подризникъ съ широкой (10 в.) вышивкой по каймѣ крупными цвѣтами въ вазонахъ свѣтло-желтымъ шелкомъ. Изъ Ильинской ц. с. Мезина, Кролевецкаго уѣзда. Е. Д.

679. Подризникъ, изъ церкви с. Мезина, Кролевецк. у. К.

680. Подризникъ, изъ церкви с. Мезина, Кролевецк. у. К.

681. Подризникъ, изъ церкви с. Райгородка, Кролевецк. у. К.

682. Подризникъ съ каймой, зашитой краснымъ шелкомъ, съ оставленнымъ въ видѣ бѣлаго поля изображеніемъ драконовъ, деревьевъ и мелкихъ фигуръ. Изъ Флоро-Лаврской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

683. Подризникъ изъ цвѣтной выбойчатой матеріи, красными цвѣтами по темно-коричневому полю, на выбойчатой подкладкѣ. Изъ Срѣтенской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

684. Подризникъ изъ коричневой выбойки съ полосами и пестрыми цвѣтами; на крашенинной подкладкѣ. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

685. Подризникъ, вышитый красной и свѣтло-кремовой бумагой, фигурами и листьями. Изъ Покровской ц. с. Стараго-Ропска, Новозыбковск. у. Е. Д.

686. Подризникъ бѣлаго пикэ, зашитый по всему полю цвѣтами голубой, синей, розовой и шоколадной шерстью. Изъ Покровской ц. с. Стараго-Ропска, Новозыбковск. у. Е. Д.

687. Подризникъ съ каймой, вышитой красной, синей и шоколадной шерстью. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

688. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ краснымъ шелкомъ и серебромъ; спереди вышивка подымается двойной каймой на аршинъ. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

689. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ краснаго и шоколаднаго цвѣта шерстью, букетами. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

690. Подризникъ свѣтло-кремоваго шелка, съ каймой и оплечьемъ, проткан-ными тонкими лепестками и вѣтками. Е. Д.

691. Подризникъ, съ вышивкой по каймѣ краснымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

692. Подризникъ съ 11-вершковой «мережкой» внизу, съ рисунками церквей и деревьевъ. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у.

693. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ свѣтло-кремоваго, оранжеваго и голубого шелка цвѣтами и кругами, съ серебрянной мишурой. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.
694. Подризникъ съ прешитой каймой, вышитой зеленымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.
695. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ свѣтло-желтымъ и зеленымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.
696. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ краснымъ шелкомъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.
697. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ шерстями желтаго, голубого, малиноваго и краснаго цвѣта. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.
698. Подризникъ съ вышивкой краснымъ шелкомъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.
699. Подризникъ съ вышивкой по каймѣ красной шерстью. Изъ Соборной ц. гор. Сосницы. Е. Д.
700. Подризникъ съ расшитымъ подоломъ, верхъ изъ цвѣтной матеріи, подкладка холщевая. Изъ Ильинской ц. с. Слободки, Сосницк. у. А. К.
701. Подоль (нижній край, или по мѣстному «окрайка») подризника, вышитый крупнымъ узоромъ; узоръ, такъ наз. «одноличка», изображаетъ драконовъ и воинскіе доспѣхи, сложенные крестообразно подъ сѣдломъ; бордюръ также разнообразнымъ узоромъ, такъ назыв. «очки», цвѣты и др. фигуры; работа начала XVIII вѣка. Изъ церкви с. Андреевки, Черниговск. у. А. К.
702. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Локнистаго, Черниговск. у. А. К.
703. Вышивка подризника. Изъ Успенской ц. м. Ични, Борзенск. у.
704. Вышивка подризника. Изъ Успенской ц. м. Ични, Борзенск. у.
705. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянск. у. К.
706. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Хотуничъ, Городнянск. у. К.
707. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Будища, Кролевецк. у. К.
708. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Бужанки, Кролевецк. у. К.
709. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Райгородка, Кролевецк. у. К.
710. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Псаровки, Кролевецк. у. К.
711. Вышивка подризника. Изъ церкви с. Краснаго-Колядина, Конотопскаго уѣзда. А. К.
713. Вышивка подризника, шитье шелкомъ и серебромъ, работа XVII вѣка. Изъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря. К.
714. Отрѣзокъ вышитаго серебромъ и шелкомъ подризника. Изъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря. К.
715. Отрѣзокъ подризника, вышитаго шелкомъ и серебромъ. Изъ церкви с. Новаго Глыбова, Остерск. у. К.
716. Вышивка подризника—зеленымъ шелкомъ. Изъ Николаевской ц. с. Великаго-Листвена, Городнянск. у. Е. Д.

1424. Подризникъ холщевый съ широкой каймой, расшитой краснымъ и свѣтло-кремовымъ шелкомъ крупными цвѣтами. Изъ Рождество-Богородичной ц. с. Новоселокъ на Деснѣ, Остерск. у. Е. Д.

1425. Подризникъ холщевый съ каймой, пестро зашитой въ гладь серебромъ и разноцвѣтными шелками. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. Е. Д.

1426. Подризникъ холщевый съ широкой каймой, расшитой серебряными, золотыми нитями и разноцвѣтнымъ крученымъ шелкомъ. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Е. Д.

1427. Часть каймы подризника изъ двухъ кусковъ съ шитыми шелкомъ крупными цвѣтами; по полю разбросаны мелкіе лепестки и ягоды. 3 арш. 2 в. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерск. у. Ч. Е. Д.

1428. Подризникъ холщевый, шитый по каймѣ свѣтло-шеколаднымъ, кофейнымъ, зеленымъ и краснымъ шелкомъ—бутонами цвѣтовъ, перевязанныхъ лентой. Изъ Воскресенской ц. с. Воскресенской-Слободки, Остерск. у. Е. Д.

1429. Подризникъ холщевый, шитый по каймѣ красными розами и синими виноградинами гроздьями въ вазонахъ. Изъ Покровской церкви с. Требухова, Остерск. уѣзда. Е. Д.

1430. Подризникъ зеленой шерстяной матеріи съ шитой шелками каймой. Поле каймы сплошь зашито зеленымъ шелкомъ, а по нему цвѣты темно-коричневымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерск. у. Е. Д.

1431. Подризникъ свѣтло-кремового шелка съ вышивкой по каймѣ разноцвѣтнымъ шелкомъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1432. Подризникъ шелковый съ вышивкой по каймѣ. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1433. Подризникъ холщевый, шитый по каймѣ—кругомъ и спереди до пояса—шелкомъ и вызолоченной шерстью. Изъ Воскресенской ц. м. Ични, Борзенск. у. Е. Д.

1434. Подризникъ холщевый съ каймой, вышитой разноцвѣтной шерстью. Изъ Іоанно-Богословской ц. с. Мартыновки, Борзенск. у. Е. Д.

1435. Подризникъ холщевый съ каймой, шитой синимъ, краснымъ и зеленымъ шелкомъ—букетами цвѣтовъ въ треугольникахъ, образуемый шитыми же вѣтками. Изъ Рождество-Богородичной ц. с. Новоселокъ на Деснѣ, Остерск. у. Е. Д.

1436. Подризникъ холщевый, шитый по каймѣ краснымъ шелкомъ. Изъ Ильинской ц. с. Суходола, Глуховск. у. Е. Д.

1437. Кайма вышитая простыми красными нитками въ крестикъ по грубому холсту. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговск. у. Е. Д.

1438. Часть каймы холщевого подризника, зашита красной ниткой въ гладь. Изъ Покровской ц. с. Пуховки, Остерск. у. Ч. Е. Д.

1439. Кайма отъ подризника, вышита красной ниткой крупными цвѣтами. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерск. у. Е. Д.

1440. Кайма холщевого подризника, шитая красной ниткой въ крестикъ, съ разбросанными по полю сверху вышивки мелкими цвѣтами; 2 арш. 2¹/₂ в. вдвое. Изъ Покровской ц. с. Гирина, Глуховск. у. Е. Д.

1441. Кусокъ каймы холщеваго подризника, шитый по тонкому холсту красной ниткой; 2 арш. 11 в. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.
1442. Кусокъ каймы холщеваго подризника, шитый темно-коричневымъ шелкомъ драконами и цвѣтами. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.
1443. Кусокъ каймы холщеваго подризника, шитый краснымъ шелкомъ; 1 арш. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховск. у. Е. Д.
1444. Часть каймы холщеваго подризника съ вышивкой зеленымъ шелкомъ и серебряной мишурой. Изъ Покровской ц. с. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.
1445. Кайма холщеваго подризника, шитая зеленымъ и свѣтло-желтымъ шелкомъ съ серебромъ; 4 арш. Изъ Покровской ц. с. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.
1446. Кайма холщеваго подризника съ шитыми свѣтло-кремовымъ, голубымъ и краснымъ шелкомъ цвѣтами въ чашахъ, перевитыхъ лентами; 3 арш. 14 в. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.
1447. Кайма холщеваго подризника, шитая серебромъ, голубымъ, темно-зеленымъ и свѣтлымъ шелкомъ; $4\frac{1}{2}$ арш. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы, Черниговск. губ. Е. Д.
1448. Кайма холщеваго подризника, шитая зеленымъ шелкомъ; 4 арш. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы, Черниговской губ. Е. Д.
1449. Кайма холщевой подвѣски къ иконѣ или скатерти шитая, розовыми и голубыми нитками; 4 арш. 10 в. Е. Д.
1450. Кайма холщеваго подризника, шитая свѣтло-желтой и голубой шерстью; 4 арш. Е. Д.
1451. Кайма холщеваго подризника, шитая серебромъ и зеленымъ шелкомъ (цѣлая). Е. Д.
1452. Цѣлая кайма холщеваго подризника, шитая красной ниткой въ крестикъ (вдвое). Е. Д.
1453. Кайма холщеваго подризника, шитая красной, темно-синей и зеленой шерстью большими цвѣтами въ вазонахъ. Е. Д.
1454. Кайма холщеваго подризника красиваго рисунка краснымъ и свѣтло-желтымъ шелкомъ. Е. Д.
1455. Кайма холщеваго подризника, шитая свѣтло и темно-зеленымъ шелкомъ и серебряной мишурой. Е. Д.
1613. Подризникъ бѣлый, шитый чернымъ шелкомъ и серебромъ.
1614. Подризникъ полотняный, шитый красными нитками, южно-русского орнамента. XVIII вѣка. Изъ церкви Жуковъ, Полтавск. у.
1615. Подризникъ полотняный, шитый шелками и серебромъ, южно-русского орнамента, XVIII вѣка. Изъ церкви с. Сухорабовки.
1616. Подризникъ изъ голубого шелка, великолѣпно расшитый шелками и серебромъ южно-русского орнамента, XVIII вѣка. Изъ Черевокъ, Миргор. у.
1617. Подризникъ, сшитый изъ четырехъ подоловъ, отпоротыхъ отъ другихъ полотняныхъ подризниковъ, XVIII вѣка.
- 1618—1642. Двадцать пять каймъ, отрѣзанныхъ отъ полотняныхъ подризниковъ, XVII—XVIII вѣковъ. Изъ разныхъ церквей Полтавской губ.

Д. Стихари, оплечья, пояса, воздуха, покровцы и пр.

717. Стихарь изъ простой темно-коричневой матеріи, обшитъ бѣлой тесьмой, съ пришитымъ на оплечья изображеніемъ, шитымъ серебромъ, 6-ти фигуръ святыхъ, оплечье обшито себрюнымъ бордюромъ по бархату оливковаго цвѣта. Изъ Николаевской ц. зашт. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

718. Стихарь малый изъ простой матеріи, цвѣтными полосками. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

719. Стихарь изъ синяго холста, обшитый бѣлою тесьмой, съ оплечьемъ краснаго холста, протканнымъ цвѣтами. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

720. Стихарь изъ свѣтло-желтой выбойки, мелкими цвѣтами. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

721. Оплечье со вставкой куска, шитаго серебромъ: Явленіе Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

722. Оплечье со вставкою, шитою серебромъ и голубой шерстью. Изъ Покровской ц. с. Козла, Черниговск. у. Е. Д.

723. Оплечье, со вставкою куска малиноваго бархата, расшитаго серебромъ крутымъ толстымъ швомъ на крашенинной подкладкѣ. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д. (Табл. XXXII.)

724. Оплечье съ шитою серебромъ вставкою съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

725. Оплечье со вставкою, шитою серебромъ съ изображеніемъ двухглаваго орла въ мелкихъ цвѣтахъ. Изъ церкви с. Сохачей, Кролевецк. у. Е. Д.

726. Оплечье, образованное также изъ куска бархата, зашито золотою нитью по всей поверхности крутымъ выпуклымъ швомъ, изображающимъ фантастическій травяной орнаментъ. Подкладка тоже крашеная. Изъ Троицкой ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

727. Шитый серебромъ и шелкомъ образъ Богоматери «Знаменіе» съ оплечья фелони. Глуховск. земск. музей.

728. Поясъ изъ шести поручей, шитыхъ серебромъ. Изъ церкви с. Воргла, Глуховск. у. Глубовск. земск. музей.

729. Воздухъ, шитый серебромъ и шелкомъ, работа XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. К.

730. Воздухъ изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. К.

731. Воздухъ шелковый, издѣліе мѣстное, конца XVIII вѣка; для «поднятія панагіи», на средней части вышиты цвѣты. Изъ церкви с. Юрьевки, Черниговск. у. Е. Д.

732. Воздухъ зеленаго атласа съ нашитымъ изображеніемъ Печерской иконы Божіей Матери. Изъ Черниговскаго Каѳедральнаго Собора. Е. Д.

733. Воздухъ краснаго атласа съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Архистратига Михаила, на синей холщевой подкладкѣ. Изъ Покровской ц. с. Колпаты, Черниговск. у. Е. Д.

734. Воздухъ свѣтло-кофейнаго шелка съ вышитыми шелкомъ и серебромъ цвѣтами, на крашенинѣ. Изъ Успенской ц. м. Седнева, Черниговск. у. Е. Д.

735. Воздухъ шелковый, вышитъ шелками, посрединѣ крестъ серебряными нитями. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

736. Воздухъ шелковый, вышитъ серебромъ и шелками, посрединѣ крестъ серебряными нитями. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

737. Воздухъ шерстяной, вышитъ шерстями, посрединѣ крестъ. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

738. Воздухъ шелковый; вышитъ серебромъ. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

739. Воздухъ плюшевый. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

740. Воздухъ атласный, вышитъ серебромъ и шелкомъ, посрединѣ крестъ. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

741. Воздухъ шелковый, вышитъ серебромъ и шелкомъ, посрединѣ крестъ серебряными нитями. Изъ Иоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

742. Воздухъ шелковый съ строченымъ крестомъ, подкладка выбойчатая. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. К.

743. Воздухъ полотняный, вышитый серебромъ и шелкомъ. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. К.

744. Воздухъ атласный, вышитъ шелкомъ. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенск. у. К.

745. Воздухъ голубого шелка, съ нашитыми серебромъ цвѣтами. Изъ Николаевской ц. с. Лоски, Кролевецк. у. Е. Д.

746. Воздухъ сиреневаго шелка, расшитый по краямъ серебромъ, съ датой 1774 года. Изъ Успенской ц. с. Городища, Кролевецк. у. Е. Д.

747. Воздушекъ сиреневаго шелка, по краямъ расшитый серебромъ. Изъ Успенской ц. с. Городища, Кролевецк. у. Е. Д.

748. Воздухъ коричневаго шелка съ шитымъ серебромъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери въ кругѣ; по бордюру расшить цвѣтами и серебряными листьями. Е. Д.

749. Воздухъ свѣтлой парчи, зашитый бордоваго бархата цвѣтами. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

750. Воздухъ голубого атласа съ шитымъ серебромъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ изображеніемъ Явленія Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ, по угламъ 4-хъ евангелистовъ съ лучами въ кругахъ и между ними 4-хъ серафимовъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

751. Воздухъ бархатный съ украшеніями по угламъ изъ стекляруса. Изъ Троицкой ц. гор. Коропа. Е. Д.

752. Воздухъ темно-коричневаго атласа съ вышитымъ серебромъ въ центрѣ крестомъ (4-конечнымъ), по краямъ расшитый шелкомъ цвѣтами съ серебряными блестками въ сердечкахъ. Изъ Троицкой ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецк. у. Е. Д.

753. Воздухъ свѣтло-кофейнаго полущелка съ шитымъ въ центрѣ кругомъ, зашитымъ серебромъ. Изъ Ильинской ц. с. Межина, Кролевецк. у. Е. Д.

754. Воздухъ голубого шелка, съ цвѣтами. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

755. Воздухъ шелковый со вставленнымъ въ срединѣ кругомъ малиноваго бархата, расшитаго серебромъ гранатовыми цвѣтами, выведенными крутымъ выпуклымъ швомъ. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

756. Воздухъ зеленого шелку съ вышитымъ посрединѣ кругомъ чернаго бархата, расшитаго серебромъ. Изъ Николаевской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

757. Воздухъ съ такою же вставкою шитою серебромъ и представляющею орла, окруженнаго травянымъ орнаментомъ, болѣе мелкаго рисунка, чѣмъ № 755, но такого же крутого шва. Изъ Срѣтенской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

758. Воздухъ шелковый, шитый серебромъ, въ центрѣ кругъ съ лучами и инициалами Божіей Матери. Изъ Срѣтенской ц. м. Почепа. Мглинск. у. Е. Д.

759. Воздухъ атласный, съ вшитымъ кругомъ серебряной парчи, расшитой шелковыми цвѣтами. Изъ Срѣтенской ц. м. Почепа, Мглинск. у. Е. Д.

760. Воздухъ шерстяной съ шитымъ серебромъ кругомъ посрединѣ. Изъ Николаевской ц. с. Хоромнаго, Новозыбковск. у. Е. Д.

761. Воздухъ съ шитыми серебромъ изображеніями Господа Вседержителя, четырехъ евангелистовъ, херувимовъ, серафимовъ и звѣздъ. Изъ Преображенской ц. с. Гужовки, Борзенск. у.

762. Воздухъ шелковый, вышитый разноцвѣтными шелками. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

763. Воздухъ бархатный съ шитымъ серебромъ изображеніями Положенія во гробъ, 4-хъ евангелистовъ и 4-хъ серафимовъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

764. Воздухъ шелковый, обшить бѣлымъ позументомъ съ 4 крестами. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницк. у. Е. Д.

765. Воздухъ шелковый, съ серебряной нашивкой въ срединѣ. Изъ Аванасіевской ц. гор. Погара, Стародубск. у. Е. Д.

766. Воздухъ шелковый съ вышитыми по мѣстамъ шелкомъ цвѣтами съ серебряными стеблями. Изъ Успенской ц. с. Печениковъ, Стародубск. у. Е. Д.

767. Воздухъ свѣтло-кремовой парчи съ серебрянымъ позументомъ. Изъ Николаевской ц. с. Демьянки, Стародубск. у. Е. Д.

768. Воздухъ красной шерстяной матеріи съ кругомъ, шитымъ серебромъ. Изъ Благовѣщенской ц. гор. Суража. Е. Д.

769. Воздухъ, шитый серебромъ. Изъ Николаевской ц. с. Новаго-Дрокова, Суражскаго у. Е. Д.

770. Воздухъ шелковый съ вышитыми шелкомъ цвѣтами. Изъ Михайловской ц. с. Теремошекъ, Суражскаго у. Е. Д.

771. Покровъ, шитый серебромъ; работа XVIII вѣка. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. К.

772. Покровъ. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. К.

773. Покровъ. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. К.

774. Покровъ малиноваго бархата съ шитымъ серебромъ изображ. Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

775. Покровъ малиноваго атласа съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Воскресенія Христа (Низведение изъ ада) и цвѣточнымъ орнаментомъ по бордюру. Изъ Черниговскаго Каѳедрального Собора. Е. Д.

776. Покровъ шелковый, расшитый шелковыми цвѣтами, съ позументомъ. Изъ Покровской ц. с. Козла, Черниговскаго у. Е. Д.

777. Покровъ плюшевый, зеленого цвѣта, въ рамкѣ серебряными и золотистыми нитями вышита чаша, съ возлежащимъ въ ней Младенцемъ Христомъ, повитымъ въ пеленахъ; надъ чашей инициалы ІΣ ΧΙ; по четыремъ спускающимся квадратамъ вышиты, въ рамкахъ, три ангела съ надписями вверху: [херувімі] [серафімі] [аггли] [іархаггли].

778. Покровъ изъ шелковой матеріи, голубого цвѣта, вышитый разноцвѣтнымъ шелкомъ и серебромъ; на среднемъ квадратѣ нашить крестъ.

779. Покровъ бархатный, вышитый разноцвѣтнымъ шелкомъ (крупные цвѣты); посрединѣ нашить крестъ изъ серебристаго позумента.

780—781. Два покрыва изъ серебряной парчи, четырехугольной вырѣзкой, обшитой по краямъ узкимъ позументомъ и серебристой бахромой.

782. Покровъ изъ шелковой матеріи, зеленого цвѣта, отороченный по краямъ красною бахромой; на среднемъ квадратѣ, въ рамкѣ, вышита серебряными и золотыми нитями чаша, съ возлежащимъ въ ней Младенцемъ Христомъ, изображеніе коего живописное, на красномъ нитяномъ фонѣ; надъ чашей звѣзда, по угламъ инициалы іс хс; у подножія два серафима; по четыремъ спускающимся квадратамъ также вышиты тѣми же нитями серафимы, по одному на каждомъ квадратѣ; лики у нихъ живописные; вверху по два крестика. №№ 777—782 изъ церкви с. Ярѣвки, Черниговскаго у. А. К.

783. Покровъ, средняя часть круглая, вся вышита зеленымъ шелкомъ и серебряными нитями и представляетъ различныя фигуры и цвѣты; четыре свѣшивающіеся квадраты, изъ бархата малиноваго цвѣта, составляютъ позднѣйшую надшивку. Изъ церкви с. Жукотокъ, Черниговскаго у. А. К.

784. Покровъ. Изъ Іоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

785. Покровъ, вышитый разноцвѣтными шелками. Изъ Іоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

786. Покровъ, вышитый серебромъ и шелкомъ. Изъ Іоанно-Богословской ц. гор. Нѣжина. К.

787. Покровъ, вышитый серебряными нитями. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. К.

788. Покровъ съ шитыми серебромъ изображеніями Младенца Христа въ пеленахъ и четырехъ ангеловъ. Изъ Преображенской ц. с. Гужовки, Борзенскаго у.

789. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Положенія во гробъ, пятиконечнаго креста, ангела и пр. Изъ Преображенской ц. с. Гужовки, Борзенскаго у.

790. Покровъ, шитый серебромъ и шелкомъ. Изъ церкви с. Старой-Рудни, Городнянского у. К.

791. Покровъ съ шитымъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. Изъ церкви с. Старой-Рудни, Городнянского у. К.

792. Покровъ. Изъ церкви с. Ивашковки, Городнянского у. К.

793. Покровъ изъ шелковой матеріи на набойчатой подкладкѣ. Изъ Воскресенской ц. м. Любеча, Городнянского у. Е. Д.

794. Покровъ бархатный, съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и четырехъ херувимовъ. Изъ Николаевской ц. с. Горска, Городнянского у. Е. Д.

795. Покровъ, на среднемъ квадратѣ вышита чаша, съ возлежащимъ въ ней Младенцемъ Христомъ; по бокамъ двѣ звѣзды; на четырехъ свѣшивающихся квадратахъ: «архаг михаи, уріил арахъ, арха Гавріилъ, архан Рафаилъ»; лики архангеловъ живописные, а крылья вышиты разноцвѣтными шелковыми нитями, съ примѣсью золотистыхъ. Изъ церкви с. Серединки, Козелецкаго у. А. К.

796. Покровъ съ шитыми серебромъ и шелкомъ изображеніями. Изъ церкви с. Сохачей, Кролевецкаго у. К.

797. Покровъ красно-шелковый съ шитыми серебромъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ изображеніями Христа Младенца въ чашѣ и орудій страданій, 4 святителей. Изъ Спасо-Преображенской ц. гор. Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

798. Покровъ атласный съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и 4 архангеловъ въ діаконскихъ облаченіяхъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа Кролевецкаго у. Е. Д.

799. Покровъ шелковый съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Младенца Христа въ чашѣ и 4 серафимовъ. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

800. Покровъ шелковый, вышитый шелковыми цвѣтами съ серебряными стеблями. Изъ Спасо-Преображенской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

801. Покровъ съ шитымъ изображеніемъ Распятія и 4 серафимовъ. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

802. Покровъ бархатный съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери и 4 серафимовъ по угламъ. Изъ Воздвиженской ц. зашт. гор. Коропа, Кролевецкаго у. Е. Д.

803. Покровъ шелковый, вышитый, посрединѣ крестъ серебряными нитями. Изъ церкви с. Мезина, Кролевецкаго у. К.

804. Покровъ, шитый серебромъ и мелкими цвѣтами. Изъ Успенской ц. с. Вишенекъ, Кролевецкаго у. Е. Д.

805. Покровъ съ шитымъ серебряными нитями по голубому атласу Распятіемъ съ предстоящими. Изъ Николаевской ц. с. Лоски, Кролевецкаго у. Е. Д.

806. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и 4 серафимовъ по угламъ. Изъ Успенской ц. с. Городища, Кролевецкаго у. Е. Д.

807. Покровъ съ шитымъ шерстью изображеніемъ семиконечнаго креста съ орудіями страданій и обычной криптографіей. Изъ церкви с. Будища, Кролевецкаго у. Е. Д.

808. Покровъ съ вышитымъ изображеніемъ Христа на Голгоѣѣ и съ обычной криптографіей. Изъ Георгіевской ц. с. Будища, Кролевецкаго у. Е. Д.

809. Серебряная нашивка, вдѣланная въ малый воздушокъ, красной шелковой парчи, изъ кусковъ. Изъ Срѣтенской ц. м. Почепа, Мглинскаго у. Е. Д.

810. Покровъ съ вшитымъ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери въ кругѣ съ лучами. Изъ Ильинской ц. м. Почепа, Мглинскаго у. Е. Д.

811—812. Двѣ сторонки отъ крестообразнаго воздушка чернаго бархата съ шитыми изображеніями (серебромъ) двухъ архангеловъ, на шелковой подкладкѣ. Изъ Ильинской ц. м. Почепа, Мглинскаго у.

813. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и 8 серафимовъ. Изъ Николаевской ц. с. Хоромнаго, Новозыбковскаго у. Е. Д.

814. Покровъ изъ разныхъ кусковъ шерстяной матеріи, обшитъ свѣтлой шерстяной тесьмой. Изъ Благовѣщенской ц. гор. Новгородъ-Сѣверска. Е. Д.

815. Покровъ шелковый съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и 4 серафимовъ; съ свѣтло-кремовой бахромой. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

816. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и 4 архангеловъ въ діаконовыхъ облаченіяхъ. Изъ Воскресенской ц. г. Сосницы. Е. Д.

817. Покровъ изъ парчи персиковаго цвѣта, обшитый узкимъ позументомъ. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

818. Покровъ шелковый съ вышитыми шелкомъ и серебромъ цвѣтами, безъ срединной части. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

819. Покровъ шерстяной, вышитый шелкомъ, цвѣтами. Изъ Воскресенской ц. гор. Сосницы. Е. Д.

820. Покровъ, шитый серебромъ и цвѣтнымъ шелкомъ. Изъ церкви с. Слободки, Сосницкаго у. К.

821—822. Покровцы изъ серебряной парчи. Изъ церкви с. Слободки, Сосницкаго у. К.

823—824. Покровцы шелковые съ прошитыми гладью, разноцвѣтнымъ шелкомъ, цвѣтами. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницкаго у. Е. Д.

825. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и 4 серафимовъ. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницкаго у. Е. Д.

826—828. Три сторонки отъ покрыва темно-синяго бархата съ шитыми серебромъ изображеніями архангеловъ. Изъ Покровской ц. м. Синявки, Сосницкаго у. Е. Д.

829. Покровъ, вышитый шелкомъ и серебромъ. Изъ Николаевской ц. с. Демьянокъ, Стародубскаго у. Е. Д.

830—832. Три покрыва чернаго атласа, съ вышивкой разноцвѣтнымъ шелкомъ. Изъ Николаевской ц. с. Демьянокъ, Стародубскаго у. Е. Д.

833. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери въ кругѣ съ лучами. Изъ Николаевской ц. с. Демьянокъ, Стародубскаго у. Е. Д.

834. Покровъ бархатный съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Креста въ срединѣ. Изъ Аѳанасіевской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

835. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Распятія и 4 архангеловъ. Изъ Аѳанасіевской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

836. Покровъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Богомладенца въ чашѣ и 4 херувимовъ. Изъ Николаевской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

837. Покровъ, сплошь зашитый серебромъ, съ вышитыми по нему крупными цвѣтами. Изъ Николаевской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

838. Покровъ изъ парчи съ цвѣтами, обшить позументомъ. Изъ Успенской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

839. Покровъ свѣтлой парчи. Изъ Успенской ц. зашт. гор. Погара, Стародубскаго у. Е. Д.

840. Покровъ, шитый шелкомъ. Изъ Николаевской ц. с. Новаго-Дрокова, Суражскаго у. Е. Д.

841. Покровъ бархатный, средняя часть зашита серебромъ, съ вытканными на ней серебр. ниткой цвѣтами. Е. Д.

842. Покровъ шелковой матеріи пепельнаго цвѣта съ шитыми шелкомъ и серебромъ цвѣтами (безъ срединной части). Е. Д.

843. Аналойное покрывало съ вышивкой. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. К.

844. Мережка полотнянаго покрывала на аналой. Изъ Успенской ц. с. Сваричевки, Борзенскаго у.

1456. Поясъ священническій темно-фіолетовый бархатный, шитый серебряными и золотыми нитями. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховскаго у. Е. Д.

1457. Поясъ священническій тканый, сложенный и сшитый вдвое. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. А. К.

1458. Воздухъ зеленого шелка съ шитымъ серебромъ и шелкомъ крестомъ въ центрѣ, по полю и бордюру расшить разноцвѣтнаго шелка цвѣтами. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерскаго у. Е. Д.

1459. Воздухъ изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ кусковъ церковныхъ матерій. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерскаго у. Е. Д.

1460. Воздухъ большой, красной шерстяной матеріи съ нашитымъ изъ позумента крестомъ и вышитыми золотыми нитями четырема звѣздами. Изъ Рождество-Богородичной ц. с. Новоселокъ на Деснѣ, Остерскаго у. Е. Д.

1461. Воздухъ темнаго атласа съ шитыми серебромъ и шелкомъ изображеніями Положенія во гробъ, по сторонамъ — четырехъ евангелистовъ и четырехъ серафимовъ. Изъ Рождество-Богородичной ц. м. Гоголева, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1462. Воздухъ малиноваго бархата богато расшитый серебряной мишурой съ изображеніемъ креста въ срединѣ, по полю четырехъ серафимовъ (лица живописныя), цвѣтовъ и звѣздъ. Изъ Воскресенской ц. м. Почепа, Мглинскаго у. Ч. Е. Д.

1463. Воздухъ большой малиноваго бархата. Въ центрѣ шитое серебромъ «Положеніе Гдне во гробъ», по сторонамъ четыре евангелиста и два серафима.

Надъ и подъ центральнымъ изображеніемъ надпись: «Спси Ги іпомилуй любящихъ благолѣпіе дому твоего». Лица шиты шелкомъ. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховскаго у. Е. Д.

1464. Воздухъ большой голубого шелка съ нашитымъ посрединѣ семиконечнымъ крестомъ съ тростію и копіемъ. По угламъ расшитъ цвѣтами разноцвѣтнымъ шелкомъ и серебромъ. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1465. Воздухъ кофейнаго цвѣта шелка съ нашитымъ изъ позумента восьмиконечнымъ крестомъ съ копіемъ и тростію. Изъ Покровской ц. с. Гирина, Глуховскаго у. Е. Д.

1466 а. Воздухъ синей шелковой полупарчи съ нашитымъ изъ позумента пятиконечнымъ крестомъ на подставкѣ, обшитъ серебрянымъ позументомъ. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1466 б. Воздухъ, подаренный въ Покровскую ц. с. Казацкаго, Путивльскаго у., по преданію, гетманомъ Самойловичемъ. Курскаго музея.

1467. Покровецъ крестообразный, шитый изъ разныхъ кусковъ шелковой матеріи, обшитъ серебрянымъ позументомъ. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговскаго у. Е. Д.

1468—1469. Два покрывца свѣтло-кремоваго шелка, расшиты цвѣтами такого же и зеленаго шелка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1470—1471. Два покрывца зеленаго шелка, расшиты цвѣтами свѣтло-кремоваго шелка. Изъ Воскресенской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1472. Покровецъ крестообразный фіолетоваго бархата, вышитый разноцвѣтнымъ шелкомъ. Въ срединѣ вышиты чаша, крестъ и евангеліе. Изъ Николаевской ц. гор. Чернигова. Е. Д.

1473. Покровецъ крестообразный краснаго шелка съ шитымъ серебромъ и шелкомъ изображеніемъ Христа Младенца въ чашѣ и четырехъ серафимовъ. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговскаго у. Е. Д.

1474. Покровецъ крестообразный краснаго шелка съ шитыми серебромъ инициалами Спасителя въ кругѣ съ сіяніемъ и четырехъ серафимовъ. Изъ Троицкой ц. с. Холявина, Черниговскаго у. Е. Д.

1475. Покровецъ крестообразный чернаго шелка съ шитымъ серебромъ и шелкомъ изображеніемъ Богомладенца въ чашѣ и четырехъ серафимовъ по бокамъ. Изъ Покровской ц. с. Требухова, Остерскаго у. Е. Д.

1476. Покровецъ краснаго атласа съ шитымъ серебромъ и шелкомъ изображеніемъ Христа въ чашѣ, послѣдняя на подставкѣ, — по бокамъ два архангела съ рипидами, сверху надпись: «се агнецъ Божи ХС ІС». На боковыхъ сторонахъ 4 архангела. Изъ Троицкой ц. с. Старгородки, Остерскаго у. Е. Д.

1477. Покровецъ крестообразный золотой парчи съ вшитымъ въ средину кускомъ серебряной парчи. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1478. Покровецъ крестообразный, сшитый изъ разноцвѣтныхъ кусковъ парчи и шелковой матеріи. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1479—1480. Два покрывца чернаго бархата, расшиты по краямъ разноцвѣтнымъ шелкомъ; обшиты позументомъ съ шелкомъ. Изъ Воскресенской ц. м. Почепа, Мглинскаго у. Е. Д.

1481. Покровъ, шитый серебромъ и шелкомъ, XVIII вѣка. На среднемъ квадратѣ Спаситель стоящій въ чашѣ и источающій въ нее кровь изъ ребра и рукъ прободенныхъ. На прочихъ квадратахъ поколѣнные изображенія архангеловъ съ орудіями вольной страсти. Изъ ц. с. Кладьковки, Борзенскаго у. А. К.

1482. Покровецъ зеленого бархата съ битымъ серебрянымъ орнаментомъ, обшить малиновымъ бархатомъ. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховскаго у. Е. Д.

1483—1484. Два покровца желтаго атласа съ вышитымъ серебромъ съ чернью Андреевскимъ орломъ. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховскаго у. Е. Д.

1485. Покровецъ малый темно-коричневой шелковой полупарчи цвѣтами, обшить позументомъ. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1486. Покровъ крестообразный, середина малиноваго бархата съ шитымъ серебромъ и золотомъ спеленатымъ Богомладенцемъ, по сторонамъ буквы ІС. ХС. П. Н. Четыре сторонки малиноваго полуатласа съ шитыми серебромъ изображеніями четырехъ серафимовъ, цвѣтовъ и звѣздъ, къ срединной части прикрѣплены шелковымъ шнуромъ. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1487. Покровецъ парчевый, обшить серебряннымъ позументомъ. Изъ Воскресенской ц. с. Княжичъ, Глуховскаго у. Е. Д.

1488. Покровецъ — на средней части вышита чаша, на коей возлежитъ пречистое тѣло Господа; по сторонамъ инициалы ІС. ХС. Въ срединѣ чаши и внизу ея три шестокрылатыхъ серафима, на четырехъ квадратахъ, что свѣшиваются вокругъ потира также изображенія серафимовъ съ надписями: «Херувимъ || и шето || кинлати сераѣимъ||». Всѣ пять квадратовъ оторочены короткою синей бахромой, конца XVIII вѣка. Изъ церкви с. Серединки, Козелецкаго у. А. К.

1489. Покровъ крестообразный зеленого атласа съ шитымъ серебромъ изображеніемъ въ центрѣ Спасителя съ распростертыми руками въ чашѣ. По сторонамъ надпись: «вкусите и видите яко благъ Гдъ». По сторонамъ — четыре архистратига въ діаконовыхъ облаченіяхъ. Изъ Михайловской ц. м. Воронежа, Глуховскаго у. Е. Д.

1490. Покровъ изъ шелковой матеріи коричневаго цвѣта, вышитый шелковыми, золотистыми и серебряными нитями, отороченный желтой бахромой. На среднемъ квадратѣ чаша съ возлежащимъ Богомладенцемъ; вокругъ девять звѣздъ; надъ Богомладенцемъ инициалы ІХ; по четыремъ квадратамъ архангелы во весь ростъ, съ воздѣтыми горѣ руками въ діаконовыхъ облаченіяхъ. Изъ церкви с. Жукотокъ, Черниговск. у. А. К.

1491—1492. Два крестообразныхъ покровца малиноваго бархата богато-расшитыхъ серебряной мишурой съ изображеніемъ на каждомъ креста въ срединѣ, по полю четырехъ серафимовъ (лица живописныя), цвѣтовъ и звѣздъ. Изъ Воскресенской ц. м. Почапа, Мглинскаго у. Е. Д.

1493. Шитая икона коронованной Богоматери, оплечье фелони. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. А. К.

1494—1495. Два шитыхъ ангела, — съ оплечья фелони. Изъ церкви с. Кладьковки, Борзенскаго у. А. К.

1496. Оплечье-кругъ, зашитый серебромъ и малиновымъ шелкомъ. Изъ Успенской ц. с. Татаровщины, Остерскаго у. Е. Д.

1497. Кусокъ бархата расшитый серебромъ, вшитый въ большой воздухъ синей шелковой полупарчи. Изъ Рождество-Богородичной ц. м. Гоголева, Остер. у. Е. Д.

1498. Кусокъ малиноваго бархата, шитый серебромъ и золотомъ. Изъ Покровской ц. с. Гирина, Глуховскаго у. Е. Д.

1499. Орарь, вышитый разноцвѣтнымъ гарусомъ цвѣтами, подбитъ темно-зеленымъ шелкомъ. Изъ Трехсвятительской ц. с. Позняковъ, Остерскаго у. Ч. Е. Д.

1644. Поясъ священническій, сдѣланный изъ казакаго пояса.

1645. Казацкій поясъ, взятый въ гробъ Гадячскаго полковника Бороховича. Изъ церкви м. Мотеньки.

1646. Покровецъ краснаго бархата, съ рельефнымъ золотымъ шитьемъ, XVII—XVIII вѣковъ. Изъ Соборной ц. гор. Лубень.

1647. Покровецъ зеленаго бархата, съ золотымъ шитьемъ, изображающимъ гербъ. Изъ церкви м. Китай-Города, Кобелякскаго у.

1648. Покровецъ крестообразный, зеленаго бархата, такого же шитья.

1649. Покровъ шелковый, $\frac{4}{6}$ в., шитый шелкомъ съ изображеніемъ льва и орла. Изъ церкви гор. Зѣнькова.

1650. Покровъ крестообразный, коричневаго шелка съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, изображающимъ чашу и херувимовъ, по краямъ орнаментъ, XVIII вѣка. Изъ Переяславскаго монастыря.

1651. Покровъ крестообразный, чернаго шелка, съ золотымъ и шелковымъ шитьемъ, изображающимъ чашу и херувимовъ; по краямъ обшивка изъ зеленой бахромы, XVIII вѣка. Изъ м. Новыхъ-Сенжаръ, Кобелякскаго у.

1652. Покровъ крестообразный, зеленаго шелка, съ золотымъ шитьемъ, изображающимъ чашу и херувимовъ; по краямъ бахрома. Изъ церкви м. Соколки, Кобелякскаго у.

1653. Воздухъ краснаго шелка, шитый серебромъ. Изъ церкви м. Каменки, Кобелякскаго у.

1654. Воздухъ, шитый шелками и серебромъ, XVIII вѣка.

1655. Воздушекъ свѣтлаго шелка, шитый шелками и золотомъ, XVIII вѣка. Изъ церкви м. Новыхъ-Сенжаръ, Кобелякскаго у.

1656. Покровъ синяго шелка, шитый золотомъ съ изображеніемъ чаши и херувимовъ, XVII вѣка.

1657. Покровъ, сплошь зашитый золотомъ, XVIII вѣка.

1658. Покровъ, шитый шелками и золотомъ, съ изображеніемъ Распятія и херувимовъ. Изъ м. Китай-Города, Кобелякскаго у.

1659. Покровъ чернаго бархата, съ золотымъ шитьемъ и изображеніемъ чаши и херувимовъ, XVIII вѣка. Изъ Михайловской ц. гор. Переяслава.

1660. Воздухъ большой, синяго бархата, съ изображеніемъ Распятія и Евангелистовъ, XVII вѣка.

1661. Покровъ кирпичнаго цвѣта, шитый золотомъ и шелками, съ изображеніемъ чаши и херувимовъ, XVIII вѣка. Изъ м. Царичанки, Кобелякскаго у.

1662. Покровъ крестообразный, голубого шелка, шитый золотомъ и шелками, съ изображеніемъ чаши и херувимовъ. Изъ церкви м. Соколки, Кобелякскаго у.

1663. Покровъ, шитый золотомъ и серебромъ, средній квадратъ зеленый, а остальные — оранжевые, XVIII вѣка. Изъ Благовѣщенской ц. гор. Золотоноши.

1664. Покровъ крестообразный, краснаго бархата, съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, XVII вѣка. Изъ церкви м. Китай-Города.

1665. Воздухъ большой, малиноваго бархата, шитый золотомъ, серебромъ и шелкомъ съ изображеніемъ Положенія Спасителя во гробъ.

1666. Воздухъ большой, голубого шелка, шитый различными шелками, XVIII вѣка. Изъ церкви м. Царичанки, Кобелякскаго у.

1667. Воздухъ большой, чернаго бархата, шитый золотомъ и серебромъ, съ рельефнымъ изображеніемъ Положенія Спасителя во гробъ, XVIII вѣка. Изъ церкви гор. Переяслава.

1668. Воздухъ большой, со вставкой, шитой серебромъ, XVIII вѣка. Изъ церкви с. Малютинецъ, Пирятинскаго у.

1669. Воздухъ большой, малиноваго бархата, шитый золотомъ и серебромъ, съ рельефнымъ изображеніемъ Покрова Богоматери, Евангелистовъ и херувимовъ, XVII вѣка. Изъ Покровской ц. гор. Переяслава.

1670. Воздухъ большой, малиноваго бархата, шитый золотомъ, серебромъ и шелками, съ изображеніемъ Положенія Спасителя во гробъ, Евангелистовъ и херувимовъ, XVII вѣка. Изъ Соборной ц. гор. Лубенъ.

1671. Большой воздухъ оранжеваго бархата, покрытый серебряной сѣткой, XVIII вѣка. Изъ церкви м. Китай-Города.

1672. Такой же — малый.

1673. Воздухъ малиноваго бархата, съ шитымъ золотомъ и серебромъ изображеніемъ семи чиновъ ангельскихъ съ вышитой же записью, изъ которой видно, что онъ пожертвованъ игуменіей Кіево-Дѣвичьяго монастыря въ 1748 году.

1674. Воздухъ съ шитымъ серебромъ изображеніемъ Богоматери и Младенца.

Примѣчаніе. Большая часть описанныхъ «Воздуховъ» и «Покрововъ» состоитъ, подобно воспроизводимому образцу за № 723, изъ вставокъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ по бархату, или парчи, и представляютъ ничто иное, какъ бабьи очипки, которыя приносились въ жертву церкви владѣтельницами послѣ того, какъ они стали выходить изъ употребленія.

IX. Памятники церковнаго строительства (по каталогу XIII).

845. Старинная капитель. Изъ Черниговскаго Спасскаго Собора. Е. Д.

846. Кирпичъ квадратной формы изъ внутренней арки Черниговскаго Спасскаго Собора. А. К.

847. Кирпичъ (не полный) съ известковымъ швомъ изъ арки Черниговскаго Спасскаго Собора. А. К.

848. Кирпичъ (половинка) изъ арки Черниговскаго Спасскаго Собора. А. К.

849—850. Чугунныя плиты (двѣ), изъ которыхъ былъ сложенъ полъ въ Черниговскомъ Спасскомъ Соборѣ въ XVIII—XIX вѣкахъ, замѣненный пирогранитными плитками въ 1901 году. А. К.

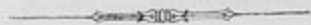
851. Шашка кирпичная изъ-подъ верхняго настила чугунаго пола Черниговскаго Спасскаго Собора. А. К.

852—854. Кирпичи (два цѣлыхъ и одна половинка) изъ постройки XVII вѣка въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ. А. К.

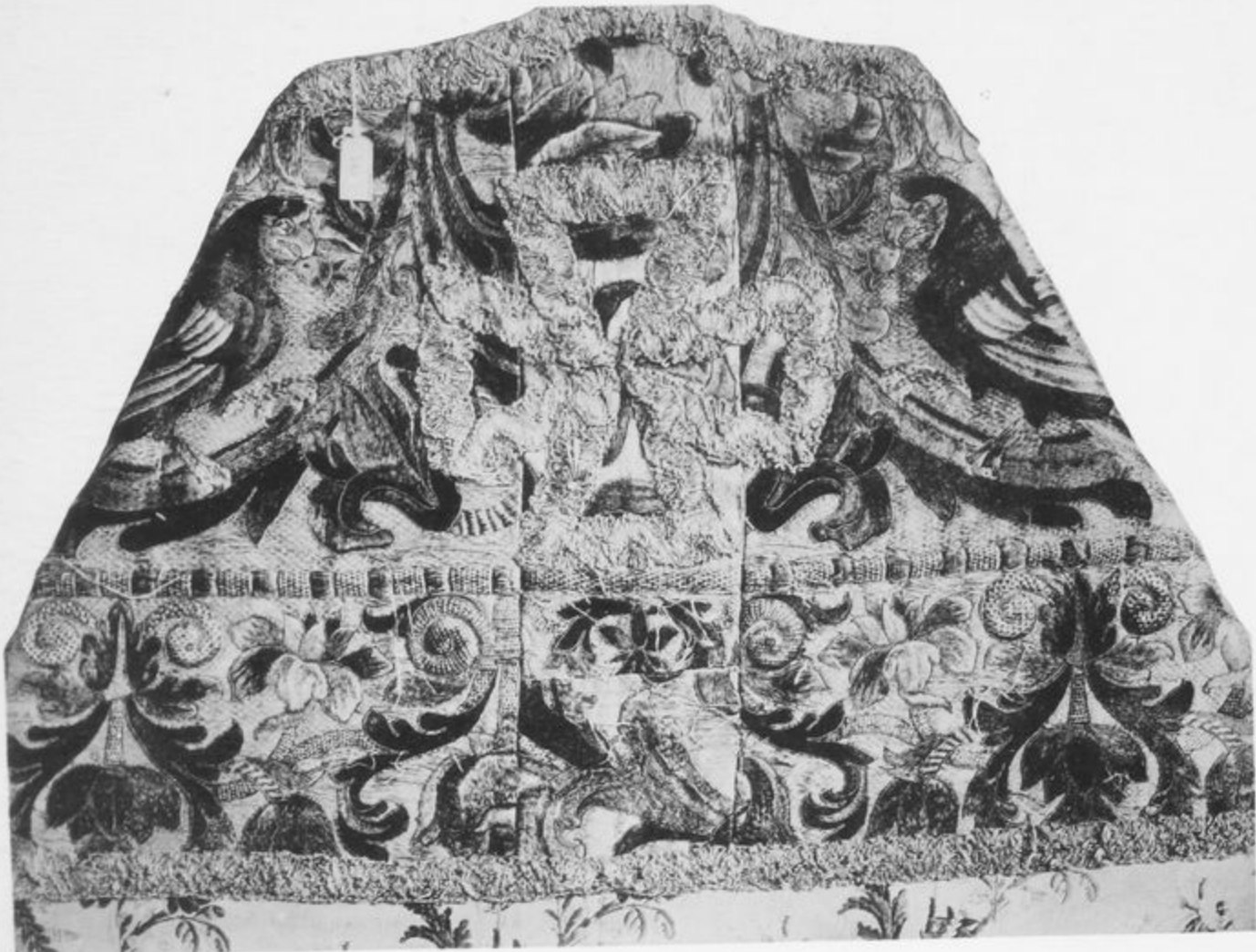
855—857. Кирпичи (три) изъ церковной постройки въ «Святовскомъ» дворѣ Черниговскаго Елецкаго монастыря. А. К.

858—860. Кирпичи (три) изъ такъ наз. «Еньковой каменицы», развалины постройки XVII вѣка, стоявшей въ усадьбѣ дворянства въ Черниговѣ (гдѣ теперь дворянскій пансіонъ-пріютъ), на мѣстѣ одной изъ упраздненныхъ Черниговскихъ церквей. А. К.

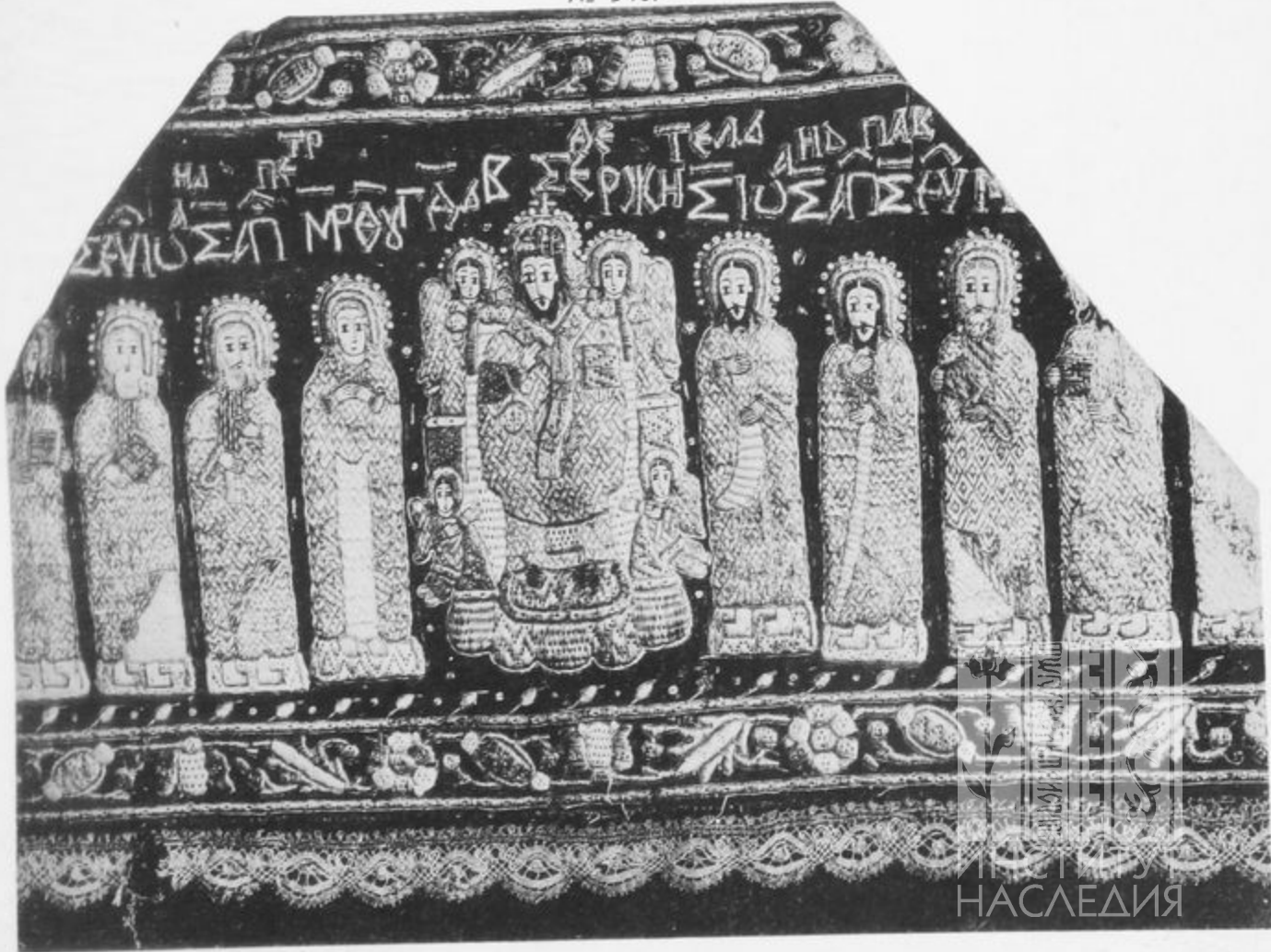
861. Кирпичъ сердцевидной формы изъ Кіевской церкви св. Ирины. А. К.

№ 540.

Фот. П. Павлова.

№ 620.

№ 623.

БИБЛИОТЕКА
Российской Федерации
и Музейной работы

Строительство графов Разумовскихъ въ Черниговщинѣ.

Θ. Θ. Горностаевъ.

І. Козелецкій соборъ.

Выдающийся историческимъ и художественнымъ значеніемъ соборный храмъ гор. Козельца, Черниговской губерніи, является не только достопримѣчательностью города, но и лучшимъ представителемъ храмового зодчества XVIII вѣка. Историческое значеніе храма исчерпывается извѣстнымъ положеніемъ рода графовъ Разумовскихъ, отмѣтившихъ свой родной городъ сооруженіемъ грандіознаго собора¹⁾, начатаго постройкой въ 1752 году и оконченаго въ 1763 году. Годъ начала сооруженія собора совпадаетъ со временемъ перваго объѣзда гр. Кириломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ въ чинѣ гетмана Малороссіи «всѣхъ полковыхъ и другихъ знатнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ». Съ этого же года начата внутренняя отдѣлка и окончаніе сооруженія Кіевскаго собора св. Андрея Первозваннаго, начатаго постройкой еще въ 1744 году и находившагося въ забвеніи. Скорѣйшимъ окончаніемъ работъ въ Андреевскомъ соборѣ интересовалась Императрица Елизавета Петровна. По ея желанію художественная рѣзба по рисункамъ Растрелли исполнялась въ Петербургѣ, при чемъ исполнительная работа была поручена нѣсколькимъ мастерамъ. Такая спѣшность несомнѣнно вызвана желаніемъ скорѣе исправить «забывчатость», тѣмъ болѣе, что для окончанія работъ былъ командированъ въ Кіевъ лучший живописецъ того времени А. П. Антроповъ.

Соборныя записи Козелецкаго собора указываютъ, что этому храму удѣлялось не меньшее вниманіе, такъ какъ соборъ считается постройкой знаменитаго оберъ-архитектора гр. Растрелли, строившаго, какъ извѣстно, и Кіевскій Андреевскій соборъ. Внутренняя отдѣлка Козелецкаго собора пышнѣе и богаче Андреевской и также сдѣлана различными мастерами²⁾. Сложное дѣло сооруженія грандіознаго собора продолжалось двѣнадцать лѣтъ и было закончено матерью гр. Разумовскихъ

¹⁾ Причина, вызвавшая сооруженіе собора въ гор. Козельцѣ, не извѣстна. Императрица Елизавета Петровна, во время путешествія по Россіи останавливалась въ Козельцѣ, гдѣ для нея былъ выстроенъ гр. Разумовскимъ дворецъ (противъ города, на лѣвомъ берегу р. Остра). По преданію въ этомъ дворцѣ Императрица, соблюдая строгую тайну, сочеталась бракомъ съ гр. А. Г. Разумовскимъ.

²⁾ Среди мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе, что иконостасъ собора былъ исполненъ въ Италіи для какой то дворцовой петербургской церкви, но былъ подаренъ Императрицей Козелецкому собору, который въ то время еще не былъ начатъ постройкой и размѣръ котораго будто бы вполне зависить отъ подареннаго иконостаса. Это преданіе указываетъ, что иконостасъ вывезенъ изъ Петербурга, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и дѣлался.

гр. Наталіей Деміановной Разумовской, использовавшей полуподвальный этаж собора подъ склепъ съ придѣломъ во имя Адріана и Наталіи. Въ этомъ склепѣ строительница храма впоследствии и была погребена¹⁾. Доведенная до конца постройка съ честью могла бы занять выдающееся положеніе въ любой изъ столицъ. И донинѣ соборъ, потерпѣвшій не мало измѣненій, положительно поражаетъ своею неожиданностью среди садовъ и хатъ незначительнаго городка (табл. XXXIII, 1 и 18). Захватывая обширный участокъ соборной площади гор. Козельца, соборный храмъ широко раскинулся близъ мѣста бывшей церкви, окруженный стѣной, домами причта, теплой церковью и колоссальной колокольною «въ три звона» (рис. 27) подчеркивающей всю важность храма и широту строительнаго замысла всесильныхъ уроженцевъ

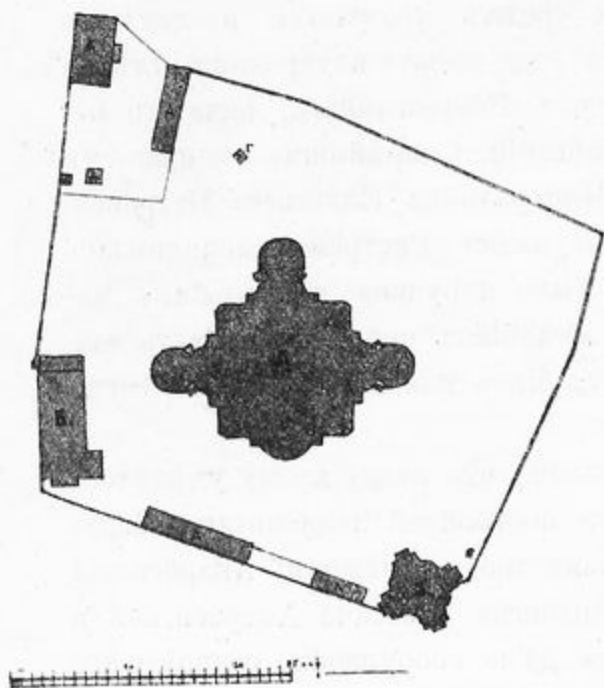

Рис. 27.

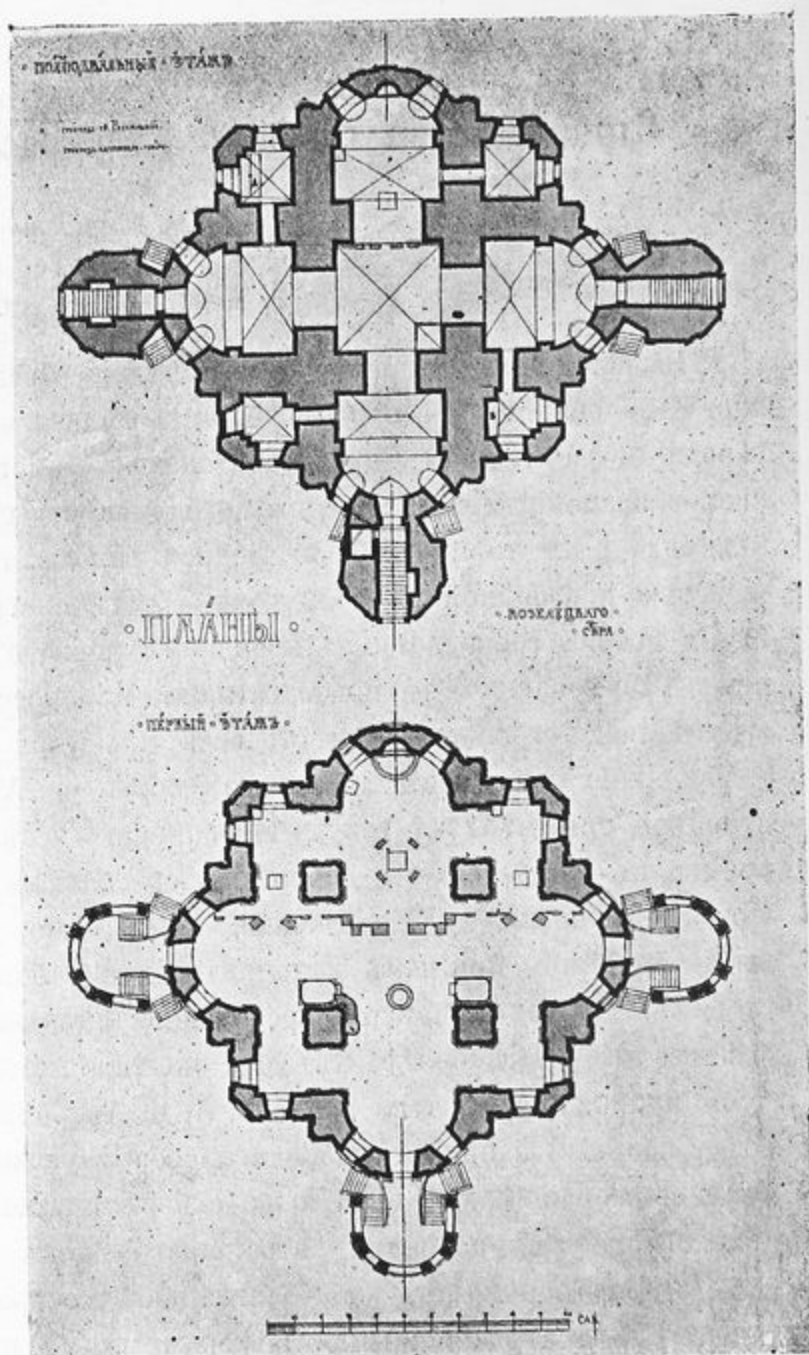

Рис. 28.

края. Снятые съ натуры чертежи собора (рис. 28 и 29 и прилагаемая табл.) поясняютъ, въ какихъ обдуманыхъ и высоко художественныхъ формахъ этотъ замыселъ былъ воплощенъ.

¹⁾ Мать гр. Разумовскихъ (Разумиха, какъ ее звали) послѣ возвышенія сына была приглашена ко Двору, но, чувствуя себя тамъ не на мѣстѣ, вернулась доживать свой вѣкъ на родину въ село Лемешинъ (въ 10 верстахъ отъ Козельца), гдѣ и умерла. Кромѣ сооруженія Козелецкаго собора на средства гр. Н. Д. Разумовской построена въ Лемешахъ каменная церковь надъ прахомъ ея мужа Григорія Разума. Объ этомъ далѣе.

Прекрасно обработанный снаружи и внутри компактный конструктивный планъ трех-престольнаго собора¹⁾ (рис. 28) какъ бы содержитъ украинскую идею равноконечнаго креста, выдѣленнаго изъ общей формы закругленіемъ концовъ. Эти плановые закругленные концы прекрасно использованы въ формахъ храма. Вздвигаясь сводами подъ самый куполь (рис. 29), они даютъ просторъ и дѣлаютъ виднымъ центральный куполь, при входѣ въ храмъ, чуть не до самаго зенита. Достигнутый просторъ усугубленъ четырьмя свѣтлыми куполами, помѣщенными надъ угловыми частями плана. Обильный, умѣло рассчитанный свѣтъ оконъ въ высокой степени дополняетъ художественность замысла внутренняго величія собора. Умѣренное архитектурное убранство стѣнъ и сводовъ, въ сплошной спокойной бѣлой клеевой окраскѣ (табл. XXXVI, 5), дышетъ изящнымъ и спокойнымъ благородствомъ, выгодно выдѣляя всю роскошь величественнаго иконостаса, сплошной стѣной вздымающагося къ сводамъ храма. (табл. XXXIV, 6 и 9 и XXXV, 7). Объединяя всѣ три престола храма, иконостасъ понятенъ лишь въ чертежѣ (рис. 30), указывающемъ на строгость и величавость формъ въ изысканой детальной обработкѣ «Елизаветинскаго рококо». Начинаясь прямо съ пола храма²⁾, иконостасъ двумя полными ярусами проходитъ черезъ весь храмъ, имѣя трое царскихъ вратъ и въ совмѣщеніи четыре сѣверныхъ и южныхъ двери. Сплошь золоченая рѣзьба колоннъ, иконныхъ рамъ и прочихъ обрамленій, поражающая художественностью и законченностью исполненія расположена на темно синемъ фонѣ имитирующемъ лапидъ-лазури, что придаетъ иконостасу монументальность и способствуетъ эффекту сочетанія позолоты съ прекраснымъ теплымъ колоритомъ иконъ, хотя и потемнѣвшихъ отъ времени, но къ счастью, не скрытыхъ подъ окладами³⁾. Живопись иконъ исполнена масляной краской художниками, знакомыми съ произведеніями великихъ итальянскихъ мастеровъ. Но огромная работа видимо исполнена не одинаково умѣлыми руками. Для характеристики приводимъ четыре иконы ближайшихъ ярусовъ (табл. XXXVI, 10 и 11, XXXVII, 12 и XLII, 13⁴⁾).

Прекраснымъ и цѣннымъ украшеніемъ иконостаса являются массивныя чеканные серебряныя, частью золоченыя царскія врата (табл. XXXVII^a, 14), поражающія изяществомъ и художественностью исполненія. Орнаментація вратъ значительно отличается характеромъ отъ общей орнаментаціи иконостаса. Фигурки полуобнаженныхъ Ангеловъ въ ростъ (напоминающія скорѣе амуровъ), несущія на головахъ корзины,

¹⁾ Главный престолъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, лѣвый въ честь св. Захарія и Елизаветы, правый въ честь св. ап. Петра и Павла. Кромѣ того, какъ указано выше, въ полуподвальномъ этажѣ склепа учрежденъ престолъ въ честь св. Адріана и Наталіи.

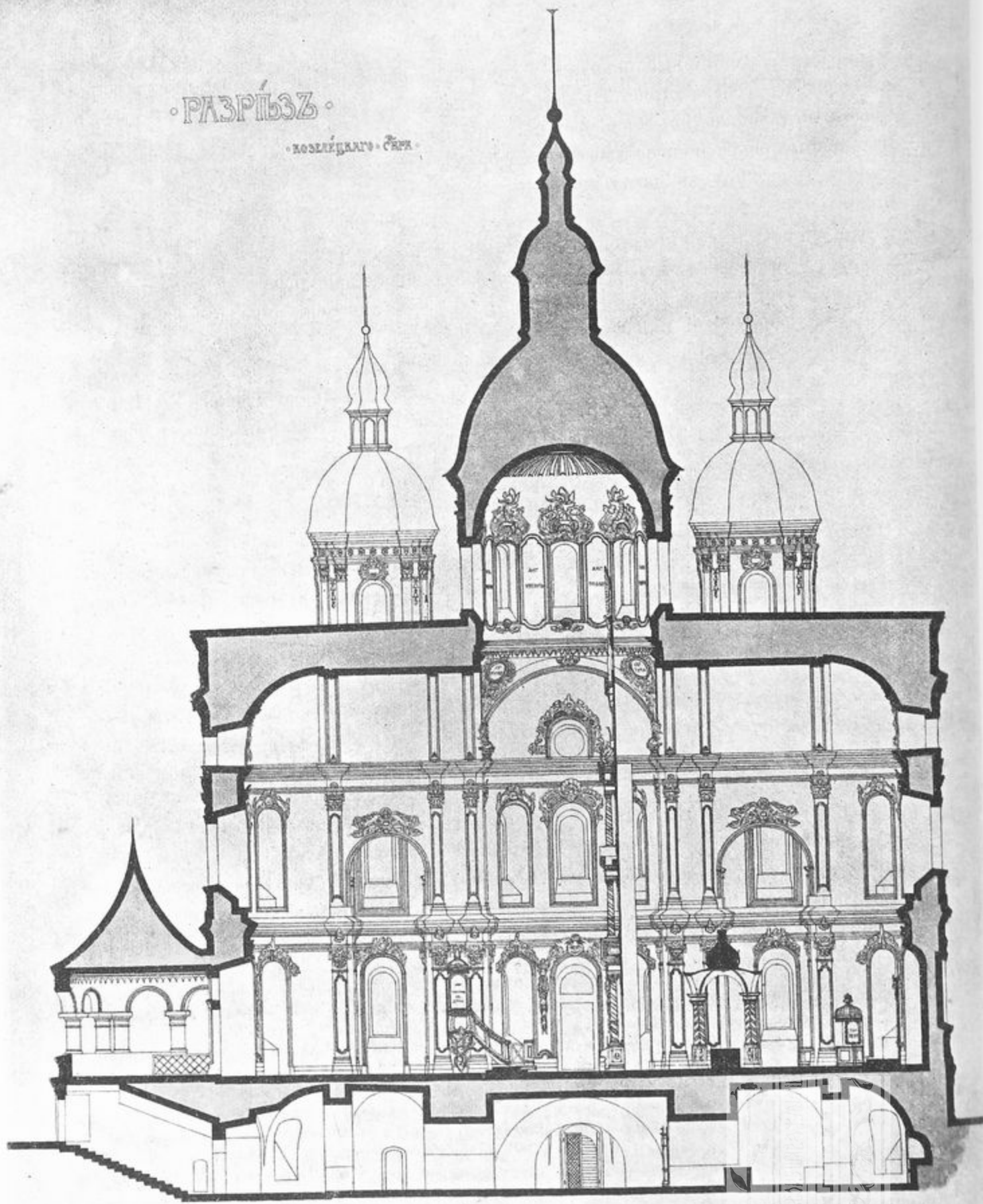
²⁾ Солея совершенно отсутствуетъ и даже не имѣется отдѣляющей рѣшетки. Амвонъ устроенъ совершенно самостоятельно, въ видѣ круглой трибуны, далеко выдвинутой впередъ къ западнымъ пилонамъ храма.

³⁾ Двѣ серебряныя массивныя окладныя ризы мѣстныхъ иконъ, у главныхъ царскихъ вратъ, сдѣланныя въ 1860 году, грубы по исполненію и варварски втиснуты въ изящную рѣзьбу иконныхъ рамъ.

⁴⁾ Двѣ первыя—св. архангелъ Гавріиль и Богоматерь—южнаго придѣла художественно исполнены какъ называемой «портретной манерой» и сохранились хорошо. Двѣ другія св. апостолъ Петръ (второго яруса) и Входъ Господень во Іерусалимъ (пояса праздниковъ надъ мѣстными иконами) наглядно показываютъ разницу въ работѣ. Двѣ послѣднихъ иконы очищены отъ загрязненія, безъ какихъ-либо поправокъ и добавленій, иконописцемъ М. Н. Сафоновымъ, дѣлавшимъ пробу по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для опредѣленія характера реставрированія.

• РАЗРѢЗЪ •

• КОСМЯЦКАГО СЕЛА •

ПОДЪЕМНА

НИКНСТАСА

КОЗЛЕЦАГО СБРА

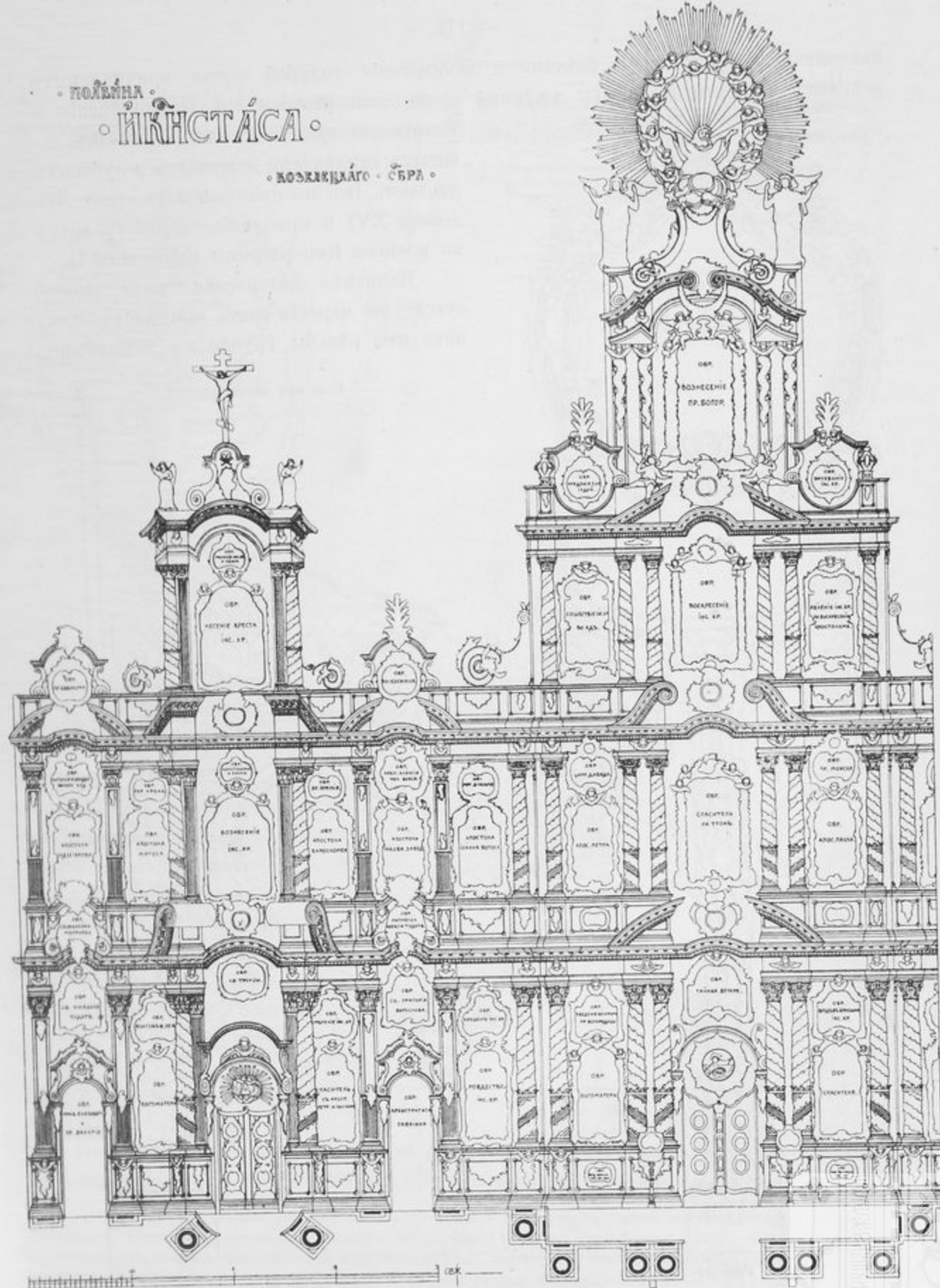

Рис. 30.

наполненные фруктами и цвѣтами и изображенія голубей среди причудливыхъ раковинъ и завитковъ, даютъ ажурный фонъ для изображеній Благовѣщенія и Евангелистовъ въ овальныхъ рамкахъ, обвитыхъ гирляндами лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ. Все это принадлежитъ стилю Людовика XVI и приближаетъ работу вратъ ко времени Императрицы Екатерины II.

Наименѣ интересная часть иконостаса—это царскія врата придѣловъ. Техника ихъ рѣзьбы грубѣе въ исполненіи,

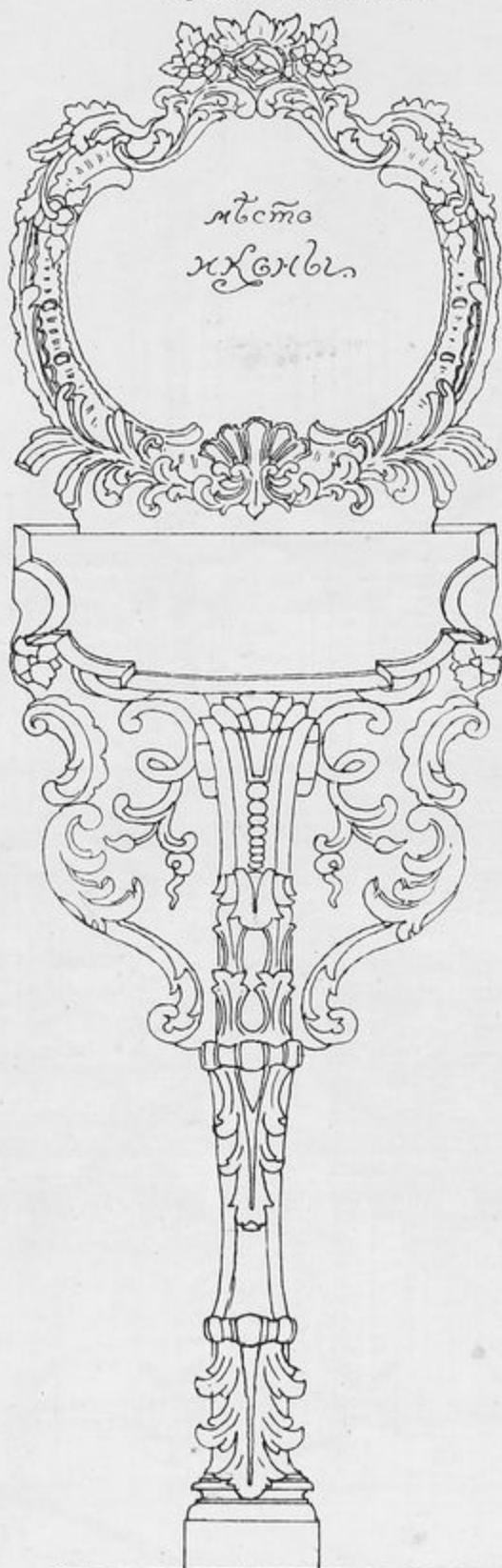

Рис. 31.

Рис. 32.

хотя стиль общій¹⁾. Не загораживая вида на иконостасъ довольно возвышенные клиросы помѣщены у западныхъ пилоновъ храма, примыкая къ нимъ съ восточной

Задняя часть аналая.

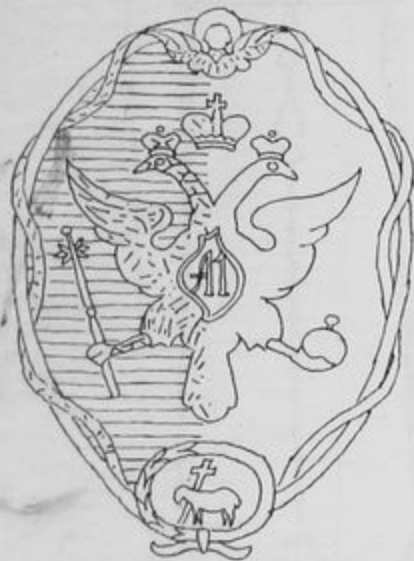

Рис. 33.

Орнаментъ аналая.

Рис. 34.

стороны. Обработка ихъ проста, представляя разбивку на филенки, съ раскраской фона и позолотой тягъ. У южной стороны западнаго лѣваго пилонна возвышается деревянная рѣзная каѳедра - проповѣдальня (табл. XXXVI, 15). Стиль ея, художественная обработка и окраска отвѣчаютъ иконостасу, но композиція и техника работы иная.

Въ обширномъ и свѣтломъ алтарѣ надъ главнымъ престоломъ устроена рѣзная сѣнь-киворій (табл. XXXVII^a, 16). Несмотря на большую величину, при ширинѣ около

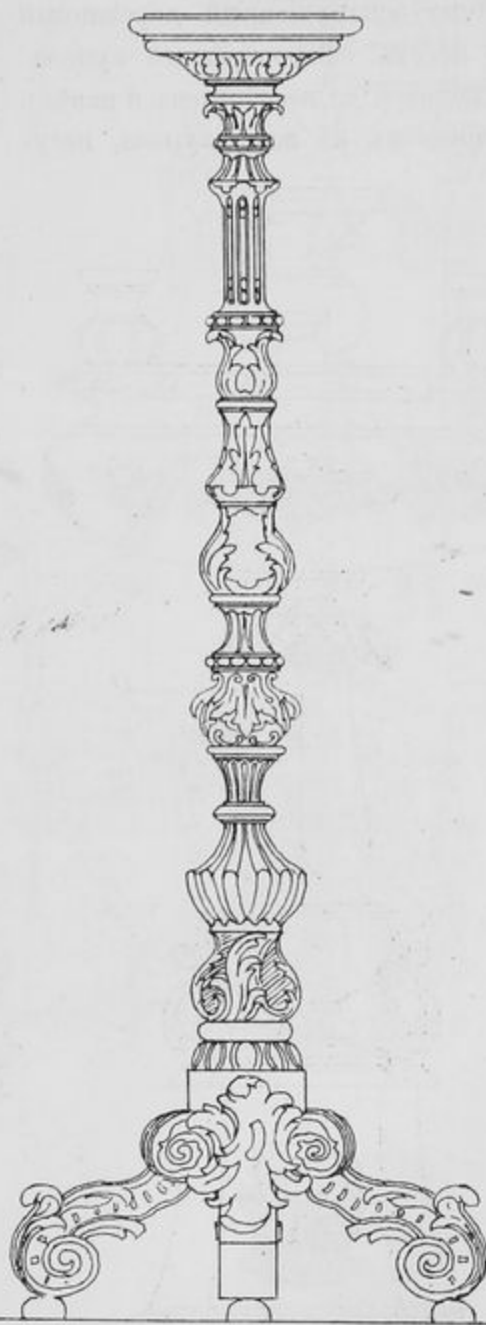

Рис. 35.

¹⁾ Повидимому, рѣзба иконостаса когда-то была подвергнута частичной реставраціи, на что указываетъ также разнородность рѣзныхъ изображеній головокъ Серафимовъ, рѣзко отличающихся въ художественности исполненія. Головки, современные иконостасу, экспрессивны и изящны. Стилизованная раскраска ихъ значительно разнится съ раскраской позднихъ «черноголовыхъ» неподвижно застывшихъ Ангеловъ украинскаго типа.

5 аршинъ, сѣнь кажется легкой и изящной. Смѣло поставленный на четыре парныя колонны крестово-вспарушенный деревянный сводъ легко несетъ сферообразный куполь, увѣнчанный короной¹⁾. Своеобразенъ и навѣсъ надъ жертвенникомъ въ видѣ купола, несущий

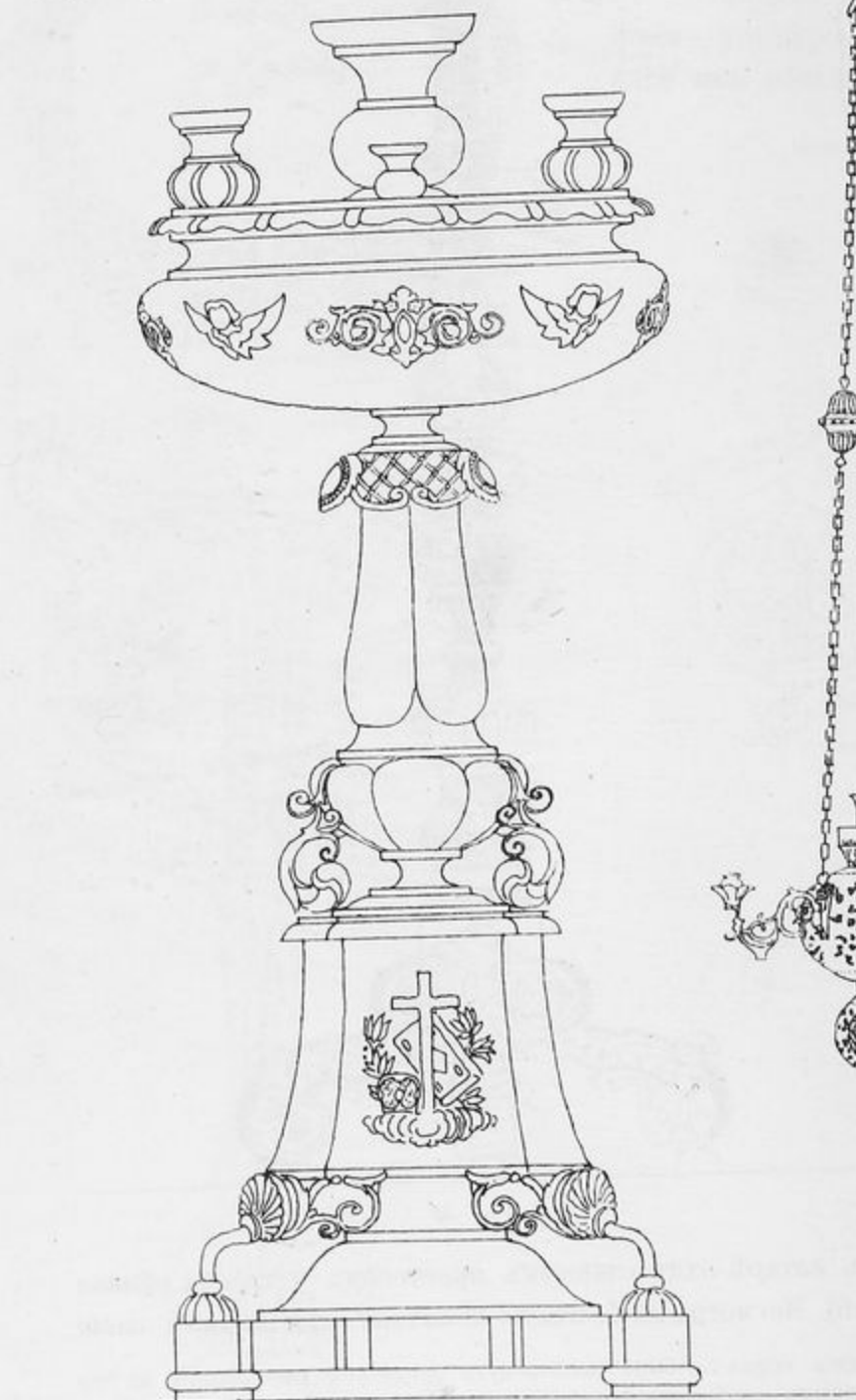

Рис. 36.

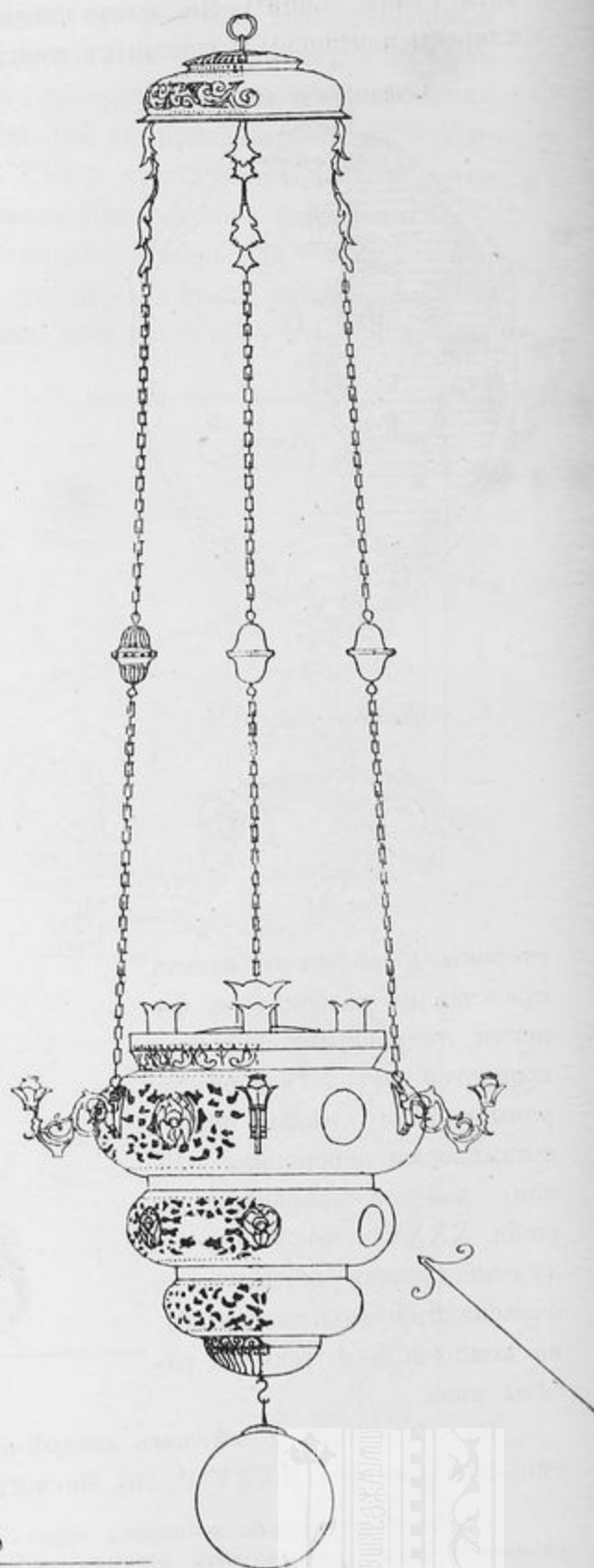

Рис. 37.

¹⁾ Козелецкая сѣнь-киворій сходна съ Кіевской Андреевскаго собора, какъ извѣстно, сдѣланной по образцу каведры Царскосельской церкви. Нужно отмѣтить, что Козелецкая надпрестольная сѣнь ближе подходитъ къ иконостасу, нежели Андреевская.

Рис. 38.

Рис. 40.

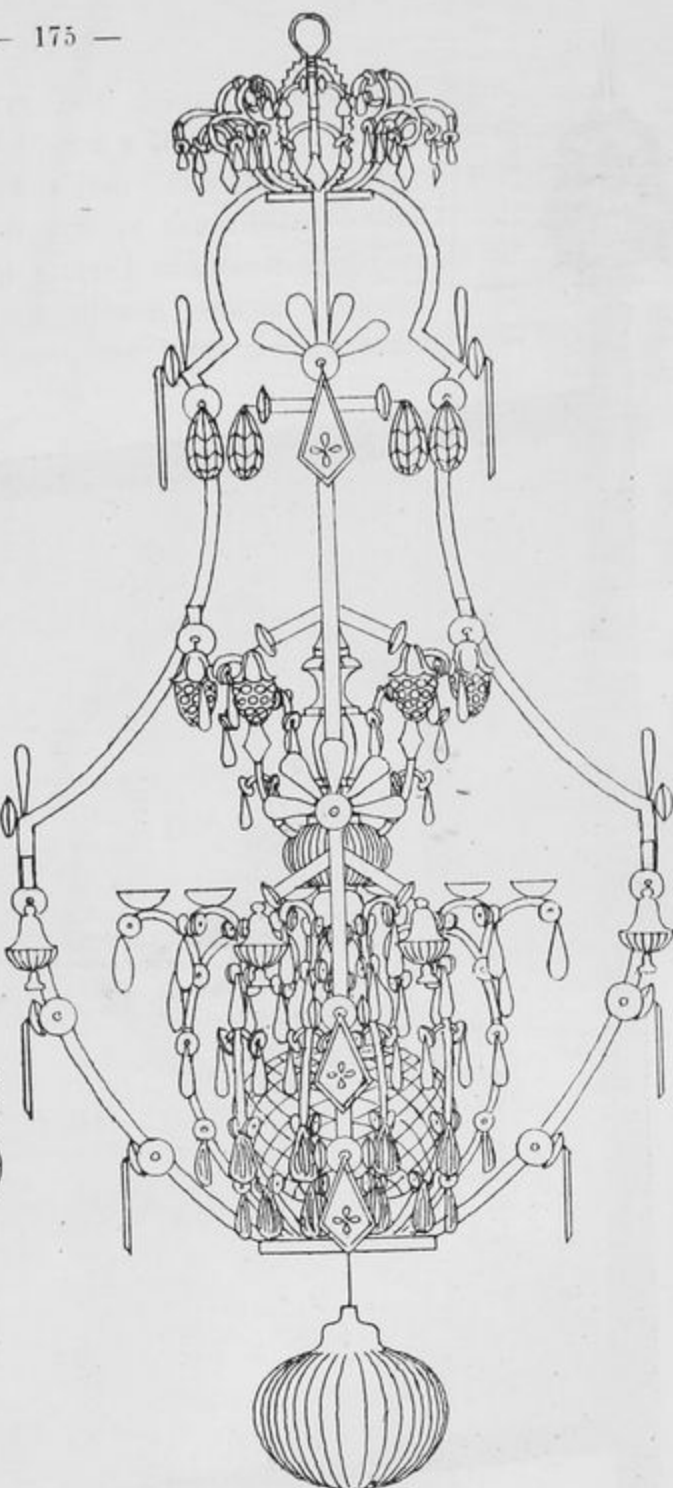
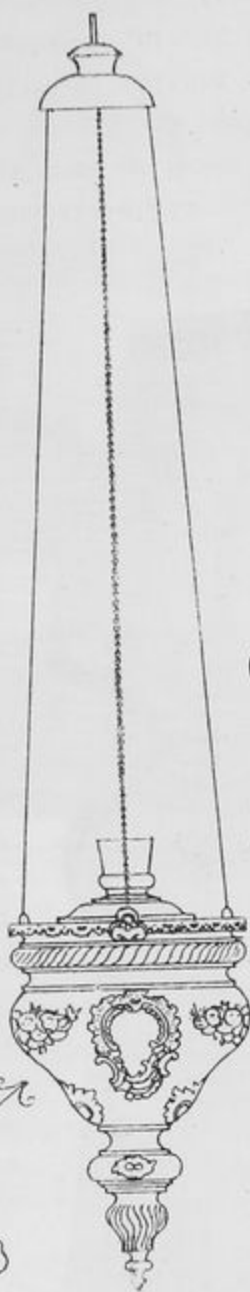

Рис. 41.

Рис. 39.

щаго корону на подушкѣ. Изъ утвари церковной примѣчательны рѣзные аналои (табл. XXXVII^a, 17 и рис. 31—34), подсвѣчники, исполненные въ одинакомъ съ иконостасомъ стилѣ (рис. 35—40) и паникадило (рис. 41). Интересна также сохраняемая въ соборѣ хоругвь въ видѣ знамени съ изображеніемъ Великомученика Георгія (рис. 42).

Склепы и нижнее помѣщеніе храма во имя Адріана и Наталіи не представляютъ большого интереса съ художественной стороны. Преданіе

объ иконостасѣ церкви Адріана и Наталіи, будто бы перенесенномъ изъ домово́й церкви дворца (на противоположномъ берегу р. Остра), гдѣ вѣчалась Императрица Елизавета Петровна, не отвѣчаетъ стилю. Вѣ всякаго сомнѣнія, что иконостасъ церкви Адріана и Наталіи по стилю отвѣчаетъ лишь времени Императрицы Екатерины II. Что касается до камеръ склеповъ, то изъ четырехъ камеръ только двѣ заключаютъ погребенія. Въ одной изъ нихъ находится кирпичная гробница въ 5 аршинъ длины и въ $2\frac{1}{2}$ аршина ширины, оштукатуренная и побѣленная известью безъ какихъ-либо надписей и изображеній. На

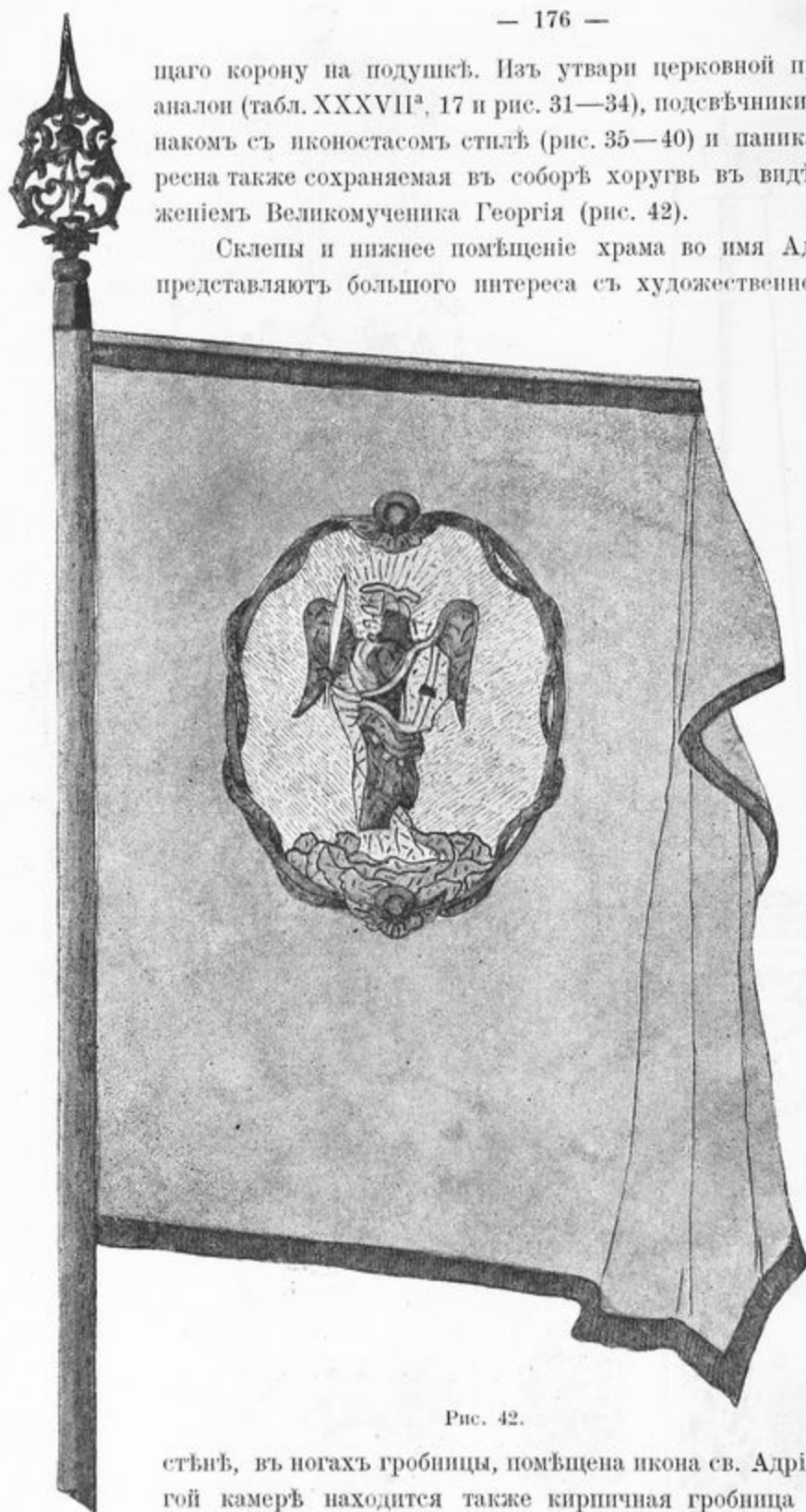

Рис. 42.

стѣнѣ, въ ногахъ гробницы, помѣщена икона св. Адріана и Наталіи. Въ другой камерѣ находится также кирпичная гробница въ 3 аршина длины и въ $1\frac{1}{2}$ аршина ширины, по преданію принадлежащая бывшему настоятелю собора священнику Гуляницкому.

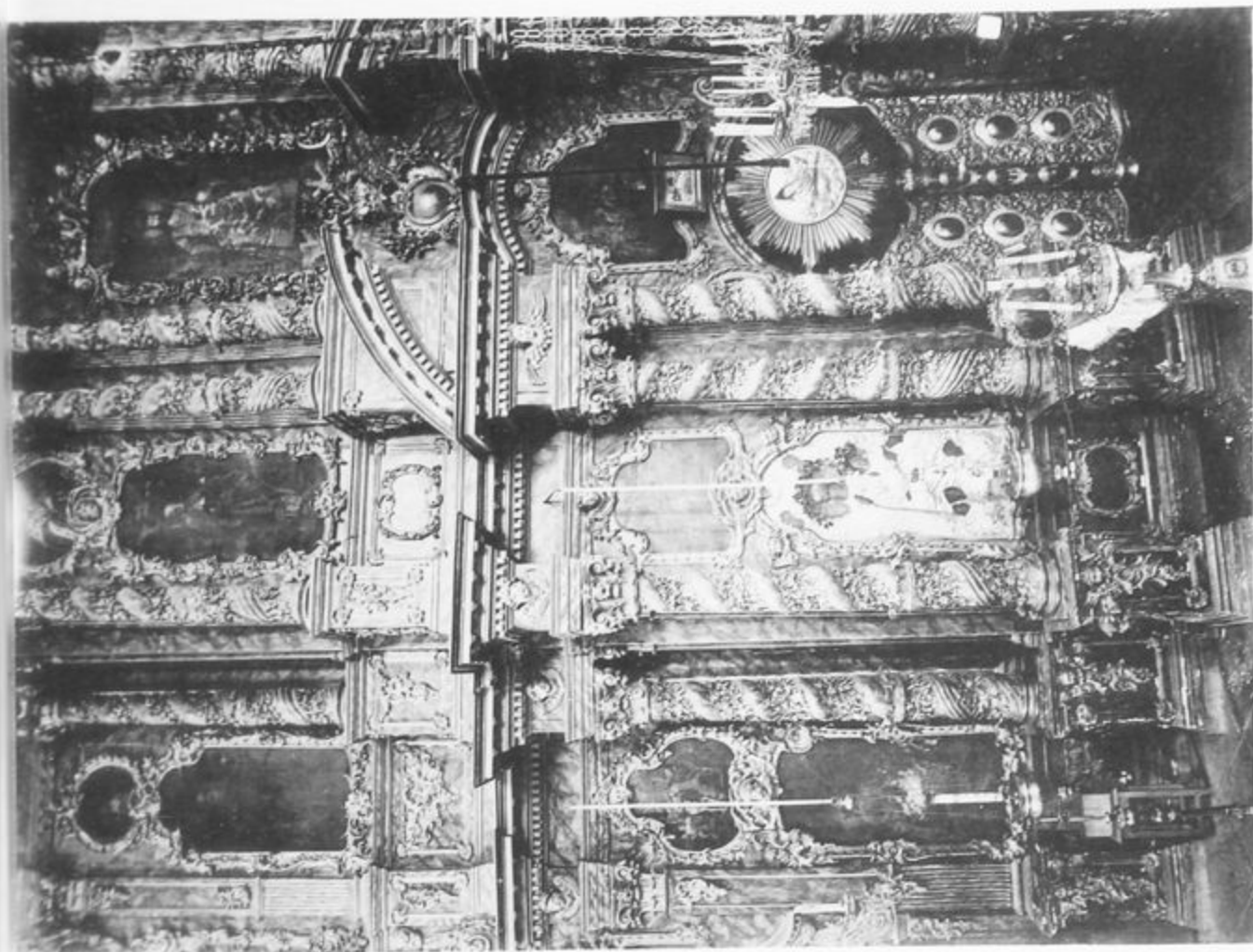
1.

18.

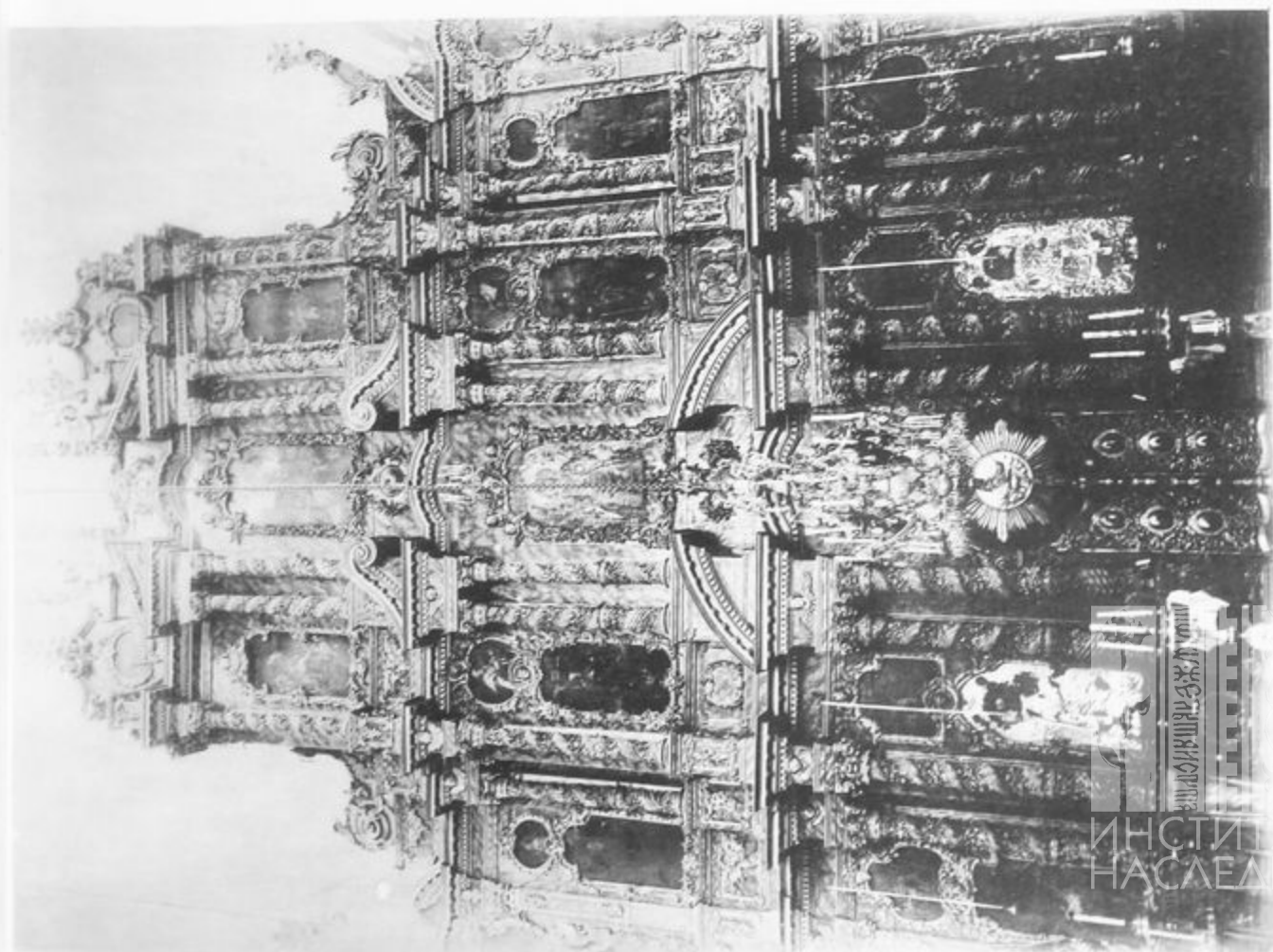

Фот. П. Павлова.

9.

Козелецкий Соборъ. Иконостасъ.

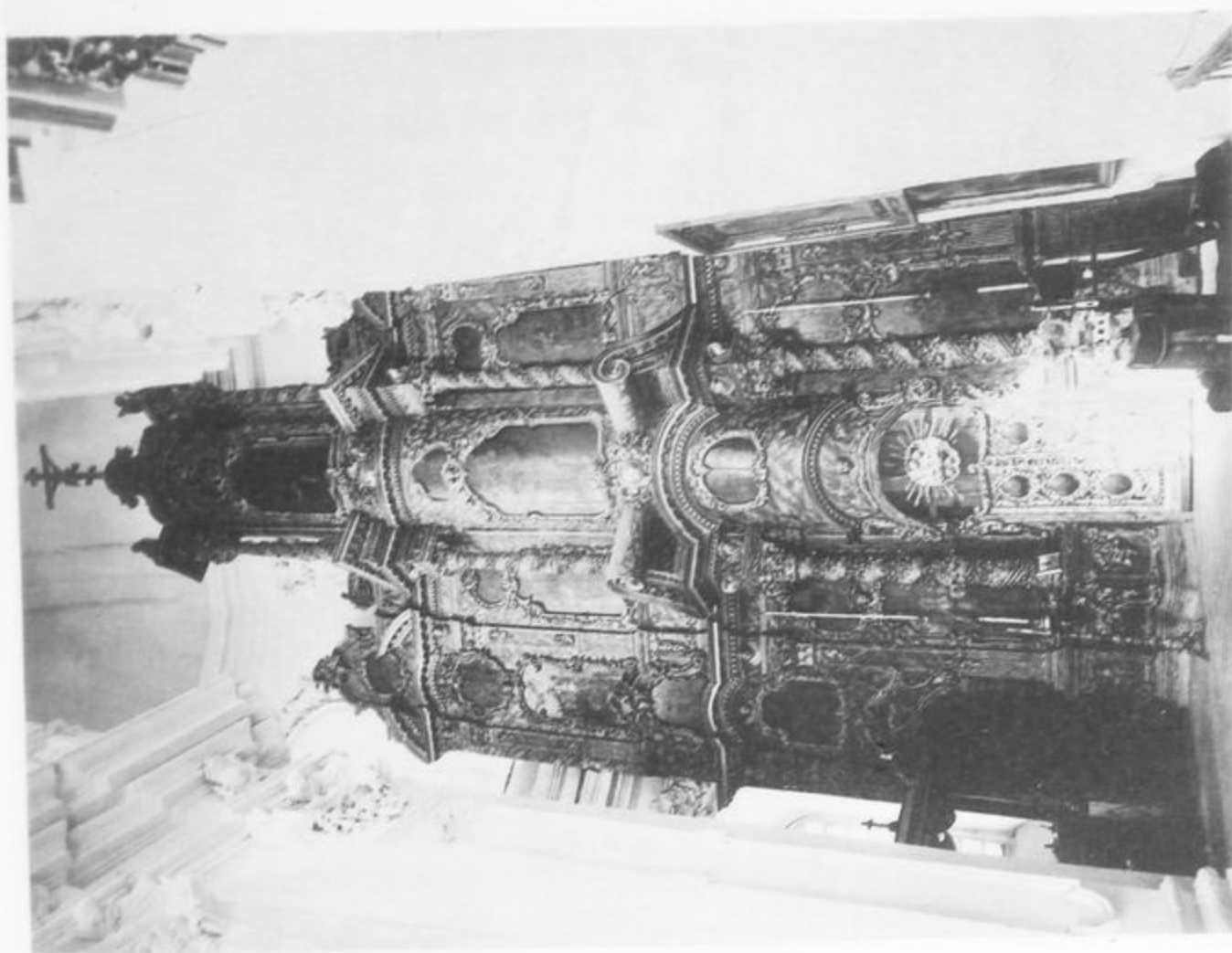
6.

БИБЛИОТЕКА
ИИ ИС-та Кр. 1974
в Музей 11.5

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

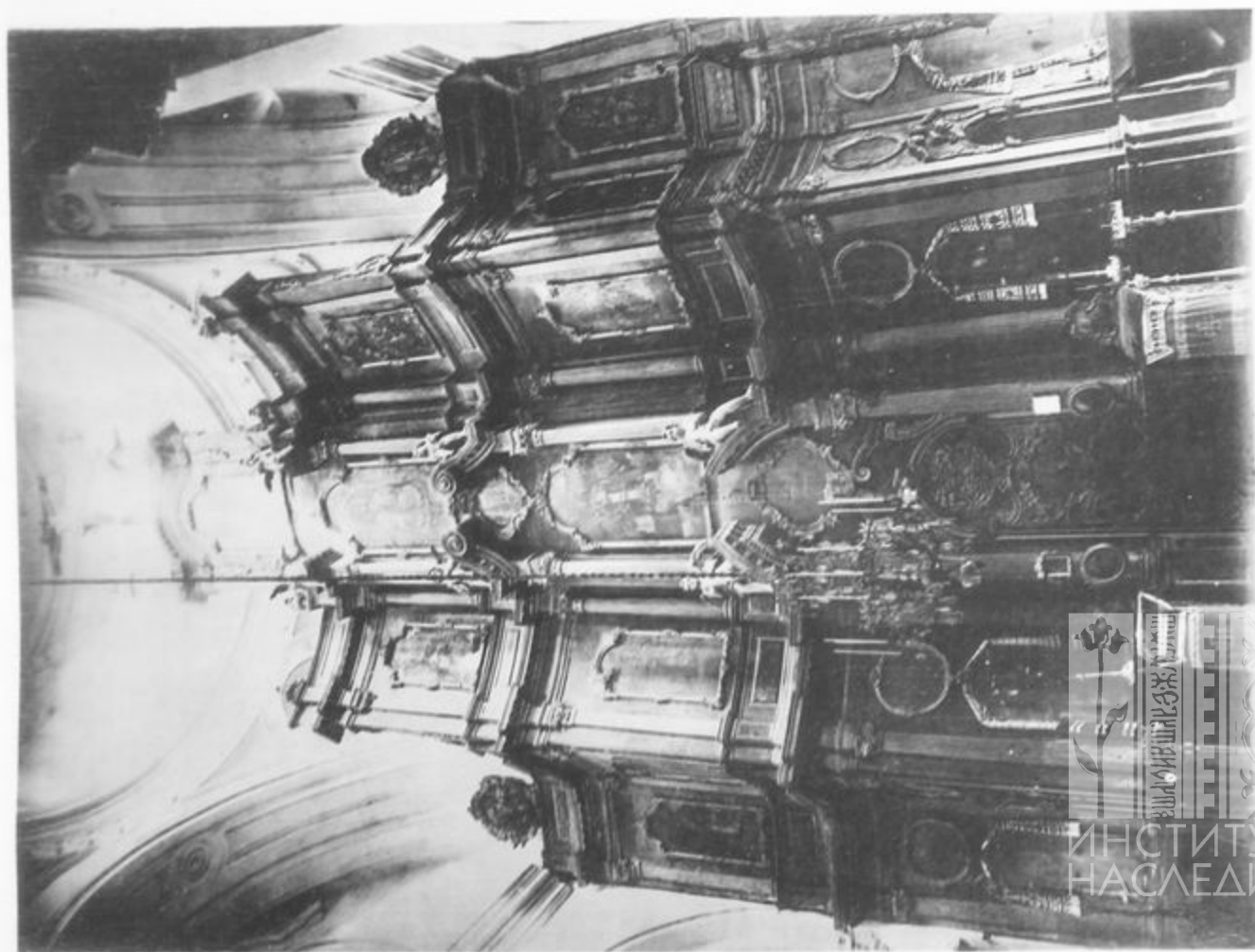

Фот. П. Павлова.

7.

Козелецкій Соборъ. Иконостасъ Сѣв. предѣла.

27.

Церковь въ с. Лемешахъ. Иконостасъ.

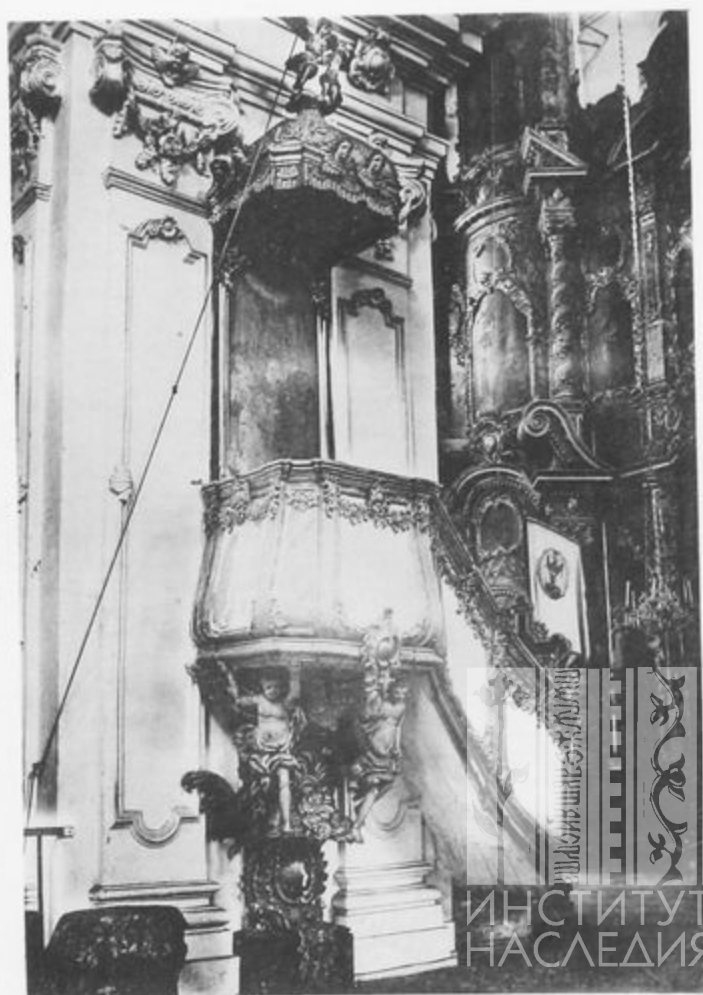
10.

11.

5.

15.

Фот. П. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
НИИ ГИИ Кривого
улицы 20-й в.б. 100

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

• Зданіе •

• ФАСАДЪ •

• ПОСЛАВНАГО ЗЛА •

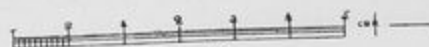
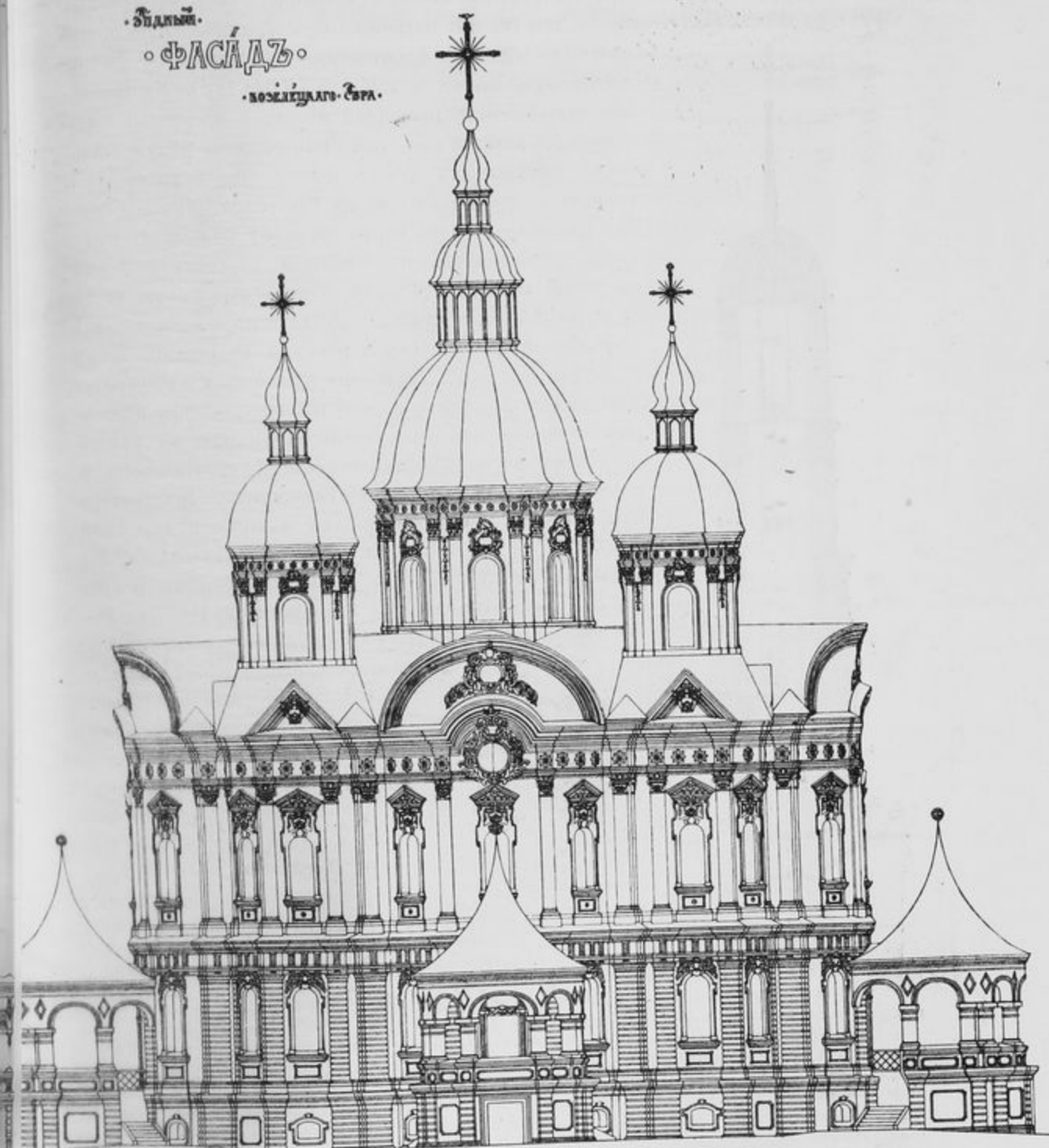

Рис. 43.

Труды XIV Съезда. Т. II,

Снаружи соборъ въ архитектурныхъ массахъ сохраняетъ всю внутреннюю структуру и всю значительность закруглений планового креста, отмѣченную оригинальнымъ выгибомъ фронтоновъ, придающихъ собору торжественную важность (табл. XXXIII, 18)¹⁾. Удивительная выисканность пропорцій цѣлаго и прекрасно нарисованныхъ деталей при строго выдержанной монументальности компактныхъ формъ близки по композиціи и рисунку къ произведеніямъ гр. Растрелли. Художественная цѣльность собора нарушена переустройствомъ куполовъ, исполненныхъ въ типичной украинской формѣ наслоненій «бани»²⁾. Цѣльность собора нарушаютъ также пристроенныя три крыльца, изгладившія совершенно всѣ признаки бывшихъ открытыхъ входовъ въ верхній храмъ и спуски въ склепы³⁾. «Бани» куполовъ и своеобразно живописныя крылечки, хотя и придаютъ собору нѣкоторый оттѣнокъ мѣстнаго украинскаго стиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дисгармонируютъ, вредя монументальности и благородству формъ собора. Тяжеловатая архитектура крылецъ близка въ пропорціяхъ, а также и детальной обработкѣ къ архитектурной обработкѣ колокольни, поражающей своей величиной, но не изяществомъ и красотой формъ (табл. XXXIII, 1 и рис. 44 и 45). Художественная цѣльность хотя и здѣсь нарушена устройствомъ купола, несущаго высокій шпиль⁴⁾, но видимо строитель колокольни не отличался тѣмъ искусствомъ пониманія пропорцій и рисунка, которое съ такимъ изяществомъ излилъ строитель храма⁵⁾. Въ заключеніе упомянуть, что преданіе сохранило свѣдѣніе о ближайшемъ участіи въ сооруженіи Козелецкаго собора уроженца гор.

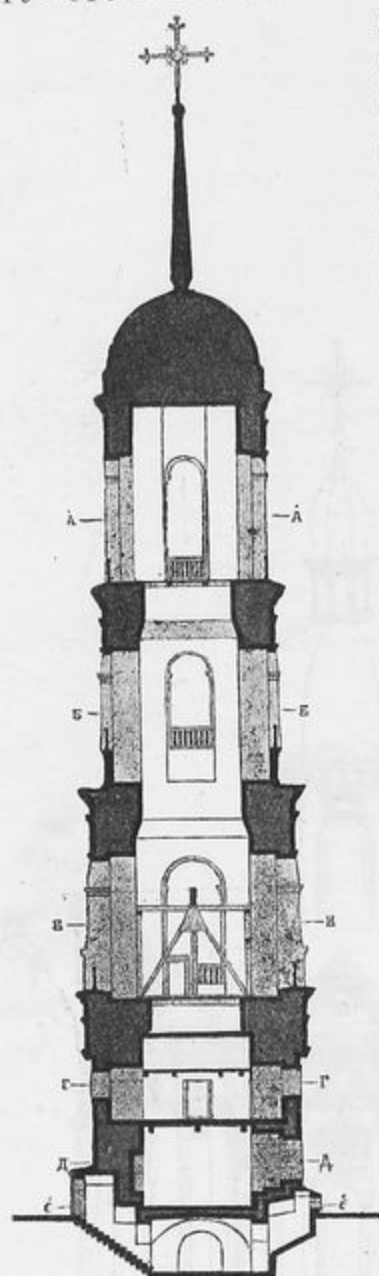

Рис. 44.

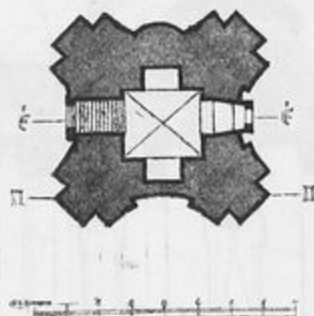

Рис. 45.

¹⁾ Подобные выгнутые фронтоны помѣщены въ угловыхъ фасадныхъ окончаніяхъ зданія 4-й гимназіи у Покровскихъ воротъ въ Москвѣ, принадлежавшее ранѣе гр. А. К. Разумовскому.

²⁾ Купола и кровли собора въ настоящее время окрашены въ зеленый цвѣтъ, но старожилы еще помнятъ бывшее «свѣтлое» желѣзо.

³⁾ Не архитектурное соединеніе прилѣпленныхъ крылецъ съ стѣнами храма видно на чертежѣ 43, и на планахъ, гдѣ ясно видно, что и основанія крылецъ не современны храму. Кромѣ того, верхніе своды крылецъ перерѣзаютъ архитектурную обработку порталовъ входа въ верхній храмъ.

⁴⁾ Эта форма замѣнила, послѣ пожара 1848 года, сгорѣвшій двухъэтажный верхъ. Достоенъ примѣчанія звонъ колокольни, устроенный ранѣе по-католически съ вращающимися колоколами, нынѣ неподвижными.

⁵⁾ Сооруженіе Козелецкаго собора продолжалось довольно долго, цѣлыхъ 12 лѣтъ. Ближайшее сходство съ Козелецкой колокольней имѣетъ колокольня Троицкаго Черниговскаго монастыря (рис. 46),

Козельца священника Кирилла Николаевича Тарловскаго, по прозвищу «Дикій попъ»¹⁾ дѣятеля Запорожья и владѣльца громаднхъ помѣстій въ Новороссійскомъ краѣ²⁾).

Рис. 46.

начата въ 1774 году настоятелемъ монастыря о. Іоилемъ, бывшимъ законоучителемъ Академіи Художествъ, и оконченная въ 1778 году при настоятелѣ о. Паисіи. Двухъэтажный верхъ Троицкой колокольни, возможно, повторяетъ утраченныя формы верха Козелецкой колокольни.

¹⁾ По преданію совершавшаго обрядъ вѣчанія Императрицы Елисаветы Петровны съ гр. А. Г. Разумовскимъ. Въ соборѣ находится сильно попорченный временемъ портретъ священника во весь ростъ съ полустертою подписью внизу.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни «Дикаго попа», полной интересныхъ приключеній, даны въ заміткахъ, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1886 годъ въ № 4 и за 1887 годъ въ № 11.

II. Трехсвятительская церковь въ Лемехахъ.

Въ 10-и верстахъ отъ г. Козельца по торговой дорогѣ расположено не большое село Лемеша — родина графовъ Разумовскихъ. Въ это село, на родину, вернулась

Рис. 47.

изъ Петербурга доживать свой вѣкъ мать графовъ, одаренная и пожалованная въ статсъ-дамы графиня Наталія Даміановна Разумовская.

Сооружая грандіозный храмъ въ Козельцѣ графиня озаботилась сооружеиіемъ церкви и надъ прахомъ мужа.

Этотъ небольшой уютный храмъ, стоящій на открытой возвышенной площадкѣ (рис. 47 и 48) видѣется издалека и кажется величественнымъ и грандіознымъ

Рис. 48.

храмомъ, благодаря умѣлому соотношенію архитектурныхъ массъ при доминирующемъ значеніи купола храма. Иллюзія грандіозности теряется чуть ли не при входѣ въ храмъ. Но съ бѣльшей силой вспыхиваетъ она при самомъ входѣ въ храмъ, просторный свѣтлый и открытый (рис. 49 и 50.) Вся деликатно нарисованная внутренняя

обработка храма видна откуда бы ни был брошенъ взглядъ, благодаря системѣ плана, близкаго по идеѣ къ плану собора Козельца. (рис. 51.) Нѣсколько громоздкимъ для храма является изящный ико-

Рис. 49.

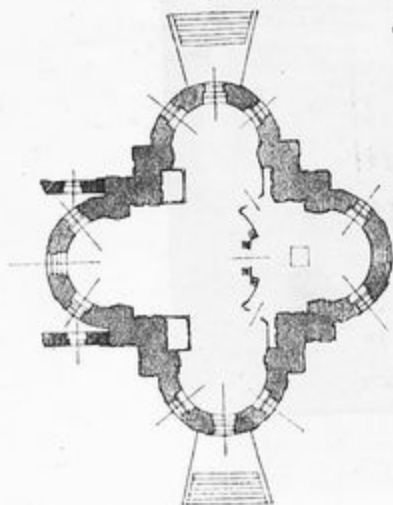
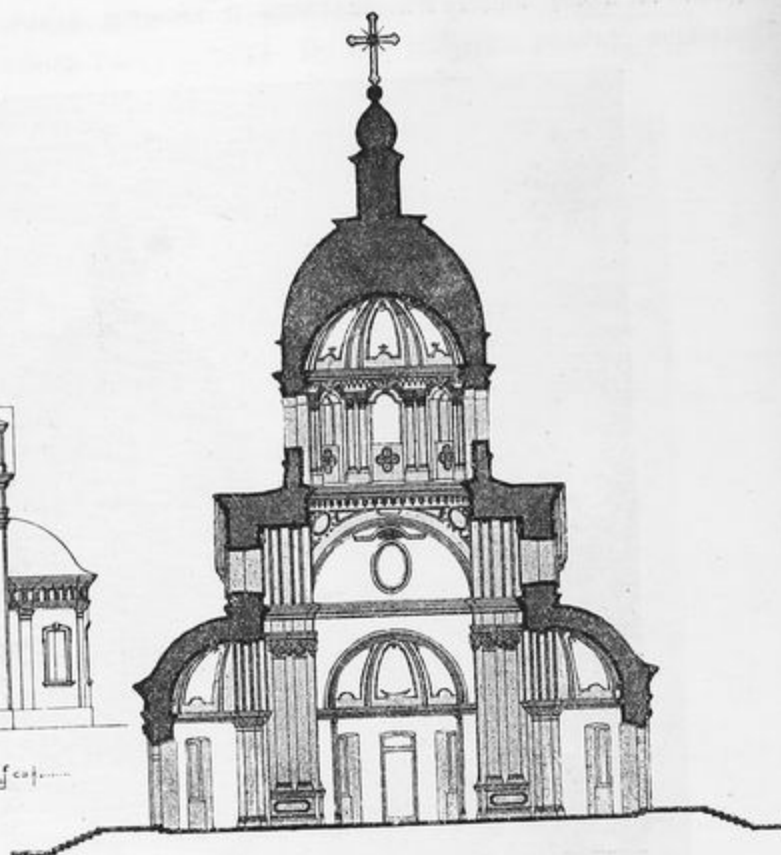

Рис. 51.

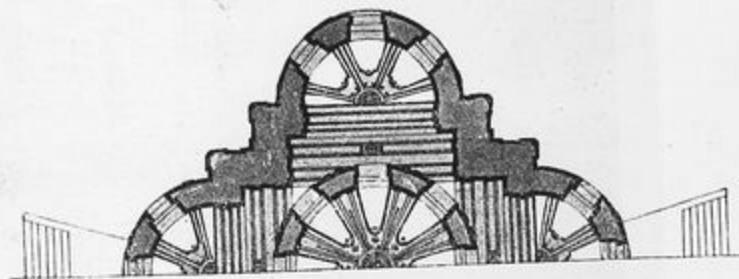

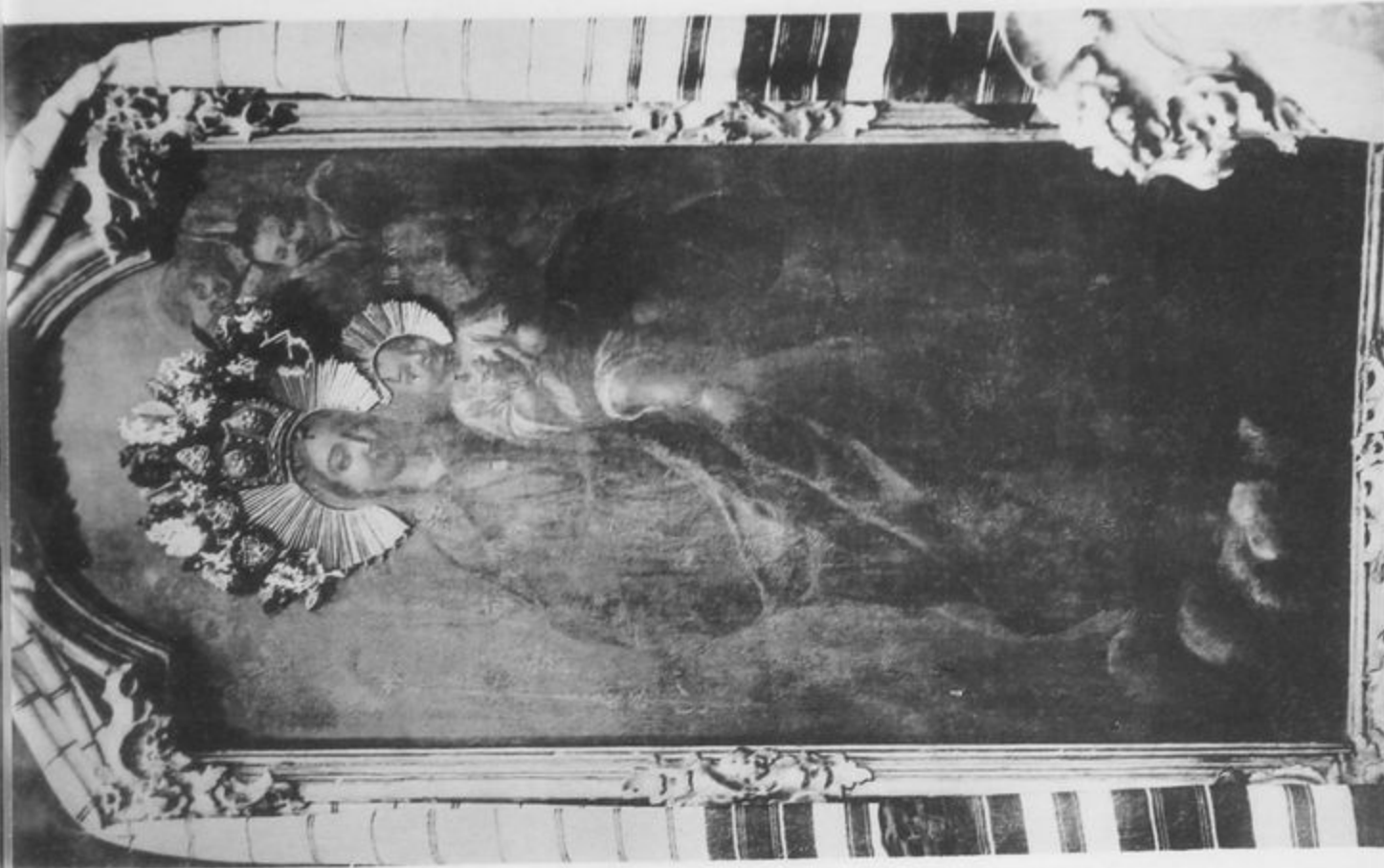
Рис. 50.

ностась въ формахъ подражающихъ иконостасу Козельского собора (табл. XXXV, 27 и рис. 52.) Останавливаетъ вниманіе художественная живопись иконъ (табл. XXXVII, 28.) исполненная Воскобойниковымъ, о чемъ свидѣтельствуеетъ подпись на оборотной сторонѣ сѣверной двери. Много теряетъ иконостась отъ уничтоженія свѣта съ западной стороны, благодаря пристройкѣ теплой

12.

Козелецкій Соборъ.

28.

Церковь въ с. Лемешахъ.

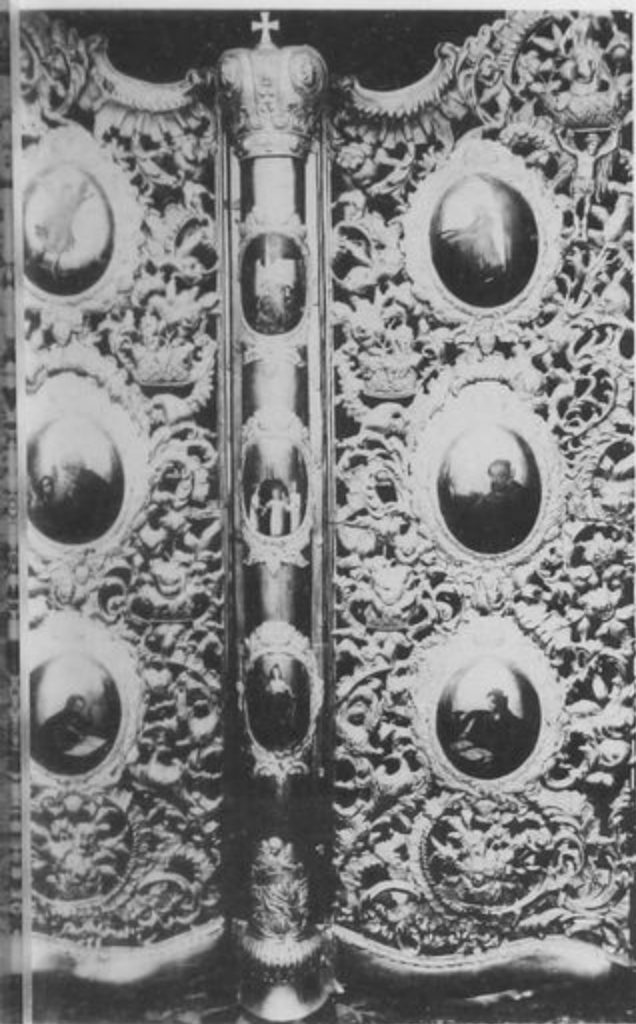
Фот. П. Павлова.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

14.

16.

Козелецкий Соборъ.

Козелецкий Соборъ. 17.

Церковь въ Лемешахъ 29

Фот. П. Павлова.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

церкви съ колокольной¹⁾ искажившими компактность храма. Уродуетъ его и поздній деревянный тамбуръ съ южной стороны. Художественная цѣльность храма страдаетъ нѣсколько и отъ ремонта купола, не обошедшагося безъ введенія украинской трибуны съ главкой. Архитектура Трехсвятительскаго храма Лемешей близка къ архитектурѣ колоколни и крылечныхъ входовъ Козелецкаго собора, которые и опредѣляютъ собою дату сооруженія Трехсвятительскаго храма, т.-е. 60-е годы XVIII-го вѣка.

Опредѣляется вмѣстѣ и зависимость построекъ Козелецкаго собора и церкви Лемешей отъ одного лица, простершаяся до одинаковости устройства церковной утвари въ рѣзныхъ подсвѣчникахъ и аналояхъ (табл. XXXVII^a, 29 и рис. 53 и 54).

III. Гетманскій дворецъ въ Батуринѣ.

Главная резиденція гетмановъ Малороссіи и Запорожья Батуринъ²⁾ послужилъ резиденціей и для послѣдняго гетмана Малороссіи графа К. Г. Разумовскаго. Избранный въ гетманы въ 1750 году гр. Разумовскій получилъ во владѣніе въ числѣ другихъ городовъ и мѣстечекъ и Батуринъ. Эта прежняя гетманская столица въ то время находилась въ запущеніи великомъ³⁾ и, повидимому, служила предметомъ большой заботы гетмана, пожелавшаго дать ей прежнее значеніе города-столицы. Вначалѣ, по избраніи, гетманъ поселился въ прежней резиденціи въ Глуховѣ, гдѣ даже былъ въ 1752 году достроенъ имъ дворецъ⁴⁾. Однако вскорѣ высочайшимъ указомъ резиденція была перенесена въ мѣстечко Батуринъ, гдѣ гетманъ поселился и жилъ въ деревянномъ домѣ⁵⁾, вплоть до сооруженія каменнаго дворца, который надо полагать, былъ одной изъ первыхъ построекъ создаемаго города. Городъ и дворецъ сооружались по именному указу, вѣроятно, на средства Малороссійской войсковой казны. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ гетманъ Разумовскій графу Воронцову въ письмѣ 1755 года: «Архитекторъ Ринальди выписанъ по контракту изъ Италіи для строенія города Батурина, которое быть должно по силѣ именнаго указа; но сіе потому безъ дѣйства остается, что скарбъ войсковой недоустанъ къ строенію города»⁶⁾. Неизвѣстно въ какомъ видѣ былъ выстроенъ «го-

¹⁾ Въ XIX-мъ вѣкѣ.

²⁾ Нынѣ мѣстечко Конотопскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу р. Сейма.

³⁾ По указу Петра Великаго въ 1708 году мѣсто пребываніе гетмановъ изъ сожженаго во время Шведской войны Батурина было перенесено въ Глуховъ, гдѣ и пребывали гетманы: И. И. Скоропадскій (1708—1722 г.) и П. Л. Полуботокъ (1722—1723 г.). Затѣмъ послѣ временнаго дѣйствія учрежденной Малороссійской Коллегіи (1723—1728 г.) гетманомъ былъ Д. П. Апостоль (1728—1734 г.). Послѣ его смерти управленіе Малороссіею опять было ввѣрено Малороссійской Коллегіи. Сожженный Батуринъ съ 1726 года находился во владѣніи кн. А. Д. Меншикова и послѣ его паденія перешелъ въ казну.

⁴⁾ Бантышъ Каменскій. Исторія Малороссіи, стран. 457.

⁵⁾ Фонъ Гунъ, описывая каменный Батуринскій дворецъ, указываетъ на существованіе въ то время (въ 1805 году) другого гетманскаго дома: «и на самомъ уже выѣздѣ изъ Батурина видѣли деревянный домъ, въ которомъ жилъ покойный фельдмаршалъ. Впереди передъ домомъ за валомъ, на которомъ поставлены десять пушекъ, виденъ пребѣдный лугъ, который, возвышаясь, закрываетъ весь прочій видъ; а съ другой стороны дома садъ изъ фруктовыхъ деревьевъ». Сочиненіе Оттона фонъ Гунъ Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года М. 1806 г., ч. II.

⁶⁾ Архивъ кн. Воронцова; книга 25, стран. 221.

родъ» Батуринъ и былъ ли вообще строенъ на средства казны, но относительно

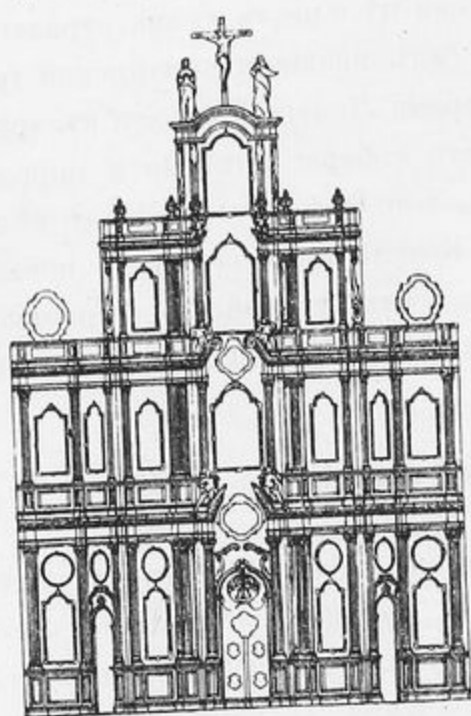

Рис. 52.

Боковая часть.

Рис. 54.

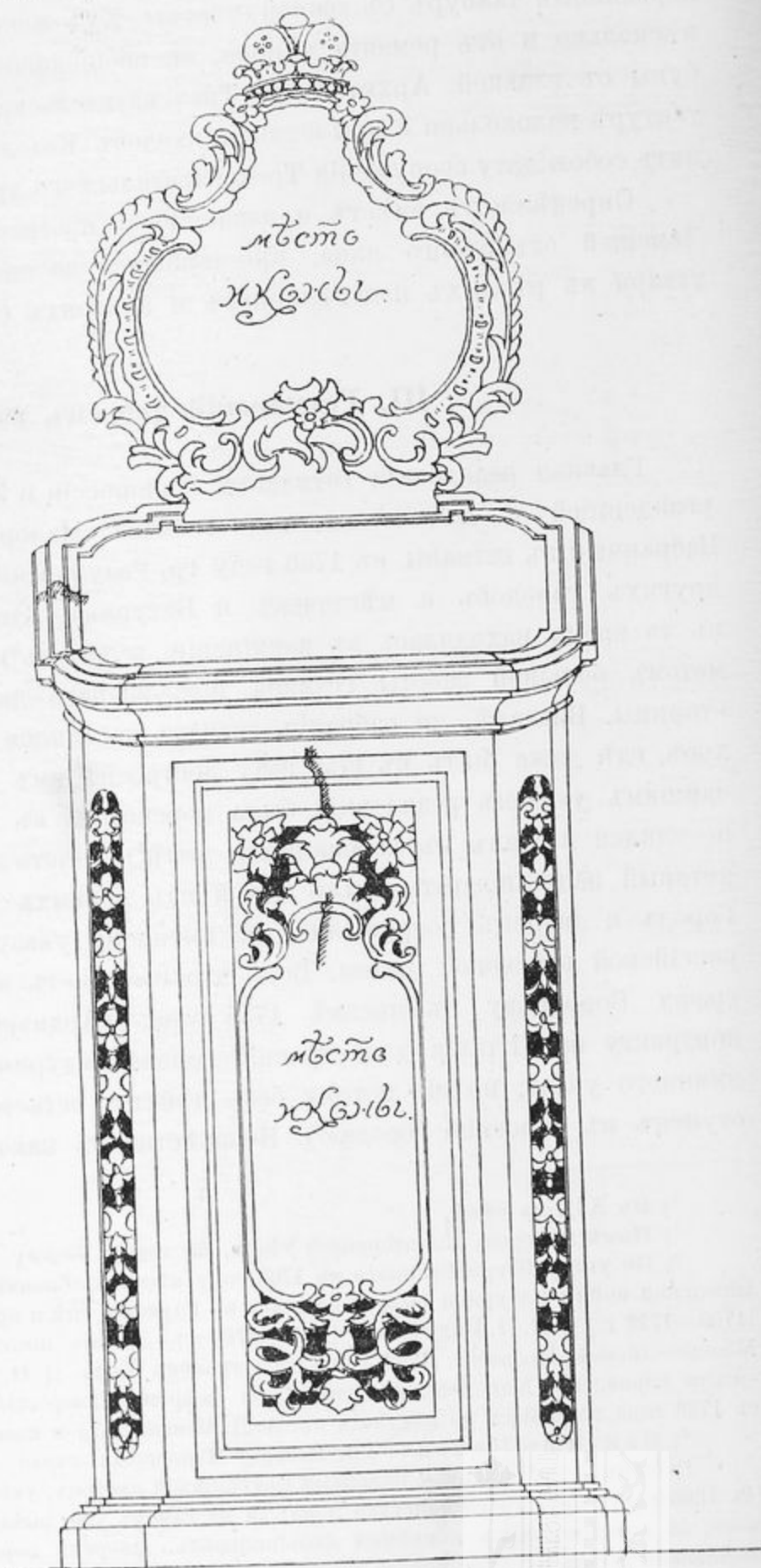

Рис. 53.

дворца имѣется свѣдѣніе, что онъ былъ выстроенъ на казенныя средства. Вотъ

что говоритъ объ этомъ историкъ А. И. Ригельманъ: Въ 1764 году въ Ноябрьъ графъ К. Г. Разумовскій, «утрудившись въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ, какъ равно и другихъ Великороссійскихъ, не меньше важныхъ его упражненій, просилъ, сего ради, ея императорскаго величества о всемилости-вѣйшимъ снятіи съ него гетманскаго чина, если благоволено будетъ, по каковому прошенію, снисходя ея императорское величество благоволила снять съ него тотъ чинъ, а вмѣсто того изволила наградить, со оставленіемъ по жизнь его пенсіона гетманскаго, по 50.000 руб. и съ прибавкою еще по 10.000 руб. изъ Малороссійскихъ доходовъ и съ пожалованіемъ при томъ въ собственное наслѣдство города Гадяча съ Ключемъ къ нему принадлежащимъ и волости Быковской, кои на урядъ гетманскій принадлежатъ, да въ Батуринѣ на казенныя средства построенный гетманскій домъ»¹⁾. Это свѣдѣніе рѣшаетъ также вопросъ объ предполагаемомъ участіи въ сооруженіи дворца знаменитаго архитектора Гваренги²⁾, который могъ построить дворецъ только на личныя средства графа Разумовскаго. Къ сожалѣнію, въ выше приведенномъ свѣдѣніи не указано, что «казенный» Батуринскій дворецъ былъ каменный, но, принимая во вниманіе важность офіціального возстановленія прежней гетманской резиденціи, его нужно считать таковымъ.

Участіе Гваренги въ сооруженіи дворца возможно лишь въ степени его ремонта, установить характеръ котораго, безъ тщательнаго обследованія, не представляется нынѣ возможнымъ, особенно въ виду ветхаго состоянія дворца снаружи (табл. XXXVIII—XLI.) и, главнымъ образомъ, внутри, гдѣ все уцѣлѣвшія деревянные части погнили и угрожаютъ паденіемъ. Частичныя слѣды передѣлки замѣтны въ измѣненіи профилей наличниковъ оконъ вверху за колоннадой. Возможно также, что Гваренги, какъ декоратору, была поручена отдѣлка внутреннихъ помѣщеній дворца, несомнѣнно обладавшаго росписью; смутныя очертанія ея еще замѣтны. Наиболѣе цѣльный оставшійся кусокъ плафона и замѣтныя слѣды росписи находятся въ полукругломъ залѣ второго этажа на правой сторонѣ отъ главнаго фасада (табл. XXXIX, 47.) Косвеннымъ указаніемъ на производившійся ремонтъ дворца, въ началѣ XIX вѣка, можетъ служить вышеприведенное свидѣтельство фонъ Гуна о томъ, что покойный фельдмаршалъ жилъ въ деревянномъ домѣ. Въ это же время производилось сооруженіе Воскресенскаго храма въ Батуринѣ. Фонъ Гунъ, говоря объ новопостроенной церкви³⁾, совершенно не упоминаетъ о новой постройкѣ дворца, хотя и описываетъ его указывая, что: «Главной строенія корпусъ имѣетъ три этажа и два по сторонамъ флигеля, соединенные съ нимъ каменною оградой»⁴⁾. Описаніе

¹⁾ А. Ригельманъ. Исторія казаковъ Малороссійскихъ и Донскихъ ч. III.

²⁾ Имя Гваренги очень часто, на ряду съ Растрелли, упоминается на югѣ въ указаніяхъ сооруженіи имъ многихъ зданій гражданскихъ и особенно церковныхъ. Джіакомо Гваренги (Кваренги), родившійся въ 1744 году и умершій въ 1817 году пріѣхалъ въ Россію около 1779 году.

³⁾ «Въ новопостроенной церкви положено тѣло покойнаго фельдмаршала, которую онъ, тогда еще неосвященную, за четыре мѣсяца передъ своею кончиною нарочно смотрѣть ѣздилъ. Тамъ поставленъ надъ нимъ монументъ въ восемь тысячъ рублей». Воскресенская церковь начата сооруженіемъ около 1800 года и освящена въ 1803 году. Архитектура ея носитъ упрощенный провинціальныи характеръ, «въ духѣ» Гваренги.

⁴⁾ Сочиненіе Оттона фонъ Гуна «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года, ч. II.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

это сходно съ дѣйствительностью¹⁾, хотя, при наступившемъ окончательномъ разрушеніи дворца, сохранился одинъ лишь остовъ лѣваго флигеля, лишенный кровли

Рис. 53.

и всѣхъ деревянныхъ частей (рис. 53), да нѣсколько полуразрушенныхъ столбовъ утраченной ограды (рис. 54). Главный корпусъ дворца, тоже лишенный крыши,

Рис. 54.

¹⁾ Не упомянуто лишь объ высокомъ и довольно свѣтломъ полуподвальномъ этажѣ перекрытомъ сводами. Единственный входъ снаружи въ это помѣщеніе находится со стороны сада подъ лѣстничнымъ всходомъ въ первый этажъ (табл. XXXIX, 45).

представляет одинъ лишь остовъ; полы и потолки прогнили и провалились почти всѣ. Все мало мальски цѣнное расхищено давно и постепенно умышленное разрушеніе подкралось къ монументальнымъ формамъ, чему способствуетъ, какъ нельзя болѣе, отсутствіе кровельной защиты¹⁾. Отпавшія и разрушающіяся части каменныхъ карнизовъ, поясовъ и прочихъ архитектурныхъ формъ безслѣдно исчезаютъ и кто то старательно складываетъ въ штабели отобранный отъ мусора очищенный кирпичъ²⁾!... Безслѣдно погибла уже терраса со стороны сада и никакой изслѣдователь не рѣшитъ: какое назначеніе имѣли окна боковыхъ, перпендикулярныхъ фасаду, стѣнокъ съ полуколонками по концамъ³⁾; какъ съ стѣнками соединялся лѣстнич- ный центральный входъ, а также спускъ въ подвалъ; не говоря уже объ пере- крывавшей все это кровлѣ, на существованіе которой краснорѣчиво указываетъ отсутствіе карниза между вторымъ и первымъ этажами. Разрушенный дворецъ, ли- шенный цѣльности и многихъ архитектурныхъ формъ, все же производитъ и нынѣ впечатлѣніе своей высокохудожественной цѣнностью. Простота, изящество и строй- ность формъ и нынѣ, въ руинахъ, не исчезли. Что же представлялъ собою цѣльный нетронутый дворецъ?!... Особенно красивъ онъ въ главной части (табл. XXXVIII, 50). Монументальный стройный портикъ — колоннада можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ переходнаго, къ Людовику XVI, стиля, что выразительно подтверждаютъ окна первого этажа, включенные въ декоративную форму рустованной аркады. Одно присутствіе этой аркады оконъ ужъ устраняетъ участіе въ созданіи дворца Гваренги, работавшаго въ духѣ ново-итальянской школы классицизма. Прелестный Портикъ колоннада (табл. XL, 51 и 55), рисующійся, на фонѣ роскошной панорамы долины Сейма, изящнымъ силуэтомъ колоннъ, далекъ отъ болѣе тяжеловатаго ри- сунка Гваренги.

Обращаясь къ планамъ дворца (рис. 55), замѣтимъ, что по приему онъ на- поминаетъ уютныя формы французскихъ особняковъ — отелей, гдѣ еще живы тра- диціи симметріи разбивки помѣщеній и выдержанности «перспективной» оси окон- ныхъ и дверныхъ пролетовъ. Не задаваясь цѣлью описывать расположеніе комнатъ, значеніе которыхъ утерялось, отмѣтимъ, что входъ во дворецъ былъ съ главнаго фасада. По лѣстницѣ изъ трехъ маршей входили на площадку и черезъ угловую, проходную, комнату шли въ лѣстничное помѣщеніе, откуда или поднимались вверхъ или шли налѣво первой дверью въ освѣщенный тремя окнами (съ нижней лѣст- ницы) широкій коридоръ, соединенный съ амфиладой комнатъ. Этотъ же кори- доръ соединялся съ центральнымъ служебнымъ лѣстничнымъ помѣщеніемъ, прохо- дившимъ черезъ всѣ этажи и внизъ. Первый этажъ высматриваетъ служебнымъ помѣщеніемъ, гдѣ лѣвая половина, какъ бы, предназначалась для сборныхъ и приѣм- ныхъ, а правая для канцелярій. Расположеніе второго этажа понятно безъ пояс- неній, — это парадныя приѣмныя, гостиныя и залы. Верхній этажъ, повидимому,

¹⁾ Разрушеніе коснулось уже сводовъ надъ первымъ этажомъ.

²⁾ Нынѣ дворецъ принадлежитъ Военному Вѣдомству. Недалеко помѣщается лазаретъ Кіевского Военнаго Округа.

³⁾ Окна эти, или вѣрнѣе одно окно (съ другой стороны окно уже уничтожено), превращено въ арку, но уцѣлѣла еще желѣзная связь, скрытая раньше въ подоконникѣ.

предназначался для интимной семейной жизни. Полуподвалъ вмѣщалъ гардеробъ, прислугу, кухню, кладовыя: боковые корпуса, съ центральнымъ коридоромъ, служили обширнымъ помещеніемъ для прѣзжихъ. Вѣроятно, находились при дворцѣ еще и службы.

Вышеупомянутая Воскресенская церковь въ Батуринѣ, по преданію, воздвигнута на мѣстѣ разрушенной Троицкой Мазепинской церкви. Она построена на средства гр. К. Г. Разумовскаго и освящена въ 1803 году, — въ годъ кончины графа¹⁾. Въ тра-

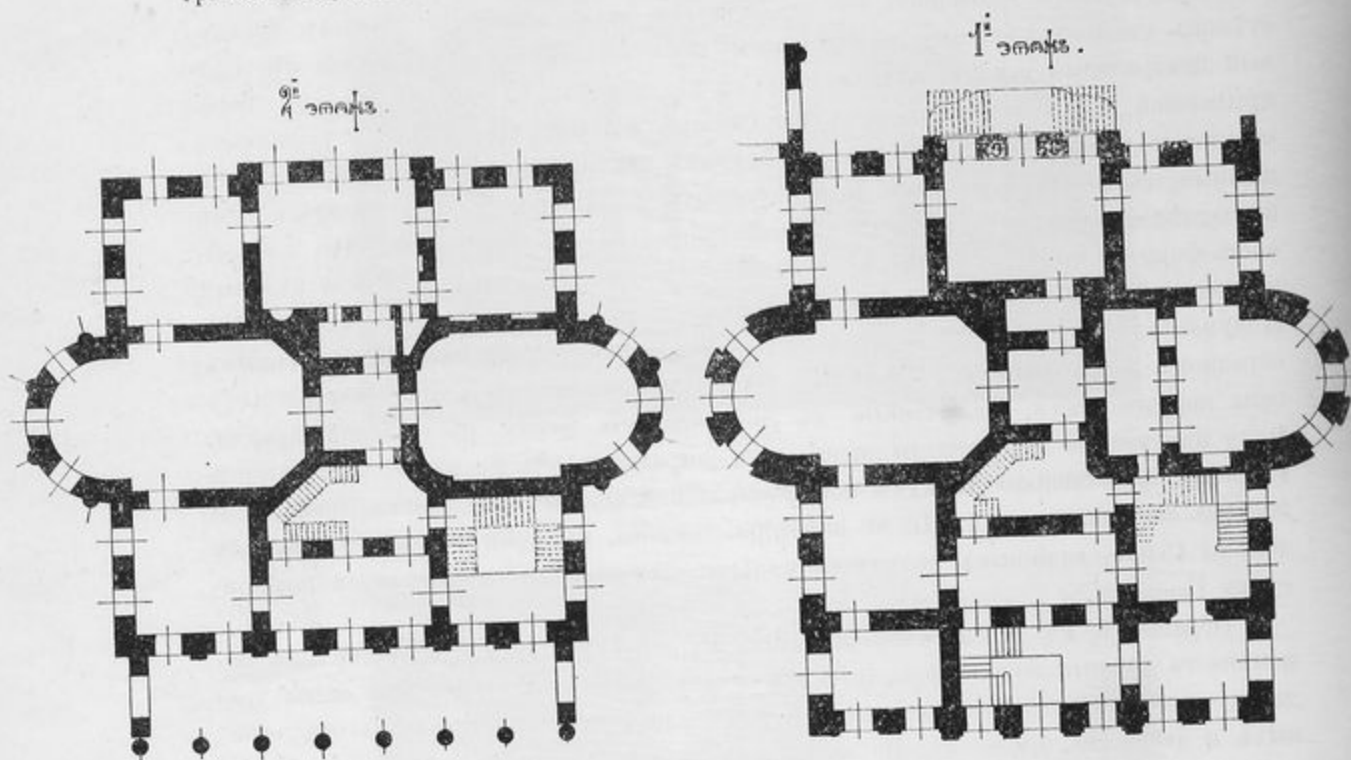
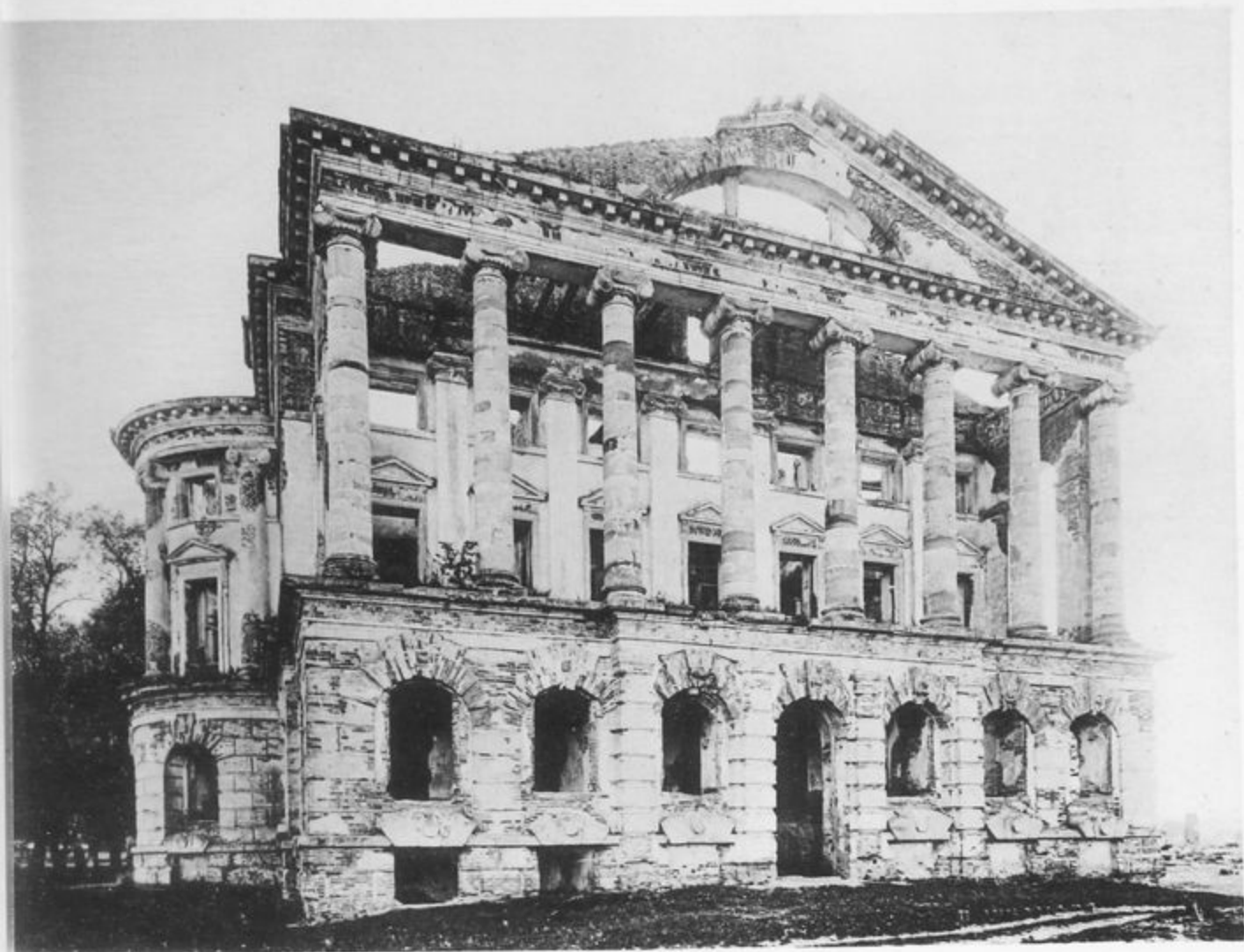

Рис. 55.

пезной части храма на южной сторонѣ находится могила графа, надъ которой поставленъ памятникъ изъ чистаго бѣлаго мрамора (табл. XLVI, 56). На пьедесталѣ памятника помѣщена надпись:

«Здѣсь покоемъ тѣло Его Сіятельства Господина Генераль Фельдмаршала Сенатора, Дѣйствительнаго Каммергера и Орденовъ Россійскихъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Святаго Александра Невскаго, Польскаго бѣлаго орла и Голетинскаго и Святыя Анны Ковалера Графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго, родившагося въ 1728-мъ году марта 18-го дня, скончавшагося въ Батуринѣ 1803 Генваря 9-го въ два часа пополудни. Житія Его было семьдесятъ четыре Года, девять Мѣсяцовъ и дватцать два дни».

¹⁾ «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи» кн. 6 (архіеп. Филарета).

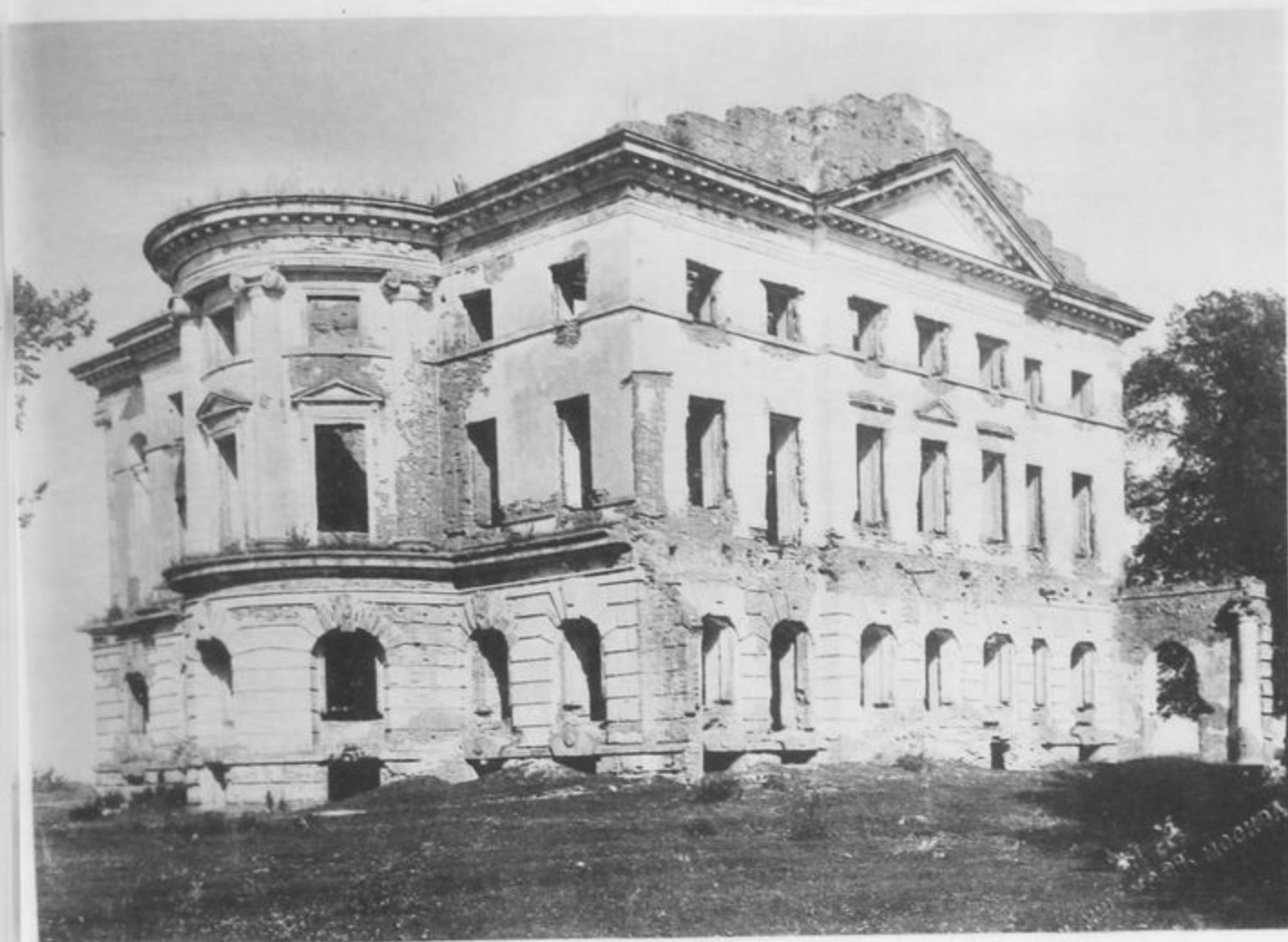

50.

Муниципальное
государственное учреждение
«Музейный комплекс

45.

Фот. П. Павлова.

47.

Библиотека
И. И. Купцова
и Музей Рубина

Фот. П. Павлова.

55.

51.

БИБЛИОТЕКА
г-на И. И. Крайковской
в Музейной р-б. г. М.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

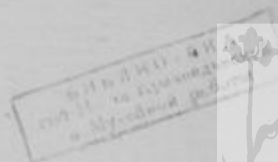

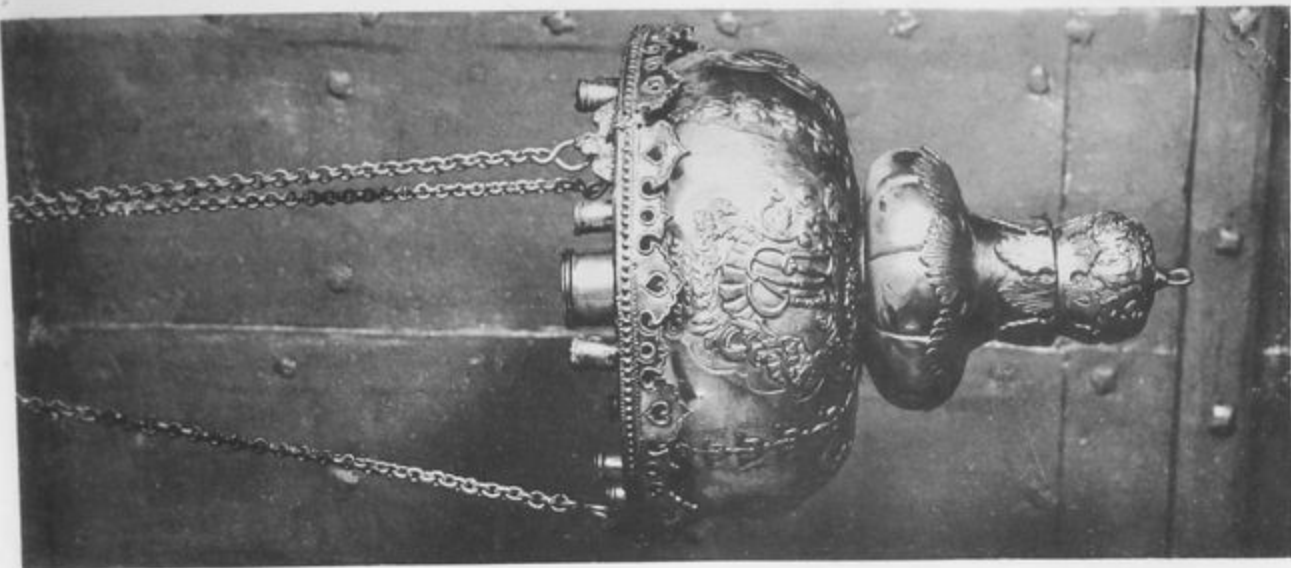
54.

Гетманскій Дворецъ въ Батуми.

Фот. Н. Павлова.

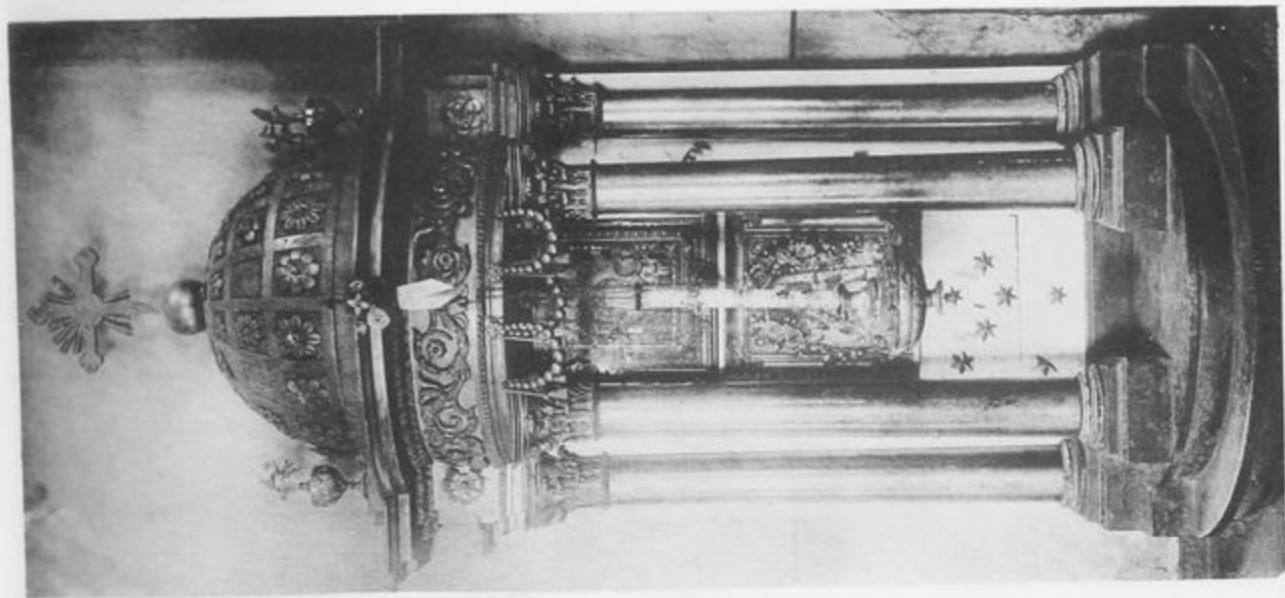

фот. П. Павлова.

Подсвѣчникъ въ Почепѣ.

Киутъ въ Батурино.

13.

Козелецкій Соборъ.

БИБЛИОТЕКА
П. И. Кривошеиной
г. Омск, ул. Б. Соколов

По сторонамъ этой надписи помѣщенъ гербъ графовъ Разумовскихъ (въ двухъ тождественныхъ видахъ) съ девизомъ: *Famam extendere factis*. Вверху пьедестала находится бюстъ покойнаго гетмана въ медальонѣ, увѣнчанный лавромъ и дубомъ.

Изъ детальной обработки Батуринскаго храма воспроизводитъ (табл. XLII) въ высшей степени художественный Сіонъ, вмѣщающій въ себѣ нѣсколько иконъ.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ указать, что на средства гр. К. Г. Разумовскаго и его семьи въ Черниговщинѣ сооружено не мало церквей. Перечислимъ наиболѣе извѣстныя изъ нихъ: 1) Каменная Николаевская церковь (1796 г.) въ волостномъ селѣ Парфіевкѣ (Власовкѣ), Борзенскаго уѣзда, 2) Деревянная Михайловская церковь въ селѣ Адамовкѣ, Козельскаго уѣзда; время сооруженія ея неизвѣстно, 3) Каменная Успенская церковь (1804 г.), въ волостномъ мѣстечкѣ Быковѣ-Новомъ, Козелецкаго уѣзда, 4) Деревянная Іоанно-Богословская церковь въ Батуринѣ за Сеймомъ, куда она была перенесена въ 1781 году, 5) Каменная Воскресенская церковь (1795 г.) въ волостномъ селѣ Кошарахъ, Конотопскаго уѣзда, 6) Каменная Срѣтенская церковь (1814 г.) въ Почепѣ (строенная графскимъ пособіемъ), 7) Деревянная Христо-Рождественская церковь (1774 г.) въ селѣ Шептакахъ (бывшее сотенное мѣстечко Стародубскаго полка), Новгородсѣверскаго уѣзда, 8) Деревянная Георгіевская церковь (1772 г.) въ селѣ Устьѣ-Великомъ, Сосницкаго уѣзда.

VI. Дворецъ въ Почепѣ.

Графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, единогласно избранному гетманомъ Малороссіи 22-го февраля 1749-года, Высочайше были пожалованы во владѣніе многіе города и мѣстечки.¹⁾ Въ числѣ ихъ находился и городъ Почепъ съ уѣздомъ²⁾, благоустроенный бывшимъ владѣльцемъ княземъ А. Д. Меншиковымъ. Богатое помѣстье привлекло вниманіе и гетмана, живавшаго здѣсь и построившаго каменный дворецъ и храмъ³⁾.

¹⁾ Вотъ перечень пожалованнаго: города Ямполь (Ямполь) и Батуринъ съ уѣздами, замокъ Гадячскій съ волостями Чеповскою и Быковскою, Почепъ съ уѣздомъ, волость Шептаковская, Баклань, село Литвиновичи, хуторъ Будійскій, мельница Глуховская о трехъ камняхъ, перевозъ Переволочинскій, село Кучеровка съ приселками Сопичемъ и Потаповскаго, села Поповки, Машевъ и Жадовъ.

²⁾ Нынѣ мѣстечко Мглинскаго уѣзда.

³⁾ Послѣ «Полтавской баталіи» Почепъ съ волостью былъ подаренъ гетманомъ Скоропадскимъ князю А. Д. Меншикову, котораго онъ хотѣлъ этимъ расположить въ свою пользу. Кромѣ этого, Меншиковъ отмежевалъ себѣ почти весь Мглинскій и часть Стародуб. уѣзда. Этотъ сѣверный край Черниговской губерніи издавна занимался воздѣлываніемъ конопли на волокно, сѣмя, т. е. масло, и пеньку. Конфискованный послѣ паденія Меншикова, Почепъ перешелъ въ составъ Стародубскаго полка, въ немъ вскорѣ была устроена полотняная фабрика, снабжавшая казачьи полки холстомъ.

⁴⁾ Фонъ Гунъ, проѣзжавшій въ 1805 году черезъ Почепъ, указываетъ на существованіе тамъ въ то время другого графскаго деревяннаго дома: «на другомъ концѣ Почепы имѣется другой Графскій же деревянный домъ, въ которомъ когда то жилъ нѣкто англійскій купецъ Ухтерлани, находящійся и теперь еще въ свѣжей здѣсь памяти. Тамъ мѣстоположеніе совершенно романическое, и садъ, сотворенный самою природою прямо въ англійскомъ вкусѣ. Въ особенности красивое имѣетъ положеніе въ этомъ саду огромная каменная оранжерея. Садъ сей называется Меншиковскимъ, ибо мѣсто сіе, какъ и Почепъ принадлежало въ прежнія времена князю Меншикову». Сочиненіе Оттона фонъ Гуна «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года» М. 1806 г. ч. I. Не принадлежалъ ли и деревянный домъ Меншикову?

Дворецъ и храмъ существуютъ донынѣ. Они построены архитекторомъ Яновскимъ по проекту Де ла Моттъ, о чемъ сказано въ надписи на генеральномъ планѣ дворца, (рис. 56¹) и въ подписи чертежа поперечнаго разрѣза храма²).

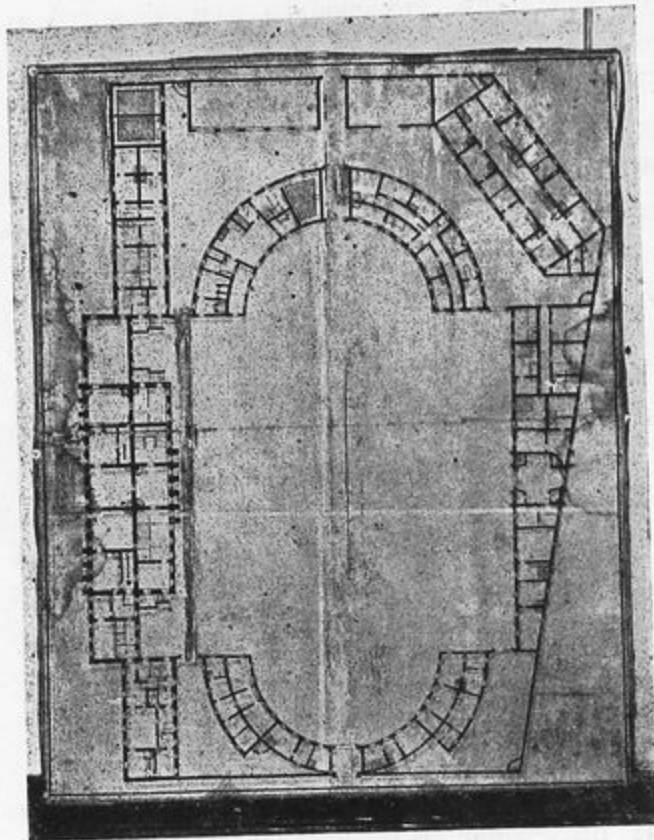

Рис. 56.

Съ этимъ совершенно согласуется извѣстiе, полученное фонъ Гуномъ въ его путешествiи въ Малороссiю. Приводимъ выдержку, касающуюся описанiя дворца въ виду возможности иллюстрировать описанiе чертежами плана и фасадовъ (рис. 57—58), вполне согласными съ описанiемъ дворца: «Онъ есть великолѣпное каменное зданiе, необъятнаго пространства. Главною фасадомъ стоитъ къ саду. Съ другой стороны, то есть, со стороны двора, флигели его составляютъ превеликой овалъ, за коими построены еще хозяйственные строенiя. Во всемъ вообще зданiи семеро воротъ. Средняя часть дома или главной корпусъ, которой занимается самимъ Графомъ, состоитъ изъ двухъ этажей на погребехъ, и имѣетъ со стороны Двора портику.

Во всей фасадѣ двадцать пять оконъ, и я долженъ былъ пройти сто тридцать шаговъ, когда хотѣлъ смѣрить весь рядъ комнатъ нижняго этажа глав-

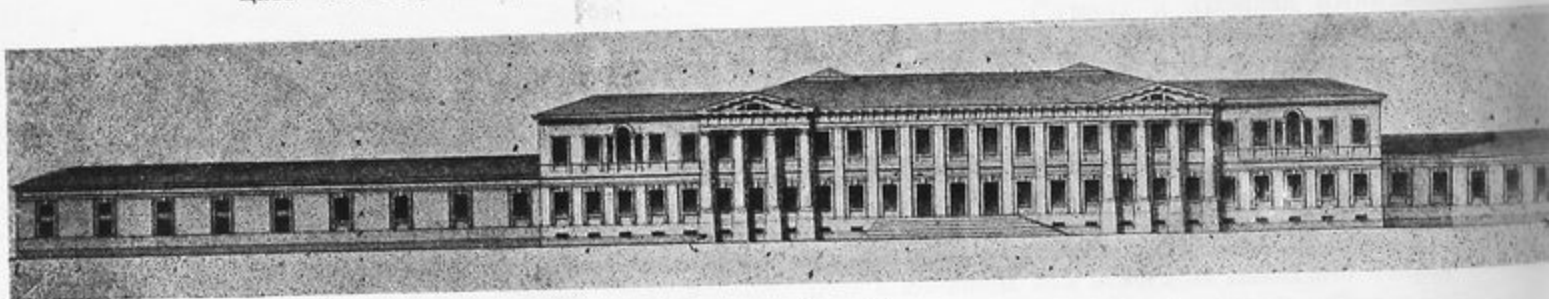

Рис. 57.

наго корпуса. Особливо хорошъ тамъ залъ для баловъ и концертовъ; также и библиотека, изъ пяти тысячъ книгъ состоящая.³) Садъ передъ домомъ великъ, рас-

¹) Какъ этотъ планъ, такъ и другiе чертежи находятся при домѣ и принадлежатъ нынѣшнему владѣльцу Почепскаго дворца графу К. П. Клейнмихель. Надпись на генеральномъ планѣ гласитъ: «Планъ дома въ мѣстечкѣ Почепѣ проецированной Архитекторомъ де ла Моттомъ а строенной Архитекторомъ Яновскимъ». Подъ масштабомъ той же рукой подписано: «находился точно въ семъ положенiи въ 796-мъ году».

²) Подпись такова: Архитекторъ Лѣмъ.

³) Въ домѣ и нынѣ имѣется богатая библиотека.

положенъ въ Голландскомъ вкусѣ и отдѣляется отъ противоположнаго дуга, который нечувствительно возвышаясь, простирается до горизонта, рѣкою Судостью. Здѣшній домъ построенъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, покойнымъ фельдмаршаломъ графомъ¹⁾. Планъ прожектированъ Де ла Моттомъ, а произведенъ здѣшнимъ архитекторомъ г. Яновскимъ». Отмѣтимъ что приводимое указаніе о времени сооруженія дворца (около 1780 г.) не согласуется съ указаніемъ на генеральномъ планѣ (ранѣе 1796 г.). Время сооруженія храма (1765-1771 г.) допускаетъ даже болѣе раннюю дату, хотя храмъ могъ быть сооруженъ и ранѣе дворца²⁾. Изъ

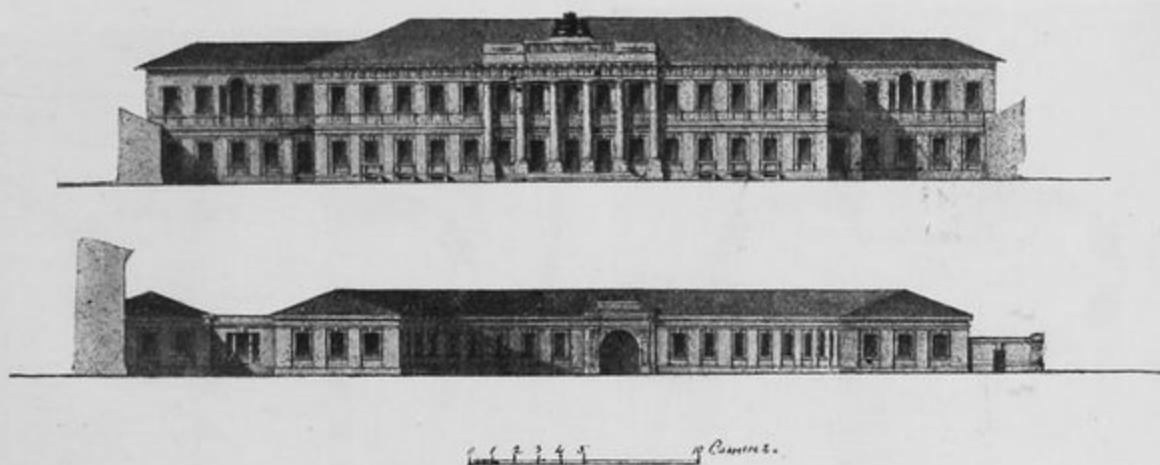

Рис. 58.

сравненія существующаго дворца (табл. XLIII, 33 и 34) съ его чертежами видно, что наиболѣе пострадалъ онъ со стороны двора. Исчезли надворныя сооруженія, бывшія въ одной связи съ главнымъ корпусомъ (рис 56). Этотъ обширѣйшій художественно скомпонованный дворъ составлялъ одно цѣлое съ дворцовымъ корпусомъ и въ архитектурной обработкѣ (рис. 58). Частично видоизмѣненъ и дворовый фасадъ, (табл. XLIII, 33) гдѣ добавлена съ правой стороны небольшая выдвинутая впередъ пристройка, заслонившая правое крыло корпуса. Лѣвое крыло сохранилось въ прежнемъ видѣ³⁾.

Видоизмѣненъ нѣсколько и фронтисписъ портика фасада, получившій гербъ новаго владѣльца. Фасадъ со стороны сада (табл. XLIII, 34) усложненъ пристройкой подъѣзда съ балкономъ наверху, нарушившей всю выразительность центральной части (рис. 57). Измѣнено новымъ, владѣльцемъ и расположеніе комнатъ и ихъ убранство, не представляющее нынѣ интереса. Исчезли и картины и обстановка вывезенныя въ Петербургъ. Немногое оставшееся сложено по угламъ опустѣвшаго обширнаго дворца.

¹⁾ Графъ К. Г. Разумовскій скончался 9 января 1803 года.

²⁾ Особенно принимая во вниманіе существованіе вышеуказаннаго деревяннаго дома. Сооруженіе храма вдали отъ дворца наблюдается въ Ляличскомъ имѣніи гр. П. В. Заводовскаго въ сосѣднемъ уѣздѣ. Объ этомъ далѣе.

³⁾ Существуетъ показанное на чертежѣ фасада и «Палладіево окно», но боковые его пролеты и полукруглый верхъ въ настоящее время, да, вѣроятно, и въ прежнее, сдѣланы глухими.

Оригинальной архитектуры Храмъ во имя Воскресенія Христова (табл. XLIV, 35 и 36), построенный по проекту Де ла Моттъ въ 1765 — 1771 г., по плану (рис. 59 и 60¹⁾) представляет латинскій крестъ съ закругленными концами. По принципу этотъ плановой приѣмъ близокъ къ Трехсвятительской церкви Лемешей²⁾, но съ значительной разницей въ трактовкѣ подиружныхъ арокъ. Въ Лемешковской церкви на этихъ аркахъ основанъ квадратный массивъ, служащій подножіемъ круглой трибуны купола. Здѣсь же этотъ массивъ, крестообразной формы. Прямо на немъ поставленъ куполь съ едва замѣтной низенькой декоративной трибуной. Окна въ видѣ

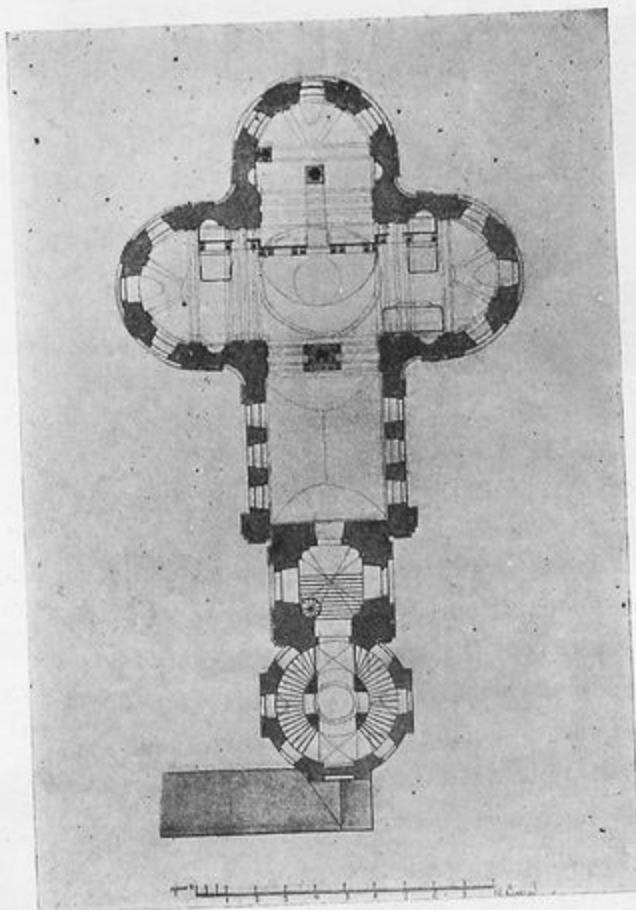

Рис. 59.

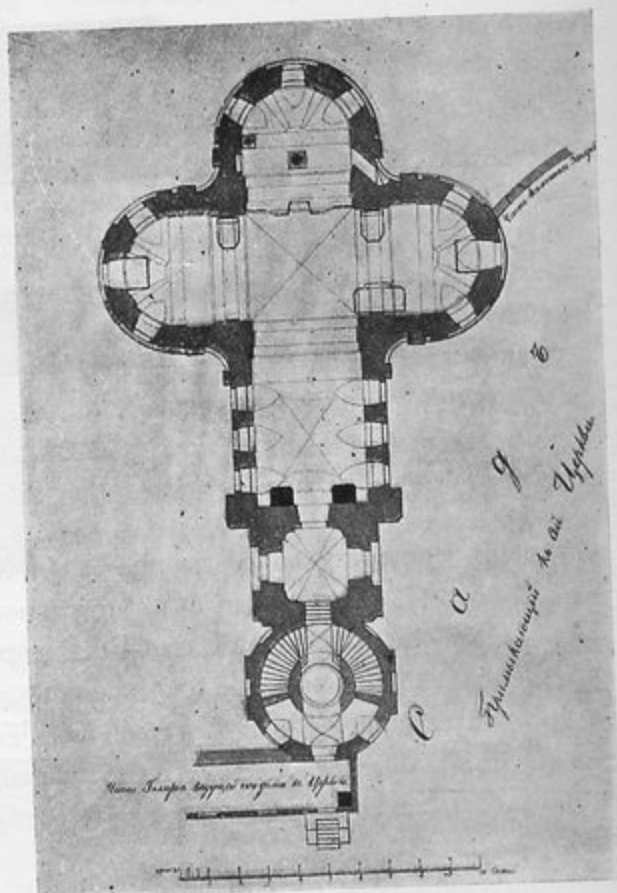

Рис. 60.

овальныхъ «люкарнѣ» прорѣзаны въ самомъ куполѣ. Этотъ послѣдній несетъ вторую «свѣтовую» трибуну, увѣнчаную куполомъ, въ свою очередь, несущимъ чисто декоративную трибунку — подножіе креста. Предпринятая конценція формъ оригинальная и изящная, но совершенно пропадаетъ въ ней выразительность купола, исполняющаго значеніе простого перехода отъ крестообразнаго массива къ верхней «свѣтовой» трибунѣ, кажущейся по своему размѣру бельведеромъ, что и придаетъ Почепскому храму своеобразно-гражданскій оттѣнокъ. Своеобразная архитектура

¹⁾ Эти планы, а также и разрѣзъ вполне соответствуютъ натурѣ. Они хранятся при домѣ въ дѣлахъ гр. К. П. Клейнмихель.

²⁾ Конечно, за исключеніемъ продолговатости западной вѣтви креста.

храма отличается той строгой композицией частей, которая присуща архитектурѣ послѣднихъ лѣтъ эпохи Людовика XIV.

Западная часть Почепскаго храма усложнена устройствомъ колокольни и оригинальнаго круглаго крыльца съ лѣстницей въ верхній храмъ и ходомъ въ нижній¹⁾.

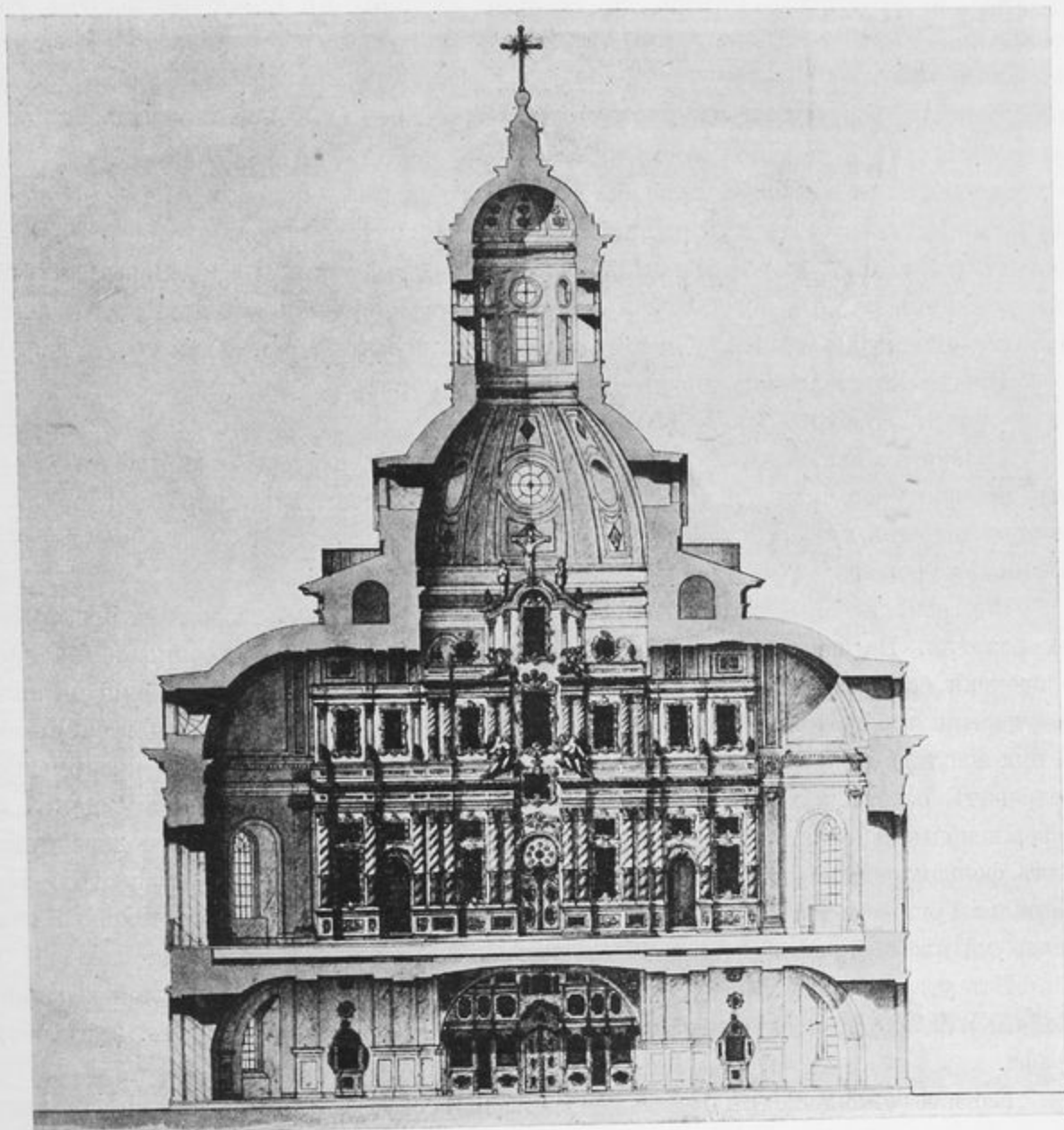

Рис. 61.

Указанное сходство съ храмомъ Лемешей, благодаря описаннымъ особенностямъ концепціи формъ, не вызываетъ того простора, которымъ такъ отличается уютный храмъ Лемешей. Особенно наглядно это показываетъ разрѣзъ Почепскаго храма (рис. 61), гдѣ чувствуется преувеличенность ширины нависшихъ подпружныхъ арокъ,

¹⁾ Крыльцо кромѣ того связано крытой галлереей съ правымъ крыломъ главнаго фасада дворца съ былымъ помещеніемъ для прѣзжихъ гостей.

благодаря чему сравнительно не громоздкій иконостасъ кажется втиснутымъ въ храмъ.

Уступая въ грандіозности величественному Козелецкому иконостасу Почепскій иконостасъ ничуть не уступаетъ ему въ художественности замысла, изяществѣ рисунка и выполненія рѣзбы. Во многомъ сходный съ Козелецкимъ Почепскій иконостасъ строже въ архитектурныхъ формахъ; въ немъ замѣтно отсутствуетъ плановая кривизна формъ, введенная въ Козелецкомъ иконостасѣ для избѣжанія монотонности вертикальныхъ расчлененій. Здѣсь все спокойно и величаво; допущена лишь «перспектива» верха центральной части (табл. XLV, 40.) Очень оживляетъ общую композицію иконостаса замѣна боковыхъ колоннъ второго яруса и верха пилястрами увѣнчанными оригинальными капителями изъ изображеній серафимовъ (табл. XLV, 41.) Большое оживленіе вноситъ также декоративныя вазы и великолѣпныя рѣзныя скульптуры ангеловъ надъ царскими вратами¹⁾ а также и фигуры «Распятія» на верху и херувимы надъ волютами фронтона.

Прекрасная живопись иконъ по стилю и характеру письма, близка къ иконамъ церкви Лемешей (табл. XLVI, 42.)

Сравнивая иконостасъ съ его изображеніемъ на чертежѣ разрѣза отмѣтимъ, что на послѣднемъ въ средней части двѣ рамы иконъ надъ царскими вратами, отличаются отъ существующихъ формъ приближаясь къ обработкѣ центральной части Козелецкаго иконостаса (рис. 62).

Внутренняя обработка Почепскаго храма почти тождественна изображенной на разрѣзѣ. На западной стѣнѣ надъ входомъ въ храмъ сохранилась надпись о времени сооруженія храма гласящая: «при державѣ благочестивѣйшія великія государыни императрицы екатерины алексѣевны вторыя самодержицы всея Россіи и при наслѣдникѣ ея благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ павлѣ петровичѣ основанъ храмъ сей воскресенія господня 1765 года іюня 4 дня а за совершеніемъ и освященіемъ 1771 апрѣля 17 собственнымъ коштомъ господина генералъ фельдмаршала сенатора и разныхъ орденовъ кавалера сіятельнѣйшаго графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго». Въ храмѣ донынѣ существуетъ утварь съ вензелевыми клеймами графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго (А. Г. Р. и А. Г. Р.²⁾).

Изъ утвари этого храма приводимъ изображеніе серебряной дарохранительницы (табл. XLVI, 43) и подвѣснаго подсвѣчника (табл. XLII), съ вензелемъ и гербомъ графа.

Близкое отношеніе къ Почепскому имѣнію гр. К. Г. Разумовскаго имѣетъ домъ въ Бакланѣ (рис. 63³⁾), принадлежавшій къ Почепской графской экономіи. Фонъ Гунъ, посѣтившій и это мѣсто, описываетъ его въ такихъ выраженіяхъ: «Здѣсь искусствомъ сдѣлано вѣсьма еще не много, но все произведено натурою. Надобно выѣхать на цѣлый рядъ высокихъ горъ, коихъ вершины украшены лѣсомъ, а

¹⁾ Близкій мотивъ обработки царскихъ вратъ встрѣчаемъ въ придворной Царскосельской церкви.

²⁾ Участіе гр. А. Г. Разумовскаго въ украшеніи Почепскаго храма вполне возможно. Гр. А. Г. Разумовскій умеръ 6 іюля 1771 года, т. е. черезъ 2½ мѣсяца послѣ освященія храма.

³⁾ Мѣстечко Бакланъ Мглинскаго уѣзда въ 25 верстахъ отъ Почепы.

33.

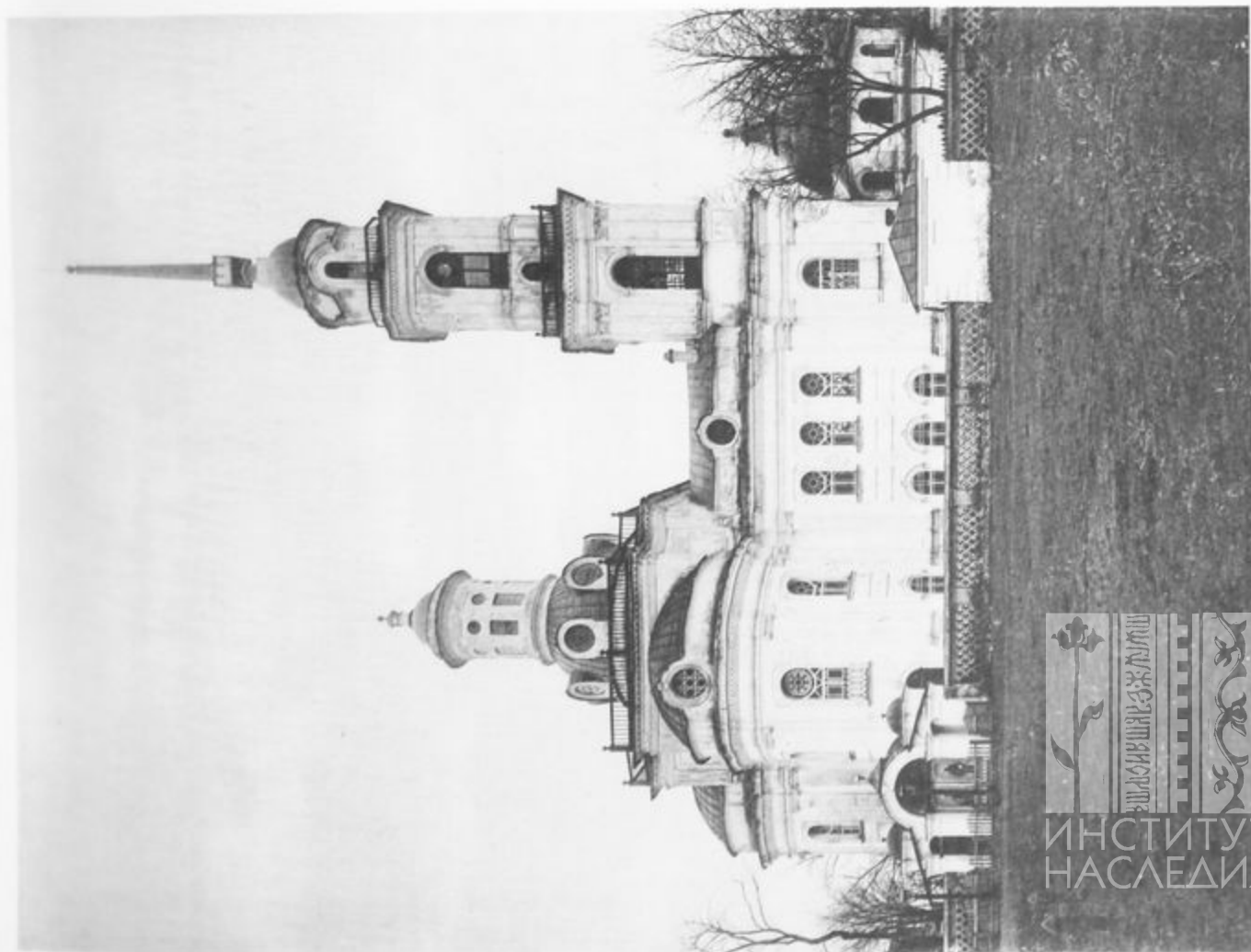

34.

Фот. П. Павлова.

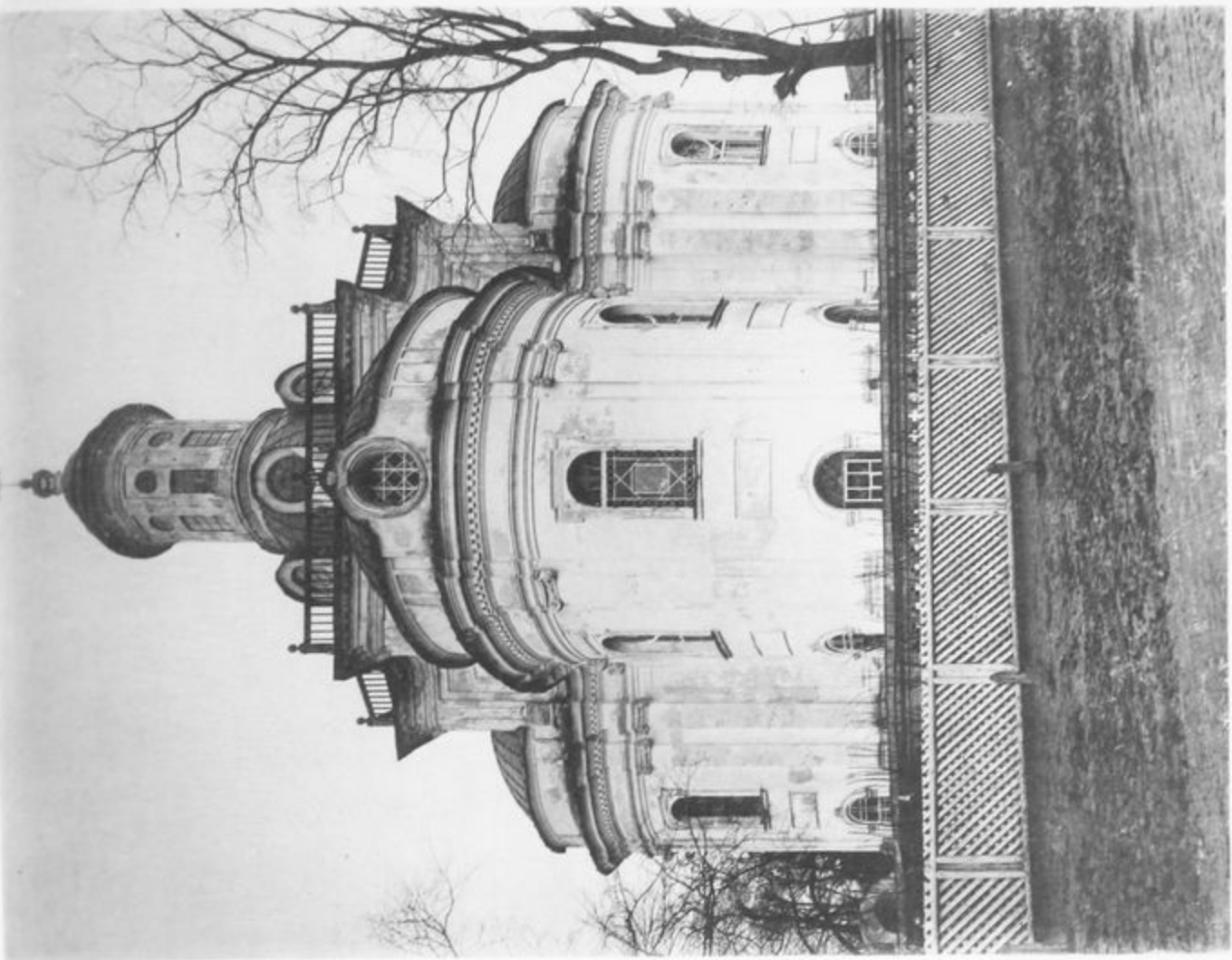
Библиотека
И.А. Бунина
в Москве

36.

Соборный Храмъ въ Почепѣ.

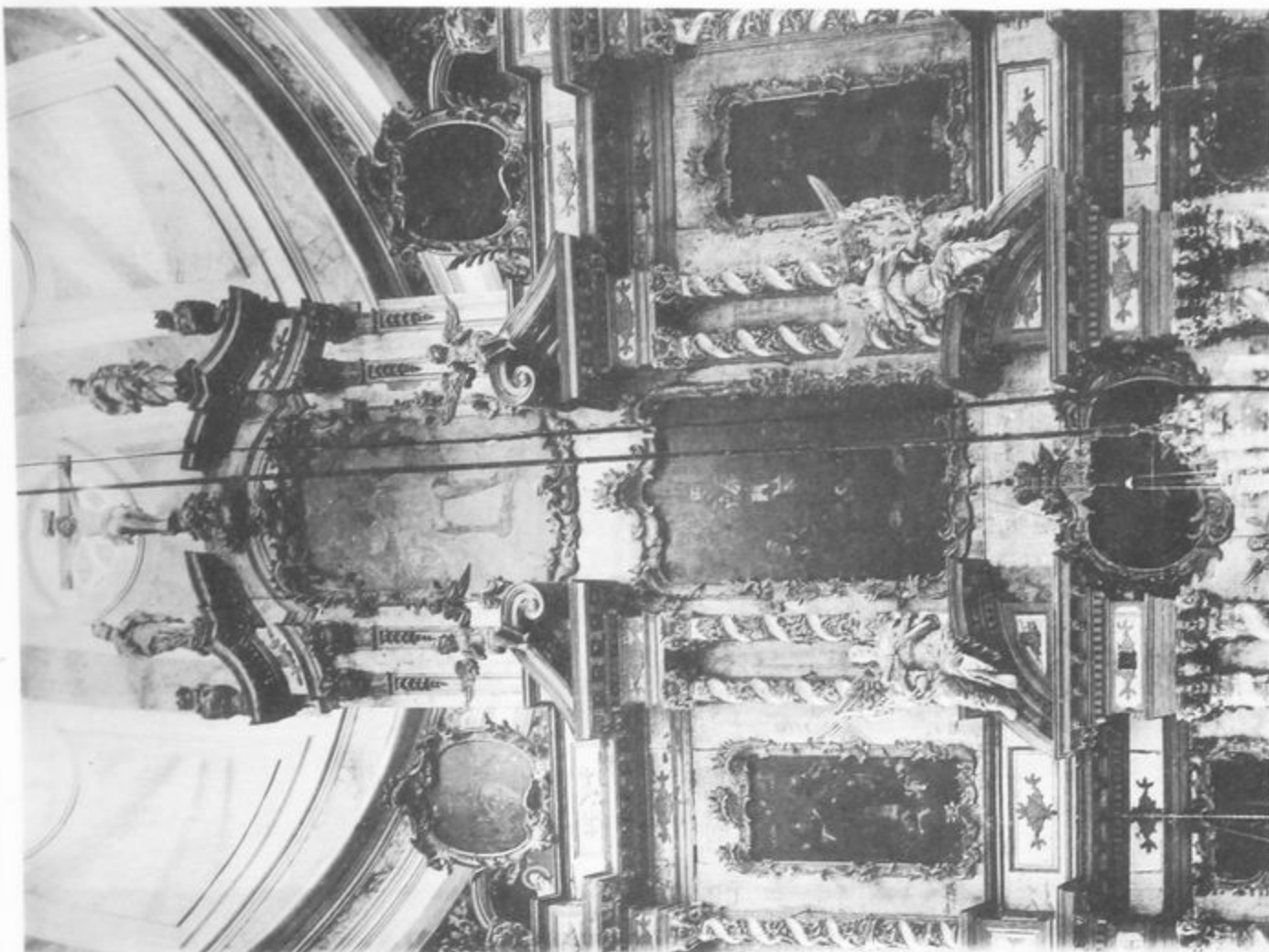

35.

Фот. П. Павлова.

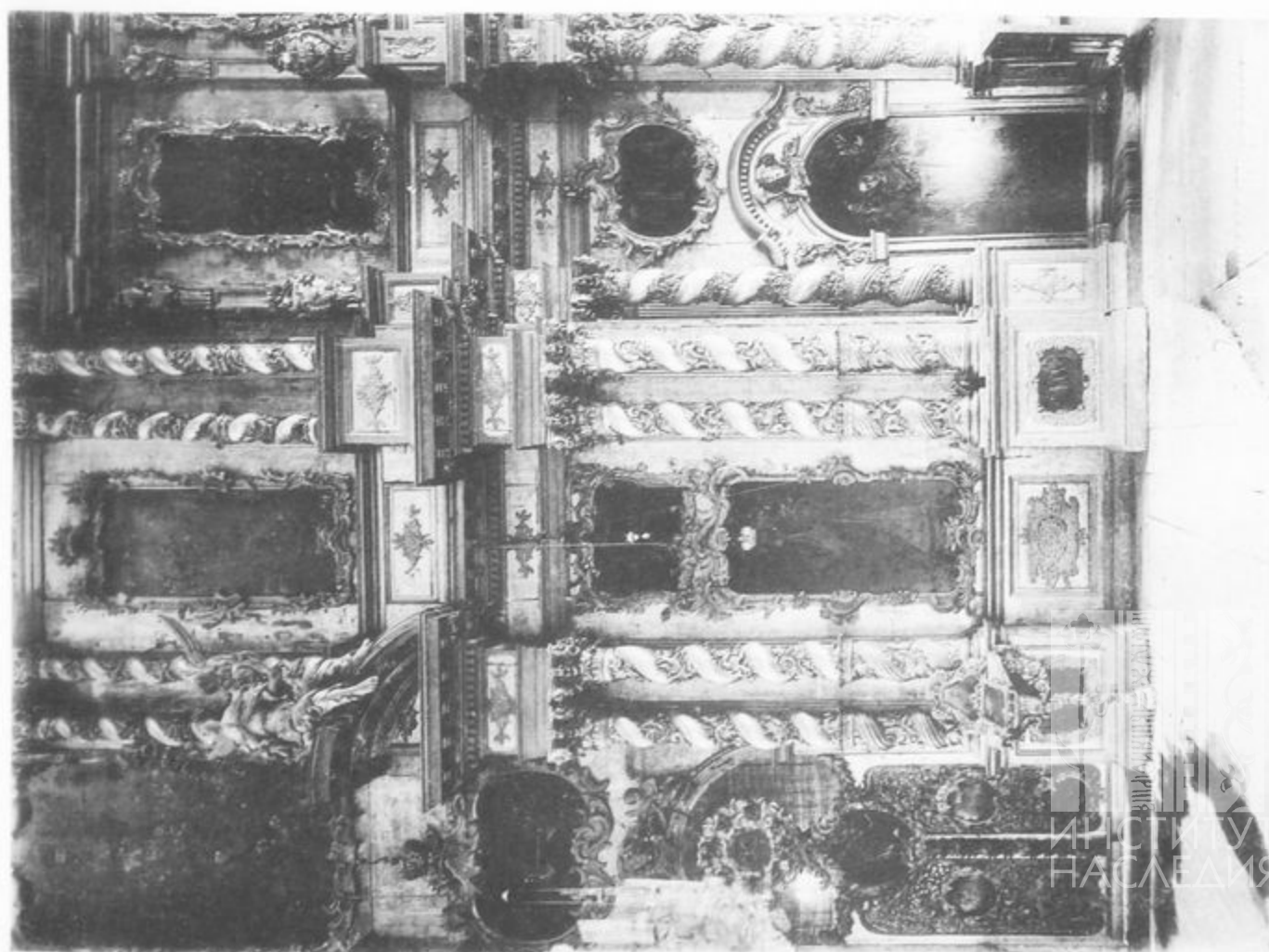

Библиотека
на И. П. П. в Л. П. П.
в М. П. П. в Л. П. П.

Фот. П. Павлова.

40.

41.

Иконостасъ Храма Воскресенія Христова въ Почепѣ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Библиотечка
И. И. Ильича
и М. И. Ильича

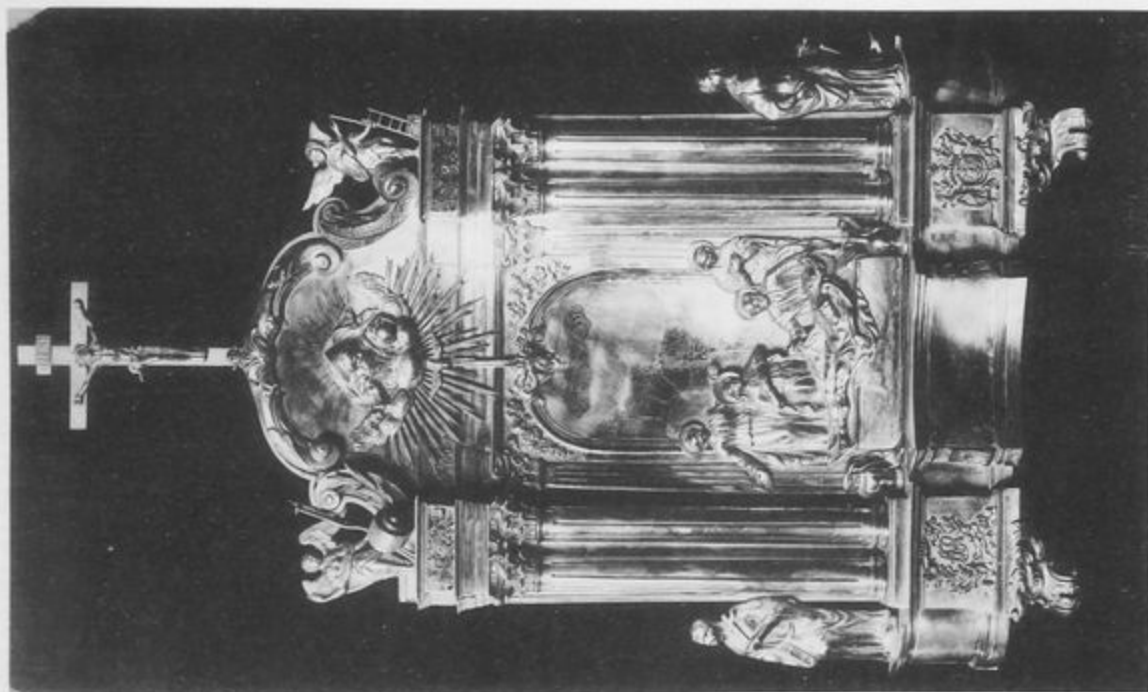

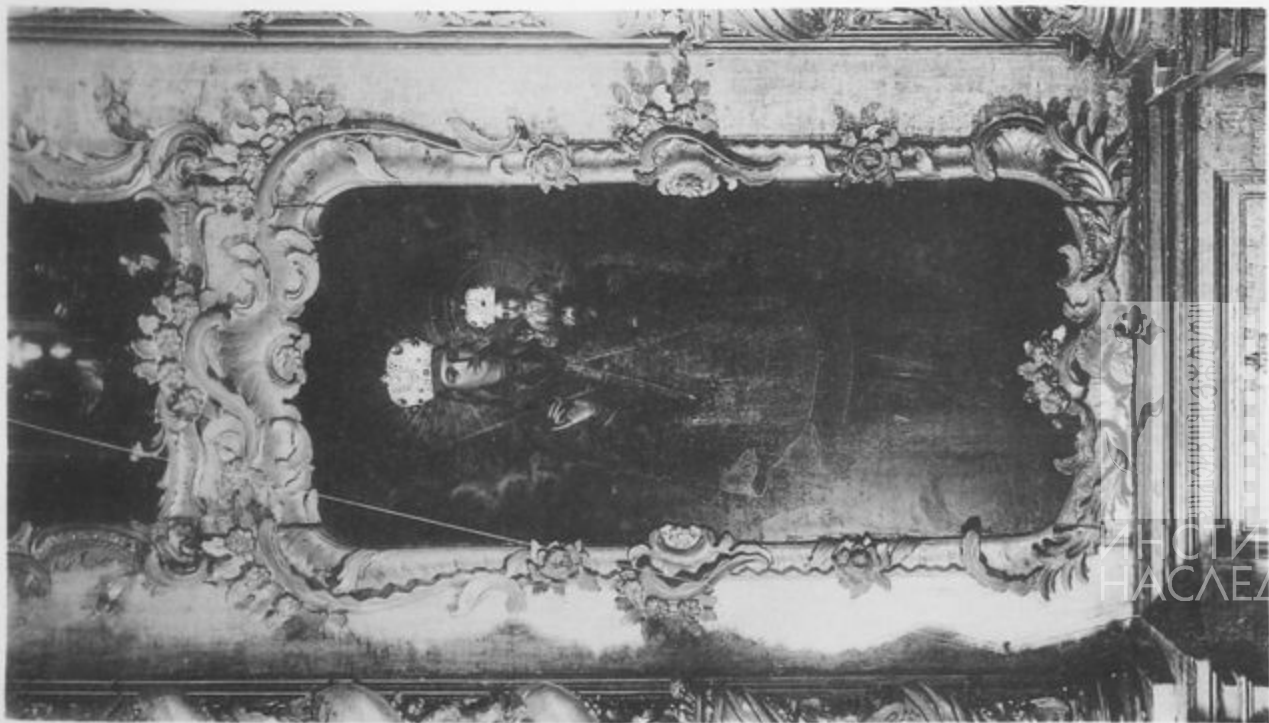
Фот. П. Павлова.

56.

43.

Храмъ Воскресенія Христова въ Почепѣ.

42.

БИБЛИОТЕКА
Музея за Княжество
и Музейной работы

М. ПОЧЕПЪ.
МГЛѢНСКАГО УѢЗДА.

Успенскій храмъ.

Успенскій храмъ.

НАДПИСЬ - 85 - ХРАМЪ.

ПРИДОНАВЪ САРДИНІЙСКОМУ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРНИИ КАТЕДРАЛЬ -
ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ВТОРАЯ САМОДЕРЖИЦА ВСЯ РОССІИ И ДРУ -
НАСЛАДНИЦА И СЛАДОВОДНИЦА ГОСУДАРЬ БУЛАВЕНЦЪ И ВЛАДЫКА -
НИКОЛА ПАВЪЛ ПЕРВОНЧЪ ОСНОВАХЪ ХРАМЪ СЪ ВОСКРЕСЕНІИ ГОСПОДЯ
1765 ГЛАГОЛА ДАИ А ЗА СОВЕРШЕНІЕМЪ И ОСВЯЩЕНІЕМЪ 1777 АПРѢ -
ЛѢ 17 СООБЩЕННЫМЪ КРАТКОЕ ГОСУДАРНИИ ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛДМАРША -
ЛА СЕНАТОРА И РАЗНЫХЪ ОДЕЖЕВЪ КАВАЛІЕРЪ СІАТЕЛНІЙШЕГО -
ГЛАГОЛА КРИМА ГИТОРІЕВЧА РАЗУМОВСКАГО.

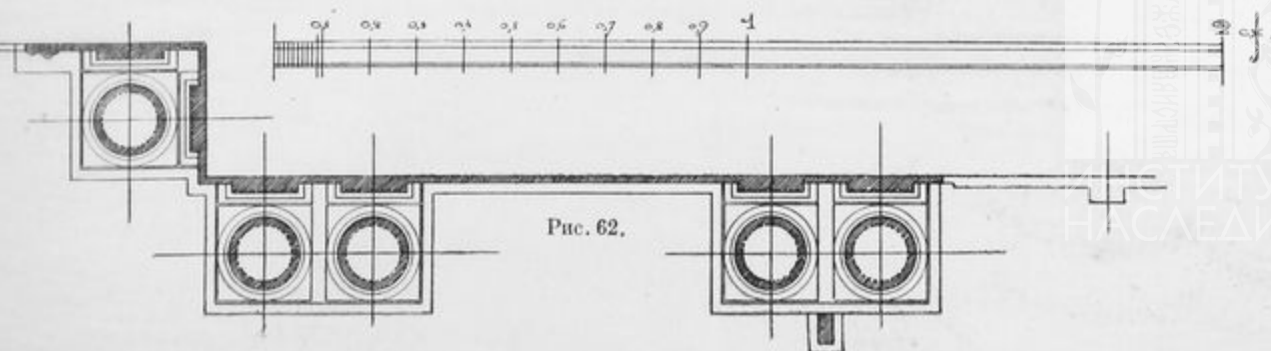
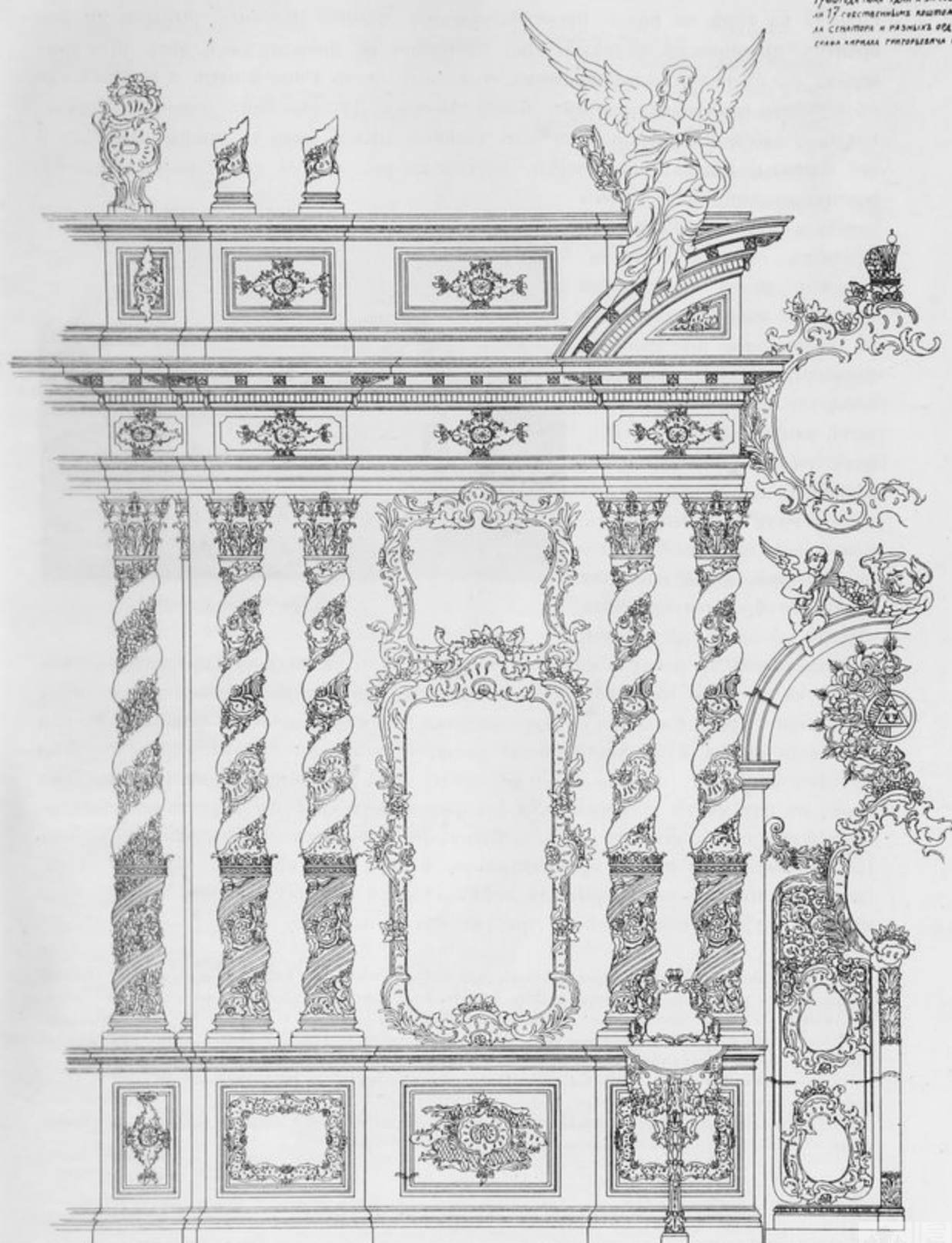

Рис. 62.

ИНСТИТУТ
ИСКУССТВ

спереди на горѣ же видно превеличественное зданіе, подобное рыцарскому изъ временъ протекшихъ столѣтій. Оно построено не прежде, какъ лѣтъ пять тому назадъ въ подражаніе италіанскимъ сельскимъ около Рима домамъ, и весьма много сходствуетъ съ великолѣпнымъ близъ Москвы Дурасовскимъ домомъ¹⁾. Думать надобно, что при строеніи сего дома главною цѣлью было то, чтобъ изъ каждой его комнаты, можно было видѣть натуру въ разныхъ ея измѣненіяхъ. Истинно, разсматривающій взоръ наблю-

дателя не знаетъ, на которомъ предметѣ ему остановиться. Повсюду видна чрезвычайно обильная многообразность и въ обширномъ пространствѣ природы; и естлибъ сюда привести хоть самого Клавдія Лоррена, или какого-нибудь Вернета, то и тотъ не вдругъ бы рѣшился, какой изъ предметовъ почестъ самымъ лучшимъ. Самой домъ имѣетъ положеніе свое на краю одной высокими деревьями обросшей горы, и изъ второго его этажа сдѣланъ вы-

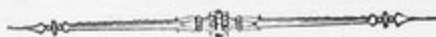
Рис. 63.

ходъ на аркахъ, по коему можно изъ комнатъ выходить въ отверстую природу, и именно прямо на высокую гору, обдѣланную такъ, что представляетъ собою натуральный Аглинскій садъ²⁾. Сходство съ Дурасовскимъ домомъ заключается лишь въ близости планового пріема, но съ значительной разницей въ трактовкѣ помѣщеній. Открытыя круглыя по плану, колоннады Дурасовскаго дома отсутствуютъ въ Бакланьскомъ домѣ; на ихъ мѣстѣ устроены залы, декорированныя снаружи портиками изъ тѣсно примыкающихъ къ стѣнамъ колоннъ, увѣнчанныхъ фронтономъ. Центральный куполь Бакланьскаго дома имѣетъ восьмигранную форму и, въ противоположность Дурасовскому, трибуна его открыта со всѣхъ сторонъ и имѣетъ восемь оконъ, тогда какъ въ Дурасовскомъ домѣ въ трибунѣ ихъ четыре³⁾.

¹⁾ Указанный домъ существуетъ донынѣ; онъ находится въ Люблинѣ въ 17 верстахъ отъ Москвы. Строившій его помѣщикъ Дурасовъ велѣлъ архитектору дать ему плановую форму ввидѣ ордена св. Анны и поставить статую этой святой на куполѣ дома, отмѣчая тѣмъ радость полученія долго ожидаемаго ордена. Эта своеобразная фантазія исполнена превосходно и служитъ великолѣпнымъ выдающимся образцомъ архитектуры помѣщичьихъ домовъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ.

²⁾ Сочиненіе Оттона фонъ Гуна. Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года. М. 1806 г. ч. I.

³⁾ Куполь Дурасовскаго дома круглой формы, трибуна его почти закрыта четырьмя примыкающими къ нему верхними помѣщеніями украшенными фронтонами.

Ляличи. Дворецъ гр. П. В. Завадовскаго.

Въ глуши Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи печально доживаетъ свой вѣкъ непоправимо заброшенный, полуразрушенный дворецъ одного изъ приближенныхъ Императрицы Екатерины II, ея сподвижника и фаворита, графа Петра Васильевича Завадовскаго. Исторія возникновенія дворца и его выдающееся значеніе тѣсно связаны съ судьбою и жизнью графа. Уроженецъ Черниговской губерніи¹⁾ П. В. Завадовскій черезъ посредство гр. Румянцева былъ представленъ ко двору въ 1775 году. Императрица быстро приблизила его къ себѣ, но такъ же быстро и охладѣла²⁾ наградивъ помѣстьями въ Могилевской и Черниговской губерніяхъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Лялическое помѣстье одно время называлось Екатеринодаромъ, гдѣ будто бы и самый дворецъ былъ выстроенъ Императрицей по проекту Гваренгія.³⁾ Приводимое свѣдѣніе въ первой половинѣ не совсѣмъ согласуется съ данными заключающимися въ перепискѣ гр. Завадовскаго съ гр. Воронцовыми, откуда видно, что хотя дворецъ и строился въ отсутствіи графа, построеніе его принадлежитъ графу и, что онъ «положилъ на него великія тысячи».⁴⁾ Изъ этой же переписки узнаемъ, что дворецъ строенъ «по плану Гваренгія», что согласуется и съ вышеприведеннымъ свѣдѣніемъ, съ значительной лишь разницей въ годахъ сооруженія дворца. Императрица Екатерина могла выстроить Завадовскому дворецъ лишь въ періодъ 1775—1777 г. или нѣсколько позже, т. е. въ то время когда Гваренгія еще не находился въ Россіи. Вѣроятнымъ временемъ начала сооруженія дворца слѣдуетъ считать 1794 годъ, т. е. время пріобрѣтенія П. В. Завадовскимъ достоинства графа Римской Имперіи,⁵⁾ о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ графскіе инициалы, изображенные на одномъ изъ плафоновъ дворца⁶⁾. Въ 1795 году дворецъ уже существовалъ, о чемъ Завадовскій сообщаетъ въ письмѣ къ гр. Воронцову 30 іюня 1795 года⁷⁾. Не имѣя возможности по службѣ долго пользоваться отдыхомъ гр. Завадовскій бывалъ въ Ляличахъ только наѣздами; даже смерть Императрицы не измѣнила положенія и только лишь временная опала въ послѣдній годъ

¹⁾ Гр. П. В. Завадовскій родился въ 1739 году въ с. Красновичахъ Суражскаго уѣзда, гдѣ донинѣ существуетъ построенная имъ въ 1780 г. деревянная Николаевская церковь, перестроенная въ 1865 году.

²⁾ Въ 1777 году вслѣдствіе интригъ Потемкина.

³⁾ «Русскіе портреты XVIII-XIX столѣтій»; II томъ; 52 стр. Изданіе Вел. Кн. Николая Михайловича.

⁴⁾ «Архивъ кн. Воронцова» кн. XII.

⁵⁾ Въ графское достоинство Россійской Имперіи Завадовскій былъ возведенъ Императоромъ Павломъ въ 1797 году.

⁶⁾ Въ кабинетѣ графа; объ этомъ далѣе.

⁷⁾ «Архивъ кн. Воронцова» книга XII.

жизни Императора Павла I позволила графу около года пользоваться имъ созданной особой роскошью деревенской жизни. Императоръ Александръ I тотчасъ же по вступленіи на престолъ призываетъ графа ко двору¹⁾.

Искренно любившій Императрицу Завадовскій, видимо, лелѣялъ мысль устроить тихій уютный уголокъ отдыха и благодарныхъ воспоминаній и вынашивалъ эту мысль давно въ своемъ воображеніи. Уже на склонѣ лѣтъ графа осуществилась эта мечта, но отдыхъ не пришелъ, и графу, дожившему до 73 лѣтняго возраста²⁾ не удалось всецѣло насладиться покоемъ въ созданной роскошной обстановкѣ.

Послѣ смерти гр. П. В. Завадовскаго Ляличи, доставшіяся сыну его гр. В. П. Завадовскому, были проданы имъ Энгельгардту. Затѣмъ Ляличи послѣдовательно переходили къ барону Черкасову, Атрыганьеву, купцу Самыкову³⁾ и нынѣ принадлежатъ Гомельскимъ купцамъ евреямъ Голодцамъ, намѣревающимся превратить Лялическій дворецъ въ фабрику. Все цѣнное давно уже вывезено изъ дворца прежними владельцами. Въ настоящее время дворецъ, сохранившій лишь стѣны и своды⁴⁾ и едва хранящій сгнившіе полуразрушенные плафоны, не имѣетъ ни одной вещи, представляющей какую-либо рыночную цѣну, развѣ лишь кирпичъ, изъ котораго сложены стѣны.... Уцѣлѣвшія художественныя цѣнности не охраняетъ никто. Руины обречены на гибель и сильно подвинули ее руки досужихъ посѣтителей, испещрившіе надписями стѣны и расхитившіе куски прелестныхъ орнаментаций. Поддерживать и реставрировать дворецъ ужъ нынѣ невозможно⁵⁾ — не найдется ни средствъ, и что главное, ни исполнителей, не говоря уже о невозможности возстановить былую обстановку. Лялическій дворецъ рисуется оазисомъ среди довольно унылой холмистой мѣстности долины рѣки Ипути. Всецѣло созданный по мысли графа дворецъ поражаетъ даже нынѣ остатками былой полноты и роскоши утонченныхъ жизненныхъ удобствъ, при явно выраженномъ стремленіи отмежеваться, уйти въ себя и созданный свой міръ. Обширный полный домъ и службы, садъ съ объемистыми оранжереями и когда то роскошный прудъ-отдѣлявшій самое любимое и самое выдающееся сооруженіе графа — гиганскій насаженный англійскій паркъ, обнесенный кругомъ массивной каменной стѣной на протяженіе нѣсколькихъ верстъ, а въ немъ «храмъ благодарности»⁶⁾ и въ двухъ верстахъ (!) отъ дома, — лѣтній дворецъ. Стремленіе изолироваться отъ окружающаго видно и въ той, нынѣ

¹⁾ При Екатеринѣ II Завадовскій былъ Сенаторомъ, Членомъ Совѣта, и управляющимъ Дворянскимъ и Государственнымъ Заемнымъ банками. Возведенный, Павломъ I въ графское руссійской Имперіи достоинство и награжденный Андреевской лентой Завадовскій, будучи сенаторомъ, одновременно былъ главнымъ директоромъ банковъ, завѣдующимъ медицинской частью и завѣдующимъ женскими учебными заведеніями. При Александрѣ I гр. Завадовскій былъ председателемъ коммисіи составленія законовъ, министромъ Народнаго Просвѣщенія (первымъ) и председателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Онъ умеръ въ 1812 году 10 января.

³⁾ «Біографія П. В. Завадовскаго» И. С. Листовскаго.

⁴⁾ За исключеніемъ оранжерей и нѣкоторыхъ службъ.

⁵⁾ Для нынѣшнихъ владельцевъ это безцѣльно, и нужно еще удивляться долгой неподвижности мертваго капитала въ ихъ рукахъ.

⁶⁾ Графу П. А. Румянцеву Задунайскому благодѣтелю Завадовскаго. Объ этомъ ниже.

величественной, липовой аллеѣ, которая находится передъ дворцомъ и тянется отъ церкви до долины рѣки Ипути, совершенно загораживая видъ изъ оконъ дворца со стороны подъѣзда (рис. 64). Отвѣтвляясь отъ главной аллеи другая перпендикулярная ей приводитъ къ въѣзду въ передній садъ. Немногое осталось отъ его арочной ограды и только лишь полуразрушенный воротный въѣздъ (табл. XLVII) изяществомъ пропорцій и рисунка подготавливаетъ зрителя къ встрѣчѣ съ остатками чудесъ минувшаго, освѣщенныхъ нынѣ легендарнымъ свѣтомъ. Обширнѣйшій пе-

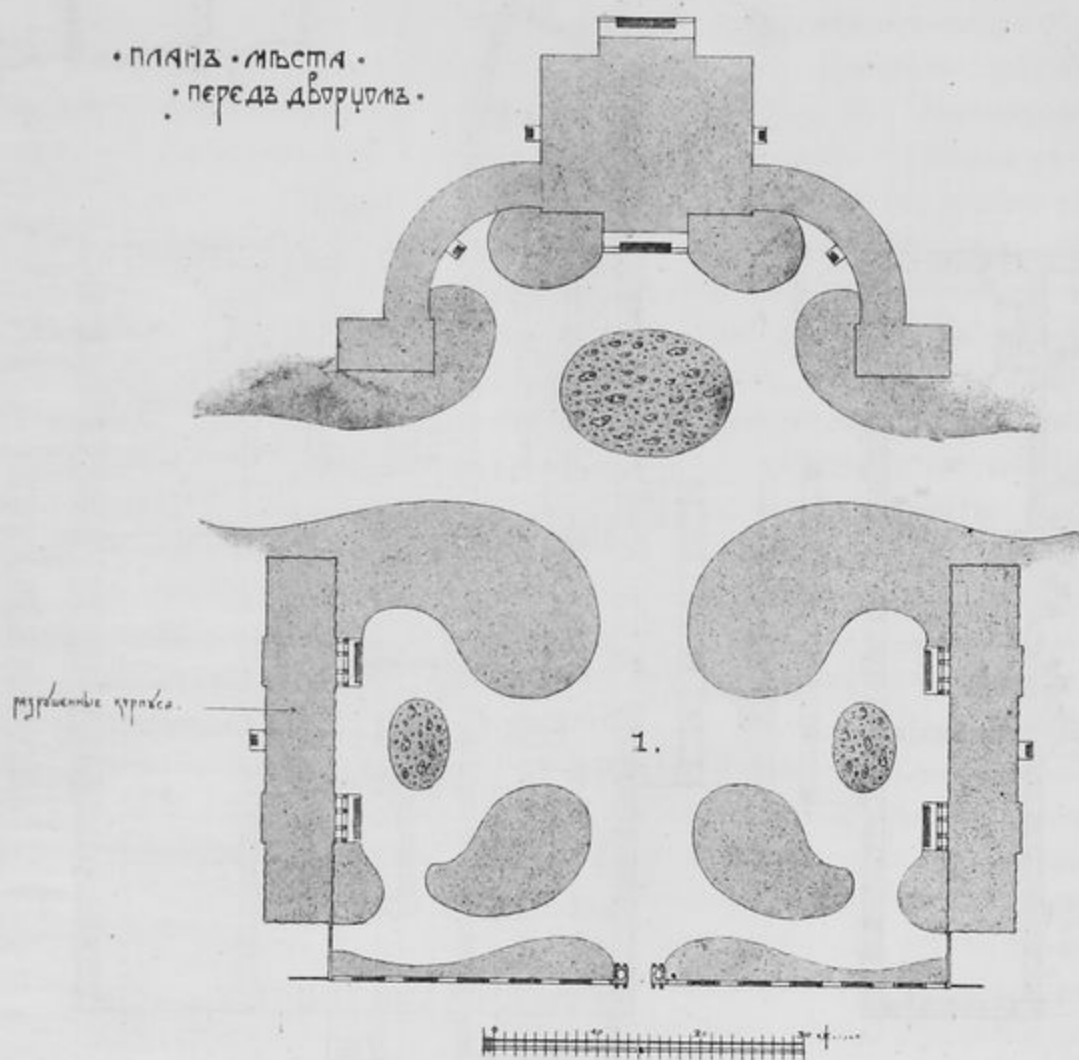
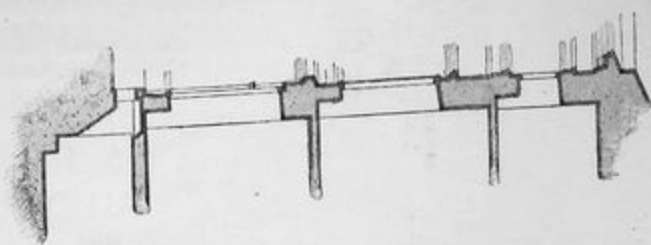

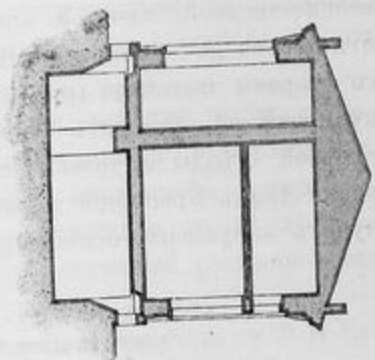
Рис. 64.

редній дворъ и садъ ужъ утеряли боковые огромнѣйшіе 35 саженные корпуса бывшихъ оранжерей. Ихъ уцѣлѣвшіе фундаменты указываютъ на строгую обработку симметричныхъ зданій пилястрами съ двумя открытыми портиками изъ четырехъ колоннъ со стороны двора съ лѣстницами во всю ихъ ширину. Обратные фасады корпусовъ имѣли, видимо тождественную обработку, но проще безъ портиковъ съ однимъ центральнымъ входомъ. Вдали въ глубинѣ опустошеннаго садоваго двора широко раскинулся главный дворцовый корпусъ (рис. 65). Направо и нѣлѣво отъ него на встрѣчу зрителю выдвинуты боковые павильоны объеди-

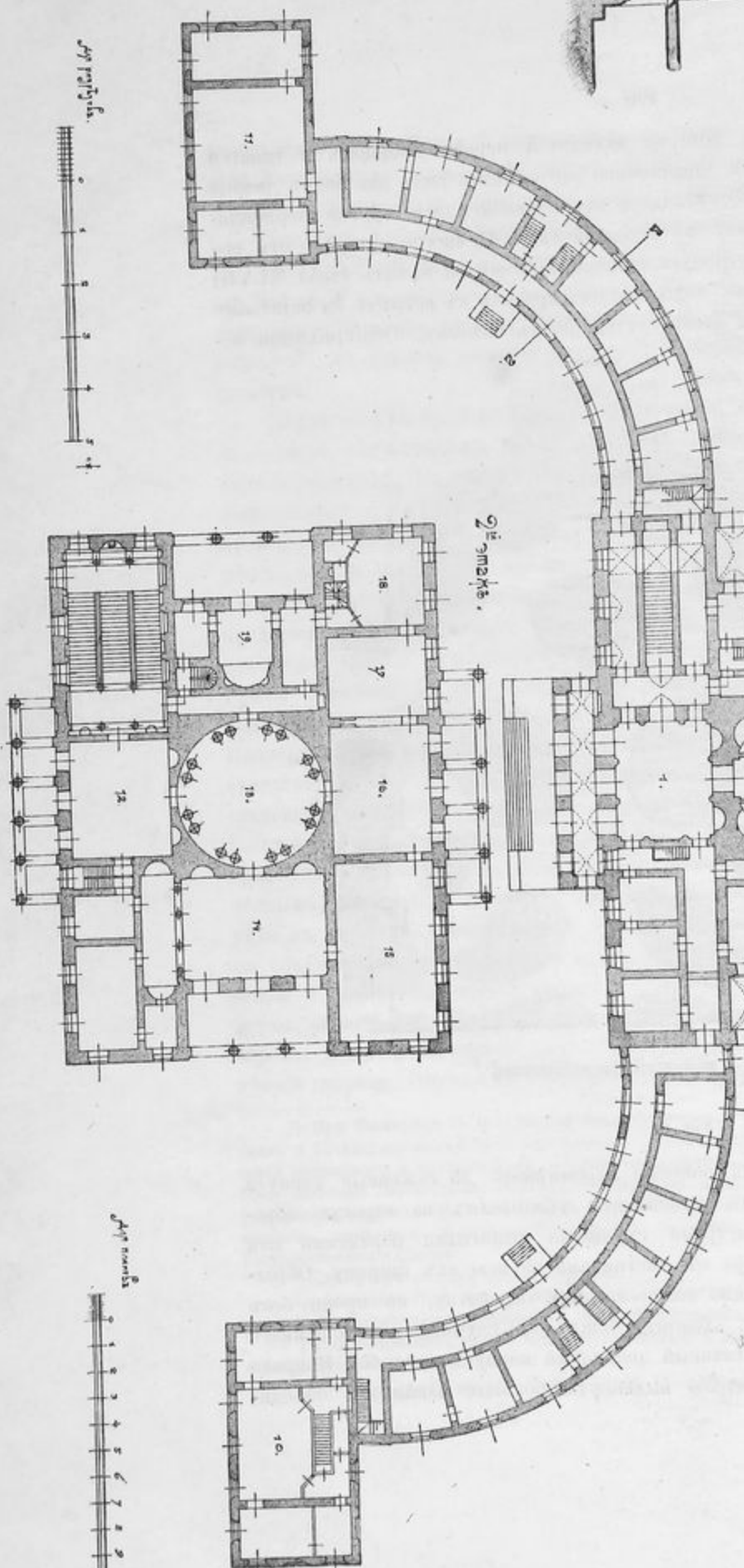
продольное сечение коридора

поперечное сечение № 25.

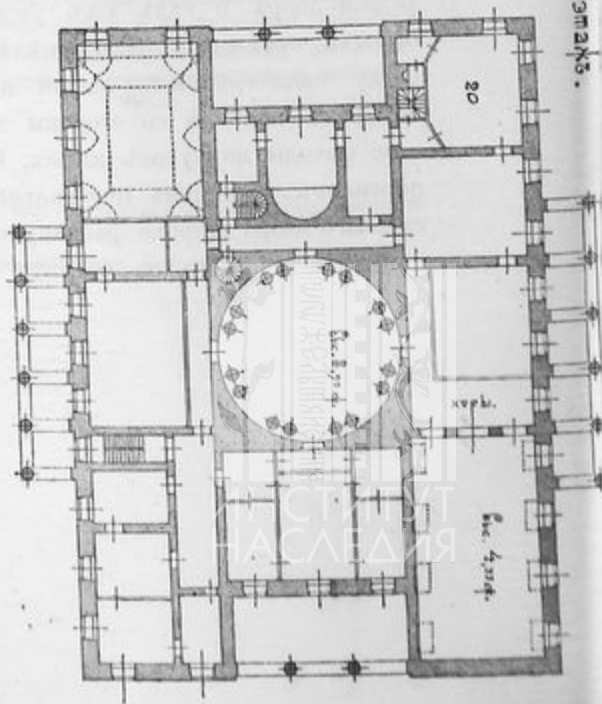
2^й этаж.

для прогулки.

3^й этаж.

для прогулки.

ненные одноэтажными закругленными по плану флигелями. Строгая архитектура здания проста и отличается изяществом пропорций и мастерской концепцией главных масс, среди которых главенствует центральный купол и портики из шести колонн съ фронтонами съ главного фасада и съ фасада, обращенного въ сторону парка (табл. XLVIII и XLIX). Не малую прелесть придаютъ дворцу своимъ уютомъ лоджии боковыхъ фасадовъ. Строгимъ классицизмомъ въѣтъ отъ всей архитектурной виѣшней обработки и не утрачивается простота отъ пышныхъ и изящныхъ коринѣскихъ капителей портиковъ, единственныхъ орнаментальныхъ украшеній. Повидимому, эта умышленная простота подготавливала эффектъ внутренняго убранства, которому было подчинено все. Внутреннее расположение дворцовыхъ помѣщений, видимо, одно лишь диктовало наружныя ихъ массы и обработку, подчиняя, наприимѣръ, расположение и выразительность этажей согласно эффектному внутреннему расчлененію двухсвѣтнаго зеркальнаго зала, парадной лѣстницы и величественной центральной купольной ротонды — главного художественнаго пункта. Главный корпусъ имѣетъ три этажа съ полуподваломъ при общей высотѣ отъ уровня земли, съ карнизомъ, 8 сажень. Боковыя крылья дворца въ два этажа¹⁾, при обобщающемъ высокомъ корридорѣ, имѣютъ высоту 10 аршинъ отъ уровня земли. Подъ корпусами крыльевъ имѣется тоже полуподвалъ. Трудно опредѣлить назначеніе нѣсколькихъ десятковъ комнатныхъ помѣщений всѣхъ этажей дворца, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ пришли въ большую ветхость или видоизмѣнены. Нижний этажъ дворца, повидимому не былъ назначенъ для большихъ пріемовъ, являясь лишь служебнымъ помѣщеніемъ и временнымъ пребываніемъ гостей²⁾; однако и въ нижнемъ этажѣ есть комнаты параднаго убранства.

При входѣ въ главный корпусъ съ главного подъѣзда 1-е помѣщеніе — вестибюль (табл. XLIX) строго и монументально обработанъ полуколоннами дорическаго ордера, расположенными по всѣмъ стѣнамъ. Полуколонны несутъ лишь архитравъ. Скульптурныя панно надъ амбразурами дверей³⁾, печи въ нишахъ и скромной росписи плафонъ завершаютъ художественную обработку помѣщенія, сугубо проходного. Надъво арочный проходъ на лѣстницу и двери въ лѣвый закругленный корпусъ и въ корридоръ интимной половины. Направо двери въ правый закругленный корпусъ и корридоры. Прямо противъ входа помѣщеніе 2-е, подъ верхнимъ круглымъ заломъ, было назначено, повидимому, подъ гардеробъ съ проходомъ въ помѣщеніе, 3-е вѣроятно, оборотной съ выходомъ въ садъ. Помѣщенія 4-е и 5-е могли служить пріемными, а 6-е и 7-е спальней и кабинетомъ графа. Изъ этихъ помѣщений выдается своимъ благородствомъ художественная обработка кабинета (табл. LI). Наилучшее его украшеніе — плафонъ прелестныхъ сочетаній зеленаго и желтоватосѣраго цвѣтовъ, служащихъ фономъ для нѣжно синяго неба, съ тремя рѣзвизающимися амурами въ центрѣ, окаймленнаго кругомъ рѣшеткой съ вензелевыми зна-

¹⁾ Верхній этажъ-антресоли.

²⁾ Въ боковыхъ корпусахъ и ихъ антресоляхъ и частію въ главномъ корпусѣ.

³⁾ Нынѣ утеряны.

Труды XIV Съѣзда. Т. II.

ками подъ графской короной (см. цвѣтныя табл.). Простая нынѣ гладь стѣнъ кабинета несомнѣнно ранѣе была закрыта матеріей. Скромныя по обработкѣ сборная и пріемныя комнаты были обогащены роскошными скульптурными панно, помѣщавшимися надъ дверями. Уцѣлѣвшіе остатки этихъ панно указываютъ, что они составляли двѣ барельефныхъ группы олицетворявшихъ науку и искусство. Геній науки, въ центрѣ панно въ ростѣ, задрапированный въ широкую одежду держитъ въ простертой рукѣ свѣтильникъ, озаряющій сидящаго юношу углубившагося въ мысленіи съ поднятой лѣвой рукой съ характернымъ движеніемъ соображенія. На правое плечо юноши облокотился стоящій крылатый амуръ. Двое обнаженныхъ дѣтей группируясь около глобуса, заняты чтеніемъ рукописи и географіей. Въ центрѣ другого панно крылатый полуобнаженный геній искусства склонился къ обнаженному ребенку, довѣрчиво прижавшемуся щекой къ указующей рукѣ генія. Направо и лѣво разбросаны модели съ которыхъ рисуютъ обнаженные дѣти. Оба панно, повидимому, обладали прекрасной экспрессіей и отличались великолѣпной моделировкой¹⁾. Отмѣтимъ, что во всѣхъ другихъ многочисленныхъ помѣщеніяхъ дворца не встрѣчается такихъ серіозныхъ и сложныхъ скульптурныхъ панно. Помѣщенія 8-е и 9-е, сообщающіеся съ пріемными могли служить курительными. Среди закругленныхъ корпусовъ особаго вниманія заслуживаетъ 10-е помѣщеніе, съ правой стороны. Трудно предугадать его бывшее назначеніе. Оно могло служить гостиной отдѣльнаго апартаменты для особо важныхъ гостей или же общей салонъ-гостиной для пріѣзжихъ. Ея уютно пышный видъ съ густыми насыщенными тонами окраски стѣнъ панно и плафона при общемъ густомъ зеленовато-сѣромъ фонѣ (см. цвѣтныя табл.) исключаютъ возможность иного назначенія комнаты болѣе официальнаго. Особенно этому не соответствовало бы размѣщеніе по угламъ плафона цѣлующихся голубковъ.

Поднимаясь по парадной лѣстницѣ по центральному и боковымъ саженымъ маршамъ (табл. L и LII) вступаешь постепенно въ ту сферу пышности изящества и красочныхъ эффектовъ, которые царятъ еще понынѣ въ амфиладахъ второго этажа. Пышный коринтскій ордеръ, съ изумительно изящнымъ антаблементомъ, опоясываетъ пилястрами и колоннадами всѣ стѣны лѣстничнаго помѣщенія, служа опорой зеркальному своду, прорѣзанному люнетами надъ окнами второго свѣта и впадинъ. Прелестно нарисованная орнаментація плафона, какъ бы умышленно, до щегольства, рисуется на темномъ фонѣ, много добавляя монументальности ансамблю; съ тою же цѣлью были поставлены статуи въ нишѣ и по сторонамъ входа въ аванзалъ. Для уничтоженія глухихъ и близкихъ къ зрителю плоскостей стѣны въ отвѣтъ окнамъ продольной стороны лѣстницы написана ихъ декорація на фонѣ драпировокъ, тѣмъ превращая лѣстницу, какъ бы въ открытое помѣщеніе подобное лоджии. Съ тою же цѣлью для расширенія горизонта написаны по сторонамъ маршей удаляющіяся перспективы арокъ и панорама мѣстнаго ландшафта

¹⁾ Два достаточно сохранившихся панно, кѣмъ-то выломаны со стѣнъ дворца и увезены въ деревню Чешуйки, Мглинскаго уѣзда, гдѣ и вмазаны въ стѣны хаты. Эти панно тождественны остаткамъ находящимся во дворцѣ по сюжетамъ, размѣрамъ и формамъ и несомнѣнно отлиты съ однихъ моделей.

(см. цвѣтныя табл.). Съ верхней лѣстничной площадки входили въ помѣщеніе 12-е — аван-залъ или боковымъ ходомъ въ интимную половину второго этажа, сообщавшуюся особой лѣстницей съ нижнимъ этажемъ. Аван-залъ (табл. LII и LIV) строгъ и умѣренъ какъ въ архитектурномъ, такъ и красочно декоративномъ убранствѣ (см. цвѣтныя табл.). Сочетаніе желтыхъ и фіолетовыхъ тоновъ, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ значенію скромнаго преддверія въ великолѣпное 13-е помѣщеніе — круглый залъ находящійся подъ центральнымъ куполомъ. Это величественное центральное проходное помѣщеніе, освѣщенное верхнимъ свѣтомъ мягко льющимся черезъ окна купола, несомнѣнно было предназначено для помѣщенія картинъ и статуй. Вѣроятно, объ этомъ залѣ говоритъ Де-ла-Флизи, плѣнный докторъ французской арміи наѣзжавшій въ Ляличи весной 1813 года: «насъ встрѣтили дворецкій и множество слугъ въ ливреѣ съ золотымъ галуномъ и повели въ залу, украшенную мраморными статуями и историческими картинами, между прочимъ и портретомъ кардинала Ришелье»¹⁾.

Гигантскія парныя коринѣскія колонны уносятъ ввысь прелестный куполь, въ красочныхъ декораціяхъ котораго (табл. LIII, LIV и цвѣтная) великолѣпно сочетаются золото, голубой и темно-красноватый цвѣта. Нѣжно золотистый фонъ и бѣлая орнаментація зенита свода имитируютъ открытую бесѣдку съ пилястрами, столбами и барьеромъ, обвитымъ зеленью и цвѣтами. Четыре двери ротонды сообщаютъ боковыя помѣщенія другъ съ другомъ. Налѣво дверь интимной женской половины, прямо — гостиная, направо великолѣпное 14-е помѣщеніе — столовая, одна изъ выдающихся по производимому впечатлѣнію комнатъ дворца (табл. LV и LVI). Мягкое освѣщеніе, прошедшее черезъ открытую лоджію, придаетъ таинственно мистическую прелесть колоннадѣ, сгущая тѣни перехода, усугубленные глубокими впадинами нишъ. Свѣтъ не достигаетъ также верха кессончатыхъ нишъ, гдѣ помѣщались печи и оставляетъ въ мягкомъ полутонѣ плафонъ, — нѣжное сочетание розоваго съ зеленымъ (см. цвѣтныя табл.), какъ нельзя болѣе отвѣчающее центральному пятну плафона, гдѣ на фонѣ весеннихъ облаковъ изображено шествіе Авроры, бросающей цвѣты, летающіе амуръ и стремительно несущійся къ Аврорѣ юноша-зефиръ на прозрачныхъ стрекозиныхъ крыльяхъ. Но главный художественный интересъ столовой сосредоточенъ не здѣсь. Онъ помѣщенъ напротивъ колоннады, гдѣ на стѣнѣ написано изображеніе Императрицы Екатерины II (табл. LVI). Портретъ варварски изсѣченъ и исцарапанъ въ нижней части, но можно еще разсмотрѣть сидящую величественную фигуру въ профиль съ протянутою лѣвою рукою. Императрица изображена на фонѣ зеленой висящей полуоткрытой драпировки. Вдали виднѣются классической архитектуры триумфальныя ворота, мостъ и колоннада. Императрица одѣта въ голубое атласное платье съ пурпуровой накидкой на плечахъ; пурпуръ находится и на свѣтломъ головномъ уборѣ. Изображеніе написано въ довольно сильныхъ тонахъ, какъ бы, передающихъ масляную живопись. Особенно удачно взято сочетаніе голубой одежды съ болѣе нѣжными

¹⁾ Записки Де-ла-Флизи, Русская Старина 1892 г. Февраль.

оттѣнками голубого неба, захватывающаго почти половину всей картины¹⁾. На той же стѣнѣ частью уцѣлѣли рельефныя изображенія мифологическаго содержанія. Въ одномъ изъ нихъ еще можно угадать фигуру Зевса, несущагося на облакахъ; тутъ же видѣется орелъ, держащій въ когтяхъ перуны. Другая сцена повидимому изображаетъ Эроса, — вдали видѣется толпа Сатировъ. На противоположной сторонѣ за колоннадой, къ сожалѣнью скульптуръ не сохранилось, но нужно полагать, что всѣ онѣ, совмѣстно съ живописнымъ изображеніемъ Авроры, были поставлены въ живую аллегорическую связь съ доминирующимъ изображеніемъ Императрицы. Необыкновенную серьезность этой восхитительной столовой придаетъ монументальная окраска пилястръ и колоннадъ въ коричневый зеленоватый цвѣтъ, имитирующій мраморъ. Ихъ сильный тонъ прекрасно оттѣняетъ всю нѣжность холодновато-сѣрыхъ стѣнъ и придаетъ необыкновенную воздушность плафону. Съ правой стороны столовой за колоннадой размѣщенъ рядъ служебныхъ небольшихъ комнатъ съ выходомъ въ аванзалъ и съ лѣстницей пронизывающей всѣ этажи и доходящей до подвала къ кухнѣ. Прямо выходъ на балконъ-лоджию.

Съ лѣвой стороны столовой входъ въ слѣдующее 15-е помѣщеніе — зеркальный залъ (табл. LIII) весь залитый ослѣпительнымъ свѣтомъ врывающимся съ двухъ сторонъ и изъ оконъ верхняго свѣта. Утраченные зеркала, размѣщенные во всѣхъ простѣнкахъ, усугубляли широту и свѣтлость. И, видимо, этотъ яркій ослѣпительный свѣтъ, отражающійся повсюду, заставилъ чуткаго художника умѣрить силу освѣщенія кессончатаго свода (табл. LX и цвѣтная), гдѣ введена густая коричневая раскраска фона кессоновъ, прекрасно гармонирующая съ нѣжной цвѣтной раскраской многочисленныхъ фоновыхъ пятенъ свода, гдѣ преобладаютъ декоративные мотивы имитирующіе бронзу. Достигнута монументальность и здѣсь, и, кажется, нѣтъ лучшей комнаты во всемъ дворцѣ, гдѣ все такъ выдержано, все такъ изящно, что даже печи выдержаны въ стилѣ и поражаютъ своей удивительной красотой и изяществомъ (рис. 67—69). Особенно поражаетъ здѣсь выработанность и тонкость орнаментаціи свободно и легко стелящихся по стѣнамъ и своду (рис. 66). Самый обширный во всемъ дворцѣ зеркальный залъ предназначался вѣроятно для танцевъ и концертовъ. Помѣщеніе для оркестра очень удобно устроено на хорахъ на уровнѣ верхняго свѣта, съ короткой стороны залы, т.-е. въ третьемъ этажѣ дворца. Помѣщеніе 16-е связанное съ зеркальнымъ и круглымъ залами, служитъ переходомъ къ интимной половинѣ 2-го этажа и имѣетъ выходъ на балконъ портика, обращеннаго къ парку. Очевидно, это главная парадная гостиная (табл. LVII). Сплошь обработанная скульптурными панно, скульптурными орнаментальными фризами и сочными лѣпными сандриками надъ дверьми, она имѣетъ двѣ печи и каминъ и несомнѣнно была украшена матерчатой обивкой. пышностью и уютомъ вѣтъ и сейчасъ отъ этого восхитительнаго, но уже разгромленнаго покоя. Почти совсѣмъ разобранъ

¹⁾ Ближайшее сходство съ Лялическимъ изображеніемъ Екатерины II находимъ въ портретѣ Императрицы кисти Левицкаго, принадлежащемъ кн. А. В. Барятинскому и находящемуся въ его имѣніи Ивановскомъ, Курской губерніи. Разница въ портретахъ заключается лишь въ обратномъ размѣщеніи фигуры и аксессуаровъ, гдѣ Императрица является уже съ правой протянутой рукой. Смотри: „Русские портреты XVIII и XIX столѣтій“. Томъ II, стран. 1. Изданіе Вел. Кн. Николая Михайловича.

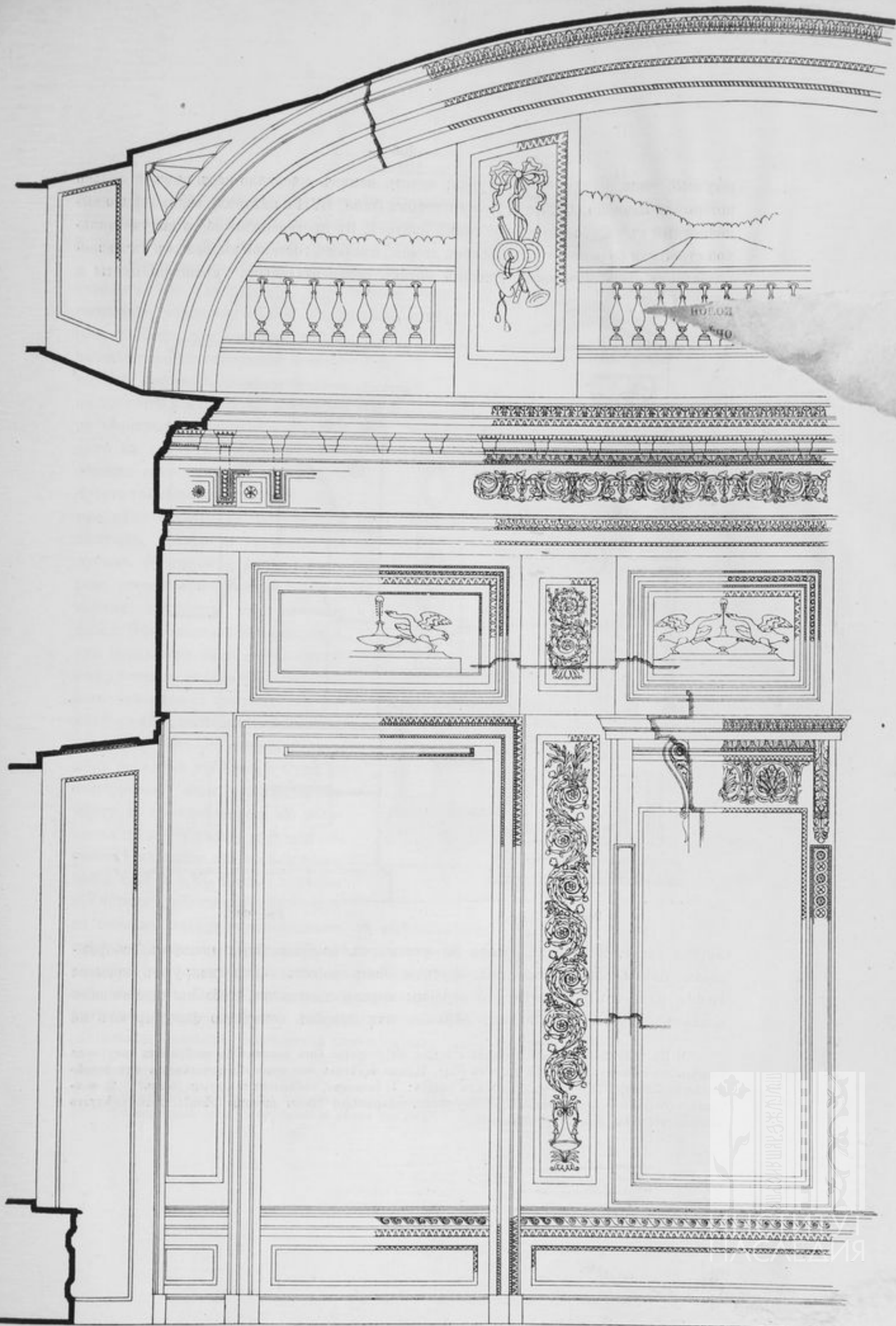

Рис. 66.

штучный полъ прекраснаго рисунка; исчезъ каминъ и зеркало надъ нимъ и сильно потерпѣли печи, но почти цѣлъ еще плафонъ (табл. LVII и цвѣтная), великолѣпно выполненный въ нѣжно-фіолетовой гаммѣ цвѣтовъ. Въ противоположность монументальной строгости большинства плафоновъ дворца, плафонъ гостиной выдержанъ въ жизне-радостномъ, веселомъ тонѣ. Главный мотивъ орнаментальныхъ украшеній, цвѣты и

КОЛОНЫ
ОРЪ

Рис. 67.

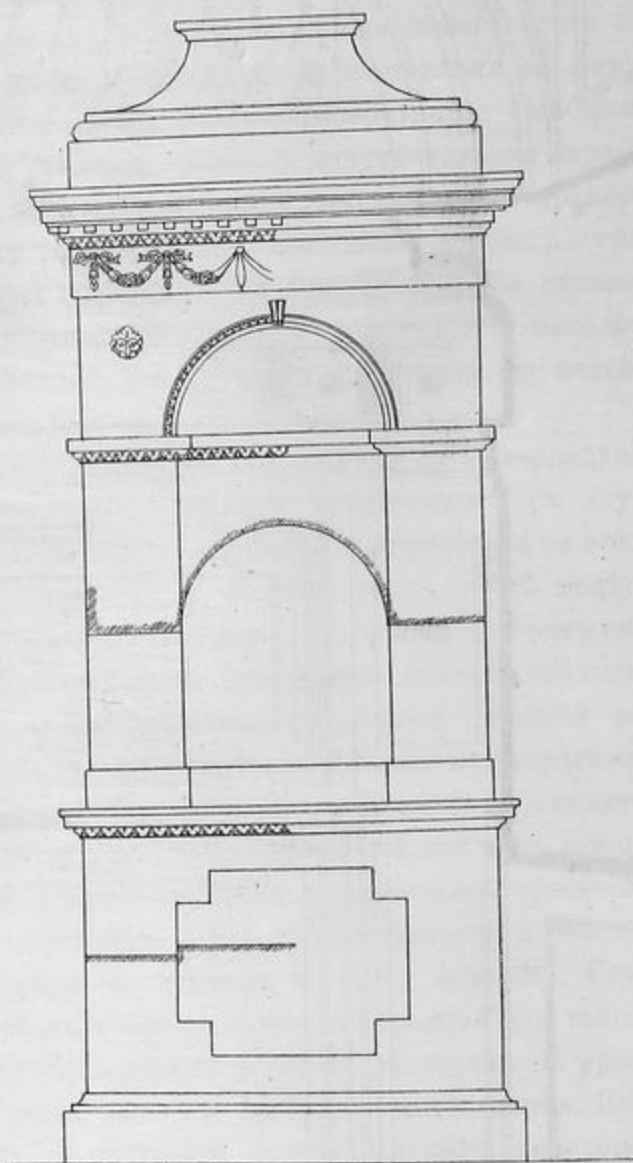

Рис. 68.

листья лавра. Четыре медальона по угламъ съ изображеніями женщинъ, собирающихъ цвѣты, снопы пшеницы, фрукты, быть можетъ, символизируютъ времена года¹⁾, или, что вѣроятнѣе, это эмблемы мира и довольства. Эмблемы мира въ видѣ знаменъ и пушекъ перевитыхъ вѣнкомъ изъ лавровъ совмѣстно фигурируютъ на

¹⁾ Къ сожалѣнію сюжетъ четвертаго медальона утерянъ. Онъ долженъ бы изображать зиму, если считать эти сюжеты за эмблемы временъ года. Нужно замѣтить, что непоследовательность ихъ размѣщенія необычна. Круговой порядокъ ихъ таковъ: 1) женщина, собирающая фрукты (осень?), 2) женщина, собирающая цвѣты (весна?), 3) женщина, собирающая снопы пшеницы (лѣто?), далѣе слѣдуетъ изображеніе зимы (сюжетъ утерянъ).

плафонъ и повторены четыре раза по сторонамъ между медальоновъ. Очень жаль, что отъ скульптуръ надъ дверями не уцѣлѣло ни куска; онѣ могли бы пояснить и пополнить аллегорическій смыслъ цѣлаго.

Слѣдующее помѣщеніе 17-е характеромъ убранства принадлежитъ къ полуинтимнымъ. Это или будуаръ, или, вѣрнѣе вторая гостинная, (табл. LVIII). Изыячно спокойное убранство стѣнъ¹⁾, великолѣпно отгѣняетъ красочно сильный монументальный плафонъ (см. цвѣтныя табл.), эмблематически говорящій о могуществѣ и славѣ²⁾. Помѣщеніе 18-е, по простотѣ и изыацеству убранства по назначенію ближе всего подходитъ къ спальнѣ (табл. LXI). Своеобразно каннелированный фризъ и просто трактованный плафонъ, дающіе нѣжное сочетаніе розоваго съ желтымъ, прекрасно отгѣнены голубымъ бордюромъ, на фонѣ котораго расположены изыачно нарисованныя пальметты (см. цвѣтныя табл.). Нѣсколько особнякомъ, какъ отъ парадныхъ такъ и отъ интимныхъ комнатъ находится небольшое заканчивающееся полукругомъ помѣщеніе 19-е, сообщающееся черезъ переходы, какъ со спальней такъ и съ парадной лѣстницей. Судя по занимаемому этимъ помѣщеніемъ мѣсту и, въ особенности по деликатно тонкой и нѣжно изыацной обработкѣ, вѣроятно, это былъ будуаръ (табл. LIX и LX). Мягкое освѣщеніе черезъ единственное окно-дверь на балконъ лоджіи обусловливаетъ тѣ нѣжно свѣтлые тона декоративной обработкѣ стѣнъ, гдѣ преобладаютъ цвѣта бѣлый и тѣмный сѣрый. На этомъ фонѣ рисуется изыацная скульптура и красочно декоративныя растенія панно прелестно отгѣняющія ихъ нѣжность. Особое вниманіе обращаетъ изыацно декоративно скульптурная орнаментация пилястръ-лопатокъ, гдѣ среди перевитыхъ гирляндъ лавровыхъ или помаранцевыхъ листьевъ размѣщены камеи,—увы, давно уже исчезнувшія, также какъ

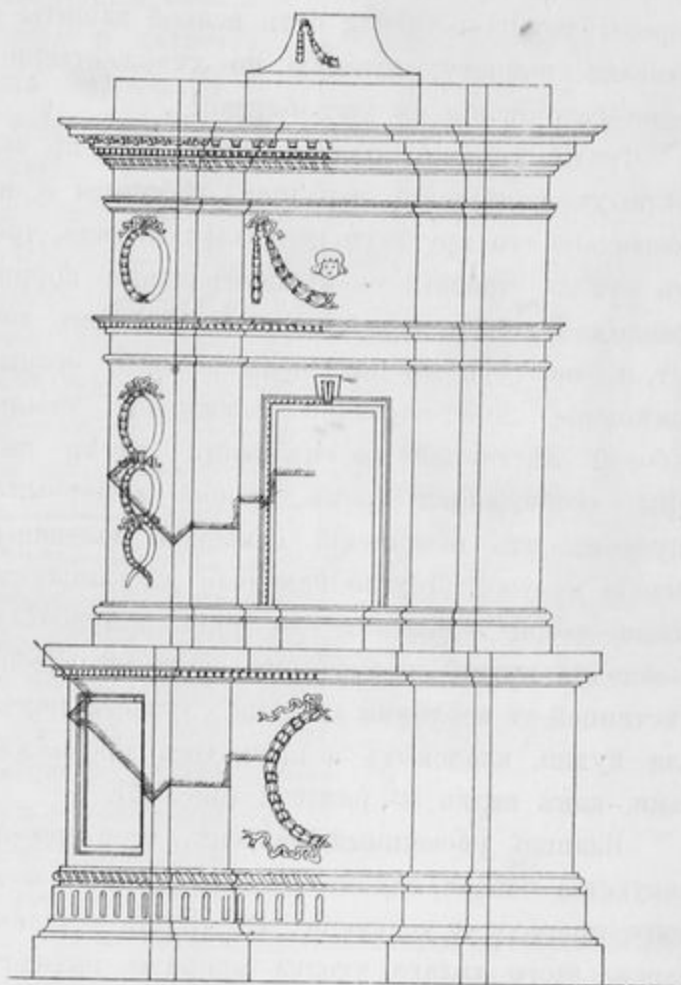

Рис. 69.

¹⁾ Возможно, конечно, что скромная гладь стѣнъ когда то была одѣта матеріей.

²⁾ Одноглавые орлы съ церунами и вѣнка изъ лавра и дуба.

и вся скульптура, когда то украшавшая панно надъ нишами, а также и надъ дверями расположенная на нѣжно-зеленомъ фонѣ¹⁾.

Гармонично нижняя окраска стѣнъ будуара великолѣпно оживлена сильно написаннымъ плафономъ (табл. LX и цвѣтныя), гдѣ выдержанное сочетаніе розового съ зеленымъ отѣнено красочно-синимъ фономъ полукруга плафона, на которомъ рисуется большой вѣнокъ изъ розъ. Къ сожалѣнію совершенно утеряна центральная часть разрушающагося плафона. Обвалившаяся кровля съ сѣверной стороны дворца оставила безъ всякой защиты эту обаятельную по декоративнымъ мотивамъ комнату, лучшую по художественности исполненія во всемъ дворцѣ. Время разрушенія ея ужъ близко!...

Третій, верхній этажъ дворца весь въ зависимости отъ расположенія двухъ свѣтныхъ помѣщеній парадной лѣстницы и зеркальнаго зала, а также и пронизывающаго его круглаго центрального зала, чрезъ внутреннія окна котораго свѣтъ изъ купола проникаетъ въ центральные корридоры третьяго этажа. Этотъ этажъ, повидимому, былъ семейнымъ помѣщеніемъ для дѣтскихъ, спаленъ, игръ, занятій и т. п., но тутъ же помѣщены и хоры, открытые въ зеркальный залъ. Отмѣтимъ помѣщеніе 20-е очевидно служившее спальней и сообщавшееся деревянной дубовой лѣстницей со спальнями двухъ нижнихъ этажей²⁾. Каменная лѣстница, сообщающая третій, второй и первый этажи, служила также обычнымъ спускомъ изъ помѣщеній семейной половины въ гардеробную и вестибюль для выхода наружу. Другая каменная лѣстница, съ противоположной стороны третьяго этажа дворца, доходила до полу полуподвала и служила для прислуги и для сообщенія кухни съ буфетомъ около столовой. Полуподвальный этажъ, связанный лѣстницей съ верхними этажами, служилъ помѣщеніемъ для многочисленной дворни, для кухни, кладовыхъ и проч. Онъ продолжается и подъ закругленными корпусами, какъ видно на разрѣзѣ (рис. 65).

Изящно роскошный дворецъ, весь переполненный произведеніями высокаго искусства однако, видимо, не подходилъ къ мечтательному характеру графа, любившаго природу и уединеніе. Въ глуши созданнаго имъ величественно роскошнаго парка, этого тихаго уголка природы, находится зданіе, называемое, по преданію, лѣтнимъ дворцомъ. Строгая серьезная архитектура этого зданія, въ духѣ римскаго дорическаго ордера, указываетъ на серьезность его назначенія. Это не увеселительный охотничій домикъ, скорѣе это домъ отдыха и уединенія. Не здѣсь ли, главнымъ образомъ, проводилъ время изрѣдка наѣзжавшій въ Ляличи графъ? Не даромъ молва зоветъ этотъ домъ лѣтнимъ дворцомъ и не даромъ изрыто все под-

1) Отъ многочисленныхъ камей пилястръ осталось лишь одно полуразбитое изображеніе сидящей фигуры со скипетромъ въ рукѣ. Въ панно надъ нишей уцѣлѣла возлежащая женская фигура съ протянутой рукой.

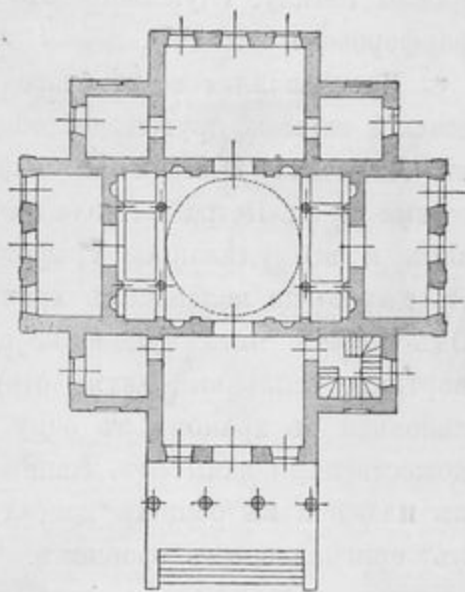
2) Эта лѣстница доходитъ до уровня пола полуподвального этажа хотя выходъ въ него нынѣ не существуетъ. Назначеніе бывшаго ближайшаго отъ спаленъ спуска въ полуподвалъ должно быть объяснено условіями жизни, требовавшей ближайшаго присутствія прислуги во всякое время дня и ночи. Такое ближайшее сосѣдство, на примѣръ, комнаты камердинера отъ спальни или кабинета владѣльца устраивается и нынѣ.

полье дворца въ поискахъ легендарныхъ сокровищъ зарытыхъ графомъ¹⁾. По плану (рис. 70), и группировкѣ помѣщеній лѣтній дворецъ весь рассчитанъ на эффектъ внутренняго центрального помѣщенія, перекрытаго куполомъ и освѣщеннаго верхнимъ свѣтомъ четырехъ большихъ полуциркульныхъ оконъ. Этотъ центральный залъ, расширенный съ боковъ двумя колоннадами, прекрасно отѣняющими довольно сильно освѣщенное помѣщеніе, повидимому, былъ назначенъ для постановки статуи въ центральномъ мѣстѣ²⁾. Центральное помѣщеніе лѣтняго дворца окружено небольшими уютными помѣщеніями, могущими служить жилищемъ; среди нихъ имѣются и антресоли. Дворецъ запущенъ и лишенъ половъ, но цѣлы еще его плафоны, скромно и изящно расписанные преимущественно бордюромъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ лѣтняго дворца находится прелестная ротонда — открытый павильонъ изъ двѣнадцати коринфскихъ колоннъ, несущихъ куполъ (табл. LXX). Здѣсь находилась бронзовая статуя графа Румянцева Задунайскаго. Это «храмъ благодарности» и сюда-то графъ ежедневно приходилъ «поклоняться своему благодѣтелю»³⁾. Павильонъ находится на высокомъ открытомъ мѣстѣ парка и выгодно рисуется на фонѣ зелени. Статуя гр. Румянцева нынѣ находится на площади г. Глухова, гдѣ поставлена на вновь сооруженномъ высокомъ пьедесталѣ съ подобающими надписями⁴⁾. Едва ли въ Ляличахъ она находилась на такой высотѣ. Фигура гр. Румянцева выступаетъ сильнымъ движеніемъ впередъ и своею нѣсколько наклоненной позой требуетъ большого простора⁵⁾. Свѣжее преданіе говоритъ, что въ Ляличскомъ павильонѣ находились монументальныя скамьи. Какъ онѣ были размѣщены и какъ заканчивался платбандъ колоннады нынѣ установить не представляется возможнымъ.

Прелестная бронзовая статуя графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго (табл. LXX), генераль-фельдмаршала и президента Малороссійской Кол-

ПЛАНЪ
ЛѢТНЯГО ДВОРЦА
ВЪ ПАРКѢ УСАДЬБЫ.

2.

Рис. 70.

¹⁾ Народное преданіе, повидимому, по своему объясняло уединенную жизнь графа.

²⁾ Не здѣсь ли находилась мраморная статуя Екатерины II, вывезенная Энгельгардтомъ въ Смоленское имѣніе послѣ покупки имъ Ляличъ у гр. В. П. Завадовскаго. Отъ Энгельгардта статуя перешла къ Д. П. Ознобишину и пожертвована послѣднимъ Академіи Художествъ. Смот. «Русскій Архивъ» 1870 г.

³⁾ Изъ писемъ гр. Завадовскаго къ гр. Воронцову. «Архивъ кн. Воронцова» Кн. XII.

⁴⁾ Статуя изъ Ляличъ была вывезена Энгельгардтомъ въ Смоленское имѣніе, откуда въ 1866 году поступила въ собственность кн. С. П. Голицына, подарившаго ее г. Глухову. Будучи въ то время Черниговскимъ губернаторомъ и почетнымъ гражданиномъ г. Глухова гр. С. П. Голицынъ полагалъ, что памятнику этому подобаетъ находиться въ Глуховѣ, гдѣ находилось главное управленіе Малороссіею и гдѣ гр. Румянцевъ, какъ генераль-губернаторъ, имѣлъ свою резиденцію.

⁵⁾ Это очень замѣтно въ профильномъ положеніи фигуры.

легіи, какъ гласить надпись на новомъ пьедесталѣ, великолѣпная и въ новомъ нынѣшнемъ назначеніи памятника, несомнѣнно была болѣе согласована съ пьедесталомъ и выгодноѣ рисовалась подъ куполомъ изящной колоннады. Статуя гр. Румянцева исполнена изъ бронзы во весь ростъ (3 арш. высоты) въ одеждѣ римскаго воина съ непокрытой головой, опершагося слегка на дерево, къ которому прислоненъ щитъ съ гербомъ графа и девизомъ: «non solum armis». Въ правой рукѣ гр. Румянцевъ держитъ фельдмаршальскій жезлъ, въ лѣвой шлемъ. Въ ногахъ помѣщенъ свертокъ бумагъ, на одномъ изъ которыхъ помѣщена надпись: «Кагулъ, 1770 г., іюля 21 д.» На деревѣ имѣется надпись, указывающая, что памятникъ проектировалъ Н. А. Львовъ, почетный членъ Академіи Художествъ, модель сдѣлана профессоромъ и академикомъ скульптуры Рашеттомъ, отливалъ статую изъ бронзы Гатклу, служившій въ то время модельнымъ мастеромъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ¹⁾.

Прославляя «своего благодѣтеля» гр. Румянцева и Императрицу графъ Завадовскій нашелъ другой достойный способъ увѣковѣчить ихъ память, соорудивъ въ Ляличахъ вышеупомянутый храмъ въ честь св. Екатерины съ придѣломъ во имя св. ап. Петра и Павла (табл. LXVII—LXIX и рис. 71). Прелестный и изящный, какъ и все сдѣланное графомъ, храмъ отличается оригинальной архитектурой. Въ далеко не маленькомъ храмѣ²⁾ сдѣлано все, чтобы придать ему грандіозность. Онъ имѣетъ пять куполовъ, обширный восьмиколонный, своеобразно рѣшонный портикъ, усиленный двумя открытыми колоннадами съ боковъ, объединяющими колокольни съ храмомъ въ одну изысканную широко раскинувшуюся группу. Художественный замыселъ, давшій такъ много мѣста декоративнымъ формамъ храма въ планѣ и въ общихъ массахъ³⁾, едва ли вызванъ прихотью или стремленіемъ къ оригинальнымъ формамъ. При широтѣ искусственного насажденія природы кругомъ дворца среди окрестныхъ, почти лишенныхъ значительной растительности холмовъ, храмъ, связанный съ дворцомъ аллей, въ сущности находился въ невыгодномъ положеніи, рисуясь, главнымъ образомъ, среди открытой мѣстности прилегающихъ полей. Подавляющая ихъ обширность, повидимому, и заставила дать видную величину торжественной группѣ храма. Самый храмъ по плановой идеѣ простъ, представляя квадратъ подготовленный для постановки пяти куполовъ, въ центрѣ и по угламъ. Къ нему съ востока примыкаетъ алтарный абсидъ съ палатками, а съ запада обширный портикъ. Боковыя колоннады самостоятельны и не имѣютъ съ храмомъ никакой служебной связи. Внутри храмъ производитъ поражающій и неожиданный эффектъ (табл. LXVII). Изъ колоссальныхъ восьми оконъ трибуны купола врывается, въ сравнительно слабо освѣщенный нижними окнами храмъ, ослѣпительный свѣтъ, прозрачно до мелочей освѣщая изысканно благородную архитектуру. Свѣтъ льется по стѣнамъ по всюду и достигаетъ алтарной глубины (табл. LXIX), гдѣ изъ-за скромной архитектуры иконостаса мощно выдвигается

¹⁾ «Черниговская памятка» за 1898—1899 г.

²⁾ Діаметръ главнаго купола по наружи имѣетъ 6 сажень.

³⁾ Сюда нужно присовокупить и массивы святыхъ воротъ почти разрушенной ограды.

новая затѣя — величественная сѣнь (киворій) надъ престоломъ ввидѣ храма славы. Шестнадцать пышныхъ коринфскихъ каннелированныхъ колоннъ, составляя четыре портика, несутъ высокій открытый аттикъ, перекрытый купольной сферой. Любимый свѣтъ проникаетъ сквозь окна аттика внутрь алтаря къ престолу... Къ сожалѣнію онъ не достигаетъ зенита сферы сѣни, повидимому, изображающей вселенную, и не освѣщаетъ вздымающейся рѣзной фигуры Христа съ высоко поднятой хоругвью

ХРАМЪ ВО ИМЯ ВЪСКИ: СЛАВНЫ.

освященъ въ 1797 г.

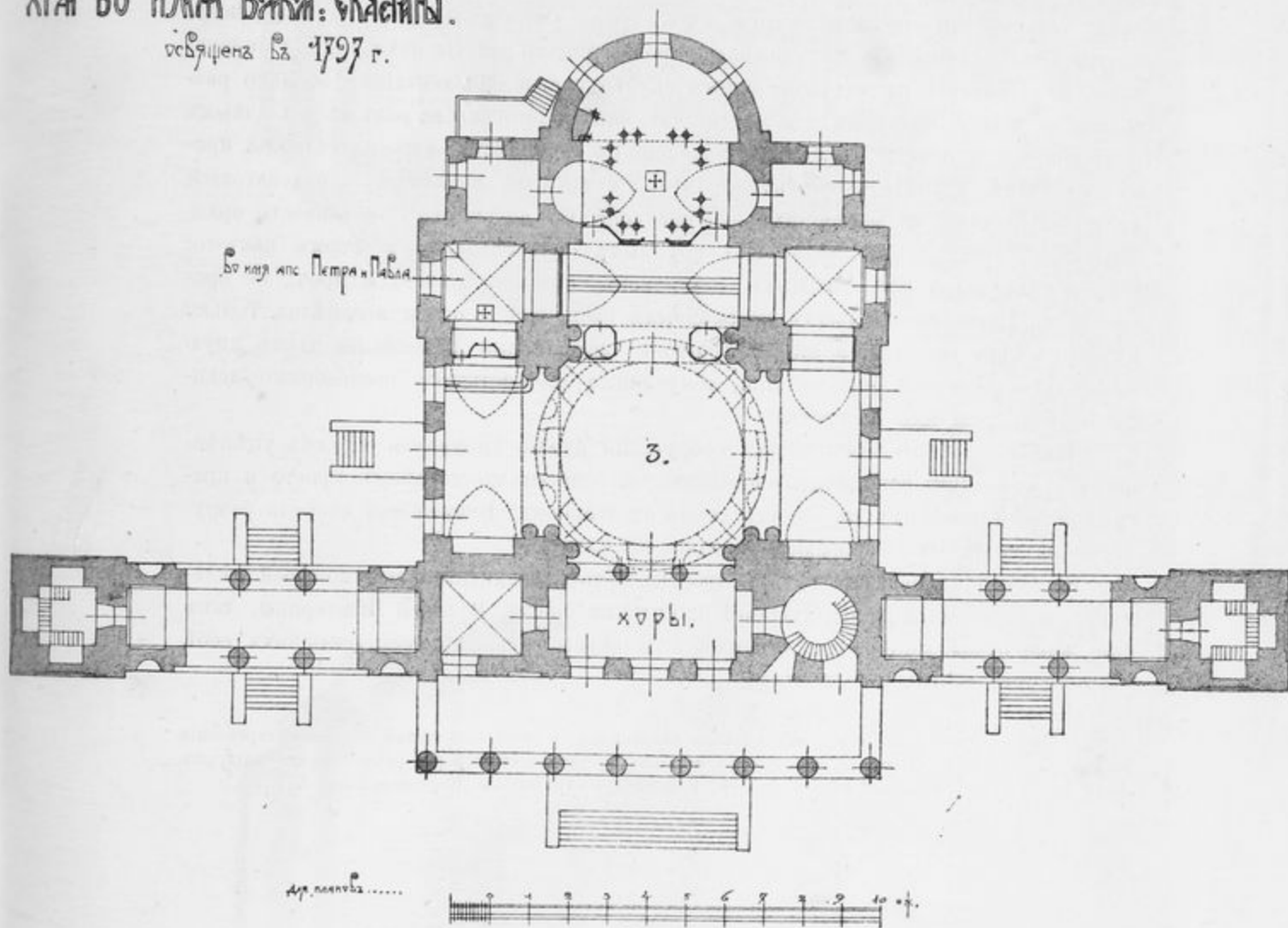

Рис. 71.

и пальмой въ рукѣ — эмблемой мира. Свѣтъ не достигаетъ и свода алтаря и остальныхъ всѣхъ сводовъ.

Повидимому, стѣнной живописи не предполагалось дать обширнаго значенія. Стѣны и своды выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и кое-гдѣ мѣстами на нихъ виднѣется скромная но изящная живопись академической школы. Такова же живопись иконъ иконостаса исполненная на холстѣ. Въ мѣстной иконѣ Богоматери преданіе

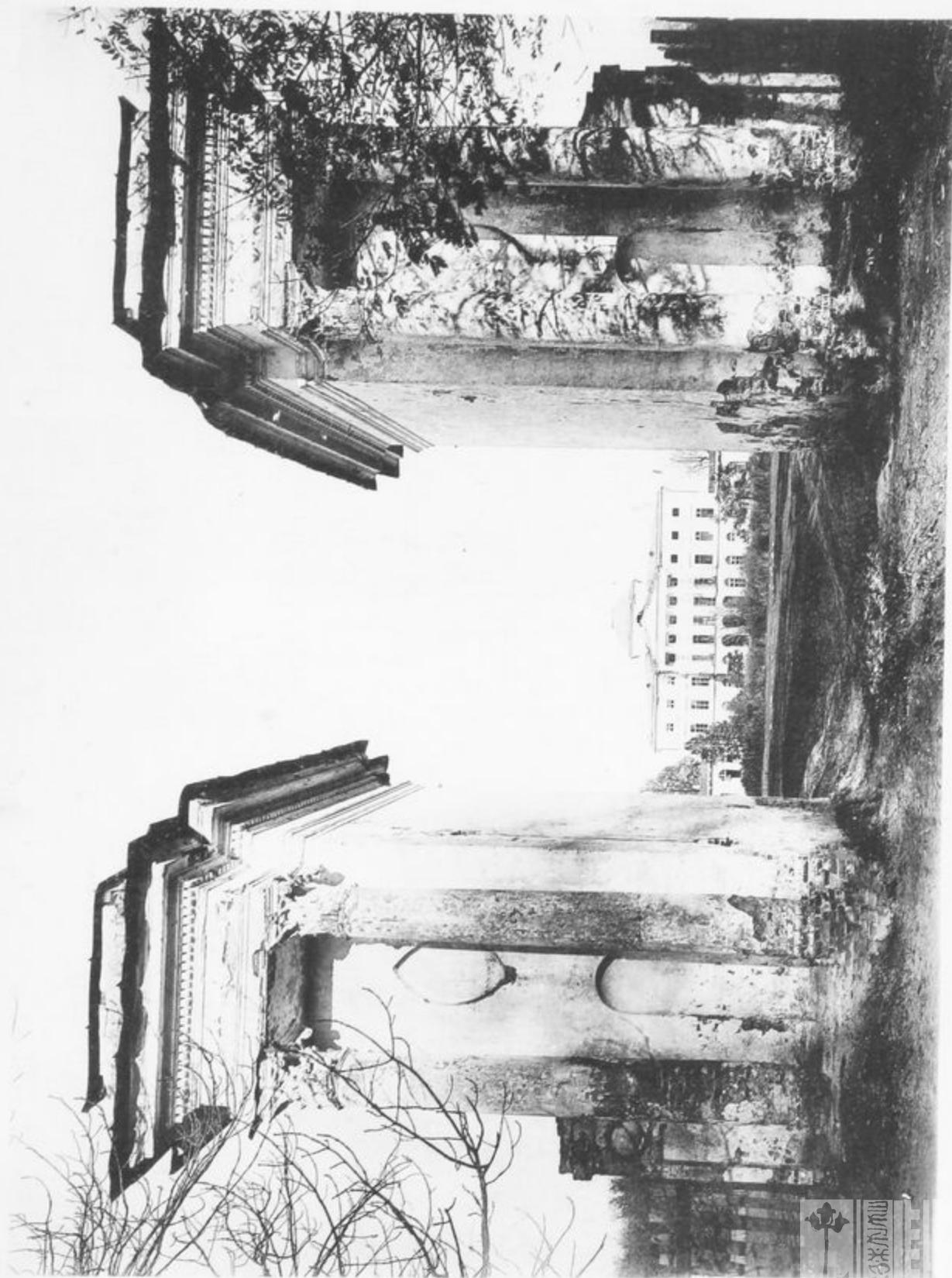
видитъ портретное изображеніе супруги гр. Завадовскаго, а въ окружающихъ Богоматерь пяти херувимахъ, безвременно скончавшихся дѣтей Завадовскаго¹⁾. Внутри храмъ поддерживается въ исправности, но снаружи онъ сильно запущенъ. Обвалившаяся штукатурка обнажила кирпичную кладку, бурья пятна которой нарушаютъ покой торжественно монументальной глади стѣнъ и умаляютъ чистоту формъ колоннъ и архитектурныхъ линий.

Бросая взглядъ на многочисленныя наружныя и внутреннія декораціи Ляличскихъ сооруженій отмѣтимъ, что графъ, тратя «многія тысячи» на сооруженіе дворца, былъ экономенъ, а художникъ, производившій работы, находчивъ и талантливъ. Всматриваясь въ многочисленныя скульптурныя орнаментаціи, обильно разсыпанныя всюду, находимъ что многія изъ нихъ повторены не разъ въ различныхъ помѣщеніяхъ и отлиты съ однѣхъ моделей. Но комбинаціи ихъ размѣщеній продѣланы такъ изумительно искусно, что не замѣтно никакихъ шероховатостей въ пропорціяхъ и ни малѣйшихъ диссонансовъ въ ансамблѣ. Одинаковость орнаментовъ и, притомъ, иногда довольно крупныхъ орнаментальныхъ формъ какъ-то: коринѣскихъ капителей, дверныхъ сандриковъ, фризівъ, панно и проч., не бросается въ глаза, не вызываетъ невыгодныхъ сравненій и почти незамѣтна. Только путемъ обмѣра выясняется это тождество и часто, новыя комбинаціи даютъ иную прелесть повторенной орнаментаціи, чему также способствуетъ разнообразіе декоративно цвѣтная ихъ раскраска.

Заключая обзоръ Ляличскихъ сооруженій нужно упомянуть еще объ уцѣлѣвшихъ помѣщеніяхъ обширныхъ конюшенъ, съ башнями по сторонамъ, просто и красиво скомпактованныхъ въ одномъ стилѣ съ дворцомъ. Ближайшая очередь разрушенія за ними. Ихъ собираются продать на сломъ...

На долго ли переживетъ ихъ дворецъ? этотъ восхитительный по своей цѣльности значительный архитектурный памятникъ эпохи Великой Екатерины, такъ еще живо отражающій бытъ, стремленія и вкусы вельможъ, устраивавшихъ себѣ «независимое деревенское житье».

¹⁾ Ихъ смерть вселила графу еще большее отвращеніе къ столичной жизни и усилила стремленіе къ природѣ и покою. «Никогда мнѣ столько не былъ противенъ сей городъ, какъ теперь... пятерыхъ дѣтей приношу ему въ дань» пишетъ онъ гр. Воронцову. «Архивъ кн. Воронцова» кн. XII.

Фотография Отто Ренар, Москва

Ляличи. Ворота.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Цита Краеведческой
и Музейной работы

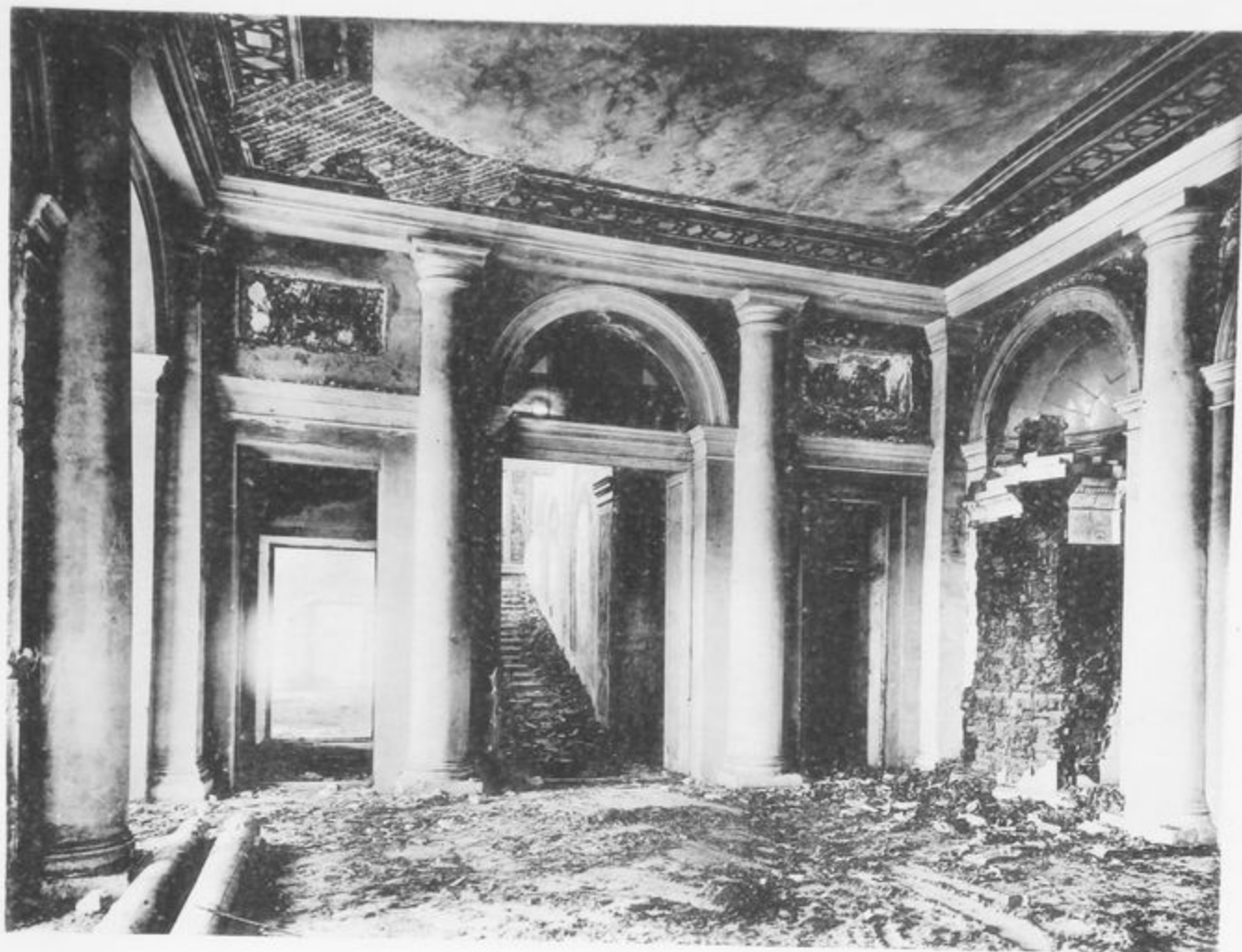
Фасадъ со стороны парка.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Вестибюль.

Фотограв. Отто Ренаръ, Москва

Ляличи. Боковой фасадъ дворца.

БИБЛИОГНА
НИИ
Музей

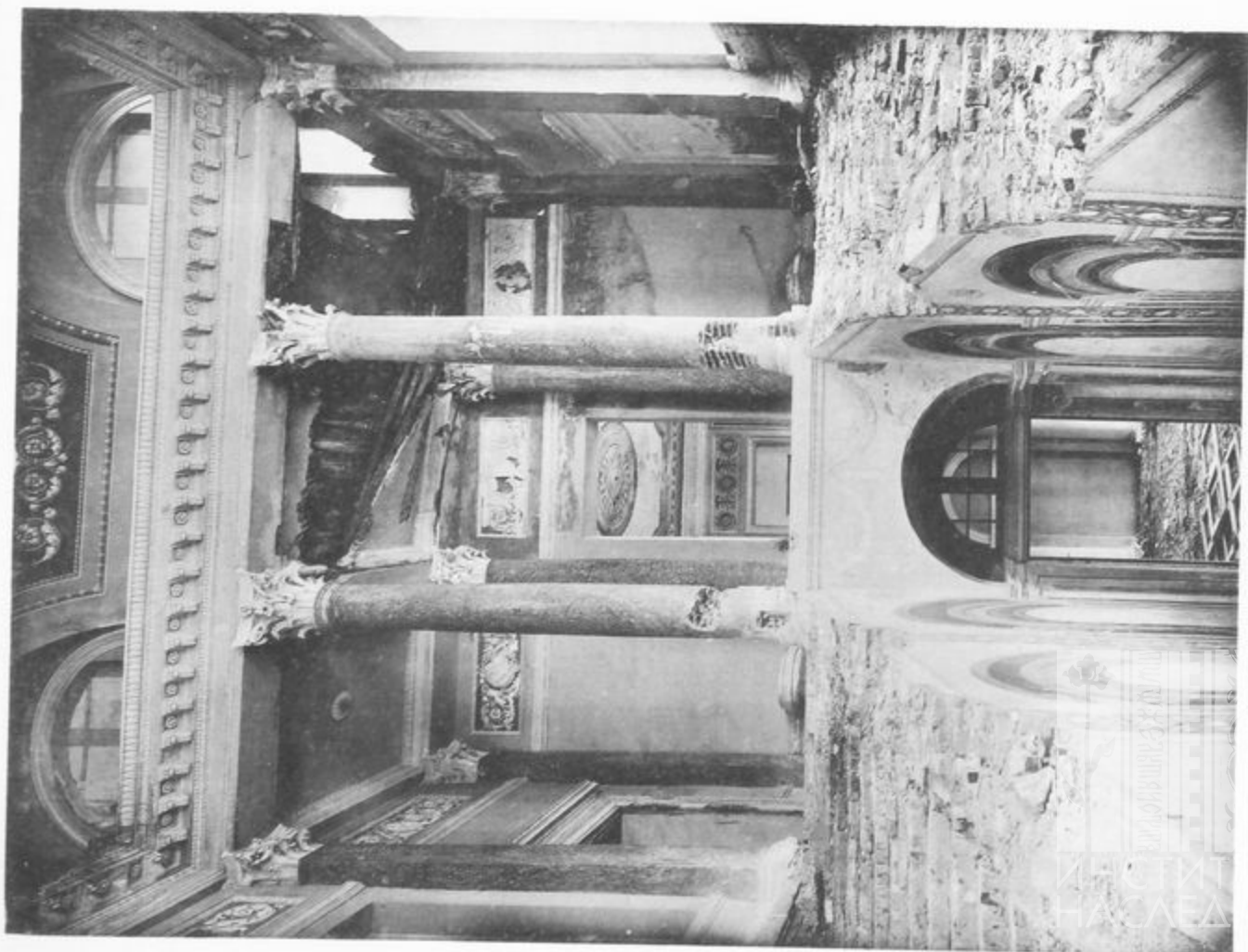
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фотомейстер Отто Ренард, Москва

Видъ парадной лѣстницы съ верхней площадки.

Ляличи.

Видъ парадной лѣстницы съ средней площадки.

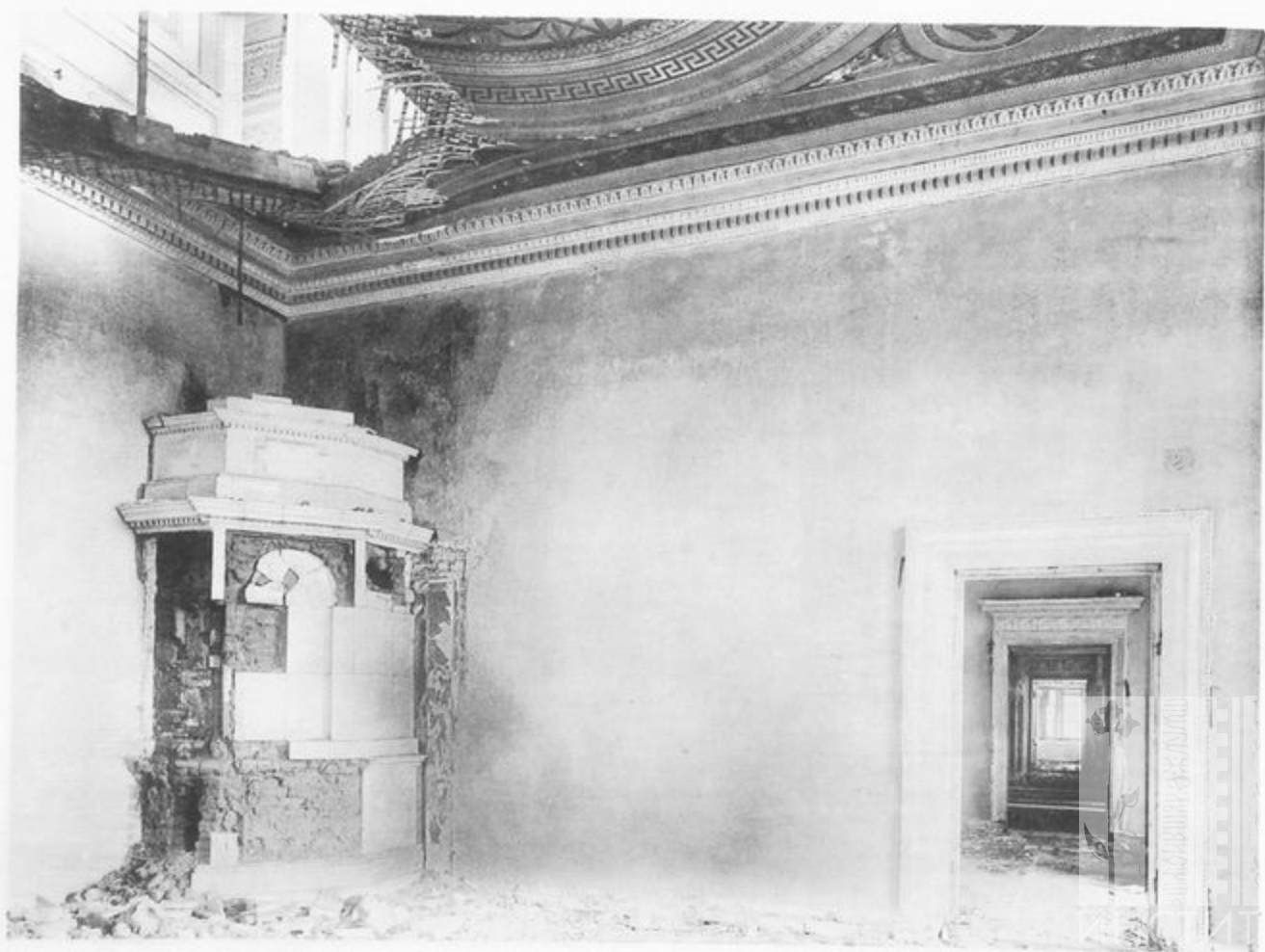
ЦИТИА
НАСЛЕД

Плафонъ кабинета.

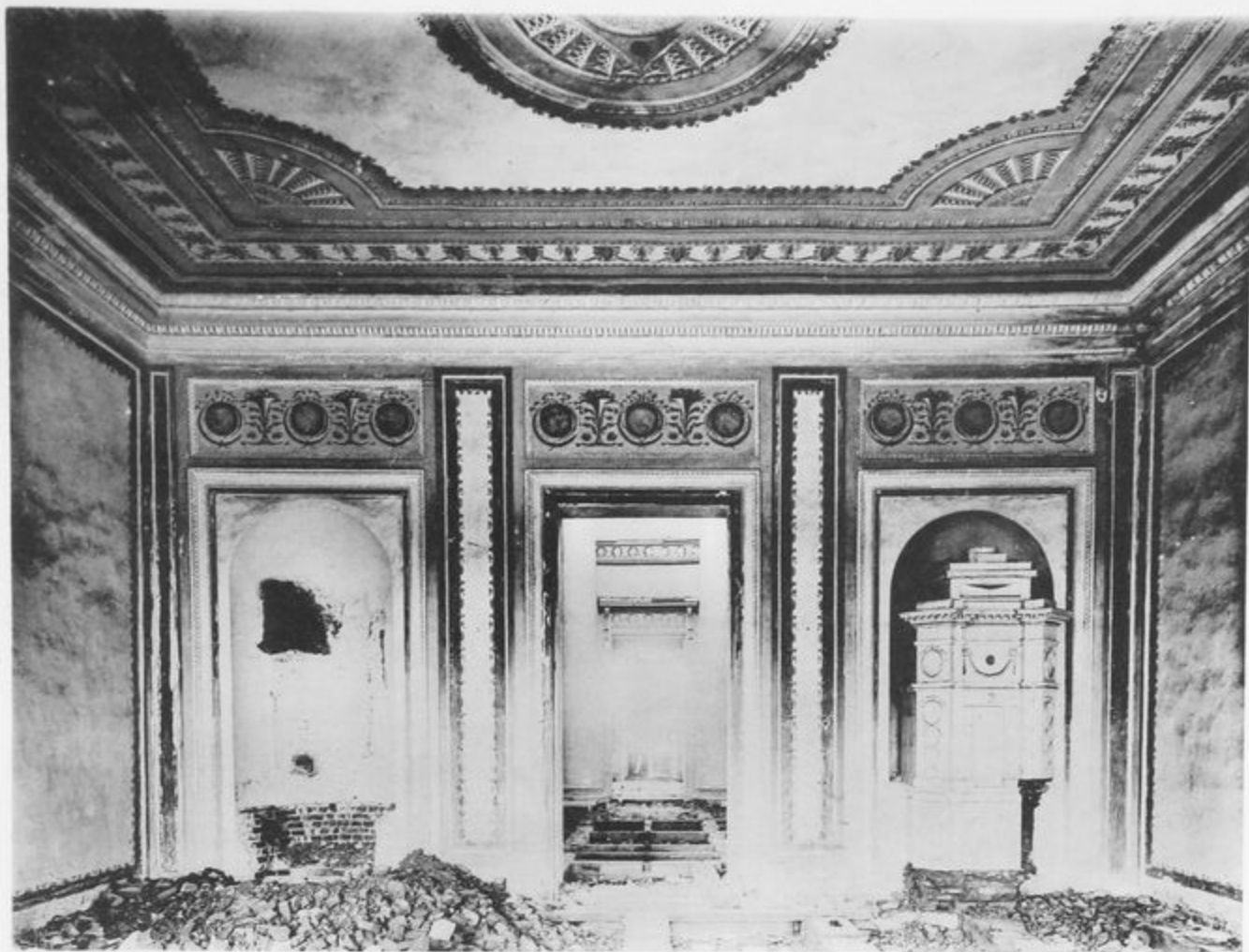

Фототипія Отто Ренара, Москва.

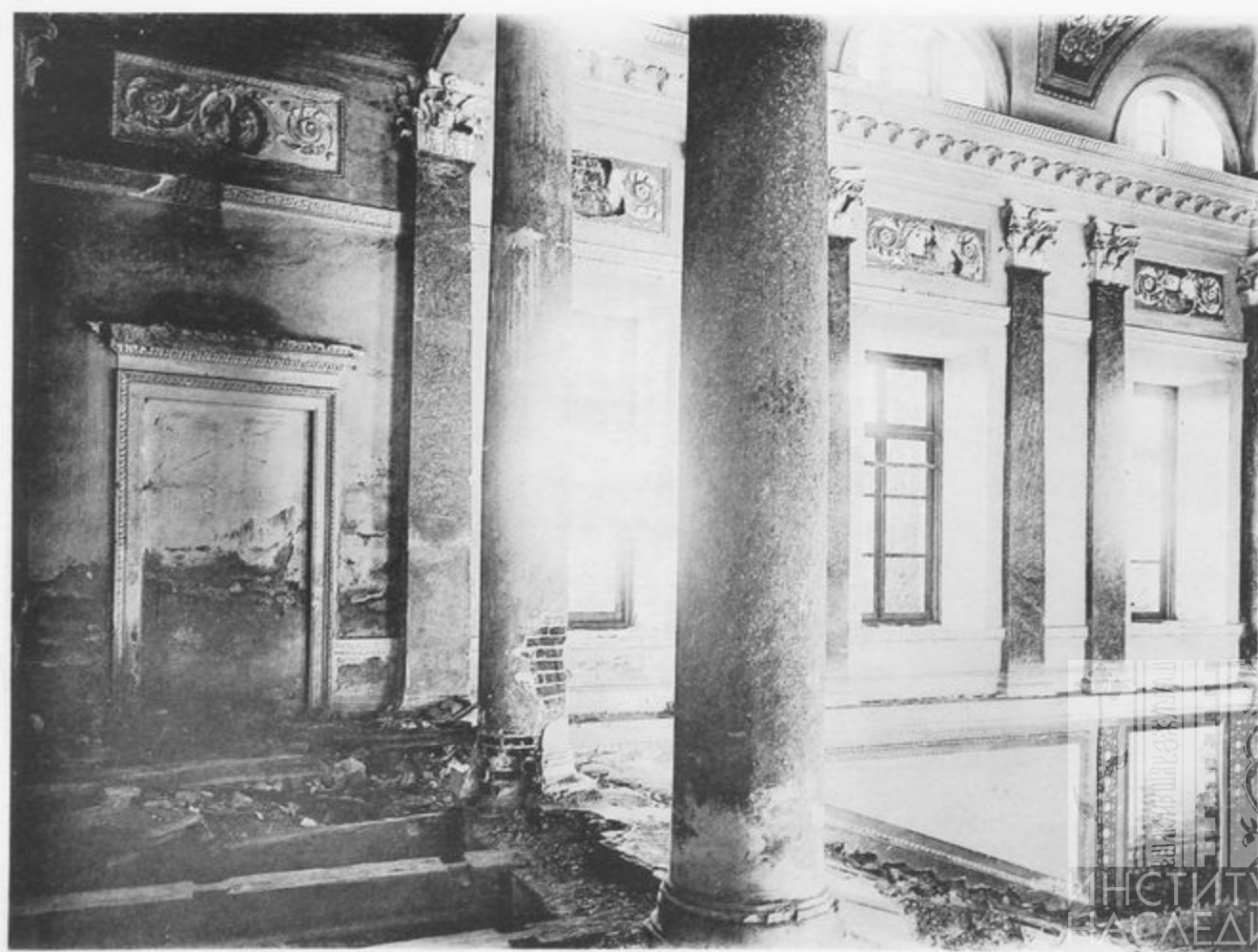
Ляличи. Кабинетъ.

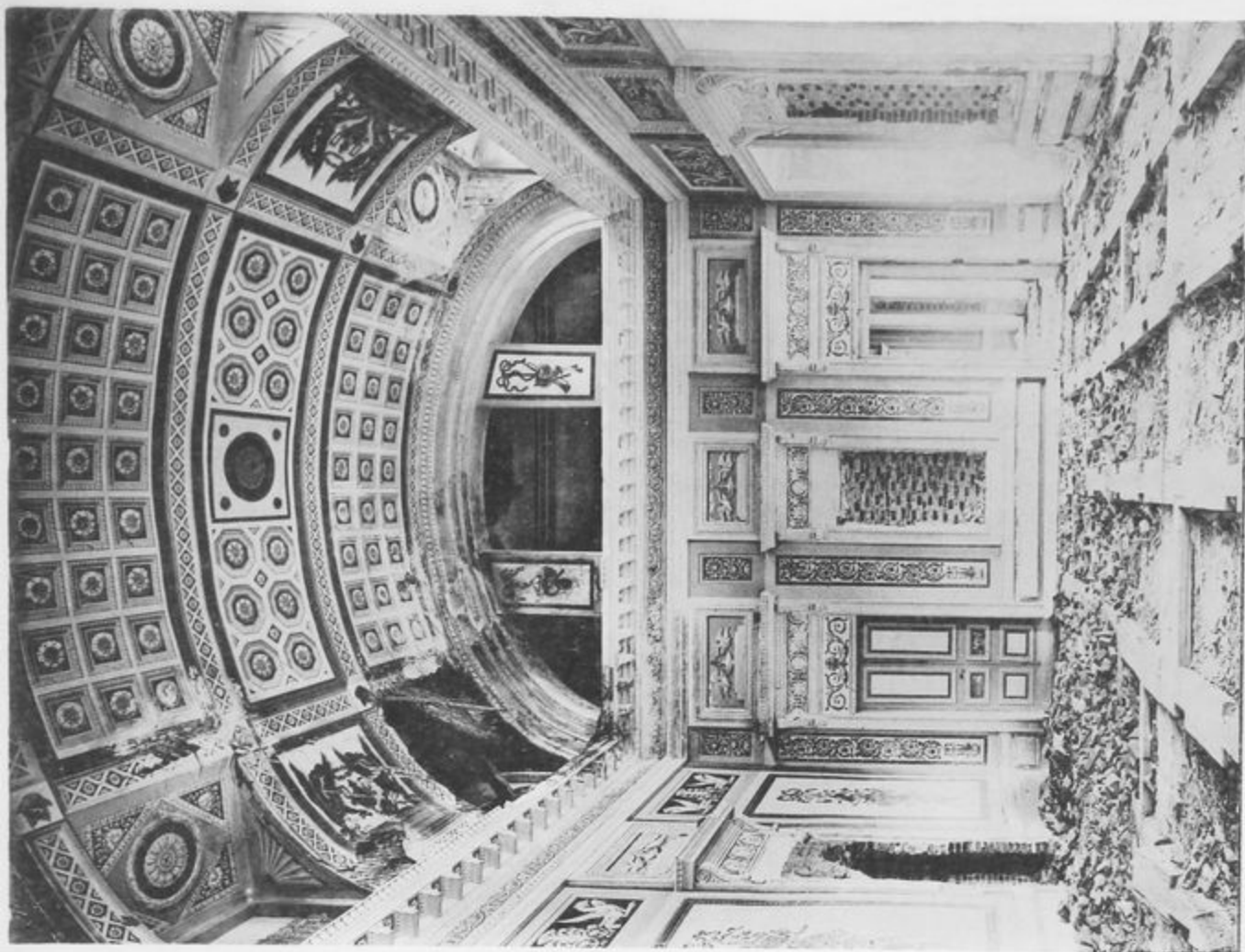
Аванъ—залъ.

Фототипа Отто Ренаръ, Москва.

Ляличи. Видъ на продольную сторону парадной лѣстницы.

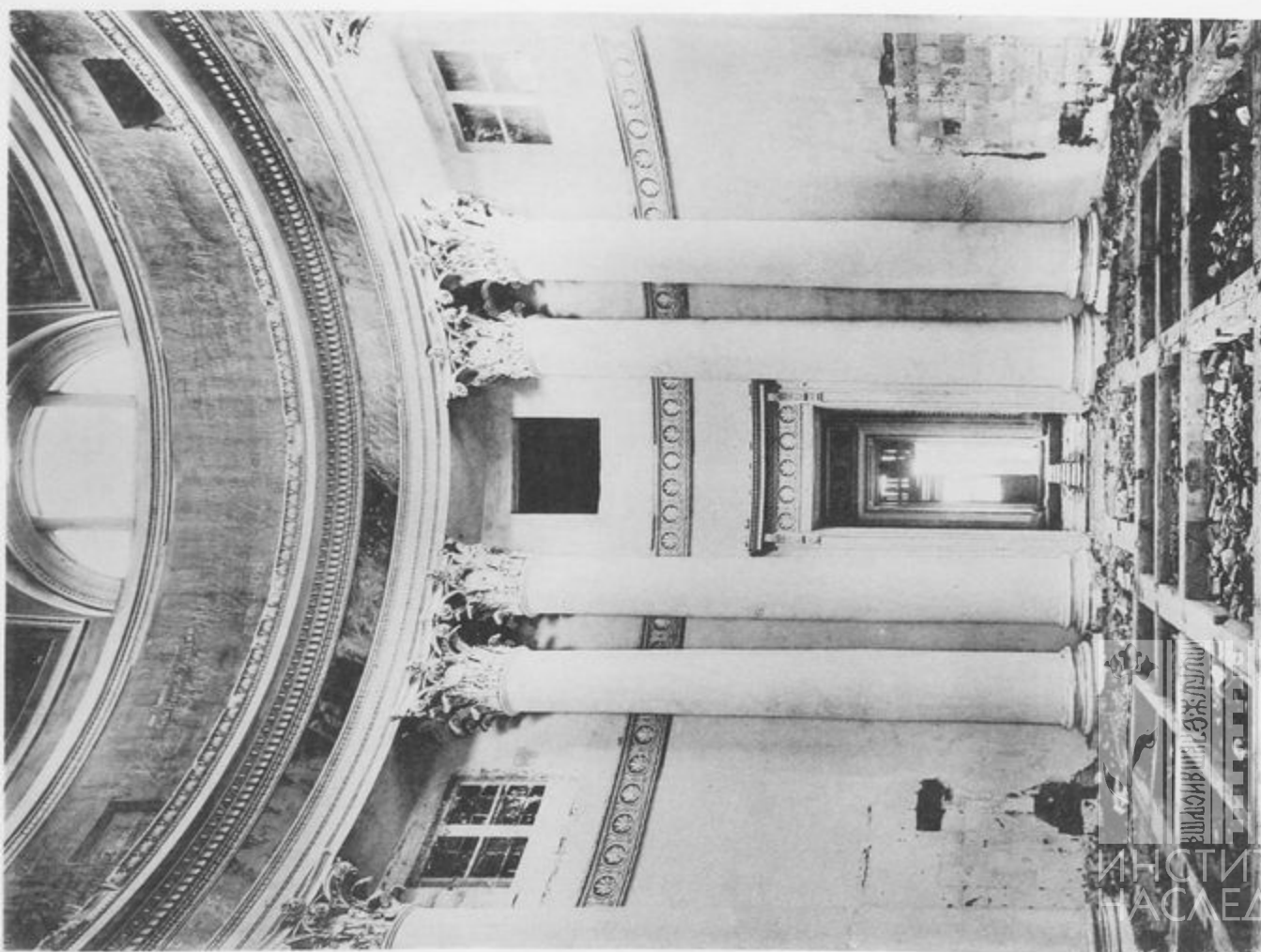

фотограф Otto Renard, Москва

Зеркальный залъ. Видъ на хоры.

Ляличи.

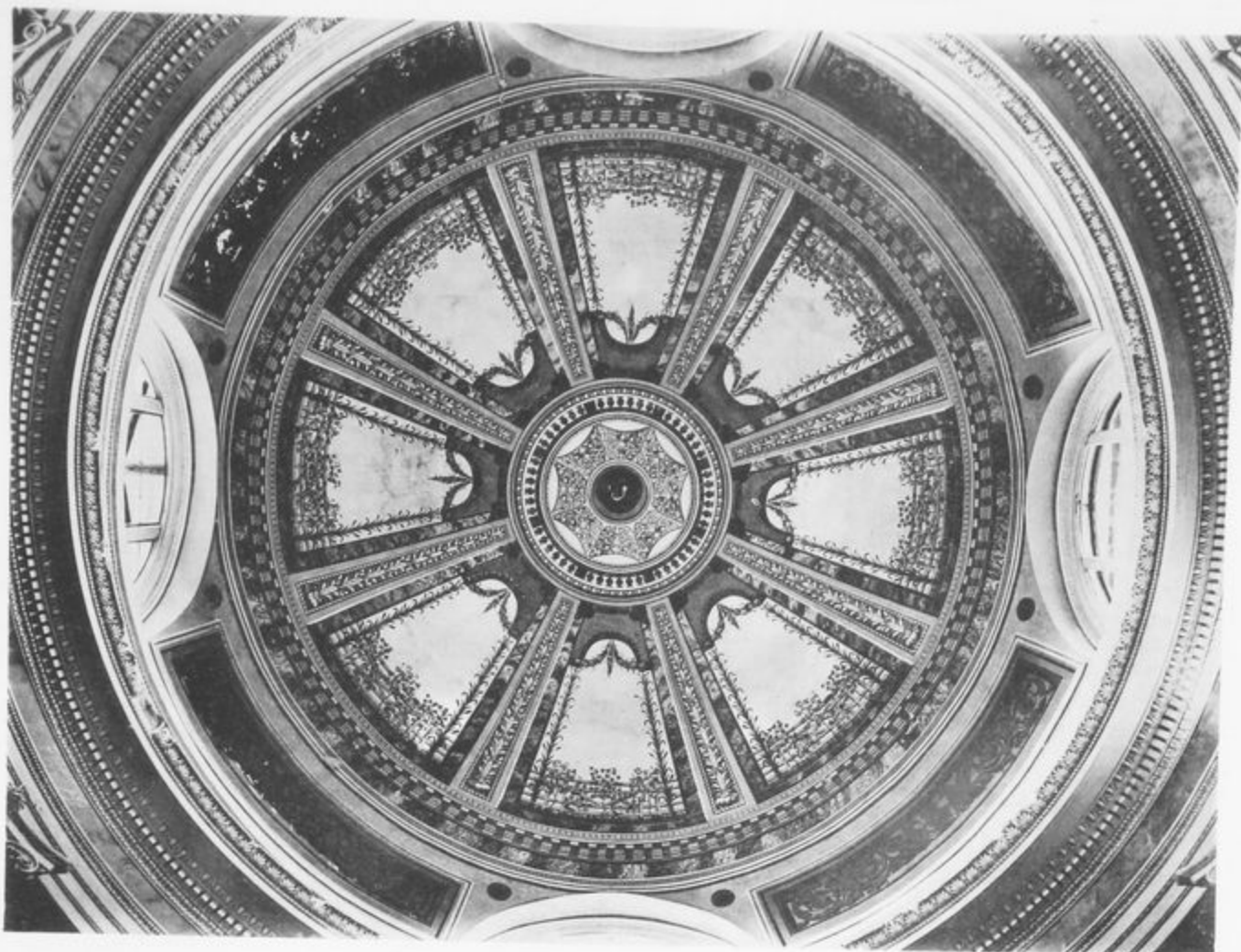

Залъ Ротонда.

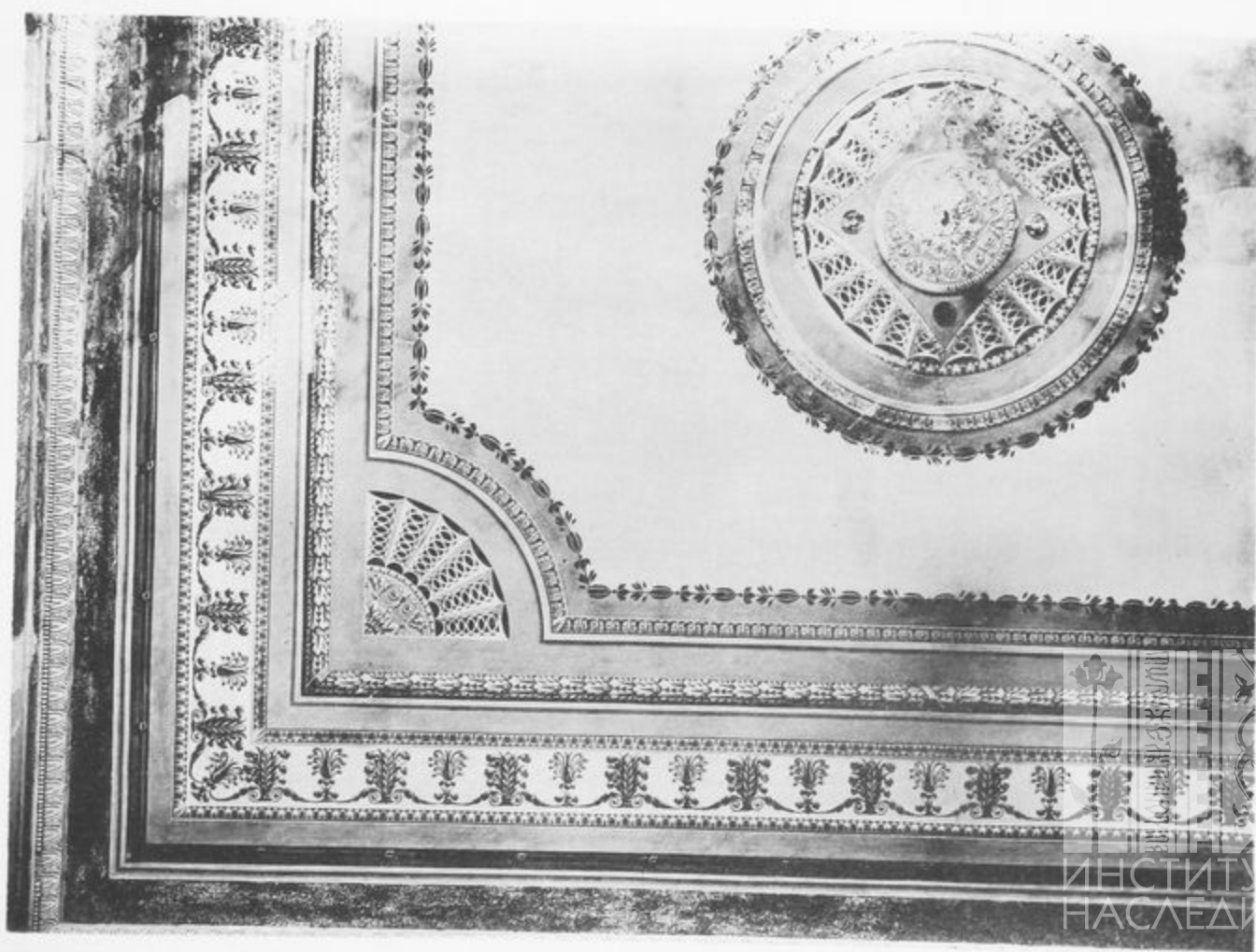

БИБЛИОТЕКА
Историко-археологическая
и Музейная

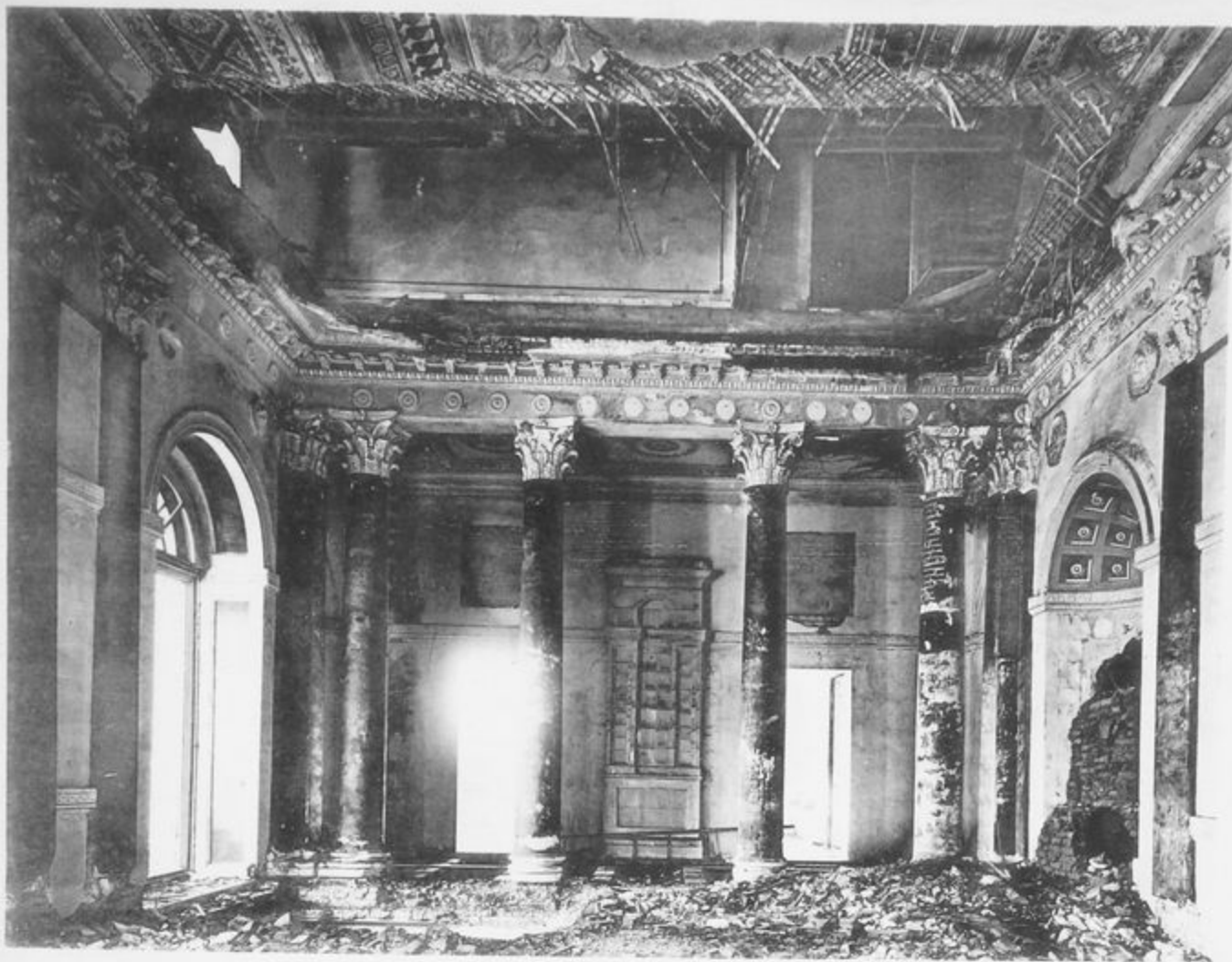
Сводъ—плафонъ ротонды.

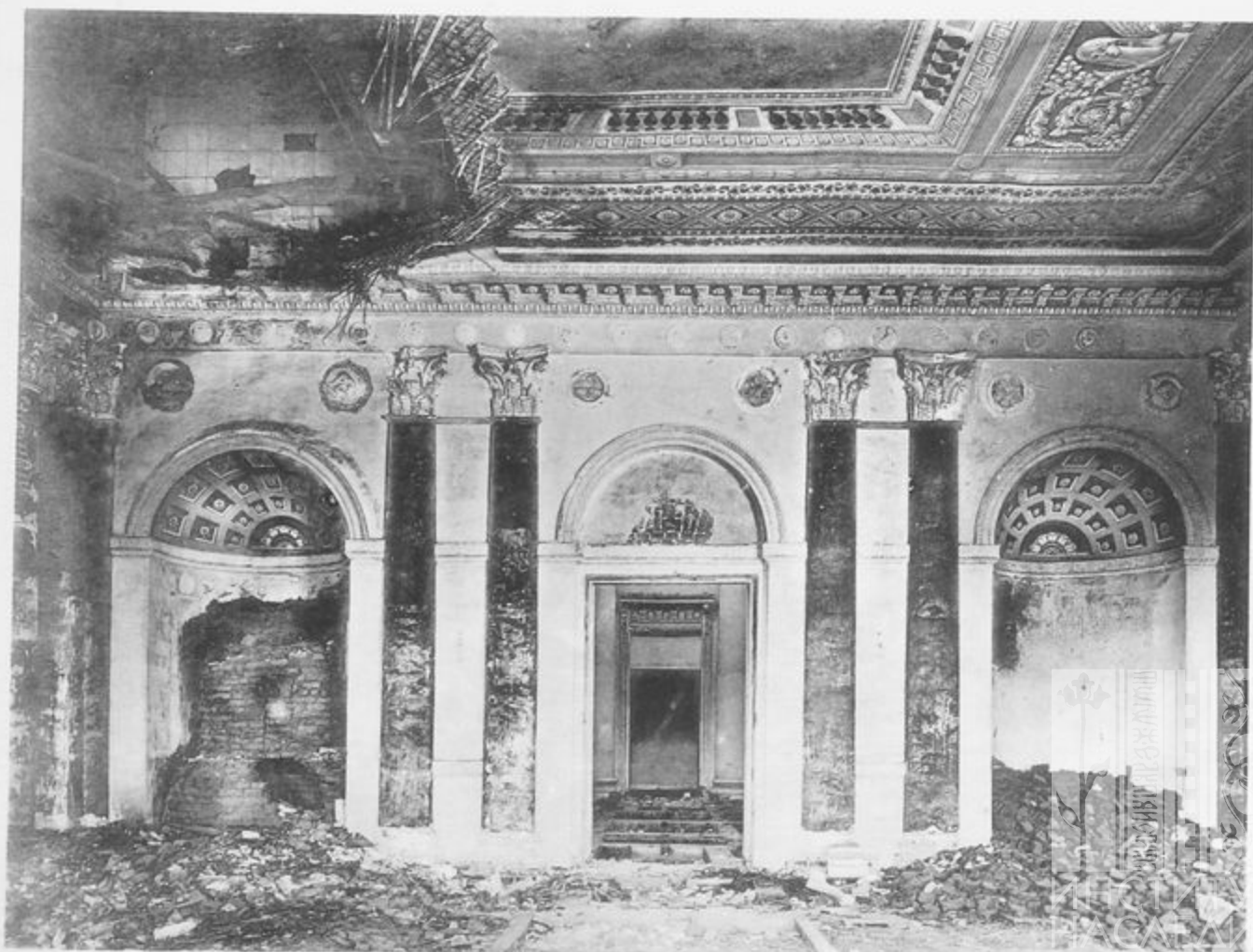
Ляличи. Плафонъ аванъ—зала.

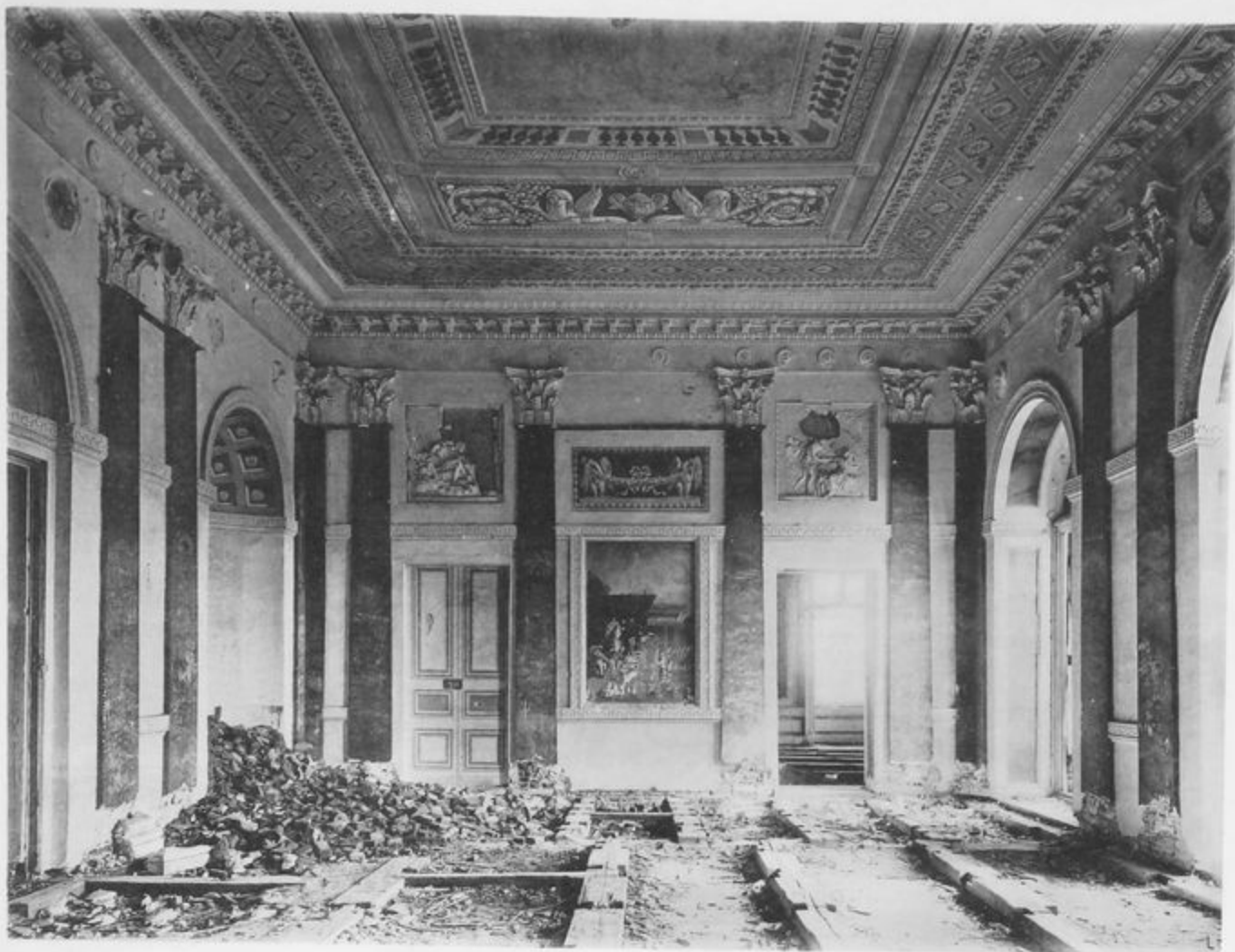
Столовая. Видъ на колоннаду.

Фототипия Осло Ренаръ, Москва.

Ляличи. Столовая со стороны входа.

Столовая. Стѣна съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

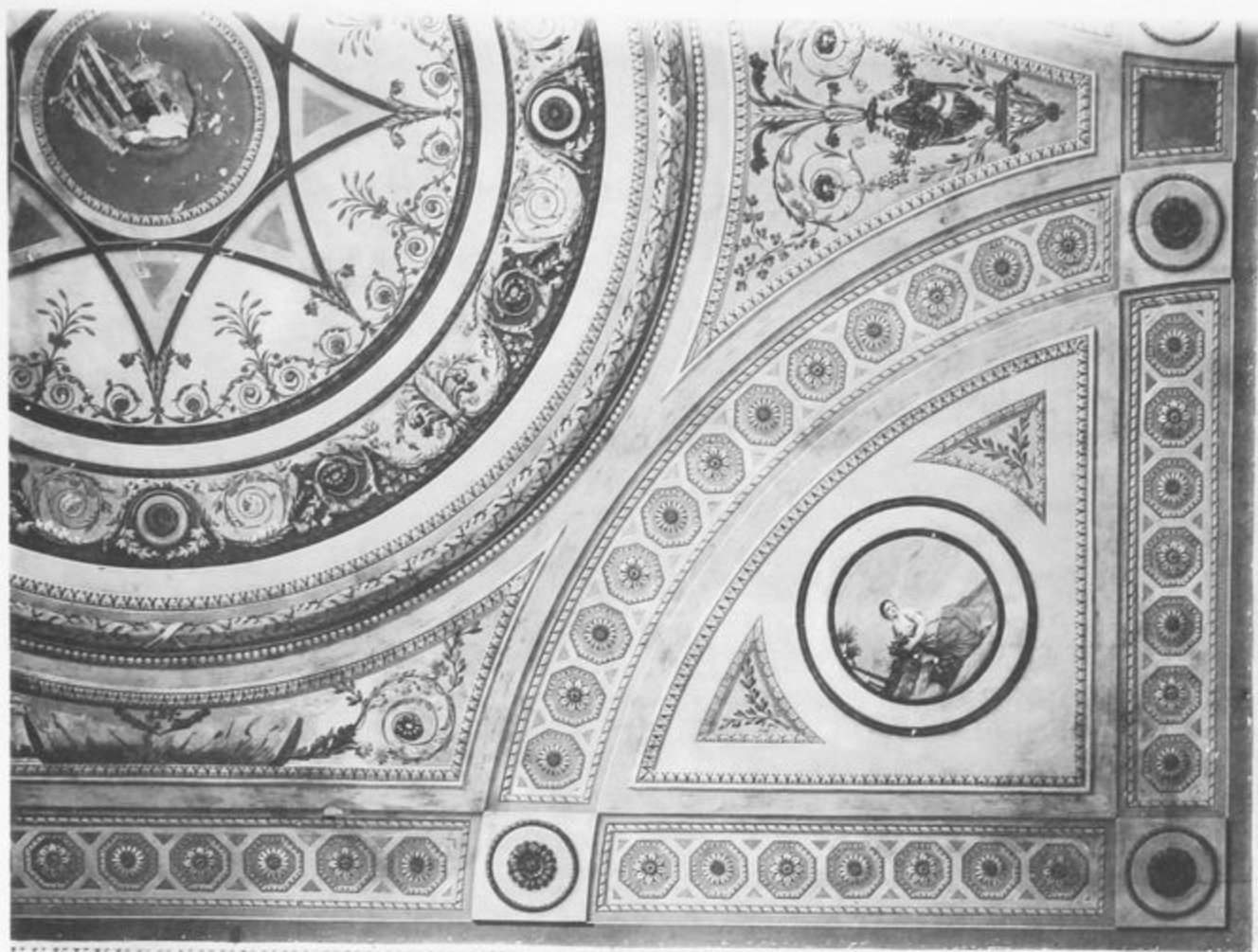
Фотогравюра Отто Ренаръ, Москва.

Ляличи. Плафонъ столовой.

БИБЛИОТЕКА
И.И. Кочеткова
в Музейной палате

Плафонъ главной гостиной.

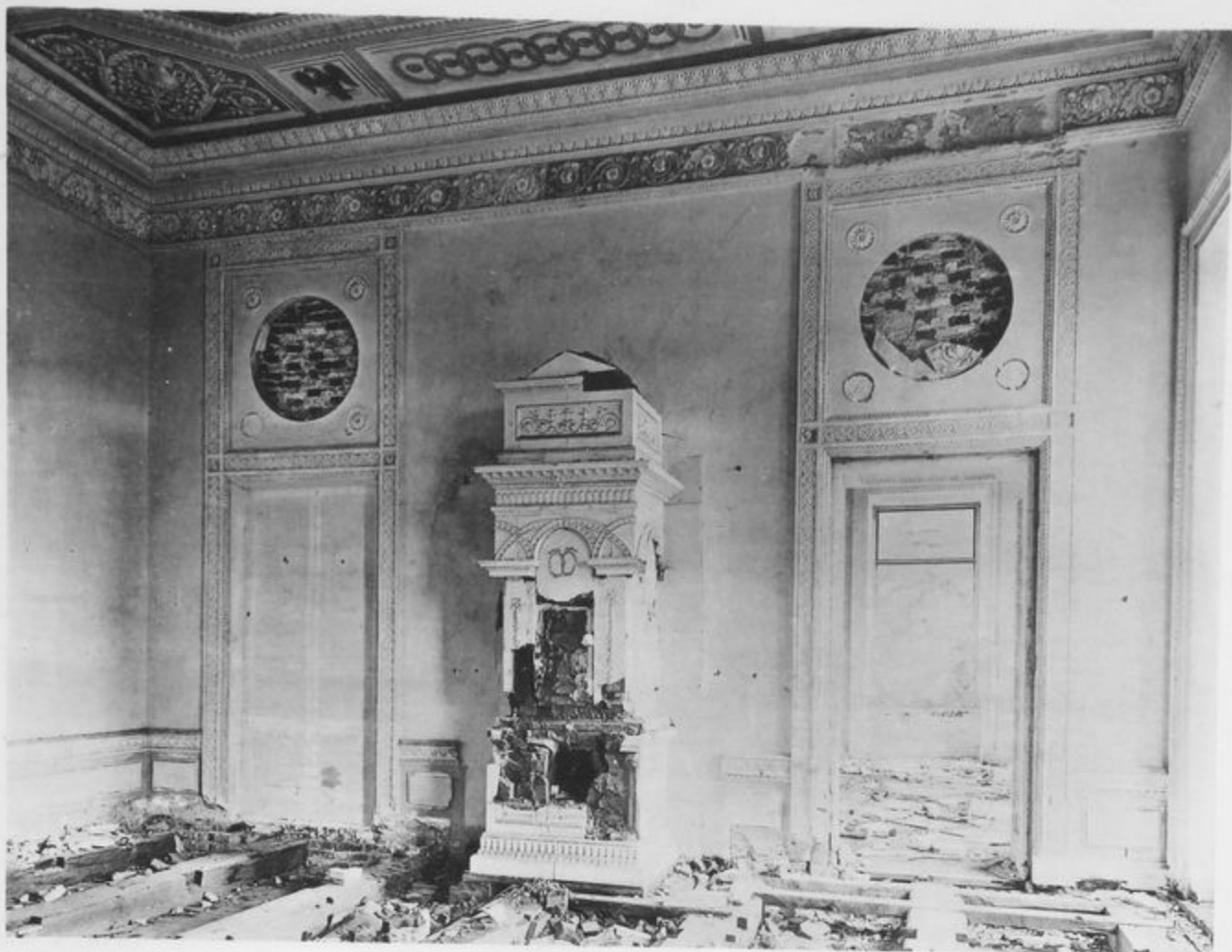

Фотограв. Отто Ренаръ, Москва.

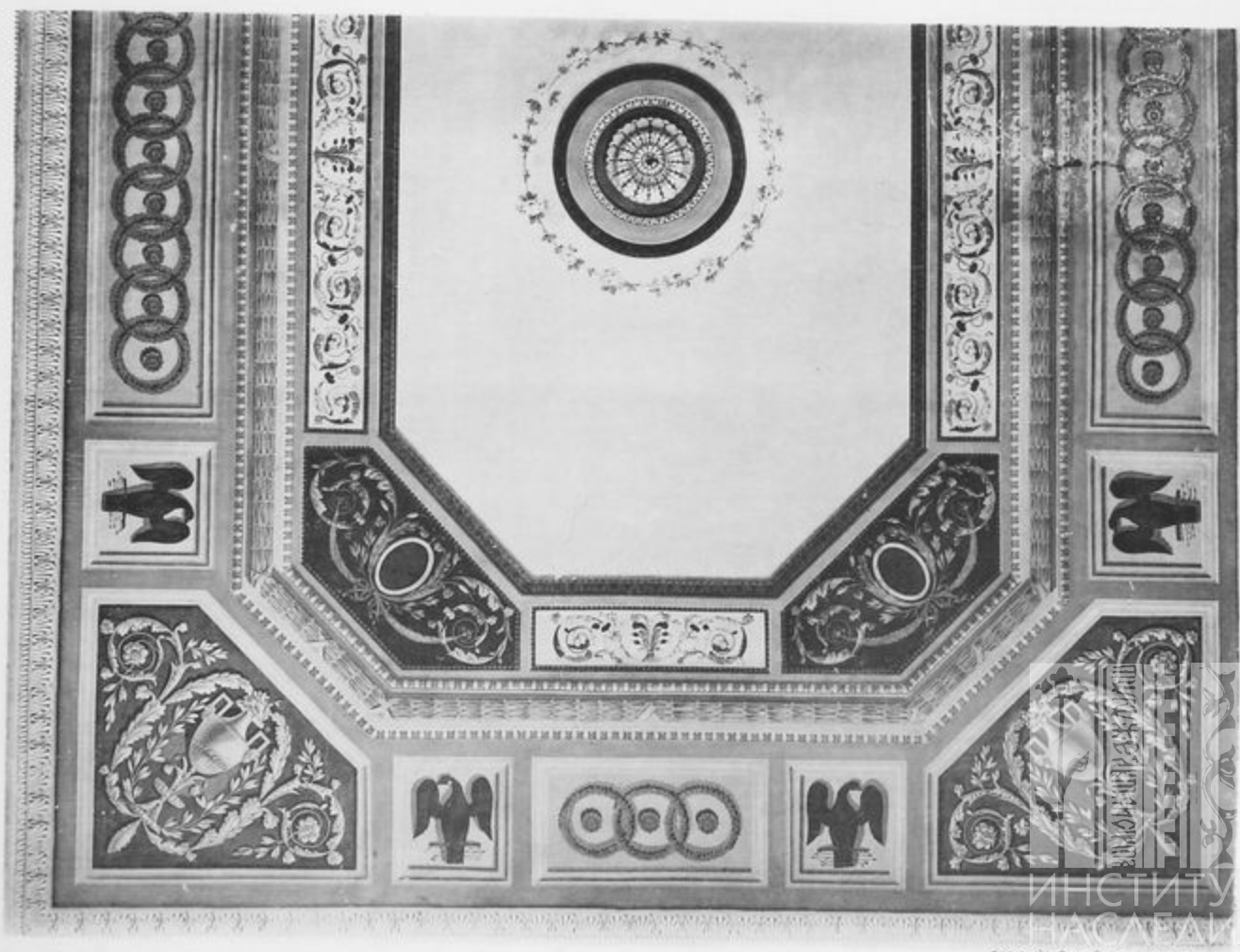
Ляличи. Главная гостинная.

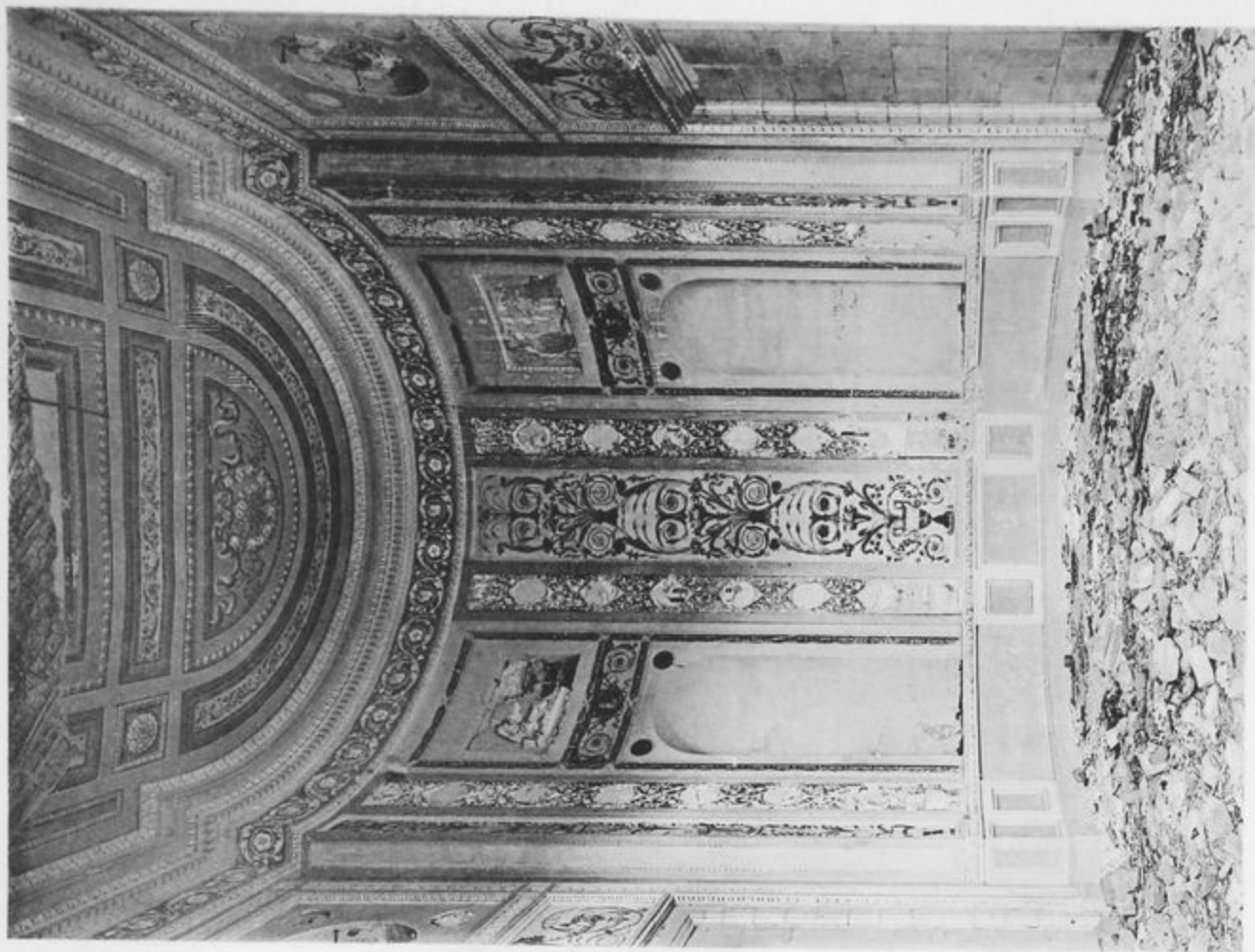

Вторая гостиная.

Ляличи. Плафонъ второй гостиной.

Фототипия Отто Ринар, Москва.

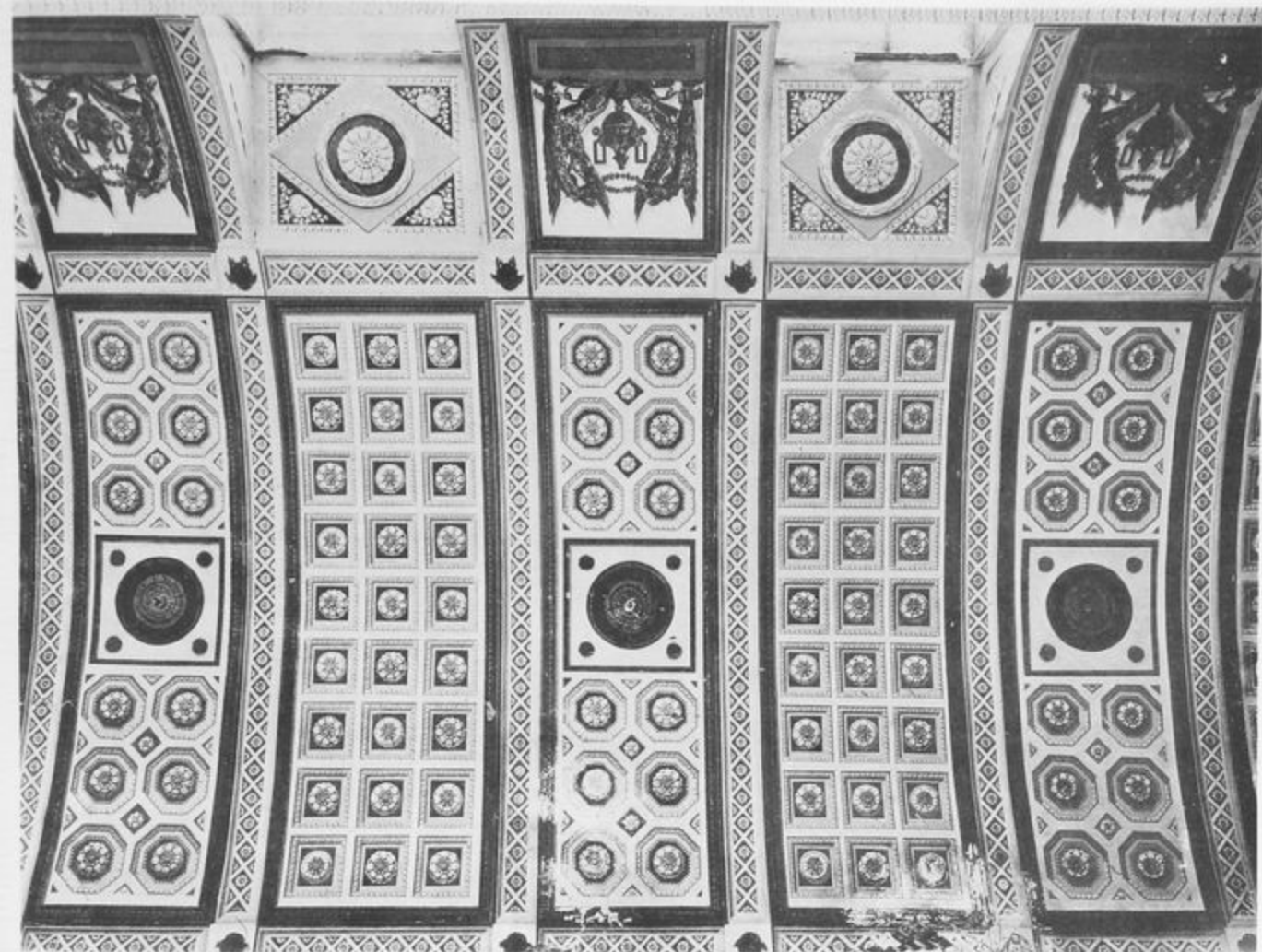

Ляличи. Будуаръ.

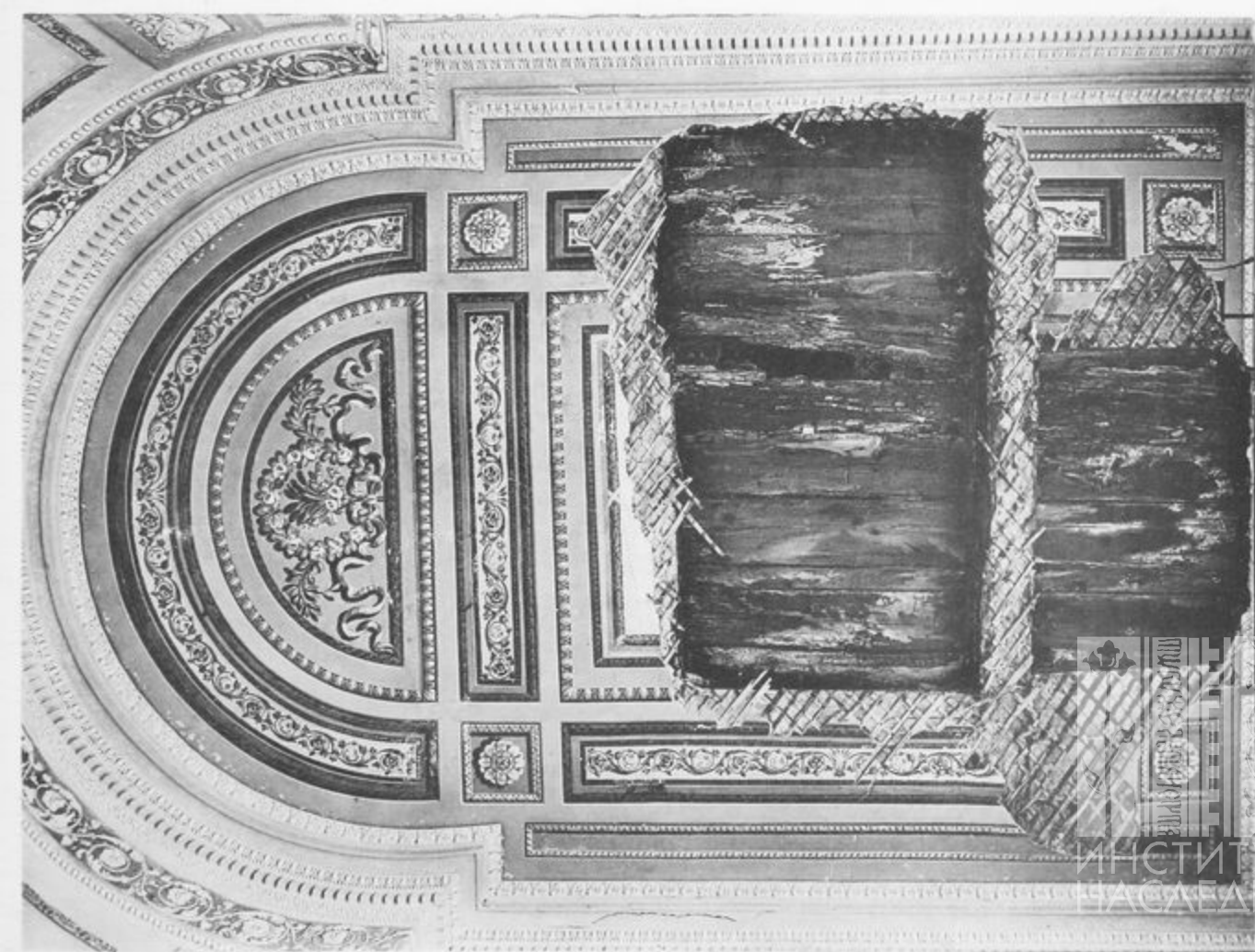

БИБЛИОТЕКА
ИИ Нага Красноводской
и Музейной ф.б.г.г.г.

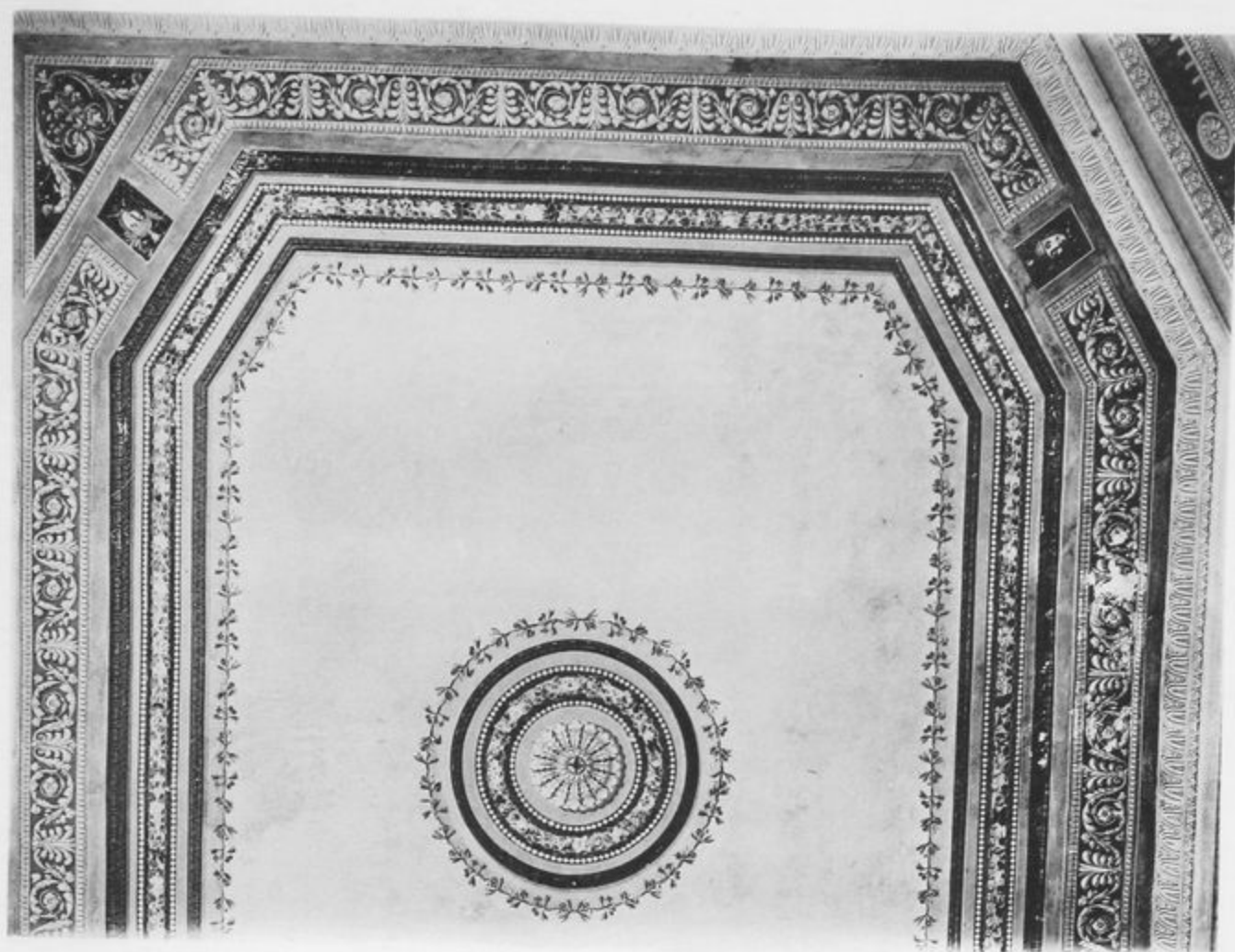
Сводъ надъ зеркальнымъ заломъ.

Ляличи. Плафонъ будуара.

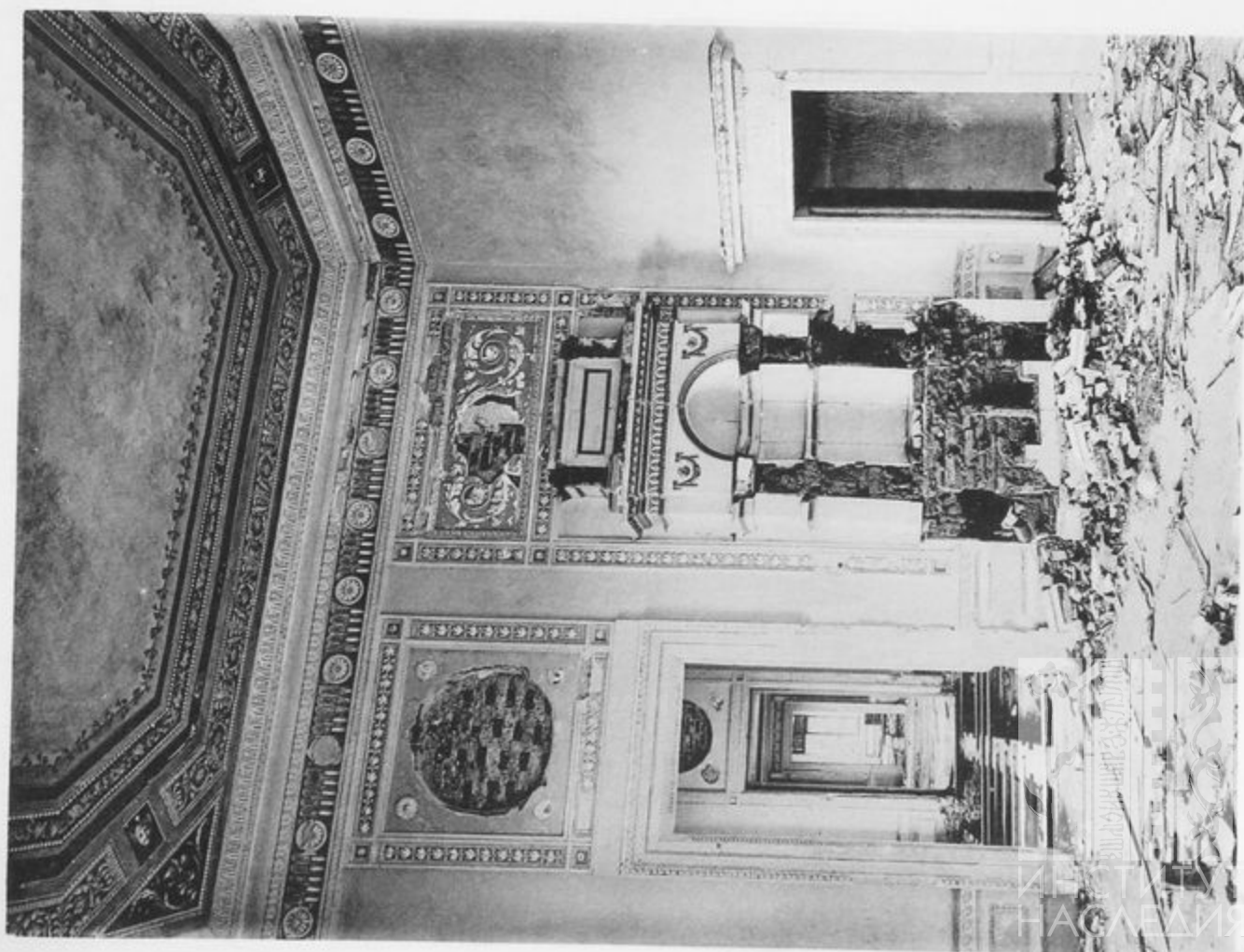

Фототипия Отто Рензля, Москва.

Плафонъ спальни.

Спальня.

Ляличи.

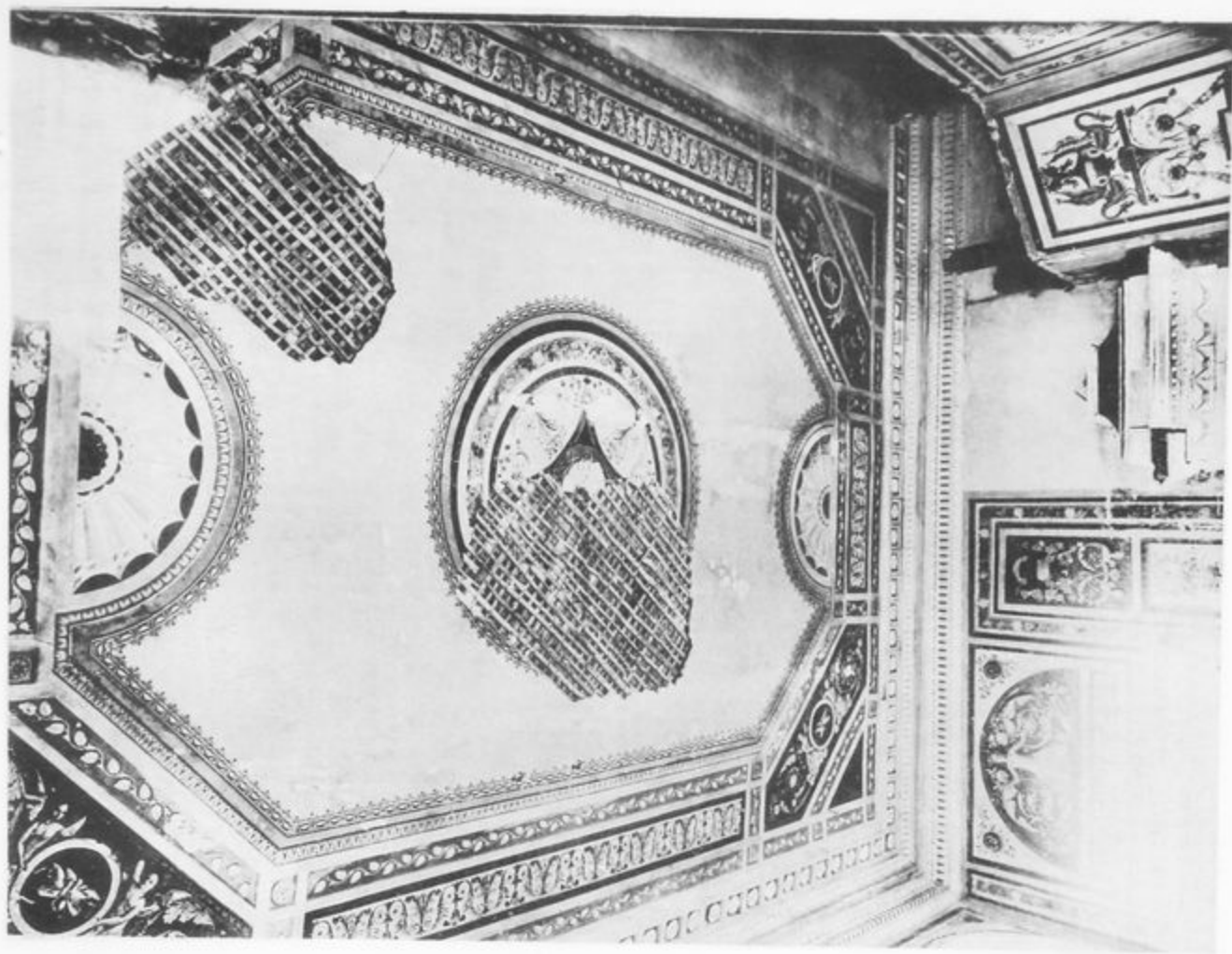

Фототипы Отто Ренар, Москва.

Ляличи. Лѣтній Дворецъ.

Плафонъ комнаты во флигелѣ.

Фотограв. Отто Ренаръ, Москва.

Ляличи. Комната во флигелѣ.

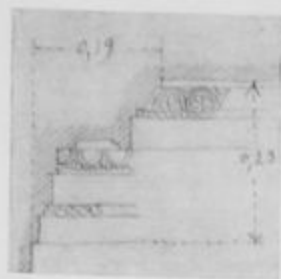
БИБЛИОТЕКА
Института Археологии
и Музейной Работы

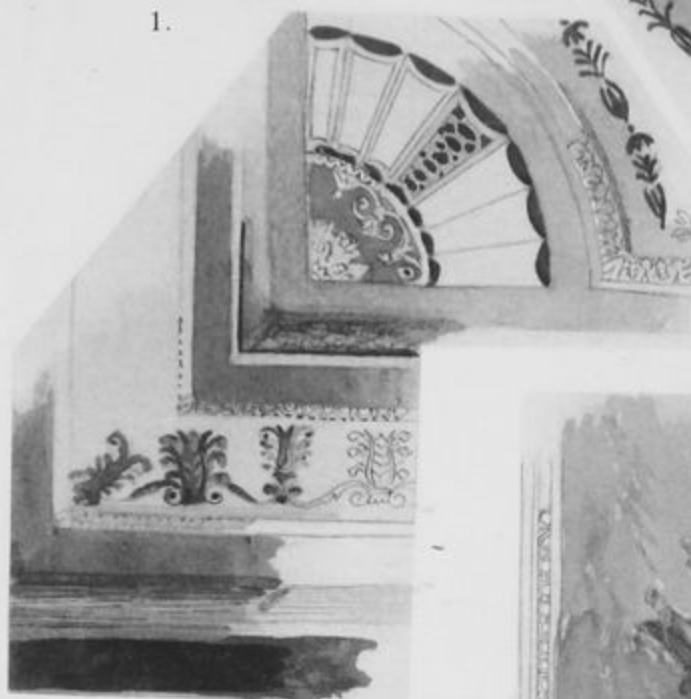

2.

1.

1.

1.

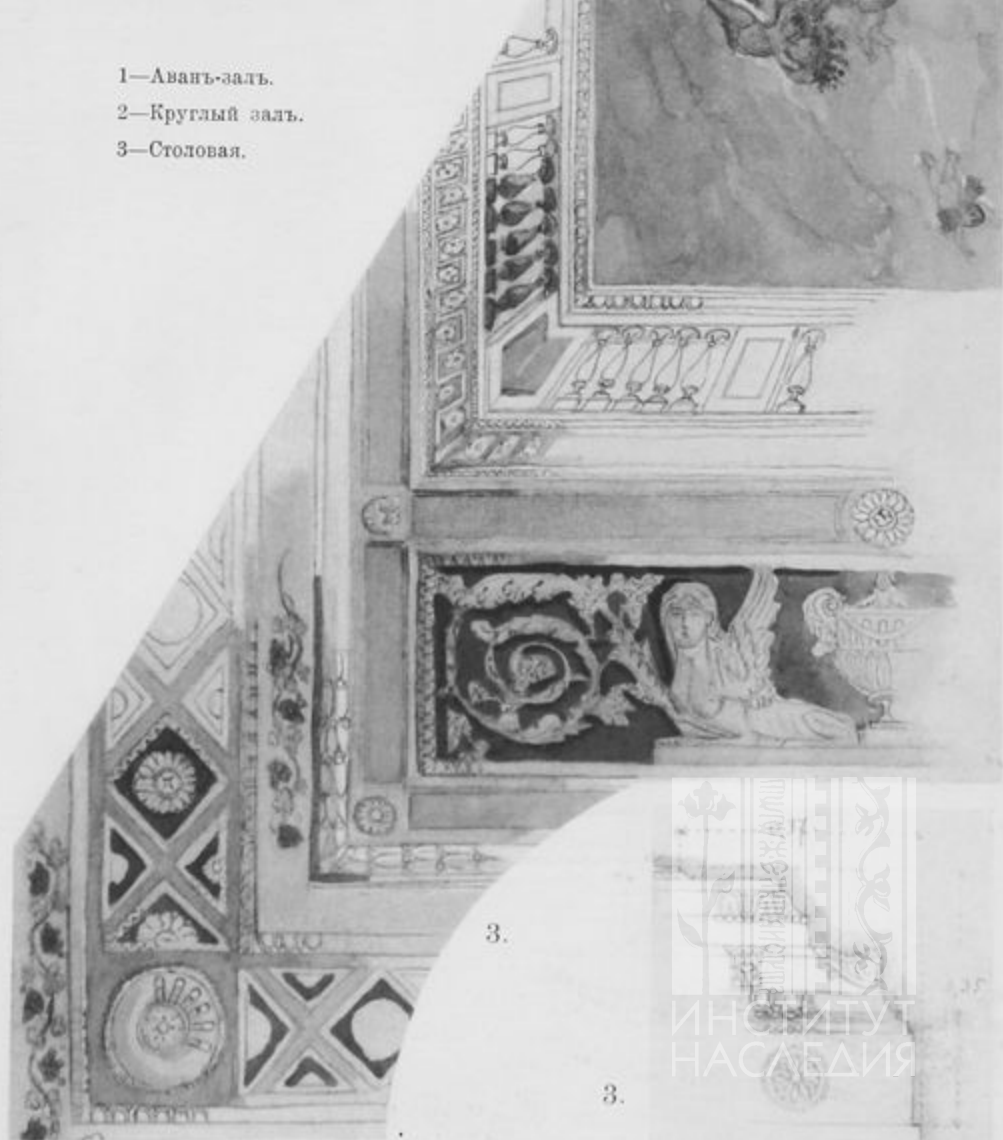

2.

- 1—Аванъ-заль.
2—Круглый заль.
3—Столовая.

2.

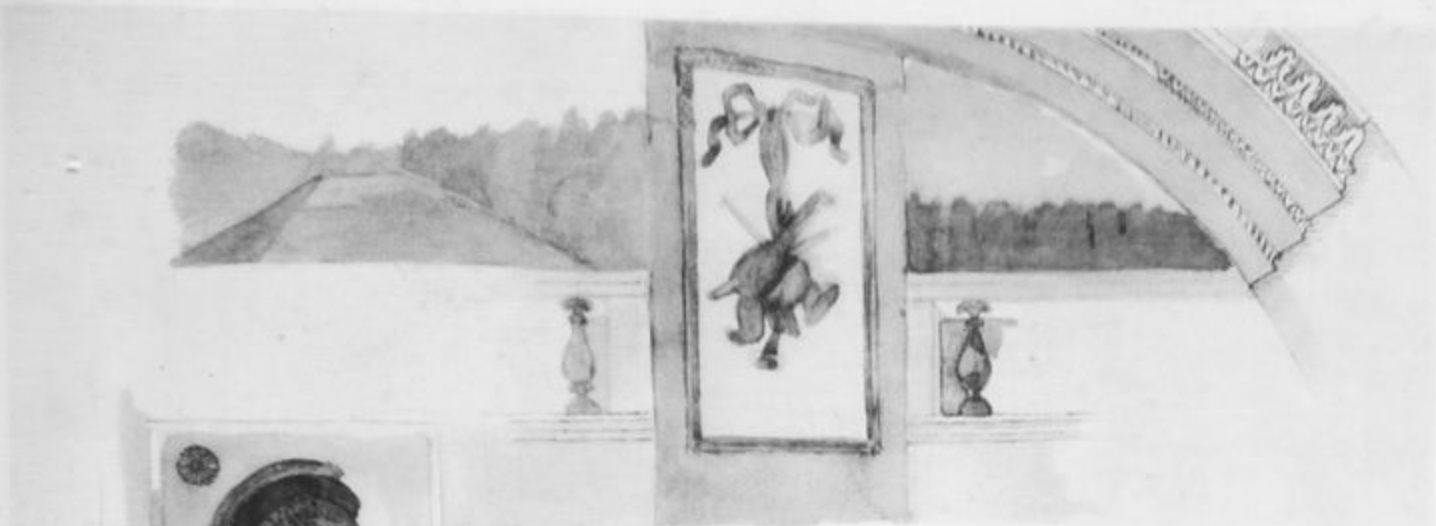

3.

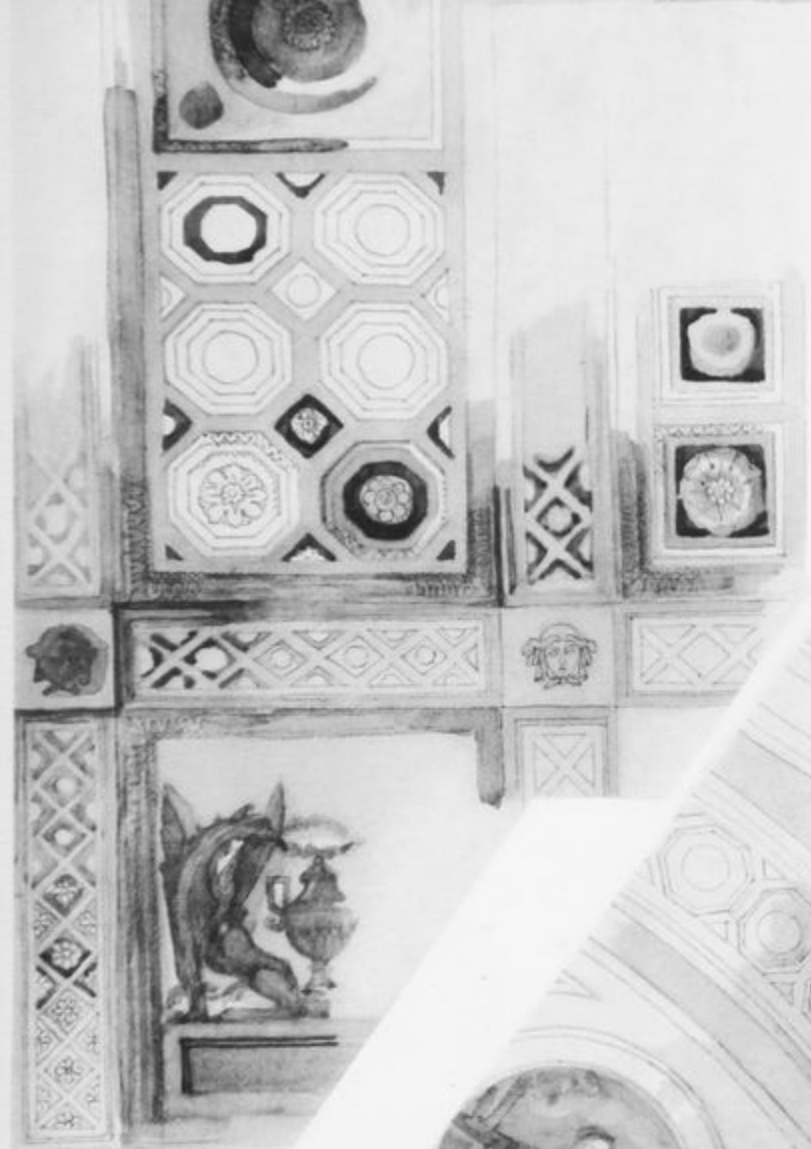
3.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ
в Ленинском районе

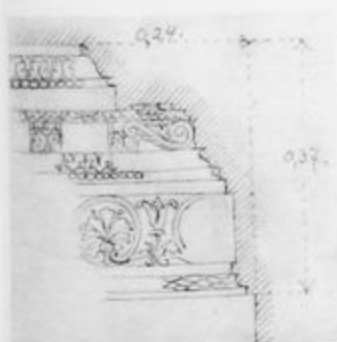

1

1.

2.

1—Зеркальный залъ.

2—Главная гостиная.

Ляличи.

Фот. П. Павлова.

Библиотека
Им. Н. И. Ильминского
в Муз. Зодч. 2-й

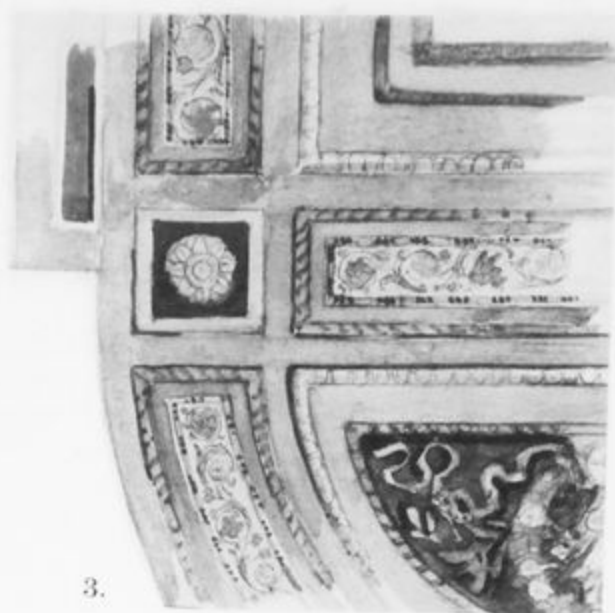

3.

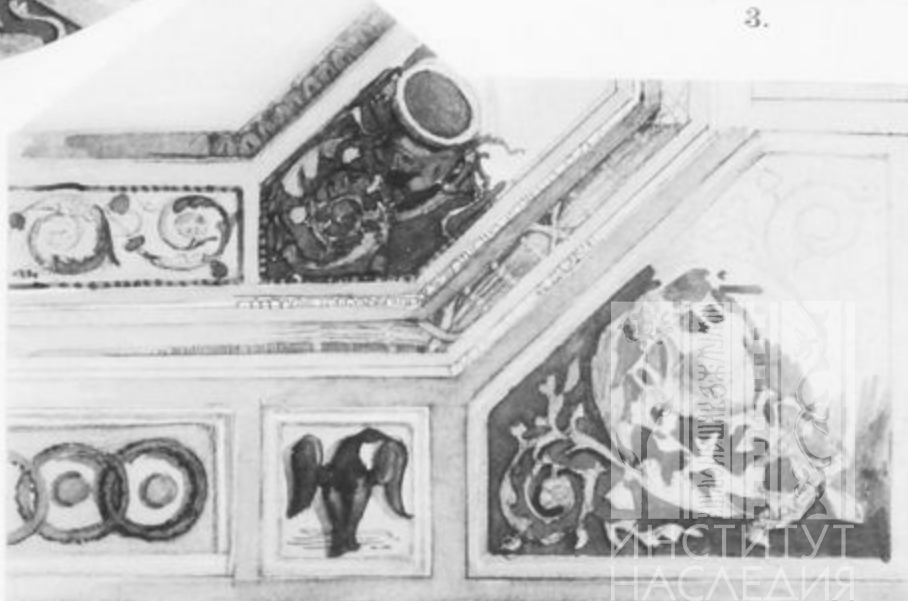
1.

3.

3.

2.

- 1—Кабинетъ графа.
- 2—Вторая гостиная.
- 3—Будуаръ.

Ляличи.

Фот. П. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
И.И. Кавказский
1919-1920

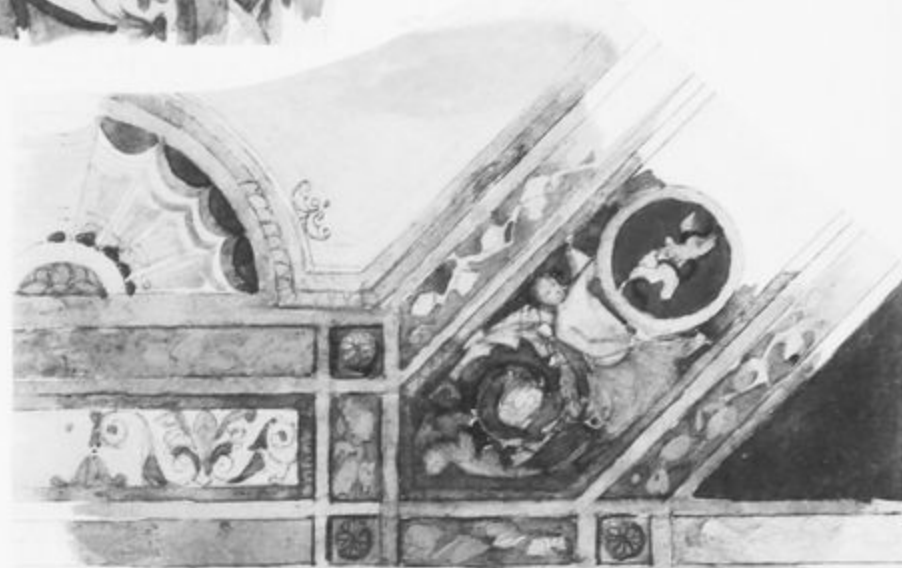

1.

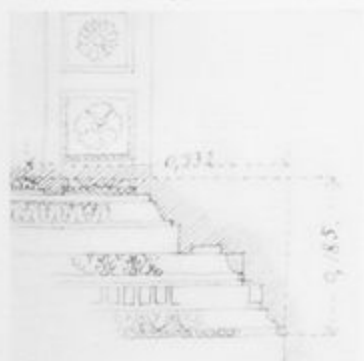
1.

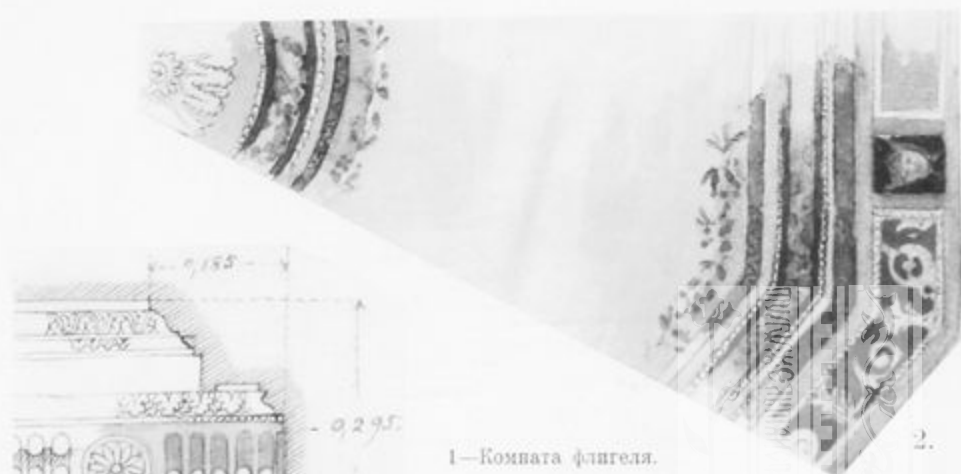
1.

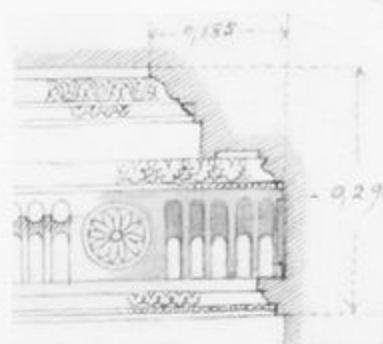
1.

1.

2.

2.

1—Комната флигеля.

2—Спальня.

Фот. И. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
И. И. Крыленко
и его работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Raum für Stenogramme.

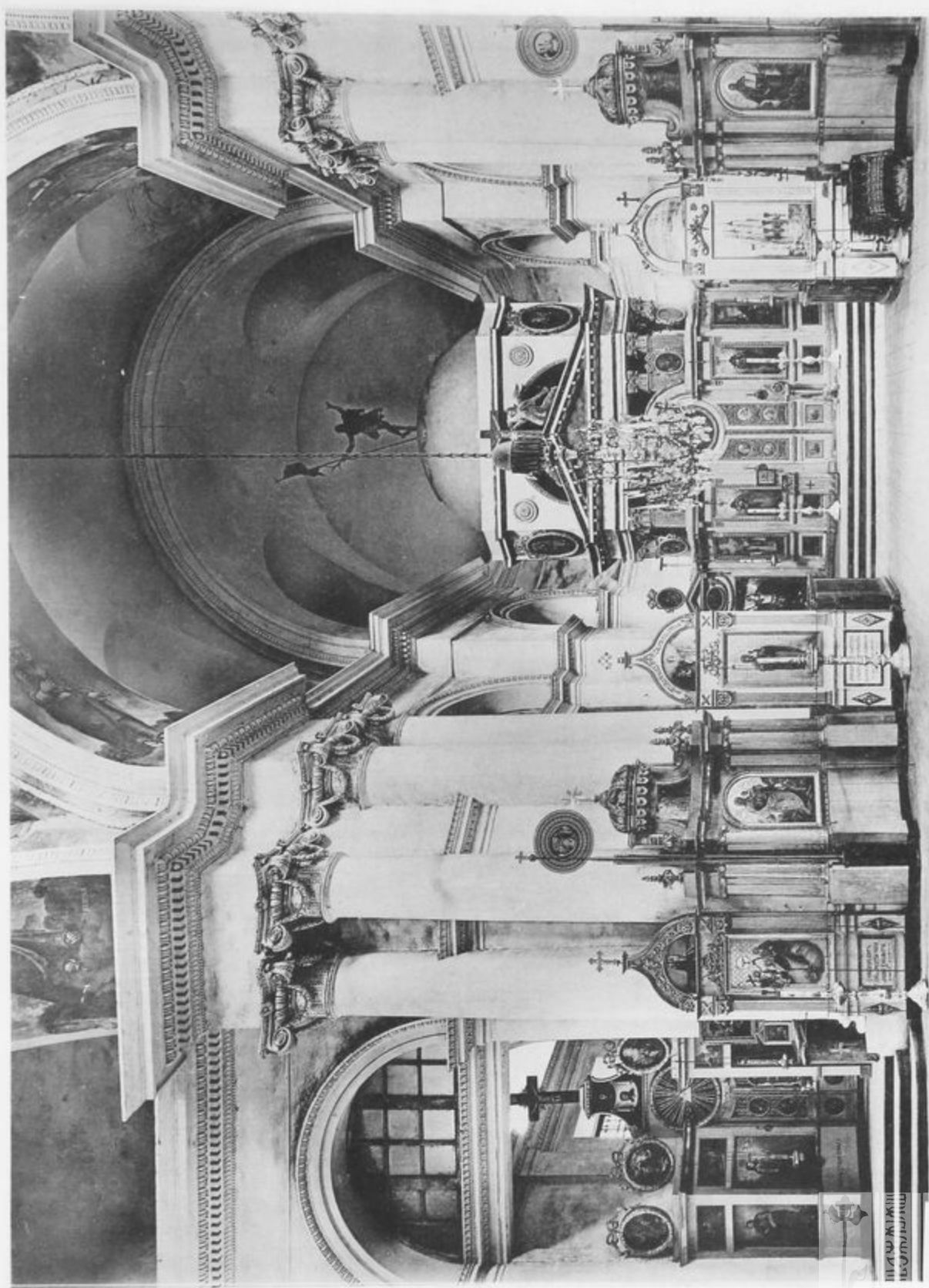

Фототипия Отто Ренар, Москва.

Ляличи. Церковь Св. Великомученицы Екатерины. Освящена въ 1797 г.

Фотография Отто Ренаръ, Москва.

Главный престолъ и придѣлъ Св. Апостоловъ Петра и Павла.
Церковь въ Ляличахъ.

Фотография Отто Рекорд, Москва

Ляличи. Иконостасъ и надпрестольная сѣнь главного престола.

БИБЛИОТЕКА
НИИ-го Крайневской
и Музей работы

фотогравюра Отто Ренар, Москва

Павильонъ для памятника.

Памятникъ Гр. Румянцева—Задунайскаго.

Ляличи.

Иконостасъ кисти В. Л. Боровиковскаго.

Ө.Ө. Горностаевъ.

Сильный и проникновенный въ области религіознаго искусства, выдающийся талантъ, художникъ — портретистъ Владимиръ Лукичъ Боровиковскій¹⁾, произведенія котораго достаточно извѣстны, написалъ цѣлый иконостасъ, состоящій изъ двадцати шести иконъ. Иконостасъ находится въ Покровской церкви села Романовки Мглинскаго уѣзда, Черниговской губ. (табл., LXXI) и мало кому извѣстенъ. Между тѣмъ онъ представляетъ высокую художественную цѣнность и доставляетъ истинное художественное наслажденіе своей экспрессіей, замѣчательной тонкостью письма и колоритомъ. Къ сожалѣнію, разрушеніе уже коснулось этихъ изящныхъ полотенъ²⁾ и многія изъ нихъ удручаютъ своимъ не поправимымъ видомъ³⁾. Исторія возникновенія этого иконостаса не сложна. Выдающаяся извѣстность художника-земляка, славнаго въ религіозной живописи, несомнѣнно побудили черниговскаго помѣщика Лашкевича пригласить Боровиковскаго написать иконостасъ для выстроеннаго имъ въ 1811 году Покровскаго храма. Судя по изяществу сооруженной церкви, Лашкевичъ былъ большой любитель и знатокъ искусства. Боровиковскій предложеніе принялъ и исполнилъ въ 1814—1815 году. У каждаго религіознаго живописца есть свое представленіе божества, божественности, святости. У Боровиковскаго оно можетъ быть пояснено словомъ, — необыкновенная высшая красота въ мірѣ любви и кротости. Всѣ лица, имъ изображаемая, идеально прекрасны и жизненны, но жизнью высшей, одухотворенной. Прекрасная тонкая выписка фигуръ его произведеній въ мельчайшихъ подробностяхъ одежды и аксессуаровъ, воспринята имъ отъ Левицкаго и Лампи и развита въ высшей степени, по всей вѣроятности, благодаря раннему занятію иконописью дома, въ семьѣ отца. Прелестная группировка и великолѣпный колоритъ довершаютъ обаятельную прелесть его композицій. Но не въ одной technikѣ и колоритѣ и, даже, не въ экспрессіи заключается чарующая, захватывающая своей

1) В. Л. Боровиковскій, уроженецъ Украины, родился въ 1757 году и умеръ въ 1825 году въ Миргородѣ Полтавской губерніи. Происходя изъ казачьей семьи, занимавшейся иконописью, онъ рано страстился къ искусству, но, благодаря лишь случаю, попалъ въ Академію Художествъ въ 1786 году (на 28 году возраста), гдѣ и учился у профессора Лампи. Ранѣе онъ пользовался совѣтами своего земляка Д. Г. Левицкаго.

2) Иконы написаны на холстѣ, наклеенномъ на доски иконъ.

3) Разрушеніе заключается въ необъяснимомъ разъѣданіи верхняго слоя краски, распространяющемся, какъ плѣсень, хотя храмъ не имѣетъ сырости и хорошо содержится. Единственное предположеніе о причинѣ разрушенія, какое можно допустить, заключается въ разрушающемъ дѣйствіи солнечныхъ лучей.

о духотворенностью, прелесть изображений. Имѣющіеся свидѣтельства и собственныя записки художника говорятъ о высокомъ религіозномъ настроеніи художника. Приступая къ какой-либо важной, религіознаго характера, работѣ, Боровиковскій отправлялся въ церковь, гдѣ слушалъ молебенъ, затѣмъ читалъ Евангеліе или житіе изображаемаго святого. Однимъ словомъ поступалъ такъ, какъ поступали старинныя иконописцы. Горячій мистикъ, близко принимавшій къ сердцу все высокое, онъ въ собраніяхъ религіознаго кружка Е. Ф. Татариновой пѣлъ, пророчествовалъ и, по его словамъ, «приходилъ въ сокрушеніе, и слезы лились». Работая надъ религіознымъ сюжетомъ, онъ прилагалъ всю глубину психическаго анализа и входилъ, по его же словамъ, «въ проникновенность высокимъ религіознымъ настроеніемъ». Изображаемые имъ религіозныя сюжеты, несмотря на то, что по стилю и характеру своему болѣе приближались къ картинамъ западной католической трактовки, носятъ глубокой православный характеръ. Это не просто изображеніе событій, это не просто картины, а иконы, и въ нихъ Боровиковскій, какъ бывшій иконописецъ, остался вѣренъ себѣ. Это и есть высшее достоинство художника, сумѣвшаго въ конкретныхъ условныхъ формахъ передать чувство своей вѣры. Произведенія Боровиковскаго поэтичны, чарующи, понятны, и нѣтъ на Руси уголка, гдѣ бы не нашлось копій съ его извѣстныхъ произведеній. Его произведенія въ свое время были много популярнѣе, чѣмъ въ настоящее время произведенія кисти В. М. Васнецова.

Романовскій иконостасъ (табл. LXXII) представляетъ довольно распространенный въ то время приѣмъ триумфальной арки, въ стилѣ «Empire», увѣнчанной фигурой Христа, во славу, съ сіяніемъ вокругъ. По самой аркѣ, въ кругахъ, расположены апостолы (табл. LXXIII). Арку поддерживаютъ устои, всѣ три стороны которыхъ заняты иконами, съ лица и съ внѣшнихъ боковъ — мѣстными и съ внутреннихъ — иконами Архангеловъ, на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ. Надъ ними помѣщены изображенія Нерукотвореннаго Спаса и усѣкновенной главы Іоанна Предтечи¹⁾. Въ глубинѣ арки помѣщенъ высокій порталъ царскихъ вратъ, увѣнчанный группой «Распятія». (табл. LXXIV). Его своеобразный силуэтъ рисуется въ серединѣ триумфальной арки и служитъ центральнымъ пунктомъ всей композиціи иконостаса. Ниже «Распятія», въ аттикѣ портала, находится изображеніе «Тайной вечери», почти дословное повтореніе извѣстной «Тайной вечери» Леонардо да Винчи, находящейся въ трапезной монастыря Santa Maria delle Grazie въ Миланѣ. Разница встрѣчается прежде всего въ размѣрѣ, хотя Боровиковскій, какъ завзятый миниатюристъ, легко справился съ значительнымъ уменьшеніемъ, и фигуры Спасителя и Апостоловъ вѣрны оригиналу. Затѣмъ выдвинуты по другую, ближайшую, сторону стола фигуры Іуды, съ лѣвой стороны, и стоящая фигура апостола Филиппа, съ правой. Видоизмѣнена нѣсколько и обстановка: надъ головой Христа помѣщены «скрижали завета», съ двумя горящими свѣчами по сторонамъ. Ниже «Тайной вечери», въ неподвижной фрамугѣ царскихъ вратъ, помѣщено, небольшое по величинѣ, изображеніе

¹⁾ Ни внѣшнихъ боковыхъ иконъ устоя арки ни внутреннихъ — сѣверныхъ и южныхъ дверей, а также и изображеній надъ ними, не видно на общемъ видѣ иконостаса.

«Благовѣщенія», окруженное сіяніемъ, — очень тонкое и сложное по письму, но, къ сожалѣнію, помѣщенное слишкомъ высоко (табл. LXXX, I). На полотнахъ царскихъ вратъ, въ медальонахъ, размѣщены въ обычномъ порядкѣ фигуры Евангелистовъ (табл. таже 2—5). Направо и налево отъ царскихъ вратъ, замыкая пролетъ триумфальной арки, находятся мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, а надъ ними, въ полуциркуляхъ, — сонмы Пророковъ. Весь иконостасъ производитъ впечатлѣніе необыкновеннаго изящества, стройности и согласованности живописи и архитектуры. Обильное, но не рѣзкое, освѣщеніе придаетъ иконостасу мягкость и воздушность.

Мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, направо и налево отъ царскихъ вратъ (табл. LXXV), написаны во весь ростъ. Спаситель, съ сильно выраженнымъ назарейскимъ типомъ, благословляетъ прогвожденной рукой, другая рука покинута на груди. Христосъ изображенъ стоящимъ на сферѣ, олицетворяющей землю, изъ-за которой виднѣется солнце. За спиной Христа, слѣва, большой крестъ, а надъ головой — парящій голубь (Духъ Святой). Вдали, вверху, указующій Саваоѣ, кругомъ Ангелы. Богоматерь, съ Младенцемъ на рукахъ, въ которомъ также удачно выраженъ назарейскій типъ, тоже помѣщена на сферѣ среди сонма безчисленныхъ Серафимовъ. Мистическій широкій нимбъ изъ двѣнадцати звѣздъ окружаетъ голову Богоматери и мягкій фантастическій, не земной свѣтъ, исходитъ изъ знаковъ **МР. ѦV.**¹⁾

Традиціонныя изображенія «Благовѣщенія» и Евангелистовъ въ рукахъ Боровиковскаго нашли особое выраженіе. Въ «Благовѣщеніи» съ необыкновеннымъ подъемомъ, мистически глубоко, переданъ совершающійся великій моментъ. Всѣ небесныя силы присутствуютъ тутъ, ими напоенъ воздухъ. Особенно ярко и сильно выраженъ сходящій Св. Духъ, стремительный ореолъ котораго освѣщаетъ всю группу, придавая ей таинственно глубокое выраженіе. Особенно великолѣпно освѣщеніе Архангела Гавріила. Въ ликахъ Евангелистовъ сильно проведена соотвѣтствующая ихъ духу экспрессія. Сосредоточенно задумчивый Евангелистъ Матѳей изображенъ спокойно пишущимъ свое повѣствованіе. Углубившійся Маркъ съ созрѣвшей мыслью уже заноситъ руку надъ хартіей. Прекрасно изображеніе Евангелиста Луки, какъ бы обдумывающаго изложеніе своего повѣствованія; хартія его еще закрыта. Вдохновенно восхищенъ Евангелистъ Іоаннъ, высоко приподнятая его рука какъ бы спѣшитъ на лету схватить вдохновенныя мысли²⁾... Особенной глубиной выраженія отличаются изображенія Архангеловъ Гавріила и Михаила на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ (табл. LXXVI), помѣщенныхъ въ устояхъ триумфальной арки съ боковъ³⁾. Архангелъ Гавріиль, вѣстникъ мира, съ цвѣткомъ лиліи и каменнымъ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ и съ зажженнымъ фонаремъ въ правой, какъ бы освѣщаетъ тьму, разсѣивающуюся при его приближеніи⁴⁾. Архангелъ устремилъ взоръ на небо, откуда исходитъ свѣтъ, какъ бы вслушиваясь въ повелѣнія Господни. Внизу блѣдный разсвѣтъ. Архангелъ Михаилъ

¹⁾ На этой великолѣпной иконѣ сильно попорченъ фонъ, изображающій сонмъ Серафимовъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, разрушеніе сильно коснулось этой прелестной головы.

³⁾ Ихъ не видно въ общемъ видѣ иконостаса.

⁴⁾ Гавріиль значитъ — свѣтъ. Фонарь, лилія и каменное полированное зеркало приеущіе Архангелу Гавріилу атрибуты.

въ кольчугѣ стремительно спускается во тьму, готовый разить своимъ страшнымъ огненнымъ мечемъ; въ лѣвой рукѣ его щитъ. Архистратигъ не имѣетъ грознаго вида, лицо его спокойно и увѣрено. Свѣтъ прорывается сверху, смутно освѣщая силуэты горъ надъ головой архистратига; внизу — пропасть тьмы... Оба изображенія чрезвычайно эффектны въ принятыхъ контрастахъ и колоритъ ихъ чуденъ. Фигуры Архангеловъ полны движенія и выразительны въ своемъ летящемъ положеніи.

Сверхъ сѣверныхъ и южныхъ дверей помѣщены оригинальныя изображенія «Нерукотвореннаго Спаса» и «Усѣкновенной главы св. Іоанна Предтечи» (табл. LXXIX). Ихъ необыкновенная реальность и выписка до степени рельефа оригинально сочетаются съ глубокимъ мистическимъ оттѣнкомъ, придаваемымъ имъ аксессуарами. Особенно отличается этимъ голова Предтечи, освѣщаемая лампадой и окутанная дымкой фиміама. И что-то необыкновенное придаетъ «Нерукотворенному Спасу» до иллюзіи выписанная горящая свѣча. Сонмы пророковъ помѣщенные въ полукругахъ надъ иконами Спасителя и Богоматери, прелестны въ красочной гармоніи цвѣтовъ (табл. LXXIX). Ихъ вдохновенныя выразительныя лица, къ сожалѣнію, чрезвычайно попорчены; лѣвая икона, надъ Богоматерью, почти разрушена совсѣмъ.

Потрясающее впечатлѣніе производитъ группа «Распятія» (табл. LXXIV), экспрессивно передающая напряженное душевное страданіе, какъ бы переходящее въ физическую боль. Особенно выразительна Богоматерь: скорбь ея неизрѣченна, невыносима и она въ отчаяніи и изнеможеніи ломаетъ руки. Св. Іоаннъ, затаивъ дыханіе, какъ бы самъ ощущаетъ страданія Христа... Глубокой печалью и страданіемъ вѣетъ отъ этого высоко художественнаго произведенія.

Мѣстная храмовая икона Покрова Пр. Богородицы, находящаяся въ правомъ устоѣ триумфальной арки (табл. LXXVII), по своему значенію является главной и, конечно, на ней Боровиковскій остановилъ особое вниманіе. Это цѣлая картина, съ эффектомъ размѣщеніемъ пятенъ, прекрасно задуманная и широко написанная. Здѣсь слиты воедино и экспрессія, и колоритъ, и превосходно выдержана борьба двухъ освѣщеній. Главное вниманіе приковываетъ молящаяся передъ Христомъ Богоматерь среди сонма Ангеловъ. Глубокимъ мистическимъ выраженіемъ вѣетъ отъ этой чудной группы, парящей въ воздухѣ, вверху, надъ головами молящихся въ ярко освѣщенномъ храмѣ. Внизу эффектны двѣ фигуры «видящихъ» старика и женщины съ выраженіемъ испуга, молитвы и восторга въ лицахъ. Среди колѣнопреклоненныхъ молящихся видятъ портретъ храмоздателя. Эта чудная икона цѣнна еще тѣмъ, что на ней имѣется подпись автора. Икона Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, помѣщенная въ правомъ устоѣ триумфальной арки (табл. таже), замѣчательна чуднымъ колоритомъ и прекрасной экспрессіей фигуръ. Вѣра — тихая сосредоточенность, со сложенными руками на груди, въ нихъ пальма. Надежда — съ ожиданіемъ и мольбой глядящая вверху, въ небеса. Любовь изображена со сложенными руками и опущенными глазами, съ тихимъ выраженіемъ покоя на лицѣ¹⁾. Софія, страдающая за дочерей, изображена съ выраженіемъ глубокой вѣры и скорби. Вверху,

1) Лицо ея сильно попорчено. И, вообще, икона сильно пострадала — вся въ пятнахъ.

въ лучѣ, Архангелъ и Ангелы. Изображенія Апостоловъ въ медальонахъ триумфальной арки (табл. LXXIII) замыкаются въ центрѣ изображеніемъ «Всевиद्याщаго Ока», поверхъ котораго на облакахъ паритъ Христосъ — «Царь Славы», сидящій на престолѣ съ тиарой на головѣ. Лѣвою рукой упирается Онъ на Евангеліе; кругомъ символы Евангелистовъ и Ангелы. Христосъ изображенъ Царемъ царствующихъ и Богомъ въ Силахъ.

Съ боковъ иконостаса, по сторонамъ устоевъ триумфальной арки, помѣщены двѣ остальныхъ мѣстныхъ иконы¹⁾, изображающія Св. Царицу Александру и архидіакона Стефана и Св. Юліанію и Св. муч. Василия пресвитера (табл. LXXVIII). Обѣ иконы, заключающія по два изображенія Святыхъ, не имѣющихъ прямого отношенія другъ къ другу, очевидно изображаютъ патроновъ семейства храмоздателя. Изумительная выписка фигуръ до мелочей, замѣчательныя позы и выраженіе, при высокомъ художественномъ исполненіи и чудной гармоніи красокъ, выдвигаютъ эти иконы на первое мѣсто. Особенно возбуждаетъ высокій художественный интересъ икона лѣваго устоя арки. Лица Св. Царицы Александры и архидіакона Стефана дышатъ, чистой, не земной красотой и убѣжденной свѣтлой вѣрой. Міръ свѣта, радости, покоя снисшелъ на нихъ! Глаза ихъ съ кроткою любовью и глубокой вѣрой устремлены вверхъ, гдѣ высоко, въ отверстомъ небѣ, виднѣется «Отечество» среди сонма Серафимовъ. Вдали, на горизонтѣ, виденъ храмъ, а внизу, въ ногахъ архидіакона — камни. Сила и свѣжесть красокъ этой чудной иконы невѣроятны, а фигурамъ приданъ до иллюзіи сильный рельефъ.

Икона Св. Юліаніи и Св. муч. Василия пресвитера нѣсколько уступаетъ по силѣ красокъ, но зато выигрываетъ въ мягкости при великолѣпномъ колоритѣ. Особенно красива фигура св. Юліаніи съ опущеннымъ долу взоромъ, съ пальмою въ рукахъ. Лучъ свѣта освѣщаетъ ее лицо; въ лучѣ — сходящій Св. Духъ и Серафимы.

Въ написаніи всѣхъ иконъ иконостаса чувствуется любовное отношеніе и страстное стремленіе передать мистическую тайну и силу божества. Всѣ эти свѣтящіеся нимбы, стремящіеся ореолы и внутренній «небесный свѣтъ», при соотвѣтствующемъ выраженіи лицъ, достигаютъ цѣли и вводятъ въ композицію высокое религіозное настроеніе.

В. Л. Боровиковскій по праву долженъ считаться первымъ русскимъ религіозной живописи художникомъ, затронувшимъ область того мистицизма, который затѣмъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, такъ ярко выразилъ въ своихъ евангельскихъ и библейскихъ эскизахъ знаменитый А. А. Ивановъ, а за нимъ ужъ въ наше время въ своихъ наброскахъ Врубель.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о достойномъ вмѣстилищѣ описаннаго иконостаса. Покровская церковь (табл. LXXI), сооруженная въ 1811 году, отличается оригинальностью и изяществомъ при выдержанности стили. По плану она не велика размѣромъ и представляетъ компактную форму восьмигранника съ четырьмя прямоугольниками по сторонамъ, дающимъ фигурѣ плана видъ креста.

¹⁾ Не видныя въ общемъ видѣ иконостаса.
Труды XIV Съѣзда. Т. II.

Прямоугольники заканчиваются четырехколонными портиками, несущими фронтоны, по формѣ которыхъ и произведено кровельное покрытие прямоугольниковъ. Центральный восьмигранникъ, переходъ къ куполу и трибуна послѣдняго прорѣзаны четырьмя рядами, различной величины и формы, оконъ, дающими внутрь храма обильный, равномерный свѣтъ. Церковь сложена изъ кирпича и оштукатурена. Она хорошо содержится и совсѣмъ не носитъ слѣдовъ неумѣлыхъ починокъ и реставрацій¹⁾.

---

¹⁾ Въ настоящее время Покровская церковь служить сельской церковью сельца Ромаовки. Невдалекѣ находится домъ бывшихъ владѣльцевъ (постройки архитектора Ефимова), нынѣ принадлежащій г-жѣ Дуниной-Барковской, очень озабоченной порчей иконъ. Ею возбужденъ вопросъ о передачѣ иконостаса какому-либо столичному Музею.

Фототипия Отто Ренаръ, Москва.

Село Романовка. Храмъ Покрова Пресв. Богородицы.

БИБЛИОТЕКА
НИИ...
в Музейной...

Фотогипс О. Ренаръ, Москва.

Иконостасъ храма въ с. Романовка.

БИБЛИОТЕКА
ИИ Улза Крапивинской
и Музей Р-Б. 1994

Фотография Отто Ренардъ, Москва.

Спаситель и Апостолы въ надъиконостасной аркѣ

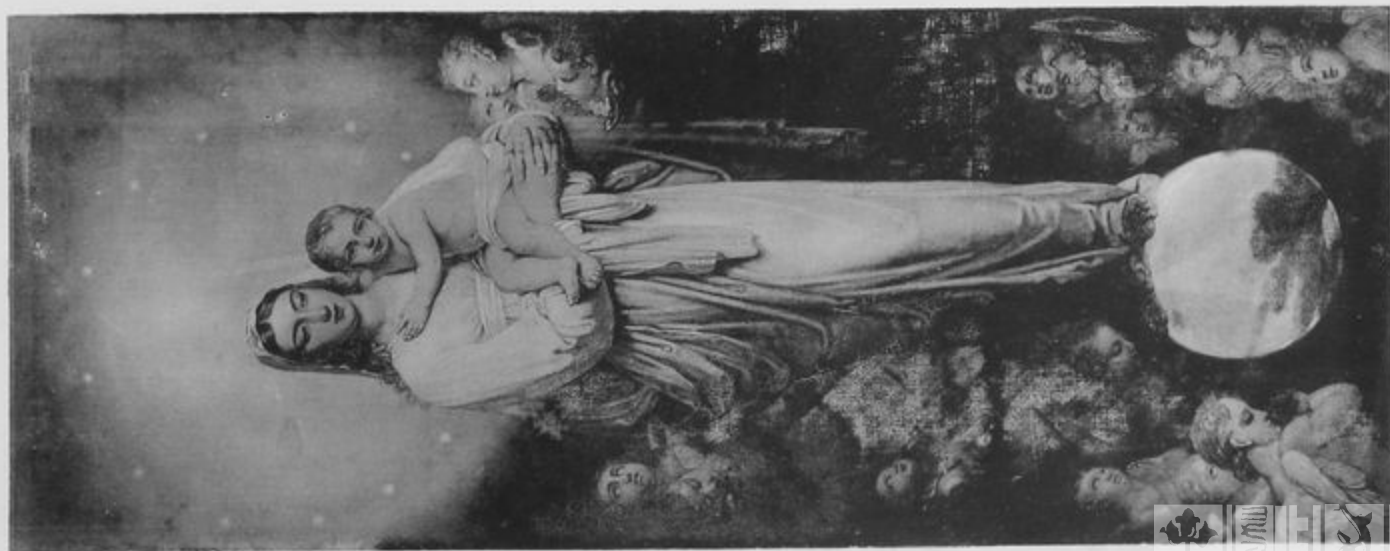
Храма въ с. Романовка.

БИБЛИОТЕКА
НИИ ЗАПРАЧЕВАН
и Музей Р. 1974

Фототипа Отто Реймаръ, Москва

Иконостаъ Боровиковскаго.

ЕВАНГЕЛИА
МИ И. И. А. Архангельской
Музыка 1917 г.

Фотокля Otto Ренар, Москва.

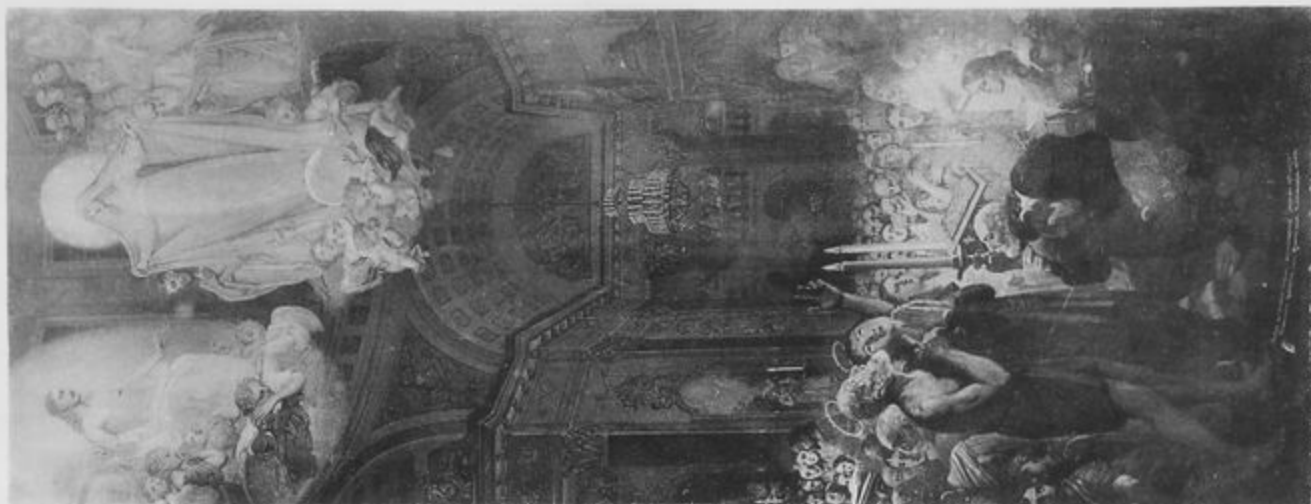
Архангелъ Михаилъ.

Архангелъ Гавріилъ.

БИБЛИОТЕКА
И. И. КРАСНОВА
и Учен. Работ.

Фототипия Отто Ренара, Москва

Икона Покрова Пресв. Богородицы.

Икона Софии, Вѣры, Надежды
и Любви.

Икона Царицы Александры и Архидиакона
Степана.

Фотомей Otto Ренаръ, Москва.

Св. Юліанія и Василій Пресвитеръ.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Археол. и этногр.
и Музей Р. Ф. Ф.

фотогипс. Отто Ренар, Москва.

Иконостасъ Боровиковскаго.

СИБИРЬ
Иркутская область
Иркутск

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

2.

3.

1.

4.

5.

Фототкаля Отто Ренаръ, Москва.

Иконостасъ Боровиковскаго.